

ТОМ 3

АНТОЛОГИЯ САМИЗДАТА

АНТОЛОГИЯ

САМИЗДАТА

ТОМ 3

ESSAY

СТНИИ

О СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Чуде
Автокефалия американской
Тейар де Шарден
России

ОСЛЕВ

IV
1978

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
издание избранных материалов

Христианский комитет
Иеродиакон Варсонофий Хайбулин, Виктор Капитанчук,
священник Глеб Якунин. Москва, 1978 г.

ГРАНИ

GRANI

100

1976

ДЕМОКРАТИИ
на Пушкинской площади
22 января 1967 года

Сборник документов
под редакцией
Павла ЛИТВИНОВА

ический
дневник

ВРЕМЕНИ

ГОДЫ С БОРИСОМ
ПАСТЕРНАКОМ

АМСТЕРДАМ · 1972
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

ИТ 1

TINENT KONTINENT
YNENT KONTINENT

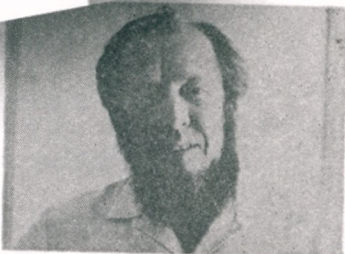
ЖОРВЕЛЛ

СКОПСК
УДЮ

ра-
ет Континенту,
умеет этот голос внуши-
тельно выразить. Горе (и близкое)
Западной Европе, если слух ее
останется равнодушен. Пожелания
нередко превосходят то, что сбы-
вается потом на самом деле.
Пусть в этом случае произойдет
иначе.»

А. Солженицын

«Но думается, что этот человек,
одинаково познавший и деятель-
ную жизнь, и созерцание, далеко
еще не произнес своего послед-
него слова. Из жестокости и ску-
дости Балкан, из смуты гражда-
нской войны вырос человек, рас-
пространяющий вокруг себя муд-
рость и доброту. За одно то, что
он показал ему такой пример, мир
должен быть благодарен Милова-
ну Джиласу.»

К. Штрем

рашивает для се-
ских сил, ибо ее
крылами Божь-
ий образ церк-
вет побиение
ана. Я ука-
извал вен-
руга кам-
детелям
и Церк-

АНТОЛОГИЯ САМИЗДАТА

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР

1950-е — 1980-е

ББК 63.3(2)6-7
УДК 94(47).084.9

Под общей редакцией *В.В. Игрунова*

Автор проекта и составитель *М. Ш. Барбакадзе*
Редактор *Е. С. Шварц*

Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. / Под общей редакцией В.В. Игрунова. Составитель: М.Ш. Барбакадзе. – М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. – В 3-х томах, ил.

«Антология самиздата» открывает перед читателями ту часть нашего прошлого, которая никогда не была достоянием официальной истории. Тем не менее, в среде неофициальной культуры, порождением которой был Самиздат, выкристаллизовались идеи, оказавшие колоссальное влияние на ход истории, прежде всего, советской и постсоветской. Молодому поколению почти не известно происхождение современных идеологий и современной политической системы России. «Антология самиздата» позволяет в значительной мере заполнить этот пробел.

В «Антологии» собраны наиболее представительные произведения, ходившие в Самиздате в 50 – 80-е годы, повлиявшие на умонастроения советской интеллигенции. В сборнике представлен широкий жанровый и идеологический спектр, наилучшим образом показывающий разноплановость неподцензурной культуры. Кроме того, «Антология» дает представление о возникновении независимых общественных движений в СССР.

Международный институт гуманитарно-политических исследований.

Почтовый адрес:
125009, Россия, Москва, Газетный пер., дом 5, офис 506, ИГПИ

Электронная почта:
antology@igpi.ru

Адрес в сети Интернет:
<http://antology.igrunov.ru>
<http://www.igpi.ru>

ISBN 5-89793-035-X
ISBN 5-89793-034-1 (Том 3)

АНТОЛОГИЯ САМИЗДАТА

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР

1950-е — 1980-е

ТОМ 3

после 1973 года

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОСКВА, 2005

...Самиздат — явление уникальное и уже не повторится никогда. Не потому, что у властей нынешних или будущих никогда не появится соблазна ограничить гражданам доступ к информации и идеям, властям не симпатичным, а потому, что в век Интернета это уже, слава Богу, сделать невозможно».

**Людмила Алексеева,
Председатель Московской Хельсинкской группы**

...Самиздат был явлением действительно свободной литературы, свободной мысли и настоящего гражданского мужества. Я думаю, эти три качества уже определяют значимость и важность этого многотомного цикла...

**Ясен Засурский,
декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова**

Хорошо известно, что существует два типа героизма: мужество воина — защитника отечества, спасателя — защитника близких людей. Оно заслуживает всяческого уважения и восхищения. Но есть и другой героизм — мужество гражданское, мужество невооруженного гражданского человека, отстаивающего права, свободы, достоинство свое и других людей. Часто ему неизвестных. Отстаивающего их от огромной, превосходящей силы, зачастую силы мощного государства. Это не меньшее мужество. Именно таким мужеством обладала героическая плеяда правозащитников, возвысивших голос против советского тоталитарного произвола. Их лозунг «Уважайте собственную конституцию» стал знаменем сопротивления 60-70 гг. Знаменем демократических преобразований 90-х гг.

Я очень рад тому, что данный сборник позволит молодым читателям приобщиться к бессмертному, поистине историческому достоянию нашей Родины.

**Владимир Лукин,
Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ДОКУМЕНТЫ,
МЕМОАРЫ,
ЭССЕ**

ТРАВЛЯ САХАРОВА И СОЛЖЕНИЦЫНА

1. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКРЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ И СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ*

Письмо в редакцию газеты «Правда»

Уважаемый товарищ редактор!

Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии Наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма.

Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба — веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику «холодной войны», не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения.

Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Озеров, Б. Полевой, А. Салынский, С. Сартаков, К. Симонов, С.С. Смирнов, А. Софронов, М. Стельмах, А. Сурков, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, Н. Федоренко, А. Чаковский, М. Шолохов, С. Щипачев.

(«Правда», 31 августа 1973 года)

* Публикуется по книге «Слово пробивает себе дорогу». М.: Русский путь, 1998.

Из статьи «По поводу одного «интервью»

П. Леонидов

<...> На этот раз Солженицын «дал интервью» журналистам парижской «Монд» и агентства Ассошиэйтед Пресс.

Характер этого интервью обычен для Солженицына — это обвинения Советской власти во всех смертных грехах, это высокомерные рассуждения о литературе и своей в ней роли, это угрозы и шантаж...

Интервью Солженицына — плод большого и озлобленного до крайности воображения. Нам меньше всего хотелось бы «читать мораль» его автору. Это — бессмысленно. Ибо самые отъявленные, самые предубежденные, самые твердолобые из западных «специалистов по России» могут позавидовать той лихости, с какой Солженицын «ниспровергает» коммунизм...

Но возникает, не может не возникнуть вопрос, адресованный самим печатным изданиям из числа считающих себя уважаемыми, которые щедро предоставляют свои страницы клеветническим злобствованиям Сахаровых, Солженицыных. Неужели они не понимают, что такого рода «беспристрастность» и «объективизм» они зарабатывают репутацию, мягко говоря, несовместимую с декларируемыми ими же благородными задачами достижения взаимопонимания между народами, ослабления международной напряженности?

Советская общественность хорошо представляет себе подлинный смысл и подлинную цену злобным антисоветским высказываниям, примитивной лжи «диссидентов». Но настанет ли время, когда претендующая на солидность буржуазная пресса будет разборчивее в поисках «источников информации»?

(«Комсомольская правда», 5 сентября 1973 года)

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЦК КПСС «О реагировании трудящихся на материалы печати о клеветнических заявлениях академика Сахарова, писателя Солженицына и на судебный процесс по делу Якира и Красина»

4 сентября 1973 г. Сов.секретно
ЦК КПСС

В ЦК КПСС поступает информация из обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик и других организаций о том, как реагируют советские люди на публикуемые в нашей прессе материалы о клеветнических заявлениях академика А.Д. Сахарова и писателя Солженицына и о судебном процессе по делу П.И. Якира и В.А. Красина. В ней сообщается, что трудящиеся гневно осуждают политических отщепенцев, распространяющих злобную клевету на нашу партию и советское общество дают подлинно классовую, по-партийному принципиальную оценку их подрывной деятельности.

Всеобщее возмущение вызывают заявления академика Сахарова, пороча-

щие советский государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику партии и советского государства. В своих многочисленных высказываниях и письмах трудящиеся расценивают его взгляды и поступки как явно антисоветские и глубоко враждебные по своей сущности. Они с негодованием говорят, что академик Сахаров, выступая против политики партии, тем самым выступает и против всего нашего народа, ибо народ и партия неразделимы.

Рабочие, колхозники, представители интеллигенции выражают свое горячее одобрение и единодушную поддержку политике КПСС, ее ленинского Центрального Комитета. При этом они подчеркивают, что никому не удастся поколебать доверие к ней, вбить клин между партией и народом, подорвать морально-политическое единство нашего общества.

Повсеместно высказывается удовлетворение по поводу того, что провокационным измышлениям академика Сахарова дана достойная отповедь в нашей прессе, что его неблагоприятные действия подвергнуты публичному осуждению. В народе положительно восприняты письма членов Академии наук СССР и советских писателей, а также другие коллективные заявления относительно его антиобщественной деятельности. С одобрением отмечается, что под ними поставили свои подписи знатные люди, крупнейшие ученые, деятели литературы и искусства, чьи имена хорошо известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Эти публичные выступления получили глубокий отклик среди всех слоев населения. Рабочие, колхозники, представители интеллигенции солидаризируются с ними, горячо поддерживают высказанные в них мысли и суждения.

Так, горновой доменной печи Нижнетагильского металлургического комбината Свердловской области т.Ефимов сказал: «Узнав о выступлении академика Сахарова перед зарубежными корреспондентами, мы, рабочие, глубоко возмущены его клеветой на нашу советскую действительность. Мы заверяем партию, что единодушно поддерживаем ее внутреннюю и внешнюю политику».

«Меня глубоко возмущает поведение академика Сахарова, — отметил заведующий лабораторией Ленинградского физико-технического института им. Иоффе академик т.Журков. — Этот ученый-физик в последние годы «прославился» в другой области — в области антисоветской клеветы. В знаменательные дни, когда все честные люди полностью и горячо одобряют ленинскую внешнюю миролюбивую политику нашей партии, от всего сердца приветствуют положительные сдвиги в разрядке международной напряженности, человек, носящий звание академика Советского Союза, призывает страны Запада опасаться «мирного сосуществования на условиях, установленных Кремлем». Разве такие призывы достойны советского ученого? Мысль подобного рода глубоко чужда советским ученым, нашему народу, всем прогрессивным людям нашей планеты. Я и мои коллеги по институту считаем, что выступление Сахарова в зарубежной печати не только порочит высокое звание академика, но и является враждебным по отношению к советскому народу и его авангарду — ленинской партии».

Член колхоза «XXI съезд КПСС» Кобринского района Брестской области т.Глинский заявил: «Меня до глубины души возмущают заявление и поступки академика Сахарова. Нам, советским людям, не нужны такие «защитники», как Сахаров. Его предательский голос — это голос одиночки. Мы целиком и полностью поддерживаем внутреннюю и внешнюю политику Коммунистичес-

кой партии и Советского государства».

«Это хорошо, — сказал рабочий Гомельского станкостроительного завода им.Кирова т.Каменчуков, — что наши академики в своем глубоко аргументированном письме так единодушно и убедительно показали истинное лицо Сахарова, дали ему достойную отповедь. Глубоко уверен, что под этим документом готов поставить свою подпись каждый честный советский человек, каждый, кому дороги идеалы мира и социализма».

<...>

Директор института микробиологии АН СССР (г.Москва) т.Имшенецкий заявил: «Мне известны взгляды Сахарова. Он приезжал ко мне с предложением подписать ходатайство за двух осужденных за самиздат. Я категорически отказался и выразил отрицательную оценку действиям Сахарова. При беседе он высказал свои взгляды на советскую демократию, которые глубоко возмутили меня, о чем я проинформировал секретариат АН СССР. Я считаю поведение Сахарова несовместимым со званием советского ученого».

<...>

Советские люди внимательно следили за ходом судебного процесса над антисоветчиками Якиром и Красиным. Трудящиеся клеймят позором и презрением этих гнусных клеветников, скатившихся на путь прямого сотрудничества с оголтелыми врагами нашей Родины, мирового социализма. Повсеместно выражается удовлетворение по поводу того, что они предстали перед советским народным судом и понесли заслуженное наказание за свои преступные деяния. Вынесенный им Московским городским судом обвинительный приговор в целом положительно воспринят в народе. Как отмечается в ряде высказываний, этот приговор убедительно демонстрирует, что наш советский суд является строгим, но справедливым и гуманным. Вместе с тем, некоторые люди говорят, что суд слишком мягко покарал Якира и Красина, что такие лица заслуживают более сурового наказания.

Многие с негодованием отмечают, что в ходе судебного процесса над Якиром и Красиным еще более отчетливо выявилось подлинное лицо Солженицына, как злобного антисоветчика и вдохновителя всякого рода грязной клеветы против нашего народа, социалистического общественного строя. В связи с этим выражается мнение, что пора положить конец его враждебной деятельности, привлечь его также к уголовной ответственности. Поднимается вопрос и о лишении его советского гражданства. Партийные организации проводят необходимую разъяснительную работу среди населения, направленную на разоблачение враждебных происков империализма против нашей страны, усиление воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, высокой политической бдительности.

И. Капитонов

**ИЗ ЗАПИСКИ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
от 17 сентября 1973 года**

<...>

1. Поскольку есть документальные основания рассматривать действия Солженицына в последнее время уже не как заблуждения литератора, а как сознательную легальную и нелегальную деятельность человека, глубоко враждебного Советскому строю, целесообразно в подходящее время возбудить против него уголовное преследование с целью привлечения к судебной ответственности.

2. В связи с тем, что указанная акция является крайней мерой, представляется возможным рассмотреть также вопрос о промежуточном решении: поручить Министерству иностранных дел СССР через своих послов в Париже, Риме, Лондоне, Стокгольме обратиться к правительствам указанных стран с предложением предоставить Солженицыну право убежища, поскольку в ином случае по советским законам он должен предстать перед судом. Этот наш замысел можно было бы прямо или через специальные каналы легализировать. Правительства указанных государств оказались бы перед дилеммой: или предоставить Солженицыну убежище, или — в другом случае — они фактически соглашаются на привлечение его к судебной ответственности. Возможно, что при такой ситуации официальные круги западных государств не станут так прямо, как теперь, поощрять разжигание страстей средствами пропаганды вокруг Солженицына и Сахарова.

3. Было бы крайне необходимо, чтобы с академиком Сахаровым встретился один из руководителей Советского правительства. Мало надежды на то, что в результате такой беседы Сахаров изменит свое поведение (он болен, сломлен своим окружением, находится в состоянии экзальтации). Но указанная встреча выбивала бы почву из-под ног у тех, кто пытается сегодня упрекать нас в том, что с таким «уважаемым» человеком (трижды Герой, академик) никто из руководства не поговорил, не попытался его образумить. Подобные разговоры есть среди хороших людей за рубежом и даже в нашей стране. Нельзя не учитывать, что, пользуясь безнаказанностью, Сахаров в то же время очень боится, что с него «снимут Звезды» или изгонят из Академии. Сейчас он в превентивном порядке неоднократно подбрасывает эти опасения западным журналистам, которые в свою очередь акцентируют внимание прессы на том, что советское руководство ни в коем случае не пойдет и не имеет права пойти на такую меру.

В свете этого на беседе, возможно, следовало бы твердо заявить Сахарову, что если он не прекратит антисоветские выступления, то может лишиться звания академика и звания Героя Социалистического Труда (а это значит к тому же потерять и 800 рублей в месяц, которые он получает, ничего не делая). Как альтернативу Сахарову следовало бы сделать предложение поехать на работу в Новосибирск, Обнинск или какой-либо иной, режимный город, с тем чтобы помочь ему оторваться от враждебного окружения, прежде всего из числа корреспондентов западной прессы.

Разумеется, указанные акции вызовут шум на Западе, возможно, новый всплеск антисоветизма, известное недовольство в некоторых братских партиях и прогрессивных кругах. Будут разговоры и среди некоторой (небольшой)

части советских людей. Но все это не станет долгосрочным явлением и будет носить временный характер. Оставление же дела Солженицына и Сахарова в неопределенном состоянии может продлиться очень долго, причем все вышеуказанные негативные явления будут так или иначе иметь место, а элемент безнаказанности — работать, безусловно, не в нашу пользу.

4. Чтобы локализовать негативные последствия наших акций в отношении Солженицына и Сахарова, возможно, следовало бы подготовить информацию по этому вопросу для руководства социалистических стран и ряда братских партий.

5. Поскольку в антисоветской кампании подвергаются нападкам многие стороны общественно-политической структуры и образа жизни советского общества, представляется целесообразным обратить на это особое внимание в нашей пропаганде, активнее выступать с теоретическими материалами, разъясняющими содержание политики нашего государства и всю многосторонность опыта строительства коммунистического общества. Раскрыть существо демократических преобразований в нашей стране и в то же время прямо и косвенно развенчивать взгляды Солженицына и Сахарова, как взгляды людей, которым чужды и враждебны завоевания социализма. Представляется необходимым также шире использовать трибуны различных международных форумов и совещаний для активного наступления и разоблачения реакционных кругов Запада, препятствующих нормализации международной обстановки.

Такого рода материалы следует настойчивее продвигать не только в советской печати, но и за рубеж через возможности ТАСС, АПН, Гостелерадиокомитета. Возможно, стоит разработать единый план действий по этому вопросу, вплоть до конкретных поручений отдельным работникам общественных организаций и государственных учреждений.

В связи с тем, что в своих последних документах Сахаров и, особенно, Солженицын, в целях прикрытия своих антисоветских взглядов и привлечения симпатий различных категорий населения, пытаются демагогически спекулировать на таких вопросах, как вопрос «о роли русского народа в Советском государстве», «о положении женщины при социализме», о правомерности «воинской повинности» в нашей стране, об охране исторических памятников и в этой связи о якобы неверной реконструкции Москвы и др., было бы целесообразно уделить этим вопросам должное внимание через средства массовой информации.

6. Комитету госбезопасности через свои возможности больше добывать и передавать для использования в пропагандистских и контрпропагандистских акциях документальных материалов, разоблачающих связь реакционных сил, препятствующих разрядке, со спецслужбами противника, инспирирование разведками империалистических государств всякого рода антисоветских кампаний и связь с ними и с антисоветскими зарубежными центрами отщепенцев нашего общества типа Солженицына, Сахарова и др.

Просим рассмотреть.

*Председатель
Комитета Госбезопасности АНДРОПОВ*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС
«О разоблачении антисоветской кампании буржуазной пропаганды в
связи с выходом книги Солженицына «Архипелаг Гулаг»**

Ст-108/4с 4 января 1974 г.
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Утвердить текст телеграммы совпослам. (См. приложение).
2. Опубликовать в «Правде», в «Литературной газете» статьи, раскрывающие антисоветскую, антисоциалистическую суть злостных писаний Солженицына, подлинные цели пропагандистской шумихи вокруг Солженицына, поднятой на Западе.
3. Поручить ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР в оперативном порядке распространить материалы, в которых показать подлинные политические цели враждебных делу мира и социализма писаний и деятельности Солженицына, а также раскрыть суть антисоветской кампании, направленной против успехов внешней политики СССР и деятельности, направленной на разрядку международной напряженности.
4. ВААП изучить вопрос о возможности применения правовых санкций против нарушения Солженицыным норм советского законодательства и доложить ЦК КПСС по этому вопросу.
5. Средствам массовой пропаганды и информации активизировать работу по разоблачению антинародной сущности буржуазной демократии, расизма, аморализма буржуазной культуры, в особенности буржуазного диктата по отношению к деятелям демократической культуры.

Секретарь ЦК М. СУСЛОВ

**ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ
ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС**

7 января 1974 г.

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А.А., Кириленко А.П., Косыгин А.Н., Подгорный Н.В., Полянский Д.С., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Демичев П.Н., Соломенцев М.С., Устинов Д.Ф., Капитонов И.В., Катушев К.Ф.

5. О Солженицыне.

БРЕЖНЕВ. Во Франции и США, по сообщениям наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — «Архипелаг ГУЛаг». Мне говорил тов. Суслов, что Секретариат принял решение о развертывании в нашей печати работы по разоблачению писаний Солженицына и буржуазной пропаганды в связи с выходом этой книги. Пока что этой

книги еще никто не читал, но содержание ее уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступить дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Алиллуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? Если мы применим сейчас в отношении его санкции, то будет ли это нам выгодно, как использует против нас это буржуазная пропаганда? Я ставлю этот вопрос в порядке обсуждения. Хочу просто, чтобы мы обменялись мнениями, посоветовались и выработали правильное решение.

КОСЫГИН. По этому вопросу есть записка товарища Андропова. В этой записке содержится предложение о выдворении Солженицына из страны.

БРЕЖНЕВ. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу.

АНДРОПОВ. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

БРЕЖНЕВ. Очевидно, сам Солженицын такого согласия не даст.

КИРИЛЕНКО. Можно его вывезти без его согласия.

ПОДГОРНЫЙ. Найдется ли такая страна, которая без согласия примет его к себе?

БРЕЖНЕВ. Надо учитывать то, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

АНДРОПОВ. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение «Архипелаг ГУЛаг» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку. Сейчас все смотрят на то, как мы поступим с Солженицыным, применим ли мы к нему санкции или оставим его в покое.

Мне недавно звонил тов. Келдыш и спрашивал, почему мы не предпринимаем мер в отношении Сахарова. Он говорит, что если мы будем бездействовать в отношении Сахарова, то как будут вести себя дальше такие академики, как Капица, Энгельгард и другие.

Все это, товарищи, очень важно, и решать эти вопросы мы должны сейчас, несмотря на то, что проходит общеевропейское совещание.

Я считаю, что мы должны провести Солженицына через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. Он проводит с ними беседы и даже

пресс-конференции. Допустим, что у нас существует враждебное подполье и что КГБ проглядел это.

Но Солженицын действует открыто, действует нахальным образом. Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безнаказанно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов прозондировать у правительств соответствующих стран, могут ли они его принять. Если мы сейчас его не выдворим, то он будет продолжать свою враждебную деятельность. Вы знаете, что он написал враждебный роман «Август 14-го», написал пасквиль «Архипелаг ГУЛаг», теперь пишет «Октябрь 17-го». Это будет новое антисоветское произведение.

Поэтому я вношу предложение выдворить Солженицына из страны в административном порядке. Поручить нашим послам сделать соответствующий запрос в ряде стран, которые я называю в записке, с целью принять Солженицына. Если мы не предпримем этих мер, то вся наша пропагандистская работа ни к чему не приведет. Если мы будем помещать статьи в газетах, говорить о нем по радио, а не примем мер, то это будет пустым звуком. Надо определиться, как нам поступить с Солженицыным.

БРЕЖНЕВ. А если его выдворить в социалистическую страну?

АНДРОПОВ. Едва ли, Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? Жить за рубежом он может безбедно, у него в европейских банках на счетах находится 8 млн. рублей.

СУСЛОВ. Солженицын обнаглел, оплевывает советский строй, Коммунистическую партию, он замахнулся на святая святых — на Ленина.

<...>

Надо нам выступить с рядом статей и разоблачить Солженицына. Это обязательно надо сделать.

По решению, принятому Секретариатом, имеется в виду опубликовать одну-две статьи в «Правде», в «Литературной газете». Народ будет знать об этой книге Солженицына. Конечно, не надо разворачивать кампании вокруг этого, а несколько статей напечатать.

<...>

Что касается проведения пропагандистских мер, то их надо дозировать. Надо внимательно их продумать. Но нельзя отказываться и от таких шагов, которые предлагает тов. Андропов. Если мы его насильно без согласия выдворим из страны, то надо иметь в виду, что это может буржуазная пропаганда обратить против нас. Выселить с согласия было бы хорошо, но он не даст такого согласия. Может быть, нам немножко потерпеть еще какое-то время, пока идет европейское совещание? Даже если какая-то страна и согласится, то сейчас его выселять было бы нецелесообразно, потому что против нас может быть развернута широкая пропаганда, и это не поможет нам при завершении общеевропейского совещания. Я имею в виду подождать три-четыре месяца, но еще раз говорю, что в принципе я за строгие меры. Солженицына сейчас надо окружить

кордоном с тем, чтобы он эти месяцы был изолирован, чтобы не допускать к нему людей, через которых он может вести пропаганду.

В ближайшее время предстоит визит Леонида Ильича на Кубу. И это тоже сейчас не совсем выгодно для нас, потому что будут много помещать разного рода материалов против Советского Союза. Внутри страны нужно принять необходимые меры пропагандистского характера по разоблачению Солженицына.

<...>

КОСЫГИН. У нас у всех, товарищи, общее мнение, и я полностью присоединяюсь к сказанному.

<...>

Я думаю, что для нас будет меньше издержки, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам.

Очевидно, статьи о Солженицыне в газетах надо дать, но серьезные. Солженицын куплен буржуазными компаниями, агентствами и работает на них. Книга Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» — это махровое антисоветское произведение. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу. Конечно, капиталистические страны Солженицына не примут. Я за то, чтобы попытаться тов. Андропову прозондировать в капиталистических странах вопрос, какая из них может его принять. Но, с другой стороны, нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно. Скрывать от народа нам нельзя. Статьи в газетах надо поместить.

ПОДГОРНЫЙ. <...> Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо от того, что происходит общеевропейское совещание, надо провести меру суда над Солженицыным, и пусть знают, что мы проводим в этом отношении принципиальную политику. Мы не даем никакой пощады врагам.

Я считаю, что мы нанесем большой ущерб нашему общему делу, если не предпримем мер к Солженицыну, даже несмотря на то, что за рубежом поднимется шум. Будут, конечно, всякие разговоры, но интересы нашего народа, интересы Советского государства, нашей партии нам превыше всего. Если мы не предпримем этих решительных мер, то нас спросят, почему мы таких мер не предпринимаем.

Я хочу высказаться за то, чтобы провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость. Нам нужно подготовиться к суду, разоблачить Солженицына в печати, завести на него дело, провести следствие и передать через Прокуратуру дело в суд.

ПОЛЯНСКИЙ. До суда его можно арестовать?

АНДРОПОВ. Можно. Я советовался по этому вопросу с Руденко.

ПОДГОРНЫЙ. Что касается выселения в какую-то другую страну, то без согласия этой страны этого делать совершенно нецелесообразно.

АНДРОПОВ. Мы начнем работу по выдворению, но одновременно заведем на него дело, изолируем его.

ПОДГОРНЫЙ. Если мы его вышлем за границу, то и там он будет нам вредить.

ГРОМЫКО. Надо, очевидно, нам остановиться все же на внутреннем варианте.

АНДРОПОВ. Я считаю, что если мы будем затягивать дело по отношению к Солженицыну, то это будет хуже.

ПОДГОРНЫЙ. Можно и растянуть дело с Солженицыным, скажем, затянуть следствие. Но пусть он это время находится в тюрьме.

ШЕЛЕПИН. Когда мы три месяца тому назад собирались у тов. Косыгина и обсуждали вопрос о мерах, которые должны приниматься по отношению к Солженицыну, то пришли к выводу, что административных мер принимать не следует. И тогда это было правильно. Теперь сложилась другая ситуация. Солженицын пошел открыто против Советской власти, Советского государства. И сейчас нам, я считаю, выгодно до окончания европейского совещания решить вопрос с Солженицыным. Это покажет нашу последовательную принципиальность. Если мы проведем эту акцию после европейского совещания, то нас обвинят, что мы на самом совещании были неискренними, когда принимали решение, что уже начинаем нарушать эти решения и т. д. У нас чистая и правильная линия. Мы не позволим никому нарушать наши советские законы. Высылка его за границу, по-моему, эта мера не является подходящей. По-моему, не следует впутывать иностранные государства в это дело. У нас есть органы правосудия, и пусть они начинают расследование, а затем и судебный процесс.

<...>

БРЕЖНЕВ. Наша Прокуратура может начать следствие, подготовить обвинение, подробно расскажет в этом обвинении, в чем он виновен. Солженицын сидел в свое время в тюрьме, отбывал наказание за грубое нарушение советского законодательства и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Его реабилитировали два человека — Шатуновская и Снегов. В соответствии с нашим законодательством надо лишить его возможности связи с границей, пока ведется следствие. Следствие вести нужно открыто, показать народу его враждебную антисоветскую деятельность, осквернение нашего советского строя, очернение памяти великого вождя, основателя партии и государства В.И. Ленина, осквернение памяти жертв Великой Отечественной войны, оправдание контрреволюционеров, прямое нарушение наших законов. Его нужно судить на основании нашего закона.

<...>

Я беседовал с тов. Громько относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейском совещании. Я думаю, что это не окажет большого влияния. Высылать его, очевидно, нецелесообразно, так как никто его не примет. Одно дело, когда Кузнецов и другие убежали сами, а другое дело, когда мы выселяем в административном порядке.

Поэтому я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом всего того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

ПОДГОРНЫЙ. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

БРЕЖНЕВ. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить т. т. Андропову, Демичеву, Катусеву подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

ВСЕ. Правильно. Согласны.

<...>

Из статьи И. Соловьева «Путь предательства»

<...>

В последние дни буржуазная печать развернула антисоветскую шумиху в связи с публикацией на Западе очередного клеветнического сочинения А. Солженицына под названием «Архипелаг Гулаг». На поверхности грязного потока антикоммунистической пропаганды вновь появилось имя отщепенца, который уже много лет сотрудничает с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати, включая белоэмигрантские...

Книга «Архипелаг Гулаг» явно рассчитана на то, чтобы одурачить и обмануть доверчивых людей всевозможными измышлениями о Советском Союзе. Автор этого сочинения буквально задыхается от патологической ненависти к стране, где он родился и вырос, к социалистическому строю, к советским людям.

Книгу эту, замаскированную под документальность, можно было бы назвать плодом больного воображения, если бы она не была начинена циничной фальсификацией, состряпанной в угоду силам империалистической реакции. Если чем и может поразить читателя названное сочинение, так это, пожалуй, предельной степенью саморазоблачения человека, который смотрит на новое, строящееся общество глазами тех, кто расстреливал и вешал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, отстаивая черное дело контрреволюции.

Такова логика морального падения, такова мера духовной нищеты этого внутреннего эмигранта, лишённого всякой связи с реальной жизнью нашего общества...

Но те господа на Западе, которые усердно курят фимиам Солженицыну, вряд ли наживут на столь малопочтенном занятии какой-нибудь капитал. Слишком уж очевидны мерзость и ничтожество этой фигуры — и в нравственном, и в политическом отношении. Уместно напомнить здесь дошедшие до нас из древности слова: «Предателей презирают даже те, кому они сослужили службу». Так было и так будет.

Как известно, советская общественность, Союз писателей неоднократно предупреждали Солженицына о недопустимости его поведения, позорящего

звание советского гражданина. Но Солженицын ничему не внял и ничему не научился. Он был и остался антисоветчиком и антикоммунистом, сознательно перешедшим в лагерь врагов мира, демократии и социализма. Он выступает в роли провокатора и подстрекателя, заклиная империалистов проводить по отношению к СССР «политику силы»...

Солженицын удостоился того, к чему столь усердно стремился, — участи предателя, от которого не может не отвернуться с гневом и презрением каждый советский труженик, каждый честный человек на земле.

(«Правда», 14 января 1974 года)

**ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС,
ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС И ОТДЕЛА НАУКИ И УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ ЦК КПСС**

**«Об откликах советской общественности на выступление газеты
«Правда» со статьей «Путь предательства»**

15 января 1974 г. Секретно
ЦК КПСС

Выступление газеты «Правда» вызвало широкий отклик во всех слоях советской общественности. Свое отношение к перерожденцу Солженицыну в письмах и устных заявлениях в газеты «Правда», «Известия», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Литературная газета», на радио и телевидение высказывают рабочие, ученые, писатели, художники, деятели театра и кино, воины Советской Армии и Флота, учащаяся молодежь.

Все единодушны в оценке Солженицына как изменника Родины и предателя советского народа, клеветника на советскую действительность, платного лакея врагов социализма и Советского Союза. Во всех заявлениях выражается гнев по поводу того, что Солженицын безнаказанно творит злонамеренные антисоветские деяния, оскорбляет самые высокие и святые чувства советских людей. Авторы писем высказываются за принятие неотложных мер к Солженицыну в соответствии с советскими законами.

Перечень высказываний, поступивших в органы печати, прилагается. Поток писем аналогичного характера продолжается.

Сообщаем в порядке информации.

Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Г. Смирнов

Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС З. Туманова

Зам. зав. Отделом науки

и учебных заведений ЦК КПСС С. Щербаков

Приложение

V. ПЕРЕЧЕНЬ

наиболее характерных высказываний в связи с публикацией в «Правде» статьи «Путь предательства»

К. Федин — писатель.

«Очень хорошо, что «Правда» выступила с обстоятельной статьей, посвященной Солженицыну. Давно пора было раскрыть перед советской общественностью подлинное лицо этого внутреннего эмигранта».

М. Шагинян — писатель.

«Целиком поддерживаю статью в «Правде». Удивляюсь нашей терпимости к таким подонкам. Солженицын, оставаясь безнаказанным, разлагает нашу молодежь. И вообще он никакой не писатель. Я об этом говорила и в Венгрии, и в Швейцарии».

К. Симонов — писатель.

«До глубины души возмущен и творчеством, и поведением Солженицына. Целиком согласен с выступлением «Правды», полностью разделяю все положения, которые высказаны в этой статье относительно Солженицына».

<...>

Софья Гиацинтова, народная артистка СССР.

«Я ничего из написанного Солженицыным не читала, потому не могу судить о его литературных талантах. По-человечески же мне его поведение представляется отвратительным. И вообще сама эта история кажется мне возмутительной. Просто страшно, что в нашей стране живут такие люди».

Борис Чирков, народный артист СССР.

«Мы боролись и будем бороться с такими людьми и в жизни и в искусстве».

М. Жаров, народный артист СССР.

«Этому сукиному сыну нет места среди нас».

Оскар Курганов, киносценарист.

«Солженицын — абсолютный антисоветчик, который ненавидит Советскую власть и пытается сделать все, чтобы оболгать ее. Отвратителен он и в своих человеческих качествах, мне пришлось много слышать о его поведении в период пребывания в лагерях».

<...>

В. Петров, член-корреспондент АН СССР.

«Все, что пишет Солженицын, показывает, что его клеветнические измышления — это не непонимание происходящего у нас, а прислуживание врагам Советского Союза, социализма и прогресса».

С. Вернов, академик, председатель Московского комитета защиты мира.

«Большие жертвы пришлось принести нашему народу для спасения человечества от фашизма. А Солженицын клеветает на наш народ, оправдывает злейших врагов человечества».

П. Ионкин, профессор МЭИ.

«Остается непонятным и вызывает удивление, почему и на каком основании государственные органы СССР разрешают А. Солженицыну — предателю дела социализма, врагу советского народа жить на свободе, пользоваться материальными благами, созданными трудом народа, иметь все условия для его «писательской» деятельности, направленной против нашего советского государства. До каких пор это будет продолжаться?»

<...>

Г. Соколов — пенсионер (г. Ленинград).

«Мне не понятна та терпимость, которая проявляется к Солженицыну и его поступкам со стороны наших органов власти. Я проработал на производстве 50 лет, и не безразлично, когда наносится ущерб нашей родине».

П. Дементьев, наладчик моторного завода (г. Ворошиловград).

«Наши законы к таким, как Солженицын, слишком — вправе сказать так — слишком мягкотелы. Знаю, что судить его нашим судом не будут и приговора не состоится, а жаль. Но выслать его из города-героя, города славных революционных и боевых традиций, города, связанного с именем великого Ленина, нужно и необходимо, ибо он только оскверняет это святое для всего миролюбивого человечества место».

В. Шебалин, теплотехник объединения «Таджикатлас».

«Хочу от себя и своих товарищей спросить вас и органы — не надоело ли? Неужели этому Солженицыну все позволено? От себя лично и моих товарищей требую принятия к нему самых строгих мер согласно нашим законам».

Н.И. Шипунов (г. Ленинград).

«...Доколе мы, советские люди, должны терпеть на советской земле этого негодяя? Как долго он будет, извините, жрать русский хлеб и русское сало и сочинять гнусную клевету на всех нас? Неужели у нас нет законов, чтобы выгнать этого новоявленного миллионера туда, кому он служит?»

Учащиеся 9 «Б» кл., сш № 5 (Александровский район Ставропольского края).

«Как больно узнать, что человек, родившийся на нашей земле, клеветает на нас, советских людей, призывает к походу на СССР. Да ведь это предательство!»

О. А. Захаров, бригадир ремонтно-монтажного управления (г. Саратов).

«Не пора ли привести к порядку зарвавшегося антисоветчика? Нас 250 миллионов, и если имеются такие уроды, как Солженицын и им подобные, то как можно мириться с тем, что такие вот Солженицыны едят хлеб, выращенный руками и потом советских людей».

<...>

2. ИЗ «ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»

№30, 31 декабря 1973 года

ИНТЕРВЬЮ А.Д. САХАРОВА
СОВЕТСКАЯ ПРЕССА И САМИЗДАТ О НЕМ

В середине июля академик САХАРОВ дал интервью шведскому корреспонденту СТЕНХОЛМУ.

САХАРОВ говорит: «В нашей стране социализм выразил себя в неслыханной концентрации экономической и политической власти, в исключительной степени монополизации». Он говорит о глубоком неравенстве нашего общества, бюрократизации руководства, антидемократичности обязательной для всех идеологии, об изоляции советского общества от внешнего мира. Он считает иллюзорными социальные достижения советского общества, «общества максимальной несвободы» и приводит пример: «Люди с Запада часто говорят — у вас много недостатков, зато бесплатная медицинская помощь. Она не бесплатна для налогоплательщика, она ему существенно дороже, чем в большинстве западных стран, но по своему уровню очень низкая».

САХАРОВ называет себя приверженцем постепенной демократизации общества.

Вскоре после этого ТАСС распространил статью Ю. КОРНИЛОВА о САХАРОВЕ «Поставщик клеветы».

16 августа зам. Главного Прокурора СССР МАЛЯРОВ провел с САХАРОВЫМ беседу-предупреждение.

Он охарактеризовал позицию САХАРОВА, как антисоветскую и подрывную. Кроме того, МАЛЯРОВ заявил, что встречаясь с иностранцами, САХАРОВ сообщает им сведения, которые могут представить интерес для зарубежных разведок. САХАРОВ категорически отверг эти обвинения.

21 августа на пресс-конференции у себя на квартире САХАРОВ расценил «предупреждение» прокуратуры, как попытку запретить отклонения от предписанной линии, основанную на растяжимом понятии о «праве государства на самозащиту».

Отвечая на вопросы, САХАРОВ заявил, что разрядка международной напряженности без демократизации советского общества, на условиях, диктуемых СССР, была бы опасна и не решила бы стоящих перед миром проблем. Освободившись от экономических трудностей, которые он сам не в состоянии разрешить, Советский Союз смог бы накапливать силы, и разоруженный мир оказался бы лицом к лицу с мощным государством, где все скрыто от посторонних глаз под маской миролюбия. Разрядка должна сопровождаться отказом социалистических стран от изоляции.

24 августа «Юманите» и 27 августа «Фольксштимме» публикуют статьи, осуждающие позицию САХАРОВА. В те же дни «Правда» и «Известия» их перепечатывают.

28 августа в советской прессе появилось письмо 40 академиков, осуждающих А.Д. САХАРОВА за выступления «...против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности...» Они возмущены его деятельностью, «...порочащей честь и достоинство советского ученого». Среди подписавшихся: Н.Г. БАСОВ, М.А. МАРКОВ, А.Н. НЕСМЕЯНОВ, А.М. ПРОХОРОВ, Н.Н. СЕМЕНОВ, И.М. ФРАНК, Ю.Б. ХАРИТОН, П.А. ЧЕРЕНКОВ, В.А. ЭНГЕЛЬГАРТ.

На протяжении следующей недели откликнулись все творческие союзы и Академии Наук. Кроме того, в центральной и местной прессе ежедневно печатались индивидуальные письма.

Характер и тон кампании осуждения отражает набор заголовков статей: Грязная попытка; Недостойные действия; Заодно с врагами; На руку силам ре-

акции; Оторвался от народа; С другого полюса; Отповедь клеветнику; Возмущены! («Правда», август-сентябрь); Предел падения («Известия», сентябрь); Гневно осуждаем («Литературная газета», сентябрь).

В дальнейшем кампания осуждения несколько стихла. Однако после обращения ГАЛИЧА, МАКСИМОВА, САХАРОВА 18 сентября к Чилийскому правительству в защиту Пабло НЕРУДЫ она вспыхнула вновь. В обращении сказано: «...Славное имя его неразрывно связано с борьбой народов Латинской Америки за свое духовное и национальное освобождение. Гибель этого большого человека надолго омрачила бы объявленную вашим правительством эпоху возрождения и консолидации Чили». Советская пресса обвинила САХАРОВА в поддержке военного правительства Чили. Так, в передовой статье журнала «Коммунист» говорится: «...К чему ведет это капитулянтство, видно из «личного послания» САХАРОВА военной хунте Чили, в котором он лебезит перед узурпаторами власти — тиранами чилийского народа, называя установленный ими варварский режим эпохой «возрождения и консолидации»!»

8 сентября САХАРОВ выступил с заявлением, в котором указал, что газетная кампания направлена на сознательное искажение его позиции, что он представлен в ней чуть ли не сторонником войны. «Это бессовестная спекуляция на антивоенных чувствах народа, перенесшего величайшие страдания во второй мировой войне...» А.Д. САХАРОВ считает, что его многократные выступления против ядерных испытаний в атмосфере внесли свой вклад в заключенный в 1963 г. Московский Договор о прекращении испытаний. В заключение САХАРОВ сказал: «Кампания в газетах, в которую вовлечены сотни людей..., очень огорчает меня, как еще одно проявление жестокого насилия над совестью...» и добавил:

«...именно эта неразумная и жестокая по отношению к ее участникам газетная кампания может нанести ущерб международной разрядке».

* * *

1 сентября выступил с открытым письмом доктор физико-математических наук В.Ф.ТУРЧИН. Отмечая, что общественная деятельность САХАРОВА всегда была направлена на защиту прав человека, на разрядку международной напряженности, он говорит о вреде, который нанесла газетная кампания международному престижу Советского Союза.

В начале сентября член московского Комитета прав человека, член-корреспондент АН СССР И.Р.ШАФАРЕВИЧ выступил в защиту САХАРОВА. ШАФАРЕВИЧ выразил серьезные опасения за судьбу САХАРОВА.

7 сентября Л. ЧУКОВСКАЯ опубликовала статью «Гнев народа». Она пишет: «...преследование Самиздата, «Хроники текущих событий», САХАРОВА, СОЛЖЕНИЦЫНА, сотен других — это не назовешь идейной борьбой — это есть попытка тюрьмами и лагерями снова загнать голоса — в немоту». И далее, о САХАРОВЕ: «Он может нарушить главный закон нашей жизни; не тот, который записан в Конституции, а главный, неписанный — закон сохранения немоты».

В своей статье «Мир и насилие» (11 сентября) А. СОЛЖЕНИЦЫН выдвинул САХАРОВА кандидатом на Нобелевскую премию мира. С таким же предложением выступили В. МАКСИМОВ, А. ГАЛИЧ, И. ШАФАРЕВИЧ.

14 сентября в письме в газету «Монд» кандидатуру А.Д. САХАРОВА поддержал Андрей СИНЯВСКИЙ.

В середине сентября ЛИТВИНОВ и ШРАГИН указали на голословность обвинений, обрушенных в печати на САХАРОВА. «Осуждение академика А.Д. САХАРОВА, — пишут они, — не стало доказательней от того, что подкреплено сотнями подписей и грубостями». Авторы заявляют, что при современном состоянии международных связей скрыть истинное положение вещей в нашей стране не удастся. Статья оканчивается словами САХАРОВА:

«Уважение к правам человека стало сейчас насущной потребностью нашего общества».

В сентябре Рой МЕДВЕДЕВ опубликовал работу, в которой он полемизирует с точкой зрения САХАРОВА на разрядку международной напряженности. МЕДВЕДЕВ считает, что разрядка сама по себе способствует развитию демократических тенденций в СССР.

Жорес МЕДВЕДЕВ изложил в английских газетах аналогичную точку зрения.

17 октября САХАРОВ дал интервью ливанскому корреспонденту, в котором, в частности, заявил: «Эта война, начавшаяся одновременными действиями крупного масштаба со стороны Египта и Сирии, — огромная трагедия для арабов и евреев. Но для Израиля в этой войне, так же и в войнах 1949, 1956, 1967 годов, речь идет о самом существовании государства, о праве на жизнь.

Для арабов же та война, как я считаю, в основном — результат политической игры внутренних и внешних сил, престижных соображений, националистических предрассудков. Я считаю, что такое различие существует и его необходимо учитывать при оценке этих событий.»

22 октября двое, назвавшиеся представителями пресловутого «Черного Сентября», посетили САХАРОВА и угрожали ему расправой.

По поводу посещения САХАРОВА арабскими террористами стали известны письмо СОЛЖЕНИЦЫНА, обращение А. ГАЛИЧА, Ф. СВЕТОВА, В. МАКСИМОВА. В письме С. КОВАЛЕВА, Т. ВЕЛИКАНОВОЙ, П. ЛИТВИНОВА, Т. ХОДОРОВИЧ по этому поводу говорится: «...Кого бы ни представляли посетители А.Д. САХАРОВА, расправа, которой они угрожали, возможна только в случае попустительства или, по меньшей мере, небрежности соответствующих государственных учреждений».

Как сообщает «Хроника защиты прав человека» (4-й выпуск), «Западные выступления в защиту САХАРОВА и СОЛЖЕНИЦЫНА, в связи с кампанией их осуждения в советской прессе, не поддаются исчислению».

ПИСЬМО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ПЕРМСКИХ ЛАГЕРЕЙ

«Мы приветствуем борьбу академика А.Д. САХАРОВА за гражданские права и свободы в СССР. Мы выражаем ему, мужественному и благородному человеку, свое глубокое уважение. Пусть знают все, кто подписал «протесты» против САХАРОВА, что с помощью их имен легче травить и давить нас. Мы

пользуемся драгоценным случаем, чтобы опровергнуть перед всем миром ложь предателя П. ЯКИРА об отсутствии в СССР демократического движения. Сотни политзаключенных — живые участники этого движения — не изменили своих демократических убеждений. Мы верим, что дело демократизации советской системы, дело САХАРОВА, СОЛЖЕНИЦЫНА, БУКОВСКОГО, ГРИГОРЕНКО победит.

В. ПЛАТОНОВ, востоковед (срок 7 лет), В.УЗЛОВ, техник (срок 4 года), В. ЧЕСНОКОВ, бывший военнослужащий (срок 10 лет), М. САДО, востоковед (срок 13 лет). Н. БРАУН-младший, поэт (7 + 3 г. ссылки), С. МАЛЬЧЕВСКИЙ, рабочий (7 + 3 г.), В. ФЕДОРОВ, бывший капитан милиции (6), Д. ЧЕРНОГЛАЗ, агроном (5), С. КУДИРКА, бывший матрос-радист (10), И. ШИЛИНСКАС, рабочий (5), В. МЕЛИКЯН, инженер-экономист (4), Х. ВАСИЛЯН, техник (7), Л. ЛУКЬЯНЕНКО, юрист, бывший прокурор (15), М. МАКАРЕНКО, художник-реставратор, бывший директор картинной галереи Сибирского отделения АН СССР (8), Я. СУСЛЕНСКИЙ, учитель (7), С. ПОНОМАРЕВ, учитель (5) ст. Всевятская Пермской области, сентябрь 1973 г.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Корреспондентам агентства Ассошиейтед Пресс и газеты «Монд» в Москве, 23 августа 1973г.

«САХАРОВ теперь объявлен «поставщиком клеветы», невеждой, наивным прожектором, и, главное, критиком, злопыхательски ненавидящим свою страну и неконструктивным.

Трудно солгать кряду более неудачно: что ни обвинение, то промах. Тот, кто следил несколько лет за статьями САХАРОВА, его социальными предложениями, его поисками путей спасения планеты, его письмами правительству, его дружелюбными уговорами, не может не увидеть его глубокой осведомленности в процессах советской жизни, его боли за свою страну, его муки за ошибки, не им совершенные, его доброй, примирительной позиции, приемлемой для весьма противоположных группировок».

№32, 17 июля 1974 года

ВЫСЫЛКА СОЛЖЕНИЦЫНА

13 февраля, после длительной и обильной газетной травли, из Советского Союза был выслан Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН. Причиной тому послужила публикация в издательстве «ИМКА ПРЕСС» романа «Архипелаг ГУ-Лаг» (Хр.30). Обстоятельства, сопутствующие выпуску этой книги, а также события, развернувшиеся вслед за этим, подробно описаны в самиздатском сборнике «Жить не по лжи». Этот сборник получил достаточно широкое хождение, и поэтому «Хроника» ограничивается изложением основного хода событий.

* * *

В конце августа 1973 г. после 5 дней допроса в Ленинградском УКГБ 70-летняя Е.Д. ВОРОНЯНСКАЯ выдала место, где хранится экземпляр романа А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «Архипелаг ГУЛаг».

Если верить справке КГБ по делу проф. ЭТКИНДА (см. наст. выпуск), ВОРОНЯНСКАЯ показала также, что 2 экземпляра рукописи «Архипелага» СОЛЖЕНИЦЫН передал ей через ЭТКИНДА. Вскоре Е.Д. ВОРОНЯНСКАЯ покончила с собой.

* * *

Со стеснением в сердце я годами удерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность все равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно опубликовать ее.

Сентябрь 1973.

А. Солженицын

* * *

В декабре 1973 г. роман вышел в Париже в издательстве «ИМКА ПРЕСС».*

* В интервью, данном 25 июня 1974 г. американскому телевидению, А.И. СОЛЖЕНИЦЫН рассказал, в частности, о торге, затеянном властями. СОЛЖЕНИЦЫНУ обещали напечатать в СССР «Раковый корпус» в обмен на отказ от публикации «Архипелага» в течение 20 лет.

С начала января в советских газетах появились первые публикации, посвященные выпуску романа. Вначале это были выдержки из иностранной прессы и выступления ТАСС.

Угрозы Телеграфного Агентства обеспокоили многих, 5 января В. ВОЙНОВИЧ, А. ГАЛИЧ, В. МАКСИМОВ, А. САХАРОВ, И. ШАФАРЕВИЧ обратились с призывом защитить СОЛЖЕНИЦЫНА.

13 января в газете «Правда» была напечатана статья СОЛОВЬЕВА «Путь предательства». Она стала руководящим документом — статью перепечатали практически все центральные и местные газеты. В дальнейшем газеты печатали отклики на статью СОЛОВЬЕВА.

18 января 1974 г. СОЛЖЕНИЦЫН сделал заявление, в котором с присущей ему страстностью указывал на подтасовки фактов и натяжки, совершаемые советскими органами печати. Среди прочего СОЛЖЕНИЦЫН писал: «На какие страницы они будут указывать, из какой книги? Ведь «Лит.газета» попала на мародерстве, на раздевании трупа: она цитирует захваченный экземпляр, 4-ю и 5-ю часть «Архипелага», которые еще непечатаны, — в Госбезопасности делал выписки подозрительный «литератор»!».

Тем временем в Самиздате появились первые отклики на роман и пер-

вые возмущения по поводу газетной травли. Появилась статья Г. БЕЛЛЯ «Надо идти все дальше...», посвященная факту публикации романа.

Появилась обширная рецензия Роя МЕДВЕДЕВА... С письмами протеста, индивидуально и коллективно, выступили Б. МИХАЙЛОВ; Е. БАРАБАНОВ; В. БОРИСОВ; Б. ШРАГИН; Л. ЧУКОВСКАЯ; В. ДОЛГИЙ; ГУСЯКОВА; В. ЗАЙЦЕВ; И. ОВЧИННИКОВ; В. ОСИПОВ; В. РЕПНИКОВ; В. РОДИОНОВ; М. АГУРСКИЙ.

* * *

8 февраля жене СОЛЖЕНИЦЫНА Наталье СВЕТЛОВОЙ пытались вручить повестку с вызовом ее мужа в Прокуратуру СССР; СВЕТЛОВА отказалась взять повестку.

11 февраля вызов был повторен.

* * *

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА СССР, в ответ на ее повторный вызов. В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране (а лично ко мне — и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность Вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение. Прежде, чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных доносчиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид (высылку народов). Лишите сегодня местных и отраслевых сатрапов их беспредельной власти над гражданами, помыкания судами и психиатрами. Удовлетворите миллионы законных, но подавленных жалоб.

11 февраля 1974г.

А. Солженицын

* * *

12 февраля в 5 часов в квартиру СОЛЖЕНИЦЫНА ворвались 8 человек во главе со старшим советником юстиции ЗВЕРЕВЫМ.

СОЛЖЕНИЦЫНУ было предъявлено постановление о приводе в Прокуратуру. Один из участников операции уверял его жену, что Александр Исаевич скоро вернется.

СОЛЖЕНИЦЫНА увели, но в квартире остались двое «гостей», которые заняли посты у двери и телефона и пробыли там около получаса.

От дома СОЛЖЕНИЦЫНА до Прокуратуры СССР не больше десяти минут ходьбы — уже тогда у семьи писателя появилось подозрение, что его повезли не в Прокуратуру.

* * *

Заявление А. Солженицына,
написанное им заранее, на случай ареста:

Я заранее объявляю неправомочным любой уголовный суд над русской литературой, над единой книгой ее, над любым русским автором. Если такой суд будет назначен надо мной — я не пойду на него своими ногами, меня доставят со скрученными руками в воронке. Такому суду я не отвечу ни на один его вопрос. Приговоренный к заключению, не подчинюсь иначе, как в наручниках. В самом заключении, уже отдав свои лучшие восемь лет принудительной казенной работе и заработав там рак, — я не буду работать на угнетателей больше ни получаса. Таким образом я оставляю за ними простую возможность открытых насильников: убить меня за то, что я пишу правду о русской истории.

* * *

В 9 часов вечера стало известно, что Александр СОЛЖЕНИЦЫН арестован.

* * *

...Наступило пятое действие драмы. Позор стране, которая допускает, чтобы оскорбляли ее величие и ее славу. Беда стране, у которой щипцами вырывают язык. Несчастье народу, который обманывают. Благословение и поддержка человеку, который сейчас, грубо разлученный с семьей и друзьями, оболганный перед своим народом, — вот сейчас, сию минуту! — ведет свой беззвучный поединок с незаконным насилием.

12 февраля 1974 г. 23 часа. Москва

Лидия Чуковская

* * *

Вечером 12 февраля в Лефортовской тюрьме СОЛЖЕНИЦЫНУ предъявляется обвинение в измене родине (ст. 64 УК РСФСР). Обвинение подписал старший советник юстиции ЗВЕРЕВ; при предъявлении обвинения присутствовали заместитель Генерального прокурора СССР МАЛЯРОВ.

* * *

На следующий день после ареста, 13 февраля, появилось «Московское обращение». Его авторы: А. САХАРОВ, Е. БОННЭР, В. МАКСИМОВ, М. АГУРСКИЙ, Б. ШРАГИН, П. ЛИТВИНОВ, Ю. ОРЛОВ, свящ. С. ЖЕЛУДКОВ, А. МАРЧЕНКО, Л. БОГОРАЗ требовали:

1. Опубликовать «Архипелаг ГУЛаг» в СССР и сделать его доступным каждому соотечественнику;

2. Опубликовать архивные и иные материалы, которые дали бы полную картину деятельности ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ;

3. Создать международный общественный трибунал по расследованию совершенных преступлений;

4. Оградить СОЛЖЕНИЦЫНА от преследований и дать ему возможность работать на родине.

Авторы «Московского обращения» призвали к созданию в разных странах национальных комитетов по сбору подписей под обращением.

* * *

13 февраля в 13 часов в одиночной камере Лефортовской тюрьмы МАЛЯРОВ прочел СОЛЖЕНИЦЫНУ Указ, лишивший его гражданства СССР.

В тот же день он был насильно выслан из Советского Союза в ФРГ.

После высылки газетная кампания в советской прессе вспыхнула с новой силой и длилась еще неделю.

* * *

14 февраля с поддержкой «Московского обращения» выступила М. ЛАНДА. 17 февраля письмо о присоединении к «Московскому обращению» опубликовали Е. БАРАБАНОВ, Т. ВЕЛИКАНОВА, С. КОВАЛЕВ, Т. ХОДОРОВИЧ. Указав на попытки советских газет представить западных комментаторов и некоторых известных людей Запада сторонниками высылки СОЛЖЕНИЦЫНА, авторы пишут:

«...Неужели свободный мир смирится с очередной фальсификацией его мнения перед обманутым и запутанным народом?... в том, о чем рассказано в книге СОЛЖЕНИЦЫНА, ... есть также и доля вины Запада... Не пора ли осознать со всей ответственностью, что, пользуясь разобщенностью наших миров, пользуясь нашей взаимной неосведомленностью, нас превращают в соучастников...

Солидарность людей не может ограничиться словами. Она — действенна. В этом — наша надежда».

Позднее к «Московскому обращению» присоединились Е.С. АНДРОНОВА, Л. АПТЕКАРЬ, В. БАХМАН, Н.Я. ИОФЕ, О. ИОФЕ, И. КАПЛУН, А. ЛАВУТ, А. ЛЕВИТИН (КРАСНОВ), Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ.

С. ХОДОРОВИЧ, Л. ТЫМЧУК.

По словам писателя Владимира МАКСИМОВА, в ФРГ и Зап. Берлине к «Московскому обращению» присоединились 50 тыс. человек.

* * *

30 марта СССР покинула семья СОЛЖЕНИЦЫНА. Известно письмо его жены. Прощаясь этим письмом с друзьями, она уверенно говорит, что Александр Исаевич, она сама и дети — вернутся.

Источник сайт «Мемориал» (<http://www.memo.ru>)

Владимир Войнович

(Справку см. т. 2, стр. 685)

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА

Председателю ВААП

т. Б.Д. Панкину в ответ на его интервью, опубликованное «Литературной газетой» 26 сентября 1973 года.

Уважаемый Борис Дмитриевич!

Правду сказать, до появления в газете Вашего интервью я волновался, не понимая, в чем дело. Вдруг какой-то совет учредителей создал какое-то агентство по охране каких-то авторских прав.

Для чего?

Авторские права внутри нашей страны порою своеобразно, но все-таки охранялись и раньше. А за рубежом...

Именно это меня всегда волновало. Кто, думал я, больше всего может беспокоиться об охране своих авторских прав за рубежом? Вероятнее всего, те, кто больше других там издается. Например, А. Солженицын, В. Максимов, академик А. Сахаров и прочие так называемые диссиденты, извините за модное слово. Было бы естественно предположить, что именно они и вошли в совет учредителей. Но, узнав, что председателем совета избран товарищ Стукалин, я сразу отмел это предположение. Нет, сказал я себе самому, товарищ Стукалин такой совет никогда не согласится возглавить.

Ваше интервью кое-что прояснило, а кое-что еще больше запутало. С одной стороны, конечно, приятно, что в совет учредителей от писательской общественности вошли такие крупные творческие индивидуальности, как Г. Марков, Ю. Верченко, С. Сартаков и т. д. С другой стороны, непонятно, почему именно они больше других заботятся об охране авторских прав? Ведь на их авторские права за пределами нашего отечества, думается, никто особенно не посягает.

Мне приходили в голову самые нелепые мысли. Я даже подумал, что, может быть, пока я не следил за творчеством этих писателей, они создали небывалые по силе шедевры, над которыми нависла угроза попасть в Самиздат, в «Посев» или, например, к Галлимару. А может быть, они бросились на защиту чужих авторских прав из чистого альтруизма?

Я попытался уяснить себе цели агентства, которое указанные товарищи учредили, а Вы возглавили.

В своем интервью Вы говорите, что деятельность Вашего агентства будет направлена на «усиление обмена подлинными достижениями в различных сферах человеческого духа». Слово «подлинными» подчеркнуто не было, но я его все же заметил. Я подумал, что определять подлинность достижений в сферах человеческого духа — дело довольно сложное. Иногда на это уходили годы, а то и столетия. Надо надеяться, что теперь подлинность достижений будет определяться немедленно.

Кем же? Вашим агентством?

Хотелось бы знать, по каким признакам. Можно ли считать подлинными достижения А. Солженицына? Или теперь подлинными будут считаться достижения товарища Верченко?

В тексте своего интервью Вы справедливо замечаете, что автору того или иного произведения заниматься охраной собственных прав «хлопотно и неэкономично». В подтексте Вы намекаете, что автору станет и вовсе хлопотно, если он, издаваясь за границей, не возьмет в посредники Ваше агентство. В таком случае автор, видимо, считается нарушителем государственной монополии на внешнюю торговлю и автоматически переходит в разряд уголовных преступников.

Это богатая идея. Она таит в себе ряд любопытных возможностей. Например, такую. Передав свое достижение за границу, автор сам становится объектом охраны. Охрану авторских прав вместе с носителем этих прав следует признать самой надежной. В связи с этим, мне кажется, было бы целесообразно возбудить перед компетентными инстанциями ходатайство о передаче в ведение Вашего агентства Лефортовской или Бутырской тюрьмы со штатом охранников и овчарок. Там же можно было бы разместить не только авторов, но и их правопреемников. А поскольку Ваше агентство обещает гражданам государств — участников Всемирной конвенции те же права, что и собственным гражданам, то такую же форму охраны можно было бы распространить и на них.

Меня, однако, смущает следующее обстоятельство. Ваше агентство, судя по всему, является общественной, а не государственной организацией. Но поскольку монополия на внешнюю торговлю принадлежит именно государству, и только ему, то не грозит ли Вашему агентству риск самому быть подвергнутому уголовному преследованию. Если агентство станет объектом охраны, то как оно сможет охранять что-то другое? Над этим, пожалуй, стоит подумать.

И еще одно предложение.

Поскольку Ваше агентство намерено само определять, когда, где и на каких условиях издавать то или иное произведение или не издавать его вовсе, то эта правовая особенность агентства должна, очевидно, отразиться в его названии. Предлагаю впредь именовать его не ВААП, а ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав.

Всего одна лишняя буква на вывеске, а насколько точнее становится смысл!

Развивая это предложение, можно считать естественным присвоение вместе с авторскими правами и самого авторства. В дальнейшем Ваше агентство должно произведения советских авторов издавать от своего имени и нести ответственность за их идейно-художественное содержание.

Желая внести личный вклад в это интересное начинание, прошу автором данного письма (и, естественно, носителем авторских прав) считать агентство ВАПАП.

Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

В. ВОЙНОВИЧ, 1 октября 1973 г. Москва

* * *

В редакцию газеты «Известия»

Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, героев социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова.

*28 января 1980 г., Владимир ВОЙНОВИЧ
Москва*

Источник: самиздатская рукопись.

Александр Солженицын
(Справку см. т. 1, кн. 2, стр. 190)

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ Опыт художественного исследования

Глава 1. Арест

Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда ежечасно летят самолеты, плывут корабли, гремят поезда — но ни единая надпись на них не указывает места назначения. И билетные кассиры, и агенты Совтуриста и Интуриста будут изумлены, если вы спросите у них туда билетик. Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных его островков они не знают, не слышали.

Те, кто едут Архипелагом управлять — попадают туда через училища МВД.

Те, кто едут Архипелаг охранять — призываются через военкоматы.

А те, кто едут туда умирать, как мы с вами, читатель, те должны пройти непременно и единственно — через арест.

Арест!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни? Что это прямой удар молнии в вас? Что это невмещаемое духовное сотрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?

Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас — центр вселенной и мироздание раскалывается, когда вам шипят: «Вы арестованы!»

Если уж вы арестованы — то разве еще что-нибудь устояло в этом землетрясении?

Но затмившимся мозгом не способные охватить этих перемещений мироздания, самые изоощренные и самые простоватые из нас не находятся и в этот миг изо всего опыта жизни выдавить что-нибудь иное, кроме как:

— Я?? За что?!? —

вопрос, миллионы и миллионы раз повторенный еще до нас и никогда не получивший ответа.

Арест — это мгновенный разительный переброс, перекид, перепласт из одного состояния в другое.

По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов — гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались — *что* за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть — а там-то и начинается страна ГУЛаг, совсем рядом, в двух метрах от нас. И еще мы не замечали в этих заборах несметного числа плотно подогнанных, хорошо замаскированных двéрок, калиток. Все, все эти калитки были приготовлены для нас! — и вот распахнулась быстро роковая одна, и четыре белых мужских руки, не привыкших к труду, но схватчивых, уцепляют нас за ногу, за руку, за воротник, за шапку, за ухо — вволакивают как куль, а калитку за нами, калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда.

Всё. Вы — арестованы!

И нич-ч-чего вы не находитесь на это ответить, кроме ягнячьего бляения:

— Я-а?? За что??.. Вот что такое арест: это ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится полноправным настоящим.

И всё. И ничего больше вы не способны усвоить ни в первый час, ни в первые даже сутки.

Еще померцает вам в вашем отчаянии цирковая игрушечная луна: «Это ошибка! Разберутся!»

Всё же остальное, что сложилось теперь в традиционное и даже литературное представление об аресте, накопится и состроится уже не в вашей смятенной памяти, а в памяти вашей семьи и соседей по квартире.

Это — резкий ночной звонок или грубый стук в дверь. Это — бравый вход невытираемых сапог бодрствующих оперативников. Это — за спинами их напуганный прибитый понятой. (А зачем этот понятой? — думать не смеют жертвы, не помнят оперативники, но положено по инструкции, и надо ему всю ночь просидеть, а к утру расписаться. И для выхваченного из постели понятого это тоже мука: ночь за ночью ходить и помогать арестовывать своих соседей и знакомых).

Традиционный арест — это еще сборы дрожащими руками для уводимого: смены белья, куска мыла, какой-то еды, и никто не знает, *что* надо, *что* можно и *как* лучше одеть, а оперативники торопят и обрывают: «Ничего не надо. Там накормят. Там тепло». (Всё лгут. А торопят — для страху.)

Традиционный арест — это еще потом, после увода взятого бедняги, много-часовое хозяйничанье в квартире жесткой чужой подавляющей силы. Это — взламывание, вскрытие, сброс и срыв со стен, выброс на пол из шкафов и столов, вытряхивание, рассыпание, разрывание — и нахламление горами на полу, и хруст под сапогами. И ничего святого нет во время обыска! При аресте паровозного машиниста Иношина в комнате стоял гробик с его только что умершим ребенком. Юристы выбросили ребенка из гробика, они искали и там. И вытряхивают больных из постели, и разбинтовывают повязки [1]. И ничто во время обыска не может быть признано нелепым! У любителя старины Четвертухина захватили «столько-то листов царских указов» — именно, указ об окончании войны с Наполеоном, об образовании Священного Союза, и молебен против холеры 1830-го года. У нашего лучшего знатока Тибета Вострикова изъяли драгоценные тибетские древние рукописи (и ученики умершего еле вырвали их из КГБ через 30 лет!). При аресте востоковеда Невского забрали тангутские рукописи (а через 25 лет за расшифровку их покойному посмертно присуждена ленинская премия). У Каргера замели архив енисейских остяков, запретили изобретённую им письменность и букварь — и остался народец без письменности. Интеллигентным языком это долго всё описывать, а народ говорит об обыске так: ищут, чего не клали.

Отобранное увозят, а иногда заставляют нести самого арестованного — как Нина Александровна Пальчинская потащила за плечом мешок с бумагами и письмами своего вечно-деятельного покойного мужа, великого инженера России — в пасть к НИМ, навсегда, без возврата.

А для оставшихся после ареста — долгий хвост развороченной опустошенной жизни. И попытка пойти с передачами. Но изо всех окошек лающими голо-

сами: «такой не числится», «такого нет!» Да к окошку этому в худые дни Ленинграда еще надо пять суток толпиться в очереди. И только может быть через полгода-год сам арестованный аукнется или выбросят: «Без права переписки». А это уже значит — навсегда. «Без права переписки» — это почти наверняка: расстрелян [2].

Так представляем мы себе арест.

И верно, ночной арест описанного типа у нас излюблен, потому что в нём есть важные преимущества. Все живущие в квартире ущемлены ужасом от первого же стука в дверь. Арестуемый вырван из тепла постели, он еще весь в полусонной беспомощности, рассудок его мутен. При ночном аресте оперативники имеют перевес в силах: их приезжает несколько вооруженных против одного, не достигнувшего брюк; за время сборов и обыска наверняка не соберется у подъезда толпа возможных сторонников жертвы. Неторопливая постепенность прихода в одну квартиру, потом в другую, завтра в третью и в четвертую, даёт возможность правильно использовать оперативные штаты и посадить в тюрьму многократно больше жителей города, чем эти штаты составляют.

И еще то достоинство у ночных арестов, что ни соседние дома, ни городские улицы не видят, скольких увезли за ночь. Напугав самых ближних соседей, они для дальних не событие. Их как бы и не было. По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, — днем шагает молодое племя со знаменами и цветами и поет неомраченные песни.

Но у берущих, чья служба и состоит из одних только арестов, для кого ужасы арестованных повторительны и докучны, у них понимание арестной операции гораздо шире. У них — большая теория, не надо думать в простоте, что её нет. Арестознание — это важный раздел курса общего тюремоведения, и под него подведена основательная общественная теория. Аресты имеют классификацию по разным признакам: ночные и дневные; домашние, служебные, путевые; первичные и повторные; расчлененные и групповые. Аресты различаются по степени требуемой неожиданности, по степени ожидаемого сопротивления (но в десятках миллионов случаев сопротивления никакого не ожидалось, как и не было его). Аресты различаются по серьезности заданного обыска [3]; по необходимости делать или не делать опись для конфискации, опечатку комнат или квартиры; по необходимости арестовывать вслед за мужем также и жену, а детей отправлять в детдом, либо весь остаток семьи в ссылку, либо еще и стариков в лагерь.

Нет-нет, аресты очень разнообразны по форме. Ирма Мендель, венгерка, достала как-то в Коминтерне (1926 год) два билета в Большой Театр, в первые ряды. Следователь Клегель ухаживал за ней, и она его пригласила. Очень нежно они провели весь спектакль, а после этого он повез её... прямо на Лубянку. И если в цветущий июньский день 1927 года на Кузнецком мосту полнолицую русокоую красавицу Анну Скрипникову, только что купившую себе синей ткани на платье, какой-то молодой франт подсаживает на извозчика (а извозчик уже понимает и хмурится: Органы не заплатят ему) — то знайте, что это не любовное свидание, а тоже арест: они завернут сейчас на Лубянку и въедут в черную пасть ворот. И если (двадцать две весны спустя) кавторанг Борис Бурковский в белом кителе, с запахом дорогого одеколона, покупает торт для девушки — не клянитесь, что этот торт достанется девушке, а не будет иссечен

ножами обыскивающих и внесён кавторангом в его первую камеру. Нет, никогда у нас не был в небрежении и арест дневной, и арест в пути, и арест в кипящем многолюдьи. Однако, он исполняется чисто и — вот удивительно! — сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обречённого.

Не всякого можно арестовывать дома с предварительным стуком в дверь (а если уж стучит, то «управдом, почтальон»), не всякого следует арестовывать и на работе. Если арестуемый злоумен, его удобно брать в отрыве от привычной обстановки — от своих семейных, от сослуживцев, от единомышленников, от тайников: он не должен успеть ничего уничтожить, спрятать, передать. Крупным чинам, военным или партийным, порой давали сперва новое назначение, подавали салон-вагон, а в пути арестовывали. Какой же нибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетенный исподлобными взглядами начальства, — вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путевку в сочинский санаторий. Кролик прочувствовался — значит, его страхи были напрасны. Он благодарит, он, ликуя, спешит домой собирать чемодан. До поезда два часа, он ругает неповоротливую жену. Вот и вокзал! Еще есть время. В пассажирском зале или у стойки с пивом его окликает симпатичнейший молодой человек: «Вы не узнаете меня, Петр Иванович?» Петр Иванович в затруднении: «Как будто нет, хотя...» Молодой человек изливается таким дружелюбным расположением: «Ну, как же, как же, я вам напомню...» и почтительно кланяется жене Петра Ивановича: «Вы простите, Ваш супруг через одну минутку...» Супруга разрешает, незнакомец уводит Петра Ивановича доверительно под руку — навсегда или на десять лет!

А вокзал снуёт вокруг — и ничего не замечает... Граждане, любящие путешествовать! Не забывайте, что на каждом вокзале есть отделение ГПУ и несколько тюремных камер.

Эта назойливость мнимых знакомых так резка, что человеку без лагерной волчьей подготовки от неё как-то и не отвязаться. Не думайте, что если вы — сотрудник американского посольства по имени, например, Ал-р Д., то вас не могут арестовать среди бела дня на улице Горького близ центрального телеграфа. Ваш незнакомый друг кинется к вам через людскую гущу, распахнув грабастые руки: «Са-ша! — не таится, а просто кричит он. — Керюха! Сколько лет, сколько зим?!.. Ну, отойдем в сторонку, чтоб людям не мешать». А в сторонке-то, у края тротуара, как раз «Победа» подъехала... (Через несколько дней ТАСС будет с гневом заявлять во всех газетах, что компетентным кругам ничего не известно об исчезновении Ал-ра Д.). Да что тут мудрого? Наши молодцы такие аресты делали в Брюсселе (так взят Жора Бледнов), не то что в Москве.

Надо воздать Органам заслуженное: в век, когда речи ораторов, театральные пьесы и дамские фасоны кажутся вышедшими с конвейера, — аресты могут показаться разнообразными. Вас отводят в сторону на заводской проходной, после того как вы себя удостоверили пропуском — и вы взяты; вас берут из военного госпиталя с температурой 39 (Анс Бернштейн), и врач не возражает против вашего ареста (попробовал бы он возразить); вас берут прямо с операционного стола, с операции язвы желудка (Н.М. Воробьёв, инспектор крайнаробраза, 1936 г.) — и еле живого, в крови, привозят в камеру (вспоминает Кар-

пунич); вы (Надя Левитская) добиваетесь свидания с осуждённой матерью, вам дают его! — а это оказывается очная ставка и арест! Вас в «Гастрономе» приглашают в отдел заказов и арестовывают там; вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради; вас арестовывает монтёр, пришедший снять показания счётчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с вами на улице; железнодорожный кондуктор, шофёр такси, служащий сберегательной кассы и киноадминистратор — все они арестовывают вас, и с опозданием вы видите глубоко запрятанное бордовое удостоверение.

Иногда аресты кажутся даже игрой — столько положено на них избыточной выдумки, сытой энергии, а ведь жертва не сопротивлялась бы и без этого. Хотят ли оперативники так оправдать свою службу и свою многочисленность? Ведь кажется достаточно разослать всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к черным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере. (Да колхозников так и берут, неужели еще ехать к его хате ночью по бездорожью? Его вызывают в сельсовет, там и берут. Чернорабочего вызывают в контору.)

Конечно, у всякой машины свой заглот, больше которого она не может. В натужные налитые 1945-46 годы, когда шли и шли из Европы эшелоны, и их надо было все сразу поглотить и отправить в ГУЛаг, — уже не было этой избыточной игры, сама теория сильно полиняла, облетели ритуальные перья, и выглядел арест десятков тысяч как убогая переключка: стояли со списками, из одного эшелона выкликали, в другой сажали, и вот это был весь арест.

Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди ни в чём не виновные, а потому и не подготовленные ни к какому сопротивлению. Создавалось общее чувство обреченности, представление (при паспортной нашей системе довольно, впрочем, верное), что от ГПУ-НКВД убежать невозможно. И даже в разгар арестных эпидемий, когда люди, уходя на работу, всякий день прощались с семьей, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, — даже тогда они почти не бежали (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам.

Это происходило еще от непонимания механики арестных эпидемий. Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора — какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры. Заполнение цифры могло быть закономерно, могло же носить случайный характер. В 1937 году в приемную новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленным сосунком-ребенком её арестованной соседки. «Посидите, — сказали ей, — выясним». Она посидела часа два — её взяли из приемной и отвели в камеру: надо было спешно заполнять число, и не хватало сотрудников рассылать по городу, а эта уже была здесь! Наоборот, к латышу Андрею Павлу под Оршей пришлось НКВД его арестовать; он же, не открывая двери, высочил в окно, успел убежать и напрямик уехал в Сибирь. И хотя жил он там под своей же фамилией, и ясно было по документам, что он — из Орши, он НИКОГДА не был посажен, ни вызван в Органы, ни подвергнут какому-либо подозрению. Ведь существует три вида розыска: всесоюзный, республиканский и областной, и почти по половине арестованных в те эпидемии не стали бы объяв-

лять розыска выше областного. Намеченный к аресту по случайным обстоятельствам, вроде доноса соседа, человек легко заменялся другим соседом. Подобно А. Павлу и люди, случайно попавшие под облаву или на квартиру с засадой и имевшие смелость в те же часы бежать, еще до первого допроса — никогда не ловились и не привлекались; а те, кто оставался дожидаться справедливости — получал срок. И почти все, подавляюще, держались именно так: малодушно, беспомощно, обреченно.

Правда и то, что НКВД при отсутствии нужного ему лица, брало подписку о невыезде с родственников и ничего, конечно, не составляло оформить оставшихся вместо бежавшего.

Всеобщая невинность порождает и всеобщее бездействие. Может, тебя еще и не возьмут? Может, обойдется? А.И. Ладыженский был ведущим преподавателем в школе захолустного Кологрива. В 37-м году на базаре к нему подошел мужик и от кого-то передал: «Александр Иванович, уезжай, ты в списках!» Но он остался: ведь на мне же вся школа держится, и их собственные дети у меня учатся — как же они могут меня взять?.. (Через несколько дней арестован.) Не каждому дано, как Ване Левитскому, уже в 14 лет понимать: «Каждый честный человек должен попасть в тюрьму. Сейчас сидит папа, а вырасту я — и меня посадят» (его посадили двадцати трех лет.) Большинство коснеет в мерцающей надежде. Раз ты невиновен — то за что же могут тебя брать? ЭТО ОШИБКА! Тебя уже волокут за шиворот, а ты всё заклинаешь про себя: «Это ошибка! Разберутся — выпустят!» Других сажают повально, это тоже нелепо, но там еще в каждом случае остаются потемки: «а может быть этот как раз?..» а уж ты! — ты-то наверняка невиновен! Ты еще рассматриваешь Органы как учреждение человечески-логичное: разберутся-выпустят.

И зачем тебе тогда бежать?.. И как же можно тебе тогда сопротивляться?.. Ведь ты только ухудшишь свое положение, ты помешаешь разобраться в ошибке. Не то, что сопротивляться — ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали [4].

И потом — чему именно сопротивляться? Отобранию ли у тебя ремня? Или приказанию отойти в угол? Или переступить через порожек дома? Арест состоит из мелких околичностей, многочисленных пустяков — и ни из-за какого в отдельности как будто нет смысла спорить (когда мысли арестованного вьются вокруг великого вопроса: «за что?!») — а все-то вместе эти околичности неминуемо и складываются в арест.

Да мало ли что бывает на душе у свежее-арестованного! — ведь это одно стоит книги. Там могут быть чувства, которых мы и не заподозрим. Когда арестовали в 1921 году 19-летнюю Евгению Дояренко, и три молодых чекиста рылись в её постели, в её комод с бельем, она оставалась спокойна: ничего нет, ничего и не найдут. И вдруг они коснулись её интимного дневника, которого она даже матери не могла бы показать — и это чтение её строк враждебными чужими парнями поразило её сильнее, чем вся Лубянка с её решетками и подвалами. И у многих эти личные чувства и привязанности, поражаемые арестом, могут быть куда сильнее страха тюрьмы или политических мыслей. Человек, внутренне не подготовленный к насилию, всегда слабей насильника.

Редкие умницы и смельчаки соображают мгновенно. Директор геологичес-

кого института Академии Наук Григорьев, когда пришли его арестовывать в 1948 году, забаррикадировался и два часа жег бумаги.

Иногда главное чувство арестованного — облегчение и даже... РАДОСТЬ, но бывало это во времена арестных эпидемий: когда вокруг берут и берут таких, как ты, а за тобой всё что-то не идут, всё что-то медлят — ведь это изнеможение, это страдание хуже всякого ареста и не только для слабой души. Василий Власов, бесстрашный коммунист, которого мы еще помянем не раз, отказавшийся от бегства, предложенного ему беспартийными его помощниками, изнемогал от того, что все руководство Кадыйского района арестовали (1937 г.), а его всё не брали, всё не брали. Он мог принять удар только лбом — принял и успокоился, и первые дни ареста чувствовал себя великолепно. — Священник отец Иракий в 1934 г. поехал в Алма-Ату навестить ссыльных верующих, а тем временем приходили его арестовывать. Когда он возвращался, прихожанки встретили его на вокзале и не допустили домой, 8 лет перепрыгивали с квартиры на квартиру. От этой загнанной жизни священник так измучился, что когда его в 1942-м всё-таки арестовали — он радостно пел Богу хвалу.

В этой главе мы все говорим о массе, о кроликах, посаженных неведомо за что. Но придется нам в книге еще коснуться и тех, кто и в новое время оставался подлинно политическим. Вера Рыбакова, студентка-социал-демократка, на воле мечтала о суздальском изоляторе: только там она рассчитывала встретиться со старшими товарищами (на воле их уже не осталось) и там выработать свое мировоззрение. Эсерка Екатерина Олицкая в 1924 году даже считала себя недостойной быть посаженной в тюрьму: ведь её прошли лучшие люди России, а она еще молода и еще ничего для России не сделала. Но и воля уже изгоняла её из себя. Так обе они шли в тюрьму — с гордостью и радостью.

«Сопrotивление! Где же было ваше сопротивление?» — бранят теперь страдавших те, кто оставался благополучен.

Да, начинаться ему отсюда, от самого ареста.

Не началось.

И вот — вас ведут. При дневном аресте обязательно есть этот короткий неповторимый момент, когда вас — неявно, по трусливому уговору, или совершенно явно, с обнаженными пистолетами — ведут сквозь толпу между сотнями таких же невиновных и обреченных. И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы КРИЧАТЬ! Кричать, что вы арестованы! что переодетые злодеи ловят людей! что хватают по ложным доносам! что идет глухая расправа над миллионами! И слыша такие выкрики много раз на день и во всех частях города, может быть сограждане наши оцетинились бы? может аресты не стали бы так легки!?

В 1927-м году, когда покорность еще не настолько размягчила наши мозги, на Серпуховской площади днем два чекиста пытались арестовать женщину. Она схватила фонарный столб, стала кричать, не даваться. Собралась толпа. (Нужна была такая женщина, но нужна ж была и такая толпа! Прохожие не все потупили глаза, не все поспешили шмыгнуть мимо!) Расторопные эти ребята сразу смутились. Они не могут работать при свете общества. Они сели в автомобиль и бежали. (И тут бы женщине сразу на вокзал и уехать! А она пошла ночевать домой. И ночью отвезли её на Лубянку.) Но с ваших пересохших губ

не срывается ни единого звука, и минующая толпа беспечно принимает вас и ваших палачей за прогуливающихся приятелей.

Сам я много раз имел возможность кричать.

На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда, обремененные четырьмя чемоданами трофеев больше, чем мною (на меня за долгую дорогу они уже положились), привезли меня на Белорусский вокзал Москвы. Назывались они спецконвой, на самом деле автоматы только мешали им тащить четыре тяжелейших чемодана — добро, награбленное в Германии ими самими и их начальниками из контр-разведки СМЕРШ 2-го Белорусского фронта, и теперь под предлогом конвоирования меня отвозимое семьям в Отечество. Пятый чемодан безо всякой охоты тащил я, в нём везлись мои дневники и творения — улики на меня.

Они все трое не знали города, и я должен был выбирать кратчайшую дорогу к тюрьме, я сам должен был привести их на Лубянку, на которой они никогда не были (а я её путал с министерством иностранных дел).

После суток армейской контр-разведки; после трёх суток в контр-разведке фронтовой, где однокамерники меня уже образовали (в следовательских обманах, угрозах, битье; в том, что однажды арестованного никогда не выпускают назад; в неотклонимости десятки) — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду как вольный, и среди вольных, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у параша, хотя глаза мои уже видели избитых и бессонных, уши слышали истину, рот отведал баланды — почему ж я молчу? почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?

Я молчал в польском городе Бродницы — но, может быть, там не понимают по-русски? Я ни слова не крикнул на улицах Белостока — но, может быть поляков это все не касается? Я ни звука не проронил на станции Волковыск — но она была малолюдна. Я как ни в чём не бывало шагал с этими разбойниками по минскому перрону — но вокзал еще разорён. А теперь я ввожу за собой смершевцев в белокупольный круглый верхний вестибюль метро Белорусского-радиального, он залит электричеством, и снизу вверх навстречу нам двумя параллельными эскалаторами поднимаются густо-уставленные москвичи. Они, кажется, все смотрят на меня! они бесконечной лентой оттуда, из глубины незнания — тянутся, тянутся, под сияющий купол ко мне хоть за словечком истины — так что ж я молчу?!..

А у каждого всегда дюжина гладеньких причин, почему он прав, что не жертвует собой.

Одни еще надеются на благополучный исход и криком своим боятся его нарушить (ведь к нам не поступают вести из потустороннего мира, мы уже не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту, и ухудшить её нельзя). Другие еще не дозрели до тех понятий, которые слагаются в крик к толпе. Ведь это только у революционера его лозунги на губах и сами рвутся наружу, а откуда они у смиренного, ни в чём не замешанного обывателя? он просто НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ему кричать. И наконец, еще есть разряд людей, у которых грудь слишком переполнена, глаза слишком много видели, чтобы можно было выплеснуть это озеро в нескольких бессвязных выкриках.

А я — я молчу еще по одной причине: потому, что этих москвичей, оставив-

ших ступеньки двух эскалаторов, мне всё равно мало — м а л о! Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами?.. Смутно чудится мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам...

А пока, не раскрывшего рот, эскалатор неудержимо сволакивает меня в преисподнюю.

И еще я в Охотном ряду смолчу.
Не крикну около «Метрополя».
Не взмахну руками на Голгофской
Лубянской площади...

У меня был, наверно, самый легкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни. Дряблым европейским февралем он выхватил меня из нашей узкой стрелки к Балтийскому морю, где окружили не то мы немцев, не то они нас — и лишил только привычного дивизиона да картины трех последних месяцев войны.

Комбриг вызвал меня на КП, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежало двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекло комнату и четырьмя руками одновременно хватаясь за звездочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы — арестованы!!

И обожженный и проколотый от головы к пяткам, я не нашелся ничего умней, как:

— Я? За что?!..

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно — я его получил! Это стоит упомянуть потому, что уж слишком непохоже на наш обычай. Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления, и, угнетаемые дрожанием стёкол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу, — раздалось вдруг твердое обращение ко мне — да! через этот глухой обруб между остававшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова «арестован», через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немислимые, сказочные слова комбрига!

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за свое подневольное участие в грязном деле? порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из мешка, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжелых орудий, я вывел почти что целой свою развед-батарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и май-

ор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость комбрига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига материал). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда её мне не протягивал!) и, с отеплённостью всегда сурового лица сказал бесстрашно, раздельно:

— Желая вам — счастья — капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблаченный враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья — врагу?..

Дрожали стёкла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах, напоминая, что этого не могло бы случиться там глубже на нашей земле, под колпаком устоявшегося бытия, а только под дыханием близкой и ко всем равной смерти [5].

Эта книга не будет воспоминаниями о собственной жизни. Поэтому я не буду рассказывать о забавнейших подробностях моего ни на что не похожего ареста. В ту ночь смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались), и с любезностями вручили её мне и просили говорить шофёру, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привез в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер. Но вот об этой кладовочке немецкого крестьянского дома, служившей временным карцером, нельзя упустить.

Она имела длину человеческого роста, а ширину — троим лежать тесно, а четверым — впритыку. Я как раз был четвертым, втолкнув уже после полуночи, трое лежавших поморщились на меня со сна при свете керосиновой коптилки и подвинулись. Так на истолченной соломке пола стало нас восемь сапог к двери и четыре шинели. Они спали, я пылал. Чем самоуверенней я был капитаном пол-дня назад, тем больней было защемиться на дне этой каморки. Раз другой ребята просыпались от затёклости бока, и мы разом переворачивались.

К утру они отоспались, зевнули, крикнули, подобрали ноги, рассунулись в разные углы, и началось знакомство.

— А ты за что?

Но смутный ветерок настороженности уже опажнул меня под отравленной кровлею СМЕРШа, и я простосердечно удивился:

— Понятия не имею. Рази ж говорят, гады?

Однако сокамерники мои — танкисты в черных мягких шлемах, не скрывали. Это были три честных, три немудрящих солдатских сердца — род людей, к которым я привязался за годы войны, будучи сам и сложнее и хуже. Все трое они были офицерами. Погоны их тоже были сорваны с озлоблением, кое-где торчало и нитяное мясо. На замызганных гимнастерках светлые пятна были следы свинченных орденов, темные и красные рубцы на лицах и руках — память ранений и ожогов. Их дивизион на беду пришел ремонтироваться сюда, в

ту же деревню, где стояла контрразведка СМЕРШ 48-й Армии. Отволгнув от боя, который был позавчера, они вчера выпили и на задворках деревни вломились в баню, куда, как они заметили, пошли мыться две забористые девки. От их плохопослушных пьяных ног девушки успели, полуодевшись, ускакать. Но оказалась одна из них не чья-нибудь, а — начальника контрразведки Армии.

Да! Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие; окажись они польки или наши угнанные русачки — их можно было бы во всяком случае гонять голыми по огороду и хлопать по ляжкам — забавная шутка, не больше. Но поскольку эта была «походно-полевая жена» начальника контрразведки — с трех боевых офицеров какой-то тыловой сержант сейчас же злобно сорвал погоны, утвержденные им приказом по фронту, снял ордена, выданные Президиумом Верховного Совета — и теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала, который без их танка еще б и не добрался до этой деревни.

Коптилку мы погасили, и так уж она сожгла всё, чем нам тут дышать. В двери был прорезан волчок величиной с почтовую открытку, и оттуда падал не прямой свет коридора. Будто беспокоясь, что с наступлением дня нам в камере станет слишком просторно, к нам тут же подкинули пятого. Он вшагнул в новенькой красноармейской шинели, шапке тоже новой, и, когда стал против волчка, явил нам курносое свежее лицо с румянцем во всю щеку.

— Откуда, брат? Кто такой?

— С той стороны, — бойко ответил он. — Шпиён.

— Шутишь? — обомлели мы. (Чтобы шпион и сам об этом говорил — так никогда не писали Шейнин и братья Тур!)

— Какие могут быть шутки в военное время! — рассудительно вздохнул паренёк. — А как из плена домой вернуться? — ну, научите.

Он едва успел начать нам рассказ, как его сутки назад немцы перевели через фронт, чтоб он тут шпионил и рвал мосты, а он тотчас же пошёл в ближайший батальон сдаваться, и бессонный измотанный комбат никак ему не верил, что он шпион, и посылал к сестре выпить таблеток — вдруг новые впечатления ворвались к нам:

— На оправку! Руки назад! — звал через распахнувшуюся дверь старшина-лоб, вполне бы годный перетягивать хобот 122-х миллиметровой пушки.

По всему крестьянскому двору уже расставлено было оцепление автоматчиков, охранявшее указанную нам тропку в обход сарая. Я взрывался от негодования, что какой-то невежа-старшина смел командовать нам, офицерам, «руки назад», но танкисты взяли руки назад, и я пошел вослед.

За сараем был маленький квадратный загон с еще нестаявшим утоптаным снегом — и весь он был загажен кучками человеческого кала, так беспорядочно и густо по всей площади, что нелегка была задача — найти где бы поставить две ноги и присесть. Всё же мы разобрались и в разных местах присели все пятеро. Два автоматчика угрюмо выставили против нас, низко присевших, автоматы, а старшина, не прошло минуты, резко понукал:

— Ну, поторапливайся! У нас быстро оправляются!

Невдалеке от меня сидел один из танкистов, ростовчанин, рослый хмурый старший лейтенант. Лицо его было зачернено налетом металлической пыли или дыма, но большой красный шрам через щеку хорошо на нём заметен.

— Где это у вас? — тихо спросил он, не выказывая намерения торопиться в карцер, пропахший керосином.

— В контрразведке СМЕРШ! — гордо и звончей, чем требовалось, отрубил старшина. (Контрразведчики очень любили это безвкусно-сляпанное — из «смерть шпионам!» — слово. Они находили его пугающим.)

— А у нас — медленно, — раздумчиво ответил старший лейтенант. Его шлем сбился назад, обнажая на голове еще не состриженные волосы. Его одубелая фронтальная задница была подставлена приятному холодному ветерку.

— Где это — у вас? — громче, чем нужно, гавкнул старшина.

— В Красной Армии, — очень спокойно ответил старший лейтенант с короточек, меряя взглядом несостоявшегося хоботного.

Таковы были первые глотки моего тюремного дыхания.

[1] Когда в 1937 г. громили институт доктора Казакова, то сосуды с лизатами, изобретенными им, «комиссия» разбивала, хотя вокруг прыгали исцеленные и исцеляемые калеки и умоляли сохранить чудодейственные лекарства. (По официальной версии лизаты считались ядами — и отчего ж было не сохранить их как вещественные доказательства?)

[2] Одним словом, «мы живём в проклятых условиях, когда человек пропадает без вести и самые близкие люди, жена и мать... годами не знают, что случилось с ним». Правильно? нет? Это написал Ленин в 1910 году в некрологе о Бабушкине. Только выразим прямо: вёз Бабушкин транспорт оружия для восстания, с ним и расстреляли. Он знал, на что шел. Не скажешь этого о кроликах, нас.

[3] И еще отдельно есть целая Наука Обыска (и мне удалось прочесть брошюру для юристов-заочников Алма-Аты). Там очень хвалят тех юристов, которые при обыске не поленились перевернуть 2 тонны навоза, 6 кубов дров, 2 воза сена, очистили от снега целый приусадебный участок, вынимали кирпичи из печей, разгребали выгребные ямы, проверяли унитазы, искали в собачьих будках, курятниках, скворечниках, прокалывали матрасы, срывали с тел пластиковые наклейки и даже рвали металлические зубы, чтобы найти в них микродокументы. Студентам очень рекомендуется начав с личного обыска, им же и закончить (вдруг человек подхватил что-либо из обысканного); и еще раз потом прийти в то же место, но в новое время суток — и снова сделать обыск.

[4] Как потом в лагерях жгло: а что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернется ли он живым, и прощался бы со своей семьёй? Если бы во времена массовых п о с а д о к, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, — а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придется? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями идут — так не ошибешься, хрястув по душегубцу. Или тот воронок с одиноким шофёром, оставшийся на улице — угнать его либо скаты проколоть. Органы быстро бы не досчитались сотрудинок и подвижного состава, и несмотря на всю жажду Сталина — остановилась бы проклятая машина!

* Если бы... если бы... Не хватало нам свободолюбия. А еще прежде того — осознания истинного положения. Мы истратились в одной безудержной вспышке семнадцатого года, а потом СПЕШИЛИ покориться, С УДОВОЛЬСТВИЕМ покорялись. (Артур Рэнсом описывает один рабочий митинг в Ярославле в 1921 г. Из Москвы от ЦК к рабочим приехали советоваться по существу

спора о профсоюзах. Представитель оппозиции Ю. Ларин разъяснял рабочим, что профсоюз должен быть защитой от администрации, что у них есть завоеванные права, на которые никто не имеет права посягнуть. Рабочие отнеслись совершенно равнодушно, просто НЕ ПОНИМАЯ, от кого еще нужна им защита и зачем еще нужны им права. Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень, и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище, армейского подчинения заводской администрации — это вызывало восторг митинга и аплодисменты). Мы просто ЗАСЛУЖИЛИ всё дальнейшее.

[5] И вот удивительно: человеком всё-таки МОЖНО быть! — Травкин не пострадал. Недавно мы с ним радушно встретились и познакомились впервые. Он — генерал в отставке и ревизор в союзе охотников.

Глава 2. История нашей канализации

<...>

Парадоксально: всей многолетней деятельности всепроникающих и вечно бодрствующих Органов дала силу всего навсего ОДНА статья из ста сорока восьми статей не-общего раздела Уголовного Кодекса 1926 года. Но в похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании.

Кто из нас не изведal на себе ее всеохватывающих объятий? Воистину, нет такого проступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть наказаны дланью Пятьдесят Восьмой статьи.

Сформулировать ее так широко было невозможно, но оказалось возможно так широко ее истолковать.

58-я статья не составила в кодексе главы о политических преступлениях, и нигде не написано, что она «политическая». Нет, вместе с преступлениями против порядка управления и бандитизмом она сведена в главу «преступлений государственных». Так Уголовный кодекс открывается с того, что отказывается признать кого-либо на своей территории преступником политическим — а только уголовным.

58-я статья состояла из четырнадцати пунктов.

Из первого пункта мы узнаем, что контрреволюционным признается всякое действие (по ст. 6-УК — и бездействие) направленное... на ослабление власти...

При широком истолковании оказалось: отказ в лагере пойти на работу, когда ты голоден и изнеможен — есть ослабление власти. И влечет за собой — расстрел. (Расстрелы отказчиков во время войны).

С 1934 года, когда нам возвращен был термин Родина, были и сюда вставлены подпункты измены Родине — 1-а, 1-б, 1-г. По этим пунктам действия, совершенные в ущерб военной мощи СССР, караются расстрелом (1-б) и лишь в смягчающих обстоятельствах и только для гражданских лиц (1-а) — десятью годами.

Широко читая: когда нашим солдатам за сдачу в плен (ущерб военной мощи!) давалось всего лишь десять лет, это было гуманно до противозаконности. Согласно сталинскому кодексу, они по мере возврата на родину должны были быть все расстреливаемы.

(Или вот еще образец широкого чтения. Хорошо помню одну встречу в Бутырках летом 1946 года. Некий поляк родился в Лемберге, когда тот был в составе Австро-Венгерской империи. До второй мировой войны жил в своем родном городе в Польше, потом переехал в Австрию, там служил, там в 1945 году и арестован нашими. Он получил десятку по статье 54-1-а украинского кодекса, то есть за измену своей родине Украине! — так как ведь город Лемберг стал к тому времени украинским Львовом! И бедняга не мог доказать на следствии, что уехал в Вену не с целью изменить Украине! Так он иссобачился стать предателем).

Еще важным расширением пункта об измене было применение его «через статью 19-ю УК» — «через намерение». То есть, никакой измены не было, но следователь усматривал намерение изменить — и этого было достаточно, чтобы дать полный срок, как и за фактическую измену. Правда, статья 19-я предлагает карать не за намерение, а за подготовку, но при диалектическом чтении можно и намерение понять как подготовку. А «приготовление наказуемого так же (т. е. равным наказанием), как и само преступление» (УК). В общем мы не отличаем намерения от самого преступления и в этом превосходство советского законодательства перед буржуазным! [26].

Пункт второй говорит о вооруженном восстании, захвате власти в центре и на местах и в частности для того, чтобы насильственно отторгнуть какую-либо часть Союза Республик. За это — вплоть до расстрела (как и в КАЖДом следующем пункте).

Расширительно (как нельзя было бы написать в статье, но как подсказывает революционное правосознание): сюда относится всякая попытка осуществить право любой республики на выход из Союза. Ведь «насильственно» — не сказано, по отношению к кому. Даже если все население республики захотело бы отделиться, а в Москве этого бы не хотели, отделение уже будет насильственным. И так, все эстонские, латышские, литовские, украинские и туркестанские националисты легко получали по этому пункту свои десять и двадцать пять.

Третий пункт — «способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны». Этот пункт давал возможность осудить ЛЮБОГО гражданина, бывшего под оккупацией, прибил ли он каблук немецкому военнослужащему, продал ли пучок редиски, или гражданку, повысившую боевой дух оккупанта тем, что танцевала с ним и провела ночь. Не всякий БЫЛ осужден по этому пункту (из-за обилия оккупированных), но МОГ быть осужден всякий.

Четвертый пункт говорил о (фантастической) помощи, оказываемой международной буржуазии.

Казалось бы: кто может сюда относиться? Но, широко читая с помощью революционной совести, легко нашли разряд: все эмигранты, покинувшие страну до 1920-го года, то есть за несколько лет до написания самого этого кодекса, и настигнутые нашими войсками в Европе через четверть столетия (1944-1945 гг.), получали 58-4: десять лет или расстрел. Ибо что ж делали они за границей, как не способствовали мировой буржуазии? (На примере музыкального общества мы уже видели, что способствовать можно было и изнутри СССР.) Ей же способствовали все эсеры, все меньшевики (для них и статья задумана), а потом инженеры Госплана и ВСНХ.

Пятый пункт: склонение иностранного государства к объявлению войны СССР.

Упущенный случай: распространить этот пункт на Сталина и его дипломатическое и военное окружение в 1940-41 годах. Их слепота и безумие к тому и вели. Кто ж, как не они, ввергли Россию в позорные невиданные поражения, несравненные с поражениями царской России в 1904 или 1915 году? поражения, каких Россия не знала с XIII века?

Шестой пункт — шпионаж был прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было бы заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок. Шпионаж — это было нечто очень удобное по своей простоте, понятное и неразвитому преступнику, и ученому юристу, и газетчику, и общественному мнению [27].

Широта прочтения еще была здесь в том, что осуждали не прямо за шпионаж, а за

ПШ — подозрение в шпионаже (или — НШ — Недоказанный Шпионаж, и за него всю катушку!)

и даже за

СВПШ — связи, ведущие (!) к подозрению в шпионаже.

То есть, например, знакомая знакомой вашей жены шила платье у той же портнихи (конечно, сотрудницы НКВД), что и жена иностранного дипломата.

И эти 58-6, ПШ и СВПШ были прилипчивые пункты, они требовали строгого содержания, неусыпного наблюдения (ведь разведка может протянуть щупальцы к своему любимцу и в лагерь) и запрещали расконвоирование. Вообще всякие литерные статьи, то есть не статьи вовсе, а вот эти пугающие сочетания больших букв (мы в этой главе еще встретим другие) постоянно носили на себе налет загадочности, всегда было непонятно, отростки ли они 58-й статьи или что-то самостоятельное и очень опасное. Заключение с литерными статьями во многих лагерях были притеснены даже по сравнению с 58-й.

Седьмой пункт: подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации.

В 30-е годы этот пункт сильно пошел в ход и захватил массы под упрощенной и всем понятной кличкой вредительство. Действительно, все перечисленное в пункте Седьмом с каждым днем наглядно и явно подрывалось — и должны же были быть тому виновники?.. Столетиями народ строил, создавал и всегда честно, даже на бар. Ни о каком вредительстве не слышано было от самых Рюриков. И вот когда впервые достояние стало народным, — сотни тысяч лучших сынов народа необъяснимо кинулись вредить. (Вредительство пунктом не предусматривалось, но так как без него нельзя было разумно объяснить, почему поля зарастают сорняками, урожаи падают, машины ломаются, то диалектическое чутье ввело и его.)

Восьмой пункт — террор (не тот террор, который «обосновать и узаконить» должен был советский уголовный кодекс [28], а террор снизу).

Террор понимался очень и очень расширительно: не то считалось террором, чтобы подкладывать бомбы под кареты губернаторов, но например набить морду своему личному врагу, если он был партийным, комсомольским или милицейс-

ким активистом, уже значило террор. Тем более убийство активиста никогда не приравнивалось к убийству рядового человека, (как это было, впрочем, еще в кодексе Хаммурапи в 18 столетии до нашей эры). Если муж убил любовника жены и тот оказался беспартийным — это было счастье мужа, он получал 136-ю статью, был бытовик, социально-близкий и мог быть бесконвойным. Если же любовник оказывался партийным — муж становился врагом народа с 58-8.

Еще более важное расширение понятия достигалось применением 8-го пункта через ту же статью 19-ю, то есть через подготовку в смысле намерения. Не только прямая угроза около пивной «ну, погоди!», обращенная к активисту, но и замечание запальчивой базарной бабы «ах, чтоб ему повылазило!» квалифицировалось как ТН — террористические намерения, и давало основание на применение всей строгости статьи [29].

Девятый пункт — разрушение или повреждение... взрывом или поджогом (и непременно с контрреволюционной целью), сокращенно именуемое как диверсия.

Расширение было в том, что контрреволюционная цель приписывалась (следователь лучше знал, что делалось в сознании преступника!), а всякая человеческая оплошность, ошибка, неудача в работе, в производстве — не прощались, рассматривались как диверсия.

Но никакой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно и с таким горением революционной совести, как Десятый. Звучание его было: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». И оговаривал этот пункт в МИРНОЕ время только нижний предел наказания (не ниже! не слишком мягко!) верхний же НЕ ОГРАНИЧИВАЛСЯ!

Таково было бесстрашие великой Державы перед СЛОВОМ подданного.

Знаменитые расширения этого знаменитого пункта были:

– под «агитацией, содержащей призыв», могла пониматься дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз, или частное письмо; а призывом мог быть личный совет. (Мы заключаем «могла, мог быть» из того, что ТАК ОНО И БЫВАЛО) — «подрывом и ослаблением» власти была всякая мысль, не совпадающая или не поднимающаяся по накалу до мыслей сегодняшней газеты. Ведь ослабляет все то, что не усиляет! Ведь подрывает все то, что не полностью совпадает!

«И тот, кто сегодня поет не с нами, —

Тот

против

нас!»

Маяковский

– под «изготовлением литературы» понималось всякое написанное в единственном экземпляре письма, записи, интимного дневника.

Расширенный так счастливо — какую МЫСЛЬ, задуманную, произнесенную или записанную, не охватывал Десятый Пункт?

Пункт одиннадцатый был особого рода: он не имел самостоятельного со-

держания, а был отягощающим довеском к любому из предыдущих, если деяние готовилось организационно или преступники вступали в организацию.

На самом деле пункт расширялся так, что никакой организации не требовалось. Это изящное применение пункта я испытал на себе. Нас было двое, тайно обменивавшихся мыслями — то есть зачатки организации, то есть организация!

Пункт двенадцатый наиболее касался совести граждан: это был пункт о недонесении в любом из перечисленных деяний. И за тяжкий грех недонесения **НАКАЗАНИЕ НЕ ИМЕЛО ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЫ!!**

Этот пункт уже был столь неохватным расширением, что дальнейшего расширения не требовал. **ЗНАЛ И НЕ СКАЗАЛ** — все равно, что сделал сам!

Пункт тринадцатый, по видимости давно исчерпанный, был: служба в царской охранке [30]. (Аналогичная более поздняя служба, напротив, считалась патриотической доблестью).

Пункт четырнадцатый карал «сознательное неисполнение определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение» — карал, разумеется, вплоть до расстрела. Кратко это называлось «саботаж» или «экономическая контрреволюция», а отделить умышленное от неумышленного мог только следователь, опираясь на свое революционное правосознание. Этот пункт применялся к крестьянам, не сдающим поставок. Этот пункт применялся к колхозникам, не набравшим нужного числа трудодней. К лагерникам, не вырабатывающим норму. И рикошетом стали после войны давать этот пункт блатарям за побег из лагеря, то есть расширительно усматривая в побеге блатного не порыв к сладкой воле, а подрыв системы лагерей.

Такова была последняя из костяшек веера 58-й статьи — веера, покрывшего собой все человеческое существование.

Сделав этот обзор великой СТАТЬИ, мы дальше уже будем меньше удивляться. Где закон — там и преступление.

<...>

[26] «От тюрем к воспитательным учреждениям» — Сборник Института Уголовной Политики. — под ред. Вышинского. М., Изд-во «Советское законодательство», 1934, стр. 36.

[27] А пожалуй, шпиономания не была только узколобым пристрастием Сталина. Она сразу пришла удобной всем, вступающим в привилегии. Она стала естественным оправданием уже назревшей всеобщей секретности, запрета информации, закрытых дверей, системы пропусков, огороженных дач и тайных распределителей. Через броневую защиту шпиономании народ не мог проникнуть и посмотреть, как бюрократия сговаривается, бездельничает, ошибается, как она ест и как развлекается.

[28] Ленин, 5 изд., т.45, стр. 190.

[29] Это звучит перебором, фарсом — но не мы сочиняли этот фарс, мы с этими людьми — сидели.

[30] Есть психологические основания подозревать И. Сталина в подсудности также и по этому пункту 58-й статьи. Далеко не все документы относительно этого рода службы пережили февраль 1917 г. и стали широко известны. Умиравший на Кольме В.Ф. Джунковский, бывший директор Департамента полиции, уверял, что поспешный поджог полицейских архивов в первые дни Февральской революции был дружным порывом некоторых заинтересованных революционеров.

Глава 3. Следствие

<...>

Попробуем перечесть некоторые простейшие приемы, которые сламывают волю и личность арестанта, не оставляя следов на его теле.

Начнем с методов психических. Для кроликов, никогда не уготовлявших себя к тюремным страданиям — это методы огромной и даже разрушительной силы. Да будь хоть ты и убежден, так тоже не легко.

1. Начнем с самих ночей. Почему это н о ч ь ю происходит все гламывание душ? Почему это с ранних своих лет Органы выбрали н о ч ь? Потому что ночью, вырванный изо сна (даже еще не истязаемый бессонницей), арестант не может быть уравновешен и трезв по-дневному, он податливей.

2. Убеждение в искреннем тоне. Самое простое. Зачем игра в кошки-мышки? Посидев немного среди других подследственных, арестант ведь уже усвоил общее положение. И следователь говорит ему лениво-дружественно: «Видишь сам, срок ты получишь все равно. Но если будешь сопротивляться, то здесь, в тюрьме, дойдешь, потеряешь здоровье. А поедешь в лагерь — увидишь воздух, свет... Так что лучше подписывай сразу». Очень логично. И трезвы те, кто соглашаются и подписывают, если... Если речь идет только о них самих! Но — редко так. И борьба неизбежна.

Другой вариант убеждения для партийца. «Если в стране недостатки и даже голод, то как большевик вы должны для себя решить: можете ли вы допустить, что в этом виновата вся партия? или советская власть? — «Нет, конечно!» — спешит ответить директор льноцентра. «Тогда имейте мужество и возьмите вину на себя!» И он берет!

3. Грубая брань. Нехитрый прием, но на людей воспитанных, изнеженных, тонкого устройства может действовать отлично. Мне известны два случая со священниками, когда они уступали простой брани. У одного из них (Бутырки, 1944 год) следствие вела женщина. Сперва он в камере не мог нахвалиться, какая она вежливая. Но однажды пришел удрученный и долго не соглашался повторить, как изошренно она стала загигать, заложив колено за колено. (Жалею, что не могу привести здесь одну ее фразочку.)

4. Удар психологическим контрастом. Внезапные переходы: целый допрос или часть его быть крайне любезным, называть по имени отчеству, обещать все блага. Потом вдруг размахнуться пресс-папье: «У, гадина! Девять грамм в затылок!» и, вытянув руки, как для того, чтобы вцепиться в волосы, будто ногти еще иголками кончаются, надвигаться (против женщин прием этот очень хорош).

В виде варианта: меняются два следователя, один рвет и терзает, другой симпатичен, почти задушевен. Подследственный, входя в кабинет, каждый раз дрожит — какого увидит? По контрасту хочется второму все подписать и признать даже, чего не было.

5. Унижение предварительное. В знаменитых подвалах ростовского ГПУ («тридцать третьего номера») под толстыми стеклами уличного тротуара (бывшее складское помещение) заключенных в ожидании допроса клали на несколько часов ничком в общем коридоре на пол с запретом приподнимать голову, издавать звуки. Они лежали так, как молящиеся магометане, пока выводной

не трогал их за плечо и не вел на допрос. Александра О-ва не давала на Лубянке нужных показаний. Ее перевели в Лефорово. Там на приеме надзирательница велела ей раздеться, якобы для процедуры унесла одежду, а ее в боксе заперла голой. Тут пришли надзиратели мужчины, стали заглядывать в глазок, смеяться и обсуждать ее стати. — Опрося, наверно много еще можно собрать примеров. А цель одна: создать подавленное состояние.

6. Любой прием, приводящий подследственного в смятение. Вот как допрашивался Ф. И. В. из Красногорска Московской области (сообщил И.А. П-ев). Следовательница в ходе допроса сама обнажалась перед ним в несколько приемов (стриптиз!), но все время продолжала допрос, как ни в чем не бывало, ходила по комнате и к нему подходила и добивалась уступить в показаниях. Может быть это была ее личная потребность, а может быть и хладнокровный расчет: у подследственного мутится разум, и он подпишет! А грозить ей ничего не грозило: есть пистолет, звонок.

7. Запугивание. Самый применяемый и очень разнообразный метод. Часто в соединении с заманиванием, обещанием — разумеется лживым. 1924-й год: «Не сознаетесь? Придется вам проехать в Соловки. А кто сознается, тех выпускаем». 1944-й год: «От меня зависит, какой ты лагерь получишь. Лагерь лагерю рознь. У нас теперь и каторжные есть. Будешь искренен — пойдешь в легкое место, будешь запирается — двадцать пять лет в наручниках на подземных работах!» — Запугивание другой, худшей тюрьмой: «Будешь запирается, перешлем тебя в Лефортово (если ты на Лубянке), в Сухановку (если ты в Лефортово), там с тобой не так будут разговаривать». А ты уже привык: в этой тюрьме как будто режим и НИЧЕГО, а что за пытки ждут тебя ТАМ? да пережд... Уступить?

Запугивание великолепно действует на тех, кто еще не арестован, а вызван в Большой Дом пока по повестке. Ему (ей) еще много чего терять, он (она) всего боится — боится, что сегодня не выпустят, боится конфискации вещей, квартиры. Он готов на многие показания и уступки, чтобы избежать этих опасностей. Она, конечно, не знает уголовного кодекса, и уж как самое малое в начале допроса подсовывается ей листок с подложной выдержкой из кодекса: «Я предупреждена, что за дачу ложных показаний... 5 (пять) лет заключения» (на самом деле — статья 95 — до двух лет)... за отказ от дачи показаний — 5 (пять) лет... (на самом деле статья 92 — до трех месяцев). Здесь уже вошел и все время будет входить еще один следовательский метод:

8. Ложь. Лгать нельзя нам, ягнтям, а следователь лжет все время, и к нему эти все статьи не относятся. Мы даже потеряли мерку спросить: а что ему за ложь? Он сколько угодно может класть перед нами протоколы с подделанными подписями наших родных и друзей — и это только изящный следовательский прием.

Запугивание с заманиванием и ложью — основной прием воздействия на родственников арестованного, вызванных для свидетельских показаний. «Если вы не дадите таких (какие требуются) показаний ему будет хуже... Вы его совсем погубите... (каково это слышать матери?) [11] Только подписанием этой (подсунутой) бумаги вы можете его спасти» (погубить).

9. Игра на привязанности к близким — прекрасно работает и с подследственным. Это даже самое действенное из запугиваний, на привязанности к близким

можно сломить бесстрашного человека (о, как это providено: «враги человеку домашние его!»). Помните того татарина, который все выдержал — и свои муки, и женины, а — муки дочерни не выдержал?.. В 1930-м следовательница Рима-лис угрожала так:» Арестуем вашу дочь и посадим в камеру с сифилитичками!» Женщина!..

Угрожают посадить всех, кого вы любите. Иногда со звуковым сопровождением: твоя жена уже посажена, но дальнейшая ее судьба зависит от твоей искренности. Вот ее допрашивают в соседней комнате, слушай! И действительно, за стеной женский плач и визг (а ведь они все похожи друг на друга, да еще через стену, да и ты-то взвинчен, ты же не в состоянии эксперта; иногда это просто проигрывают пластинку с голосом «типовой жены» — сопрано или контральто, чье-то рацпредложение). Но вот уже без подделки тебе показывают через стеклянную дверь, как она идет безмолвная, горестно опустив голову — да! твоя жена! по коридорам госбезопасности! ты погубил ее своим упрямством! она уже арестована! (а ее просто вызвали по повестке для какой-нибудь пустячной процедуры, в уговоренную минуту пустили по коридору, но велели: головы не подымайте, иначе отсюда не выйдете!) — А то дают читать тебе ее письмо, точно ее почерком: я отказываюсь от тебя! после того мерзкого, что мне о тебе рассказали, ты мне не нужен! (А так как и жены такие, и письма такие в нашей стране отчего ж не возможны, то остается тебе сверяться только с душой: такова ли и твоя жена?)

От В.А. Корнеевой следователь Гольдман (1944) вымогал показания на других людей угрозами: «дом конфискуем, а твоих старух выкинем на улицу». Убежденная и твердая в вере Корнеева нисколько не боялась за себя, она готова была страдать. Но угрозы Гольдмана были вполне реальны для наших законов, и она терзалась за близких. Когда к утру после ночи отвергнутых и изорванных протоколов Гольдман начинал писать какой-нибудь четвертый вариант, где обвинялась только уже одна она, Корнеева подписывала с радостью и ощущением душевной победы. Уж простого человеческого инстинкта — оправдаться и отбиться от ложных обвинений — мы себе не уберегаем, где там! Мы рады, когда удастся всю вину принять на себя [12].

Как никакая классификация в природе не имеет жестких перегородок, так и тут нам не удастся четко отделить методы психические от физических. Куда, например, отнести такую забаву:

10. Звуковой способ. Посадить подследственного метров за шесть — за восемь и заставлять все громко говорить и повторять. Уже измотанному человеку это нелегко. Или сделать два рупора из картона и вместе с пришедшим товарищем следователем, подступая к арестанту вплотную, кричать ему в оба уха: «Сознавайся, гад!» Арестант оглушается, иногда теряет слух. Но это неэкономичный способ, просто следователям в однообразной работе тоже хочется позабавиться, вот и придумывают, кто во что горазд.

11. Щекотка. — тоже забава. Привязывают или придавливают руки и ноги и щекочут в носу птичьим пером. Арестант взвивается, у него ощущение, будто сверлят в мозг.

12. Гасить папиросу о кожу подследственного (уже названо выше).

13. Световой способ. Резкий круглосуточный электрический свет в камере

или боксе, где содержится арестант, непомерно яркая лампочка для малого помещения и белых стен (электричество, сэкономленное школьниками и домохозяйками!). Воспаляются веки, это очень больно. А в следственном кабинете на него снова направляют комнатные прожектора.

14. Такая придумка. Чеботарева в ночь под 1 мая 1933 года в Хабаровском ГПУ всю ночь, двенадцать часов — не допрашивали, нет: — водили на допрос! Такой-то — руки назад! Вывели из камеры, быстро вверх по лестнице, в кабинет к следователю. Выводной ушел. Но следователь, не только не задав ни единого вопроса, а иногда не дав Чеботареву и присесть, берет телефонную трубку: заберите из 107-го! Его берут, приводят в камеру. Только он лег на нары, гремит замок: Чеботарев! На допрос! Руки назад! А там: заберите из 107-го!

Да вообще методы воздействия могут начинаться задолго до следственного кабинета.

15. Тюрьма начинается с бокса, то есть ящика или шкафа. Человека, только что схваченного с воли, еще в лете его внутреннего движения, готового выяснять, спорить, бороться, — на первом же тюремном шаге захлопывают в коробку, иногда с лампочкой и где он может сидеть, иногда темную и такую, что он может только стоять, еще и придавленный дверью. И держат его здесь несколько часов, полусуток, сутки. Часы полной неизвестности! — может, он замурован здесь на всю жизнь? Он никогда ничего подобного в жизни не встречал, он не может догадаться! Идут эти первые часы, когда все в нем еще горит от неостановленного душевного вихря. Одни падают духом — и вот тут-то делать им первый допрос! Другие озлобляются — тем лучше, они сейчас оскорбят следователя, допустят неосторожность — и легче намотать им дело.

16. Когда не хватало боксов, делали еще и так. Елену Струтинскую в новочеркасском НКВД посадили на шесть суток в коридоре на табуретку — так, чтобы она ни к чему не прислонялась, не спала, не падала и не вставала. Это на шесть суток! А вы попробуйте просидите шесть часов!

Опять-таки в виде варианта можно сажать заключенного на высокий стул, вроде лабораторного, так чтоб ноги его не доставали до пола, они хорошо тогда затекают. Дать посидеть ему часов 8-10.

А то во время допроса, когда арестант весь на виду, посадить его на обыкновенный стул, но вот как: на самый кончик, на ребрышко сидения (еще вперед! еще вперед!), чтоб он только не сваливался, но чтоб ребро больно давило его весь допрос. И не разрешать ему несколько часов шевелиться. Только и всего? Да, только и всего. Испытайте!

17. По местным условиям бокс может заменяться дивизионной ямой, как это было в Гороховецких армейских лагерях во время Великой Отечественной войны. В такую яму, глубиной три метра, диаметром метра два, арестованный сталкивался, и там несколько суток под открытым небом, часом и под дождем, была для него и камера и уборная. А триста граммов хлеба и воду ему туда спускали на веревочке. Вообразите себя в этом положении, да еще только что арестованного, когда в тебе все клокочет.

Общность ли инструкций всем Особым Отделам Красной Армии или сходство их бивуачного положения привели к большой распространенности этого приема. Так, в 36-й мотострелковой дивизии, участнице Халхин-Гола, стояв-

шей в 1941 году в монгольской пустыне, свежearестованному, ничего не объясняя, давали (начальник Особого Отдела Самулев) в руки лопату и велели копать яму точных размеров могилы (уже пересечение с методом психологическим!). Когда арестованный углублялся больше, чем по пояс, копку приостанавливали, и велели ему садиться на дно: голова арестованного уже не была при этом видна. Несколько таких ям охранял один часовой, и казалось — вокруг все пусто [13]. В этой пустыне подследственных держали под монгольским зноем непокрытых, а в ночном холоде не одетых, безо всяких пыток — зачем тратить усилия на пытки? Паек давали такой: в сутки сто граммов хлеба и один стакан воды. Лейтенант Чульпенев, богатырь, боксер, двадцати одного года, высидел так МЕСЯЦ. Через десять дней он кишел вшами. Через пятнадцать дней его первый раз вызвали на следствие.

18. Заставить подследственного стоять на коленях — не в каком-то переносном смысле, а в прямом: на коленях и чтоб не присаживался на пятки, а спину ровно держал. В кабинете следователя или в коридоре можно заставить так стоять 12 часов, и 24 и 48. (Сам следователь может уходить домой, спать, развлекаться, это разработанная система: около человека на коленях становится пост, сменяются часовые [14]. Кого хорошо так ставить? Уже надломленного, уже склоняющегося к сдаче. Хорошо ставить так женщин. — Иванов-Разумник сообщает о варианте этого метода: поставив молодого Лордкипанидзе на колени, следователь измочился ему в лицо! И что же? Не взятый ничем другим, Лордкипанидзе был этим сломлен. Значит, и на гордых хорошо действует...

19. А то так просто заставить стоять. Можно, чтоб стоял только во время допросов, это тоже утомляет и сламывает. Можно во время допросов и сажать, но чтоб стоял от допроса до допроса (выставляется пост, надзиратель следит, чтобы не прислонялся к стене, а если заснет и грохнется — пинать его и поднимать). Иногда и суток выстойки довольно, чтобы человек обессилел и показал что угодно.

20. Во всех этих выстойках по 3-4-5 суток обычно не дают пить.

Все более становится понятной комбинированность приемов психологических и физических. Понятно также, что все предшествующие меры соединяются с

21. Бессонницей, совсем не оцененною Средневековьем: оно не знало об узости того диапазона, в котором человек сохраняет свою личность. Бессонница (да еще соединенная с выстойкой, жаждой, ярким светом, страхом и неизвестностью — что твои пытки!?) мутит разум, подрывает волю, человек перестает быть своим «я». («Спать хочется» Чехова, но там гораздо легче, там девочка может прилечь, испытать перерывы сознания, которые и за минуту спасительно освежают мозг). Человек действует наполовину бессознательно или вовсе бессознательно, так что за его показания на него уже нельзя обижаться... [15]

Так и говорилось: «Вы неоткровенны в своих показаниях, поэтому вам не разрешается спать!» Иногда для утонченности не ставили, а сажали на мягкий диван, особенно располагающий ко сну (дежурный надзиратель сидел рядом на том же диване и пинал при каждом зажмуре). Вот как описывает пострадавший (еще перед тем отсидевший сутки в клопаном боксе) свои ощущения после пытки: «Озноб от большой потери крови. Пересохли оболочки глаз, будто кто-то перед самыми глазами держит раскаленное железо. Язык распух от жажды, и как еж колет при малейшем шевелении. Глотательные спазмы режут горло» [16].

Бессонница — великое средство пытки и совершенно не оставляющее видимых следов, ни даже повода для жалоб, разразись завтра невиданная инспекция [17]. «Вам спать не давали? Так здесь же не санаторий! Сотрудники тоже с вами вместе не спали» (да днем отсыпались). Можно сказать, что бессонница стала универсальным средством в Органах, из разряда пыток она перешла в самый распорядок госбезопасности и потому достигалась наиболее дешевым способом, без выставления каких-то там постовых. Во всех следственных тюрьмах нельзя спать ни минуты от подъема до отбоя (в Сухановке и еще некоторых для этого койка убирается на день в стену, в других — просто нельзя лечь и даже нельзя сидя опустить веки). А главные допросы — все ночью. И так автоматически: у кого идет следствие, не имеет времени спать по крайней мере пять суток в неделю (в ночь на воскресенье и на понедельник следователи сами стараются отдыхать).

22. В развитие предыдущего — следовательский конвейер. Ты не просто не спишь, но тебя трое-четверо суток непрерывно допрашивают сменные следователи.

23. Клопяной бокс, уже упомянутый. В темном дощаном шкафу разведено клопов сотни, может быть тысячи. Пиджак или гимнастерку с сажаемого снимают, и тотчас на него, переползая со стен и падая с потолка, обрушиваются голодные клопы. Сперва он ожесточенно борется с ними, душит на себе, на стенах, задыхается от их вони, через несколько часов ослабевает и безропотно дает себя пить.

24. Карцеры. Как бы ни было плохо в камере, но карцер всегда хуже ее, оттуда камера всегда представляется раем. В карцере человека изматывают голодом и обычно холодом (в Сухановке есть и горячие карцеры). Например, лефортовские карцеры не отапливаются вовсе, батареи обогревают только коридор и в этом «обогретом» коридоре дежурные надзиратели ХОДЯТ в валенках и телогрейке. Арестанта же раздевают до белья, а иногда до одних кальсон и он должен в неподвижности (тесно) пробыть в карцере сутки-трое-пятеро (горячая баланда только на третий день). В первые минуты ты думаешь: не выдержу и часа. Но каким-то чудом человек высиживает свои пять суток, может быть, приобретая и болезнь на всю жизнь.

У карцеров бывают разновидности: сырость, вода. Уже после войны Машу Г. в черновицкой тюрьме держали босую два часа по щиколотки в ледяной воде — признавайся! (Ей было восемнадцать лет, как еще жалко свои ноги и сколько еще с ними жить надо!).

25. Считать ли разновидностью карцера запираение стоя в нишу? Уже в 1933 году в Хабаровском ГПУ так пытали С.А. Чеботарева: заперли голым в бетонную нишу так, что он не мог подогнуть колен, ни расправить и переместить рук, ни повернуть головы. Это не все! Стала капать на макушку холодная вода (как хрестоматийно!..) и разливаться по телу ручейками. Ему, разумеется не объявили, что это все только на двадцать четыре часа. Страшно это, не страшно, — но он потерял сознание, его открыли на завтра как бы мертвым, он очнулся в больничной постели. Его приводили в себя нашатырным спиртом, кофеином, массажем тела. Он далеко не сразу мог вспомнить — откуда он взялся, что было накануне. На целый месяц он стал негоден даже для допросов. (Мы смеем предположить, что эта ниша и капающее устройство было сделано не для одного ж Чеботарева.

В 1949-м мой днепропетровец сидел в похожем, правда без капанья. Между Харьковском и Днепропетровском да за 16 лет допустим и другие точки?)

26. Голод уже упоминался при описании комбинированного воздействия. Это не такой редкий способ: признание из заключенного выголодить. Собственно, элемент голода, также как и использование ночи, вошел во всеобщую систему воздействия. Скучный тюремный паек, в 1933 невоенном году — 300 грамм, в 1945 на Лубянке — 450, игра на разрешении и запрете передач или ларька — это применяется сплошь ко всем, это универсально. Но бывает применение голода обостренное: вот так, как продержали Чульпенева месяц на ста граммах — и потом перед ним, приведенным из ямы, следователь Сокол ставил котелок наваристого борща, клал полбуханки белого хлеба, срезанного наискосок (кажется, какое значение имеет, как срезанного? — но Чульпенев и сегодня настаивает: уж очень заманчиво было срезано) — однако, не накормил ни разу. И как же это все старо, феодально, пещерно! Только та и новинка, что применено в социалистическом обществе! — о подобных приемах рассказывают и другие, это часто. Но мы опять передадим случаи с Чеботаревым, потому что он комбинированный очень. Посадили его на 72 часа в следовательском кабинете и единственное, что разрешали — вывод в уборную. В остальном не давали: ни есть, ни пить (рядом вода в графине), ни спать. В кабинете находилось все время три следователя. Они работали в три смены. Один постоянно (и молча, ничуть не тревожа подследственного!) что-то писал, второй спал на диване, третий ходил по комнате и как только Чеботарев засыпал, тут же бил его. Затем они менялись обязанностями. (Может их самих за неуправность перевели на казарменное положение?) И вдруг принесли Чеботареву обед: жирный украинский борщ, отбивную с жареной картошкой и в хрустальном графине красное вино. Но всю жизнь имея отвращение к алкоголю, Чеботарев не стал пить вина, как ни заставлял его следователь (а слишком заставлять не мог, это уже портило игру). После обеда ему сказали: «А теперь подписывай, что ты показал при двух свидетелях!» — т.е., что молча было сочинено при одном спавшем и одном бодрствующем следователе. С первой же страницы Чеботарев увидел, что со всеми видными японскими генералами он был запросто и ото всех получил шпионское задание. И он стал перечеркивать страницы. Его избили и выгнали. А взятый вместе с ним другой КВЖД-инец Благинин все то же пройдя, выпил вино, в приятном опьянении подписал — и был расстрелян. (Три дня голодному что такое единая рюмка! а тут графин).

27. Битье, не оставляющее следов. Бьют и резиной, бьют и колотушками, и мешками с песком. Очень больно, когда бьют по костям, например, следовательским сапогом по голени, где кость почти на поверхности. Комбрига Карпунича-Бравена били 21 день подряд. (Сейчас говорит: «и через 30 лет все кости болят и голова»). Вспоминая свое и по рассказам он насчитывает 52 приема пытки. Или вот еще как: зажимают руки в специальном устройстве — так, чтобы ладони подследственного лежали плашмя на столе — и тогда бьют ребром линейки по суставам — можно взвопить! Выделять ли из битья особо — выбивание зубов? (Карпуничу выбили восемь) [18]. — Как всякий знает, удар кулаком в солнечное сплетение перехватывая дыхание, не оставляет ни малейших следов. Лефортовский полковник Сидоров же после войны применял вольный удар галошей по свисающим мужским придаткам (футболисты, получившие

мячом в пах, могут этот удар оценить). С этой болью нет сравнения, и обычно теряется сознание [19].

28. В Новороссийском НКВД изобрели машинки для зажимания ногтей. У многих новороссийских потом на пересылках видели слезящие ногти.

29. А смирительная рубашка?

30. А перелом позвоночника? (Все то же хабаровское ГПУ, 1933 год).

31. А взнуздание («ласточка»)? Это — метод сухановский, но и архангельская тюрьма знает его (следователь Ивков, 1940 г.). Длинное суровое полотенце закладывается тебе через рот (взнуздание), а потом через спину привязывается концами к пяткам. Вот так колесом на брюхе с хрустящей спиной без воды и еды лежи суточек двое.[20]

Надо ли перечислять дальше? Много ли еще перечислять? Чего не изобретут праздные, сытые, бесчувственные?..

Брат мой! Не осуди тех, кто так попал, кто оказался слаб и подписал лишнее... Не кинь в них камень.

<...>

[11] По жестоким законам Российской империи близкие родственники могли вообще отказаться от показаний. И если дали показания на предварительном следствии, могли по своей воле исключить их, не допустить до суда. Само по себе знакомство или родство с преступником странным образом даже не считалось тогда уликой!..

[12] А теперь она говорит: «через 11 лет во время реабилитации дали мне перечитать эти протоколы — и охватило меня ощущение душевной тошноты. Чем я могла тут гордиться!?».. — Я при реабилитации то же самое испытал, послушав выдержки из прежних своих протоколов. Согнули дугой — и стал как другой. А сейчас не узнаю себя — как я мог это подписывать и еще считать, что неплохо отделался?..

[13] Это, видимо, — монгольские мотивы. В журнале «Нива», 1914 г., 15 марта, стр. 218 есть зарисовка монгольской тюрьмы: каждый узник заперт в свой сундук с малым отверстием для головы или пищи. Между сундуками ходит надзиратель.

[14] Ведь кто-то смолоду вот так и начинал — стоял часовым около человека на коленях. А теперь, наверно, в чинах, дети уже взрослые...

[15] А представьте себе в этом замутненном состоянии еще иностранца, не знающего по-русски, и дают ему что-то подписать. Баварец Юп Ашенбрэннер подписал вот так, что работал на душегубке. Только в лагере в 1954 г. он сумел доказать, что в это самое время учился в Мюнхене на курсах электросварщиков.

[16] Г. М-ч.

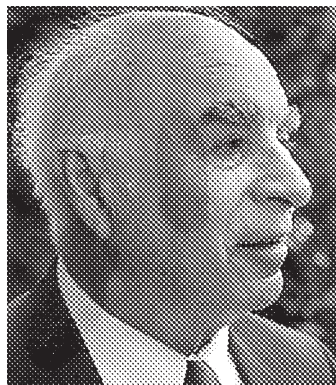
[17] Впрочем инспекция была невозможна и настолько НИКОГДА ее не было, что когда к уже заключенному министру госбезопасности Абакумову она вошла в камеру в 1953 г., он расхохотался, сочтя за мистификацию.

[18] У секретаря Карельского обкома Г. Куприянова, посаженного в 1949-м, иные выбитые зубы были простые, они не в счет, а иные — золотые. Так сперва давали квитанцию, что взяты на хранение. Потом спохватились и квитанцию отобрали.

[19] В 1918 г. московский ревтрибунал судил бывшего надзирателя царской тюрьмы Бондаря. Как ВЫСШИЙ пример его жестокости стояло в обвинении, что «в одном случае ударил политзаключенного с такой силой, что у того лопнула барабанная перепонка». (Крыленко. «За пять лет». — стр. 16)

[20] Н. К. Г.

Поповский
Марк Александрович
(1922–2004)

Писатель, журналист.

Родился в Одессе. Учился в Военно-медицинском училище и Военно-медицинской академии. Участник Второй Мировой Войны. Окончил филологический факультет Московского университета. В СССР и на Западе опубликовано около 30 его научно-популярных и биографических книг, посвященных главным образом, деятелям науки. Стремление писателя раскрыть то, что всячески скрывалось советской цензурой, вызывало недовольство власть имущих. В 1977 г. КГБ затеяло против Поповского «дело» и заставило литератора эмигрировать. Но с наиболее яркой частью творчества М. Поповского читатели познакомились лишь после его эмиграции. Именно тогда вышла в свет его книга «Управляемая наука» (Лондон, 1978 г.). Два года спустя YMCA-PRESS (Париж) опубликовала произведение наиболее горячо воспринятое прессой — «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». Чтобы воссоздать образ этого необычного человека Поповский годами, тайком от властей, объезжал города, расспрашивал свидетелей и собирал документы. На эту работу ушло двадцать лет напряженного труда. В эмиграции творческий динамизм не покинул Марка Поповского. Вышло в свет и было издано на нескольких языках исследование о сексуальной и семейной жизни рядового советского человека («Третий лишний — Он, Она и советский режим»). Одной из наиболее читаемых книг остается «Дело академика Вавилова».

Основные произведения:

«Когда врач мечтает» (1957), «Путь к сердцу» (1960), «Второе сотворение мира» (1960), «Разорванная паутина» (1962), «По следам отступающих» (1963), «Судьба доктора Хавкина» (1963), «Кормильцы планеты» (1964), «Пять дней одной жизни» (1965), «Дороже золота» (1966), «Надо спешить» (1968), «Над картой человеческих страданий» (1971), «Люди среди людей» (1972), «Панацея — дочь Эскулапа» (1973), «Июньские новости» (1978), «Управляемая наука» (1978), «Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга» (1979), «Русские мужики рассказывают» (1983), «Дело академика Вавилова» (1983).

ЖИТИЕ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга.

Пролог — житие

«Великий человек интересен не только фактами своей биографии, но и дымом сплетен, клубящихся вокруг него».

В.В. Вересаев

Ходит по России странная молва, будто в советское уже время жил хирург-священник. Положит он больного на операционный стол, прочитает над ним молитву, да йодом и поставит крест в том месте, где надо резать. А уж после того берется за скальпель. И операции у того хирурга отменны: слепые прозревали, обреченные поднимались на ноги. То ли наука ему помогала, то ли Бог... «Сомнительно», — говорят одни. «Так оно и было», — утверждают другие. Одни говорят: «Партком служителя культа ни за что бы в операционной не потерпел». А другие им в ответ: «Бессилен партком, поскольку хирург тот не просто хирург, а профессор, и не так себе священник-батюшка, а полный епископ». «Профессор-епископ? Так не бывает», — говорят опытные люди. «Бывает, — отвечают им люди не менее опытные. — Этот профессор-епископ еще и генеральские погоны носил, а в минувшей войне всеми госпиталями Сибири управлял».

Ходит легенда кругами. Одни говорят, будто жил профессор-епископ в Сибири, другие оспаривают: «Нет, в Крыму», третьи слышали, что дело было в Ташкенте. И снова — разговоры, рассказы, истории: как и почему он в монахи постригся, как в тюрьме сидел, как с товарищем Сталиным беседовал и награды от генералиссимуса имел. Я и сам в журналистских своих разъездах не раз слышал про этого человека. Сначала я просто слушал, а потом стал записывать, а записанное в тетрадку сводить. Говорили мне про епископа-хирурга рыбаки и охотники в Туруханске, крестьянки из деревни Большая Мурта, что на Енисее, врачи в Симферополе и Красноярске; верующие женщины из Тамбова; в Ташкенте много интересного добавил тамошний профессор-антрополог. Случилось потом вести разговоры на ту же тему со столичными священниками и епископами. Еще больше прояснили картину ленинградский писатель, бывший министр здравоохранения СССР и два его заместителя и брат афганского короля, проживающий ныне в Москве. Позднее, задумав писать книгу, разыскал я детей своего героя, его близких, учеников, секретаря и тех, кого он сам называл «духовными» дочерьми и сыновьями своими.

Чем больше, однако, узнавал я об удивительном старце, тем очевиднее становилось, что в рассказах современников правда самым причудливым образом сплавлена с легендой, исторические факты — с явными мифами. Порой такое присочиняли мои собеседники, что начинало казаться, что и не было его вовсе, этого хирурга-епископа. Но вступали в фугу новые голоса, выяснялись новые факты, и,

освобожденный от легендарного дыма, герой прочно утверждался на почве реальности. В конце концов я составил об этом живо заинтересовавшем меня лице краткую справку, нечто вроде тех заметок, что помещают в энциклопедиях.

Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович. Род. в 1877 году в Керчи. Ум. 11 июня 1961 года в Симферополе. Хирург, доктор медицины. До 1917 года медик в ряде земских больниц средней России, позднее — главный врач Ташкентской городской больницы, профессор Среднеазиатского государственного университета. В начале двадцатых годов под именем Луки постригся в монахи, был рукоположен в сан епископа. Многократно подвергался арестам и административным ссылкам. Автор 55 научных трудов по хирургии и анатомии, а также десяти томов проповедей. Наиболее известна его книга «Гнойная хирургия», выдержавшая 3 издания (1934, 1946, 1956 гг.). Избран почетным членом Московской Духовной академии в Загорске. Награды: Премия Хойнатского от Варшавского университета (1916 г.). Бриллиантовый крест на клобук от Патриарха Всея Руси (1944 г.), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945 г.). Сталинская премия первой степени за книги «Гнойная хирургия» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов» (1946 г.). Умер В.-Я. в сани Архиепископа Крымского и Симферопольского.

На фотографиях облаченный в рясу старик с седой бородой. На груди — крест и знак архиерейского достоинства — панагия. Сурово и пронизательно глядит он поверх или чуть сбоку стареньких, с немодной оправой очков. На некоторых снимках видны его руки — крупные, изящной формы руки хирурга.

Таков реалистический портрет нашего современника. Он и впрямь наш современник — прожил при Советской власти более сорока лет; по его книге училось несколько поколений советских хирургов. Он читал студентам лекции, произносил доклады на научных съездах и конференциях и проповеди в церквях. Его хорошо знали раненые в военных госпиталях и ссыльные, отбывавшие ссылку в Архангельске и Красноярском крае. И тем не менее этот хорошо ведомый многим людям человек еще при жизни стал обрастать легендами. Точнее будет сказать, что сама жизнь его превратилась в миф. Почему?

Проще всего предположить, что профессор-епископ, соединивший в своих руках крест и скальпель, поразил современников именно этим необычным сочетанием двух чужеродных сфер деятельности. Многолетняя пропаганда убедила граждан нашего Отечества в том, что наука и религия несовместимы, и даже более того, две эти сферы могут существовать, лишь ведя друг с другом непрерывно ожесточенную войну. И вдруг вот он — епископ и профессор. Невероятно, но факт.

Там, где нет правдивой свободной информации, рождаются мифы. Массы верующих создали не лишенный оттенка мстительности миф о епископе, исцеляющем именем Божиим. Медики, наоборот, развили в легендах образ профессора-чудака, который начинает хирургическую операцию с молитвы.

И все-таки миф о епископе Луке возник не только как «комедия обстоятельств». В нем явственно видится и «драма характеров». Хотя современников поразила ряса хирурга, но еще более удивительным показался несгибаемый, я бы сказал, хирургический характер епископа. Русская православная церковь, столетиями понуждаемая властями к конформизму и компромиссам,

выработала тип деятеля уклончивого, дипломатического, избегающего открыто декларировать свои принципы. А тут вдруг епископ с темпераментом протопопа Аввакума, трибун, надевший крест в пору, когда другие в страхе срывали с себя церковные регалии, священнослужитель, ставящий суд Божий выше великокняжеского. Легенда! Тому, кто обратил внимание на эпиграф, которым начата эта глава, я хочу еще раз повторить: «Да! легенда». То, что из уст в уста передавалось и передается о Войно-Ясенецком, никогда не было сплетней. Сплетня коварна и однобока. Она искажает правду в угоду некоему злому умыслу. Мифотворчество, наоборот, тяготеет к апологетике. И хотя министр и замминистра здравоохранения СССР иначе оценивают Войно-Ясенецкого, нежели верующие крестьяне, а раненые из военных госпиталей воспринимали его по-другому, чем уголовники из пересыльных тюрем, все они — творцы легенды — создают в своих рассказах личность героическую и обаятельную. Некоторые легенды официозны, в других звучит протест. Но мифический герой — неизменный, как бы застывший во времени (мифы вообще чаще всего носят вневременной характер) — переходит из рассказа в рассказ в ореоле всенародного признания и одобрения. К прямой клевете на него современники обратились лишь однажды. Это произошло в самом начале 30-х годов, очевидно, по рекомендации ОГПУ, когда один эпизод из жизни епископа Луки сделался сюжетом трех пьес и одного романа. О художественной ценности этих произведений речь пойдет ниже. Пока же замечу, что, получив «социальный заказ», четыре литератора создали откровенно клеветнический извод мифа о церковнике, враге научного прогресса — враге народа.

<...>

Летом 1957 года я приехал в Симферополь, чтобы побеседовать с архиепископом Лукой. В том году вышла моя первая книга о людях медицинской науки. Как литератора меня интересовали не столько итоги научных поисков моих героев, сколько нравственные ситуации и конфликты, которые возникают в жизни ученого-врача. Профессор Войно-Ясенецкий показался мне наиболее подходящим героем для следующей книги, в которой я снова собирался вернуться к нравственным аспектам научного творчества. Все это я изложил секретарю епархиальной канцелярии в Симферополе. Старик секретарь выслушал светского просителя без энтузиазма, но тем не менее объяснил, что Владыка отдыхает под Алуштой, и растолковал, как туда проехать. С некоторой дозой надменности секретарь объяснил мне также, что называть архиепископа по имени-отчеству не полагается, что Владыка стар, болен, занят, а посему беседа с ним должна быть предельно краткой.

<...>

Полтора десятка лет прошло с той встречи, но я точно помню ощущение, испытанное в минуту знакомства. Не жалость и не сострадание вызывал этот очень старый человек, а почтительное удивление. За ветхими одеждами старости угадывалась порода и личность незаурядная.

Мы уселись на деревянных скамьях вокруг вкопанного в землю садового стола. Я представился. Сдерживая волнение, объяснил причину своего визита.

Хотел бы услышать от профессора рассказ о его жизни.

— Вам не разрешат включить рассказ обо мне в вашу книгу, — сказал архиепископ. Голос вразлад со стариковским обликом зазвучал басовито, значительно и нисколько не расслабленно.

— Возможно, мне удастся опубликовать очерк в «толстом» литературном журнале. «Новый мир» уже предлагал мне...

— Это вам тоже не позволят сделать. — В его словах не было ни малейшего раздражения или досады. Просто Лука констатировал нечто хорошо и давно ему известное. И тут вдруг мне пришла в голову мысль, которую я по тогдашней своей молодости счел очень удачной: я расскажу о епископе-ученом на страницах одного из тех многочисленных журналов, которые Советский Союз издает для заграницы. В редакциях этих «Sovietland»-ов меня тогда любезно принимали.

— Да, конечно, — откликнулся своим ясным и значительным голосом архиепископ, — рассказ обо мне для заграницы возьмут у вас с большой охотой. Ведь вы тем самым подтвердите, что свобода совести у нас в стране действительно существует. — Легкое движение губ под седыми усами показало, что восьмидесятилетний крымский Владыка отнюдь не утерял чувство юмора.

Войно-Ясенецкий оказался прав: все мои попытки опубликовать его биографию в отечественных журналах вот уже многие годы натываются на непреодолимую преграду. И тем не менее в тот августовский день он, будто позабыв о старости, болезнях и неотложных делах, долго говорил со мной о своей жизни. Говорил очень просто, без всякой аффектации. Речь профессора текла свободно и была лишена церковных оборотов. Но в какой-то момент в совершенно светском рассказе слух уловил непривычное словосочетание: «Когда Господь Бог привел меня в город Енисейск...» Из всего предыдущего вытекало, что в город Енисейск привели Войно-Ясенецкого чины Народного комиссариата внутренних дел. Я попытался осторожно обратить на это внимание моего собеседника, но он, опять-таки не проявляя никакого раздражения, сказал, что те, в голубых фуражках, явились лишь орудием, исполнителем Высшей Воли. В его устах эта сентенция звучала так же естественно, как рассказ о хирургических операциях и читанных им университетских лекциях. За первым мистическим эпизодом последовали второй, третий. Архиепископ Лука не актерствовал, не стремился в чем-то убеждать меня. Мистические эпизоды из его автобиографии не служили какому бы то ни было возвеличению его личности в моих глазах. Скорей даже наоборот: Божество в рассказах архиепископа Луки являло себя лишь для того, чтобы наказать или предостеречь его. Явив свою безапелляционную волю, Оно бесследно исчезало до следующего решающего момента в земной биографии епископа-хирурга.

<...>

Мы далеко не исчерпали мифические и полумифические рассказы из жизни нашего героя. Наскоро записанные, а чаще существующие лишь в устной традиции, рассказы эти могли бы составить большой том сугубо житийного характера. Создавать такой полный свод мифов не входит в наши задачи. Три десятка приведенных выше свидетельств понадобилось нам лишь для того, чтобы показать, как упорно люди разной культуры, различных взглядов, моло-

дые и старики, атеисты и верующие десятилетиями хранили память об этой странной на первый взгляд личности; как по крупнице воссоздавался портрет человека, поразившего людей своей эпохи. За сорок лет, с 1921 года, когда профессор Войно-Ясенецкий постригся в монахи, до его смерти в 1961 году, сколько-нибудь полная биография ученого-иерея появлялась в печати едва ли более трех раз, да и то в таких малодоступных изданиях, как «Журнал Московской патриархии» и журнал «Хирургия». И тем не менее множество людей в разных концах страны помнили и помнят архиепископа-хирурга. Пусть не все фактически верно в легендах и мифах, пусть мифологическая биография его грешит огромными пропусками. И все же «мифография» Войно-Ясенецкого воссоздаст портрет цельный, привлекательный и даже героический. Таков vox populi — глас народа об архиепископе-хирурге.

Но прежде чем окончательно расстаться с житием Владыки Луки и перейти к свидетельствам его жизни, выслушаем еще один голос. Майор запаса, офицер-фронтовик и старый член партии Даниил Белкин из Симферополя рассказывает: «В дни моей юности Крым был местом на редкость интернациональным. В нашем классе насчитывали двенадцать национальностей. Но во время войны из Крыма выселили всех нерусских — татар, греков, болгар, турок, немцев, итальянцев, даже некоторых армян, искони живших на этой территории. И вот в одно из тех послевоенных лет архиепископ Крымский и Симферопольский Лука объявил, что в следующее воскресенье в греческой церкви, которая в это время играла роль кафедрального собора, он прочтет проповедь «К иноверцам». Церковь в этот день была полна. Многие не попали внутрь и толпились на паперти. Как потом рассказывали в городе, смысл проповеди сводился к следующему: «Не верьте тем, кто ссорит между собой народы, независимо от того, находятся ли эти народы по разные стороны государственной границы или в одном государстве. От этих ссор выгадывают только наши враги. Для нашей же матери-церкви «несть ни эллина, ни иудея». Иноверцы всегда найдут у истинно верующего православного помощь и приют».

Архиепископ не ограничился тем, что произнес проповедь, которую верующие женщины тут же записали и размножили на пишущей машинке. Он послал секретаря своей епархии в синагогу с наказом повторить там текст проповеди. Интересно, что Лука знал правила поведения верующего в синагоге. Он предупредил секретаря, чтобы при входе тот надел головной убор и должным образом обратился к старосте».

ДЕЛО АКАДЕМИКА ВАВИЛОВА

Государственный преступник

Я уверен, что наступит время, когда и у нас всем и каждому воздастся должное, но нельзя же между тем видеть равнодушно, как современники бесчестно прячут правду от потомства.

П.Я. Чаадаев. 1854

Следствие по делу Вавилова Н.И. я вел исключительно объективно. Дело было трудоемкое... Никаких претензий ко мне как к следователю Н.И. Вавилов не предъявлял ни во время следствия, ни при окончании его.

А.Г. Хват, полковник, бывший следователь НКГБ. 1954

– Вы арестованы как активный участник антисоветской вредительской организации и шпион иностранных разведок. Признаете ли вы себя виновным?

– Нет, не признаю. Шпионом и участником антисоветских организаций я никогда не был. Я всегда честно работал на пользу Советского государства.

Этими словами утром 12 августа 1940 года в Москве, во Внутренней тюрьме НКВД, начался первый допрос академика Вавилова. Диалог между старшим лейтенантом государственной безопасности Алексеем Григорьевичем Хватом и его подследственным продолжался одиннадцать месяцев. Следственное дело № 1500 донесло до нас не только протоколы допросов и очных ставок, показания заключенного и свидетельства экспертов, но в какой-то степени и личный характер участников драмы, их судьбу, тайные и явные причины, побуждающие каждого из них к тем или иным поступкам.

В 1940 году старшему лейтенанту исполнилось тридцать три. Он находился в возрасте Христа, в пору, когда мужчина, достигнув высшей физической и духовной мощи, нередко оказывается у подножья самых заветных, самых значительных своих свершений. В тридцать три Л. Толстой написал «Казаков» и задумал «Войну и мир», в том же возрасте Ч. Дарвин опубликовал набросок «Происхождения видов», Т. Эдисон изобрел лампу накаливания, а Д.И. Менделеев принялся тасовать карточки с изображением атомных весов элементов, готовясь одарить мир великими научными открытиями. В тридцать три Н.И. Вавилов на съезде селекционеров в Саратове объявил об открытии им Закона гомологических рядов. 33-летний Алексей Хват тоже стоял на пороге своей главной жизненной удачи. Ему поручено задание, которое во многом должно было определить его дальнейшую карьеру. Старшему лейтенанту любыми средствами надо было доказать, что Н.И. Вавилов не выдающийся ученый, не гордость советской науки, не организатор отечественной агрономии, а заклятый враг Советской власти и, как таковой, должен быть уничтожен.

Забегая вперед, замечу, что доверие своих наставников Алексей Григорьевич

полностью оправдал. Вавилова он «оформил» чисто, без сучка, без задоринки. Впоследствии он дослужился до полковника и в расцвете сил на сорок восьмом году жизни вышел в запас с полной пенсией. Покой бывшего следователя был нарушен с тех пор только один раз. В сентябре 1954 года его вызвали в Главную военную прокуратуру и предложили дать объяснение о том, как он вел дело академика Вавилова. Надо полагать, Алексей Григорьевич порядком струхнул. Незадолго перед тем были расстреляны его начальники Берия и Абакумов, в «органах» шла чистка, многих бывших следователей за прежние грехи лишали пенсии, выгоняли из партии. Но полковник Хват выкрутился. Человек аккуратный и понятливый, он через четырнадцать лет из сотен листов десяти томного «дела» Вавилова припомнил и привел в свое оправдание именно ту бумагу, которая одна могла освободить его от всякой ответственности. Это была справка, подтверждающая, что в сентябре 1940 года следователь А.Г. Хват обращался за консультацией в высшие инстанции и там получил подтверждение: «Указанные Вавиловым факты о направлении вредительства в сельском хозяйстве имели место в действительности». Представив этот спасительный для себя документ, Алексей Григорьевич успокоился и уже уверенно дописал в объяснительной записке, что дело Вавилова вел он «исключительно объективно» и никаких претензий подследственный к нему никогда не предъявлял. Ссылка на Высшие Инстанции помогла: хотя прокурор послесталинской эпохи признал «дело» Вавилова грубой фальсификацией, Хват был отпущен с миром. Он и сегодня живет в центре Москвы, в добротном ведомственном доме № 41 и получает свою полковничью пенсию...

Но вернемся к лету сорокового года и попробуем, листая Следственное дело № 1500, проследить, как в действительности складывались отношения следователя и подследственного.

В первые дни после ареста Николай Иванович был полон решимости доказать свою невиновность. Его ответы на допросах звучат твердо и даже резко:

«Категорически заявляю, что шпионажем и другой какой-либо антисоветской деятельностью не занимался...», «Я считаю, что материалы, имеющиеся в распоряжении следствия, односторонне и неправильно освещают мою деятельность и являются, очевидно, результатом разногласий в научной и служебной работе с целым рядом лиц... Я считаю, что это не что иное, как возводимая на меня клевета».

Он продолжает утверждать то же самое и на втором, и на третьем, и на четвертом допросах. «Антисоветской работой не занимался и показаний по этому вопросу дать не могу». Но Хват, заместитель начальника следственного управления Главного экономического управления НКВД, знал, как «раскалывать» таких вот упрямцев. Начиная с 14 августа допросы ведутся десять, двенадцать, тринадцать часов кряду. Хват вызывает подследственного ранним вечером, кончает беседу с ним на рассвете. Сутки отдыха и снова...

Мы почти не знаем о характере этих ночных бдений. Ибо чем дольше длятся допросы, тем короче становятся протоколы. Протокол, помеченный 21 августа, содержит только один вопрос: в каких странах бывал Вавилов. Путешественник перечисляет несколько десятков государств и территорий. Вопрос и ответ заняли от силы пять минут. А что делали эти двое остальные десять с половиной часов? На следующий день (без перерыва!) зафиксировано еще двенад-

цать часов «выяснения истины», и снова протокольная запись уместилась на трех-четырёх страничках...

24 августа после двенадцатичасового допроса следователь в первый раз услышал от своей жертвы слова признания. «Я признаю себя виновным в том, что с 1930 года являлся участником антисоветской организации правых, существовавшей в системе Наркомзема СССР... По антисоветской работе был связан...». Дойдя до этого места, Вавилов принялся перечислять всех расстрелянных к этому времени наркомов и заместителей наркомов земледелия — Яковлева, Чернова, Эйхе, Муралова, Гайстера, объявленных «врагами народа», вице-президентов Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук: Горбунова, Вольфа, Черных, Тулайкова, Мейстера, арестованных сотрудников ВАСХНИЛ Марголина, Ходоровского.

В течение следующей ночи Вавилов продолжал обвинять высокопоставленных мертвецов. Протоколы становятся все более подробными. Подследственный не щадит ни себя, ни тех, чьи кости давно истлели в братских могилах. Он признается в том, что, будучи руководителем ВАСХНИЛ, с вредительскими целями создавал нежизненные узкоспециальные институты. Это приводило к распылению кадров, к злостной растрате государственных средств. Своею властью он, Вавилов, увеличивал посевные площади в СССР и довел до того, что в стране не хватало семян, чтобы засеять эти площади. В результате в 1931—1932 годах поля страны оказались покрытыми сорняками, а севообороты нарушились. Но этого мало: в 1930 году он, академик Вавилов, ратовал за расширение посевов кукурузы и тем нанес родине огромный ущерб...

Следователь Хват любил и понимал толк в документах. Хотя показания были записаны стенографисткой, протоколы перепечатаны на машинке и на каждой странице подследственный ставил личную подпись, следователь пожелал, чтобы свои злодеяния бывший академик записал еще и собственноручно. Так на свет появился трактат, который Николай Иванович назвал «Вредительство в системе Института растениеводства, мною руководимого с 1920 года до ареста (6.8.1940 года)». На двенадцати страницах этого сочинения Николай Иванович снова подтверждает: расширение площади посевов, создание узкоспециализированных институтов, равно как и разведение вредоносной кукурузы было актом вредительства.

Если бы в поисках истины следователь Хват обратился к опубликованным материалам первой и второй пятилетки, к решениям партийных съездов и съездов Советов конца двадцатых — начала тридцатых годов, он мог бы легко убедиться, что подследственный нагло обманывает его. Все то, что Вавилов объявлял своим личным, злонамеренным деянием, было записано в государственных документах, одобрено партийными пленумами и съездами. В том числе и расширение посевов зерновых на 50 миллионов гектаров за три года, с 1931 по 1934-й. Государственная политика, направленная на тотальную централизацию всего управления хозяйством, привела к разрушению опытного дела на местах и созданию отраслевых институтов в центре. ВАСХНИЛу было приказано организовать единое научное управление всеми отраслями сельского хозяйства. И академия, подчиняясь команде сверху, начала плодить узкоспециальные институты вроде Института кофе и цикория, Института сои, Института кролиководства. В

те годы находилось немало научных и практических работников, которые пытались протестовать против централизации науки. Они резонно говорили о богатстве почв и климатов в нашей большой стране, о том, что опыты с сельскохозяйственными культурами и породами скота следует вести с учетом местных условий. Таких арестовывали как «врагов народа», подрывающих основы социалистического хозяйства. В тюрьму попали наиболее видные организаторы областного опытного дела: В.Е. Писарев, В.В. Таланов, С.К. Чаянов, А.Г. Дояренко. А уж о малых сих и говорить нечего: в начале тридцатых годов агрономов и селекционеров сажали сотнями. Теперь же, в 1940-м, специализированные институты были объявлены вредительством, а от академика Вавилова требовали, чтобы он взял на себя вину за глупости, подлость и бессмыслицу «периода социалистической реконструкции сельского хозяйства».

Повторяю, старшему лейтенанту Хвату не стоило никакого труда установить абсолютную невиновность своего подследственного. Но его вовсе не интересовали реальная связь исторических событий и участие в них академика Вавилова. Его цель прямо противоположна. Вопреки фактам он должен был доказать: президент ВАСХНИЛ и есть лицо, ответственное за разорение нашего сельского хозяйства, за развал сельскохозяйственной науки. Для этого годилось все: самозаговор подследственного, доносы его врагов, фальшивые материалы НКВД.

А сам Николай Иванович? Что его сломило, заставило клеветать на себя и на тех погибших, среди которых были дорогие, близкие ему люди? Можно многое объяснить жестокостью следственного режима. (Даже мы — поколение, не испытывавшее ужасов сталинских застенков, узнаем из книг и рассказов очевидцев, какими методами вырывались в те годы самые дикие признания.) Нетрудно представить, что пятидесятитрехлетний ученый не выдержал унижений, угроз, бессонных ночей, побоев и попросту сдался, согласился подписывать все, чего от него требовали. В этом допущении для Николая Ивановича нет ничего оскорбительного. И все-таки я не могу принять такую гипотезу. Ведь под следствием находился Николай Вавилов — бесстрашный путешественник, человек, мужество которого было известно всему миру. Это он в 1924 году, первым среди европейцев, без дорог, без карт, без знающих проводников, рискнул пойти через Кафиристан, неприступный горный район Афганистана. И вышел из этой опаснейшей экспедиции победителем. Потом была ночевка в Сахаре, когда после аварии самолета безоружный летчик и его пассажир-ученый оказались рядом с логовом льва. Была встреча с разбойниками в Абиссинии. А обвал на Кавказе? С тяжелым рюкзаком за плечами исследователь несколько километров полз тогда по каменной осыпи, которая каждую минуту готова была возобновить движение с вершины в ущелье. Спутники Вавилова могли убедиться: в трагических ситуациях ученый находчив, отважен, обладает железной выдержкой, никогда не бросает товарища.

И такой человек сдался, пробыв на Лубянке всего лишь двенадцать ночей? Мне кажется, произошло иное. Своим глубоким аналитическим умом Николай Иванович очень скоро понял, что его арест не случайность, а продуманная, согласованная во всех инстанциях акция. В этом прежде всего убеждали многочисленные показания против него, которые следователь Хват, как опытный игрок, то и дело выбрасывал перед своим партнером. Тут были и наговоры дав-

но расстрелянного наркома Яковлева, и «признания» убитого в тюрьме управделами СНК Горбунова, и письменные показания умершего после трех арестов селекционера Таланова. Тридцать восемь таких выписок из «дел» тех, кто уже давно был осужден и расстрелян, предъявил Хват Вавилову.

Пятнадцать лет спустя, проверяя дело № 1500, военный прокурор Колесников установил, что подавляющее большинство этих выписок и показаний не что иное, как грубые фальшивки. Бывший секретарь Ленина Горбунов, так же как и нарком земледелия Яков Яковлев, ничего не говорил о Вавилове, профессор-селекционер Таланов не привел никаких конкретных фактов; сошедший в камере с ума академик-селекционер Мейстер несколько раз объявлял Вавилова вредителем и столько же раз отказывался от своих слов; впоследствии расстрелянный вице-президент ВАСХНИЛ Бондаренко от своих показаний на суде отказался. В 1955 году фальшивая игра Хвата была полностью разоблачена. Но и в 1940-м Николай Иванович понимал, что карты у следователя крапленые. Обилие наговоров, собранных заранее, подсказывало: арест 6 августа был предрешен заранее и согласован во всех соответствующих инстанциях. А раз так — бессмысленно добиваться справедливости и требовать беспристрастного отношения к себе. Надо играть в ту игру, которую навязывает Хват, играть с наименьшим по возможности убытком. Так возник план: признать себя виновным во вредительстве и взять в сообщники тех, кого уже нет в живых, кто не может пострадать от его показаний.

Полностью отверг Вавилов только обвинение в шпионаже. Да, он бывал за рубежом, посещал иностранные посольства и миссии, но никогда не был завербован, не выполнял никаких заданий западных разведок. Похоже, что аналитический ум исследователя в этом месте дал осечку. Как будто забывая, что он в руках людей, для которых параграфы Свода Законов — пустой звук, Николай Иванович упорно борется со своим следователем против квалификации «шпион». В этих препирательствах явственно видятся остатки наивной веры интеллигента в Закон, в тот Закон, который карает шпиона иностранной державы строже, нежели своего вредителя. Хват со своим средним умом и средним образованием, наверно, снисходительно посмеивался, перечитывая страстные протесты заключенного академика. Чудак! И хотя в «деле» не было ни одного документа, уличающего Николая Ивановича в государственной измене, следователь довел тезис о шпионаже Вавилова до обвинительного заключения и на суде никто не обратил ни малейшего внимания на эту несуразность. Ведь не отрицал же Вавилов, что в 1933 году на вокзале в Париже целовался с белоэмигрантом профессором Метальниковым?..

И все-таки первый круг адской игры Николай Иванович выиграл. В начале сентября 1940 года, после того как он признал себя вредителем, ночные допросы прекратились. Следователь Хват получил свой фунт мяса и занялся подготовкой второго круга...

Теперь мы знаем: арест Первого агронома страны действительно не был случайностью. Отдаленные раскаты будущих громов неслышно прогрохотали над его головой уже в 1931 году, в пору, когда он находился, казалось бы, на вершине признания. Вавилов только что организовал Академию сельскохозяйственных наук, провел Всесоюзную конференцию по борьбе с засухой, привез

из Америки очередной транспорт ценнейших культурных растений, возглавил Географическое общество СССР. И как раз в это время в недрах ОГПУ на него было заведено агентурное дело № 268615. Пока Николай Иванович решал проблемы отечественного хинина и каучука, пока занимался полярным и пустынным земледелием, засухоустойчивостью и орошением пшениц, пока выступал на международных конгрессах и всесоюзных съездах, исследовал культурные растения Закавказья, Дальнего Востока и Канады — «дело» его тайно и тихо росло, разбухало, разбрасывало новые и новые метастазы. Ко дню ареста академика Вавилова число заведенных на него агентурных томов выросло до семи.

<...>

Летом 1939 года в столице Шотландии состоялся наконец VII Международный конгресс генетиков. В мировой прессе широко обсуждался вопрос о президенте конгресса: должен ли в Эдинбурге председательствовать Вавилов или, в соответствии с правилами, руководство конгресса следует передать виднейшему генетику Шотландии доктору Кру? Николай Иванович получил в связи с этим много писем от своих друзей из Англии, Америки и других стран. Большинство генетиков мира стояли за него и выражали надежду на скорую встречу в Эдинбурге. Когда до начала конгресса осталось два месяца, директор ВИРа обратился за разрешением на выезд. Он написал сначала президенту АН СССР Комарову, потом Молотову и наркому иностранных дел Литвинову. В письмах, написанных с большим чувством, он настойчиво убеждал наркома иностранных дел и председателя Совнаркома, что его поездка носит отнюдь не личный характер, что она поднимает международный престиж страны. Вавилов объяснил, что политически выгодно провести конгресс под эгидой Советского Союза как страны, имеющей блестящие достижения в области генетики. Это привлечет к СССР симпатии западной интеллигенции.

Суля вождам политические выгоды от конгресса, Вавилов действовал, конечно, в соответствии с тогдашними нравами и вкусами. Едва ли мы вправе винить его за эту невинную дипломатическую уловку. Но сегодня, оценивая события пятидесятилетней давности, можно констатировать, что среди интеллигенции европейских демократических стран президентство советского ученого на международном конгрессе несомненно вызвало бы положительную оценку. На пороге войны с фашистской Германией Запад высоко ценил любой шаг СССР, направленный к единству, свидетельствующий об ослаблении сталинского табу в области культуры и науки. Но для Сталина и его окружения понятие «престиж» содержало, очевидно, иной смысл, нежели тот, который вкладывал в эти слова академик Вавилов. Комаров несколько раз ездил в Совнарком, но Молотов с разрешением на выезд тянул, не говорил ни «да», ни «нет». Хитрый политикан, он знал, конечно, какой международный скандал разразится, когда на Западе узнают, что советским генетикам не разрешили ехать на конгресс. Но куда больше его интересовала внутренняя ситуация: как на это посмотрит Сталин.

Внутренняя ситуация прояснилась в июле, когда Молотов получил от Берии письмо, специально посвященное Вавилову и положению в биологической науке. Комиссар государственной безопасности первого ранга сообщал, что, по

имеющимся сведениям, после назначения академика Лысенко Т.Д. президентом Академии сельскохозяйственных наук Вавилов Н.И. и возглавляемая им буржуазная школа так называемых «формальных генетиков» организует систематическую кампанию, которая призвана дискредитировать академика Лысенко как ученого. Берия не скрывал цели своего демарша: он ждал от Молотова, ведающего в ЦК наукой, согласия на арест Вавилова. В письме Берии ничего не говорится о троцкистских взглядах Вавилова, о Вавиллове-вредителе, пособнике Бухарина и Милюкова. В деловой переписке двух государственных мужей такая мишура была излишней. И Берия, и Молотов знали, что уничтожить академика Вавилова надо потому, что он не приемлет «открытий» Лысенко и тем раздражает товарища Сталина. Такова была голая правда. Облечь же ее в подобающие формы, сфабриковать обвинения против Вавилова — вредителя и шпиона — это уже детали, методика, которой впоследствии займется аппарат НКВД — НКГБ.

<...>

...Признав себя вредителем и врагом народа, Николай Иванович обрел покой. С сентября 1940 года по март 1941-го Хват его не вызывал на допросы. Вавилов остался один в камере и мог наконец отдохнуть. Впоследствии он, очевидно, не раз вспоминал эту одиночку добрым словом. Тут было сухо, тепло, камера проветривалась и освещалась. С 11 вечера до 5 утра разрешалось спать на откидной койке. Подследственные не голодали. Им, правда, не давали книг, но зато были бумага и карандаш на тот случай, если охваченный раскаянием заключенный пожелает дать дополнительные показания. Человек деятельный и организованный, Вавилов решил не терять в камере ни дня напрасно. Ему давно уже не терпелось написать книгу, которая подвела бы итоги его раздумий о глобальной эволюции земледелия с древнейших времен. Для работы над такой «узкотеоретической» монографией у директора двух институтов и вице-президента ВАСХНИЛ не хватало времени. Зато у заключенного Вавилова времени оказалось достаточно. Кажется невероятным, чтобы в наше время кто-нибудь писал серьезную научную книгу без помощи энциклопедий, карт, справочников. Николай Иванович Вавилов, может быть, единственный исследователь XX века, который преодолел это «препятствие». Справочной библиотекой для него служила его собственная память. Об этом сочинении мы знаем очень мало. Лишь в одном из писем к Берии Николай Иванович указывает: «Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, мною написана большая книга «История развития земледелия» (Мировые ресурсы земледелия и использование), где главное внимание уделено СССР». В историю человеческой культуры вошло немало книг, написанных под сводами тюрьмы. Утопия Кампанеллы, романы Достоевского и Чернышевского, труды народовольца Морозова — лишь малая часть того, что подарили потомству великие узники. Книге академика Вавилова была уготована, увы, другая судьба. Но об этом позже.

Пока ученый писал свой последний труд, следовательно Хват тоже не бездельничал. С осени 1940 до весны 1941 года он успел арестовать еще четверых «сообщников» Вавилова. В Ленинграде взяли давнишнего, еще со сту-

денческих лет, друга и сотрудника Николая Ивановича — Леонида Ипатьевича Говорова. По воспоминаниям современников, профессор Говоров был очень похож на классический портрет Чехова. В кругах растениеводов его знали как крупнейшего знатока бобовых. О горохе, бобах, фасоли, вике, чине он знал буквально все. Хороший семьянин, серьезный ученый, человек в высшей степени миролюбивый и покладистый, профессор Говоров только однажды дал волю своей горячности. Это произошло в день, когда он узнал об аресте Николая Ивановича. Ни слова не сказав ни домашним, ни сотрудникам, профессор Говоров помчался в Москву искать аудиенции у товарища Сталина. Долгом ученого и гражданина он считал открыть Иосифу Виссарионовичу глаза на то, какого замечательного человека и ученого теряет Россия в лице академика Вавилова. К Сталину его не допустили. Он попытался пройти к Маленкову, и тоже — тщетно. Говорят, что, добиваясь приема в Кремле, Леонид Ипатьевич несколько дней ничего не ел и не спал. А когда физически разбитый, душевно истерзанный добрался он до Ленинграда, его схватили как вавиловского сообщника.

<...>

... в марте 1941 года Вавилова оторвали от работы над книгой. Для него снова началась тяжкая допросная страда.

Смысл «второго круга» следствия состоял, как мне кажется, только в том, чтобы навесить на подсудимого как можно больше новых обвинений. Качество обвинений, их доказуемость не имели для Хвата никакого значения. В той бюрократической задаче, которую он выполнял, смысл имело лишь количество показаний, агентурных донесений, протоколов очных ставок, а вовсе не их подлинность. Надо было показать, что академик Вавилов страшный, очень страшный преступник, чье неприятие Советской власти восходит чуть ли не к 1917 году. И следовательно напрягал всю свою небогатую фантазию, чтобы придумать, как выглядели эти «преступления». Говорова и Карпеченко он заставил признаться, что Вавилов вовлек их в антисоветскую организацию. Паншин «засвидетельствовал», что Вавилов сорвал решение правительства о ликвидации так называемого «белого пятна». (Речь шла о посеве пшеницы в исконных районах Средней России. Вавилов и его ближайший сотрудник селекционер В.Е. Писарев как раз и были главными организаторами этого важнейшего научно-хозяйственного предприятия, которое принесло стране миллионы тонн пшеничного зерна.) Но какое дело было следователю Хвату до фактов! Он грузил корабль, чтобы утопить его, сочинял небывлицы, чтобы придать видимость законности предстоящему убийству.

Особенно охотно Хват фантазировал, когда речь шла о шпионаже, о связях Вавилова с зарубежными разведками. В распоряжении следователя был только перечень стран, в которых бывал ученый, да список европейских и американских генетиков, селекционеров и агрономов, с которыми он когда-либо встречался. Но ведь должен же был Вавилов кому-то и где-то передавать государственные секреты Советского Союза! И вот в «деле» появляется указание на многочисленных «связных». В одном случае это французский разведчик Мазан, в другом — руководители Германского общества сельских хозяев, в третьем — датские дипломаты.

Но старшему лейтенанту Хвату и этого мало. В один прекрасный день он предъявляет подследственному обвинение в том, что директор ВИРа «портит посадочные площадки Ленинградского военного округа, производя засев аэродромов семенами, зараженными карантинным сорняком» (?!). Николай Иванович, с его острым чувством юмора, не мог не посмеяться над этой абракадаброй. Но Алексею Григорьевичу Хвату было не до смеха. 22 июня, в связи с началом войны, следователи получили распоряжение быстрее передавать дело в суд. Возникла реальная опасность: за плохую работу начальство могло отправить провинившегося на фронт. Хват нервничает. В его следовательском почерке начинают проскальзывать истерические нотки. 29 июня он приобретает к следственному «делу» «как изобличительный материал по обвинению Вавилова», якобы обнаруженный при обыске манифест контрреволюционного «Великорусского союза» и фотографию Керенского А.Ф. Новые документы позволяют изобличить троцкиста Вавилова также в контакте с черносотенными монархистами и одновременно в том, что он является сторонником Временного правительства, низложившего монархию. Познания старшего лейтенанта Хвата в области истории общественных отношений не уступали его познаниям в ботанике. Но что за беда! Военная коллегия Верховного суда СССР, в один день осудившая и великого ботаника Вавилова, и известного советского философа, основателя и первого директора Института мировой литературы АН СССР академика Луппола, не нашла никаких недостатков в обвинительных заключениях, которые сфабриковали Хват и его коллеги...

О том, как проходил второй этап следствия, рассказал художник-иллюстратор, член Союза художников СССР Григорий Георгиевич Филипповский. Весной 1941 года он провел несколько месяцев в Бутырках, в двадцать седьмой камере, на втором этаже старого тюремного корпуса. В камере, рассчитанной на двадцать пять человек, сидело более двухсот арестантов. Маленькая форточка почти не пропускала воздуха. Духота и теснота были невообразимы. Заключение постоянно сменялись: одних увозили на расстрел, других — в лагерь. Но несколько человек пребывали тут уже довольно долго. Среди старожиллов выделялись прославленный командарм времен гражданской войны Кожевников, строитель Мончегорского горнорудного комбината Маньян, конструктор советских линкоров Бжезинский. Когда Филипповского втокнули в камеру, то среди сидящих, лежащих и стоящих заключенных он сразу заметил странную фигуру: пожилой человек, лежа на нарах, задирает вверх опухшие ноги. Это был академик Вавилов. Он лишь недавно вернулся после ночного допроса, где следователь продержал его стоя более десяти часов. Лицо ученого было отечным, под глазами, как у сердечного больного, обозначились мешки, ступни вздулись и показались Филипповскому огромными, сизыми. Каждую ночь Вавилова уводили на допрос. На рассвете стража волокла его назад и бросала у порога. Стоять Николай Иванович уже не мог, до своего места на нарах добирался ползком. Там соседи кое-как стаскивали с его неестественно громадных ног ботинки, и на несколько часов он застывал на спине в своей странной позе.

Всегда общительный, жизнерадостный Николай Иванович после «второго цикла» допросов замкнулся, с однокамерниками почти не разговаривал, о том, что происходит в кабинете Хвата, почти не рассказывал. Но однажды в отсут-

стве Вавилова Филипповскому передали, какие «диалоги» происходят между вице-президентом ВАСХНИЛ и его следователем. Каждый раз, когда ученого вводили, Хват задавал ему один и тот же вопрос:

– Ты кто?

– Я академик Вавилов.

– Мешок говна ты, а не академик, — заявлял доблестный старший лейтенант и, победоносно взглянув на униженного «врага», приступал к допросу.

<...>

Суд состоялся 9 июля 1941 года.

Готовый приговор уже лежал в портфеле председательствующего.

«Именем Союза Советских Социалистических... Предварительным и судебным следствием установлено, что Вавилов с 1925 года является одним из руководителей антисоветской организации, именованной «Трудовая крестьянская партия», а с 1930 года являлся активным участником антисоветской организации правых, действовавших в системе Наркомзема СССР и некоторых научных учреждений СССР... В интересах антисоветских организаций проводил широкую вредительскую деятельность, направленную на подрыв и ликвидацию колхозного строя, на развал и упадок социалистического земледелия в СССР... Преследуя антисоветские цели, поддерживал связи с заграничными белоэмигрантскими кругами и передавал им сведения, являющиеся государственной тайной Советского Союза.

Признавая виновным Вавилова в свершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58— 1а, 58— 7, 58— 9, 58— 11 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила:

Вавилова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Только одна инстанция еще могла остановить действие приговора — Президиум Верховного Совета СССР, во главе которого стоял в те годы всеми любимый и уважаемый, но не располагающий никакой властью «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Вечером того же 9 июля на узкой полоске бумаги, чернилами (они, видимо, специально выдавались в таких случаях) Николай Иванович написал прошение о помиловании:

«В Президиум Верховного Совета СССР

осужденного к высшей мере наказания — расстрелу бывшего члена Академии наук СССР, вице-президента Академии с.-х. наук им. Ленина и директора Всесоюзного института растениеводства Вавилова Николая Ивановича (статья обвинения 58— 1а, 58— 7, 58— 9, 58— 11)

Обращаюсь с мольбой в Президиум Верховного Совета о помиловании и предоставлении возможности работой искупить мою вину перед Советской властью и советским народом.

Посвятив 30 лет исследовательской работе в области растениеводства (отмеченных Ленинской премией и др.), я молю о предоставлении мне самой минимальной возможности завершить труд на пользу социалистического земледелия моей Родины.

Как опытный педагог клянусь отдать всего себя делу подготовки советских кадров. Мне 53 года. 20 часов 9.7.1941 г.

Осужденный

Н. Вавилов

*бывший академик, доктор
биологических и агрономических наук».*

Ответ на свою мольбу Николай Иванович ждал семнадцать дней. Только 26 июля стало известно: Президиум Верховного Совета СССР в помиловании Вавилову отказал. Осужденного перевезли в Бутырскую тюрьму для приведения приговора в исполнение.

<...>

РУССКИЕ МУЖИКИ РАССКАЗЫВАЮТ

Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918-1977. Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крестьянского архива. OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD, LONDON 1983.

От автора

Я никогда не был литературоведом, знатоком творчества или биографии Льва Толстого. Мои собственные литературные интересы никак не соприкасались с той сферой, что была близка и дорога Толстому. Совсем наоборот. Три десятка лет я писал о людях и проблемах науки. Что может быть дальше от мира Толстого, чем биографии ученых? И тем не менее я приступаю ныне к работе, которая освящена идеями великого писателя и мыслителя. И это не случайно. Я вижу глубинную связь между тем, что я делал как литератор и историк до сих пор, и тем предприятием, за которое берусь.

<...>

Размышление над трагическими судьбами лучших людей России открыло мне главную беду эпохи, начавшейся осенью 1917 года. Октябрьский переворот, Гражданская война, коллективизация, индустриализация, террор 30-х и 40-х годов — главным следствием имели массовую деморализацию советского общества. Этический кризис особенно явственно обозначился на личностях крупных, творческих, там, где как будто можно было бы ожидать мощного нравственного иммунитета. Такого иммунитета у большей части советского общества не оказалось. Перед историком нового времени это обстоятельство естественно возводит вопрос: возможно ли вообще устоять перед мощью партийно-государственного

давления, которому подвергается советский гражданин? А если можно, то какие именно качества позволяют личности сохранить человеческое достоинство в обстановке массового государственного аморализма? Я попытался ответить на это в своей книге, ныне вышедшей на Западе под названием «Управляемая наука». Хотя речь в ней идет только о миллионе советских деятелей науки, суть проблемы касается целиком всего многомиллионного советского общества и сводится к формуле: «Как остаться человеком, сидя в клетке с обезьянами?» Свои книги, написанные не для печати, я давал читать большому кругу московских, ленинградских и киевских интеллигентов. Люди тайно передавали эти рукописи своим друзьям. Круг людей, знавших о моих исследованиях, постоянно возрастал. В современной России такая известность всегда чревата для автора серьезными опасностями. Доносительство — одна из наиболее распространенных этических болезней на моей родине. И действительно, среди моих доверенных читателей нашелся предатель. КГБ приняло против автора злокозненных рукописей меры, которые закончились для меня эмиграцией.

Но вместе с тем, расширившийся круг читателей принес мне в конце 70-х годов и нечаянную радость. Однажды друзья сообщили мне, что рукописи мои заинтересовали толстовцев, последователей философских взглядов Льва Николаевича Толстого. Я удивился: откуда взялись толстовцы на шестидесятом году советской власти? Однако вскоре я смог убедиться, что толстовцы — личности вполне реальные и даже довольно активные. Незадолго перед новым 1977-м годом мне передали от них два документа. В первом крестьянин Дмитрий Егорович Моргачев, живший в Киргизии, просил Генеральную Прокуратуру СССР о реабилитации, так как, по его словам, он осужден несправедливо и незаконно. Ответной бумагой Прокуратура извещала гражданина Моргачева Д.Е., что в действиях его состава преступления не обнаружено и поэтому дело номер 13/3-137804-40 будет прекращено. Обычная вроде бы переписка, обычные формулировки. За два с лишним десятилетия, прошедших после смерти Сталина, миллионы людей подавали в Прокуратуру такие письма и получали такие ответы. И тем не менее письмо из Киргизии нисколько не походило на другие такого же рода прошения. Вчерашние жертвы террора обычно пользуются безучастным, стертым языком канцелярских протоколов. Ужас перед всемогуществом власти все еще сдавливают им гортани. Так же невнятно, как бы цедя свой ответ сквозь зубы, отписываются и прокуроры. Реабилитационные документы составлены так, что не ясно, кто же в конце концов виноват. Человеку, просидевшему многие годы в каторжном лагере, потерявшему здоровье и силы, советские прокуроры сообщают, что, как удалось выяснить, он — не преступник, и власти отныне к нему претензий не имеют. Заявление Дмитрия Моргачева резко отличается от писем такого рода. Он не просит о снисхождении, а решительно требует признания государственной вины перед ним и его пострадавшими товарищами. Вот этот документ с сохранением стиля и пунктуации подлинника.

**Прокурору Союза Советских Социалистических Республик
Моргачева Дмитрия Егоровича, проживающего Пржевальск
ул. Кравцова 253
Дело № 13/3-137804-40**

Заявление на предмет реабилитации. Заявляю: я Моргачев Дмитрий Егорович — член Толстовской сельхоз. коммуны, оставшийся в живых из немногих друзей и последователей Л.Н. Толстого, был арестован в группе 10-12 человек в апреле 1936 года. В ноябре 1936 г. был осужден на срок 3 года заключения в т/лагерях. В ноябре 1937 г. приговор был отменен «за мягкостью» во время культа личности Сталина. Было вторичное следствие. Состоялся и вторичный суд по этому же делу в апреле 1940 года то есть через 4 года после дня ареста. Срок был увеличен до 7 лет. По отбытии срока (незаслуженного) был закреплен за лагерем по директиве «185», где проработал 3 года. Всего отбыл 10 лет.

Коммуна из друзей и последователей Льва Толстого переселилась в Сибирь на основании решения Президиума ВЦИК в 1930 г. Создали большое сельское хозяйство без «мое», а все общее, не откладывая на будущее, как коммунистическая партия. Мы это делали теперь же в настоящее время, за что очень дорого заплатили жизнями членов коммуны. Мало осталось друзей и последователей Л. Толстого — членов коммуны. Били нас жестоко за этот мирный человеческий идеал. Такую коммуны, единственную в Советском Союзе, надо было взять под охрану закона, как образцовое коммунистическое хозяйство. Но под охрану взяты лишь редкие звери и птицы.

Я — счастливцев. Еще живой, арестованный в 1936 г. и дважды осужденный. Все перенес. Арестованные в 1937-38 гг. и в 1941 г. не вернулись к своим семьям, к своим детям. Погибли в неизвестности.

Все «толстовское дело» по обвинению членов коммуны создано во время культа личности Сталина надумано и ложно. Хотя и было написано несколько томов лжи и клеветы, на друзей и последователей Толстого. Я виновным себя не признаю, т.к. не сделал никакого преступления. Я не подписал допросов обвинения.

В 1963 г. спустя 27 лет после ареста и 17 лет после отбытия 10 лет заключения только за то, что я был последователем учения Льва Толстого, я обратился к Вам с заявлением о реабилитации. Мне было уже 71 год от рождения, я инвалид II группы. Я получил безжалостный ответ — отказ.

Я еще живой и также (как прежде — М.П.) разделяю взгляды на жизнь Льва Толстого. Мне 84 года от рождения. Прошло 40 лет после ареста и 30 лет после отбытия срока в лагерях.

Прошу меня реабилитировать перед уходом в вечность. К сему (Д.Е. Моргачев) 24 июля 1976 г.

Перепечатанная на старенькой с разбитым шрифтом машинке, копия письма содержала приписку, сделанную от руки:

«Я теперь не нуждаюсь в реабилитации, но пусть прочтут молодые прокуроры, что было сделано с друзьями и последователями Льва Толстого».

Молодых прокуроров, надо полагать, письмо старого крестьянина не слишком взволновало: их официальный ответ выдержан в обычных для прокуратуры выражениях.

**Государственный герб
Прокуратура СССР
103793 Москва, Центр
Пушкинская ул. 15-а
13 октября 1976 года 72236 Пржевальск, Киргизская ССР
13/3-137804-40 Ул.Кравцова, дом 253, Моргачеву Д.Е.**

Сообщаю, что Ваша жалоба о пересмотре дела за 1940 г. в Прокуратуре СССР рассмотрена и удовлетворена.

Генеральным прокурором СССР 12 октября 1976 года внесен протест в Пленум Верховного Суда СССР на предмет отмены приговора Новосибирского областного суда от 31 марта — 4 апреля 1940 г. и последующих судебных решений и прекращения дела за отсутствием в Ваших действиях состава преступления. В протесте также будет поставлен вопрос о прекращении дела в отношении других лиц, осужденных по данному делу с Вами (Мазурин Б.В., Тюрк Г.Г., Толкач О.В. и др.). При наличии у Вас данных о месте жительства указанных лиц, прошу сообщить им о вынесении протеста. О результатах протеста Вам будет сообщено дополнительно.

**Прокурор отдела по надзору
за следствием в органах Госбезопасности
Старший советник (Васильев).**

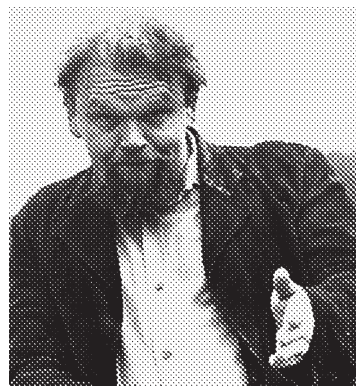
В декабре 1976 года последовала окончательная реабилитация. Справедливость восторжествовала: сорок лет спустя Генеральный прокурор СССР и Пленум Верховного Суда СССР освободили последователей философии Льва Толстого от обвинения в... толстовстве. Более того, пострадавшим было разъяснено, что следование учению Льва Толстого о непротивлении злу насилеием в Советском Союзе преступлением не считается. Этот письменный ответ Генеральной прокуратуры СССР — очевидно, единственный документ, которым советская власть признает, что в Советском Союзе людей преследуют за взгляды и философские убеждения. Впрочем, на страницах этой книги читатель найдет немало и других свидетельств, не менее убедительных.

Итак, толстовцы в СССР продолжают существовать. И не только существуют, но даже сохраняют верность своим убеждениям.

<...>

Источник: Библиотека А. Белоусенко (<http://belousenkolib.narod.ru>).

Пименов
Револют Иванович
(1931–1990)

Окончил механико-математический факультет Ленинградского университета. В 1949 г. помещен в психбольницу за то, что подал заявление о выходе из комсомола. В августе 1957 г. Пименов был приговорен к шести годам за «антисовестскую агитацию». Верховный суд изменил приговор, осудив Пименова на 10 лет, но в 1963 г. Пименов был условно освобожден с испытательным сроком. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию в Математическом институте Академии наук, а в 1969 г. — докторскую.

В Самиздате ходила книга воспоминаний Пименова «Один политический процесс» о суде над ним и его друзьями в 1957 г. и очерк «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейдли». В апреле 1970 г. в квартире Пименова в Ленинграде был произведен обыск и изъято более 250-ти произведений Самиздата. Пименов был арестован и приговорен к 5-ти годам ссылки в республике Коми. Там в 82-м против него возбуждается новое уголовное дело, которое было прекращено только в 87-м.

В 90-м избран народным депутатом России от Сыктывкара, работал в Конституционной Комиссии. Умер в декабре 1990 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть I **Один политический процесс (1956-1958)**

Предисловие

Основной текст этих воспоминаний был написан в 1968, обсужден с участниками событий тогда же, после чего перередактирован. В течение бурных для автора лет 1970-75 он не только не прикасался к этим мемуарам, но даже не имел у себя их текста. В 1975 следователь Барышников, по делу Твердохлебова приезжавший к автору, уверял его, будто неведомо в каком виде часть этих воспоминаний опубликована на Западе [1].

После этого автор с большим трудом достал искаженную многократными перепечатками самиздатную копию своего сочинения, перечел, исправил и сократил ее. Полученный текст воспроизводится ниже. Спасибо всем, кто действовал с автором, кто помогал ему писать, кто хранил и перепечатывал. Как мне грустно, что я не могу вас назвать поименно, — я люблю вас, и мы верим друг в друга.

В марте 1957 г. я был арестован по обвинению в преступной деятельности, предусмотренной статьями 5810-11 ук РСФСР [2]. Юридические основания, приведшие к моему аресту, и деятельность, послужившую основой для этого ареста, можно разбить на три группы. В этом параграфе я буду говорить исключительно о юридической стороне; мотивы и подробности излагаются далее.

Первое. Еще в марте 1956 г. мы перепечатали — раздобыли разными путями и отпечатали на машинке в большом числе экземпляров — доклад Н.С. Хрущева на XX съезде о культе личности Сталина (речь идет о докладе Хрущева на закрытом заседании XX съезда). Кроме того, мы снабдили текст моим послесловием, называвшимся ПО ПОВОДУ РЕЧИ ХРУЩЕВА, и примечаниями к тексту (подстрочными) [3]. Я не главный автор этих примечаний. Если мне в них что и принадлежит, то разве лишь некоторое ухудшение их научности, придание им полемической заостренности и безответственности суждений. Поскольку примечания нам не инкриминировались, а сам автор примечаний согласен, чтобы я назвал его имя, да оно и называлось им в процессе следствия, — автором их был мой друг Эрнст Семенович Орловский. Отпечатанный текст — примерно 30 страниц — мы продавали потом по «себестоимости», т. е. из расчета, сколько стоит перепечатка на машинке. Кстати, этот принцип — продажа самиздатных произведений по стоимости перепечатки — мне кажется реалистичным и весьма правильным и в наше время.

Так вот, первый провал относится к маю 1956 г. На праздники к нам в Ленинград приезжал мой старый приятель Фимка (Ефим) Рохлин, который работал в Медвежьегорске (по распределению). Он застал нас в разгаре работы по перепечатке. Он купил у нас экземпляр. Вспоминаю, что потом он выражал свое неудовольствие, граничащее с возмущением (не мне, а нашему общему знакомому), на предмет моей коммерческой жилки, что я потребовал с него 10 рублей (в нынешних деньгах — один рубль) за этот экземпляр. Вспоминаю и еще одного тогдашнего знакомого, который до сих пор поминает с ехидством, что этот экземпляр принадлежит ему лично, ибо он за него денежки платил. Кстати, этот последний экземпляр остался неразысканным органами, и, как я узнал после освобождения, с него за время моего ареста делались копии, которые сейчас где-то гуляют. Впрочем, это не единственный экземпляр, уцелевший от органов. Вернемся к Рохлину. Свой экземпляр он увез к себе. Там, в Медвежьегорске (Карело-Финская АССР), он, разумеется, давал его читать то тому, та иному. Сослуживец дал сослуживцу, тот дал начальнику, а начальник, прочтя, — в Комитет госбезопасности [4]. Насколько мне известно, этот экземпляр в непродолжительное время лег на стол к одному из членов Карело-Финского ЦК. Надо уточнить только, что он был без моего послесловия (кажется, его мы не успели допечатать до отъезда Рохлина; он-то прочел послесловие в оригинале, а я обещал ему прислать с оказией недостающий, «хвост»), но с примечаниями, расположенными подстрочно. Говорят, чекист весьма похвально высказался о примечаниях. Сразу же Рохлин позвонил мне. Точнее, не мне, а через промежуточное лицо. Некоторые считают, будто в таких случаях ни в коем случае нельзя прибегать к помощи телефона. Я не разделял этой точки зрения. Надо различать два вида телефонных сообщений в случае провала. Если бы он позвонил мне, говоря: «Тот текст,

который я брал у тебя, у меня изъяли в КГБ», — то это было бы чистой воды идиотством. Но если бы он вообще не известил меня о провале, это было бы глупостью. Он лишил бы меня той информации, которой ГБ уже обладало. Сведения о провалах, арестах, обысках надо сообщать сразу, молниеносно. Он это и сделал. Он позвонил одному нашему общему знакомому, рассказав в терминах, приемлемых для ГБ, что у него, Фимки, забрали, де, одну очень интересную бумагу, которую он купил в Ленинграде у случайного встречного у Дома Книги; что теперь это грозит ему вызовом в ГБ; что он очень беспокоится и просит почаще поддерживать с ним связь — как бы не стряслось чего плохого с ним. Как видите, задача передать информацию была решена им прямо-таки гениально. Такой разговор не давал ни малейших оснований даже самому подозрительному сыщику заподозрить собеседника Рохлина (а тем более — меня). В самом деле, человек, которому грозит неприятность со стороны ГБ, делится опасениями со своим старым приятелем, который, как явствует из телефонного разговора, вообще-то впервые слышит о каких-то там бумагах. Приятель же этот в тот же день позвонил моей жене Ире Вербловской, сказав, что давно не виделся с нею и хотел бы поболтать за жизнь. В тот день он звонил еще по десяткам разных номеров, ей звонил не первой. Встретившись, он информировал ее о случившемся и договорился о встрече со мною в ближайшие дни. Неподалеку от моего института (я тогда работал ассистентом в Технологическом институте пищевой промышленности; он помещался у Дома Культуры им. Капранова на тогдашнем проспекте Сталина (он же Забалканский, Международный, Московский проспект), а позже, уже после моего ареста, был переведен из Ленинграда в Воронеж) вечером мы с ним встретились. Он полностью пересказал мне содержание звонка Фимки, и мы с ним обсудили, какие меры следует принять.

Позднее мне стало известно, что в это время — с апреля по ноябрь 1956 г. — действовал какой-то Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, чтобы не привлекать к ответственности по статье 5810. Точнее, мне рассказывали об этом указе обычно осведомленные люди, а текста его я не читал. Стало быть, наши страхи были в известном смысле напрасными: арест нам не мог грозить. Но поскольку указ сей никогда не был опубликован, страхи наши были по крайней мере обоснованными. Как бы там ни было, мы (я и Ира Вербловская) убрали все экземпляры речи Хрущева из дому, приостановили размножение их, сменили пишущую машинку в доме (для напечатания речи я специально брал машинку, на которой не печатал ничего другого) и собрали ряд бумаг, которые, по моему мнению, не следовало показывать посторонним глазам, в чемодан. Чемодан же мы отнесли одной знакомой Иры — (Долли, Двойре) Доре Ильиничне Левиной; это мать Жени Грузова. Она в свое время, в начале тридцатых годов, попадала на непродолжительное время в тюрьмы ОГПУ и на допросы к подчиненным Ягоды [5]. Тамашские впечатления оказались столь сильны, что она была готова помочь любому человеку, который боролся с ГБ или с которым боролось ГБ. Сейчас она уже умерла, так что ей не повредит мой отзыв. Она очень остроумно запрятала экземпляры речи Хрущева (теперь я понимаю, что ей помог ее прошлый тюремный опыт), а чемодан, не содержащий с моей точки зрения, особо криминального, поставила в комнате. Это — первый раз, когда они напали на след нашей деятельности. Тогда все происшедшее осталось без последствий. Поз-

же нам и это припомнили: за два месяца до ареста — 20 января 1957 г. — этот экземпляр был приобщен к моему следственному делу.

Следует добавить, пожалуй, что когда Рохлина вызвали в Карельское ГБ, то он дал там показания (впрочем, юридически, наверное, его рассказ там нельзя считать показанием и заданные ему вопросы — допросом: ведь дело не было возбуждено; именно поэтому, как я понимаю, позже ему его ложь не инкриминировалась как лжесвидетельство) в стиле своего телефонного звонка: купил у неизвестного у Дома Книги. Неизвестный — высокого роста, в зеленой шляпе. Других примет не помнит. Его отпустили с миром, и даже по службе никаких неприятностей у него не возникло.

Любопытная подробность, которая годилась бы в мелодраму. Впрочем, автора упрекнули бы в натяжке, подгонке случайностей. В это же время, весной 1956 г. один мой университетский приятель, сокурсник, Юра Волков тоже ненароком помог ГБ. Случилось это так. Вскоре после XX съезда мы с ним много беседовали на политические темы. На него произвела впечатление целостность, убежденность и страстность моей позиции, которую вкратце (подробнее я говорю об этом в § 2) можно описать как полное недоверие тогдашнему ЦК, состоявшему из выучеников Сталина; я требовал, чтобы народу была возвращена власть в своей стране, отнятая у него Сталиным и его приспешниками. Волков не соглашался со мной ни в критических загибах, ни в позитивных требованиях, но относился к моему мнению с интересом. Жена его Зина пригласила однажды на чашку чая и рюмку водки к себе свою сослуживицу (обе работали в школе). Та пришла с мужем. Волков, когда разговор за столом коснулся Сталина (а кто весной 1956 не говорил о нем?), рассказал, что у него есть интересный приятель — Револют Пименов, — который думает то-то и то-то. Собеседник же его оказался — не отрекомендовавшись в том — капитаном госбезопасности Юрой Меньшаковым. Об этой беседе он сам напомнил Волкову, когда уже в форме ГБ приехал делать обыск в доме Волкова примерно через год. (Обыск был напрасным, ибо у Волкова ничего не было.) Меньшаков и мне похвалялся: «Мы о Вас знали еще в мае 1956-го от Ваших же приятелей. Например, от Волкова». Разговор этот также остался без последствий, если не считать того, что Меньшаков поставил себе «галочку»: есть, де, такой интересный для них человек. Вообще позже выяснилось, что, не подозревая того, я был знаком и с другими штатными сотрудниками ГБ. Например, со старшим лейтенантом Валерием Александровичем Кривошеиным мы вместе были на одной комсомольской стройке, куда выезжал году в 1950-51 наш Университет. Он также входил в следственную группу по моему делу и поведал, что обратил на меня внимание именно тогда. Каюсь, я его там и не заметил, хотя он высокого роста.

Второе — Венгрия. «Венгрия» — это слово стало как бы условным кодом, кратким названием целой серии событий. Я не собираюсь здесь излагать события тех дней. И тем более не пытаюсь «правильно» их оценить. Ведь для понимания последующего важна, существенна в моей судьбе не та или иная «правильная» оценка этих событий, даже не то, что случилось «на самом деле», а мое ТОГДАШНЕЕ восприятие этих событий, комплекс тех сведений, которые мне были известны ТОГДА, а не потом. Я хочу воспроизвести свои

мысли того периода, даже если не разделяю их сейчас и даже если факты были иными, чем мне они представлялись осенью-зимой 1956 года.

20 октября 1956 г. в Польше произошли некоторые события, которые можно было назвать революцией, которые сами поляки назвали «Наш Пазьдерник» (в переводе — «Октябрь») и которые состояли в том, что сменилось польское правительство (у власти по требованию снизу стал Гомулка, посаженный еще в 1949, но, в отличие от Райка, Костова, Сланского и Дзодзе, не расстрелянный), после чего советские танки, уже двигавшиеся к Варшаве, остановились в результате ряда демаршей, предпринятых этим правительством [6]. Вскоре после этого в Польше резко оживилась общественная жизнь и прекратились преследования за критику правительства. 23 октября в Будапеште состоялась трехсоттысячная демонстрация перед зданием Парламента. Эта демонстрация происходила под впечатлением польских событий. Лозунги ее были довольно невинны: все — за социализм. Насколько они были невинны, видно хотя бы из того; что все главные 10 пунктов требований вошли через некоторое время в программу правительства Яноша Кадара [7]. В частности, я помню, что один из лозунгов касался системы школьных оценок. В Венгрии сложилась традиционная национальная система отметок, отличная от русской. Не помню, то ли она была 12-балльная; то ли там единица означала высший балл, двойка — уже похуже, а пятерка соответствовала нашей двойке. Как бы там ни было, году в 1949 эту национальную систему оценок всюду в обязательном порядке заменили нашей пятибалльной. Так вот, демонстранты-студенты требовали возврата к национальной системе отметок. Но тогдашний генеральный секретарь венгерской компартии (официально — Венгерской Партии Трудящихся — ВПТ) Эрне Гере и в этом провидел происки американской разведки и потаенное желание реставрации капитализма; он был проницательным человеком, как и многие его сослуживцы. Он обозвал демонстрантов «фашистской чернью». В ответ Будапешт покрылся баррикадами, раздалось требование отставки Гере. В отличие от Варшавы советские войска находились в самом Будапеште. По приглашению Гере они выступили «на подавление фашистского мятежа». Кстати, среди советских военнослужащих в Ленинграде распространялись единообразные слухи, будто «контрреволюция» в Венгрии началась с массовой резни советских солдат ночью. Я специально проверял тогда же эти слухи и не нашел никаких подтверждающих фактов. Разумеется, рядовые солдаты Советской армии могли воспринимать события как фашистский мятеж; для них восстание могло выглядеть как продолжение полугодового штурма Будапешта в 1944-45 годах, когда нилашисты, арестовав Хорти, до последнего человека отстаивали город от Красной Армии. Ведь в годы войны Венгрия была противником СССР, причем особенно сильно сопротивлявшимся на последнем этапе, под властью фашиста Салаша. Когда советские войска вмешались, венгерская армия и полиция выступили в поддержку демонстрантов (а кое-где сохраняли нейтралитет, отказавшись подчиняться требованиям правительства, но и не выступая против него). Не было частей венгерской армии, которые бы выступили против восставших. На стороне правительства Гере-Хегедюша, не считая советских войск, были только войска госбезопасности, которые — надо отдать им должное — отчаянно дрались и не сдавались даже тогда, когда правительство отдало им приказ о сдаче. Здания Горко-

ма и ГВ защищались до последнего. Сил же, чтобы оборонять другие «узловые пункты», вроде радио, вокзалов и т.п., у правительства Гере-Хегедюша не было. Советских войск в городе было мало.

В советских газетах 24 октября были опубликованы сообщения «о провале антинародной авантюры в Будапеште». За два дня до того в «Правде» была помещена статья о польских националистах, об угрозе завоеваниям социализма в Польше и т. п. Статья была за подписью «нашего собственного корреспондента» и называлась **АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ**. В ответ на это я послал в «Правду» письмо, названное **АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ**, где в очень возвышенных, патетических тонах заявлял примерно следующее (копии у меня не сохранилось, но это письмо приобщено к моему следственному делу, которое должны «хранить вечно»; оно мне не инкриминировалось): Ленин был за полную свободу, Ленин полемизировал без угроз танками и штыками, Ленин был за право наций на самоопределение. Поэтому я возмущаюсь писаниями «гражданина собственного корреспондента» и тем, что в «Правде» помещена статья, явно угрожающая польскому народу, если он не будет поступать так-то и так-то. Разумеется, я отдавал себе отчет в том, что большая статья, примерно на четверть листа, в «Правде» за подписью «собственный корреспондент» является редакционной, сиречь выражает мнение ЦК (причем по каким-то причинам ЦК не желает официально выразить это мнение). Следовательно, я сознавал, что выступаю против ЦК и Советского Правительства в этом вопросе. Но выступал я, противопоставляя заявления Ленина нынешней, неверной, по моему мнению, практике правительства. Но явно говорил я не о правительстве и ЦК, а лишь о «гражданине собственном корреспонденте», которого всячески изничтожал в письме. Копию я направил в «Комсомольскую правду» и журнал «Вопросы истории». 7 декабря «Правда», а 26 декабря «Комсомольская правда» переслали эти письма в КГБ. Журнал «Вопросы истории» вернул мне его с выражением «благодарности за сообщение моего мнения по данному вопросу» (на типографском бланке). Не помню точно, на какой день после начала событий в Венгрии премьер-министр Хегедюш и генсек Гере подали в отставку и эти посты заняли соответственно Имре Надь и Янош Кадар. Юридически это было оформлено как решение ЦК и Президиума Государственного Собрания (Парламента). Имре Надь, подобно Гомулке, в тот момент являлся воплощением народных требований, ведь, будучи в июле 1953 г. назначен премьер-министром, он провел целый ряд мер, облегчивших народу жизнь, и в 1955 г. был исключен из партии (генсеком все время до XX съезда оставался Матиас Ракоши). Восстановлен Имре Надь был только в октябре 1956 г., когда политическая жизнь активизировалась (клуб им. Петефи, похороны реабилитированного праха Райка и др.). С его именем связывали надежды на подлинную демократизацию общественной жизни, на построение настоящего, не ракошиевского социализма и — многие — на достижение национальной самостоятельности Венгрии. Так вот, «с корабля на бал», числа 24-25 Имре Надь стал премьер-министром. Советские газеты каждый день уведомляли о «полном крахе контрреволюции», впрочем, иногда проговариваясь, что правительство предоставляет восставшим одну за другой отсрочки для «окон-

чательной капитуляции». Парой недель позже я выяснил, что в это время силы повстанцев росли и росли, а Янош Кадар в эти дни публично выступил с речью, в которой указал на лояльность, законность требований повстанцев. Тогда я этого не знал. Дело в том, что по принципиальным соображениям я в то время не слушал иностранного радио (да его и глушили), а все свои сведения черпал исключительно из газет стран социалистического лагеря — польских, югославских и (в меньшей степени за трудностью языка) венгерских, а также из анализа советской прессы. Попутно замечу, что внимательный анализ советской прессы позволяет почти всегда составить совершенно правильное представление о событиях, как бы на первый взгляд ни казалось противоположное. Числа 28-29, не помню точно [8], но скорее 28-го, я разослал ряд писем депутатам Верховного Совета СССР примерно следующего содержания (копии у меня не сохранились, но в следственном деле копий много):

Уважаемый товарищ депутат такой-то! До сих пор в нашей печати правительство, опирающееся на иностранные штыки, называлось марионеточным правительством, а сами эти иностранные штыки назывались штыками интервентов. Сейчас в Венгрии правительство опирается на советские штыки, как видно даже из советских сообщений, а советская армия там ведет войну против части венгерского народа. Для того, чтобы у советского народа и иностранцев не сложилось мнения, будто венгерское правительство является марионеточным, а Советский Союз интервентом, с целью сохранения престижа Советского Союза, я прошу Вас на ближайшей же сессии Верховного Совета потребовать от Советского правительства вывода советских войск из Венгрии. Кроме того, я прошу Вас потребовать принятия закона, чтобы в дальнейшем такое использование советских войск за границей не допускалось без специальной санкции Верховного Совета либо Президиума Верховного Совета.

Следовала моя полная подпись и мой адрес. Не помню, к сожалению, полного списка адресатов, кому я направил это послание; адреса их были взяты из разного рода справочников. Тут мне помогла энциклопедичность уже упоминавшегося Орловского: у него нашелся и список всех депутатов Верховного Совета, и справочники, по которым можно было установить адреса многих из них. Разумеется, я не рассылал самолично всех писем — меня бы на это не хватило. Мне помогли и напечатать написанный мною текст, и надписать адреса, и опустить конверты в ящики (в последнем, в частности, помогла Эврика Зубер-Яникун; в быту ее называли Ирой, как и мою жену). Но оригинал был написан самолично и полностью мною, и на каждом послании я собственноручно расписался. Учитывая вскрывшуюся позднее недобросовестность некоторых лиц, я не уверен, что все те письма, которые были вручены моим помощникам, попали в почтовый ящик, а не в печку. Но часть писем все же дошла до адресатов, как видно из того, что в следственном деле имеются собственноручные заявления в ГБ о «препровождении нижеподписавшимся в органы полученного нижеподписавшимся письма антисоветского содержания»; такие письма направили 10 декабря 1956 академики Палладии, Цицин, Мухелишвили; между 11 и 19 декабря — писатель Бажан, а 21 декабря — академик Курчатова. В обвинительном заключении мне инкриминировалось это письмо, но суд не признал его преступным, и в приговоре оно мне не инкриминировалось. Уточню, пожалуй,

что собственноручные заявления я видел лишь первых четырех, а Курчатов поручил какому-то администратору препроводить мое письмо, что тот и сделал со ссылкой на указание академика И.В. Курчатова.

Эренбург получил мое письмо и никуда не пересылал. Единственно, кто мне ответил, был академик Бакулев. Он писал:

Гражданину Пименову Р.И.

Все разъяснения по интересующему Вас вопросу Вы можете найти в письме Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина Эйзенхауэру, опубликованном в газета «Правда» такого-то числа ноября месяца.

Прошу подтвердить получение моего письма.

Никаких формул вежливости и даже обращения не было. Письмо было датировано, кажется, ноябрем (я его цитирую по памяти; оригинал — в следственном деле, а копия — в канцелярии Президиума Верховного Совета), но получил я его чуть ли не в конце декабря или начале января, ибо адрес я указал тот, где я прописан (у матери, на Серпуховской, около Технологического), тогда как фактически жил у своей жены (Петроградская сторона, ул. Теряева — ныне Вс. Вишневского) и за эти бурные месяцы мне было некогда заглянуть «домой». Последний абзац его письма я понял так: Бакулев думает одно из двух: либо, что это письмо — анонимка, что такого человека быть не может, разве что сумасшедший; или же он желает проверить, не арестован ли отправитель. Именно поэтому я так досадовал, что произошла задержка с его получением. Немедленно я написал ему нечто в следующем роде:

Уважаемый товарищ Бакулев!

Извините, что задержался с ответом. Ваше письмо я получил и им не удовлетворен. События в Венгрии могут иметь такое же роковое значение, как поведение СССР по отношению к Югославии в 1949. Я крайне удручен тем, что депутаты Верховного Совета сейчас, как и тогда, ограничиваются тем, что повторяют слова Председателя Совета Министров, тогда как по Конституции должно быть наоборот — он должен выслушивать их мнение и следовать их воле.

Прошу Вас принять меры к опубликованию нашей с Вами переписки. С уважением — подпись.

На это я получил ответ — снова в безличной форме:

Нашу с Вами переписку я направил в Президиум Верховного Совета СССР. Бакулев.

Как только КГБ получил письма депутатов [9] и т. п. «голос народа», в частности — бумагу из ОК ЦК КПСС от 28 декабря 1956, оно запросило ленинградский психдиспансер. Это — первая бумажка, официально открывающая дело: не состою ли я на учете в психдиспансере. Ответ гласил: «Нет». Строго говоря, в деле нет самого запроса ГБ, а есть ответ:

В ответ на Ваш запрос сообщаем, что гражданин Пименов Револьт Иванович на учете в психдиспансере не состоит.

Таких справок в деле две: от 2 ноября 1956 и от 19 января 1957.

Наконец, третья группа обстоятельств, которая, в общем-то, уже решила мою судьбу. Это обстоятельства, связанные с Библиотечным институтом (ныне — институт Культуры; расположен на Марсовом поле). В деле есть два формально независимых документа, зачинающих дело с этой стороны. Первый из них:

Мы, нижеподписавшиеся, работники ленинградского почтамта, такие-то три человека, составили настоящий акт о том, что в результате повреждения сортировочной машины 9 числа февраля месяца 1957 г, был поврежден пакет с письмами за номером таким-то. В результате адреса на ряде конвертов пришли в негодность и невозможно было установить, кому они были адресованы. Поэтому для установления адресата по содержанию писем мы вскрыли те из них, которые либо не содержали обратного адреса, либо на которых и он был поврежден. Перечисляются письма. Из этих писем мы сочли необходимым передать Комитету госбезопасности прилагаемое письмо ввиду крайней антисоветскости его содержания. Подписи. Печать.

Речь идет о письме Бориса Вайля из Ленинграда Косте Данилову в Курск. Подробнее о Вайле и Данилове и их месте в нашей организации будет речь далее, а пока ограничусь сказанным, добавив, что это письмо послужило юридической основой для выемки почтовой корреспонденции на курском почтамте на имя Данилова, что в свою очередь, послужило основанием для ареста Данилова 24 марта и ареста Вайля 25 марта.

Второе: пространное заявление некоего Кобидзе от 20 марта 1957 в ГБ (том дела III, лист дела 1):

Я, Кобидзе Коба Петрович, проживающий там-то, считаю нужным сообщить Комитету госбезопасности следующее. У меня есть приятель Вишняков Владимир, студент Библиотечного института. Он неоднократно вел со мной разговоры на политические темы. Недавно он сказал, что даст мне почитать кое-что интересное. Пришел ко мне домой и оставил у меня пакет, который при мне он не разворачивал. Мы разговаривали на другие темы, а содержимое пакета он просил почитать. Когда он ушел, я развернул пакет, прочел и увидел, что в нем содержатся исключительно антисоветские материалы и документы, поэтому я весь этот пакет передаю в госбезопасность с тем, чтобы вы приняли надлежащие меры.

Цитирую, разумеется, по памяти, отсылая за точным текстом к хранимым вечно архивам КГБ. Припоминаю, что в пакете были: ПРАВДА О ВЕНГРИИ (см. § 6), ряд «информации» (см. § 10), несколько стихов, в частности Ольги Берггольц (1940):

Нет, не из книжек наших скудных —
Подобья нищенской сумы —
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.
Как мы любили сильно, грубо,
Как обманулись мы, любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.

Как в духоте бессонных камер,
И дни и ночи напролет,
Без слез, разбитыми губами,
Шептали «Родина», «Народ».
И находили оправданье
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.
О, дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Тоски людской не исчерпали
В беззвездных топях Колымы?
А те, что вырвались случайно,
Осуждены еще страшней
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.
И бесполезно тайно плача,
Зачем-то жили мы опять,
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.
И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшились мы тюрьмы —
И не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы!
За образ призрачный, любимый,
За обманувшую навек —
Пески монгольские прошли мы
И падали на финский снег.
Но наши цепи и вериги
Она воспеть нам не дала.
И равнодушны наши книги,
И трижды лжива их хвала.
Но если, скорчившись от боли,
Вы этот стих прочтете вдруг,
Как от костра в пустынном поле
Обугленный и мертвый круг,
Но если жгучего преданья
Дойдет до вас холодный дым, —
Ну, что ж! Встречайте нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим!

Это стихотворение сопровождалось моей припиской, лучше, чем что-либо иное, выразившей нашу тогдашнюю «программу»:

Мы не замкнемся в круг молчанья,
Развеем призрак давящей стены.

Пусть станет правдой, не мечтаньем,
Что мы — хозяева страны!

Заявление Кобидзе открывает дорогу длинным подробным показаниям Вишнякова от 23 марта, касающимся «антисоветской группы в Библиотечном институте» и послужившим юридической основой для ареста меня и Бориса Вайля, произведенного одновременно между 22 и 23 часами 25 марта.

Таковы три группы фактов, приведших меня в тюрьму.

<...>

-
- [1] См. Р.И. Пименов. ОДИН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. Серия «Вольное слово», вып. 8, «Посев», 1973. Эту брошюру составили две главы первого варианта воспоминаний: гл. 10-я ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА и гл. 18 — СУД. (Прим. ред.)
- [2] 1) Статья 5810 говорит об антисоветской агитации и пропаганде; 5811 — об организации в этих целях. В ныне действующем Кодексе это статьи 70 и 72.
- [3] Текст и подстрочные примечания приводятся в Приложении 1 к мемуарам. В «Памяти» приложения не воспроизводятся.
- [4] Боюсь, не подвела бы меня память. Мне-то помнится так, но кое-кто утверждает (из вторых рук), будто Фимку изловили сразу в поезде Ленинград-Медвежьегорск, в котором он-де, разложился читать текст в открытую. Сомневаюсь.
- [5] О существе допросов см. М. Булгаков. МАСТЕР И МАРГАРИТА, начиная со слов: «...изредка издавая тяжелое, страдальческое мычание. Тогда Никанора Ивановича посетило сновидение в основе которого, несомненно, были его сегодняшние переживания», — до слов: «Никанору Ивановичу полегчало после выпрыкивания, и он заснул без всяких сновидений. Но благодаря его выкрикам тревога передалась в 120-ю комнату...»
- [6] 20 октября не менялось «правительство»: это был второй предпоследний день VIII Пленума ЦК ПОРП. Рано утром этого дня покинули Варшаву неожиданно перед тем приехавшие Хрущев, Каганович, Молотов и Микоян. 20 октября Гомулка, еще не избранный в Политбюро, выступал на Пленуме с речью, позднее переданной по радио всему народу. Это был также день многочисленных митингов, требовавших прихода нового партийного руководства. 21 октября Гомулка был выбран в новый состав Политбюро и первым секретарем ЦК. Правительство как таковое не менялось: во главе его стоял Юзеф Циранкевич, занимавший пост премьер-министра с 1954 по 1970. См. Конрад Сыроп. ВЕСНА В ОКТЯБРЕ. Нью-Йорк, Прегер, 1961. — Прим. Н. Горбаневской.
- [7] Демонстрации проходили в знак поддержки польской борьбы за свободу, но в то же время под лозунгом возвращения к власти в партии и государстве Имре Нады и с программой из 16 пунктов, из которых одни вообще никогда не вошли в программу Кадара, а другие остались временным пустым обещанием. 16 пунктов были во многом радикальнее даже того, что был готов принять Имре Надь (многопартийность, немедленный вывод советских войск). Пункта о системе оценок среди принципиальных требований не было. См. Тибор Мераи, ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ. Нью-Йорк, Прегер, 1961. — Прим. Н. Горбаневской.
- [8] Ире помнится, что какие-то конверты опускались в день похорон Доры Ильиничны — 30 октября, но мне помнится, что начал я отправлять их за день-два до временного вывода советских войск из Будапешта, состоявшегося как раз 30 октября.
- [9] Переписка с Бакулевым не была Президиумом переслана в ГБ; она попала в следственное дело в результате обыска у меня.

Источник: «Память». Исторический сборник. №2. / Париж, 1979. Москва, 1977.

Ивинская
Ольга Всеволодовна
(1913–1995)

Редактор, писательница.

Родилась в Тамбове. Окончила Московский институт редакционных работников. Работала в редакции «Нового Мира», где познакомилась и сблизилась с Б.Л. Пастернаком, посвятившим ей некоторые послевоенные стихи. В образе Лары из «Доктора Живаго» сплелись черты З.Н. Пастернак и О.В. Ивинской. Использовалась КГБ как средство давления на Б.Л. Пастернака. Роль О.В. Ивинской во время нобилиады Б.Л. Пастернака порой кажется двусмысленной. Дважды (1949, 1960) арестовывалась и провела в заключении около десяти лет. В 1989 г. реабилитирована. Написала пухлый том мемуаров, объективность которых не всегда на должной высоте: «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком». Москва, 1972.

Первое издание: Artheme Fayard, 1978.

**В ПЛЕНУ ВРЕМЕНИ:
ГОДЫ С БОРИСОМ ПАСТЕРНАКОМ**

Телефонный звонок

О телефонном разговоре с вождем, как писала Ахматова «... существует бесконечный фольклор. Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку».

Думаю, что об этом надо написать подробнее. И не только о том, что я помню из рассказов Бориса Леонидовича, но и о том, как об этих же событиях вспоминают Анна Ахматова и Надежда Мандельштам.

Я никогда не видела Мандельштама. Но когда вспоминаю рассказы о нем Б.Л., мне кажется очень близким портрет, нарисованный Юрием Олешей: — мужская фигура «неестественно расширившаяся от шубы явно не по росту, да еще и не в зимний день. На пути меж массивом шубы и высоким пиком меховой же шапки светлел крохотный камушек лица... Мандельштам был брит, беззуб, старообразен, но царственной наружности. Голова у него была всегда запрокинута; руки всегда завершали или начинали какой-то непрактический, не житейского порядка жест!».

Мандельштам из всех поэтов очевидно первый разгадал ужас, таящийся в личности героя, которому доступен «Поступок ростом с шар земной», и написал о нем короткое стихотворение — страшный реалистический портрет деспота.

та, и услуги ему полулюдей. Это стихотворение Мандельштам хотел прочитать человеку, которого в поэзии считал себе равным.

В один из вечеров конца апреля 1934 года Б.Л. встретил на Тверском бульваре Осипа Эмильевича, и тот прочитал свое стихотворение:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд тонкошеих вождей —
Он играет услугами полулюдей:
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет —
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ —

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина,
И широкая грудь осетина.

— Я этого не слышал, вы этого мне не читали, — сказал Б.Л. тогда на бульваре, — потому что знаете, сейчас начались странные, страшные явления, людей начали хватать; я боюсь, что стены имеют уши, может быть, скамейки бульварные тоже имеют возможность слушать и разговаривать, так что будем считать, что я ничего не слышал.

Говоря о стимуле написания этого стихотворения, О.Э., сказал, что более всего ему ненавистен фашизм во всех его проявлениях.

Каждое слово в этих стихах — реалистическое наблюдение, точная деталь. Вдова Мандельштама Надежда Яковлевна рассказала, откуда взялись некоторые из этих деталей. Демьян Бедный как-то записал в своем дневнике, что не любит давать книги Сталину, так как тот оставляет на листах отпечатки жирных пальцев. Секретарь Бедного, разумеется, донес на него, и Демьян впал в немилость. О.Э., узнав об этом, получил строчку для крамольного стихотворения. А тонкую шею О.Э. заметил у Молотова: «Как у кота», — сказал О.Э. жене.

В ночь на четырнадцатое мая 34 г. пришли с ордером на арест, подписанным самим Ягодой; всю ночь шел обыск. Это было в присутствии Анны Ахматовой, и она вспоминает, что все совершалось под звуки гавайской гитары, мяукающей за стеной из соседней квартиры Кирсанова.

При обыске крамольного стихотворения не нашли (оно не было записано). Б.Л. очень взволновал арест Мандельштама.

Помимо тревоги за судьбу человека волновало еще и то, что кто-то может бросить упрек, будто он не сдержал своего слова и кому-то рассказал о стихотворении.

Б.Л. метался по городу и всем рассказывал, что он тут ни при чем, что он не виноват, заранее оправдываясь и почему-то думая, что кто-то может возложить на него ответственность за исчезновение Мандельштама.

Что сделал Б.Л. для помощи Мандельштаму, я передам словами Ахматовой, а сейчас — как он рассказывал мне сам о своем телефонном разговоре со Сталиным.

Когда в коммунальной квартире номер девять четырнадцатого дома Волхонки раздался звонок из Кремля — «С вами будет говорить товарищ Сталин» — Б.Л. едва не онемел; он был крайне неподготовлен к такому разговору. Но в трубке зазвучал «его» голос — голос Сталина. Вождь говорил на «ты», грубовато, по-свойски: «Скажи-ка, что говорят в ваших литературных кругах об аресте Мандельштама?».

Б.Л. по свойственной ему привычке не сразу подходит к теме конкретно, а расплываться сначала в философских размышлениях, ответил: «Вы знаете, ничего не говорят, потому что есть ли у нас литературные круги, и кругов-то литературных нет, никто ничего не говорит, потому что все не знают, что сказать, бояться» и т. п.

Длительное молчание в трубке, и затем: «Ну хорошо, а теперь скажи мне, какого ты сам мнения о Мандельштаме? Каково твое отношение к нему, как к поэту?».

И тут Б.Л. с захлебами свойственными ему сам начал говорить о том, что они с Мандельштамом поэты совершенно различных направлений: — «Конечно, он очень большой поэт, но у нас нет никаких точек соприкосновения — мы ломаем стих, а он академической школы» — и довольно долго распространялся по этому поводу. А Сталин никак его не поощрял, никакими ни восклицаниями, ни междометиями, ничем. Тогда Б.Л. замолчал. И Сталин сказал насмешливо: — «Ну вот, ты и не сумел защитить товарища» — и повесил трубку.

Б.Л. сказал мне, что в этот момент у него просто дух замер: так унижительно повешена трубка; и действительно, он оказался не товарищем, и разговор вышел не такой, как полагалось бы. Тогда крайне недовольный собой, расстроенный, он и начал сам звонить в Кремль и умолять телефонистку соединить его со Сталиным. Это была уже смехотворная сторона дела. Ему отвечали, что соединить никак не могут, «товарищ Сталин занят». Он же, беспомощно и взволнованно доказывал, что Сталин ему только что звонил и они не договорили, а это очень важно!

Взволнованный и возбужденный до крайности, он забегал по своей коммунальной квартире и всем встречным соседям говорил: «Я должен ему (т.е. Сталину) написать, что вашим именем делаются несправедливости; вы не дали мне высказать до конца — ведь все неприятности сейчас происходящие связываются с вашим именем, вы должны в этом разобраться...».

Такое письмо действительно было им отправлено.

В день ареста Мандельштама Пастернак сделал не просто бесповоротный шаг; то, что он сделал, превышало меру сил человеческих, было, по словам Ахматовой, почти чудом:

«Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Бухарину и я в Кремль к Енукидзе. Тогда проникнуть в

Кремль было почти чудом. Это устроил актер Русланов через секретаря Енукидзе. Енукидзе был довольно вежлив, но сразу спросил: «А может быть, какие-нибудь стихи?». Этим мы ускорили, и, вероятно, смягчили развязку... Сталин велел пересмотреть дело и... позвонил Пастернаку... Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопочет. «Если мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти». Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. «Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?». «Писательские организации не занимаются этим с 1927 года». «Но ведь он ваш друг?» Пастернак замаялся, и Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: «Но ведь он же мастер, мастер?». Пастернак ответил: «Это не имеет значения». Борис Леонидович думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стих и этим он объяснил свои шаткие ответы. «Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с Вами поговорить». «О чем?» — «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку.

Еще более поразительными сведениями о Мандельштаме обладает в книге о Пастернаке Х.: там чудовищно описана внешность и история с телефонным звонком Сталина. Все это припахивает информацией Зинаиды Николаевны Пастернак, которая люто ненавидела Мандельштама и считала, что они компрометируют ее «лояльного мужа». Надя никогда не ходила к Борису и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн. Эти сведения идут от Зины, которой принадлежит знаменитая бессмертная фраза: «Мои мальчики (сыновья) больше всего любят Сталина — потом маму...».

... Пастернак и я ходили к очередному верховному прокурору просить за Мандельштама, но тогда уже начался террор и все было напрасно». А вот что пишет Н.Я. Мандельштам:

«Пастернака вызвали к телефону, предупредив, кто его вызывает. С первых же слов Пастернак начал жаловаться, что плохо слышит, потому что он говорит из коммунальной квартиры, а в коридоре шумят дети... Б.Л. в тот период каждый разговор начинал с этих жалоб. А мы с Анной Андреевной тихонько друг друга спрашивали, когда он нам звонил — «про коммунальную кончил?» Со Сталиным он разговаривал, как со всеми нами.

Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации «или ко мне» — и не хлопотал о Мандельштаме. — «Если бы я был поэтом и мой друг поэт попал в беду, я бы на стену лез, чтобы ему помочь».

Ответ Пастернака: — «Писательские организации этим не занимаются с 27 года, а если бы я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего не узнали». Затем Пастернак прибавил что-то насчет слова «друг», желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие «дружбы», разумеется, не укладывались.

Эта ремарка была очень в стиле Пастернака, и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: — «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил — «Да дело не в этом». — «А в чем же?» — спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. — О чем? — О жизни и смерти, — ответил Пастернак. Сталин повесил трубку...

Подобно тому, как я не назвала имени единственного человека, записавшего стихи, потому что считаю его непричастным к допросу и аресту, я не привожу единственной реплики Пастернака, которая, если его не знать, могла бы быть обращена против него! Между тем, реплика эта вполне невинна, но в ней проscalaльзывает некоторая самопоглощенность и эгоцентризм Пастернака...

... Б.Л. остался недоволен своим разговором со Сталиным и многим жаловался, что не сумел его использовать, чтобы добиться встречи... Б.Л., подобно многим людям нашей страны, болезненно интересовался Кремлевским затворником...

... И вот... удивительная черта эпохи: почему неограниченные владыки, обещавшие организовать, чего бы это ни стоило, настоящий рай на земле, так ослепляли своих современников. Сейчас никто не усомнится в том, что в столкновении двух поэтов с властителем, и моральный авторитет, и чувство истории, и внутренняя правда были у поэтов.

Между тем, Б.Л. тяжело пережил свою неудачу и сам мне говорил, что после этого долго не мог писать стихов... Мне кажется, Пастернак верил, что в его собеседнике воплощается время, история и будущее, и ему просто хотелось вблизи посмотреть на такое живое и дышащее чудо.

Сейчас распространяют слухи, что Пастернак так струсил во время разговора со Сталиным, что отрекся от О.М. Незадолго до его болезни мы встретились с ним на улице и он мне об этом рассказал. Я предложила ему вместе записать разговор, но он этого не захотел. А может, события развернулись именно так, что ему было не до прошлого.

Что можно инкриминировать Пастернаку, особенно если учесть, что Сталин сразу сообщил о пересмотре дела и о своей милости? В нынешних версиях говорится, будто Сталин требовал, чтобы Пастернак поручился за О.М., а он отказался от поручительства. Ничего подобного не было, ни о каком поручительстве речь даже не заходила.

О.М., выслушав подробный отчет, остался вполне доволен Пастернаком, особенно его фразой о писательских организациях, которые «этим не занимаются с 27 года». — Дал точную справку, — смеялся он. Он был недоволен самим фактом разговора: — Зачем запутывать Пастернака? Я сам должен выпутываться, он здесь ни при чем. И еще: — он совершенно прав, что дело не в мастерстве; почему Сталин так боится мастерства, это у него вроде суеверия; думает, что мы можем нашаманить. — И наконец: — А стишки, верно, произвели впечатление, если он так раструбил про пересмотр.

Кстати, неизвестно, чем бы кончилось, если бы Пастернак запел соловьем о мастерстве и мастерах. Может, прикончили бы О.М., как Михоэлса, или уж во всяком случае приняли бы жестокие меры, чтобы уничтожить рукопись... Будь они более высокого мнения о поэтическом наследстве Мандельштама — ни меня, ни стихов не осталось бы. Когда-то это называлось — «развезть прах по ветру».

Заграничная версия разговора со Сталиным совершенно нелепа. Там пишут, будто О.М. прочел стихи у Пастернака при посторонних, а бедного хозяина «таскали в Кремль и мучили». Каждое слово показывает полное незнание нашей жизни...».

В период Воронежской ссылки Б.Л. с Ахматовой ходили к Катаньяну просить о переводе О.Э. в какой-нибудь другой город, но им отказали.

И, наконец, Н.Я. вспоминает: «Единственным человеком, посетившим меня, был Пастернак. Он прибежал ко мне, узнав о смерти О.М. Кроме него никто не решился зайти...».

В беседе с З.А. Масленниковой 7-9-58 (она вела дневник и точно знает даты своих с Б.Л. бесед) концовка разговора с «вождем» выглядела иначе:

— А о чем бы вы хотели со мной говорить? — спросил Сталин.

— Ну, мало ли о чем, о жизни, о смерти, — ответил Б.Л. — Хорошо. Как-нибудь, когда у меня будет больше свободного времени, я вас приглашу к себе, и мы поговорим за чашкой чая. До свидания. И далее Б.Л. сказал:

— ... Когда я впоследствии вспоминал разговор, мне не хотелось изменить в своих ответах ни слова.

Не верю, что Б.Л. успел забыть о мучительном недовольстве собой, об униженительно брошенной Сталиным трубке. Думаю, что не мог он этого забыть, а просто не хотел «ворошить старое» в разговоре с симпатичным ему, но сравнительно мало знакомым человеком. Разумеется, свидетельства Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам, чье восприятие было современным разговором и непосредственным, не говоря уже о слышанном мною от Б.Л., гораздо ближе к истине.

Пастернак и Лубянка

Трагическое и смешное часто уживаются рядом.

Я уже говорила, что «Петрунькина жена» — Лидия Петровна исполнила свое обещание: освободившись, она дала знать моей маме, что я скоро должна родить. К этому времени мне устроили «свидание» в морге, и ребенок погиб. Но на воле никто не знал, что нашему с Борей ребенку не суждено было появиться на свет Божий.

И Боря стал метаться по Москве, рассказывать всем знакомым и малознакомым, что я скоро рожу в тюрьме, и искать сочувствия.

Между тем, спустя месяц я вышла из больницы, допросы пошли своим чередом, хотя обвинения следователь уже высасывал из пальца, очевидно нагоняя себе требуемые часы.

Наконец, на допросах мы начали разбирать бумаги, стихи и записки, собранные следователем. Львиная доля шла на уничтожение, в печь, а некоторые возвращались родным. В частности, следователь «постановил» кое-какие книги с надписями «личного характера» вернуть Пастернаку. Для этого его вызвали на Лубянку.

Здесь и начинается фарс. После получения вызова Б.Л. позвонил Люсе Поповой. Вот как она об этом рассказывает:

«Вы знаете, я иду в такое страшное место, — говорил Б.Л., — вы же понимаете, куда я иду, я нарочно не хочу говорить, куда я иду, — глухому бы ясно было, куда именно он идет!»

— Вы знаете, они сказали, чтобы я немедленно пришел, они мне что-то отдадут. Наверное, мне отдадут ребенка. Я сказал Зине, что мы его должны

пригреть и вырастить, пока Люши не будет.

– Ну, и как Зинаида Николаевна среагировала на это? — спросила я.

– Это был ужасный скандал, но я должен был вытерпеть, я тоже должен как-то страдать... Какая же там жизнь у этого ребенка, и, конечно же, меня вызывают, чтобы забрать его. И вообще, если я там останусь, я хочу, чтобы вы знали, что я вот туда пошел.

– Может быть, мне подъехать и там побыть где-нибудь поблизости, пока вы выйдете? — предложила я.

– Нет, я не знаю, где назначить, я еду прямо сейчас. Если выйду, сразу позвоню».

И вот Б.Л. явился на Лубянку и с ходу начал препираться со следователем Семеновым, требуя от него выдачи «моего ребенка». Но вместо ребенка ему была выдана пачка его же писем ко мне и несколько книг с его надписями, в том числе и злосчастная книжечка в красном переплете, на титульном листе которой стояла дата «4 апреля 1947 года».

Множество следователей находили причину зайти в комнату, где Б.Л. скандалил с Семеновым, чтобы посмотреть на живого Пастернака.

Полный смятения и недоумения от того, что ребенка не отдают, он потребовал бумагу и карандаш и тут же написал письмо Министру госбезопасности Абакумову.

Начальные строки этого письма мне затем и показывал Семенов, заслоня все остальное, и говорил:

– Вот видите, и сам Пастернак признает, что вы могли быть виновны перед нашей властью.

В действительности Б.Л. писал, что если они считают, что у меня есть вина перед ними, то он готов с этим согласиться, но вместе с тем это вина его; и если есть у него кое-какие литературные заслуги, то он просит, чтобы учли их и посадили бы его, а меня отпустили.

Я понимала, что в этом вполне искреннем письме министру была, конечно, некоторая свойственная ему игра в наивность, но всё, что он ни делал — всё было мило и дорого мне, и всё казалось доказательством его любви.

Он позвонил Люсе Поповой и сказал:

– Мне ребенка не отдали, а предложили забрать мои письма. Я сказал, что они ей адресованы, и чтобы отдали их ей. Но мне все же пришлось взять целую пачку писем и книг с моими надписями.

– Не привезете домой ребенка, — сказала Люся, — так привезете какие-нибудь нежные письма, или что-то еще, что будет не лучше ребенка.

И посоветовала не везти домой всю пачку, а перебрать и перечитать письма и надписи.

– Да, вы всегда трезво смотрите на вещи, — отвечал Б.Л., — с вами одно удовольствие разговаривать, но не будет у меня больше никто ничего читать.

Тем не менее, он вырвал некоторые надписи, а затем после моего возвращения заново их восстанавливал.

<...>

Наступил день, когда какой-то прыщавый лейтенант объявил мне заоч-

ный приговор «тройки»: пять лет общих лагерей «за близость к лицам, подлежащим в шпионаже».

Сколько месяцев меня допрашивали, сколько бумаги извели — на одно только единственное лицо — Пастернака.

Подобно тому, как на Пушкина велось досье в Третьем отделении при Николае первом, так и на Пастернака всю его творческую жизнь велось дело на Лубянке, куда заносилось каждое не только написанное, но и произнесенное им в присутствии бесчисленных стукачей слово. Отсюда и «прогресс»: Пастернак попал не просто в число крамольных поэтов — но и попросту в английские шпионы. В этом была своя логика: в Англии жил и умер его отец, остались сестры. Значит — шпион. Значит, если не его самого, то хоть меня нужно отправить в лагерь.

Спустя годы Боря писал обо мне в Германию Ренате Швейцер:

«Её посадили из-за меня как самого близкого мне человека, по мнению секретных органов, чтобы на мучительных допросах под угрозами добиться от неё достаточных показаний для моего судебного преследования. Её героизму и выдержке я обязан своей жизнью и тому, что меня в те годы не трогали...».

И вот — пересыльная тюрьма в Бутырках — истинный рай после Лубянки. А затем этап: в пульмановский вагон нас запихали как сельдей в бочку — весь вредный элемент, попавший на бутыркинский пересыльный курорт из Лефортова и Лубянки. Передох кончился. Поезд тронулся в неизвестность, пока — в духоту и смрад. Я попала на третьи багажные нары и видела как в небе плавают удивительно свежий и свободный молодой месяц. На меня навалилась монархистка Зина и шептала о том, что прорицательница, за которую она села, матушка разогнанного монастыря, предсказала скорый переворот и свободу. Я сочиняла стихи о разлуке и тосковала, глядя на месяц. Очень хотелось верить Зине.

А затем пеший переход с заключенным стариком-генералом; он меня успокаивал, что «скоро всё окончится». И наконец лагерь.

Журавли над Потьмой

Когда сейчас крутится магнитофонная лента — когда «В милый край плывут, в Кольму» душу раздирающие галичевские «Облака» и освобожденный после двадцати лет лагерей бывший зэк вспоминает, как он «подковой вмерз в санный след», в лед, что он «кайлом ковырял» — у меня перед глазами возникает другая картина. Вспоминается один мой лагерный день тысяча девятьсот пятьдесят второго года...

Знойное, раскаленное небо над сухими мордовскими полями, где «над всходами пляшет кнут...». Выходов, правда, еще нет: серая, растрескавшаяся земля. Ее должны поднять политические, «пятьдесят восьмые», под кнутом и окриками надсмотрщиков и холуев — выдвиненцев из вырождающихся «политических».

Медленно плывут облака над Потьмой. Кипенно-белые, жаркие облака. Над неподъемной, сухой землей. Полдень. Работаем с семи утра. Еще восемь часов стоять под жгучим солнцем до конца рабочего дня. Я в бригаде Буйной, агрономши из эсков. Это сухонькая, маленькая остроносая женщина. Похожа на какую-то хищную птичку. Бригадирша гордится доверием лагерного началь-

ства. Нас, московских «барынь», она ненавидит острой ненавистью. Попасть в бригаду Буйной сущее наказание. Я к ней попала как разжалованный, не справившийся с обязанностями бригадир. Командные должности мне спервоначалу давали из-за моего пятилетнего срока — такие сроки были редкостью и всегда вызывали недоумение у лагерного начальства. В бригаде Буйной «справлялись» — конечно, не дотягивая до нормы — только дебелие «спидницы» — западные украинки, бандеровки и власовки (правда, одна старуха получила двадцать пять лет за то, что напоила молоком неизвестного мужика, оказавшегося бандеровцем), всю жизнь с детства работавшие на земле.

Буйная орет на всех с утра, меня дергает за руку, сует мне в руки кайло. Я уныло пытаюсь подковырнуть землю — не ковыряется. О норме или «пол-норме» и мечтать нечего.

Дострадать бы день до конца, проклиная солнце, этот раскаленный шар, работающий во всю июньскую мощь и долго-долго не желающий садиться... Хоть бы ветерок! Но если дует — то горячий, не облегчающий... Только бы «домой», в зону!

Буйная имеет десять лет. Что-то неладно у нее было с коллективизацией, два сына сидят в уголовных лагерях на Севере. Она работает всюю, висит на доске лагерных ударников. Ее обязанность — никому не давать поблажки. Надо покупать себе право ходить в барских барынях, показывая даже конвою, как она умеет издеваться над белоручками. Сдохла потом в лагерной больнице от туберкулеза.

Помню свое отчаяние: норма передо мной — несколько кубометров спрессованной жаром земли, надо поднять, перерыть ее непривычными руками, когда и само-то кайло подымаешь с трудом.

Чтобы окончательно не одуреть от жары, закрываемся нелепыми шляпами из марли, кое-как накрученной на проволоку. Буйная презирует нас за это. Сама она от солнца не закрывается — кожа лица одубела, съезжилась, а ведь ей лет сорок, не больше. Мы стоим по рядам, вразброд, на сухой, раскаленной земле.

Серые платя с выжженными хлоркой номерами на спинах и подолах спиты из чортовой кожи, все — на манер рубашек. Ветерка этот материал не пропускает. Пот катится струями, жжет грудь, мухи липнут, на дороге ни тени. Вот когда...

В белом мареве тонет дорога,
И свисает с креста головой
Труп от жажды уснувшего Бога...

В висках стучат и стучат какие-то строки. Вспоминаю, твержу из своих тюремных стихов:

... Так бывает, что радужный глаз у орла
Мутной пленкою вдруг заплывает,
И волна превращается в ворох стекла...
Это так... Но чудес не бывает...

Кайло не подымается. Кирзовые башмаки сорок четвертого размера, как бы в насмешку надетые на мои ноги (мне и тридцать шестой был велик) не ото-

рвешь от земли. Бога нет. Чудес не бывает.

Буйная вырывает у меня кайло, шипя от злости. Она напишет рапорт, что я кантуюсь... — «Барыня, москвичка, белоручка! работать надо, а не даром пайку жрать...». Жара, отчаянье, сознание полной безысходности. Сколько таких еще дней впереди? В Мордовии лето безжалостно длинное. Хоть бы осенняя слякоть, топтать по месиву мордовских дорог — и то лучше. Хоть бы отсыревший ватник, только бы не зной в чортовой коже! А то просто ад! Так оно и есть, наверное, в аду.

А нормы нет, и полнормы нет, значит, не будет ни писем, ни посылок. Это уже «полторы беды» — прав Галич.

Стихи надо запоминать, записывать их негде — все уничтожают безжалостные ночные шмоны.

Пытаюсь запомнить:

... Я пойду до тени на дороге
С твоего высокого креста...

Как Боря — не знаю. Писем нет. Давно уж, как-то случайно, почему-то в предбаннике, на окне нашла открытку. Вижу — моя фамилия... Журавли, летящие с воли, беззаботные Борины журавли.

Случайная, давняя весть. И ничего не понять. День, наконец, кончился. Идем, подымая пыль. В закатном, предвещающем на завтра такой же зной солнце — деревянные ворота. Надзирательницы выбегают «шмонать» — не пронесли ли чего? Ночью лежу и придумываю, как улизнуть с завтрашнего развода! После выкидыша на Лубянке мучают кровотечения. А на жаре и вовсе не вынести, но добром освобождений за кровотечения не дают. И все же решаюсь остаться на свой риск. Заранее вымачиваю в тазу у своих нар единственное платье. Другое в починке у монашек. Мечтаю о дне в зоне, в тени бараков. Вспоминаю, какой мне прислали недавно голубой халатик. Легкий. Пришлось сдать. Ввиду усиления режима собственные вещи все заперты в каптерке без права их брать.

Остаюсь в рубашке. Уж теперь и идти-то не в чем, значит, осталась. Но развод еще не кончен, просто леденею от ужаса. Когда вызывали мою бригаду — хватились меня, и по рапорту Буйной меня вытаскивают на развод, грозят всеми карами, и я стою на разводе в мокром, наскоро отжатом платье. Оно сейчас же покрывается серой мелкой пылью и колдобеет на жестоком солнце. И с утра-то жарит! А что будет дальше?

Четырнадцать часов до возвращения в барак. Я никогда не забуду, как стояла мокрая, под насмешливыми взглядами начальства, пропускающего на крыльце вахты полевые бригады. Пошла-таки! Испугалась, что останусь без известий о доме. Завидую монашкам. Они готовы ко всему. Их вытаскивают, как мешки, бросают в грязь и пыль у вахты. Они лежат под жгучим зноем в тех позах, которые принимают при падении. Солдаты равнодушно кидают их по сторонам вахты, одинаково жалких — старух и молодых красивых женщин. На работу монашки не выходят, предпочитают сидеть в штрафных бараках, в клопных безвоздушных карцерах. Писем им не надо. У них есть вера. Они — счастливые. Своих палачей открыто презирают, поют себе свои молитвы — и в бараке, и в поле, если их туда вытащат силком. Администрация их ненавидит.

Твердость духа истязаемых ими женщин их самих ставит в тупик. Не берут, например, даже своей нищенской нормы сахара. Чем они живут — начальники не понимают. А они — верой. Помню, как бравый молодец, начальник режима, впоследствии разжалованный за связь с заключенной нарядчицей, являлся в штрафной барак, и монашки, не обращая никакого внимания на него, продолжали свои службы. Одна из монашек ехидно советовала ему:

— Сыми, сыми шапочку-то! Люди молятся...

Молодец в кубанке растерянно оглядывается и сдергивая свою кубанку, чертыхается. Добиться — ничего нельзя!

Оставаясь в зоне в период моей работы в КВЧ, я часто была свидетельницей таких издевательств над монашками, что охотно шла за зону... Кто же виноват, что так жжет солнце?!

А этот ужас развода, каменные лица начальства на крыльце и эти брошенные навзничь живые мешки. За руки и за ноги монашек (трудоспособных!) волюют в карцер. А мы слабаки. Нам нужны вести из дому.

Все это описывать ни к чему. Просто надо проклясть негодяев, чьей волей творилось подобное!

И вот вспоминаю, как неожиданно окончился для меня день моего особого позора и униженья, день, когда меня выгнали на развод в мокром, прилипнувшем к телу платье. И так — багровый мордовский закат, облака зловещего цвета — завтра будет такая же жара. Мы подошли к воротам, насилу дождалась я благословенной команды «Кончай работу», «Становись в строй...». Овчарки охраны вывалили языки от усталости и жары. Перед воротами клубы пыли, еще одна мучительная операция — проверка; просто рвешься к рукам, ощупывающим тебя — скорее в зону, упасть на нары, сполоснуть лицо, а на ужин можно и не идти...

Бросаюсь на матрац, прямо в огромных башмаках, перетянутых белыми тесемками вместо шнурков. Ноги ноют, насилу раздеваюсь, теперь уснуть, и может, приснится птица — к освобождению. Но — кто-то трогает меня за плечо. Вызывает дневальная кума...

Зачем еще?

Одеваюсь под ехидными взглядами соседок. Меня окружают одни «спидницы», ненавидящие москвичек с таким смехотворным сроком. Пять лет! Такие, как я, в их представлении чуть получше наших общих начальников. И правда, мы жалкие, не потерявшие надежду на пересмотр, на случай, а не на Бога. Мы продаемся за письма, работаем по воскресеньям. Мы участвуем в жалких лагерных постановках — хор государственных преступников исполняет «Широка страна моя родная!». У нас нет гордости. Ни одна «западница» не пойдет работать ни в воскресенье, ни в другой религиозный праздник — хоть вытаскивай ее как монашку и бросай на землю. Ни одна. А мы идем! Из нас вербуют малое начальство, нарядчиков, старост, дневальных, работников КВЧ — «придурков». Нас правильно презирают «спидницы»!

А тут меня еще ночью вызывают... Ясно — стучать! Выхожу из «купе», стараюсь не смотреть на соседок. А на улице прекрасная мордовская ночь. Низкая луна, освеженные поливкой цветы. Белые бараки. Милые белые домики в цветах — кто узнал бы сверху, какой внутри смрад, духота, стоны... Адские камеры одиночек и отверженных. Николай Асанов, вернувшись из лагеря, писал: —

«Оно меня устраивает, братство таких же одиночек, как и я...». А здесь даже это братство поругано. Здесь нет у нас настоящих друзей — их так мало, мы слишком устаем, чтобы искать по зоне друг друга.

Иду под деревьями. В уютном домике с освещенным зеленой лампой окном — змеиное логово кума.

Вхожу. И вдруг, после опроса, кто я и что, кум, приземистый толстяк с бугристым лицом, неохотно бурчит:

– Вам тут письмо пришло, и тетрадь. Стихи какие-то. Давать на руки не положено, а здесь садитесь, читайте. Распишитесь потом, что прочитано...

Он углубляется в какую-то папку, а я читаю:

– Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш...
Пойду размять я ноги, —
За дверью ты стоишь...

Летят Борины журавли над Потьмой! Он тоскует по мне, он любит меня, вот такую, в платье с номером, в башмаках сорок четвертого размера, с обо-
жженным носом...

... Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу...

И много. И евангельский цикл. Наверное, потому и нельзя на руки выдать, но почему-то нужно доказательство, что я читала и письмо на двенадцать страниц, и стихи — всю зеленую книжечку. — На руки нет распоряжения отдавать... — бормочет мне «кум», а я все прошу — отдайте, отдайте...

Значит — чье-то распоряжение? Кто-то занимается нашим делом? Боря пишет — «хлопочем и будем хлопотать!».

Как же меня обокрали, не отдали этого письма, проклятые! Сажу долго, ночь на исходе, возвращаюсь под бледными рассветными звездами. Не ложусь, стараюсь рассмотреть свое лицо в обломок стертго зеркала. Глаза, правда, еще голубые, но так погрубело лицо и с носа слезает три шкуры. Вот так красавица. И зуб сломан сбоку. А ведь Боря пишет мне нежной и прежней:

– «Тебе моя прелесть, в ожидании пишет твой Боря...». А тут еще год — и я старуха.

Боже! Уже скоро развод, впереди жаркий, беспощадный день, конвой, башмаки сорок четвертый, агрономша Буйная...

Но теперь можно терпеть.

Я соображаю, что со мной не так просто. Что Боря не дает им покоя, моим учителям, а они не знают, что с нами делать. Боря пишет: «Я прошу их, если есть у нас вина, то она моя, а не твоя. Пусть они отпустят тебя и возьмут меня. Есть же у меня какие-то литературные заслуги...».

Вспоминаю, как на каждый стук на дворе Лубянки Семенов говорил с улыбкой:

– Слышите? Это Пастернак сюда стучится.

И уверял, что Пастернак сознает вину перед Родиной, раз уж пишет: «если я виноват, заберите меня!». И сейчас то же пишет. И ясно, что всеильный Комитет делает какие-то нам исключения... Но — в руки стихов не было распоряжения отдавать! А читать было! И все двенадцать страниц любви, тоски, ожиданий, обещаний, и каких стихов — все остается у кума. Но что ж! Пролетели журавли над Потьмой, и можно найти силы после бессонной ночи идти на развод, жаться «стукачкой» под осуждающими взглядами «спидниц». Предстоит счастливый день, а вечером усну, и дай Бог увидеть во сне журавлей!

Большие и всякие птицы снятся к свободе...

Моя вина

Тридцатого октября утром я поехала в Лаврушинский переулок в «Авторские права» — посоветоваться с Г.Б. Хесиным. Хесин всегда казался нам интеллигентным, приятным. Думалось, что он прекрасно относится к Б.Л., да и ко мне. Когда я приезжала по делам в «авторские права», Григорий Борисович целовал мне руку, усаживал в кресло, расспрашивал, весь — доброжелательность и сплошная готовность к услугам.

Увы, на этот раз, когда я больше всего нуждалась в совете и поддержке, Хесин окатил меня ледяным душем. Это был холодный, чопорный, сжатый чужой человек. Корректно поклонившись, он выжидающе на меня уставился.

– Григорий Борисович, я приехала к вам за поддержкой, скажите, ну что нам делать? Вот была я вчера в Союзе, там волновались за Б.Л., говорили мне быть неотступно при нем; я уже успокоилась было, как вдруг — это ужасное выступление Семичастного; что же нам делать?

– Ольга Всеволодовна, — почему-то очень громко и четко выговаривая каждое слово, начал Хесин, — теперь советовать вам мы уже больше не сможем. Я считаю, что Пастернак совершил предательство и стал пособником холодной войны, внутренним эмигрантом. Некоторые вещи ради своей родины нельзя прощать. Нет, советовать тут я вам ничего не могу.

Потрясенная метаморфозой Хесина, я вскочила и, не попрощавшись с ним, вышла в коридор, хлопнув дверь. Невидящими глазами уставилась в вестибюле на какую-то стенгазету с юмористическими картинками, хотела успокоиться, собраться с силами. И почти тотчас же за моей спиной раздался молодой, приятный голос:

– Ольга Всеволодовна, ради Бога обождите! Я так боялся, что Вы ушли.

Это был один из молодых адвокатов. Звали его «Зоренька» (потом я узнала фамилию — Гримгольц) — хорошенький мальчик, знакомый Ириной учительницы Инессы Захаровны. У него было нежное девическое лицо, невинные глаза, словом вполне подкупающая внешность.

– Я всеми силами хочу вам помочь, — говорил Зоренька, — для меня Борис Леонидович святой! Вы сейчас не очень хорошо понимаете обстановку. Давайте условимся, где нам можно встретиться и всё обсудить.

Обрадованная этой неожиданной помощью, я дала мамин адрес в Собиновском переулке и попросила Зореньку приехать туда через два часа.

Он был точен.

— Помните, что я люблю Бориса Леонидовича и знайте, что для меня это святое имя, — начал он свою речь на Собиновском; (ну как я могла ему не поверить?) — но время не терпит! Я только одно могу вам посоветовать: надо писать письмо на имя Хрущева, иначе его могут из страны выслать, хотя он и отказался от премии. Текст этого письма я помогу вам выработать сейчас же.

Через много лет я прочитала: «Когда великий миг приходит и стучится в дверь, его первый стук бывает не громче твоего сердца — и только избранное ухо успевает его различить». Это был подобного рода миг. Но я его не различила...

В страхе перед возможностью вынужденной эмиграции (что Б.Л., с его любовью к многолетнему укладу, несомненно убило бы) я попросила нашего доброжелателя сочинить черновик письма к Хрущеву, а сама бросилась звонить на Потаповский Ире, чтобы она собрала ближайших друзей.

И вот сидят в столовой на Потаповском Ира, Митя, Кома, Ариадна. Мы на все лады обсуждаем проект этого письма. У меня шумело в ушах; что-то долго говорила Ариадна; потом Ира настаивала, что не надо посылать это письмо, не надо каяться ни в какой форме.

Теперь ясно, что такая позиция была единственно правильной. Но тогда все выглядело иначе. Даже для меня авторитетные люди, например, Александр Яшин и Марк Живов усиленно советовали обратное. И самое главное — стало уже страшно: погромные письма, студенческая демонстрация, слухи о возможном разгроме дачи, грязная ругань Семичастного с угрозами выгнать «в капиталистический рай» — все это устрашало, заставляло призадуматься. А я просто боялась за жизнь Б.Л.

Надо отступать и мне ясно показалось — иначе нельзя! Я решилась. Мы переписали текст, припасенный Зоренькой, стараясь выдержать тон Пастернака. Ира с Комой поехали в Переделкино за подписью Б.Л.

Сейчас это выглядит дико — мы составили такое письмо, а Б.Л. еще не догадывался о его существовании; но тогда мы торопились, нам всё в этом бедламе казалось нормальным.

Б.Л. подписал письмо, внес одну лишь поправку в конце. Он подписал еще несколько чистых бланков, чтобы я могла исправить еще что-нибудь, если понадобится. Была еще приписка красным карандашом: «Лелюша, все оставляй как есть, только если можно, напиши, что я рожден не в Советском Союзе, а в России».

После этого письмо приобрело следующий вид:

«Уважаемый Никита Сергеевич,

Я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству.

Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР».

Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой.

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Осознав это, я поставил в известность Шведскую Академию о своем добровольном отказе от Нобелевской премии.

Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры.

Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен.

Б. Пастернак».

Днем в пятницу Ира с Ниной Игнатьевной повезли письмо на Старую площадь в ЦК. Сдали его в окошечко, из которого, как рассказывала Ира, на нее с большим интересом воззрились офицер и солдат.

Итак, иезуитская хитрость наших преследователей удалась полностью: предложение покаяться, выдвинутое в лоб — было бы с негодованием отвергнуто; но когда «поклонник и доброжелатель» дал этот совет, а мы все его подержали и «осветили» подсунутый нам текст письма — всё получилось.

В дни присуждения Нобелевской премии другому русскому писателю — Александру Солженицыну — я заново переживала те страшные дни конца октября теперь уже далекого пятьдесят восьмого года. И особенно остро поняла нашу нестойкость, быть может даже глупость, неумение уловить «великий миг», который обернулся позорным.

Да, сейчас уже не поймешь чего больше было в отказе от премии — вызова или малодушия; да, только в состоянии паники можно было не раскусить подставное лицо и, поддавшись дешевой провокации, написать это письмо.

И если уж искать оправданий (а их, пожалуй, нет), то можно вспомнить, что Солженицын в момент присуждения премии был почти на двадцать лет моложе Б.Л. и прошел (наверное — как никто в мире) сквозь тройную закалку: четыре года фронтовой жизни, пять лет каторжных концлагерей и раковую болезнь.

С ним ли можно равняться типичному «мягкотелому интеллигенту» Борису Пастернаку? Счастье еще, что он умер у себя в постели, а не на случайной трамвайной остановке, как Юрий Живаго...

Не надо было посылать это письмо. Не надо было! Но — его послали. Моя вина.

<...>

Источник: Ивинская О. В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком. Librairie Arthème Fayard, 1978. (На титульном листе издания указано: Москва, 1972. Однако это явно не соответствует действительности.)

Конквест
Роберт
(Род. 1917)

Дипломат, историк, литератор, писатель-фантаст, поэт. Профессор Гуверского института войны, мира и революции, (Стэнфорд, США).

Родился в 1917 г. Участник Второй мировой войны. Закончил войну в войсках взаимодействия с Советской Армией на Балканах. Затем работал в Софии в качестве сотрудника МИД, позже – в ООН. За заслуги перед родиной награжден Орденом Британской Империи.

С 1956 г. занимался исследовательской деятельностью в Школе экономики в Лондоне, читал лекции по английской литературе в Университете г. Баффало, работал литературным редактором в журнале «Spectator» и старшим преподавателем в Институте по изучению России при Колумбийском университете в Нью-Йорке (США).

Конквест является автором трех поэтических сборников, романа и повести, шести больших исторических исследований. Он дважды побывал в Советском Союзе. Первый раз приезжал студентом в 1937 г. С 1965 по 1968 год он пишет книгу «Большой террор: сталинские чистки 30-х годов» (Впервые опубликована в Канаде: Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. Toronto, 1968). После ее публикации в Америке, Зап. Европе и в Азии ее переводы стали распространяться в Самиздате. Ее переводчики и распространители сурово преследовались.

В 1991 г. в издательстве «Прогресс» (Москва) вышел перевод книги Конквеста «Сталин и убийство Кирова».

Еще одна крупная работа историка – монография «Сталин» (Conquest R. Stalin. Breaker of Nations. London, 1991). В аннотации к книге, в частности, сказано: «Портрет человека, который, возможно, более, чем другие, определил характер XX века».

Работе секретных служб СССР посвящена работа историка «Тайная полиция Сталина» (Conquest R. Stalin's Secret Police: NKVD Politics 1936-1939. Stanford, 1985).

Трагические последствия насильственной коллективизации в Советском Союзе исследуются в книге Конквеста «The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine», вышедшей в Нью-Йорке в 1986 г.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

<...>

В центре

Пока карательные экспедиции, посланные Сталиным и Ежовым, громили провинцию, Москва оставалась эпицентром шторма. Тогдашний ЦК состоял из 71 члена; примерно две трети из них постоянно работали в Москве. В их числе были все члены Политбюро, кроме Косиора, наркомы, заведующие отделами ЦК, высшие руководители комсомола, профсоюзов, Коминтерна. Словом, обычная концентрация высокопоставленных лиц централизованной государственной машины.

Террор среди этих людей вели непосредственно Сталин и Ежов. Когда требовалось, они получали ценную помощь от Молотова и Ворошилова, но в целом Сталин исключительно прочно держал весь процесс в своих руках, работая только через Ежова.

Только за период 1937—1938 годов Ежов послал Сталину 383 списка, содержащих тысячи имен тех лиц, приговоры которым «заготавливались заранее», но требовали личного его утверждения. Поскольку Ежов был у власти лишь немногим более двух лет — а его особенно активная деятельность продолжалась и того меньше, — это значило, что Сталин получал такие списки чаще, чем через день. Число лиц в каждом списке в точности не известно. В списках были имена «лиц, дела которых подпадали под юрисдикцию коллегий военных трибуналов». Советский историк Рой Медведев утверждает, что эти списки охватывали около 40000 имен. Хрущев, не называя определенной цифры, тоже говорил о «тысячах». Мы можем себе представить, как Сталин, приходя в кабинет, находил почти каждый день в секретной папке список из сотни, а то и больше имен осужденных на смерть; как он просматривал эти списки и утверждал их в порядке, так сказать, нормальной кремлевской работы. На XXII съезде КПСС З.Т. Сердюк цитировал одно из писем Ежова Сталину, с которыми посылались списки обреченных:

«Товарищу Сталину,

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной Коллегии:

Сердюк добавил, что «под первой категорией осуждения понимался расстрел. Списки были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имеется резолюция: За. И. Сталин. В. Молотов». Отметим попутно, что в списке № 4 были имена жен Косиора, Эйхе, Чубаря и Дыбенко.

Постановления об аресте тех или иных людей, а часто даже ордера на арест подписывались, бывало, за месяцы до фактического ареста <...>. И случалось, что руководящие работники награждались орденами «за неделю до ареста». Объяснение этому дал однажды высокопоставленный сотрудник НКВД, сказав, что следственные власти информировали о заведенных делах только их непосредственных старших начальников, а Ежов информировал только лично Сталина.

В столице, как по всей стране, новая террористическая волна поднялась в мае 1937 года.

Иностранцы наблюдатели, присутствовавшие в 1937 году на Первомайском параде на Красной площади и видевшие на трибуне Мавзолея Политбюро во главе со Сталиным, отмечают нервозность и беспокойство членов Политбюро. Этим людям было отчего тревожиться, ибо на трибуне отсутствовал член партии с 1905 года, просидевший 10 лет в царских тюрьмах и ссылках, в прошлом член, а ныне кандидат в члены Политбюро Ян Рудзутак. По-видимому, его только что арестовали. Рудзутак был арестован за ужином, после театра. Сотрудники НКВД арестовали всех, кто присутствовал на этом ужине. Три месяца спустя Евгения Гинзбург встретила в Бутырской тюрьме четырех женщин в растерзанных вечерних туалетах. Эти четыре женщины были в числе других арестованных с Рудзутаком. Его дача перешла к Жданову.

Рудзутака арестовали как якобы «правого». Он будто бы был руководителем «резервного центра», готового продолжать борьбу в случае разоблачения Бухарина. Рудзутак, дескать, особенно подходил для этой цели, ибо, как говорится в показаниях на процессе Бухарина, «никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией». Здесь фактически впервые признается тот факт, что даже сталинцев старой закалки стали арестовывать — особенно (но не только) если они выказывали признаки сопротивления террору. Пятым в биографии Рудзутака было его нежелание рекомендовать смертную казнь для Рютина, когда в 1932 году Рудзутак был председателем Центральной Контрольной Комиссии. По-видимому, Рудзутак придерживался той же линии и на февральско-мартовском пленуме.

И опять, как в прошлом году, волна террора сопровождалась грандиозным отвлекающим спектаклем. Год назад это были перелеты советских летчиков; теперь, в мае 1937 года, газеты были полны сообщениями о высадке на Северном полюсе группы исследователей под командой И.Д. Папанина. Всей операцией по высадке руководил О.Ю. Шмидт. Участники экспедиции, доставившей папанинцев на льдину, были приняты партийными вождями, награждены и осыпаны почестями. А лагерь на льду тем временем дрейфовал к югу месяцами подряд, посылая время от времени верноподданнические поздравления руководителям и получая от них ответы — как самый дальний форпост партии и государства.

Всю весну и начало лета на газетных столбцах печатались и другие внешнеполитические новости. Руководители партии и правительства посетили ряд спектаклей и балетов, после чего были напечатаны длинные списки вновь произведенных народных артистов и театральных награждений.

Ясное, солнечное лето, наступившее на русских равнинах, стало свидетелем новых арестов. Один за другим исчезали бывшие участники оппозиции. Еще в марте 1937 года бывший член Политбюро и секретарь ЦК Николай Крестинский, до того времени работавший заместителем наркома иностранных дел, был переведен в заместители наркома юстиции РСФСР. На состоявшемся при переводе Крестинского партийном собрании он сам одобрил свою перестановку, сказав, что в нынешних обстоятельствах бывшие участники оппозиции не должны работать в Наркомате иностранных дел, где требуется полное доверие высшего руководства и незапятнанное прошлое.

В конце мая Крестинского арестовали. После недели допросов он начал давать показания — около 5 июня. К тому времени только-только начал «признаваться» и Бухарин, с которым Крестинскому предстояло вместе сесть на скамью подсудимых через девять месяцев.

Любая связь с арестованными оппозиционерами теперь сама по себе считалась преступлением. В этом смысле характерен пример члена партии с 1903 года Г.И. Ломова, до революции члена московского бюро большевистской партии, который был вторым человеком (после Троцкого), с энтузиазмом поддерживавшим Ленина на заседании ЦК в его плане захвата власти в октябре 1917 года. История гибели Ломова рассказана на XXII съезде партии А.Н. Шелепиным.

В июне 1937 года один из работников Госплана СССР направил письмо Сталину, в котором указал, что член бюро Комиссии Советского Контроля при Совнаркоме СССР Ломов Г. И. (Оппоков) якобы имел дружеские отношения с Рыковым и Бухариным. Сталин наложил на этом письме резолюцию: «Т-цу Молотову. Как быть?». Молотов написал: «За немедленный арест этой сволочи Ломова. В. Молотов». Через несколько дней Ломов был арестован, обвинен в принадлежности к правооппортунистической организации и расстрелян.

Имя Ломова (который, по-видимому, расстрелян в 1938 году) позже упоминалось на процессе Бухарина-Рыкова, где говорилось, что Ломов состоял в заговоре с Бухариным против Ленина.

Но даже после всего этого оппозиция не была еще полностью раздавлена. В последнюю неделю июня состоялся еще один пленум ЦК — официально он обсуждал вопросы овощеводства. Там разыгрывались сцены с взаимными обвинениями. Член Центральной Ревизионной Комиссии Назаретян, которого Орджоникидзе спас в начале 30-х годов, был арестован по дороге в Кремль, направляясь на этот пленум.

В последующие месяцы Сталин добился возможности натравливать органы безопасности на любых своих противников, уже не придерживаясь политического протокола. На июньском пленуме 1937 года, по имеющимся сведениям, его речь отличалась беспощадностью. В частности, Сталин требовал более сурового обращения с заключенными.

В зале заседаний пленума недосчитывались уже многих — Бухарина и Рыкова, Рудзутака и Чудова, Гамарника, Якира, Ягоды и нескольких других. Однако дух сопротивления был все еще не полностью подавлен. Если верить показаниям на процессе Бухарина, «после февральского пленума ЦК в кругах заговорщиков была поднята кампания против Ежова», была сделана «попытка дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, оклеветать его».

<...>

В то время как страна погружалась в тотальный террор, был предпринят еще один отвлекающий маневр. В июне Чкалов с Байдуковым и Беляковым перелетели на самолете АНТ-25 через Северный полюс и приземлились в американском городе Фолкленде, в штате Орегон. В июле еще один такой же перелет под командой Михаила Громова закончился в городе Сан Джасинто, штат Калифорния, с новым мировым рекордом на дальность. Эти два перелета (оба,

несомненно, отличные достижения) были поводом для новой шумной кампании в прессе. Страницы за страницами в газетах заполнялись поздравлениями, торжественными митингами, биографиями летчиков, фотографиями их и т. д. Когда же, в конце концов, 15 декабря 1938 года Чкалов погиб в катастрофе, Беляйкин, возглавлявший Главное управление авиационной промышленности, Усачев, директор завода, построившего самолет Чкалова, и Томашевич, конструктор этого самолета, были репрессированы за саботаж.

Одновременно газеты продолжали призывать к бдительности и рассказывали о различных методах, применяемых врагом. «Правда» обратила даже внимание на опечатки в местных газетах, которые отнесла за счет вредительства. Например, в одной газете было напечатано «беды» вместо «победы» социализма. Публиковалось много сообщений о судебных процессах на местах. Но основной удар наносился в то время против руководящих кадров режима. Он имел целью уничтожить старый ЦК и тысячи партийных работников, стоящих на одну ступень ниже.

Теперь, начиная с мая 1937 года, под арест пошел цвет административной политической машины, которую Сталин взращивал долгие годы. После Рудзутака и до конца года не был арестован ни один член или кандидат в члены Политбюро. На свободе оставались некоторое время и высшие сотрудники, непосредственно подчиненные членам Политбюро — до тех пор, пока их всех не забрали в ходе специально подготовленной операции в течение ноября и декабря 1937 года. А пока что, в летние месяцы, шла суровая чистка среди работников, стоявших на ступеньку ниже.

<...>

Вместе с террором господствовал цинизм. Высокопоставленный военный, находясь в тюрьме, рассказывал, как однажды на приеме его весело приветствовала жена Молотова. «Саша, что это? Почему вы еще не арестованы?» Эта женщина стала председателем косметического треста «ТЭЖЭ» после ареста ее бывшего начальника Чекалова. Этот пост она занимала несколько лет. Что касается Чекалова, то он был послан на Воркуту, в лагеря строительства железной дороги. Супруга Молотова была в 1939 году избрана в ЦК, где также заменила кого-то «исчезнувшего». В 1948 году арестовали и ее.

Партийные и правительственные учреждения окутала атмосфера ужаса. Народных комиссаров арестовывали по дороге на работу по утрам. Каждый день исчезал кто-нибудь еще из членов ЦК или заместителей наркомов или других крупных сотрудников.

Радость в тот момент царила только в одной сфере. 18 июля Ежов был награжден орденом Ленина, что послужило предлогом для опубликования его фотографий, передовых статей и всеобщих празднеств.

Ту же самую награду 21 июля получил Вышинский — правда, с меньшим шумом.

<...>

Источник: журнал «Нева»: 1989г., №9 - 12; 1990 г., №1.

Александр Солженицын
(Справку см. т. 1, кн. 2, стр. 190)

БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ

<...>

Писатель-подпольщик

То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво — когда писатели.

У писателей, озабоченных правдой, жизнь и никогда проста не бывала, не бывает (и не будет!): одного донимали клеветой, другого дуэлью, того — разломом семейной жизни, того — разорением или непокойной невылазной нищетой, кого сумасшедшим домом, кого тюрьмой. А при полном благополучии, как у Льва Толстого, своя же совесть ещё горше расцарапает грудь изнутри.

Но всё-таки нырять в подполье и не о том печся, чтобы мир тебя узнал, а чтобы наоборот — не дай Бог не узнал, — этот писательский удел родной наш, чисто русский, русско-советский. Теперь установлено, что Радищев в последнюю часть жизни что-то важное писал и глубоко, и предусмотрительно тайл так глубоко, что и мы теперь не найдём и не узнаем. И Пушкин с остроумием зашифровывал 10-ю главу «Онегина», это знают все. Меньше знали, как долго занимался тайнописью Чаадаев: рукопись свою отдельными листиками он раскладывал в разных книгах своей большой библиотеки. Для лубянского обыска это, конечно, не упрятка: ведь как бы много ни было книг, всегда же можно и оперативников пригнать порядочно, так чтобы каждую книгу взять за концы корешка и потрепать с терпением (не прячьте в книгах, друзья!) Но царские жандармы прохлопали, умер Чаадаев, а его библиотека сохранилась до революции, и несоединённые, не известные никому листы томились в ней. В 20-е годы они были обнаружены, разысканы, изучены, а в 30-е, наконец, и подготовлены к печати Д.С. Шаховским — но тут Шаховского посадили (без возврата), а чаадаевские рукописи и по сегодня тайно хранятся в Пушкинском Доме — не разрешают их печатать из-за... их реакционности! Так Чаадаев установил рекорд — уже 110 лет после смерти! — замалчивания русского писателя. Вот уж написал, так написал!

А потом времена пошли куда вольнее: русские писатели не писали больше в стол, а всё печатали что хотели (и только критики и публицисты подбирали эзоповские выражения). И до такой степени они свободно писали и свободно раскачивали всю государственную постройку, что от русской-то литературы и выросли все те молодые, кто взненавидели царя и жандармов, пошли в революцию и сделали её.

Но шагнув через порог ею же порождённых революций, литература быстро осеклась: она попала не в сверкающий поднебесный мир, а под потолок-укошину и меж сближенных стен, всё более тесных. Очень быстро узнали советские

писатели, что не всякая книга может пройти. А ещё лет через десяток узнали они, что гонораром за книгу может стать решётка и проволока. И опять писатели стали скрывать написанное, хоть и не dokonечно отчаиваясь увидеть при жизни свои книги в печати.

До ареста я тут многого не понимал. Неосмысленно тянул я в литературу, плохо зная, зачем это мне и зачем литературе. Изнывал лишь от того, что трудно, мол, свежие темы находить для рассказов. Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили.

С ареста же, года за два тюремно-лагерной жизни, изнывая уже под горами тем, принял я как дыхание, понял как всё неоспоримое, что видят глаза: не только меня никто печатать не будет, но строчка единая мне обойдётся ценою в голову. Без сомнения, без раздвоения вступил я в удел современного русского писателя, озабоченного правдой: писать надо только для того, чтоб об этом обо всём не забылось, когда-нибудь известно стало потомкам. При жизни же моей даже представления такого, мечты такой не должно быть в груди — напечататься.

И — изжил я досужную мечту. И взамен была только уверенность, что не пропадет моя работа, что на какие головы нацелена — те поразит, и кому невидимым струением посылается — те воспримут. С пожизненным молчанием я смирился как с пожизненной невозможностью освободить ноги от земной тяжести. И вещь за вещью кончая то в лагере, то в ссылке, то уже и реабилитированным, сперва стихи, потом пьесы, потом и прозу, я одно только лелеял: как сохранить их в тайне и с ними самого себя.

Для этого в лагере пришлось мне стихи заучивать наизусть — многие тысячи строк. Для того я придумывал чётки с метрической системой, а на пересылках наламывал спичек обломками и передвигал. Под конец лагерного срока, поверивши в силу памяти, я стал писать и заучивать диалоги в прозе, маненько — и сплошную прозу. Память вбирала! Шло. Но больше и больше уходило времени на ежемесячное повторение всего объёма заученного — уже неделя в месяц.

Тут началась ссылка и тотчас же в начале ссылки — рак. Осенью 1953 года очень было похоже, что я доживаю последние месяцы. В декабре подтвердили врачи, ссыльные ребята, что жить мне осталось не больше трёх недель.

Грозило погаснуть с моей головой и всё моё лагерное заучивание.

Это был страшный момент моей жизни: смерть на пороге освобождения и гибель всего написанного, всего смысла прожитого до тех пор. По особенностям советской цензуры никому вовне я не мог крикнуть, позвать: приезжайте, возьмите, спасите моё написанное! Да чужого человека и не позовёшь. Друзья — сами по лагерям. Мама — умерла. Жена — вышла за другого; всё же я позвал её проститься, могла б и рукописи забрать, — не приехала.

Эти последние обещанные врачами недели мне не избежать было работать в школе, но вечерами и ночами, бессонными от болей, я торопился мелко-мелко записывать, и скручивал листы по несколько в трубочки, а трубочки наталкивал в бутылку из-под шампанского. Бутылку я закопал на своём огороде — и под Новый 1954 год поехал умирать в Ташкент.

Однако, я не умер (при моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращён-

ная мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель). Тою весной, оживающий, пьяный от возврата жизни (может быть, на 2-3 года только?), в угаре радости я написал «Республику труда». Эту я уже не пробовал и заучивать, это первая была вещь, над которой я узнал счастье: не сжигать отрывок за отрывком, едва знаешь наизусть; иметь неуничтоженным начало, пока не напишешь конца, и обозреть всю пьесу сразу; и переписать из редакции в редакцию; и править; и ещё переписать.

Но уничтожая все редакции черновые — как же хранить последнюю? Счастливая чужая мысль и счастливая чужая помощь повели меня по новому пути: оказалось, надо освоить новое ремесло, самому научиться делать закладки, далёкие и близкие, где все бумаги мои, готовые и в работе, становились бы недоступны ни случайному вору, ни поверхностному ссыльному обыску. Мало было тридцати учебных часов в школе, классного руководства, одинокого кухонного хозяйства (из-за тайны своего писания я и жениться не мог); мало было самого подпольного писания — ещё надо было теперь учиться ремеслу — прятать написанное.

А за одним ремеслом потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы (без единой электрической лампы и под солнцем, почти не уходящим за облака). А микрофильмы потом — вделать в книжные обложки, двумя готовыми конвертами: США, ферма Александры Львовны Толстой. Я никого на Западе более не знал, ни одного издателя, но уверен был, что дочь Толстого не уклонится помочь мне.

Мальчишкой читаешь про фронт или про подпольщиков и удивляешься: откуда такая смелость отчаянная берётся у людей? Кажется, сам бы никогда не выдержал. Так я думал в 30-е годы над Ремарком («Im Westen nichts Neues»), а на фронт попал и убедился, что всё проще гораздо, и вживаешься постепенно, а в описаниях — куда страшнее, чем оно есть.

И в подполье если с-бухта-барахта вступать, при красном фонаре, в чёрной маске, да клятву какую-нибудь произносить или кровью расписываться, так наверно очень страшно. А человеку, который давным-давно выброшен из семейного уклада, не имеет основы (уже и охоты) для постройки внешней жизни, а живёт только внутренне — тому зацепка за зацепкою, похоронки за похоронками, с кем-то знакомство, через него другое, там — условная фраза в письме или при явке, там — кличка, там — цепочка из нескольких человек, — просыпаешься однажды утром: батюшки, да ведь я давно подпольщик!

Горько, конечно, что не для революции надо спускаться в то подполье, а для простой художественной литературы.

Шли годы, я уже освободился из ссылки, переехал в Среднюю Россию, женился, был реабилитирован и допущен в умеренно-благополучную ничтожно-покорную жизнь — но к подпольно-литературной изнанке её я так же привык, как к лицевой школьной стороне. Всякий вопрос: на какой редакции закончить работу, к какому сроку хорошо бы поспеть, сколько экземпляров отпечатать, какой размер страницы взять, как стеснить строки, на какой машинке, и куда потом экземпляры — все эти вопросы решались не дыханием непринуждённым писателя, которому только бы достроить вещь, наглядеться и отойти, — а ещё и вечно напряжёнными расчётами подпольщика: как и где это будет хра-

ниться, в чём будет перевозиться, и какие новые захоронки надо придумывать из-за того, что все растёт и растёт объём написанного и перепечатанного.

Важней всего и был объём вещи — не творческий объём в авторских листах, а объём в кубических сантиметрах. Тут вырвали меня ещё неиспорченные глаза и от природы мелкий, как луковые семена, почерк; бумага тонкая, если удавалось привезти её из Москвы; полное уничтожение (всегда и только — сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций; теснейшая, строчка к строчке, без всяких полей и двусторонняя перепечатка; а по окончании перепечатки — сожжение и главного беловика рукописи тоже: один огонь я признавал надёжным ещё с первых литературных шагов в тюрьме. По этой программе пошёл и роман «В круге первом», и рассказ «Щ-854», и сценарий «Знают истину танки», не говоря о более ранних вещах [1].

Все эти предосторожности были, конечно, с запасом, но бережёного Бог бережёт. Статистически почти невероятным было, чтобы безо всякого внешнего повода ко мне на квартиру нагрянуло бы ЧКГБ, хоть я и бывший зэк: ведь миллионы их, бывших зэков [2]. Однако это всё пока соблюдается пословица: «Никто в лесу не знал бы дятла, если бы не свой носок».

Безопасность приходилось усилить всем образом жизни, в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомых, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости — потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздники, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа; нельзя дать вырваться из квартиры ни атому скрытому, нельзя впустить на миг ничьего внимательного взгляда, — жена строго выдерживала этот режим, и я это очень ценил. На работе среди сослуживцев никогда не проявлять широты интересов, но всегда выказывать свою чуждость литературе (литературная «враждебная» деятельность ставилась мне в вину уже по следственному делу — и по этому особому вопросу, остыл я или не остыл, могли за мной агенты наблюдать); наконец, на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства всех ступеней и всех учреждений и иногда имея возможность меткой жалобой, решительным возражением что-то очистить или чего-то добиться — никогда себе этого не разрешать, не выделяться ни на плечо в сторону бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью.

Понурая свинка глубок корень роет.

Это было очень нелегко! Как будто не кончилась ссылка, не кончился лагерь, как будто всё те же номера на мне, нисколько не поднята голова, нисколько не разогнута спина и каждый погон надо мною начальник. Всё негодование могло укипеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя, потому что закон поэзии — быть выше своего гнева и воспринимать сущее с точки зрения вечности.

Но все эти дани я платил спокойно: мне работалось всё равно хорошо, плотно, даже при скудности свободного времени, даже без подлинной тишины. Мне странно было слушать, как объясняли по радио обеспеченные, досужные, именитые писатели: какие бывают способы сосредоточиться в начале рабочего дня и как важно устранить все помехи, и как важно окружиться настраивающими предметами. А я ещё в лагере научился складывать и писать на ходу в конвои-

руемой колонне, в степи морозной, в литейном цеху и в гудящем бараке. Как солдат засыпает, едва присев на землю, как собаке в мороз вместо печи служит своекожная шерсть, так и я был естественно приспособлен писать всюду. И хотя теперь на воле (закон сжатия и разжатия человеческой души!) я стал попривередливее, мешало мне и радио, и разговоры, — но даже под постоянный рёв грузовиков, наезжающих на рязанское окно, я одолел неведомую мне манеру киносценария. Лишь бы выдался свободный часик-два подряд! Обминул меня Бог творческими кризисами, приступами отчаяния и бесплодия.

Очень устойчивое, и даже радостное, и даже торжествующее настроение было у меня все эти годы подпольного писания — пять лет лагеря до моей болезни и семь лет ссылки и воли, «второй жизни» после удивительного выздоровления. Существовавшая и трубившая литература, её десяток толстых журналов, две литературных газеты, её бесчисленные сборники, и отдельные романы, и собрания сочинений, и ежегодные премии, и радиоинсценировки нуднейших сочинений раз и навсегда были признаны мною ненастоящими, и я не терял времени и не раздражался за ними следить: я заранее знал, что в них не может быть ничего достойного. Не потому, чтобы там не могло зародиться талантов — наверное, они были там, но там же и гибли. Ибо не то у них было поле, по которому они сеяли: знал я, что по полю тому ничего вырасти не может. Едва только вступая в литературу, все они — и социальные романисты, и патетические драматурги, и поэты общественные и уж тем более публицисты и критики, все они соглашались обо всяком предмете и деле не говорить главной правды, той, которая людям в очи лезет и без литературы. Эта клятва воздержания от правды называлась соцреализмом. И даже поэты любовные, и даже лирики, для безопасности ушедшие в природу или в изящную романтику, все они были обречённо-ущербны за свою несмелость коснуться главной правды.

И ещё с тем убеждением прожил я годы подпольного писательства, что я не один такой сдержанный и хитрый. Что десятков несколько нас таких — замкнутых упорных одиночек, рассыпанных по Руси, и каждый пишет по чести и совести то, что знает о нашем времени и что есть главная правда — составляют её не только тюрьмы, расстрелы, лагеря и ссылки, хотя совсем их обойдя, тоже главной правды не выпишешь. Несколько десятков нас таких, и всем дышать нелегко, но до времени никак нельзя нам открыться даже друг другу. А вот придёт пора — и все мы разом выступим из глубины моря, как Тридцать Три богатыря, — и так восстановится великая наша литература, которую мы спихнули на морское дно при Великом Переломе, а может ещё и раньше.

И третье было убеждение: что это лишь посмертный символ будет, как мы, шлемоблещущая рать, подыматься будем из моря. Что это будут лишь наши книги, сохранённые верностью и хитростью друзей, а не сами мы, не наши тела: сами мы прежде того умрем. Я всё ещё не верил, что сотрясение общества сможет вызвать и начать литература (хотя не русская ли история именно это нам уже показала?!). Я думал, что вздрогнет и даже обновится общество от других причин, так появится щель, пролом свободы и туда-то сразу двинется наша подпольная литература — объяснить потерянному и смятенному уму: почему всё это непременно должно было так случиться и как это с 17-го года вьётся и вяжется.

Но вот прошли года — и к тому, кажется, склонилось, что ошибся я по всем трём своим убеждениям.

Не такое уж бесплодное оказалось поле литературы. Как ни выжигали в нём всё, что даёт питание и влагу живому, а живое всё-таки выросло. Можно ли не признать за живое и «Тёркина на том свете» и крутолучинских мужиков? Как не признать живыми имена Шукшина, Можяева, Тендрякова, Белова да и Солоухина? И какой же сильный и добротный был бы Ю. Казаков, если бы не прятался от главной правды? Я не перечисляю всех имён, сюда это не идёт. А ведь есть ещё — смелые молодые поэты. Вообще: союз писателей, не принявший когда-то Цветаеву, проклявший Замятина, презревший Булгакова, исторгнувший Ахматову и Пастернака, представлялся мне из подполья совершенным Содомом и Гоморрой, теми ларёшниками и менялами, захлапившими и осквернившими храм, чьи столики надо опрокидывать, а самих бичом изгонять на внешние ступени. Удивлён же я и очень рад своей ошибке.

Ошибся я и во втором предвидении, но уже на беду: хитрых таких, и упорных таких — и счастливых таких! — оказалось совсем мало. Целая литература из нас никак уже не получится, работала чекистская метла железнее, чем я думал. Сколько светлых умов и даже может быть гениев — втёрты в землю без следа, без концов, без отдачи. (Или они ещё упорнее и хитрее нас? — и даже сегодня пишут безмолвно и не высовываются, зная, что час Свободы не достигнут? Допускаю. Потому что и обо мне бы кто-нибудь рассказал в секции прозы годиком раньше — ведь не поверили ж бы?).

Варлам Шаламов раскрыл листочки по самой ранней весне: уже XX-му съезду он поверил, и пустил свои стихи первыми ранними самиздатскими тропами уже тогда. Я прочёл их летом 1956-го года и задрожал: вот он, брат! из тайных братьев, о которых я знал, не сомневался. Была ниточка и мне ему тут же открыться, но оказался я недоверчивее его, да и много ещё было у меня не написано тогда, да и здоровье и возраст позволяли терпеть — и я смолчал, продолжал писать.

Ошибся я и в третьем своём убеждении: гораздо раньше, ещё при нашей жизни начался наш первый выход из бездны тёмных вод. Мне пришлось дойти до этого счастья — высунуть голову и первые камешки швырнуть в тупую лбину Голиафа. Лоб оставался цел, отскакивали камешки, но, упав на землю, зацветали разрыв-травой, и встречали их ликованием или ненавистью, никто не проходил просто так.

А дальше, наоборот, замедлилось — потянулось как протяжная холодная весна. Стала петлями, петлями закидываться история, чтобы каждого петлёю обхватить и задушить побольше шей. И так всё пошло неохотно (да так и надо было ждать), что сейчас и выбора у нас не осталось, и придумать ничего не придумаешь, как в этот лоб непроимчивый швырнуть последние камешки из последних силёнок.

Да, да, конечно, кто же не знает: не проткнуть лозою железобетонных башенных стен. Да вот догадка: может, они на рогоже нарисованы?

* * *

Двенадцать лет я спокойно писал и писал. Лишь на тринадцатом дрогнул. Это было лето 1960 года. От написанных многих вещей — и при полной их безвыходности, и при полной беззаветности, я стал ощущать переполнение, потерял лёгкость замысла и движения. В литературном подполье мне стало не хватать воздуха.

Сильное преимущество подпольного писателя в свободе его пера: он не держит в воображении ни цензоров, ни редакторов, ничто не стоит против него, кроме материала, ничто не реет над ним, кроме истины. Но есть в его положении и постоянный ущерб: нехватка читателей, и особенно литературно-изоциранных, требовательных. Ведь своих немногих читателей (у меня их было около десятка, главным образом бывших зеков, да и то никому из них не удалось дать прочесть все вещи — ведь живем в разных городах, ни у кого нет ни лишних дней, ни лишних средств для поездок, ни лишних комнат для гощения), своих читателей писатель-подпольщик выбирает совсем по другим признакам: политической надежности и умению молчать. Эти два качества редко соседствуют с тонким художественным вкусом. И так, жёсткой художественной критики со знанием современных литературных норм писатель-подпольщик не получает. А оказывается, что эта критика, трезвая топографическая привязка написанного в эстетическом пространстве — очень нужна, каждому писателю нужна, хоть в пять лет раз, хоть в десять лет разочек. Оказывается, пушкинский совет «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» хотя и очень верен, но не до самого полна. Десять и двенадцать лет пиша в глухом одиночестве, незаметно распоясываешься, начинаешь прощать себе, да не замечать просто: то слишком резкой тирады; то пафосного вскрика; то пошловатой традиционной связки в том месте, где более верного крепления не нашёл.

Позже, когда я из подполья высунулся и облегчал свои вещи для наружного мира, облегчал от того, чего соотечественникам ещё никак на первых порах не принять, я с удивлением обнаружил, что от смягчения резкостей вещь только выигрывает и даже усиляется в воздействии; и те места стал обнаруживать, где не замечал раньше, как я себе поблажал — вместо кирпича целого, огнеупорного, уставлял надбитый и крохкий. Уже от первого касания с профессиональной литературной средой я почувствовал, что надо подтягиваться.

Из-за полного своего невежества я особенного маху дал в пьесах. Когда стал писать пьесы в лагере, потом в ссылке, я держал в представлении единственно виденные мною театральные спектакли провинциального Ростова 30-х годов, которые уже тогда никак не соответствовали мировому театральному уровню. Уверенный, что главное в творчестве — правда и жизненный опыт, я недооценил, что формы подвержены старению, вкусы XX века резко меняются и не могут быть оставлены автором в пренебрежении. Теперь-то, походив в московские театры 60-х годов (театры, увы, уже не артистов и даже не драматургов, театры режиссёров как почти единственных творцов спектакля) я жалею, что писал пьесы [3].

В 60-м году всего этого я не мог бы точно назвать и объяснить, но ощутил, что коснею, что бездействует уже немалый мой написанный ком, — и какую-то

потяготу к движению стал я испытывать. А так как движения быть не могло, некуда было пошевелинуться даже, то я стал тосковать: упиралась в тупик вся моя так ловко задуманная, беззвучная, безвидная литературная затея.

Толстой перед смертью написал, что это вообще безнравственно: писателю печататься при жизни. Надо, мол, работать только впрок, а напечатают пусть после смерти. Не говоря о том, что Толстой ко всем благим мыслям приходил лишь после круга страстей и грехов, — здесь он ошибся даже и для медленных эпох, а уж для быстрой нашей — тем более. Он прав, что жажда повторного успеха у публики портит писательское перо. Но больше портит перо многолетняя невозможность иметь читателей — строгих, и враждебных, и восхищённых, невозможность никак повлиять пером на окружающую жизнь, на растущую молодежь. Такая немота даёт чистоту, но и — безответственность. Суждение Толстого опрометчиво.

Современная печатная литература, до той поры только смешившая меня, тут уже стала раздражать. Появились как-раз мемуары Эренбурга и Паустовского — и я послал в редакции резкую критику, конечно никем не принятую, потому что моего имени никто не знал. По форме статья моя получилась как бы против мемуарной литературы вообще, а на самом деле это было раздражение, что писатели, видевшие большую мрачную эпоху, всё стараются юзом проскользнуть, не сказать нам ничего главного, а пустячки какие-нибудь, смягчающей мазью глаза нам залепливают, чтоб мы дольше не видели истины — а чего уж так они боятся, писатели с положением, неугрожаемые?

В ту осень, мыкаясь в своей норе и слабея, стал я изобретать: не могу ли я всё-таки что-нибудь такое написать, чего пусть нельзя будет печатать — но хоть показывать людям можно! хоть не надо прятать! Так я задумал писать «Свет, который в тебе» — пьесу на современном, но безнациональном материале: о всяком благополучном обществе нашего десятилетия, будь оно западное или восточное.

Эта пьеса — самое неудачное из всего, что я написал, далась мне и труднее всею. Верней: первый раз я узнал, как трудно и долго может не получаться вещь, хоть переписывай её 4-5 раз; и можно целые сцены выбрасывать и заменять другими, и всё это — сочинённость. Много я на неё потратил труда, думал кончил — а нет, не получилась. А ведь я взял в основу подлинную историю одной московской семьи, и нигде душой не покривил, все мысли писал только искренние и даже излюбленные, с первого акта отказавшись угождать цензуре — почему ж не удалось? Неужели только потому, что я отказался от российской конкретности (не для маскировки вовсе, и не только для «открытости» вещи, но и для большей общности изложения: ведь о сытом Западе это ещё верней, чем о нас), — а без русской почвы должен был я и русский язык потерять? Но другие же свободно пишут в этой безликой безъязыкой манере — и получается, почему ж у меня?.. Значит, и абстрактная форма так же не всякому дана, как и конкретная. Нельзя в абстракции сделать полтора шага, а всё остальное писать конкретно. (Впрочем, главная неудача произошла очевидно от неосязаемости женского образа).

Другую попытку я сделал в 61-м году, но совсем неосознанно. Я не знал — для чего, у меня не было никакого замысла, просто взял «Щ-854» и перепечатал облегчённо, опуская наиболее резкие места и суждения и длинный рассказ кавторанга Цезарю о том, как дурили американцев в Севастополе 45-го года

нашим подставным благополучием. Сделал зачем-то — и положил. Но положил уже открыто, не пряча. Это было очень радостное освобождённое состояние! — не ломать голову, куда прятать новозаконченную вещь, а держать её просто в столе — счастье, плохо ценимое писателями. Ведь никогда ни на ночь я не ложился, не проверив, всё ли спрятано и как вести себя, если ночью постучат.

Я уставал уже от конспирации, она задавала мне задачи головоломнее, чем само писательство. Но никакого облегчения ни с какой стороны не предвиделось, и западное радио, которое я слушал всегда и сквозь глушение, ничего не знало о глубинных геологических сдвигах и трещинах, которые скоро должны были отдаться ударом на поверхность. Ничего никто не знал, ничего я радостного не ожидал и взялся за новую отделку и перепечатку «Круга». После бесцветного XXI съезда, втуне и безмолвии оставившего все славные начинания XX-го, никак было не предвидеть ту внезапную залиvistую яростную атаку на Сталина, которую назначит Хрущёв XXII-му съезду! И объяснить её мы, неосведомлённые, никак не могли!

Однако, она была, и не тайная, как на XX съезде, а открытая! Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII-м съезде. В маленькой комнатке деревянного прогнившего дома, где все мои многолетние рукописи могли сгореть от одной несчастной спички, я читал, читал эти речи — и стены моего затаённого мира заколебались как занавеси театральных кулис, и в своём свободном колебании расширялись и меня колебали их разрывали: да не пришёл ли долгожданный страшный радостный момент — тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?

Нельзя было ошибиться! Нельзя было высунуться прежде времени. Но и пропустить редкого мига тоже было нельзя!

А тут ещё хорошо выступил на XXII съезде и Твардовский, и такая там была нотка, что давно можно печатать смелее и свободнее, а «мы не используем». Такая нотка, что просто нет у «Нового мира» вещей посмелее и поострее, а то бы он мог.

Твардовского времен «Муравии» я нисколько не выделял из общего ряда поэтов, обслуживающих курильницы лжи. И примечательных отдельных стихотворений я у него не знал — не обнаружил, просматривая в ссылке двухтомник 1954 года. Но со времен фронта я отметил «Василия Тёркина» как удивительную удачу: задолго до появления первых правдивых книг о войне (с некраповских «Окопов» не так-то много их и всех удалось, может быть полдюжины), в потоке угарной агитационной трескотни, которая сопровождала нашу стрельбу и бомбежку, Твардовский сумел написать вещь вневременную, мужественную и неогрязнённую — по редкому личному чувству меры, а может быть и по более общей крестьянской деликатности. (Этой деликатности под огрубелой необразованностью крестьян и в тяжком их быту я не могу перестать изумляться). Не имея свободы сказать полную правду о войне, Твардовский останавливался однако перед всякой ложью на последнем миллиметре, нигде этого миллиметра не переступил, нигде! — оттого и вышло чудо. Я это не по себе одному говорю, я это хорошо наблюдал на солдатах своей батареи во время войны. По условиям нашей звукоразведывательной службы они даже в боевых условиях много имели времени для слушанья чтения (ночами, у трубок звукопостов, а с

центрального читали что-нибудь). Так вот из многого, предложенного им, они явно выделили и предпочли: «Войну и мир» и «Тёркина».

Но потом лагерный, и ссыльный, и преподавательский, и подпольный недосуг не дали мне прочесть ни «Дома у дороги», ни другого чего. (Только «Тёркина на том свете» читал я в списках ещё в 56-м году, Самиздату всегда предпочтение и внимание.) Я не знал даже, что публиковалась в «Правде» глава из «За далью даль», что поэма в том году получила ленинскую премию. Поэму я прочёл гораздо позже, а главу «Так это было» — когда попалась мне в «Новом мире».

По тому времени, по всеобщей робости она выглядела смелой: трудоночь тётки Дарьи, «ура, он снова будет прав!» и даже «Москва высотная вставала как некий странный павильон». И был уже тогда у меня первый толчок: не показать ли чего-нибудь написанного Твардовскому? не решиться ли?

Но всё ту же главу перелистывая и раздумывая, я встречал и «грозного отца» и «правоту» его обок с неправотою, и ему мы «обязаны победой», и родство Сталина с бранной сталью,

«...И в нашей книге золотой
Ни строчки, даже запятой...
Чтоб заслонила нашу честь.
Да, всё, что с нами было — было!»

Уж слишком мягко: сорокалетний позор лагерей — не заслонил чести? Уж слишком бесконтурно: «что было — то было», «тут ни убавить, ни прибавить». Так и обо всех видах фашизма можно сказать. Тогда и Нюрнберга не надо? — что было, то было..? философия беспомощная, не вытягивающая на суждение об истории [4]. Поэт трогал ногой рядом с мощёной тропкой, но страшно было ему сходить.

И я не знал, если выдраться к нему из трясины и руки протянуть — сходи! — то пойдёт или упрётся?

И о «Новом мире» я не имел отличительного суждения по тому, чем наполнены были его главные страницы, он для меня мало отличался от остальных журналов. Те контрасты, которые между собою усматривали журналы, были для меня ничтожны, а тем более для дальней исторической точки зрения — спереди ли, сзади. Все эти журналы пользовались одной и той же главной терминологией, одной и той же божбой, одними и теми же заклинаниями — и всего этого я даже ложкой чайной не мог принять.

Но что-нибудь же значил гул подземных пластов, прорвавшийся на XXII съезд! Я — решился. Вот тут и сгодился неизвестно для какой цели и каким внушением «облегчённый» «Щ854». Я решился подать его в «Новый мир». (Не случись это — случилось бы другое и худшее. Уже целый год тошнота моего тупикового положения нудила меня к какому-то прорыву.)

Сам я в «Новый мир» не пошёл: просто ноги не тянулись, не предвидя успеха. Мне было 43 года, и достаточно я уже колотился на свете, чтоб идти в редакцию начинающим мальчиком. Мой тюремный друг Лев Копелев взялся передать рукопись. Хотя шесть авторских листов, но это было совсем тонко — ведь с двух сторон, без полей и строка вплотную к строке.

Я отдал — и охватило меня волнение, только не молодого славолубивого автора, а старого огрызчивого лагерника, имевшего неосторожность дать на себя след.

Это было начало ноября 1961 года. Я и пути не знал в московские гостиницы, а тут, пользуясь предпраздничным безлюдьем, получил койку. Здесь я пережил дни последних колебаний — ещё можно было остановить, вернуть. (Остался я не для колебаний, а для чтения самиздатского «По ком звонит колокол», полученного на три дня. До той поры я и Хемингуэя ни одной строчки не читал).

Гостиница оказалась в Останкине, совсем рядом с той семинарной шарашкой, где происходит действие моего «Круга» и где, уже с первым лагерным опытом, я по-серьёзному начал писать. Перемежая с Хемингуэем, я выходил побродить мимо забора своей шарашки. Он всё так же стоял, по тому же периметру обмыкая всё то же малое пространство, где когда-то стиснуто было столько выдающихся людей и кипели наши споры и замыслы.

В десятке метров брёл я теперь от того архиерейского домика-ковчега и тех лип, вечных лип, под которыми три года вышагивал-вышагивал-вышагивал утром, днём и вечером, мечтая о далёкой светлой свободе — в иные, светлые, годы и в посветлевшей стране.

А теперь, в пасмурный осклизлый день, по мокренькой ноябрьской слякоти, я шёл по другую сторону забора, по тропинке, где только смена караула от вышки к вышке пробиралась раньше, и думал: что ж я наделал! Ведь я — опять в их руках.

Как мог я, ничем не понуждаемый, сам на себя отдать донос!

<...>

[1] До слёз было жалко уничтожать подлинник сценария, он особенным образом был написан. Но в один тревожный вечер пришлось его сжечь. Сильно облегчалось дело тем, что в рязанской квартире было печное отопление. При центральном сожжении гораздо хлопотливей.

[2] А если бы нагрянули, то — смерть, ничто меньшее не ждало меня при нашей безвестности и незащищённости, — как сможет убедиться читатель, прочтя когда-нибудь ну хоть бы исходный полный текст «Круга» (96 глав).

[3] Проза Шаламова тоже, по-моему, пострадала от долголетней замкнутости его работы. Она могла бы быть совершеннее — на том же круге материала и при том же авторском взгляде.

[4] Лидия Чуковская в «Записках об Анне Ахматовой» вспоминала, как та пятью годами раньше гневалась на Твардовского за тогдашнюю главу «Друг детства»: «Новая ложь взамен старой!»

Страна? При чем же здесь страна!..

Народ? Какой же тут народ!

И поэт вместе с эзком

...ведал всё. И хлеб тот ел.

И ээк

По одному со мной билету

Как равный гость бывал в Кремле.

Да: для 1956 года удобная лесенка лжи.

Владимир Буковский

(Справку см. т. 2, стр. 65)

«И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР...»

<...>

Вот он, родился, этот будущий советский человек, человек нового типа. И на первых порах его никак нельзя считать диссидентом. Никаких особых свобод он не требует, книг запрещенных не читает, за границу не просится, против места и времени своего рождения не протестует. Он еще, правда, не знает, как уже много он должен советскому государству и родной партии. Не лежать бы ему сейчас в коляске и не сосать мирно соску, если бы не их неустанная забота. Но очень скоро с него этот долг спросят.

Родители, по занятости своей, отдадут его сперва в ясли, потом в детский сад, и если первые слова, которым он обучится, будут МАМА и ПАПА, то уж затем обязательно ЛЕНИН. Будет он, возвращаясь домой, по выходным дням удивлять своих родителей способностями, декламируя:

День Седьмого ноября –
Красный день календаря!
Посмотри в свое окно –
Все на улице красно!

Затем в школе кругозор его еще расширится. Постепенно он узнает, что Бога не было и нет, что вся история человечества есть переход из мрака к свету, от несправедливости и угнетения к свободе и социализму. Что люди во все времена мечтали жить в такой стране, как наша, — ради этого они тысячелетиями шли на восстания, жертвы, на муки и казнь. Что все великие люди прошлого стремились к тому самому обществу, которое мы наконец построили, — даже если они сами не всегда это понимали. Что такое Лев Толстой, например? Зеркало русской революции. И сейчас мир разделен пополам: с одной стороны — силы света, счастья и прогресса у нас, с другой — реакция, капитализм, империализм. И они только и мечтают, как бы уничтожить наше счастье, поработить нас так же, как поработен народ в их собственных странах. А чтобы этого не произошло, нужно прилежно учиться, а потом вдохновенно трудиться. Чем дальше, тем подробнее и обстоятельнее, сначала в школе, а потом в институте, в армии, на работе — изо дня в день усваиваются эти представления. В явной форме — в виде преподавания истории СССР, истории КПСС, политэкономии, научного коммунизма, научного атеизма, основ марксизма-ленинизма, диалектического материализма, исторического материализма и так далее, и тому подобное. В неявной форме — почти шепотом, как гипноз, — в кино и книгах, в полотнах и скульптурах, по радио и телевидению, в газетах, на лекциях, в учебниках математики, физики, логики, иностранного языка, в плакатах и афишах, и даже в сочинениях, переведенных с других языков мира.

И если, допустим, вы переводите из учебника французского, немецкого или

английского языка текст, то это о том, как плохо живет рабочий во Франции, Западной Германии, Англии или США. Или, наоборот, о том, как хорошо живет людям под солнцем социализма. Или эпизоды из жизни великих революционеров прошлого, или о борьбе народов против капитализма. Если же вы откроете учебник логики, то в качестве примера объективной истины вам приведут: «Марксизм-ленинизм — всепобеждающее учение».

Возьмите газетные новости или кинохронику. Вам сообщают или показывают: открыт новый курорт в Болгарии, пронесся тайфун в Японии; уральские рабочие перевыполнили план; многотысячная забастовка во Франции; собирают богатый урожай на Украине; чудовищная статистика автомобильных происшествий в Америке; сдан новый жилой микрорайон в Ташкенте; разгоняют студенческую демонстрацию в Италии... И становится ясно, что там — только стихийные бедствия, катастрофы, демонстрации, забастовки, полицейские дубинки, трупы и постоянное падение уровня жизни, а у нас — только новые курорты, заводы, урожаи, бескрайние поля, светлые улыбки, новоселы и рост благосостояния. ТАМ — черные силы реакции и империализма угнетают трудящихся и грозят нам войной, ЗДЕСЬ — светлые силы прогресса и социализма строят сияющее будущее и борются за прочный мир. И силы мира, социализма и прогресса неизбежно победят. И все это каждый день, каждый час — в тысячах газет, журналов, книг, кинофильмов, концертов, радиопередач, песен, стихов, опер, балетов и картин. И ничего кроме этого — ничего против. И даже когда вы едете в поезде и рассеянно глядите в окно на проносящиеся пейзажи, взгляд ваш бессознательно пробегает, а мозг фиксирует выложенные вдоль дороги камушками и битым кирпичом лозунги: «Миру — мир!», «Ленин — всегда живой!», «Вперед, к победе коммунизма!»

С восьми-девяти лет почти принудительно тебя заставляют вступить в пионеры, а с четырнадцати-пятнадцати — в комсомол, то есть в молодежные политические организации с соответствующей дисциплиной. Это означает активное участие в идеологической работе — и вот уже не тебе втолковывают, а ты втолковываешь другим насчет всепобеждающего учения и требуешь от них повышения успеваемости или производительности труда во имя светлого будущего. Ведь все мы в неоплатном долгу перед партией и правительством за их заботу.

Что делать родителям? Пытаться с самого начала объяснить детям, что их обманывают? Но это опасно: дети расскажут своим друзьям, а те — своим родителям, учителям. И что посоветовать детям? Говорить открыто о своем несогласии? Или молчать, скрывать взгляды, лгать, жить двойной жизнью? Да и поверят ли дети вам, а не тому, чему учат их школа и пропаганда? Да к тому же вся эта идеология существует не только в чистом виде — она заложена во все школьные предметы: историю, литературу, ботанику, географию и т.д., а ученик обязан знать и отвечать их так, как написано в учебнике. И чаще всего родители машут рукой: э, черт с ним, вырастет — сам поймет.

Рано или поздно он понимает, ибо в жизни почти каждого жителя СССР наступает этот момент просветления. Рассказывают такой анекдот. Воспитательница в детском саду проводит беседу. Повесила на стену карту мира и объясняет: «Вот это, дети, Соединенные Штаты Америки. Там люди живут очень плохо. У них нет денег, и поэтому они не покупают своим детям конфеты и мороженое и не водят их в кино. А вот это, дети, Советский Союз. Здесь все люди счастливы, и

живут хорошо, и покупают своим детям конфеты каждый день, и мороженое, и водят их в кино». Вдруг маленькая девочка плачет. «Что ты, Таня, плачешь?» — спрашивает воспитательница. «Хочу в Советский Союз!» — всхлипывает она.

Но это только первый импульс, первое недоразумение. Обыкновенно человек долгое время ощущает гордость и радость от того, что он живет в такой замечательной, единственной стране. В самом деле, надо же, чтобы человеку так повезло — родиться именно здесь и теперь! Всего каких-нибудь три тысячи километров на запад или 50 лет назад, и столько несчастий, столько горя и угнетения. И только одно слегка беспокоит: зачем так много об этом кричать? Ну, хорошо, знаем уже, слышали, рады и счастливы, самая лучшая, самая первая, самая прогрессивная! Будем помнить, спасибо, разве такое забудешь? Да неужели еще кто не усвоил? Постепенно вы начинаете различать, что не все так гладко в жизни, как в газетах. Живут все, за исключением большого начальства, от получки до получки. А перед получкой уже несколько дней еле-еле концы сводят, норовят друг у друга занять. А уж одежду купить, или мебель, или телевизор — так надо извернуться, сэкономить или на стороне приработать. Опять же все время какие-то нехватки — то мяса нет, то масло пропало, то картошка не уродилась. Очереди всюду — их уже почти не воспринимаешь, только отстаиваешь часами.

Потом уж очень раздражает человека бесхозяйственность, нерациональность. Вот привезли вам под окна какую-то кучу бревен или кирпича. Везли, торопились, разгружали, а потом лежит себе эта куча и год, и другой, пока не сгниет. Никому не нужно. То вдруг раскопают улицу — ни пройти, ни проехать. Полгода что-то чинят — говорят, водопровод. И точно, перестает идти из крана вода. Наконец починят, закопают улицу. Привозят асфальт, и бабы, обычно вручную, этот асфальт укатывают. Не успел застыть — глядь, опять приехали и раскопали, опять месяца три-четыре ни пройти, ни проехать. Теперь, говорят, газ чинят — и точно, перестает идти газ. Ну чего бы, казалось, сразу его не чинить, пока раскопано было? Или вот еще бедствие: крыша в доме протекла. Это уж форменное бедствие, потому что добиться ее ремонта — дело почти невозможное. Ходят целые делегации жильцов — и в райсовет, и в горсовет, и к депутатам, пишут жалобы, собирают петиции, приезжают какие-то комиссии — крышу обследуют, устанавливают, что точно, течет крыша. Но нет денег на ремонт, не запланировано. И так иногда годами. А пока что собирают жильцы старые корыта, тазы и ведра, подставляют на чердаке под течь и с тревогой смотрят по утрам на небо — будет дождь или нет. Казалось бы, совсем незначительный факт, но врезался мне в память с детства. Невдалеке от нашего дома был магазин, куда мне часто приходилось бегать то за хлебом, то за сахаром. Магазин был на другой стороне улицы, метрах в двухстах от перекрестка, где обозначен переход. Большинству людей, чтобы попасть в магазин, не нарушая правил перехода, нужно было пройти эти 200 метров до угла, а затем еще 200 метров — по другой стороне до магазина. Естественно, что все норовили перейти улицу напротив магазина, не делая крюка. Но именно здесь, затаясь в засаде, поджидал их милиционер и нещадно штрафовал. И, видно, получал неплохой доход для государства, так как никакая опасность быть оштрафованным или попасть под машину — не могла заставить людей идти лишних 400 метров.

Не только мы, пацаны, но и взрослые люди, даже старые бабки в валенках и с кирзовыми кошелками в руках рысцой бежали через эту улицу под свист милиционера. Вроде бы чего проще: разреши людям переход, раз им это удобней. Нет, десятилетиями, на моей памяти, стоял там милиционер, собирая дань.

Трудно сказать, что двигало властями — экономическая ли выгода или желание отстоять свой авторитет, но эпизод этот очень типичен. Порядки, вводимые властями на моей памяти, всегда были противоестественны, противоречили здравому смыслу и всегда вводились под угрозой наказания. Не сказать, чтобы это меняло психологию людей или приучало их к повиновению, но зато все оказывались виновными перед государством, любого можно было наказать. Стояла за этим и типичная философия порядка, государственной власти. Дескать, разреши людям делать, что они хотят, и что получится? Совсем никакого порядка не будет в государстве. Все эти мелочи, накапливаясь, затуманивают, конечно, счастье советского человека, его веру в светлое будущее. Но тысячеустый хор газет и журналов, кинофильмов и радиопередач, лекторов и просветителей уже готов ему все объяснить:

— Зачем же так сразу обобщать, товарищи! Да, есть у нас отдельные недостатки и временные трудности. Местные власти часто работают еще недостаточно четко. Мы их критикуем, поправляем. Не нужно забывать, что мы идем, так сказать, по нехоженой тропе, первые строим новое общество, подсказать нам некому, порой и ошибаемся. Но посмотрите, сколько уже достигнуто, сколько сделано по сравнению с 1913 годом! Конечно, частично, во имя создания в будущем самого совершенного общества, мы должны пойти на определенные жертвы. Если сейчас и не всегда легко, то потом наши дети будут благодарить нас. Ведь как бы мы ни ошибались в отдельных случаях, в целом-то мы идем правильным путем, идеи-то наши светлые. Не нужно забывать и о капиталистическом окружении, которое нам вредит и будет вредить. Они только и ждут, чтоб мы расслабились, усомнились в своей правоте. Враг не дремлет! И чтобы с ним успешно бороться, тоже нужно приносить определенные жертвы. (И так далее, и тому подобное, и прочее, и прочее.)

И что ты тут скажешь? Ну, нельзя же в самом деле утверждать, что если у меня крыша течет, то и коммунизм плох или строить его не нужно. Или если мяса сейчас не хватает, то не нужно было делать революцию.

А годы идут, складываются в десятилетия, и уже знает советский человек, что самое постоянное в его жизни — это временные трудности. Но что ж, если в моем районе или области или у меня на работе, в той отрасли хозяйства, где я работаю, бесхозяйственность, неустроенность и обман, то это же не доказывает, что везде плохо и никогда не будет лучше. Ведь вот, запускаем людей в космос, балет наш едет за границу с большим успехом, строим огромные заводы, плотины, значит, не везде и не все плохо, в чем-то и мы сильны. И уж, по крайней мере, не так плохо, как там, на Западе. У них что ни месяц — забастовка. Это уж, должно быть, совсем скверно жить людям, если на такое решаются. И безработицы у нас нет, с голоду не умираем.

А годы идут, и ничего не меняется, и возникает уже сомнение: да строим ли мы этот коммунизм? Может, еще и не начинали? Ведь вот с 17-го по 22-й год, ясное дело, никакой советской власти не было, была гражданская война. По-

том, до 30-го года, — нэп, а это, известно, было отступление. Затем до 53-го — культ личности, тоже никак не советская власть. Дальше, до 64-го, Хрущев, оказывается, все не так делал — вовремя спохватились, сняли. Выходит, с 65-го только и начали правильную жизнь? Да еще подождать надо — может, и этого снимут или после смерти объяснят, что все было неправильно.

Нестойкое это состояние неуверенности быстро сменяется убеждением в полной лживости пропаганды. Как ни сложно получить информацию, а все-таки и мы не совсем изолированы. И выясняется, что в других областях и районах ничуть не лучше, а порой — хуже, чем у нас, что в других отраслях хозяйства такой же бардак, что космос — сплошная туфта, а крупнейшие эти заводы и плотины строили ээки за пайку хлеба. Вот только насчет балета ничего не выясняется — как он, этот балет, не разваливается? Ну да и черт с ним, с балетом, не тем живы.

Более того, просачивается к нам, что и на Западе не все так(все не так), как нам пели. И безработным, оказывается, платят за то, что они не работают. Вот фантастика — у нас бы в Сибирь сослали, а там деньги платят. У каждого автомобиль, колбаса в магазине всех сортов, и никаких очередей — рай, сказка! И — кончилась вера в светлое будущее.

Один мой знакомый, еще в 50-е годы, провел такой забавный эксперимент. Был он в магазине, стоял в очереди за молоком. Очередь была громадная, продавцы работали медленно, лениво. Начала очередь роптать, как водится, что не всем хватит да что медленно отпускают. В одну из пауз между взрывами народного гнева знакомый мой возьми да и скажи, громко и внятно: «Безобразия развели! Очередь на полдня. Совсем как в Америке!» И обрушилось на него народное негодование: «Да что вы, гражданин, какая Америка? Такое только у нас возможно!» Долго еще поглядывали на него укоризненно и с сожалением.

Дальше — больше. Стало, например, выясняться, что, пока у нас у всех временные трудности, у них там, в обкомах-горкомах да в Кремле, уже давно коммунизм построен. Тайно промеж себя распределяют икру, колбасу, всякие импортные товары. Понастроили себе виллы, огородили заборами, поставили охрану, чтоб никто не увидел, как они эту икру лопают. Наплевать им на нас, хоть сдохни!

И это еще самый долгий путь размышлений и прозрений у самого благополучного человека. Обычно же все происходит быстрее. Рано или поздно сталкивается человек с такой вопиющей несправедливостью или ложью, что уж молчать не может. Толчок может быть любой, лишь бы привел он к прямому столкновению с властью. Очень это полезно, когда трудящийся общается со своею рабоче-крестьянской властью в качестве просителя или протестующего. По вопросам ли прописки, протекающей крыши, бесхозяйственности на работе или получения квартиры, а ясней всего, когда твоего родственника посадили в тюрьму ни за что, ни про что. И начинает трудящийся добиваться правды, искать, писать жалобы, петиции, ходить на приемы, начинают ему приходиться ответы один другого наглее — или вообще никаких ответов.

Как же так, в моем рабоче-крестьянском государстве? — ярится трудящийся. — А ну, в «Правду», а ну, в ЦК! И опять ничего. А на приемах, если он их добьется, смотрит на него бревном в очках и губами чмокает — и опять ничего! Аж зайдетесь трудящийся! Куда только не пишет: и в комитет советских женщин, и в общество защиты животных, и космонавтам, и даже в ООН.

И чем дальше, тем свирепее. Таких вещей понапишет про советскую власть, что и сам удивляется, откуда у него взялись такие мысли. Особенно если он участник Великой войны или еще чем заслуженный.

А эки — те додумались даже в Мавзолее Ленину жалобы писать! Вы ж говорите, он вечно живой — пусть разбирается. И ничего, аккуратно извещает комендатура Кремля, что жалоба переслана по принадлежности. Ответ обычно приходит из районной прокуратуры. Обычный ответ, что все по закону и жаловаться не на что.

Вообще же все жалобы стекаются именно к тому бревну в очках, на нечувствительность которого ты жалуешься. И приходит самый успокаивающий ответ — сочувствуем, все понимаем, помочь, правда, не можем. И светлеет трудящийся. Поразительно, как быстро вспоминает он все, чему учили его в школе, всю историю Советского Союза, всю литературу с географией, всю эту пропаганду, что с пеленок твердила ему про отдельные недостатки и временные трудности, про светлое будущее и капиталистическое окружение, и про зеркало русской революции, и даже стишки про Ленина из детского сада.

А пропаганда — знай себе наяривает как ни в чем не бывало: и про тайфун в Японии, и про курорт в Болгарии, про урожай на целине, про забастовку в Англии, про светлые дали, про силы мира и прогресса. И так день и ночь, день и ночь со всех сторон. И сатанеет трудящийся. Вокруг ходят люди, миллионы людей, выполняют планы, принимают трудовые обязательства, отвечают на заботу партии повышением производительности труда и ничего не знают. Как только они узнают, как только я им объясню, они остановятся, все изменится, все станет другим. Эй, люди! Стойте! Дайте мне микрофоны! Пустите меня к микрофонам! Чтоб — ГОВОРИТ МОСКВА И ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Да что там Москва! Надо, чтоб весь мир, вся планета! В таком состоянии трудящийся совершает некоторые стандартные поступки. Он пытается выступить на собрании с разоблачительной речью, распространить листовки, передать через иностранцев послание в ООН или президенту США. И уж, как минимум, широко и открыто высказываться в кругу знакомых. Его не оставляет необыкновенное чувство свободы и всемогущества. Простое человеческое слово кажется ему мощным оружием, способным двигать горы и поворачивать реки. Но замечает трудящийся, что никто не жаждет его выслушать. Напротив, создается вокруг него некоторый вакуум, точнее сказать — духота. На собрании ему слова не дают, знакомые смотрят в сторону, стараются свести разговор в шутку и поспешно вспоминают о каких-то срочных делах. Жена с утра в слезах, бранит его эгоистом, себялюбцем, разбившим ей жизнь. Внезапно приезжает из Калуги теща, которой уже пять лет слышно не было, и решительно уговаривает дочь уехать к себе.

А на работе, ближе к обеду, вызывают его за чем-то срочно в отдел кадров. И там вежливый, но настойчивый человек лет сорока, в сером хорошем костюме, аккуратно причесанный, по имени Николай Иванович, или Владимир Иванович, или, в крайнем случае, Сергей Петрович предлагает ему проехаться — тут недалеко, к нему на службу. Нет-нет, вещей никаких брать не нужно, жене звонить тоже не нужно и заезжать домой незачем — это ненадолго. И даже переодеться не нужно. Далее Николай Иванович, Владимир Федорыч или, на худой конец, Петр Сергеевич провожает его к машине, и вместе они едут — дей-

ствительно не слишком далеко. Поднимаются по лестнице обычного с виду многоквартирного дома, заходят в одну из дверей, которая оказывается коридором с рядом дверей. За одной из них, в служебном кабинете, за столом, сидит человек лет пятидесяти, седоватый, в сером костюме, которого зовут Николай Петрович, или Сергей Иванович, или, в худшем случае, Владимир Федорович.

— Присаживайтесь, — говорят ему вежливо, — как жизнь, как на работе? — А за окном пылко дышит лето или, наоборот, добрый морозный день, а то и зрелая румяная осень. И так бы хорошо сейчас где-нибудь пройтись по лесу, где-нибудь далеко-далеко, где не слышно цивилизации.

Начинает трудящийся излагать свои открытия — хоть и с некоторым напором, но уже без того накала. Пытается даже раззадорить себя, но как-то не ощущает больше мировой трагедии, бурления страстей и порыва к микрофонам. Сами собой как-то смягчаются выражения и выводы, напрашиваются обтекаемые формулировки и уменьшительно-ласкательные эпитеты. А Владимир Николаич, Сергей Петрович, а может, и Иван Иванович слушает молча, по-отечески, изредка кивая головой, помечает что-то в блокноте и, дождавшись паузы в сбивчивом рассказе, говорит:

— А кому еще вы об этом рассказывали? Тааак... А кто еще при этом присутствовал? Так-так. А письмо в ООН вы кому показывали? И уж за границу собрались бежать? Так-так-так! Что ж это получается? Родина о вас заботилась, сил не жалела, вырастила вас, воспитала, ни в чем не отказывала, а вы? И это в то время, когда наши враги так и ищут, как бы нам навредить! Ну, а если бы вы оказались за границей? Вас бы там в контрразведке стали спрашивать — где работали, да где в армии служили, да какой номер части, да какое оружие...

От такого предположения трудящегося аж в пот бросает — нет-нет, только не это! Тут Владимир Иванович, он же Николай Петрович, он же Сергей Михайлыч достает из стола довольно объемистую папку, открывает ее, и трудящийся, к ужасу своему, видит, что все его жалобы, заявления и протесты, в том числе в ООН, уже лежат там с какими-то пометками синим карандашом.

Господи, много ль человеку надо? Ну, нет мяса — можно картошки купить, кефиру, наконец. Ну, течет крыша, так подставь ведро, только-то и дел. Ну, где-то что-то не так — может, и неправильно, да разве все зло в мире исправим? Мало платят? Так можно вечером подработать или еще как. А что врут — так оно везде врут, и всегда врут, и будут врать, и во все века ввали. Разве я за это отвечаю, разве я что-то изменить могу?

Звонит телефон, и Владимир Николаич или черт его знает кто берет трубку: — Да? — И вдруг весь подбирается, выпрямляется в кресле, — Да, товарищ генерал. Да, у меня. Вот, беседуем. Я думаю, пока не будем, товарищ генерал. Нет, я думаю, не стоит. Ну, устал человек на работе, бывает. Конечно. Да. Слушаюсь. Есть!

Ну, что же, распишитесь здесь и здесь. И вот тут. Можете теперь идти... домой. Если понадобится — вызовем. До свиданья.

И если он не успел натворить слишком много, его не арестуют, нет. Если б всех таких сажать, пришлось бы переловить полстраны, а это теперь не требуется — достаточно одного на десять тысяч таких прозревших упрятать, самого нахрапистого, чтобы другие боялись. Раньше — другое дело. Еще бы и рта не успел раскрыть — уже ехал бы этапом. Теперь времена другие. Никто не требу-

ет, чтобы ты любил эту власть или верил в нее, — достаточно, чтобы ты ее боялся, был покорным, выполнял план, поднимал руку на собрании, единодушно одобрял и гневно осуждал...

И бежит наш трудящийся по весенним или осенним, зимним улицам легким галопом домой — к жене и теще из Калуги. Только что приоткрылась для него тяжелая дверь и пахнуло на него подвальной сыростью, какой-то гнилью и безнадежностью, но, слава Богу, обошлось. Через недельку-другую соберут общее собрание трудящихся, выступят парторг, комсорг и представитель месткома, гневно осудят, будут клеймить позором, старенький мастер Петрович заявит, что, по его мнению, таким не место в рабочем коллективе. Сам он выступит, покается и пообещает исправиться. Где-нибудь с краешку, незаметно, будет сидеть Николай Иваныч, Петрович, Сергеич. Нет-нет, он не хочет в президиум, выступать он не собирается, он хочет попристутствовать, послушать, как товарищи выступают. Под конец собрание трудящихся, вдоволь навыступавшись, поручится за своего заблудшего, пообещает коллективно его исправить, проголосует и удовлетворенно разойдется по домам. И где-нибудь вечером, у пивного ларька, старый мастер Петрович, более всех распинавшийся днем, скажет нашему трудящемуся за кружкой пива:

— Так-то, голубок, ПЛЕТЬЮ ОБУХА НЕ ПЕРЕШИБЕШЬ!

Посмотри, трудящийся, посмотри пристально в глаза своим сослуживцам, посмотри на толпы людей, текущих по улицам, в кинотеатрах, на стадионах или даже во Дворце Съездов — и ты увидишь: подавляющее большинство их уже знает все насчет плети и обуха. Ну, что ты мог сказать им? Каждый из них пережил или переживет еще эту судорогу прозрения. Подергается, подергается и затихнет — и ничем ты их больше не выведешь из равновесия. Что ты можешь сказать им в коротенькой листовке или даже по всем радиостанциям Советского Союза? Они-то знают, помнят еще то лихое время, когда каждую ночь кружили по улицам воронки и собирали свою дань. Они и войну помнят. Уж какая, казалось бы, силища перла, а и та не перешибла обуха. Они оттого молчат, что знают, а не оттого, что не знают. Можно ли упрекать их в этом?

Помню, в Сибири, в экспедиции, на одной из наших лесных стоянок где-то под Читой, я поймал трех муравьев и бросил их в кружку — хотелось мне посмотреть, насколько муравьи лучше людей. Естественно, они попытались выбраться, но я стряхнул их на дно. Они опять попытались — я опять стряхнул. В общей сложности они сделали около ста восьмидесяти попыток — и все, конечно, безрезультатно. Потом они затихли на дне, сползли и уселись в кружок. Интересно, о чем они думали или говорили? Я долго смотрел за ними, но они больше не попытались убежать. Кружка с муравьями простояла в траве почти три дня. Несколько раз моросил дождь, садилось и вставало солнце, но они так и сидели в кружок и шевелили усами — должно быть, анекдоты рассказывали.

А что им остается делать? Они уже все поняли, им больше ничего не надо. Им бы и хотелось сузить свой мир до пределов семьи, квартиры, жить тихими муравьиными радостями, весенним теплым днем вылезти на солнышко, выпить на троих. Радоваться минуте, пока она солнечная, пока так уютно где-нибудь на бочках за пивнушкой и каждая минута состоит из шестидесяти блаженных секунд, а выпивка еще растягивает каждую секунду. Да не оставляют, не дают

человеку жить его маленьким миром. Всюду его настигает пропаганда, вездесущий крикливый голос, заглушая весеннее чириканье. Словно горное эхо, несется этот глас со всех сторон, порождая странное существо, которое бродит между нами, — анекдот. И, выпив в укромном уголке, не может советский человек насладиться моментом, прет из него то, что он весь день сдерживал. Анекдот выглядывает из-за плеча, вечный «четвертый». И, закусывая плавленным сырком, говорит:

— А знаете, как добиться изобилия? Включи холодильник в радиосеть — всегда будет полон.

Потому что хочет того или не хочет советский человек, но происходит в его душе постоянный диалог с советской пропагандой.

Включает человек телевизор, придя с работы: на экране Брежнев. Переключил на вторую программу — опять Брежнев. На третью — опять. На четвертую, учебную, — а с экрана кулак и голос: «Ты у меня докрутишься!»

В воображении советского человека вечный истошный пропагандный крик воплощается в наглую морду, которая расталкивает и отталкивает его мысли. Морду-то мы эту видим, да нельзя в нее ни долбануть, ни харкнуть. И человек пытается ей хоть ответить: да ты посмотри по сторонам, о чем ты говоришь, ничего же этого нет! А морда знай свое вопит, точно и не слышит тебя. И не выключишь ее, сколько ни крути, сколько ни выключай телевизор.

В психиатрической спецбольнице в Ленинграде был у нас такой больной, который целый день вел бесконечный спор с пропагандой. Сидит у себя на кровати и возмущается: «Ну вот, опять завели, вот бред, вот сброд проклятый! Электрификация, индустриализация, химизация! Хи-ме-ри-зация все это!» Постепенно расходясь, он до крика доходил: «Тьфу, бред! Вот сброд, тьфу!»

Как-то в минуту внутреннего затишья рассказал он мне свою невероятную историю. Признался, что спор с пропагандой ведет лет с двадцати (а было ему тогда уже под пятьдесят), только спорил не вслух. Однажды его наконец прорвало, и на каком-то собрании он высказал все, что у него накопилось. Посадили.

— Сiju я в камере и, как обычно, спорю. С ними же не спорить — совсем обнаглеют, житья не будет. Заспорились за полночь — больно спор горячий был, это когда Никита заявил, что у нас нет политзаключенных. Я уже до мата дошел, а тот сидит себе с невозмутимым видом и знай свое повторяет. К утру я аж охрип. Подошел завтрак, открыли кормушку и суют пайку. Одну! Точно не видят, что нас двое. Я в дверь стучать, скандалить, приходит начальник тюрьмы: «Как фамилия?» — говорит. Называюсь. «А второго?» Тот, сволочь, за мной повторяет. «Ничего не знаю, — говорит начальник тюрьмы, — у меня здесь один такой числится. Не положено». Сколько я ни скандалил, и прокурора вызывал, и самому Хрущеву писал — бесполезно. А тот все норовит первый к кормушке подлететь и мою паечку зацапать, и сахарок. Так и пришлось мне его кормить. И баланду, и кашу — хлебаем из одной миски и все спорим, спорим, есть у нас политзаключенные или нет. Наглая морда — вместе же сидим в тюрьме, на одних нарах спим, одним бушлатом укрываемся, а он все свое. Вот сброд проклятый, тьфу! Повезли нас на экспертизу — обоих. Профессор, умный такой, в очках, еврей между прочим, спрашивает: «Ваша фамилия как? А ваша?» Называем хором. «А, — говорит понимающе так, — раздвоение личности? Бывает... И давно это у вас нача-

лось?» Видим, человек сочувствующий, мы ему про пайку. Он опять головой кивает, прописал две пайки, каждому отдельную койку. «Не волнуйтесь, — говорит, — вам обоим все это только кажется, подлечитесь — пройдет». А потом начал про взгляды выспрашивать. Тот ему как завел свое обычное — профессор головой закивал и даже записывать не стал. Я ж только рот открою — хмурится и строчит. Ему, гаду, таблетки слабенькие прописал, а мне уколы — вот ведь бред! Каким-то чудом узнали про нас за границей, крик подняли — ишь, говорят, советская власть держит в заточении двух братьев — борцов за свободу. Сам Арагон, говорят, статью в «Юманите» написал, а «Дейли уоркер» выразила сожаление: зря, мол, московские товарищи нарушают ленинские нормы. Так наши что придумали, сволочи? Выпустили, сброд проклятый! Его, а не меня. Сидит он теперь, мерзавец, в Париже и по березкам тоскует. По вечерам московское радио ловит, в посольство ходит, назад просится, в советские газеты пишет: «Не хочу больше жить на гнилом Западе». Они его печатать печатают, а обратно не пускают. наших туристов водят на него посмотреть: вот оно как тошно без советской родины. Пьет горькую, а с похмелья Арагону звонит: «Черта лысого ты меня сюда вытащил? И метро у вас грязное, и похмельиться не на что. Лучше б я в родной тюрьме сидел». Тот ему сразу чек на опохмелку. А про меня и забыли. Сброд собачий! Ну, бред, тьфу... — И опять зашелся.

Вот они, советские люди, велят толпой по переходам в метро, по бульварам, молча, мимо газетных стендов, только выловит глазами заголовок в газете и ощерится. Все молчат — каждый ведет свой диалог. И за целую жизнь накапливает такая злоба — весь свет им не мил.

Тащится интеллигентный старичок по Арбату, в «Прагу» за продуктами, тихий такой старичок, никого не трогает. «Ага, — рассуждает он сам с собой, — солнце светит, солнышко вызверилось, опять скажут — достижение социализма». Ненавистно ему небо — советское; листочки зеленые — и те будто с Первомайского плаката. Газета висит — свежая, а ну, чего еще они там наврали? И ведь знает, что наврали, и противно читать, ан нет — станет, проглядит, чтобы душу растравить. «Ага, урожай! Опять небывалый, опять в рекордные сроки. Опять, значит, в Канаду за хлебушком. Студенты на колхозных полях. Ну да, как обычно: колхозники, поможем студентам наполнить государственные закрома. Забастовка во Франции. Ничего, добастуетесь, покажут вам забастовки. Разгон студенческой демонстрации. Сюда бы их, этих студентов, на картошку, живо отучились бы демонстрировать». Один только товарищ Пиночет радуется его сердце: «Взвыли, голубчики, когда ваших прижали? Жми и дальше, дорогой, на тебя одна надежда, везде бы так». Нет, так уж устроен советский человек, что не может пройти мимо этого, отгородиться — как наркотик, как допинг нужно ему травить душу этим ядом. Этот вот самый старикашка всю жизнь до пенсии работал в той же самой газете, всю жизнь писал про те же небывалые урожаи. Или пусть не писал, пусть был наборщиком или печатником, мастером на заводе или школьным учителем. Почему, в самом деле, производить колючую проволоку — не преступление, а надзирателем работать — преступление? Так или иначе, все вовлечены в преступления власти, все работают на государственных предприятиях, укрепляя этим систему, создавая ей ценности. Все поднимают руки на собраниях, голосуют на выборах и — самое главное — не протестуют. Что бы ты ни сделал, объявляется достижением системы.

Научное открытие, новая симфония, победа на Олимпийских играх — все новая победа социализма, доказательство его прогрессивности. Так почему же тогда делать открытия, писать музыку, играть в хоккей или перевыполнять план на заводе можно, а создавать советскую пропаганду — нельзя?

Почему нельзя быть членом партии или комсомола? Там же ничего особенного не делают, от рядового члена ничего и не требуется — только взносы плати. А дальше никто твоего согласия и не спросит — пошлют ли тебя работать в КГБ или в милицию, какая разница? Не меня, так другого. Работа как работа — приказы выполнять, У нас ведь все чиновники, все служащие государства. И там люди не хуже других, просто работа у них такая. Ну, а те, что отдают приказы, те, что на самом верху? Но и они лишь чиновники, рабы системы, рабы внутренней борьбы за власть. И если сейчас в Москве провести суд наподобие Нюрнбергского, никакие судьи и прокуроры виновных не найдут. Сверху донизу уже никто не верит в марксистские догмы, но продолжает ими руководствоваться, ссылаться на них и ими бить друг друга — это доказательство лояльности, хлебная карточка.

Так как же эта таинственная душа примиряет в себе — думать одно, говорить другое, а делать третье? Одними анекдотами здесь не отделаешься, и даже муравьям, чтобы оправдать свою покорность, нужно развить целую теорию. — Плетью обуха не перешибешь.

— Что я могу сделать один? (Если бы все, тогда и я.) — Не я, так другой. (И я лучше, я сделаю меньше зла.) — Ради главного следует идти на компромиссы, уступки и жертвы. (Так и Церковь считает, что ради самосохранения надо идти на уступки, — уступкам конца не было, и вот уже священников назначает КГБ, а с амвона возглашают здравицу советской власти. Так и писатель, стремясь напечатать свое нужное читателям произведение, соглашается там вычеркнуть строчку, здесь добавить абзац, изменить конец, убрать действующее лицо, пересмотреть название, и глядишь — главное-то уже потерялось! Все равно — гордится писатель: на такой-то странице намек, а отрицательный герой и вообще чуть не открыто ВСЕ говорит — правда, потом перевоспитывается и говорит совсем другое).

— Служить надо России, коммунисты когда-нибудь сами собой исчезнут. (Это особенно распространено у ученых и военных).

— Служить надо вечному, создавать непреходящие ценности науки и культуры, а «мышинная возня» протестов отрывает от этого служения.

— Ни в коем случае не протестовать открыто — это провокация, это только озлобит власти и обрушит удар на невинных.

— Открытые протесты играют на руку сторонникам твердого курса в Политбюро и мешают «голубям» проводить либерализацию. — Открытые протесты мешают успехам либерализации, которых можно достичь с помощью большой политики и тайной дипломатии.

— Протестовать по мелочам — только раскрывать себя. Нужно затаиться. Вот когда придет решающий момент, тогда да! — а пока замаскируемся.

— Только не сейчас, сейчас самый неподходящий момент: жена рождает, дети болеют, сначала надо диссертацию защитить, сын в институт поступает... (И так далее — до конца жизни).

— Чем хуже — тем лучше. Нужно сознательно доводить все нелепости систе-

мы до абсурда, пока чаша терпения не переполнится и народ не поймет, что происходит. — Россия — страна рабов. Никогда у русских не было демократии и не будет. Они к ней не способны — нечего и пытаться. С нашим народом иначе нельзя!

— Народ безмолвствует. Какое право имеет кучка недовольных высказываться — кого они представляют, чье мнение выражают? Слышал я даже такое рассуждение:

— Ваши протесты вводят в заблуждение мировое общественное мнение: люди на Западе могут подумать, что у нас есть возможность говорить открыто или что-нибудь изменить, — следовательно, это на руку советской пропаганде.

— Надо спокойно сделать карьеру, проникнуть наверх и оттуда пытаться что-то изменить — снизу ничего не сделаешь.

— Надо войти в доверие к советникам вождей, воспитывать их и поучать в тишине — только так можно повлиять на государственный курс.

— Вы протестуйте, а я не буду — должен же кто-то остаться живым свидетелем. (Это я слышал в лагере перед голодовкой.)

— Была бы новая теория вместо марксизма, чтобы увлечь людей, — а на одном отрицании ничего не построишь.

— Коммунизм ниспослан России за грехи, а Божьему наказанию и противиться грешно.

И так все — от членов политбюро, академиков и писателей до рабочих и колхозников — находят свое оправдание. Причем чаще всего люди искренне верят, что это их подлинные чувства. Редко кто сознает, что это лишь отговорка, самооправдание. И уж совсем мало кто открыто и честно признается, что просто боится репрессий. Всего один за всю мою жизнь сказал мне, что его устраивает коммунистическое государство: оно позволяет ему зарабатывать деньги, печатая всякую демагогическую чушь в газетах.

— В нормальном государстве, — говорил он, — меня бы на пушечный выстрел не подпустили к печати! Что бы я делал? Грузчиком работал?

В сущности, только так называемые истинно-православные, секта, отколовшаяся от Православной Церкви и не признающая советского государства, считающая, что оно от дьявола, — только они и не поддерживают эту систему насилия. Но их немного, и сидят они все по тюрьмам, потому что отказываются работать на государство. Они не читают газет, не слушают радио, не берут в руки официальных бумаг, а чиновников, в том числе и следователей, крестят — сгинь, Сатана! На воле живут они тем, что подрабатывают у частных людей.

Ну, может, еще бродяги, питающиеся подаянием, живут вне советской системы (в лагерях они, однако, работают). Остальные же — хотят они этого или не хотят — строят коммунизм. Государству наплевать, какими теориями они оправдывают свое участие в этом строительстве, что они думают и что чувствуют. До тех пор пока они не сопротивляются, не протестуют и не высказывают публично несогласия, они устраивают советское государство. Любви никто не требует, все просто и цинично: хочешь новую квартиру — выступи на собрании; хочешь получать на 20-30 рублей больше, занимать руководящий пост — вступай в партию; не хочешь лишиться определенных благ, нажать неприятности — голосуй на собраниях, работай и молчи. Все так делают — кому охота плевать против ветра? На том и стоит это государство, продолжает морить людей по тюрь-

мам, держать всех в страхе, поработать другие народы, угрожать всему миру.

Чего же требовать от капитана Дойникова? Однажды он мне сказал: «Вот освободитесь — будете вспоминать меня с ненавистью, так ведь?» — «За что?» — спросил я. «Ну как же, тюремщик, в тюрьме вас держал, морил голодом, не давал писем».

Нет, за те одиннадцать лет, что просидел я в общей сложности по разным лагерям да тюрьмам, не стал я ненавидеть надзирателей, особенно тех, кто сам от себя зла не делал. В тюрьме же и подавно надзирателю не позавидуешь. Большую часть своего времени он сам в тюрьме, сам заключенный. А ну-ка, походи целый день по коридору, да еще если в ночную смену — взвоешь. Все время мат, жестокость, ненависть. За день эки в кормушку тебе столько насыют, что на всю жизнь хватит, — звереют люди. Иной надзиратель настолько привыкает к ругани, что сам не свой, пока не обложат его из какой-нибудь камеры. Ходит, задирается, вызывает на ругань — душа болит. Один старшина, старый уже, так зверел от скуки в ночную смену, что мяукал, лаял, ослом кричал, — заедало его, что вот эки спят, а ему спать нельзя. Другой ходил по коридору и громко орал: «Кто здесь начальник, а? Я спрашиваю, кто здесь начальник?» — «Ты начальник, так тебя и эдак!» — кричали эки из камер. «То-то же, туда вас и сюда!» И через две-три минуты опять: «Кто здесь начальник, а? Я вас спрашиваю, кто здесь начальник?»

Молодые же надзиратели проявляли к нам как минимум интерес, если не симпатию. На обыске с любопытством разглядывали наши книги, листали, даже спрашивали тайком, что за книга да о чем в ней написано. Теперь вот, после статьи Сухарева в «Литературной газете», во время очередного шмона внимательно прочли мой приговор, незаметно для офицера передавали его друг другу, посмеивались. Очень бы я хотел, чтобы замминистра юстиции посмотрел на их усмешки.

За что же их ненавидеть? Уж если кого и ненавидеть, так тех, кто там наверху дерется за портфели, забыв обо всем на свете, тех, кто от имени всего народа вещает с высоких трибун, да тех, кто за хорошую плату их восхваляет в стихах и прозе. Тех, по чьему приказу затопят кровью страну вот уже скоро 60 лет. Но и их я не мог ненавидеть. Презирать мог так же, как все их общество, так же, как их идеологию и самооправдания, психологию рабов и поработителей одновременно. Презирал я советского человека. Не того, который изображен на плакатах или в советской литературе, а того, который существует на самом деле, у которого нет ни чести, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который может один на медведя с рогатиной ходить, а мимо милиции идет — робеет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник кулаком не стучал. Трагедия же заключалась в том, что сидел он в каждом из нас, и пока мы не преодолеем в себе этого советского человека — ничего не изменится в нашей жизни. Он-то и держал меня в тюрьме. Таким образом, и с этой стороны выходило, что сидеть мне еще много, видимо, до конца жизни.

<...>

Источник: Владимир Буковский. «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника. — М.: НИИО «Демократическая Россия», 1990.

Баррон Джон

Американский публицист, писатель.

Родился и вырос в Техасе. Окончил факультет журналистики Миссурийского Университета. Во время Корейской войны служил во флоте. С 1965 г. сотрудник «Ридерс Дайджест», возглавлял исследовательскую работу по сбору материалов о деятельности КГБ, результатом которой явилась книга «КГБ сегодня», ставшая бестселлером в США и Западной Европе. В 80-е годы ходила в Самиздате.

КГБ СЕГОДНЯ

<...>

Организационная структура КГБ

Основное назначение Комитета госбезопасности — сохранение и расширение власти советской партийной олигархии. Эта олигархия стремится распространить свою власть на весь мир и пользуется, как правило, тайными средствами.

За последнее десятилетие КГБ подвергся организационным преобразованиям. Изменились цели ряда операций. Советская госбезопасность стремится действовать более эффективно, к тому же КГБ извлекает из прошлого выводы. Эти преобразования будут происходить и в дальнейшем. Но рассмотреть сегодняшнюю структуру КГБ важно хотя бы потому, что это позволит лучше понять нынешние и перспективные задачи советской тайной полиции.

Штаб КГБ подразделен на пять главных управлений, которые в свою очередь делятся на службы и отделы. Первое главное управление занимается операциями за рубежом. Второе отвечает за контрразведку и контролирует гражданское население в пределах Советского Союза, Управление погранохраны ведает пограничными войсками и формирует отборные воинские части. Пятое главное управление отвечает за подавление идейного инакомыслия, Восьмое занимается иностранными линиями связи, перехватывает и пытается дешифровать идущую по ним информацию.

Кроме того, в состав КГБ входят менее крупные самостоятельные управления, выполняющие свои специфические задачи.

ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В состав Первого главного управления входит три самостоятельных подразделения.

Самое крупное из них — Управление С, в ведении которого находятся нелегальные агенты КГБ, разбросанные по всему миру. Одно из подразделений этого управления занимается вербовкой таких агентов из числа советских граждан и их подготовкой к деятельности за рубежом. Другое подготавливает им легенды и снабжает фальшивыми документами. Третье руководит уже внедренной агентурой, четвертому подчинены работники зарубежных резидентур, занимающиеся нелегальными агентами.

КГБ предпочитает направлять за рубеж на нелегальную работу супружеские пары. Нередко это ведомство само устраивает браки.

Будущий агент проходит трехлетний индивидуальный курс обучения в Москве и ее окрестностях. В дальнейшем его могут послать на несколько лет за границу для адаптации к местным условиям и упрочения своей легенды. И уже после этого направляют в страну, для работы в которой его предназначали с самого начала.

Для разработки правдоподобных легенд и подделки документов КГБ накапливает массу информации и аутентичных образцов из всех стран. Используются туристские путеводители, планы городов, телефонные справочники, расписания движения поездов и автобусов, паспорта, метрики, образцы почерков чиновников и т. п. Если, например, служащий тайваньского консульства в той или иной стране будет уволен или уйдет на пенсию, КГБ должен об этом знать: подпись его преемника, ставящаяся на визе, будет уже другой.

В сборе этой информации деятельно участвуют сотрудники зарубежных резидентур, занимающиеся нелегальными агентами (эти сотрудники относятся к так называемой линии Л), но главная их задача заключается в обеспечении связи между нелегальной агентурой и центром. Для этого они подыскивают тайники и используют их как важнейшие каналы связи. Обычно эти сотрудники находятся в той или иной стране под видом служащих советских консульств, где по роду службы постоянно имеют дело с иностранными паспортами и документами.

Управление С в 70-х годах включило в свой состав действовавшее до того независимо Управление В, занимавшееся диверсиями и организацией покушений.

После бегства на Запад (1971) Олега Лялина, оказавшегося британским агентом, КГБ перетряхнул все Управление В, к которому относился Лялин, уволив или понизив в должности руководящих работников этого Управления и отозвав всех его представителей из зарубежных резидентур.

Со временем Управление В было восстановлено в качестве Восьмого отдела Управления С. К 1982 году Восьмой отдел уже можно было считать процветающим, и, если учесть масштабы подготовки террористов и диверсантов, осуществляемой в Балашихинском учебном комплексе, принадлежащем этому отделу, едва ли можно сомневаться в его блестящем будущем.

Управление Т, второе по величине в Первом главном управлении, отвечает за сбор научно-технической информации, включая кражу передовой технологии всех видов. Его сотрудники владеют иностранными языками,

методикой секретных операций. Как правило, это квалифицированные научные работники или инженеры, многие из которых имеют ученую степень. Сотрудников и агентов Управления Т можно встретить во всех советских ведомствах, ведущих дела с зарубежными странами по линии науки, техники или коммерции. Они входят в состав советских делегаций, посылаемых на научные симпозиумы, конференции и т. п.

В резидентурах, действующих на территории промышленно-развитых стран, сотрудники Управления Т менее заметны, чем прочие. Они относятся за рубежом к так называемой линии Х и замаскированы под членов торговых миссий, служащих Аэрофлота и так далее.

Управление К (оперативное обозначение — линия КР) отвечает за проникновение в иностранные разведывательные органы и службы безопасности. Оно также следит за советскими гражданами, работающими за рубежом. Это управление помогает Министерству иностранных дел обеспечивать физическую безопасность персонала советских посольств.

Управление К подразделяется по географическому и функциональному признакам: часть его отделов пытается вербовать сотрудников иностранных разведок и других секретных служб в определенных географических районах мира.

Один из отделов отвечает за внедрение советских агентов в террористические и вообще подрывные организации. Еще один следит за моряками советского торгового флота, экипажами самолетов Аэрофлота и советскими туристами, оказавшимися за рубежом. На самый засекреченный отдел, подчиненный непосредственно заместителю начальника Первого главного управления, возложена деликатная задача: следить за сотрудниками самого Управления.

Значительная часть кадров Управления К пришла сюда из Второго главного управления, где они усвоили образ мышления, характерный для тех, кто борется с инакомыслящими. Их знание языков, степень интеллигентности и общий уровень подготовки — ниже, чем у сотрудников Первого главного управления в целом

Оказавшись в сложных условиях работы за рубежом, они стоят в стороне от рискованных операций и стараются сосредоточиться на слежке за советскими гражданами, попавшими за границу, а также на обеспечении безопасности советских колоний в иностранных государствах. Конечно, встречаются исключения. Так, Левченко знал в токийской резидентуре нескольких блестящих работников, относящихся к линии КР.

В Первом главном управлении созданы три важных подразделения, именуемых службами.

Служба I анализирует разведывательную информацию, тайно собираемую всеми подразделениями Управления. Она также составляет ежедневную сводку текущих событий для Политбюро и регулярно поставляет прогноз развития ситуации в мире.

Два раза в месяц Служба I передает зарубежным резидентурам обзор всех докладов и донесений, полученных за минувшие две недели, а также делает ежегодную оценку деятельности каждой резидентуры.

Служба I старается быть осторожной в своих долгосрочных прогнозах, чтобы избежать претензий в случае, если они не оправдаются. Правда, у нее

бывают и удачи в этом смысле. Так, в середине 70-х годов она рискнула предсказать возрождение политического консерватизма в США и Западной Европе, которое наступит с начала 80-х годов, — и оказалась права.

Служба А (Служба активных мероприятий) выделилась из бывшего Отдела А, известного на протяжении длительного времени как Отдел дезинформации. Эта служба выросла в одно из самых важных подразделений КГБ, что отражает то значение, которое придает КГБ активным мероприятиям для распространения советского влияния.

Служба работает в тесном контакте с отделами ЦК КПСС — Международным, Пропаганды, а также с Отделом соцстран. Заметим в скобках, что в самом КГБ пропагандисты и дезинформаторы из этого подразделения приобрели устойчивую репутацию хронических алкоголиков. Не располагает ли к этому сам характер их работы?

Иностранцы, добровольно или по принуждению переселившиеся в СССР, консультируют Службу А относительно тонкостей того или иного языка и деталей образа жизни своих стран. Служба фабрикует разного рода фальшивки, подделки и литературу, происхождение которой скрывается.

Идея любого нового активного мероприятия может родиться в пределах самой Службы А, в какой-либо из зарубежных резидентур, в Международном отделе ЦК и даже в Политбюро. После одобрения Политбюро идея обрастает планами, графиками, исполнителями.

В настоящее время Служба А не держит за границей собственных сотрудников, и проведение активных мероприятий возлагается на Линию ПР (Политическая разведка) в резидентурах, на иностранные компартии и на всякого рода организации, так или иначе связанные с СССР.

Служба А периодически составляет строго секретный бюллетень, предназначенный для Политбюро и характеризующий ход проведения и результаты самых важных активных мероприятий. Советское руководство, как известно, само принимает участие в наиболее крупных пропагандистских мероприятиях, а также кампаниях по дезинформации общественного мнения.

Служба Р постоянно осуществляет детальный анализ операций КГБ за рубежом для лучшей организации дела. К концу 60-х годов сеть советской агентуры во всем мире настолько разрослась, что централизованное управление, контроль, планирование и координация ее действий сделались нецелесообразными.

По примеру ЦРУ КГБ учредил собственный Отдел оперативного анализа и планирования, который в 70-е годы и был преобразован в Службу Р. К настоящему времени эта Служба стала вполне дееспособной, в частности, благодаря тому, что ее укомплектовали первоклассными работниками (многие из них в прошлом — резиденты или руководители групп зарубежных резидентур). Дело дошло до того, что Служба Р пытается уже фиксировать любой замеченный контакт советского гражданина и иностранца, происшедший за границей. Резидентуры по всему миру относятся к этой службе с опаской и почтением: от нее в конечном счете зависит оценка деятельности зарубежных сотрудников и агентов.

Как бы ни были важны отдельные службы, оперативным ядром Первого главного управления являются одиннадцать отделов, сформированных по географическому признаку. Каждый из них отвечает за работу в узком круге стран:

Первый: Соединенные Штаты и Канада;

Второй: Латинская Америка;

Третий: Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Скандинавия;

Четвертый: ФРГ и Австрия;

Пятый: Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Ирландия;

Шестой: Китай, Вьетнам, Корея, Камбоджа;

Седьмой: Япония, Индонезия, Филиппины, Таиланд, Сингапур;

Восьмой: арабские страны, Турция, Греция, Иран, Афганистан, Албания;

Девятый: страны Африки с преобладанием французского языка;

Десятый: страны Африки с преобладанием английского языка;

Семнадцатый: Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка (эти страны относились прежде к компетенции Седьмого отдела, но чтобы интенсифицировать операции, направленные и против Японии, и против Индии, КГБ разделил ответственность за них между двумя отделами).

Наряду с отделами, образованными по географическому признаку, в составе Первого главного управления имеются отделы, созданные по функциональному признаку.

Так, Одиннадцатый отдел осуществляет связь с разведывательными службами государств-сателлитов СССР и внедряет свою агентуру в эти службы. Их иностранные операции неизменно контролируются КГБ. Наибольшим доверием у КГБ пользуются службы Болгарии, ГДР и Кубы. Болгары неплохо показали себя в области терроризма, контрабанды наркотиков, оружия и вообще в области силовых нелегальных операций. Восточные немцы специализируются на шпионаже против Западной Германии и на подрывной работе в Африке, где их акции оказались более успешными, чем советские. Кубинцы проявили себя в качестве эффективных проводников советского влияния в США и в странах Третьего мира.

Двенадцатый отдел представляет собой любопытное новшество в системе КГБ. Он образован, видимо, исходя из андроповской убежденности в том, что все области человеческой деятельности должны стать ареной сражения двух политических систем. Отдел укомплектован главным образом ветеранами КГБ, много лет проработавшими за границей и благодаря этому знакомыми с языками и складом мышления иностранцев. Они считаются сотрудниками Академии наук СССР, Института США и Канады и прочих солидных учреждений и поэтому, как научные работники соответствующего профиля, широко общаются с иностранцами. Эти люди выезжают за границу в порядке научного обмена, на различные международные конференции и конгрессы и таким образом могут проникнуть почти всюду. Двенадцатый отдел зарекомендовал себя настолько эффективным, что, вероятно, будет развернут в самостоятельное управление.

Тринадцатый отдел, по-видимому, временно упразднен. Долгие годы он занимался диверсиями и покушениями. Затем был преобразован в Отдел В и, наконец, в Восьмой отдел Управления С. Если Тринадцатый отдел и воскрешен, то из тех источников, к которым имел доступ автор этой книги, его функции установить не удалось.

Четырнадцатый отдел разрабатывает технические средства тайных опера-

ций, в том числе средства связи, оружие, фотокамеры специального назначения, принадлежности для тайнописи и пр. Его лаборатории изготавливают специальные яды и другие средства, с помощью которых Восьмой отдел Управления С проводит покушения. Этот же отдел отвечает за обеспечение резидентур устройствами, парализующими действие посторонних систем подслушивания.

Пятнадцатый отдел представляет собой архивную службу Первого главного управления.

Шестнадцатый отдел, один из наиболее засекреченных, руководит операциями, объектом которых являются шифровальщики и персонал связи всех иностранных государств. По данным Левченко, на протяжении 70-х годов этот отдел заметно вырос.

Наконец, в Первом главном управлении есть собственный отдел кадров, партийный комитет и секретариат, т. е. канцелярия, в состав которой входит и экспедиция, отвечающая, в частности, за спецпочту.

ВТОРОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Это главное управление руководит обширным аппаратом подавления на территории СССР. Его подразделения именуются направлениями: одно из них занимается так называемыми экономическими преступлениями, другое отвечает за охрану промышленных объектов, третье определяет, кому из советских граждан может быть разрешен выезд за границу и т. д. Часть подразделений отвечает за слежку за иностранными журналистами, студентами и туристами на территории СССР.

УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНОХРАНЫ

Этому управлению подчинены специальные вооруженные силы, оснащенные артиллерией, броневиками, патрульными судами и пр. и располагающиеся вдоль государственной границы СССР. Их численность составляет 300— 400 тысяч человек.

ТРЕТЬЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сотрудники и агенты Третьего управления существуют во всех подразделениях советских вооруженных сил, вплоть до роты. Они шпионят даже за работниками Генерального штаба и Главного разведывательного управления (ГРУ). Наряду с политработниками они несут ответственность за устранение из военной среды любого инакомыслия и за ее полное подчинение режиму.

ПЯТОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Диссидентское, или идеологическое. Образовано при Андропове для выявления и радикального искоренения инакомыслящих. Персонал других управлений относится к Пятому главному управлению с известным презрением, ибо они прибегают к таким методам, как избиение диссидентов, заточение их в психиатрические лечебницы, направление им писем, содержащих разного рода угрозы. Впрочем, руководство КГБ считает работу этого управления эффективной.

СЕДЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В 70-е годы Седьмое управление, занимающееся наблюдением за персоналом иностранных посольств и миссий в Москве, получило известную автономию, в частности право по собственной инициативе начинать слежку и создавать свои аналитические группы.

Управление насчитывает более трех тысяч сотрудников, большинство которых — выпускники двухгодичной спецшколы в Ленинграде. Они вооружены инфракрасными биноклями, фотоаппаратурой с мощными телеобъективами, миниатюрной радиоаппаратурой и имеют безграничные возможности для маскировки под работников невинных городских служб. Их автомашины выглядят как обычные «Волги», однако снабжены мощным мотором «Чайки» и способны догнать любой другой автомобиль из числа имеющихся в Москве.

Седьмое управление — одно из немногих в КГБ, в котором оперативной работой занято много женщин. Ввиду частых несчастных случаев, связанных с исполнением служебных обязанностей, работа в этом управлении считается опасной. При начислении пенсионного стажа каждый год работы здесь считается за два.

Иностранные посольства, находящиеся в Москве, и в первую очередь американское, находятся под непрерывным наблюдением переодетых агентов. Работники этого управления могут в считанные минуты стянуть вокруг подозреваемого лица многочисленную группу сотрудников, образующих невидимый подвижный кордон.

ВОСЬМОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

У этого управления — две основные функции: во-первых, разработка шифров и систем криптографии для КГБ и Министерства иностранных дел; во-вторых, обеспечение надежности и безопасности правительственных линий связи на территории СССР. Кроме того, персонал его перехватывает и пытается расшифровывать радиообмен между иностранными правительственными учреждениями, используя искусственные спутники Земли, специальные суда и аппаратуру, размещенную в зданиях советских посольств.

ДЕВЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Девятое управление обеспечивает персональную безопасность высшего партийно-государственного руководства, а также охрану жизненно важных центров государственного аппарата, в том числе КГБ.

ШЕСТНАДЦАТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Существование и назначение этого управления не удалось подтвердить с помощью источников, доступных автору этой книги. Однако в 1974 году, будучи в отпуске, Левченко познакомился с офицером КГБ, который как-то признался ему, что работает в Шестнадцатом управлении. Когда Левченко сказал, что не имеет представления, чем оно занимается, тот ответил: Мы работаем под землей, как кроты. В буквальном смысле слова, роим туннели.

Источник: Барон Дж. КГБ сегодня: Невидимые щупальца. СПб.: МГП «Петрополис», 1992.

Зиновьев
Александр Александрович
(Род. 1922)

Философ, писатель.

Родился в Пахтино около Чухломы. Воевал в ВВС. После войны окончил философский факультет МГУ. Работал в Институте философии АН СССР. Доктор философских наук. Участник правозащитного движения. После опубликования на Западе (1976) едкой сатиры на социалистическую действительность под названием «Зияющие высоты» под давлением КГБ эмигрировал в ФРГ (1978). Опубликовал еще ряд сатирических произведений, ярко описывающих абсурдный характер «реального социализма». В 1990 г. восстановлен в советском гражданстве и вскоре вернулся на родину. Перипетии постперестроечного периода резко поменяли направленность критики Зиновьева, превратив его в одного из главных адептов т.н. «патриотического крыла».

Публикации:

«Гибель русского коммунизма», «Глобальное сверхобщество и Россия», «Глобальный человек», «Гомо советикус», «Запад», «Затя», «Зияющие высоты», «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма», «Очерки комплексной логики», «Русская судьба», «Исповедь отщепенца», «Русская трагедия: Гибель утопии», «Светлое будущее», «Сталин — нашей юности полет».

ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ

Эта книга составлена из обрывков рукописи, найденных случайно, т.е. без ведома начальства, на недавно открывшейся и вскоре заброшенной мусорной свалке. На торжественном открытии свалки присутствовал Заведующий с расположенными в алфавитном порядке Заместителями. Заведующий зачитал историческую речь, в которой заявил, что вековая мечта человечества вот-вот сбудется, так как на горизонте уже видны зияющие высоты социализма. Социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений. Как всякая внеисторическая нелепость, социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически. Ибанск есть никем не населенный населенный пункт, которого нет в действительности. А если бы он даже случайно был, он был бы чистым вымыслом. Во всяком случае, если он где-то возможен, то только не у нас, в Ибанске. Хотя

описываемые в рукописи события и идеи являются, судя по всему, вымышленными, они представляют интерес как свидетельство ошибочных представлений древних предков ибанцев о человеке и человеческом обществе.

Ибанск, 1974 г.

ШКХБЧЛСМП

Как утверждают все наши и признают многие не наши ученые, жители Ибанска на голову выше остальных, за исключением тех, кто последовал их примеру. Выше не по реакционной биологической природе (с этой точки зрения они одинаковы), а благодаря прогрессивным историческим условиям, правильной теории, проверенной на их же собственной шкуре, и мудрому руководству, которое на этом деле собаку съело. По этой причине жители Ибанска не живут в том пошлом устарелом смысле, в каком доживают последние дни там у них, а осуществляют исторические мероприятия. Они осуществляют эти мероприятия даже тогда, когда о них ничего не знают и в них не участвуют. И даже тогда, когда мероприятия вообще не проводятся. Исследованию одного такого мероприятия и посвящается данный труд.

Исследуемое мероприятие называется ШКХБЧЛСМП. Название это составлено из первых букв имен видных его участников. Составил название Сотрудник, а в науку впервые ввел Мыслитель, опубликовавший по этому поводу цикл статей на другую, более актуальную тему. Статьи были написаны на высоком идейно-теоретическом уровне, так что их не читал никто, но все одобрили. После этого термин ШКХБЧЛСМП стал общепринятым и вышел из употребления.

Мероприятие было придумано Институтом Профилактики Дурных Намерений, проводилось под надзором Лаборатории Промывания Мозгов при участии Установочного Журнала и было подхвачено инициативой снизу. Мероприятие было одобрено Заведующим, Заместителями, Помощниками и всеми остальными, за исключением немногих, чье мнение ошибочно. Цель мероприятия — обнаружить тех, кто не одобряет его проведения, и принять меры.

Методологические принципы

В мероприятии участвовали две группы: испытываемая и испытывающая. Эти группы состояли из одних и тех же лиц. Испытываемые знали, что за ними ведется наблюдение. Испытывающие знали о том, что испытываемым это известно. Испытываемые знали о том, что испытывающие знали о том, что это им известно. И так до конца. При этом испытывающая и испытываемая группы были автономны и не оказывали друг на друга влияния. Между ними не было никаких информационных контактов, благодаря чему было достигнуто полное взаимопонимание. Испытываемые руководствовались такими принципами: 1) а что поделаешь; 2) а что изменится, если; 3) наплевать. Как доказал Сотрудник, из этих принципов логически следуют производные принципы: 4) все равно этого не избежать; 5) в конце концов, пора; 6) пусть они катятся в. Испытывающие, напротив, придерживались таких принципов: 1) все равно никуда не денутся; 2) сами все выло-

жат; 3) сами все прикончат. Упомянутый Сотрудник вывел из них производный принцип: 4) сами во всем сознаются. Вопрос о том, доказуем в этой системе принцип «сами все придумают» или нет, остался до сих пор нерешенным. Но он в принципе не принципиален, ибо выдумывается все само собой, так как выдумывать нечего, ибо и без того все есть. Благодаря изложенным принципам удалось увеличить приток ненужной информации и сократить сроки. Мероприятие стало полностью самонеуправляемым и, как всякое хорошо задуманное и последовательно проведенное мероприятие, кончилось ничем. В мероприятии участвовали достижения науки и техники. В частности, Инструктору с помощью синхрофазоциклобетатронного пролазыра удалось проколоть пространство в районе туалета Шизофреника и зарегистрировать его намерение, начать сочинение квазинаучного социологического трактата, которое пришло ему в голову в тот момент, когда он, страдая приступом запора, добился желаемого результата и подверг острой критике существующее устройство. Это выдающееся открытие совершенно не освещалось в Журнале, и потому останавливаться на нем здесь нет надобности.

Время и место

После исторических мероприятий поселок Ибанск преобразился. Бывшее здание Школы передали под филиал Института. Сортир надстроили и одели в сталь и стекло. Теперь со смотровой площадки туристы, неудержимым потоком хлынувшие в Ибанск, могут воочию убедиться в том, что просочившиеся к ним ложные слухи суть клевета. Назначили нового Заведующего. Старого после этого за ненадобностью где-то спрятали. Новый был такой же старый, как и старый, но зато не менее прогрессивный и начитанный. Рядом с сортиром построили гостиницу, в которой разместили Лабораторию. Чтобы туристам было что посмотреть в свободное от посещений образцовых предприятий время, вокруг гостиницы воздвигли десять новеньких живописных церквей десятого века и ранее. Стены церквей древними фресками разукрасил сам Художник, создавший портрет Заведующего на передовой позиции и удостоенный за это премии, награды и звания. Художник изобразил трудовой героизм свободолюбивых потомков, их боевые будни и выдающихся деятелей культа той далекой, но начисто позабытой эпохи. На главной фреске Художник изобразил Заведующего и его Заместителей, которые за это были удостоены премии, а сам Заведующий — дважды: один раз за то, другой раз за это. В результате цены на продукты были снижены, и потому они выросли только вдвое, а не на пять процентов, как там у них. Речку Ибанючку вдоль и поперек перегородили. Она потекла вспять, затопила картофельное поле, бывшее гордостью ибанчан, и образовала море, ставшее гордостью ибанчан. За это все жители, за исключением некоторых, были награждены. Заведующий зачитал по этому поводу доклад, в котором дал анализ всему и обрисовал все. В заключение он с уверенностью сказал: погодите, еще не то будет. Доклад подготовил Претендент с большой группой сотрудников. Это обстоятельство осталось в тени, поскольку оно было известно всем, кроме Заведующего, который был за это награжден и потом был удостоен награды за то, что был награжден за это.

На том берегу вырос новый район из домов, одинаковых по форме, но неразличимых по содержанию. Случайно получивший в этом районе отчасти изолированную смежную комнату Болтун говорил, что тут настолько все одинаково, что у него никогда нет полной уверенности в том, что он у себя дома и что он есть именно он, а не кто-то другой. Полемизировавший с ним Член утверждал, однако, что это есть признак прогресса, отрицать который могут только сумасшедшие и враги, ибо разнообразие рождает естественное неравенство. Погодите немного, говорил он, построят тут продовольственные и другие культурно-просветительные учреждения, и тогда Вас отсюда палкой не загонишь.

В центре нового района раскинулся старый пустырь. На нем сначала хотели соорудить пантеон, потом решили построить озеро и населить его паюсной икрой. Построили молочный Ларек. Ларек завоевал огромную популярность. Около него всегда собирается много народу независимо от того, есть в Ларьке пиво (что бывает редко) или нет (что тоже бывает редко). Выпивку приносят с собой. Располагаются группами на бочках, ящиках и кучах мусора. Группы складываются на более или менее длительное время. Некоторые сохраняются месяцами и даже годами. Недавно одна из них отметила пятидесятилетний юбилей. За это все посетители Ларька были удостоены награды, а сам Заведующий дважды: один раз за непричастность, другой раз за участие. В полном составе долговременная группа собирается редко. Обычно встречаются два-три-четыре члена группы в различных комбинациях. Прочно сохраняется место сбора группы.

Начало

Однажды Сотрудник, давший себе задание выявить и устранить, оказался в районе Ларька. Имея полное право брать без очереди все то, что есть, и брать все то, чего нигде нет, он к удивлению собравшихся встал в длинную очередь и прислушался. Разговаривающие выглядели людьми интеллигентными, но обращались друг к другу почему-то на «вы» и не употребляли нецензурных (в старом смысле) слов, беседуя на нецензурную (в новом смысле) тему. Очереди, дефицит продуктов, халтура, хамство и все такое прочее отрицать бессмысленно, говорил Член. Это факт. Но это же бытовые мелочи, не вытекающие из сущности нашего изма. При полном изме этого не будет. Он как раз и задуман лучшими людьми для того, чтобы ничего подобного не было. Вы правы, сказал Болтун. Но изм — это не только торжественные заседания и шествия — это есть и определенная форма организации и воспроизводства быта. Остальное — разговорчики для слепоглухонемых. Сотрудник сказал, что он с ними обоими согласен, и рассказал общеизвестный анекдот о том, что полный изм можно построить в одном поселке, но жить лучше в другом. Член сказал, что в его время за такие анекдоты по головке не гладили. Сотрудник сказал, что теперь не ваше, а наше время. Болтун сказал, что не видит принципиальной разницы.

Место для выпивки нашли на краю пустыря в уютной мусорной яме. Член произнес обличительную речь и занялся уборкой. Сотрудник укатил от Ларька бочку, заодно договорившись с продавщицей о встрече. Болтун увел у кого-то ящик. На ящик заявил права Карьерист, уходивший повторить пятую кружку. Но был осмеян Сотрудником и примкнул к группе. Член вытащил из бокового кармана

чекушку. Болтун проронил слезу и сказал, что он никогда не терял веры в Человека. После третьей кружки наступил момент, ради которого человечество готово примириться с вытрезвителем. Болтун выложил все, что думал о своем секторе. Ваши жалобы — детские игрушки, сказал на это Сотрудник. Подумаешь, у них в секторе десять паразитов, пять склочников, три стукача и два параноика. Считайте, что Вам крупно повезло. У меня в отделе двести сотрудников. Работают маломальски прилично двое. Один по глупости, другой по привычке. Остальные — паразит на паразите и паразитом погоняет. Бездарность вопиющая. Грызня. Доносы. Разносы. Подсживание. Только и думают о том, чтобы побольше урвать. Вон там, видите, присосался тип с гнусной рожей? Наш. Инструктор. Предупреждаю, редкостная сволочь. И к тому же выдающийся кретин. Даже в самых примитивных случаях не может толком различить, что наше и что антинаше. Болтун сказал, что это не так уж плохо, что у них работают плохо, так как если бы у них работали хорошо, то было бы совсем плохо. Карьерист сказал, что все равно хуже не бывает. Сотрудник по сему поводу вспомнил старый общеизвестный анекдот об оптимистах и пессимистах и уличил Карьериста в пессимизме. Можно подумать, сказал Карьерист, что у вас там коллекционируют анекдоты. Впрочем, сказал Болтун через пару кружек, в каком-то смысле не так уж хорошо, что у них плохо, и было бы лучше, если бы у них было лучше. А вообще говоря, закончил он мысль еще через пару кружек, это не играет роли. Никто не знает, что хорошо и что плохо. Кроме Литератора, может быть. Карьерист сказал, что везде одно и то же. Сломалась как-то у нас одна хреновина. Дело у нас сверхважное и сверхсрочное. Зеленая улица. Звоню главному, так мол и так. Говорит, пустяк, позвоню в соответствующий отдел, мигом сделают. Вечером звоню в отдел. Говорят, первый раз слышим. Утром звоню главному. Занят, совещание. А дело стоит. На другой день иду к главному. Жду два часа. Говорит, не волнуйся. Дело сверхважное и сверхсрочное. Сейчас все провернем. Вызывает начальника отдела и приказывает при мне немедленно сделать. Прошло два дня. Ничего нет. Только через неделю после письменного распоряжения изготовили чертежи, разработали технологию, произвели расчеты. Через пару недель хреновина была готова. Но совсем не та и не так. Иду к главному. Ничего, говорит, поделать не могу. Сам видишь. Руки опускаются. Выкрутись как-нибудь сам. Купил поллитра, пошел к слесарям, говорю, выручайте, братцы, сделаете, еще пол-литра подкину. Через полчаса сделали отличную хреновину. И еще пару штук про запас. Начальнику отдела потом премию за это дали. Болтун спросил, как же они с такой великолепной организацией дела ухитрились сотворить то самое дело. Карьерист пожал плечами. Сотрудник сказал, что это тривиально. Неограниченные средства. Неограниченные полномочия. Заинтересованность. Деловые люди. В общем, нестандартная ситуация. Потом это стало обычным массовым делом, выгодным для паразитов и проходимцев. Член сказал, что в его время ничего подобного не было. Болтун сказал, что в то время просто еще не было ничего такого, из-за чего могло бы быть нечто подобное. Сотрудник сказал, что всегда и везде так. Хорошо только там, где нас нету. Болтун сказал, что это верно, хорошо там, где их нету. Сотрудник сказал, что ему пора, плюнул в недопитую кружку, сказал, что не понимает, как такую гадость пьют люди, и ушел по своим делам. Большой человек, подумал Член, и решил через Сотрудника переслать вверх материал, обличающий и предлагающий меры по исправлению.

Шизофреник

В свободное от вынужденного безделья время Шизофреник сочинял социологический трактат. Делал он это чреватое известными последствиями дело по просьбе старого приятеля Мазилы. Писать он не любил и не хотел. Ему приходилось делать невероятные усилия, чтобы хватать исчезающие с молниеносной быстротой беспорядочные мысли и приколачивать к бумаге. Кроме того, он был убежден в том, что об этом рано или поздно узнают все, и ему опять придется отправляться в Лабораторию. И от этого становилось тоскливо. Но и не писать он уже не мог. Им овладело смутное ощущение тайны, известной только ему одному или во всяком случае очень немногим, и он не мог окончить свою бесплодную жизнь, не сделав последней попытки сообщить эту тайну людям. Он знал, что людям его тайна глубоко безразлична. Но это уже не играло роли. Он чувствовал моральный долг не перед людьми, людям он не должен абсолютно ничего, а перед самим собой. Человечество содержалось в нем самом. На глазах этого человечества протекала его примитивно прозрачная жизнь. Перед ним он и будет держать ответ в последний час. Самым неприятным в работе сочинителя, однако, для Шизофреника было отсутствие стола и хорошей ручки. Когда-то Социалог привез ему оттуда отличную ручку, но она куда-то исчезла тогда.

Толчком к написанию трактата послужил разговор с Мазилой. Твои прогнозы и оценки поразительным образом подтверждаются, сказал Мазила. В чем тут дело? Очень просто, ответил Шизофреник. Надо предсказывать лишь то, что предсказуемо, и оценивать лишь то, в отношении чего имеют смысл оценки. А как отделить предсказуемое от непредсказуемого и оцениваемое от не оцениваемого, спросил Мазила. Для этого у меня есть своя теория, сказал Шизофреник. Расскажи мне ее, попросил Мазила. Попробую, сказал Шизофреник. Только предупреждаю, она заведомо не научная. Пусть, сказал Мазила, лишь бы она была верная. Кроме того, продолжал Шизофреник, для применения моей теории нужны не столько размышления, сколько терпение. Приняли, допустим, у тебя заказ, намекнули на новый, напечатали пару строчек о твоей работе без упоминания имени. Кажется, наступают новые веяния. А по моей теории новых веянии для тебя не может быть. Потерпи немного, и сам в этом убедишься. Я в этом убеждался много раз, сказал Мазила. Верно, сказал Шизофреник. Но для тебя это каждый раз выступает как случайный факт, а не как нечто такое, что неизбежно и предсказуемо теоретически. Наконец, моя теория, как и любая другая теория, тривиально проста, а научиться ею пользоваться очень сложно. Подобно тому, как трудно обучиться ибанцу есть рис палочками. Твоя теория меня интересует как чисто интеллектуальное явление, сказал Мазила, а не как пособие для благоразумного поведения. А для поведения у меня есть интуиция. В армии я играл в очко. И неплохо. Один раз выиграл получку чуть ли не у всего летного состава эскадрильи. Целую наволочку денег набил. Потом три дня пропивали. Метод у меня был простой. Выделяю десятку, которую не жаль продуть. Проигрываю — ухожу. Выигрываю — бью на двадцать. Проигрываю — ухожу. Выигрываю — бью на сорок. И так далее в случае удачи. Когда выигрыш достаточно велик, бью на весь банк. Иногда процесс игры затягивался достаточно долго, и я выигрывал. Здорово, сказал Шизофреник. У тебя

голова настоящего ученого, а не художника. Твой метод, как и моя теория, эффективен лишь при одном условии: чтобы где-то играли регулярно в течение достаточно длительного времени. А времени нам отпущено не так уж много.

И Шизофреник начал писать. Писал экспромтом, без исправлений. Написанный кусок отдавал Мазиле и о дальнейшей судьбе его больше не думал. Мазила отдавал кому-то перепечатывать на машинке, и трактат расплзался по Ибанску неисповедимыми путями, проникая во все учреждения, в особенности в те, для которых он не был предназначен. В конце концов он попал в Институт, где его случайно обнаружил Сотрудник в столе одного нерадивого инструктора. Свой трактат Шизофреник назвал «Социомеханика» по соображениям, которые изложил в тексте.

<...>

Источник: персональный сайт А. Зиновьева (<http://www.zinoviev.ru>).

ПОСОБИЕ ПО ПСИХИАТРИИ ДЛЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

<...>

Общие сведения о психиатрии

<...>

В целом, в современной психиатрии нет обоснований к применяемой системе категорий, даже классификации болезней психики. Так, на диагностическом симпозиуме в Ленинграде двадцать ведущих психиатров страны одному и тому же больному поставили двенадцать диагнозов.

Все психиатрические заболевания можно разделить на две группы: 1) псевдоопределенные, условно выделенные в самостоятельные формы из хаотического багажа фактов, накопленного за века; 2) истинные, с известной науке причиной и характерной динамикой. Если модель первых чисто риторическая, то вторые обоснованы конкретными научными открытиями, и модели их «демонстративны».

Основным методом психиатрического клинического исследования до сих пор остается субъективное наблюдение за испытуемым, за его поведением, речью, памятью и т.п. Наряду с этим используются опять же субъективные сведения об испытуемом, полученные от его окружающих, знакомых, родственников, официальные документы и прочее. Другие методы (лабораторные анализы, электроэнцефалографические исследования) имеют второстепенное значение.

Аморфность границ психической болезни не очень занимает практических врачей, так как лечение чаще определяется не диагнозом, а отдельными болезненными проявлениями.

В психиатрической теории нет общепризнанных эталонов «здоровья» и «болезни». Существует масса абстрактных концепций, от философских... до кибернетических, абсолютно непригодных для психиатрической практики. И все же ежедневная деятельность врача невозможна без применения пусть условного эталона здоровья. Поэтому в практической психиатрии пользуются условным эталоном психического здоровья, удобным, простым и понятным, т.н. эталоном «рантье, стригущего купоны». «Рантье» — это человек «невысокого интеллекта, буржуа по своим вкусам; скорее цивилизованный, чем культурный, не желающий рисковать..., довольствующийся невысоким, но прочным общественным положением («с высоты больно лететь»), не увлекающийся; лишенный способности к какому-либо творчеству, оплот любой власти; путеводным маяком ему в жизни служит инстинкт самосохранения. Жизнь его однообразна, но зато спокойна: он считает свой жизненный стиль единственно пра-

* Справку о В. Буковском см. т. 2, стр. 65

вильным, самым мудрым и безопасным в океане невзгод, рытвин и катаклизмов нашего существования.

Концепция «рантье» не является научной, в советской психиатрической литературе ее не упоминают вообще. А практические врачи, хотя и не всегда сознательно, пользуются ею в своей ежедневной деятельности; разумеется, не как жестким, раз и навсегда определенным эталоном. (Ниже вы поймете, почему концепция «рантье» близка так называемому «среднему психиатру»).

Инакомыслие как проблема психиатрии

<...>

Согласитесь, при аморфности категорий, при наличии множества «психиатрических научных школ» вполне возможно неправомерное расширение психиатрической компетенции.

А в условиях «социального заказа», практикуемого тоталитарным режимом того или иного государства, границы психиатрической нормы определяются скорее сиюминутной необходимостью, нежели по научным и историческим мотивам (сравните у «антипсихиатров»: психиатрия, выполняя заказ классового общества, всегда превращала революционеров в психопатов).

Использование в СССР в качестве карательной меры психиатрии зиждется на сознательном толковании инакомыслия (в известном смысле этого слова) как психиатрической проблемы. В монографии «Теория и практика судебно-психиатрической экспертизы» проф. Д.Р. Лунц утверждает, что любое противоправное деяние, именно в силу одной противоправности своей, подлежит психиатрическому анализу (чем не концепция «рантье»), обосновывая это тем, что в условиях социализма нет социальных причин для преступных действий. Капитализму Лунц оставляет преступность как явление, вытекающее из его социальной дисгармоничности.

Эскульпация, т.е. признание невменяемости инакомыслящих, в той или иной форме выражающих свое несогласие с отдельными моментами внутренней и внешней политики советского правительства, проводится целенаправленно. Для этого используются, в основном, для психиатрических диагнозов: вялотекущая форма шизофрении и паранойяльное развитие личности. Остальные диагнозы почти не выставляют, т.е. в них инакомыслие не вписывается даже теоретически (к вашему счастью, иначе пришлось бы знакомиться с психиатрией в более полном объеме).

Вялотекущая шизофрения. Цитируем опытного эксперта профессора Тимофеева: «Трудностей в диагностике становится больше по мере изучения мягких и стертых форм шизофрении (т.е. вялотекущей шизофрении — Б. и Г.). Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными, т.к. некоторые психиатры не признают названной формы заболевания, другие говорят об их относительной самостоятельности». В другой работе Тимофеев утверждает: «Инакомыслие может быть обусловлено болезнью мозга, когда патологический процесс развивается очень медленно, мягко (вялотекущая форма шизофрении — Г.), а другие его признаки до поры до времени (иногда до совершения криминального поступка) остаются незаметными». Итак, проф. Тимофеев признает суще-

ствование вялотекущей шизофрении: «Поскольку именно этому возрасту (20-29 лет — Б. и Г.) свойственны повышенная конфликтность, стремление к самоутверждению, неприятие традиций, мнений, норм и т.д., это является предпосылкой создания мифа о том, что некоторые молодые люди, которые в действительности больны шизофренией, напрасно помещаются в психиатрические больницы, что они содержатся там якобы потому, что думают не так, как все».

Под вялотекущей имеют в виду шизофрению, где все проявления болезни выражены в степени «едва», «мало». А таких явных симптомов, как наличие галлюцинаций, нет вообще. Вот наиболее характерные для нее симптомы (дано по учебнику для студентов медицинских институтов): замкнутость, вялость, снижение интереса к жизни, стертые явления пессимизма и меланхолии, сосредоточенность на внутренних переживаниях, неадекватные мысли и поступки, косность и негибкость убеждений, подозрительность и т.п. А если вы замкнутый человек, склонны к самоанализу, некоммуникабельны, если вы не желаете менять своих убеждений, т.к. не считаете их «беспочвенными», если объективно существующая за вами слезка, прослушивание телефонных разговоров оценивается как «подозрительность», а то и «бред преследования», — вывод ясен... Не спасет вас и то, что вы успешно справляетесь со служебными обязанностями, с творческой работой, проявляете интерес к ней и даже «растете» в профессиональном отношении. Хотя формально наличие психической патологии не исключает вменяемости, ваша эскульпация будет предрешена.

По данным Института судебной психиатрии им. Сербского, примерно половина больных вялотекущей шизофренией признается дееспособной. Но нам не известны случаи признания шизофреника вменяемым. Опытнейший эксперт проф. Лунц считает целесообразным введение в гражданское законодательство понятия «ограниченной» или «частичной» дееспособности и сознательно совершает преступные эскульпации здоровых людей, ибо «каждый класс, каждая профессия имеет свою моральную этику». (Справка: ограничение дееспособности и вменяемости действительно необходимо; существуют как законодательные положения в юриспруденции всех культурных государств).

Паранойяльное развитие личности. Диагноз столь же спорный и неконкретный. Чтобы понять, что кроется за этой терминологической шапкой, необходимо знать следующее: 1) в психиатрии различают 3 вида идей (кроме обычной идеи): а) доминирующая идея — наблюдается у здоровых людей, охваченных каким-либо стремлением и всецело поглощенных вынашиваемой мыслью; б) сверхценная идея (патологическая) — это умозаключение, обычно рационального содержания, но необоснованно переоцениваемое в его значении. Объективно значение сверхценной идеи ничтожно в сравнении с субъективной оценкой ее индивидом; в) бредовая идея (патологическая) — это ошибочное умозаключение, не имеющее под собой реальной основы, не поддающееся переубеждению. Совокупность бредовых идей называют бредом.

2) Среди нескольких видов бреда нас интересуют два: А) бред реформаторства — улучшение условий жизни может быть достигнуто только путем переосмотра сложившихся взглядов соответственно его идее о перестройке действительности;

Б) бред сутяжничества — не соответствующее действительности убеждение,

что его личные права индивида нарушаются, попираются; мотивы становятся «понятными», направляется много жалоб и заявлений с требованием восстановить «справедливость».

3) Психопатией называют патологическое развитие характера. Наряду с этим существуют и крайние варианты нормального характера — границы их с психопатией неопределенны, границы расплывчатые. В динамике психопатий рассматривают период компенсаций (в социальном отношении) и декомпенсаций.

Из всех групп психопатии нас интересует одна — паранойяльная психопатия. Она характеризуется подозрительностью, мнительностью, высокой степенью готовности к образованию сверхценных и бредовых идей; ригидным, односторонним, тугоподвижным (?) мышлением; длительным застреванием на переживаниях, связанных с незначительным событием. В конфликтной ситуации у паранойяльных психопатов возникают паранойяльные реакции. Из них со временем формируется паранойяльное развитие личности, то есть стройная система бреда, в нашем случае, сутяжничество или реформаторство.

Схема: возникает доминирующая идея, затем сменяется сверхценной, наконец — бредовой; развивается стройная (то есть внешне убедительная, но абсурдная) бредовая система, затем образуется систематизированный бред преследования с тенденцией переоценки собственной личности (все трактовки даны в соответствии с курсом психиатрии для студентов мединституты СССР). Как видите, доказательность этого вида психической патологии весьма относительна. И наоборот: попробуйте доказать, что ваши суждения об оккупации Чехословакии или об отсутствии в СССР демократических свобод — не ошибочные суждения, но имеющие под собой реальные основания... И что не является «бредом преследования» слежка за вами и вашими близкими. И субъективная ваша оценка внутривнутриполитической жизни в СССР отнюдь не ничтожна в сравнении с действительными фактами... И «освобождение» вас от занимаемой должности после того, как вы в числе других подписали «заявление протеста», является попирательством ваших прав... Эксперты из Института судебной психиатрии доктор мед. наук Печерникова и Косачев прямо указывают: «Наиболее часто идеи борьбы за правду и справедливость формируются у личностей паранойяльной структуры», или: «Сутяжно-паранойяльное состояние возникает после психотравмирующих обстоятельств, затрагивающих интересы испытуемых, и несет на себе печать ущемленности правовых положений личности»; или: «Характерной чертой этих (сверхценных — Б. и Г.) образований является убежденность в своей правоте, охваченность отстаиванием «попраных прав», «значительность переживаний для личности больного»; или: «Судебное заседание они используют как трибуну для речей и обращений». А как оценить психиатрам психическое состояние Георгия Дмитрова, выступающего с речью на суде?.. И многих других общественных деятелей с их всепоглощающей верой в идеал и отказом от личной жизни?.. Быть осторожным, не очень умным, «себе на уме» — значит быть здоровым. А горе — от ума. Остается ввести в психиатрию официально новый вид психической патологии под названием комплекса Чацкого.

И последнее. Сам по себе диагноз паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности отнюдь не означает необходимость эскульпации. Так, по официальной статистике Института судебной психиатрии 95,5% при-

знают вменяемыми. Но это — в теории. С инакомыслящими — статистика иная, она не публикуется. Печерникова и Косачев, подробнейшим образом описав «картину» сутяжно-паранойяльного развития, «забыли» сообщить проценты эскульпированных «параноиков-сутяг».

Психология психиатра

<...>

Психиатр — это врач, большую часть времени проводящий в стенах психиатрического учреждения, среди душевнобольных. Он привык видеть страдания, буйства, самые неприятные извращения, горе. Его пациенты — безумцы-дети и безумцы-взрослые, женщины и мужчины. Поэтому само по себе желание человека выбрать именно эту профессию и успешно выдерживающего в психиатрии «испытательный срок» (для многих критический) предполагает некоторые первичные особенности личности. Годы ежедневного пребывания на этом «кладбище погибших рассудков» накладывают свой отпечаток на личность врача, необратимо меняют его.

Вот наиболее характерные типы врачей-психиатров.

Начинающий психиатр: искренне любит психиатрию, считает ее полноценной научной дисциплиной. Из-за недостатка жизненного и профессионального опыта и малого объема знаний усматривает психическую патологию там, где ее заведомо нет. Не понимает искусственности психиатрических концепций. Поэтому в работе легко внушаем, может искренне «выявить» у вас психическую патологию. В судебно-психиатрических экспертных комиссиях участия не принимает, неопасен, так как не он будет решать вашу судьбу.

Типы зрелых психиатров следует рассмотреть более подробно. Именно они предрешат ваше будущее.

Ученый: сохранил «юношескую» страсть к психиатрии, считает ее своим призванием. Для него психиатрия — научная дисциплина (хотя и с оговорками). Как правило, относит (или: «не относит» — в подлиннике неясно, — переписчик) инакомыслие к психиатрической компетенции. Не любит участвовать в экспертизе невменяемости: «Я врач, а не следователь»... Достаточно трезв, чтобы понять конъюнктуру, но постарается «не пачкаться»: помогите ему своей правильной тактикой.

Диссертант: главная особенность: бессознательно расширяет границы заболевания, описываемого в диссертации. Убедите его своим поведением, что в качестве «материала» вы не подходите.

Вольтерьянец: умный, опытный человек и психиатр. Давно разочаровался в психиатрии как науке. Высокий интеллект, любит искусство, литературу, может помногу говорить о них. Социально инертен, т.к. не верит в успех каких-либо социальных преобразований (мудрость епископа); не исключается внешняя общественная позиция по «курсу». Трусоват, циничен. Прекрасно понимает конъюнктуру, но даже под «давлением» признает вас психически здоровым, причем в силу своей трусости сделает это убедительно наглядно, чтобы снять с себя подозрение в «симпатиях» к вам; «чтобы комар носу не подточил».

Обыватель: интеллект и специальные знания не выше среднего. Себя счита-

ет умным и опытным врачом, а свой жизненный стиль — желательным эталоном для других. В рамках «общего курса» социально активен, хорошо развита приспособляемость к внешним условиям («социальная мимикрия»). Не понимает таких явлений, как сюрреалистическая живопись («разве лошади летают?»), современная поэзия («а где же рифмы?») и т.п. Искренне считает аномальной вашу социальную позицию, основные аргументы: «Ведь была квартира, семья, работа. Зачем же вы?» С этим современным «рантье» не рекомендуем говорить об абстрактных предметах, философии, физических теориях и т.п., о современном искусстве, — старайтесь оставаться на его уровне. Опасен, может выявить психическую патологию, легко поддается давлению свыше, себя всегда оправдывает (в своих глазах) ссылкой на авторитеты, психиатрическую «школу».

Профессиональный палач: сознательно совершает эскульпацию психически здоровых людей. Обычно грамотный специалист. Поэтому единственная ваша возможность — не дать ему ни одного «симптома». В этом случае из своеобразного профессионального самоуважения может не захотеть пачкаться «явной липой».

Практические рекомендации о вашей тактике

Карательные службы имеют перед инакомыслящими одно важное преимущество: они активно аморальны. Принцип «цель оправдывает средства» используется государством против граждан, уподобившихся мальчику из известной сказки Андерсена о голом короле. Наукообразные положения о классовости морали позволяют быть откровенно безнравственным по отношению к «врагам советского народа и социалистического строя». А что — мораль? — моральна правда, но не ложь, моральна искренность, морально сочувствие и т.п. Инакомыслящие, как правило, признают именно такую «внеклассовую» мораль.

Вот что это означает в условиях предварительного следствия, суда, психиатрической экспертизы: 1) давать правдивые показания на все интересующие КГБ или суд вопросы, заведомо пагубные для себя как экспертирующегося; 2) «наталкивать» КГБ и суд на неизвестные им обстоятельства и мотивы, давать эксперту необходимую ему «симптоматику»; 3) позволять: непозволительную слабость по отношению к следователю, которому «крайне необходимо успешно вести следствие», к свидетелю, струсившему «из боязни потерять должность», и т.п. К сожалению, это факты. Лгать — скверно, но учтите: от вашего желания и умения быть неморальным по отношению к лицам и организациям, исповедующим мораль готентота, зависит ваша судьба. На опыте сотен товарищей и собственном мы утверждаем: абстрактная моральность, определяющая поведение подследственного, подсудимого и экспертирующегося, противоречит его жизненным интересам. Ваше правильное поведение в период психиатрического исследования (как и следствия, суда) включает в себя не только необходимые элементарные знания из теории и практики психиатрии, но и «заземленную моральность». Все наши рекомендации рассчитаны на некоего «усредненного диссидента». Понятно, мы не можем учитывать все многообразие индивидуальных обстоятельств, интересов, судеб. Вовсе не обязательно следовать какой-либо конкретной рекомендации, если это объективно противоречит ре-

альности. Мало того, это вредно. Бессмысленно, например, отрицать травму головного мозга в прошлом, если об этом имеются указания в документах; заикание, если вы заикаетесь, и прочее. Желательно, чтобы ваши потенциальные свидетели сумели дать столь же правильные и «чистые» показания о вашем психическом облике. Сведения, сообщаемые вами врачу, могут не совпадать с материалами следственного дела. Во-первых, закон не воспрещает подозреваемому или обвиняемому заведомо ложных показаний; во-вторых, сведения, имеющиеся у экспертов, не будучи тайной [для] КГБ (в советском праве врачебная тайна существует как чисто формальная категория), не могут быть использованы в материалах следственного и судебного расследования. Однако следует твердо помнить, что при даче эксперту каких-либо сведений о конкретных интересующих КГБ обстоятельствах следует быть осторожным, т.к. со временем эти сведения могут быть «оперативно разработаны».

Общие сведения о вашей жизни. Беременность вами и роды прошли нормально. Вы родились здоровым ребенком, сидеть, ходить, разговаривать научились вовремя. В детстве проявляли интерес к сверстникам, с удовольствием контактировали с ними. Не было предпочтения играм наедине с самим собой, чрезмерного фантазирования, лживости, упрямства; все привычки, поступки, суждения соответствовали возрасту и полу. К чтению проявляли умеренный или несколько повышенный интерес, предпочитали книги, соответствующие возрасту. Не было ночных страхов, снохождения, расстройств сна, заиканий, чрезмерно выраженного страха темноты, животных, высоты и проч. Не было неустойчивости настроения, слабоволия, повышенной обидчивости, неожиданных реакций агрессии, побегов из школы и дома, в занятиях успевали, на «второй год» не оставались, проявляли интерес к жизни класса, школы, двора, не самоустранялись из нее, пользовались расположением товарищей (однако не были излишне «примерными», безынициативными), ваши друзья всегда соответствовали вам по возрасту. В подростковом возрасте не было «особенностей» и «трудностей» поведения. Неудачи переживали спокойно, но не безучастно; не испытывали тяги к уединенным тихим занятиям, отвращения к спорту, к большим скоплениям людей, массовым зрелищам. Жили интересами своего возраста и круга: любили кино, книги (но не одну «фантастику»), игры; к членам семьи относились с любовью, жили интересами семьи, ее заботами, переживали за близких, их болезни, печали, их радости; не были скрытны, делились в семье своими интересами и новостями. Интерес к противоположному полу возник своевременно; к выбору профессии не были безучастны; всегда проявляли живые, яркие и адекватные эмоции, искренне сочувствовали горю и неудачам близких вам людей. По характеру не вспыльчивы, контакты с людьми не «поверхностные»; не ограничиваете себя интересами круга «семья-служба». Если вы человек скрытный, замкнутый, то виной тому робость, а не отсутствие потребности в общении, к профессиональным обязанностям не безразличны, не испытываете к ним отвращения; если только того не требуют ваши занятия или профессия, не проявляете (и не проявляли) интереса к философским проблемам (ибо есть такой термин: «метафизическая интоксикация»), психиатрии, парапсихологии, математике. Учитывая уже изве-

стную вам психологию психиатра, не проявляйте интереса к современному «модерному» искусству и, особенно, понимания его. Свободное время вы не посвящаете одним аутистическим занятиям: чтению, садоводству, созерцанию природы и произведений искусства. Вы имеете «хобби», интересуетесь спортом (хотя бы зритель, болельщик). Если вы холосты, не объясняйте это отсутствием влечения к противоположному полу или отвращением к семейной жизни, найдите какую-либо иную причину (отсутствие квартиры, малая зарплата, собирался, но помешал арест...). В сексуальном отношении вы всегда были в границах «приличий». У вас никогда не было склонности к «непререкаемости суждений», вы понимаете и понимали, что «в жизни кривая линия зачастую короче прямой», у вас не было немотивированных, с точки зрения окружающих, поступков. Если объективно известно о некоторых особенностях вашего характера, например, о «срывах», то проявляйте критичность к себе. У вас никогда не было травм мозга, судорожных состояний, потерь сознания, галлюцинаций, расстройств памяти, заболеваний нервной системы (мозга); алкоголем не злоупотребляете, если и пили когда, то предпочитали сухие вина. Ваши социальные взгляды менялись с возрастом, корректировались окружающими людьми, событиями, книгами и т.п. Ваши реакции на несправедливость по отношению к вам не были излишне яркими, бурными, экспансивными и длительными. Инакомыслие зародилось под влиянием книг, рассказов очевидцев и жертв репрессий, воспитания в семье и школе (если обстоятельства позволяют безболезненно сообщать такие сведения), в результате трезвого объективного осмысливания реальности. Как это ни неприятно, но наилучшей мотивировкой вменяемых в вину деяний является: «Хотел прославиться, стать известным; не понимал серьезности последствий, не посмотрел на себя со стороны; не понял, что зашел слишком далеко» и тому подобное. К сожалению, именно такие (некрасивые) мотивировки положительно воспримутся на экспертизе. Мы не настаиваем на использовании этого совета всеми и всегда; но помните: иногда обстоятельства могут потребовать и такой меры защиты, тем более что нравственная ваша позиция (отказ «топить» товарищей, «чернить» свое прошлое и т.п.) не пострадает от этого вынужденного тактического приема.

В период следствия по делам инакомыслящих, как правило, имеет место лишение свободы в качестве меры пресечения. Лишенные возможности общения с близкими, друзьями, вырванные из первичной обстановки и «жизненного стереотипа», вы становитесь участником заведомо проигранной вами схватки с КГБ. Именно в следственный период ваше поведение и обстоятельства дела предрешат: быть или не быть вашей невменяемости. Самый простой способ гарантировать себя от последующей эскульпации таков: давать все интересующие КГБ сведения о всех интересующих его лицах; не жалеть ни близких, ни товарищей, ни посторонних; отречься от своего «преступного прошлого» и т.д. и т.п. Как правило, это гарантирует от психбольницы, даже если вы психопат, хронический алкоголик. История знает тому примеры. К счастью, такую объективно и субъективно аморальную защиту своих интересов принимают немногие. Надеемся, что этот элементарно простой метод неприемлем и для вас.

В период следствия на вас будут воздействовать следующие факторы: 1)

глухая изоляция от внешнего мира; 2) тревога за будущее; 3) психологическое давление следователя; 4) почти обязательное соседство по камере заключенного — «наседки», прямо или косвенно оказывающего на вас психологическое давление. «Наседка» — специально посаженный в вашу камеру человек, цель которого любым способом воздействовать на вас в благоприятную для КГБ сторону. Его методы включают уговоры дать показания, чистосердечно раскаться, чтобы заслужить прощение; при этом «наседка» ссылается на свой личный пример или примеры своих знакомых. Иногда он «случайно» находит общих с вами знакомых в прошлом и, с ссылкой на их слова, сообщает известную ему «правду» об «изменах» вашей супруги или невесты. «Наседка» выуживает из вас необходимую следствию информацию, создает в камере совершенно нетерпимую психопатическую обстановку, мешает вам спать, есть, читать и т.п. Следователь, как вы сами убедитесь, органически не может придерживаться закона в своих действиях, он будет вас уговаривать, запугивать, шантажировать, нарушать процессуальные нормы оформления следственной документации и т.п.

Широко известная самиздатовскому читателю Памятка А. Вольпина о поведении на следствии имеет, как сейчас выяснилось, существенный недостаток: предлагаемая А. Вольпиным «юридическая позиция» на следствии (требование от следователя соблюдать букву закона, четкое знание и отстаивание своих юридических прав) мешает следователю «чисто» вести ваше дело, запугивать на очных ставках ваших свидетелей, подтасовывать показания в протоколах допросов и т.д. Это выводит из сил следователя и вынуждает его обратиться к поискам у вас психических изъянов, ходатайствовать о направлении вас на психиатрическое исследование. Особенно «экспертogenous» для вас отказ от дачи показаний вообще (законом не воспрещаемый). Поэтому рекомендуем обращаться к подобным методам ведения своего дела только в крайних случаях.

Если позволяют обстоятельства, не ведите со следователем разговоров на «эмоциональные» для вас темы; зачастую следователь сознательно ведет подобные беседы на безразличные для вас темы в таком «ключе», чтобы вызвать у вас эмоциональную реакцию. Таким образом, например, «готовили» к экспертизе Леонида Плюща, чтобы документально оформить его «фантазии».

Будьте заранее готовыми к ложным заявлениям следователя об имеющихся против вас «уликах», «изобличающих вас показаниях». Помните: вы не можете доказать следователю (как и суду), что имели место слежка за вами, провокации против вас и прочее, именно потому, что это очевидно. А эксперты на этом основании присоединят к вашему «диагнозу» и «бред преследования». По этой же причине не настаивайте на данных аспектах, если позволяют обстоятельства дела. Старайтесь аргументировать свои мнения не личным опытом или анализом действительности, но ссылкой на литературные источники, утверждения авторитетов и т.п. (Иначе в экспертном заключении появится положение о «переоценке ваших данных»). Не стесняйтесь выражать беспокойство о семье, близких, друзьях. Это необходимо для аргументирования в пользу вашей «эмоциональной сохранности».

Голодовки в качестве протеста желательно применять только при крайней необходимости: при желании отказ от приема пищи может быть истолкован

как патология психики (это случилось с Петром Григорьевичем Григоренко).

Ни в коем случае нельзя упоминать о разочаровании в жизни, нежелании дальше жить, планах покончить с собой. Это немедленно навлечет на вас подозрение в психической болезни и может быть веским аргументом в пользу эскульпапии. О мыслях, о планах покончить с собой нельзя говорить даже.

Не бойтесь воздействия на вас фармакологическими веществами, вводимыми посредством воды или пищи; не отказывайтесь от лечения, если больны, — факты подобных воздействий, как правило, не подтверждаются. Мы полагаем, что подобные методы воздействия не практикуются вообще, т.к. сопряжены с определенными чисто техническими трудностями и на самом деле были бы мало эффективны.

Никакие «научные» методы не смогут заставить вас поступать против собственной воли и совести. То же касается и гипнотического внушения, в подобных ситуациях вообще неэффективного.

Период психиатрического исследования и собственно экспертизы мы рассматриваем на примере стационарного экспертирования, как наиболее сложного случая.

Конвоем вы доставлены в приемный покой психиатрического учреждения, где уже с первых минут находитесь под наблюдением медицинского персонала. В приемном покое происходит санитарно-гигиеническая обработка испытуемого и первая беседа с врачом. Не отказывайтесь от гигиенических процедур, беседы и врачебных манипуляций, т.к. это может быть расценено как «психический негативизм». В палате (или камере) вы встретитесь с иными исследуемыми. В их числе могут быть и психически больные люди, к присутствию которых вам придется привыкать. Не бойтесь их, даже агрессивные больные не столь опасны, как утверждает молва, тем более в условиях больницы, психиатрического стационара, с практикуемыми методами «устрашения». Помните, что и здесь не исключено присутствие «наседки». Как правило, в каждой палате постоянно находится санитар или фельдшер, в его функцию входит непрерывное наблюдение и, при необходимости, купирование, с помощью инъекций медикаментов или различных видов «фиксаций», агрессивности, повышенного возбуждения и проч.

Средний медицинский персонал в психиатрических учреждениях ведет журнал наблюдений, где подробнейшим образом фиксируются все особенности поведения больных и исследуемых, их высказывания, просьбы и т.п. Поэтому: контролируйте каждый свой поступок, каждое слово — все будет доложено «ведущему» вас врачу (т.н. «докладывающему врачу», представляющему вас экспертной комиссии). Беседы с «докладывающим врачом» во многом определяют заключение комиссии. Будьте достаточно вежливы с ним (как бы ни относились к нему); по возможности отвечайте на все вопросы; некоторые вопросы могут показаться «глупыми» («Какое сегодня число? день? год? Сколько останется, если из ста вычесть тринадцать? В чем смысл пословицы «Не в свои сани не садитесь»? и т.д.). У вас будет возможность определить интеллектуальный уровень психиатра, его манеру вести беседу, ваша задача говорить с ним «на одном языке, на одном понятийном уровне».

Многие советы о тактике беседы с психиатром и ее содержании изложены выше, в иных разделах нашей работы. Старайтесь не пользоваться выражени-

ями, которые могут быть расценены как «символические ассоциации» (например, из опыта?) Григоренко: ему был задан вопрос о «мотивах» его «антисоциальной деятельности». Григоренко ответил так: «Нечем было дышать»).

Не утверждайте категорически о слежке за вами, преследованиях, подслушиваниях, провокациях и т.п. (Печерникова и Косачев: «По мере развития и перерастания параноидных реакций в патологическое развитие личности основные патологические образования постепенно начинают обрастать бредовыми идеями преследования, отношения, «интерпретации»).

Голодовки следует объявлять только в крайних случаях, т.к. они тоже будут расценены как проявление «психопатического негативизма». Убедить психиатра в объективности и социальной обусловленности своих убеждений вы не сумеете (именно потому, что он и сам это понимает); ввиду этого не рекомендуем углубляться в дискуссию на социально-политические темы, иначе может быть констатирована «переоценка своих данных». (Печерникова и Косачев: «Сверхценные представления сменяются интерпретативным бредом, который приобретает черты некорректируемости, убежденности, паралогичности, появляется переоценка своих данных».) Может быть отмечена и «обстоятельность мышления» (так случилось с Григоренко).

Разумеется, если психиатр задался целью выявить у вас патологию, любой ваш ответ и поступок может быть расценен соответствующим образом. У Жореса Медведева, например, было констатировано «расщепление личности» на том основании, что он по профессии биолог, а пишет стихи...

Ваше поведение должно быть максимально естественным, не скрывайте тревоги о будущем, о семье, близких, друзьях, чтобы не выявили у вас «эмоциональную сглаженность» или «холодность».

Отрицайте знакомство с нашей работой, не сообщайте, что когда-либо интересовались психиатрией, парапсихологией, философией, религией (если это возможно, исходя из объективных данных обстоятельств).

Помните, что советский врач не может гарантировать вам соблюдение профессиональной тайны. Не сообщайте ему «оперативных» сведений, которые могут быть использованы против вас или ваших знакомых.

Спустя определенное время, «докладывающий» врач представит вас комиссии, сообщит ей о своих наблюдениях, характере и содержании бесед с вами, сделает предварительный анализ и даст заключение о вашей вменяемости (или невменяемости).

И последнее: молва о «фармакологических» допросах в психиатрических учреждениях не беспочвенна. Существует метод так называемого «амиталового интервью», посредством внутривенного введения амиталиатрия. Через короткое время (секунды) после введения у испытуемого наступает непродолжительное состояние опьянения, сходного с алкогольным, затем переходящее в глубокий сон. Принцип довольно банален: «у пьяного развязывается язык». Метод «растормаживания» (так его называют официально) применяется в случаях, когда у испытуемого или больного хотят выявить скрываемый бред, галлюцинации и т.п. Компетентно заявляем: метод малоэффективен, не бойтесь его, контролируйте свое состояние (это возможно), и эффект «развязывания» вашего языка не удастся.

Поведение в психиатрической больнице

Может случиться худшее: несмотря на полное следование нашим рекомендациям, вы будете признаны невменяемым и определением суда направлены на принудительное психиатрическое лечение.

Бесправное положение психически больного незавидно. Вы не должны отчаиваться! Многие десятки ваших товарищей долгие годы находятся на принудительном лечении без значительного ущерба для здоровья. Несмотря на весь арсенал психофармакологических средств, шоковую терапию, современная наука, к счастью, пока не в состоянии необратимо изменить человеческую индивидуальность, убить личность в человеке.

Каждые шесть месяцев вас должны представлять на очередную психиатрическую экспертизу, этого требует закон. Кто знает, может быть, одна из таких комиссий признает вас «излеченным». Нет никаких оснований надеяться на совесть врачей; к сожалению, малоэффективно и давление мирового общественного мнения по поводу преступного использования психиатрии в СССР.

Практика показывает, что для создания себе более или менее сносных условий существования в психиатрической больнице (менее выраженный «режим притеснения», разрешение на чтение книг, более мягкое «лечение» с более продолжительными перерывами между курсами) необходимо сообщать врачам о «переоценке своих прежних болезненных убеждений». Отдавая должное мужеству Леонида Плюща, сознательно отказывающегося в спецбольнице г. Днепропетровска от любых «тактических приемов», мы настоятельно рекомендуем все же пользоваться ими. В этом и только в этом единственная надежда на спасение.

Заключение

Экспертировавший одного из авторов данной работы профессор Ушаков так пишет в своем учебнике, рассчитанном на студентов-медиков: «Научные идеи, доминирующие в сознании ученого, фанатические идеи верующего представляют собой варианты переоценки (т.е. сверхценных, патологических) идей».

Стоит ли удивляться после этого широкой практике эскульпации инакомыслящих?

Знание элементарных положений психиатрической практики, умение сознательно и грамотно вести себя при встрече с психиатром — необходимо сегодня многим. Известные обстоятельства нашей жизни помешали нам ранее письменно обобщить наш опыт и предложить его читателям.

Наша работа рассчитана и на тот случай, когда вам придется выступать на следствии в качестве свидетеля. Тогда от ваших показаний будет зависеть судьба других людей.

Столь сжатый объем не позволил достаточно глубоко и серьезно осветить некоторые вопросы теории психиатрии и взаимоотношение права и психиатрии, поэтому для тех, кто желает ознакомиться с проблемами, затронутыми в нашей работе, рекомендуем следующую литературу.

Рекомендуемая литература

1. Уголовный кодекс (комментарии).
2. Уголовно-процессуальный кодекс (комментарии).
3. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (стр. 36).
4. Закон РСФСР о здравоохранении (стр. 54-56).
5. Инструкция о неотложной госпитализации психических больных МЗ РСФСР.
<...>
8. Медведев Ж. «Кто сумасшедший?», Самиздат.
9. Григоренко П. Воспоминания, Самиздат.
11. Гиляровский В.А. Психиатрия, М., 1964.
12. Ганнушкин Н.В. Избранные труды, М., 1964.
13. Тимофеев Н.Н., Тимофеев Л. Н. Вопросы медицинской деонтологии в судебно-психиатрической клинике. Журнал «Невропатология и психиатрия» им. Корсакова, 1973, № 5.
14. Печерникова Т. П., Косачев А. А. Некоторые особенности становления и диагностики паранойяльных синдромов при психопатиях. Судебно-медицинская экспертиза за 1973 год., № 4.
15. Тимофеев Н.Н. Деонтологический аспект распознавания больных шизофренией. Журнал «Невропатология и психиатрия» им. Корсакова, 1974 г., № 7.
16. Шманова Л.М. Клиника вялотекущей шизофрении по данным отдаленного катамнеза (докторская диссертация), М., 1968.

Наряду с этим убедительно просим опубликовать за именем Глузмана «Заочное судебно-психиатрическое исследование по делу Григоренко».

Если необходимо, дайте в конце работы словарь терминов.

Буковский В. Глузман С.

Владимирская тюрьма — Пермский политлагерь

Источник: «Хроника защиты прав в СССР». Январь-февраль 1975 года. Вып. 13. Изд-во «Хроника», Нью-Йорк.

Подрабинек
Александр Пинхосович
(Род. 1953)

Медицинский работник, публицист, редактор.

Александр Подрабинек, главный редактор еженедельной правозащитной газеты «Экспресс-Хроника», родился в 1953 г. в Москве. После получения среднего медицинского образования работал на станции скорой медицинской помощи в Москве. С начала 70-х годов принимал участие в правозащитном движении в Советском Союзе. К 1977 г. закончил книгу «Карательная медицина» — об использовании психиатрии в СССР в политических целях. В том же году реферат рукописи был представлен Amnesty International в качестве одного из документов на Международном конгрессе психиатров в Гонолулу. В 1979 году книга была напечатана в США.

Подрабинек — один из четырех (В. Бахмин, И. Каплун, А. Подрабинек, Ф. Серебров) учредителей образованной в январе 1977 г. Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, которая была создана при Московской Хельсинкской Группе. Участвовал в издании неподцензурного бюллетеня «Хроника текущих событий».

В 1978 г. арестован по обвинению в клевете на советский строй (за книгу «Карательная медицина») и осужден на 5 лет ссылки в северо-восточной Сибири. В 1980 г., в ссылке (Оймякон, Якутия) вновь арестован по аналогичному обвинению за статьи в зарубежной прессе, переиздание «Карательной медицины» на английском языке и распространение самиздатской литературы. Приговорен к 3,5 годам лагерей.

После освобождения из заключения жил в городе Киржаче (Владимирская область), работал на скорой медицинской помощи.

С 1 августа 1987 по 26 апреля 2000 г. — главный редактор еженедельной правозащитной газеты «Экспресс-Хроника». С 2000 г. — главный редактор Правозащитного информационного агентства ПРИМА.

КАРАТЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНА

Предисловие

Эта книга обращена к общественности, прежде всего к тем, кому небезразлична судьба людей, чьи гражданские права грубо попираются в нашей стране.

О психиатрическом насилии как средстве подавления инакомыслия в СССР стало известно из воспоминаний бывших узников психбольниц, из информационных сообщений, из писем и заявлений диссидентов.

Нами предпринята попытка обобщить эти материалы и, дополнив их новыми, разобраться в сути проблемы, попытаться отразить различные ее сторо-

ны — историческую, правовую, медицинскую. Мы, безусловно, не претендуем на то, что эта попытка нам целиком удалась. Возможно, иные места грешат дилетантизмом. Некоторые стороны карательной медицины отражены слабо, другие совсем упущены (например, случаи заключения здоровых людей в психбольницы не по политическим мотивам). Некоторые сведения «Белого списка» нуждаются в дополнительной проверке.

Тем не менее мы решили предать эту работу гласности. Мы не можем больше ждать, совершенствуя стиль и уточняя детали. Не могут больше ждать около тысячи заключенных спецпсихбольниц, которым каждый новый день несет новые страдания, болезни, гибель.

Мы призываем все заинтересованные организации — английскую «КАРА», Международный Красный Крест, «Международную Амнистию», Всемирную Организацию Здравоохранения, все ассоциации психиатров и юристов — всех людей доброй воли принять участие в судьбе этих заключенных.

Только совместными усилиями юристов, психиатров, журналистов, общественных и политических деятелей, профессиональных и гуманитарных ассоциаций можно добиться успеха в борьбе с использованием в СССР психиатрии в политических целях.

Причины

Причины, породившие столь необычные карательные методы, кроются в политическом состоянии нашей страны в настоящее время.

Репрессии против инакомыслящих проводились во все времена существования России, которая не имеет традиций гражданской свободы и честной политической борьбы. Только четыре месяца (с марта по июнь 1917 г.) существовала в России политическая свобода и не существовало политических заключенных. Во все же остальные времена режим мог быть мягче или жестче — это зависело от его устойчивости. Русское общественное мнение редко играло сколько-нибудь серьезную роль в политической жизни страны. Гораздо большее влияние на Россию оказывало общественное мнение Запада. Но опять же, это влияние было сколько-нибудь заметным только в дни политических неудач, военных поражений, раздробленности — одним словом, в дни неустойчивости режима. Это всегда был вынужденный шаг, и чтобы уменьшить действенность общественного мнения, подчинить его политическим интересам, в России были изобретены две системы, чрезвычайно ее характеризующие, — это камуфляж общественной жизни и «железный занавес». И то и другое — изобретения не XX века. Возьмем, к примеру, время, когда русское государство находилось на грани развала, — «смутное время», междоцарствие в конце XVI — начале XVII веков. В начале 1600-х годов в России были небывалые неурожаи, ливни, эпидемии холеры, страшный голод. Бедствия были настолько велики, что, по свидетельству путешественника по России иностранца Бера, людоедство стало обыденным явлением. В одной только Москве от голода погибло свыше 500 тысяч человек. И вот, в разгар бедствия, в июне 1604 года в Россию прибыл императорский посланник из Праги. «До приезда его было отдано царское повеление, чтобы ни один нищий не встречался ему на пути и чтобы все рынки, которые мог он видеть, изобилова-

ли жизненными потребностями: Борис (Годунов — А.П.) хотел истребить и малейший след дороговизны... угощали посла с роскошью удивительной: изобилие яств и напитков, богатство одежд — все скрывало дороговизну, которая таилась в одних сердцах и жилищах. Ни один царский подданный не смел, под опасением телесного наказания, рассказывать кому-либо из посольской свиты о великой нужде народной; надобно было говорить, что все дешево, всего в изобилии» [1]. Так удалось дезинформировать зарубежное общественное мнение, а «железный занавес» (тогда в качестве многочисленных застав на западных дорогах) не позволил просочиться на Запад истинной информации.

Другой великолепный пример камуфляжа приведен в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (глава «Улыбка Будды»).

Эти две системы, действовавшие веками, — камуфляж и «железный занавес» — используются и в наше время.

Режим ведет работу по дезинформации общественного мнения в двух направлениях:

1. чтобы Запад получал из СССР только информацию об успехах коммунистического рая;

2. чтобы население СССР получало только информацию об ужасах капиталистического ада и не имело правдивой информации о положении в собственной стране.

Однако все труднее сдержать поток правдивой информации, все труднее приукрашивать ложь, а насилие выдавать за милосердие, так как в нашей стране появились граждански честные люди, которые не мирятся с ложью и готовы страдать за правду. Их очень немного, но для режима они страшнее всех воров, убийц, насильников и прочих уголовников вместе взятых, ибо их оружие — это правда, а как писал В. Шекспир: «Кто прав, тот трижды вооружен» [2].

Вот тут-то и приходит на службу карательная медицина. За рубежом не должны знать, что в СССР есть сопротивление, наши сограждане не должны воодушевляться примером этих единиц, и ни за границей, ни внутри страны не должна звучать правда об СССР. Но устраивать процессы — слишком шумно, убивать без суда — слишком скандально. И был найден другой выход — объявлять политических противников психически больными. В самом деле, можно ли серьезно относиться к сопротивлению со стороны шизофреников, велика ли цена информации, которую сообщают слабоумные, и какой, наконец, здоровый человек будет подражать сумасшедшим?

Кроме политической выгоды, на наш взгляд, использование карательной медицины объясняется существованием соответствующей психологической основы.

Обвинение диссидентов в психической неполноценности имеет в некоторой степени подсознательный, априорный характер. Кому из нас не приходилось, увидев поступок человека, мотивы которого нам не ясны, воскликнуть: «Сумасшедший!» Социальное поведение диссидентов выходит за рамки строго очерченных норм общественного поведения советских людей. Это поведение диктуется иными нравственными категориями, не нормальными по советским стандартам. Советские власти и, надо признать, значительная часть нашего общества если и не считают диссидентов буйными умалишенными, то во всяком случае расценивают их как людей необычных, странных, отклоняющихся от нор-

мы. Здесь кроется возможность незаметного перехода от понятия необычности или нетривиальности к понятию сумасшествия. Если сумасшедшие оцениваются медицинскими категориями, то необычность, ненормальность — общечеловеческими, бытовыми. С легкой руки снежневских и лунцев эти критерии, да и сами понятия стали почти адекватными, равноценными.

Непонятым и необычным кажется обывателю поступок, например, генерал-майора П.Г. Григоренко. Человек, имеющий материальный достаток, твердое положение в обществе, устроенный быт, вдруг встает на путь активного сопротивления социальной несправедливости.

Озадаченный обыватель воскликнет: «Ненормальный!»

Бдительный коммунист прошипит: «Враг!»

Психиатр констатирует: «Душевнобольной. Социально опасен».

Так совершается этот переход. Так происходит обесценивание медицины в угоду власти. Так торжествуют примитивизм понятий и нетерпимость.

Совсем диким кажется обывателю поступок Ильи Рипса — в знак политического протеста принявшего решение умереть. Это выше обывательского понимания, это выходит за установленные им рамки нормального социального поведения. Эгоизм, трусость, рабская покорность — характерные черты среднего советского человека. Те, кто осмеливаются вести себя иначе, ненормальны по советским нравственным меркам.

И П. Григоренко, и И. Рипс, и многие другие, отошедшие от советских норм общественного поведения, поплатились за это принудительным лечением в психиатрических больницах. Возможно, если бы общественное мнение не расценивало этих людей как ненормальных, психиатры не решились бы объяснять их поведение как следствие психической болезни. Пренебрегши медицинским долгом и профессиональной порядочностью, они сделали своей опорой дилетантизм и невежество, отождествляя нетривиальность, нравственную необычность с психической неполноценностью.

Эти психиатры к тому же настолько недобросовестны, что не утруждают себя даже поисками общепризнанных диагнозов. Они пишут то, что кажется им ненормальным по их непрофессиональным, обывательским меркам: «мания правдоискательства», «мания марксизма» и т. д. Действительно, какому нормальному человеку в СССР придет в голову искать справедливость? Вполне возможно, что у многих карателей от медицины действительно где-то гнездится мысль: «А не сумасшедший ли он в самом деле?» Настолько сильны у нас традиции несвободы и пропаганда единомыслия, что далеко не всякий решится признать за другим право на общественную позицию, отличную от официальной.

У психиатров-карателей существует некий переводной термин, связывающий девиацию поведения с психической патологией, — «неправильное поведение». Правила поведения вырабатываются традицией и укрепляются законом, но кара за нарушение этих правил стала прерогативой психиатрии.

Этот подход характерен для замкнутого, несвободного общества с установившейся формой единомыслия, с чертами тоталитаризма. Свободное плюралистичное общество допускает широкий нравственный выбор, возможность естественного поведения людей с различными нравственными позициями. Свобода и терпимость учат уважать чужие мнения, не допускают воз-

возможности огульного обвинения в психической неполноценности из-за несогласия или даже непонимания.

В советском обществе несогласие одиночек вызывает непонимание масс и властей. Не имея культуры свободы и, больше того, желая сохранить тоталитаризм, власти обвиняют инакомыслящих в сумасшествии.

Корни карательной медицины — в отчуждении, в непонимании, огульности, самоуверенности, нетерпимости. Это ее психологическая основа. Следующий шаг — наказание за несоответствие традиционным нормам. Тоталитарная политическая власть карает тех, кто несет людям мысль о свободе и плюрализме, об открытом противоборстве идей. Изобилие лозунгов «Народ и партия едины», «Еще теснее сплотимся вокруг родной ленинской партии», «Дело партии — дело народа» указывает, насколько власть дорожит монолитностью и единообразием общества. На наших глазах происходит попытка осуществления «Проекта о введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова [3].

Таковы, на наш взгляд, более глубокие причины существования карательной медицины в СССР.

Слава Богу, «ненормальные» все-таки существуют в нашей стране. Это не только психически, но и нравственно здоровые люди, несущие нашему духовно больному обществу культуру свободы и демократии, за что их и обрекают на заточение в психиатрических больницах.

<...>

Внутренний режим СПБ

Принципы содержания психически больных складывались в течение длительного времени. Методы изоляции душевнобольных от общества всегда соответствовали господствующим в данное время представлениям о психической болезни, уровню экономического развития государства и систем социального презрения и обеспечения, всему нравственному облику общества. Отношение к больным вообще характеризует моральную атмосферу и материальное благосостояние государства, а отношение к душевнобольным как самой отверженной части общества — тем более. Общество, не обремененное идеологией ненависти или борьбой за физическое выживание, всегда выделяло значительную часть общественных фондов на призрение больных и неимущих.

Даже примитивные социальные системы автократического или тоталитарного типов проявляют известную заботу о душевнобольных. Впрочем, скорее всего она диктуется не столько мотивами сострадания к больным, сколько стремлением обезопасить здоровую часть общества. Но как бы то ни было, институты психиатрической помощи существуют уже не одну сотню лет. Посмотрим, как изменились условия содержания психически больных за это время.

У читателя может возникнуть закономерный вопрос — зачем нам смотреть на условия содержания больных людей, если карательная медицина занимается здоровыми? Это правильно, но не забудем, что в советских психбольницах содержатся и душевнобольные, судьба которых хотя и не связана с карательной медициной, но нам безразлична. Кроме того, рассмотреть этот вопрос нас обязывает близость тематики. К нашим инакомыслящим в СПБ применяются некото-

рые меры, распространенные в практике домедицинского периода психиатрии. Это свидетельствует либо о действительном чудовищном отставании советской психиатрии в вопросах диагностики и лечения, либо о преднамеренном использовании средств средневековой медицины с целью подавления инакомыслия. Мы склоняемся к последнему.

Первые убежища для больных появились на Ближнем Востоке у арабов в VII веке от Р. Х.

В X веке такие убежища появились в Древнерусском государстве.

В 1377 году в Лондоне открылась первая больница для психически больных — Вифлеемский госпиталь. Вслед за этим подобные приюты начали открываться и в других городах Европы. Располагались они, как правило, в зданиях аббатств, тюрем или заброшенных солеварен. Помещения были сырые и холодные, питание отвратительное. Больные приковывались цепями к стенам. Лишенные наблюдения врача, находясь в ужасных условиях, они умирали от соматических заболеваний.

Мероприятия медицинской направленности сводились в основном к ограничению физической свободы. Для этого применялись смирительные, «горячечные» рубашки, смирительные кровать и стул (насильственная фиксация к кровати или стулу). Считалось, что терапевтическое значение имеет принудительное стояние и принудительное вращение в специальной «вращательной машине», обливание головы больного струей воды или монотонно падающими каплями. Все это дополнялось грубым, часто издевательским отношением надзирателей.

Такое положение повсеместно продолжалось до Великой Французской революции. В 1792 году французский врач Филипп Пинель (1745-1826 гг.), заведующий психиатрическими убежищами Бисетр и Сальпетриер в Париже, впервые снял с душевнобольных цепи, чем положил начало практическому осуществлению принципа нестеснения. В 1796 году английский врач Тьюк (W. Tuke) открыл «Йоркское убежище», основанное на нестеснении психически больных и трудотерапии.

Принцип нестеснения был впервые сформулирован английским врачом Джоном Конолли в 1842 году и до сих пор не потерял своей актуальности. В 1839 году один из родоначальников петербургской школы психиатров И.Ф. Рюль писал: «Никто не имеет права подвергать больных телесному или другому какому-либо наказанию...» В России идеи Конолли были поддержаны выдающимся русским психиатром С.С. Корсаковым (1854-1900 гг.) и его школой.

Один из самых известных и почитаемых советскими психиатрами учеников Корсакова В.П. Сербский вспоминает о своей деятельности в Тамбовской земской психиатрической больнице:

«Вся моя деятельность в Тамбове была направлена к тому, чтобы вкоренить самые простые мысли и в земстве, и в больнице, и в Тамбовском обществе: что душевнобольных надо кормить, надо одевать — по крайней мере не хуже, чем других больных, что с ними надо обращаться по-человечески..., что можно больных не связывать...» [4]

Послереволюционная советская эпоха официальной проповедью насилия смела обычные представления о доброте и гуманности. Принцип нестеснения был на долгое время забыт.

Но не навсегда. Вот что можно прочесть в официальном советском учебном пособии по психиатрии (В.Ф. Матвеев. М., 1975, стр. 326):

«Основной организационный принцип работы психиатрических учреждений — режим нестеснения, что предусматривает недопустимость мер, стесняющих личную свободу и унижающих достоинство человека».

Казалось бы, теоретически вопрос решен — принцип нестеснения победил! Но буквально тут же следует оговорка: «Однако в связи с особенностями психического состояния больных в подавляющем большинстве психиатрических стационаров нашей страны существует система «закрытых дверей». Режим «закрытых дверей» есть элемент стеснения больных, существенное ограничение их личной свободы.

То, что режим СПБ строже, чем в обычных психбольницах, можно было бы понять, так как они в принципе предназначены для особо социально опасных больных. Однако методы воздействия переходят всякие разумные границы. Насильственные меры, применяемые в спецпсихбольницах, часто принимают форму возмездия больничных властей за неподчинение установленному режиму, или наказания за прошлую криминальную деятельность на свободе, или характер наглядной профилактики.

Большинство бывших узников СПБ заявляют, что в случае свободного выбора они предпочли бы лагерь, где, может быть, они потеряли бы физическое здоровье, но сохранили бы при этом способность мыслить и чувствовать.

Те, кто побывал и в лагерях, и в спецпсихбольницах, отмечают некоторую схожесть в режимах этих учреждений.

Большинство специальных психиатрических больниц расположено на территории ныне действующих или в здании бывших тюрем. Территория СПБ отгорожена от посторонних взоров пяти-шестиметровой стеной, поверху которой натянута колючая проволока и провода под током. Около стены, с внутренней стороны, прогулочная дорожка часового, за ней — двух-трехметровая запретная зона. По углам территории расположены вышки с установленными на них прожекторами и постоянным караульным постом.

Случаи побегов из СПБ бывали. По свидетельству В.Е. Борисова, в Благовещенской СПБ при попытке к бегству были убиты два заключенных. К сожалению, нам неизвестны их имена и их психическое состояние. Дважды пытался бежать, сначала из Ленинградской, а затем из Орловской СПБ, капитан ВМС Сергей Сергеевич Алексеенко, но оба раза неудачно. Известны и другие случаи удачных и неудачных побегов.

Охранную службу в СПБ, как и в тюрьмах, несут офицеры и солдаты внутренних войск. Они же организуют стукачество, проводят политбеседы, травят бдительность. Таким образом, в спецпсихбольницах по существу два начальства — военное и медицинское. Соответственно тому есть и два руководителя — начальник спецпсихбольницы и главврач.

Спецпсихбольницы состоят обычно из нескольких (порядка десяти) отделений. Как уже говорилось, в СПБ заключенному за время его пребывания там предстоит пройти от самого тяжелого до самого легкого «выписного» отделения. Режимы в этих отделениях различны, и мы дадим характеристику некоего среднего режима — не самого легкого, но и не самого тяжелого.

Но прежде несколько слов о терминологии. По советскому законодательству принудительное лечение не является наказанием, и поэтому узники СПБ именуются больными, а не заключенными. Мы не видим в этом существенного различия, а учитывая, что в СПБ попадают не только больные, но и здоровые люди, считаем, что термин «заключенный» больше соответствует их фактическому положению. Кстати, как мы уже писали, в 50-х годах власти были менее щепетильны, и СПБ тогда назывались ТПБ — тюремнопсихиатрические больницы, а их узники — б/з/к: больничные заключенные. То же самое и с камерами, которые власти СПБ предпочитают называть палатами. Однако эти «палаты» находятся в бывших тюремных корпусах. Такие «палаты» в Ленинградской СПБ, например, являются, по свидетельству В.Е. Борисова, точной копией камер Петропавловской крепости. Мы будем называть вещи своими именами: камеры — камерами, а заключенных — заключенными, невзирая на то что они «освобождены от уголовной ответственности»[5] и попали туда не по приговору, а по определению суда.

Обычно в камере СПБ находится около десяти человек. Это в основном психически больные люди, совершившие тяжкие уголовные преступления. В Казанской СПБ, например, по свидетельству Н. Горбаневской, до 90% заключенных имеют в деле 102 статью УК РСФСР — убийство с отягчающими обстоятельствами. (Отнюдь не все они психически больны. Не таким ли путем органы юстиции пытаются выполнить план по снижению преступности? Ведь деяние душевнобольного не есть преступление). Политических заключенных, особенно здоровых, или, как их еще называют, «сознательных», стараются вместе в одну камеру не помещать. Больные сокамерники бывают беспокойны, агрессивны, ночью разговаривают, бредят, мешают спать. Камерное общество — важный фактор в жизни заключенного. Постоянное окружение душевнобольных трудно переносимо для любого психически полноценного человека. Среди заключенных попадаются и симулянты, переигрывающие сверх необходимого. Они тоже доставляют здоровым много неприятностей.

Стены камер — голая штукатурка. Окна маленькие, зарешеченные, да и те часто закрыты деревянными щитами — намордниками.

Ночью в камере, как и в тюрьме, горит свет. Лампочка окружена провололочной сеткой, иногда на нее надевают красный плафон. Новички с трудом привыкают к этому — при свете, особенно красном, спать трудно. Спят заключенные на металлических нарах или кроватях.

Баня и смена постельного и нательного белья — один раз в десять дней. Одежда больничная. Зимой в камерах и на прогулках бывает холодно, но иметь свою одежду часто не разрешают.

Клзет находится иногда в самих камерах, иногда в коридорах, куда выходить часто запрещается (в разных отделениях по-разному). Тогда приходится каждый раз особо просить надзирателя открыть камеру. Количество табачных изделий может быть ограничено или вовсе отменено в виде наказания.

Свобода передвижения чаще всего ограничена стенами камеры. Еду подают через кормушку в двери. В некоторых отделениях выводят в общую столовую.

Качество питания отвратительное даже на непрехотливый вкус. Процветает воровство. Продукты воруют многие врачи, медсестры, фельдшера, са-

нитары, надзиратели, не говоря уж о работниках пищеблока. Кроме того, весь персонал СПБ в рабочее время питается в общей столовой, и это практически тоже за счет заключенных. Режим питания иногда организован, мягко говоря, неразумно.

Единственное, что может улучшить положение заключенных, — это посылки. Кто не получает их, часто страдает от голода. Правда, многие заключенные делятся продуктами с товарищами. Количество посылок и передач в большинстве СПБ ограничено, в некоторых вовсе запрещены, а в некоторых — без ограничений. Вес посылки или передачи, как правило, не должен превышать 5 кг. Некоторые продукты запрещены.

Письма разрешается отправлять ограниченного формата два раза в месяц и только родным. Получать письма можно без ограничения количества и от кого угодно. Вся корреспонденция подвергается цензуре и в случае надобности подшивается к истории болезни. Поэтому многие письма заключенных пропадают. Не доходят и многие письма с воли. В качестве наказания могут запретить отправку корреспонденции из СПБ.

Свидания предоставляют только родным и, как правило, не чаще одного раза в месяц в течение двух часов. Тем, кто живет далеко от места заключения, может быть предоставлено одно четырехчасовое свидание в два месяца. Свидания происходят в присутствии надзирателя. Пришедшие на свидание и заключенные разделены столом, отгороженным внизу до пола деревянным щитом. Иногда стол разделен сверху полуметровым оргстеклом. Как и в тюрьме, здесь запрещены многие темы для разговоров. При нарушении этих правил или в порядке наказания заключенного свидание могут сократить или даже вовсе отменить.

Поездка на свидание часто представляет для родных известные материальные трудности, особенно если СПБ далеко, а заключен в нее отец многодетного семейства, основной кормилец семьи. Даже те, кто получает денежную помощь от западных благотворительных организаций, Русского фонда и частных лиц, испытывают определенные затруднения. А как же быть тем, кто, живя в провинции, не связан с этими организациями? Они часто находятся в атмосфере моральной изоляции, когда прежние друзья боятся не только одолжить деньги для поездки на свидание, но даже протянуть при встрече руку. Положение этих семей особенно тяжелое.

Заключенный может получать с воли деньги, которые перечисляются на его личный счет. В большинстве СПБ сумма денег на счету не ограничена и на них можно покупать продукты из больничного ларька. Правда, там никогда ничего хорошего не бывает. В некоторых СПБ личный денежный счет ограничен 10 рублями, а покупки в ларьке можно делать не более чем на 3 рубля в месяц. Кстати, этих денег заключенный в руки не получает, так что нелегально в СПБ между заключенными бытуют примитивные формы товарообмена.

Прогулки — один раз в день, полтора-два часа. Зимой длительность прогулок уменьшают, но многие этому даже рады — в больничной одежде холодно. Иногда прогулки бывают принудительными, и за отказ от них грозит наказание. Если же заключенный рвется на прогулку, то в наказание можно ему ее запретить. Это действительно серьезное наказание, особенно летом, когда в камерах невыносимая духота от раскаленных стен и испарений из часто засоряющихся унитазов.

Трудотерапия в некоторых СПБ является обязательной, в некоторых просто поощряется администрацией. Многие здоровые заключенные работают с радостью, и тогда у властей СПБ есть лишний козырь — они могут наказывать их, запретив работать. Однако большинство работать не желает, так как эта работа не соответствует их интересам и профессии. Работают заключенные в картонажных, ткацких, переплетных, швейных и других мастерских, получая за это нищенскую заработную плату. За месяц можно заработать от 2 до 10 рублей, которые перечисляются на личный денежный счет. Администрации спецпсихбольниц этот труд очень выгоден. Изготовленная руками больных и здоровых узников СПБ продукция приносит немалый доход, ибо цена сбыта в десятки раз превышает стоимость оплаты труда. Беззастенчивая эксплуатация совершенно бесправных заключенных стимулируется таким образом и официальными медицинскими показаниями, и очевидной экономической выгодой.

Бывший заключенный Сычевской СПБ М.И. Кукобака пишет:

«Так называемая «трудотерапия» превратилась в доходное коммерческое предприятие для властей. Станки расставлены без учета санитарных норм, теснота. Вся вентиляция — это несколько форточек. Больных под прямым или косвенным давлением вынуждают работать с утра и до вечера. В летние месяцы практикуются работы и после ужина. Разумеется, все это формально на добровольных началах. Но попробуй не пойти! Тут же обнаружат у тебя «изменения состояния», и начнется истязание различными уколами, травля со стороны санитаров-уголовников и т.д.»

Не забывает администрация спецпсихбольниц и про политико-воспитательную работу с заключенными, хотя это выглядит нелепо в отношении настоящих душевнобольных. Для этой цели используются доступные средства массовой пропаганды. Во многих отделениях есть телевизоры, регулярно бывают просмотры фильмов, и хотя в кинокартинах и по телевизору показывают ту же чушь, что и на воле, многие заключенные рады этим мероприятиям, рады на время забыть и почувствовать себя во внебольничной обстановке. Однако, по свидетельству П. Старчика (Казанская СПБ), просмотры кино могут быть принудительными. Это очень угнетает тех, чьи требования к искусству не удовлетворяются советской кинохалтурой.

Больничные библиотеки заполнены в основном такой же макулатурой. Единственное спасение читающих заключенных в том, что некоторые советские издания разрешается получать с воли.

Спецпсихбольницы обслуживают военный, медицинский, гражданский и уголовный персонал. Ряд вопросов (охрана, контроль врачей и др.) находится исключительно в ведении военных — служащих МВД, внутренних войск и госбезопасности. Все заведующие отделениями и многие лечащие врачи аттестованы офицерами. Старшим сестрам и фельдшерам отделений во многих СПБ также присвоены воинские звания. В качестве младшего медицинского персонала — санитаров — используются, как правило, уголовники (чаще «бытовики»), иногда сами душевнобольные. Многие функции не разграничены четко между военной и медицинской администрацией. Это легко понять, учитывая, что в спецпсихбольницах происходит процесс военизации старшего и среднего

медперсонала. Трудно определить, кто это — профессиональный военный, занявшийся медициной, или профессиональный медик, нацепивший погоны?

Если по назначению врачей заключенный получает инъекции, то от санитаров ему достаются издевательства и побои. Ожесточенные, прошедшие лагерную школу уголовники, получив маленькую власть, максимально используют ее, издеваясь и над больными, и над здоровыми.

М.И. Кукобака вспоминает о санитаре Сычевской СПБ:

«Некий Дворенков Саша, возраст чуть больше 20 лет, крепыш, пониже среднего роста, ясные голубые глаза, черты лица приятные, почти детские. Всегда весел, немного шумлив. Обыкновенный советский человек, комсомолец, в лагере член СВП (секция внутреннего порядка — А.П.).

Саша вовсе даже не уголовник — работал на тракторе и сделал аварию по недосмотру. В его негласные обязанности входило вводить в «курс дела» вновь поступающих на работу санитаров. Делал он это с большой охотой, весело и непринужденно.

К примеру, входил он в палату с новеньким санитаром. «Ну, как, братцы, поживаете?» Подходит к одному из больных: «Ты почему левую ногу положил на правую? А ну, встать! Подойди ко мне!» Больной с опаской подходит. Саша ласково, с улыбкой: «Ближе, браток, не бойся». И, не меняя выражения лица, хлест! Оплеуху, другую. Больной инстинктивно подносит руки к лицу, закрывается. «Куда руки поднимаешь, опустить!» — зло кричит Саша, и лицо его как-то заостряется, становится маленьким, крысиным. «А ну, Витя, — к новенькому, — подай полотенце». Накидывает петлей больному на шею. Обращаясь к напарнику: «Держи крепче!» Лицо человека багровеет, и он мешком валится на пол. Резкий удар «под дых». Из груди вырывается протяжный, какой-то неестественный стон, больной без сознания. Саша удовлетворенно улыбается. Дав несколько оплеух и пинков подвернувшимся по дороге больным, они выходят из палаты. Новенький «введен» в курс дела. Теперь он хорошо знает свои права и возможности. К сожалению, подобных этому садисту с голубыми глазами было большинство.

«...Некий Чуприн со своим дружком любил отрабатывать «удар правой». Выстраивали людей в палате и соревновались, кто эффектнее сумеет сбить с ног человека одним ударом.

Среди контролеров садизмом отличался капрал Пушкин. В его присутствии один больной что-то выкрикнул против власти, так он сдернул его с кровати и стал топтать ногами».

А вот что пишет бывший заключенный Ленинградской СПБ Сергей Разумный:

«Во втором корпусе есть своя достопримечательность — Виктор Валерьянович или просто Валерьяныч. Валерьяныч — фельдшер по образованию, садист по призванию. Имя его окружено легендами. Когда он приходит на дежурство, стон стоит по всему отделению. Не было случая, чтобы он, проходя мимо больного, не ткнул его ключом под ребра. Но это «так», «ласка». Главная забава Валерьяныча — вызвать двух больных в ванну и заставить одного избивать другого. Вот это потеха! Валерьяныч хохочет, упершись руками в бока. Обычно Валерьяныч это делает каждый день с утра. Не брезгает Валерьяныч и собственноручной расправой. Бьет в кровь. Бьет до потери сознания.

Бьет отнюдь не тех, кто «нарушает режим» или противоречит ему, напротив, бьет слабых и бредовых больных, которых ведь бить безопасно, они не отомстят. О «художествах» Валерьяныча хорошо известно и врачам, и главврачу... Что же касается начальника больницы полковника Блинова, то Валерьяныч его протеже, любимец» [6].

Слышали мы об этом Валерьяныче и от других бывших узников Ленинградской СПБ. Слышали и то, что недавно, сговорившись, заключенные избili его в той самой ванной, после чего он стал как будто потише. Надолго ли?

Такие валерьянычи — фельдшера или санитары — есть в каждой спецпсихбольнице. Они бьют, обкрадывают, а если физически слабы, то пользуются средствами карательной медицины — инъекциями, шоками, фиксациями и другими наказаниями. Стоит санитару, медсестре или фельдшеру пожаловаться врачу на «неправильное поведение больного» или записать это в «журнал наблюдений», ежедневно проверяемый лечащим врачом, тотчас последуют карательные меры.

В.Л. Гершуни рассказывает, что наказание может последовать за отказ разговаривать с врачом или даже за брошенный на него недовольный взгляд.

В. Буковский в интервью корреспонденту Ассошиэйтед пресс 13 мая 1970 г. рассказывал о спецпсихбольницах:

«Они избивали украинца каждый день, связывали его и пинали ногами в живот. Иногда они помещали пациентов в обитые войлоком камеры-изоляторы и били их почти непрерывно. Я знаю несколько человек, умерших после этого избивания, и эти изоляторы никогда не пустовали».

Вот что пишет о Сычевской СПБ М.И. Кукобака:

«Была у нас палата № 3, самая большая в отделении. Там находились больные с наибольшими нарушениями психики. В наказание могли поместить туда любого. Несколько раз и я попадал в эту палату. Помню, находясь там впервые, я обратил внимание, что нередко среди ночи заходят санитары — будят некоторых больных (обычно самых безответных) и выводят в туалет. Я заинтересовался этим и сначала не поверил услышанному. Тогда решил сам проследить и, когда привели очередного больного из туалета, внимательно рассмотрел его и расспросил. В результате убедился, что санитары используют больных для удовлетворения своих извращенных половых прихотей. И это ни для кого не было секретом — ни для медсестер или «контролеров», ни для врачей. Нередко шутили по этому поводу».

О зверствах в Сычевской СПБ свидетельствует и Юрий Белов. В новогоднюю ночь с 1974 на 1975 год здесь в IV отделении (заведующий А. Зеленева) был убит политзаключенный Георгий Васильевич Дехнич. Дехничу было тогда двадцать лет, он попал в психбольницу за распространение антисоветских листовок на Украине. Сначала он был избит двумя санитарями по просьбе медсестры Маргариты Владимировны Деевой, которую Дехнич обозвал «коммунистической шлюхой». Незадолго до этого Дехнич был прооперирован по поводу язвы желудка, и после жестоких побоев у него разошлись швы. Врача, однако, не вызвали, а «медсестра» Деева, которую заключенные Сычевской СПБ прозвали Эльзой Кох, сказала: «К утру мы от него отмучаемся». Утром Дехнич умер.

За замечание о воровстве медперсонала по просьбе той же Деевой был зверски избит Геннадий Ефремов. (Он попал в СПБ за «распространение заведомо

ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — статья 190-1 УК РСФСР).

За православие, за веру в Бога неоднократно подвергался избиениям заключенный Сычевской СПБ Владимир Алексеевич Соловьев. Ему сломали челюсть, ребра, руки, выбили зубы.

24 июля 1975 года при попытке к побегу из Сычевской СПБ был убит Анатолий Иванович Левитин. Побег оказался неудачным с самого начала. Левитин запутался в колючей проволоке, и поймать его охране уже не составляло никакого труда, она и не собиралась убивать его. Однако подошедший к месту происшествия заведующий II отделением врач-психиатр Николай Петрович Смирнов приказал охране стрелять в Левитина. Охрана выполнила этот приказ, стреляла почти в упор.

В той же Сычевской СПБ в 1976 году заведующий VII отделением Виктор Ефимович Царев натравил буйных психически больных на шестидесятилетнего политзаключенного Алексея Никифоровича Котова — православного мирянина, внештатного корреспондента «Вестника РСХД». Котов был убит.

Арсенал карательных мер велик.

Медицинские средства

Назначение инъекций галоперидола, сульфозина, аминазина, трифтазина, мотиден-депо, инсулина и других препаратов. Увеличение дозы уже получаемых препаратов.

Меры физического воздействия

Просто избиение.

Фиксация. На языке советской психиатрии это называется «принудительной иммобилизацией» (сюда же относится и «укрутка»). Заключенного привязывают за руки и за ноги к спинкам или раме кровати. В таком положении его могут держать от нескольких часов до нескольких месяцев. Вязку не снимают и не ослабляют даже для оправки. Известны случаи, когда зафиксированному в одиночной камере заключенному санитары не давали судна. В течение нескольких недель, пока заключенный распят на кровати, у него образуются пролежни, развивается атрофия мышечного и вестибулярного аппарата. Только заботы товарищей по камере (если они есть) спасают его от невыносимых мучений и возможной гибели.

Влажная укрутка. Заключенного плотно пеленают в мокрую простыню, виток за витком накручивая ее на тело. Медленно высыхая, простыня постепенно сдавливает тело. Боль настолько велика, что заключенные кричат. Крики эти разносятся на все отделение, как бы предостерегая тех, кто осмелится выступить в защиту истязуемого или возмутиться произволом больничных властей.

Режимные меры

Лишение прогулок.

Лишение работы или, наоборот, принуждение к работе, в зависимости от того, как настроен заключенный.

Запрещение смотреть телевизор и кинофильмы.

Запрещение пользоваться больничной библиотекой.

Запрет на курение, изъятие табачных изделий.

Лишение права на переписку.

Лишение свиданий.

Перевод в тяжелое, буйное отделение.

Отмена представления на выписку.

Возможно, мы перечислили не все виды наказания, но наверняка самые основные. В различных спецпсихбольницах превалируют те или иные виды наказаний — это зависит от традиций больницы, руководства СПБ, конкретных лечащих врачей.

Самым мягким режимом отличаются вновь открывшиеся спецпсихбольницы. Они еще не имеют достаточного опыта карательной медицины. Затем режим, отношение к заключенным начинают ужесточаться. Этому способствуют и милитаризация персонала СПБ, и общая тенденция отношений к заключенным.

<...>

[1] В. Шекспир. Генрих VI, ч. II, ак. III, сцена 2.

[2] Г.П. Георгиевский. История смутного времени. М., 1902.

[3] Козьма Прутков. Проект: о введении единомыслия в России. М.: «Художественная литература», 1955, стр. 152.

[4] В.П. Сербский. По поводу организации сельского попечения о душевнобольных Московской губернии. М., 1893.

[5] Стандартная формулировка суда.

[6] С. Разумный. Еще об одном преступлении советского режима. Журнал «Посев», 1971, №2.

Бородин
Леонид Иванович
(Род. 1938)

Писатель, публицист, редактор.

Родился в 1938 г. в Иркутске в семье учителя. Учился в спецшколе МВД, откуда ушел после 20 съезда партии (1956), затем в Иркутском государственном университете (исключен в 1957 г. за «политическое фрондерство»). В 1962 г. окончил заочное отделение педагогического института в Улан-Удэ, до ареста работал директором и преподавателем истории средней школы пос. Серебрянка Лужского района Ленинградской области. В 1964 г. создал Демократическую партию, а 18 ноября 1965 г. вступил во Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Арестован КГБ 18 февраля 1967 г. Приговорен к 6 годам лишения свободы в лагерях строгого режима. Находясь во Владимирской тюрьме, принимал активное участие в различных акциях протеста. После освобождения жил в провинции, был рабочим. Занялся писательской деятельностью. Выступал как религиозный публицист.

За рубежом в издательстве «Посев» были опубликованы рассказ «Вариант» (1978), повести «Правила игры» (1978), «Третья правда» (1981) и «Чудо и горе», роман «Расставание». Печатался в самиздатских журналах «Вече», «Земля», «Московский сборник». Был арестован 13 мая 1982 г. Признан особо опасным рецидивистом. Приговор — 10 лет лагерей особого режима с ссылкой на 5 лет. После освобождения в 1987 г. опубликованы романы «Божеполье» (1993), «Ловушка для Адама» (1994), повесть «Царица смуты» (1996) и др. С 1992 г. главный редактор журнала «Москва».

Произведения Л. Бородина отмечены многими отечественными и зарубежными премиями — журналов «Юность», «Наш современник», «Роман-газета», премией правительства Москвы, итальянской премией «Гринзани Кавур» («Расставание»), премией французского Пен-клуба («Повесть странного времени»).

СУДЬБЫ САМИЗДАТСКИЕ

По распространенному мнению самиздат, в лучшем случае, переживает состояние кризиса, если вообще не вырождается, как явление, выполнившее свою задачу. Доступность публикаций на Западе понизила интерес к самиздату и выявила у нас целое сословие работающих исключительно на Запад, причем у этой группы наших пишущих диссидентов произошла известная переориентация на западного читателя, в иных случаях даже поставившая под сомнение бескорыстность творчества, так выгодно отличавшую самиздат от официальной прессы.

У нас появились своеобразные «баре от оппозиции», которые ныне не снисходят до отечественного читателя, очевидно, считая его неспособным оценить по достоинству их таланты, и предпочитают пусть через год, пусть через два, но поставить на книжной полке свои откровения в изящной обложке «Имка-Пресс» или «Посев». Не существенно, что, дойдя до России с таким огромным опозданием и в минимальном количестве, эти труды морально устаревают и практически не поступают в обращение, зато как приятно удивить близкого друга или случайного гостя своей фамилией, выполненной типографским способом, небрежным жестом уронив книжку на стол к восхищенному взору собеседника!

Расширение каналов «тамиздата» оказалось для наших писателей-публицистов в некотором смысле проверкой искренности их творчества, подлинности тревоги за судьбу страны, отделив боль творчества от желания высказаться и авторитетно зафиксироваться высказыванием. Попробуйте уговорить сегодня кое-кого из наших «теоретиков» написать статью на актуальную тему! Что вы! Сохрани Бог! Ему некогда! Он заканчивает глубокомысленное исследование с глобальным замахом, которое уже ждут «там»! Через два года действительно оттуда приходят два экземпляра с приговоркой, что получен сей труд из самиздата. Этак и Шолохова можно записать в самиздатчики! Сам создал, сам отправил! Мы имеем дело с чистым фактом спекуляции словом! Вырождается не самиздат, вырождаются самиздатели!

* * *

Есть, однако, более существенный аспект этой проблемы. Самиздат возник как рупор либерально-демократических настроений, и если бы и до сих пор был причастен только этому явлению, то справедливо было бы говорить о его вырождении. Демократическое движение выдохлось в идеях и переродилось в явление эмоционального характера. Это ныне полезное филантропическое единение людей, несомненно мужественных, но не сумевших искренний пафос протеста оплодотворить позитивной позицией по отношению к факту существования государства, именуемого Советским Союзом. Демократический самиздат, в той мере, в какой он был эхом протеста и критики, сформировал в своей среде плеяду блестящих литераторов, виртуозов стилистики, чей талант, при всем том, оказался в большей части бесплодным по причине подчас демонстративной беспочвенности их обладателей. Создав себе имя в западной конъюнктуре, многие из них отбыли из России, и нет пока никаких свидетельств в пользу того, что свобода что-либо прибавила к их достижениям. Последнее слово демократического самиздата, сборник «Самосознание», производит скорее удручающее впечатление по поводу несоответствия названия сборника его содержанию. Это всё те же упражнения Померанца по составлению мертворожденных схем истории русской культуры, это блестящие по стилю переживания Мейрсона и Шрагина на «интеллигентские темы», это «плюрализмы» и «толерантности» Литвинова, это почему-то [?] — самосознания нет. Не состоялось. Получился сборник более или менее талантливых эссе на актуальные темы. Предназначенный для заявки на положительную программу, сборник лишь подтвердил бесплодие демократического со-

знания и, тем самым, действительный кризис его, ибо негативная настроенность сегодня — пройденный этап.

* * *

Национальная тематика впервые робко заявила о себе тогда, когда демократическая находилась в самом расцвете. Статьи в первых номерах журнала «ВЕЧЕ» выглядели форменным гадким утенком, робость в них была не только литературная, но и тематическая, необходимое для существования позиционное балансирование журнала вызывало фу! в среде охмелевших от смелости демократов. И тем не менее, «ВЕЧЕ» — в перспективе сегодняшнего дня явление не просто замечательное, это — веха в развитии национального самосознания. «ВЕЧЕ» — это уже наша новая история, в то время как демократическое движение — лишь необходимая предпосылка для этого начала.

Особенность пребывания в полулегальности не могла в итоге не отразиться на самом деле, и трагически-скандальный конец «ВЕЧЕ» — горькая расплата за противоречивость условий, в которых журнал отвоевывал себе право на существование. Эта противоречивость сказалась на подборе людей, на их характерах, на системе их взаимоотношений, к сожалению, это сказалось и на том сроке, который Осипов получил за свои заслуги и ошибки. Новая редакция «ВЕЧЕ», сделав громкий свисток десятым номером, похоронила журнал теперь уже навсегда, и на прощанье значительно утяжелив обвинительное заключение своему бывшему редактору, распалась окончательно. Осипов не без оснований утверждает, что 70-й статьей он обязан своей главной соратнице.

За выпуск «Московского сборника» я взялся с ясным сознанием, что мне это дело не по силам. Но убежденность в необходимости журнала как известного центра формирования национального самосознания подсказала надежду на возможность перманентного издания. Однако арест Осипова лишил меня возможных преемников, и хотя круг авторов и сотрудников расширялся с каждым номером, все три номера были подготовлены, по сути дела, в одиночку. Третий номер был конфискован на стадии брошюрования вместе со всеми техническими средствами.

Есть смысл рассказать о судьбе третьего номера подробнее, ибо она воистину поучительна. Группа авторов взялась восстановить номер по сохранившимся архивам, с использованием резервных материалов, разумеется, с моим же редакторством. На восстановление ушло два месяца, и номер вышел бы непременно. Но чего не смогла сделать сила, то сделало тщеславие. Уже упомянутая соратница Осипова развила активную деятельность по предотвращению выхода «Сборника». Установив некоторых участников выпуска, она ринулась в отговоры и запугивание, в ход были пущены все средства, какими может располагать человек, знающий чего он хочет. В итоге один из составителей был вызван в КГБ с предложением сдать «архив Бородина». «Архив» сдан не был, но и «Сборник» в таких условиях выйти не смог.

В свое время дело Красина и Якира с неожиданностью для большинства вскрыло тенденцию бесовщины в демократическом движении. Всякое крупное политическое явление, пребывающее в условиях подполья и даже полулегаль-

ности, чревато бесовщиной в силу противоестественного бытия людей, вынужденных таиться, скрываться, маскироваться, т.е. устраивать свою личную жизнь по законам, противоречащим природе, сотворенной в свободе и для свободы. В подпольщине много элементов игры, подпольщина — чрезвычайно удобная среда для реализации тщеславия и властолюбия людей обездуховленных, бездарных, но жаждущих самоутверждения. Подпольщина способствует моральной дезориентации увлеченных ею.

Национально-религиозному движению, лишь поднимающемуся на ноги, особенно следует опасаться бесовщины. Бес с крестом на шее и с именем Христа на устах — явление чудовищное, способное принести непоправимое зло самому благому делу. И потому легализация слова и действия для национально-религиозного движения — задача первостепенной важности. В силу этих же причин издание неперIODических сборников, обобщающих тематическую литературу, способствующих ее популяризации, ускоряющих ее оборот, повышающих ее уровень, и главное, создающих для авторов имитацию легальности, издание таких сборников, на мой взгляд, чрезвычайно нужно дело, ради которого стоит рисковать, если, разумеется, есть для того способности и возможности. Легальность издания таких сборников относительна. Судьба Осипова выявила эту относительность со всей очевидностью. Тем не менее, круг проблем, стоящих сегодня на повестке дня национально-религиозного движения оставляет надежду на возможность существования именно такой формы общения, формы, на мой взгляд, эффективной и результативной.

Поэтому с радостью и удовлетворением приветствую инициативу продолжения нужного и полезного дела.

[1976 или 1977 г.]

Источник: самиздатская рукопись.

Свободный профсоюз — СМОТ

Хроника текущих событий, № 48, 14 марта 1978 г.

25 ноября 1977г. в Москве состоялась пресс-конференция, на которой было объявлено, что группа рабочих и инженерно-технических работников из разных городов, уволенных с работы в результате конфликтов с начальством (часто — за критику), образовала ассоциацию, названную ими «Свободным профсоюзом». Руководитель группы Владимир КЛЕБАНОВ и другие члены группы рассказали журналистам о недовольстве многих рабочих своим положением, о нарушениях трудовых прав, увольнениях и других преследованиях, которым подвергались они сами или другие рабочие.

В Международную организацию труда была направлена просьба о регистрации Свободного профсоюза. Написан проект устава.

В декабре представители Свободного профсоюза провели еще одну пресс-конференцию. В течение декабря-марта члены Свободного профсоюза более или менее регулярно встречались в Москве на Центральном телеграфе.

* * *

Нескольких членов Свободного профсоюза подвергли принудительной психиатрической госпитализации.

19 декабря был задержан милицией и помещен в Московскую психиатрическую больницу №7 В. КЛЕБАНОВ. Главврач больницы М.С. РУБАШОВ отказался сообщить жене КЛЕБАНОВА какие бы то ни было сведения о его состоянии. При поступлении в больницу ему записали диагноз «паранойяльное развитие личности». Через 4 дня КЛЕБАНОВА перевели в Макеевскую психиатрическую больницу, оттуда выписали 28 декабря. 7 февраля КЛЕБАНОВА снова задержали в Москве и отправили в Донецкую психбольницу.

Известно, что в январе-феврале две недели держали в больнице рабочего-москвича Гавриила ЯНЬКОВА, 3 дня — Варвару КУЧЕРЕНКО.

Также в феврале некоторых членов Свободного профсоюза задержали и отправили в спецприемник.

* * *

Один из откликов на создание Свободного профсоюза — заявление Михаила КУКОБАКИ (Хр.47), посланное им 11 февраля на имя БРЕЖНЕВА.

М.И. КУКОБАКА пишет, что ему как рабочему близки и понятны заботы В.КЛЕБАНОВА и его товарищей; он приводит примеры грубого нарушения техники безопасности и других ущемлений прав рабочих, с которыми он сталкивается в своей практике (КУКОБАКА работает сейчас грузчиком в Бобруйске). КУКОБАКА заявляет, что «государственный профсоюз покрывает злоупотребления властей», и протестует против преследований организаторов Свободного профсоюза, проводимых с целью «запугать наиболее сознательных рабочих, выступающих в защиту своих прав».

Свое мнение о создании Свободного профсоюза высказала Московская группа «Хельсинки» (документ №36 от 16 февраля 1978 г.). Группа пишет:

Мы заинтересованно следим за этой деятельностью и ожидаем сообщения о целях и задачах ассоциации. Мы надеемся, что создание свободного профсоюза будет иметь значение в развитии правосознания в нашей стране. В этой связи Группа содействия считает необходимым напомнить советской и мировой общественности, что создание его является правомерным и основано на законе. Последнее утверждение конкретизируется ссылкой на ст.225 раздела XV КЗОТ, где, в частности, сказано, что «профессиональные союзы действуют в соответствии с принимаемыми ими уставами и не подлежат регистрации в государственных органах».

Хроника текущих событий, № 51, 1 декабря 1978 года.

После того как Свободный профсоюз (Хр.48) фактически оказался уничтоженным (Хр.48, 49), была предпринята попытка организовать новую ассоциацию такого типа.

28 октября на пресс-конференции, состоявшейся на квартире Марка МОРОЗОВА (см. «Аресты, обыски, допросы»), было объявлено о создании Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ). В Совет представителей СМОТ вошли В. БОРИСОВ, Л. ВОЛОХОНСКИЙ, Н. НИКИТИН, А. ЯКОРЕВА, Л. АГАПОВА, А. ИВАНЧЕНКО (Хр.43), Е. НИКОЛАЕВ (Хр.48, 49), В. НОВОДВОРСКАЯ и В. СКВИРСКИЙ (Хр.43).

1 ноября был арестован Марк МОРОЗОВ.

2 ноября В. БОРИСОВА, Л. ВОЛОХОНСКОГО и Н. НИКИТИНА вывезли в Ленинград.

13 ноября В. СКВИРСКИЙ был арестован по обвинению в краже библиотечных книг.

24 ноября принудительно госпитализировали В.НОВОДВОРСКОЮ (см. «В психиатрических больницах»).

А. ИВАНЧЕНКО в КГБ предупредили (сначала через отца, а потом лично), что если он не прекратит своей «деятельности», то его арестуют.

Хроника текущих событий, № 54, 15 ноября 1979 г.

В ночь с 3 на 4 августа два милиционера и семь в «штатском», сломав дверь, ворвались в квартиру В. КУВАКИНА (Хр.48, 51) и задержали нахо-

дившихся там членов СП СМОТ Николая НИКИТИНА, Владимира БОРИСОВА и Альбину ЯКОРЕВУ. Их отвезли в 101 отделение милиции (о НИКИТИНЕ см. дальше «Суд над НИКИТИНЫМ»).

Утром 4 августа жена БОРИСОВА Ирина КАПЛУН была вызвана в это отделение. Когда БОРИСОВ и КАПЛУН попытались подойти друг к другу, дежурный милиционер с силой оттолкнул КАПЛУН (она была на восьмом месяце беременности). БОРИСОВ с момента ареста объявил голодовку, требуя вызвать прокурора, — ему отказали.

6 августа судья приговорила БОРИСОВА и ЯКОРЕВУ к 15 суткам ареста за «неповиновение работникам милиции» (отказ открыть дверь). Во время суда милиционер снова сильно толкнул КАПЛУН - у нее начались преждевременные роды, ее пришлось госпитализировать.

7 августа заболевшую ЯКОРЕВУ на «Скорой помощи» увезли в больницу.

* * *

30 сентября В. БОРИСОВ, А. ЯКОРЕВА и Е. НИКОЛАЕВ были задержаны в Москве на улице, поблизости от дома НИКОЛАЕВА, куда они шли, чтобы принять участие в заседании СП СМОТ (Хр.51). Трое в штатском и один милиционер, не предъявившие никаких документов, доставили их в 137-е отделение милиции. По дороге НИКОЛАЕВ кричал прохожим, что милиция и КГБ задерживают ни в чем не повинных граждан, и просил известить его жену. Кто-то исполнил его просьбу, и вскоре в отделение явилась жена НИКОЛАЕВА Т.ЗАОЧНАЯ с сыном, а затем В. КУВАКИН, В. НОВОДВОРСКАЯ и Л. АГАПОВА.

БОРИСОВА и ЯКОРЕВУ, продержав в отделении три часа, отпустили, взяв подписку о выезде к месту прописки. Еще через полчаса прибыл вызванный милицией дежурный психиатр по городу, однако никаких оснований для госпитализации НИКОЛАЕВА он не нашел.

Источник: сайт «Мемориала» (<http://www.memo.ru>)

Вознесенская
Юлия Николаевна
(Род. 1940)

Родилась в Ленинграде. Училась в Театральном институте, после рождения сына учебу прекратила. В 1960-70-е — видная участница неофициального культурного движения, поэт. Участвовала в организации акции 14 декабря 1975 г. на пл. Декабристов (Сенатской), в ряде демонстраций и голодовке протеста художников-нонконформистов.

Проводила литературные вечера в своей комнате в коммунальной квартире. В июне 1976 года участвовала в подготовке первого номера журнала «Часы» (стр. 303). Стихи публиковала в журналах «Часы», «37» (стр. 297), «Мария», в тамиздатских журналах «Грани» (стр. 261), «Третья волна», «Вестник РХД» (см. т. 2, стр. 438), «Посев» (в т.ч. и статьи).

Впервые была арестована в 1976 г. за изготовление антисоветских надписей в Ленинграде, отпущена. В декабре того же года была вновь арестована и приговорена к 5 годам ссылки в Коми. За нарушение режима ссылки (посещение Ленинграда) получила в 1977 г. два года лагерей. В 1979 г. участвовала в издании первого в СССР феминистского альманаха «Женщина и Россия», в подготовке журнала «Мария».

В 1980 г. эмигрировала. В настоящее время живет во Франции, печатается в России.

Женское движение в России

Статья написана к годовщине образования независимого женского клуба «Мария».

Женское движение в нашей стране началось с выхода в сентябре 1979 г. самиздатского альманаха «Женщина и Россия» под редакцией Татьяны Горичевой, Наталии Малаховской и Татьяны Мамоновой, при участии Наталии Мальцевой, Софьи Соколовой и других, в том числе автора этих строк.

Инициатором создания альманаха была Татьяна Мамонова. Убежденная феминистка, хорошо знакомая с феминистической литературой Запада, она еще в 1975 году предложила мне начать издание такого журнала. Я отказалась, так как в тот момент не видела необходимости выделения женской оппозиции из общего демократического движения. Мне понадобилось пройти через женские лагеря и тюрьмы, чтобы убедиться в том, что положение женщины в нашей стране требует особого разговора. К тому же, по замыслу Татьяны Мамоновой, журнал должен был быть феминистическим именно в западном понимании этого движения, — а это смущало и казалось несерьезным в трагических условиях нашей страны.

В августе 1979 года Т. Мамонова повторила свое предложение Татьяне Горичевой. Философ, известный в самых широких кругах оппозиционной интеллигенции, редактор самиздатского журнала «37», человек церковный в самом глубоком смысле этого слова, Татьяна была всеми своими помыслами обращена к российской действительности. Мысль готовить журнал только для выхода на Западе ее не могла заинтересовать, но сама по себе идея создания женского журнала ей понравилась. Она тотчас предложила издавать его не на Западе, а в самиздате, объяснив, что «работа на экспорт» вряд ли сможет увлечь ленинградских женщин. Новое решение сразу же нашло поддержку среди наших друзей.

Выход альманаха в самиздате был подобен взрыву. Если в среде Второй культуры он был встречен с большим сочувствием, читался нарасхват, то в диссидентских кругах его приветствовали в основном мужчины, женщины же встречали недоуменно и даже насмешливо. Психологически это объясняется очень просто: вырвавшись за пределы рутинного сознания, наши демократки зачастую отбрасывали при этом и свою женскую природу, перестраивая себя по образу и подобию мужчины в этакое негибкое революционера, лишённого даже и морального права на личную жизнь — очередной парадокс очередной революции! А в альманахе говорилось о таких простых вещах, как Церковь, роды, детские сады, семейный быт... Шаг в глубину многим показался шагом назад — отсюда нарочитое непонимание...

На мой взгляд, именно непривычность темы и подхода породила те обидные пророчества, которые поначалу слышались со всех сторон: «Ваш альманах никому не интересен. Женское движение в России невозможно и никому не нужно». Понадобилась волна репрессий КГБ и небывалый успех альманаха на Западе, чтобы отношение к нему переменялось. Но и по сей день, когда в нашей стране существует уже четыре женских журнала, когда уже год успешно действует первый в стране независимый женский клуб, иногда доводится услышать кажущийся теперь диким вопрос: «А возможно ли женское движение в Советском Союзе?»

Выход журнала на Западе, придав нам уверенности, породил и множество серьезных проблем. Необходимо было четко определить нашу политическую ориентацию, выяснить общую теоретическую платформу. В конце 1979 — начале 1980 года, во время олимпийско-афганского кризиса, произошло первое разделение внутри группировки, сложившейся вокруг журнала «Женщина и Россия». Татьяна Мамонова и ее ближайшие единомышленницы, из которых наиболее известна Наталия Мальцева, продолжали оставаться приверженцами западной модели феминизма. Остальные редакторы и авторы альманаха искали свой особый путь, исходя из полной непохожести российского самосознания и российской ситуации. Эти женщины в основном были православными христианками и не мыслили себе никакой деятельности вне Церкви. Все они стояли на антимарксистских позициях.

Отказавшись под давлением КГБ от продолжения выпуска альманаха, Татьяна Мамонова ускорила разделение первой женской группировки: уже в декабре 1979 года на смену альманаху «Женщина и Россия» начинает готовиться новый альманах «Мария». Оставшиеся в редакционном портфеле материалы Т. Мамонова издала уже на Западе отдельным сборником «Россиянка». Даль-

нейшую работу она продолжала в подполье, решив переждать некоторое время, чтобы в будущем быть готовой к возобновлению выхода альманаха, если будет такая возможность. Ей активно помогала Наталия Мальцева (ее очерки подписаны псевдонимом Вера Голубева).

Специфика и направление альманаха, задуманного первоначально Татьяной Мамоновой, не удовлетворяли искания большинства наших женщин. Но это не значит, что они полностью шли вразрез с духовными потребностями женщин в России. Россия велика, а советская империя — еще больше. В крупных городах и столицах есть много женщин, стремящихся вырваться из мучительных рамок убогого бытия через конфликт с противоположным полом и только в разрешении этого конфликта видящих решение женской проблемы. В определенных социальных кругах, уже живущих по западным меркам, эта ориентация представляется вполне оправданной и жизнеспособной. Но радикальный феминизм несет в себе большую разрушительную энергию, и в этом мне представляется опасность избранного традиционными феминистками пути, который может привести к «выплескиванию с водой и ребенка», то есть к разрушению многих и многих отнюдь не временных ценностей. Однако это уже тема наших специфических женских споров и поисков, и я ее переношу на страницы наших журналов. Кому интересно — читайте. А сейчас важно, чтобы эти журналы различных направлений существовали, не пытались заглушить один другой и спорили только на теоретическом уровне. Вот почему мы, представительницы клуба «Мария», рады что Татьяна Мамонова решила возобновить выпуск альманаха «Женщина и Россия» и с нетерпением ждем его выхода.

К весне 1980 года созрела идея создания независимого женского клуба. Мы пришли к выводу, что нельзя сосредоточивать всю работу на выпуске более или менее периодических изданий: рукописи не горят, но пропадают при обысках, а мы не могли существовать от журнала до журнала, делая ставку только на отсутствие бдительности у КГБ. Жизнь требовала новых форм.

Мысль о создании клуба возникла у нас в феврале прошлого года. Я не приписываю эту идею целиком себе: меня к ней подвели наблюдения за развитием оппозиционного движения в стране. Я заметила, что наиболее жизнестойкими оказываются те сообщества инакомыслящих и инакоделающих, которые связаны не только общей деятельностью, но связаны человечески, всей жизнью и прежде всего — любовью членов таких сообществ друг к другу. Там, где группа строится по партийно-организационным признакам, мы зачастую наблюдаем всю ту же большевистскую модель — лидеры и масса. Другой тип жизни, общинный, сложился издавна в самом многочисленном ленинградском движении — в движении Второй культуры. Правда, внутри движения были самые различные группировки, но связывало их чисто человеческое тяготение друг к другу, основанное не только на общности интересов и духовных устремлений, но и на чувстве дружбы, доходившем порой до высот самоотверженности и преданности.

Вторым примером общины является ленинградская группа СМОТ. Собравшись с целью создания свободного профсоюза, эти диссиденты взамен неудавшегося начинания создали нечто, на мой взгляд, более ценное: маленькую, но крепкую и верную семью единомышленников, готовых на любые лишения друг за друга. Их романтические и трогательные отношения, их полное переключе-

ние с расплывчатых и нереальных замыслов возглавить рабочее движение на защиту репрессированных товарищей — все это не могло не вызвать желание создать нечто подобное, поставить в основу нашего союза женщин такой же христианский принцип любви.

Еще более близким нам по духу было объединение, сложившееся вокруг журнала «Община». Все долгое время процесса над Владимиром Порешом я наблюдала отношение людей из круга «Общины» к семье Пореша и друг к другу. Но здесь уже и рассказывать нечего — такой и должна быть христианская община.

Увлеченные этими примерами и поисками новых форм работы, мы готовились к созданию клуба. С этой целью были составлены и размножены анкеты для женщин, составленные из вопросов типа: «Каким вы хотели бы видеть независимый женский клуб? Какие можете предложить формы работы?» Основную работу по подготовке клуба мы вели вместе с Татьяной Горичевой и Софьей Соколовой. После месяца подготовки клуб заявил о себе 1 марта 1980 года. Первым документом клуба было «Обращение к матерям» по поводу агрессии в Афганистане. Первым мероприятием — дискуссия о марксизме. Таким образом клуб сразу же заявил о своей политической направленности и четко обосновал свою духовную ориентацию на Церковь.

1 марта при обыске у нас забрали макет первого номера журнала «Мария», но уже в мае он был полностью восстановлен. В июле был сделан второй самиздатский номер. Дополненный материалами, собранными у афганских беженцев на Западе, он в ближайшее время должен выйти в Париже на русском языке. Третий номер готовится параллельно в Ленинграде и в Германии — силами ленинградского клуба и его филиала на Западе.

В Ленинграде власти начали преследовать клуб немедленно — в день его открытия было три обыска на квартирах наших женщин. Весной и летом были вынуждены покинуть родину Вознесенская, Горячева, Малаховская (в это же время власти изгоняют и Татьяну Мамонову). Но работа в клубе продолжается, расчет на удаление из страны тех, кого принимали за лидеров не оправдался. Мне думается, что причина как раз в том, что мы в своем клубе приложили немало сил к тому, чтобы отказаться от пресловутой системы лидерства. У нас все было с самого начала равно ответственны за все и равно любимы всеми. Каждая новая участница клуба уже через короткое время работала вместе со всеми и чувствовала себя родной среди родных. Незаметно к нам пришло обращение «сестры», — как нельзя более уместное в нашем содружестве.

Летом-осенью 1980 года клуб окончательно определился как религиозный. Это привело к выходу нескольких женщин, менее связанных с религиозной проблематикой и желавших видеть свой журнал более социальным или более связанным с общими литературными проблемами Ленинграда. Образовалась редакция нового журнала «Далекие-близкие», по инициативе Софьи Соколовой. Журнал задуман как объединение женщин Ленинграда и Запада, выходить он будет в Ленинграде и в Париже (первый самиздатский номер уже вышел). Отход этой группы не был столь болезненным, как раскол редакции «Женщина и Россия». Группа «Далекие-близкие» продолжала участвовать в конференциях клуба «Мария». Когда она расширилась, стало традицией раз в два месяца проводить совместные заседания этой группы с клубом «Мария».

Четвертый наш женский журнал — «Надежда» (не смешивать с возникшими ранее православными самиздатскими сборниками «Надежда». — Ред.), но о нем пока мало известно, на Запад еще не попало ни одного самиздатского номера. Его редактор сообщила нам, что журнал в основном посвящен проблемам участия женщин в культурной жизни страны, в литературе, и искусстве (имя редактора мы пока не сообщаем).

Особую группу создала наша молодежь, совсем юные девушки, только познакомившиеся с движением. Они также задумали издание своего собственного журнала — молодежного. Мне думается, что это одно из самых ценных начинаний последнего времени, так как именно молодежь труднее всего переносит тотальное идеологическое оболванивание и информационный голод, и ее бунтарство часто принимает нелепые и даже уродливые формы. Кроме того, мы надеемся, что наши молодые девушки, обретя прочные связи с западной молодежью, повлияют на левые круги этой молодежи в сторону более критического отношения к марксизму. Слава Богу, наша молодежь в большинстве своем всеми болезнями левизны уже переболела.

Клубу «Мария» удалось реализовать некоторые из идей СМОТа. При клубе создан «Союз матерей» с детским садом на общественных началах и фондом взаимопомощи.

Расширяются зарубежные связи клуба. 19 января 1981 г. во Франкфурте создан немецкий филиал клуба «Мария» при Немецком Обществе защиты прав человека. Его основная задача — оказывать помощь движению женщин в России и способствовать обмену информацией между немецкими и русскими женщинами. Немецкий филиал клуба будет проводить в религиозных и феминистических обществах лекции о положении женщин в СССР, а также берет под свое особое покровительство женщин-политзаключенных в СССР. Ведется работа по организации такого же филиала клуба «Мария» во Франции.

Рассуждая о росте и перспективах женского движения, никак нельзя забывать о том, в каких условиях и какой ценой оно растет. Наши женщины дорого платят за право жить и говорить так, как они считают нужным и необходимым. Репрессии властей носят откровенно подлый и циничный характер: с самого начала «психологи» застенков учли, что перед ними женщины. Поэтому они редко запугивали их самих — женская сила и способность к самопожертвованию им хорошо известны. Нет, они били в самое уязвимое место, — начали угрожать их детям. Арестовав Наташу Мальцеву (представитель альманаха «Женщина и Россия» в Ленинграде), они спекулировали судьбой ее единственного ребенка и вынудили ее таким образом к даче показаний. Наташа мать-одиночка, принадлежит к самой бесправной и самой бедствующей категории советских женщин. У нее нет близких, родители от нее отказались, и никто ничего не знает о судьбе ее ребенка, семилетней дочери. Ожидается серьезный судебный процесс: Наташе предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР.

В последнюю минуту избежала ареста поэтесса Кари Унксова. Ей удалось скрыться, когда ордер на арест был уже подписан. Сейчас Кари скитается по другим городам, гостя поочередно у друзей, а дома, в Ленинграде остались ее двое сыновей, 13 и 6 лет. Она талантливая и известная в самиздате поэтесса и

давняя активистка Второй культуры, пришедшая в женское движение с большим опытом организационной работы и множеством свежих идей и замыслов.

Тяжелое положение у Галины Григорьевой и Татьяны Беляевой. Из-за непрекращающихся обысков и постоянной слежки они почти лишены возможности жить у себя дома. Обе со дня на день ждут ареста, обе предупреждены работниками КГБ о том, что дело на них уже готово и будет пущено в ход в удобную для властей минуту. Обе имеют маленьких детей.

Последняя жертва антиматеринского террора — Софья Соколова. Пять лет понадобилось властям на то, чтобы принудить ее к выезду. Соня пережила самое страшное, что может выпасть на долю матери в нашей стране: для оказания давления на нее ее сына Андрея месяц держали в психобольнице тюремного типа на Арсенальной — в одной палате с Владимиром Борисовым, старым приятелем Сони. Каково было ей видеть их рядом — своего ни в чем не повинного мальчика и старого диссидента, отбывшего в этих стенах почти девять лет!

1 февраля покинула СССР мать В. Борисова — Елена Павловна, всеобщая любимица в нашем клубе, «диссидентская мама», как мы ее звали. Все знают героическую судьбу ее сына, но мало кому известно о ее собственной героической судьбе, о ее бесконечной войне с КГБ и психотеррористами, об ее участии в женском движении, о постоянном риске, которому она себя подвергала ради ближних. Выехал добровольно ее младший сын, был насильственно выдворен старший, она же покинула родину последней, вместе со своим мужем, фотографом и организатором выставок Валентином Смирновым, когда на него было открыто дело.

Уже осуждена и находится в заключении художник нашего журнала Наталия Лазарева. Срок у нее небольшой, осталось отбывать еще полгода, но состояние ее здоровья заставляет нас о ней очень тревожиться.

Ну вот, таково положение в женском движении на сегодняшний день, как пишут в отчетах. А в общем, так же, как и во всей России: за победами — поражения, за страданиями — новые открытия. И неистребимая вера в возрождение поруганной России и в свое особое участие в этом возрождении.

Источник: «Посев», №4, 1981.

Андрей Сахаров
(Справку см. т. 2, стр. 318)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Президиуму Верховного Совета СССР, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу

Копии этого письма я адресую Генеральному секретарю ООН и главам государств — постоянных членов Совета Безопасности

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов...

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылки дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасность гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие, ранее безоговорочно поддерживавшие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104 ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице его постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия Временному совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармаля.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях....

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

Горький, 1980 г.

Источник: А.Д. Сахаров. Тревога и надежда. ИНТЕР-ВЕРСО, 1990.

УКРАИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Правительствам стран,
подписавших Хельсинские соглашения

Открытое письмо

Друзья!

Сотни тысяч людей в странах, подписавших Хельсинские соглашения, поверили в гарантии, обещанные этим важным международным документом, — гарантии свободы, человечности и ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ. Вот почему начали возникать Общественные группы содействия выполнению Хельсинских соглашений, ибо все честные люди с обостренным правосознанием сочли это своим кровным делом, зная по опыту, что государственные структуры часто нарушают обязательства, которые сами декларируют.

Возникла такая группа и на Украине. Но не успели мы обнародовать свою Декларацию и Меморандум о развитии правосознания в Украине, как посыпались удары КГБ и репрессивных органов власти.

За три месяца участники группы прошли через несколько обысков, во время которых были безжалостно ограблены литературные, эпистолярные и прочие архивы, и наконец, 5 февраля 1977 года арестованы руководитель группы поэт МИКОЛА РУДЕНКО и член группы учитель А.ТИХИЙ. (В добавление мы иллюстрируем методы КГБ, которые возвращают нас к темным временам СТАЛИНА и БЕРИИ!)

Те же сведения приходят к нам из Москвы: там арестован член Московской группы содействия А. ГИНЗБУРГ, преследуется руководитель группы Юрий ОРЛОВ, под непрерывным прессом угроз и грязных инсинуаций в печати академик А. САХАРОВ, член Московской и Украинской групп содействия Петр ГРИГОРЕНКО и другие борцы за права человека

С чем же думает придти СССР к Белградскому совещанию 1977 года? Неужели с черным хвостом репрессий, судов и обысков?

Тогда кто же вы, остальные УЧАСТНИКИ ХЕЛЬСИНКСКОГО ФОРУМА, безразлично взирающие на бесчеловечные расправы над горсткой смельчаков, поднявших голос против деспотии бюрократических самодуров, кичащихся своей военной мощью?! Вы становитесь сообщниками терзателей Групп содействия Духу Хельсинки, поскольку, подписав вышеупомянутые документы, гарантировали для миллионов людей выполнение основных прав Человека

ка! Вы практически спровоцировали пробуждение правосознания многих поработанных душ, которые поверили в рождение Нового Духа в мире — Духа Человечности и Права!

Если вы промолчите в эти критические дни, если вы отдадите на съедение беззаконию и произволу защитников Прав Человека — то будете пригвождены к позорному столбу истории как пособники деспотии, давно уже поправшей Закон, Человечность и Любовь.

Мы провозглашаем SOS из глубин социального инферно, из ада беззакония, какого еще не знала история. Дело не в масштабах насилия и не в методах (мы знали более жестокие методы СТАЛИНА и БЕРИИ). Дело в том, что мы приблизились к деградации человеческой души, когда исчезает вера в Слово, Закон, Честь, Разум, Любовь. Мир становится ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНЕЙ, и среди этой пустыни слышно лишь рычание шакалов и свист гадов.

Друзья! Неужели по всей Земле остывают души, втянутые в лживую суету современности? Неужели вы не откликнитесь на наш призыв: СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ?

Члены Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

О. БЕРДНИК, П. ГРИГОРЕНКО, Л. ЛУКЪЯНЕНКО, О. МЕШКО, М. МАРИНОВИЧ, М. МАТУСЕВИЧ, И. КАНДЫБА, Н. СТРОКАТОВА

9 февраля 1977 года

Подписанный экземпляр в архиве группы — О.БЕРДНИК

Источник: АС (Архив самиздата) №2957

Орлов
Юрий Федорович
(Род. 1924)

Ученый-физик, правозащитник.

Родился в Смоленской области в 1924 г. Работал токарем. Воевал. Закончил физфак МГУ (1952), работал в Институте теоретической и экспериментальной физики. В 1956 г. исключен из КПСС и уволен с работы за выступление на партийном собрании института с требованием политических реформ. Работал в Армении, где в 1968 г. был избран членом-корреспондентом АН Армении. Вернулся в Москву в ИТЭФ, но снова был уволен после написания письма Брежневу в защиту А. Сахарова. Один из основателей Хельсинкской группы.

В 1973 г. вошел в советскую группу Международной Амнистии. Арестован в 1977 г. и приговорен к 7 годам лагерей и 5 ссылки за правозащитную деятельность (см. «Хронику текущих событий», №44). В октябре 1986 г. обменен на советского разведчика в США. В годы перестройки приезжал на родину. Автор воспоминаний, вышедших в 1996 г. в Москве.

ВОЗМОЖЕН ЛИ СОЦИАЛИЗМ НЕ ТОТАЛИТАРНОГО ТИПА?

1. Формула тоталитарного социализма

Возможен ли социализм не тоталитарного типа? Для многих западных (и немногих советских) интеллигентов этот вопрос неуместен: для них такая возможность является аксиомой. Но аксиома — это лишь одна из гипотез. Что касается фактов, то, не опровергая гипотезы «социализма с человеческим лицом», они пока что убедительно доказывают возможность и значительную устойчивость лишь тоталитарного социализма.

Как известно, в социалистическом Советском Союзе постановка и серьезная разработка таких проблем действительно уместна: за это можно получить до 7 лет строгого режима в концлагере или специальное лечение в психиатрической больнице. Можно ли это обстоятельство рассматривать как случайное для социализма?

Не является ли шприц или что-нибудь в том же роде, исправляющее критически настроенные мозги, как и многолетние исправительные лагеря, как и отнятие детей у членов независимых религиозных общин, — такими же естественными спутниками социализма, как, например, пресловутое «отсутствие тревоги за завтрашний день», вытекающее из отсутствия деловой конкуренции? Конечно, я имею в виду отсутствие тревоги у того молчаливого большинства, которое поняло раз и навсегда, что нерегламентированная критика чего бы то ни было есть опасный буржуазный пережиток!

Было бы нелепо, однако, думать, что отношения между большинством и государством описываются здесь простой формулой принуждения. Тоталитарный социализм можно описать следующей формулой отличительных признаков.

1. Глобальная монополизация экономической инициативы. При этом
2. Владение этой инициативой не является пожизненным и не передается по наследству.
3. Глобальная монополизация политической инициативы — с тем же примечанием.
4. Развитие тотального репрессивно-идеологического аппарата.
5. Наличие одной государственной идеи или мифа.
6. Компенсация экономической, политической и духовной несвободы специфическими правами и привилегиями.

Последние четыре пункта этой формулы характерны для тоталитарных режимов вообще. Первые два относятся к социализму того тоталитарного типа, который здесь, в СССР, считают истинным социализмом.

Я намерен в этой статье показать, что первая пара признаков имеет исключительно сильную, хотя и не однозначную связь с остальными. Однозначных связей в человеческом обществе, думаю, не существует. Однако очевидно, что тоталитаризм, став социалистическим, сильно повышает свою устойчивость и степень необратимости. С этой (и только с этой!) точки зрения тоталитарные режимы, сохраняющие частную капиталистическую инициативу, менее опасны, чем режимы тоталитарно-социалистические, которым, так сказать, «принадлежит будущее».

2. «Право на труд» в обмен на беспрекословную лояльность

Чтобы уже не возвращаться затем к последнему, шестому, пункту формулы, я остановлюсь на специфических правах граждан СССР. Это прежде всего право на труд (для лояльного гражданина). На практике оно заключается в том, что гражданин освобождается от значительной доли ответственности за результативность своего труда. Это не значит, конечно, что таким правом стараются пользоваться все граждане. Но они им обладают, и средний уровень ответственности на своем рабочем месте здесь ниже, чем на Западе. Человек не может стать безработным в силу низкой квалификации, слабого чувства ответственности или хронической низкой продуктивности.

Таким образом, здесь появляется новый, весьма специфический сорт внутренней свободы, которая даруется, однако, только лояльным гражданам.

Эта свобода есть, безусловно, завоевание социализма, причем именно социализма со сверхцентрализованной экономикой. Здесь нет хозяина, кровно и конкретно заинтересованного в результативности труда каждого работника. И так как это соображение справедливо по отношению ко всем звеньям социалистической экономики, за исключением самой ее верхушки управления, то здесь возникает даже своеобразная круговая порука, взаимная снисходительность к безответственности в деловой сфере.

Я приведу отдельные примеры. Всем известно, как работают в сельском хозяйстве, я бы добавил — и в научных учреждениях тоже, т.е. там, где имеет-

ся известная свобода выбора темпов и качества работы. Я знаю случаи, когда научные сотрудники месяцами безнаказанно не появляются на работе или годами выдают липовые, не конкурентоспособные результаты. В столицах многие научные сотрудники со степенями тратят немалую долю времени на подработку частными уроками для школьников — ситуация, совершенно недопускаемая в США.

В индустрии этой свободы меньше. Однако инженер одного большого горьковского завода рассказал мне: в последнее время они вынуждены мириться с тем, что, бывает, до 6% рабочих приходят на работу нетрезвыми!

Каждый научный сотрудник знает, что в институтах России за «аккордную», т.е. нормальную, скорость выполнения заказов приходится доплачивать механикам спиртом (!) из институтских запасов.

Частые явления — это оформление работников на несоответствующие их квалификации, но выше оплачиваемые должности, завышение проделанных работ в отчетах, нарядах и т.п., причем это делают начальники по соглашению с подчиненными.

Длительное наблюдение показывает, что отсутствие хозяина — не единственная причина возникновения этих любопытных явлений. Современный человек, гражданин индустриально развитой страны, не может не иметь уж совсем никаких прав. Лишенный возможности повышать свой жизненный уровень посредством таких честных и прямодушных действий, как забастовка, демонстрация, публичный протест в печати и т.п., он присваивает себе право работать хуже, иногда намного хуже, чем он мог бы, прибегает к неосознанной и скрытой итальянской забастовке, к обманам и полуобманам. Все это так или иначе повышает его зарплату на единицу реально затраченного труда. В результате — чтобы вернуть его к более нормальной работе — повышают его абсолютную зарплату. Так своеобразно протекает здесь процесс неистребимой борьбы человека за повышение своего жизненного уровня.

Этот процесс можно было бы признать нормальным, если бы он не приводил или, точнее, не был связан с определенным уровнем деморализации общества, типичной для тоталитарного социализма и имеющей отношение к интересам тоталитарной власти.

Здесь, в СССР, некоторые думают, что деморализация в экономической сфере приведет к распаду этого общества, но это ошибка. Диктатуре полезно, если средний гражданин обладает некоторым комплексом вины и благодарности за снисхождение. Заработок населения все же повышается, хотя и остается на достаточно низком уровне, обеспечивающем свободу игры монопольных владельцев инициативы. Повышается и производительность труда — за счет всемирного технического прогресса. Правда, это происходит в большой степени за счет притока информации из наиболее развитых стран, в меньшей — за счет собственных усилий, но все же происходит! В общем, эта система работает.

Здесь нетрудно усмотреть тесную связь этого пункта с пунктом 4 приведенной выше таблицы признаков тоталитарного социализма. Ведь для того, чтобы доля безответственности в деловой сфере была вам прощена, необходима идеологическая лояльность, за которой следит репрессивно-идеологический аппарат, а чтобы эта доля не стала слишком большой — за этим следит тот же везде-

сущий аппарат. Постоянное число отбывающих наказание в лагерях — 1,5 (или, по другим оценкам, 3) миллиона человек. Таков сегодня «естественный уровень деморализации».

Все основные свойства тоталитарного социализма сплетены в крепкий узел. Даже, казалось бы, простая проблема — «право на труд» — отнюдь не столь элементарна. Эта структура требует внимательного и осторожного анализа.

3. О существовании дискретного набора общественных структур

Компактность тоталитарно-социалистической структуры, взаимозависимость ее свойства, которая еще будет детально обсуждаться ниже, говорит об ее исключительной устойчивости. Это само по себе является достаточным основанием, чтобы считать эту структуру ямой, в которую могут скатываться народы при неосторожном к ней приближении.

Как мы знаем по своему опыту, в эту яму гораздо легче попасть, чем из нее выбраться. Эта цивилизация исключает свободную духовную деятельность с таким многократным запасом, что кажется идеальной для консервирования на многие века. В этом коварном смысле можно говорить об «исторической правоте» апологетов этого симбиоза тоталитаризма и социализма. Только совершенно исключительные и нетривиальные усилия противников этого режима могли бы здесь изменить ситуацию.

Конечно, те, чьим идеалом является «мягкий» социализм, должны избегать радикальных путей к своему идеалу. Однако я утверждаю, что ситуация гораздо более драматична, чем это кажется на первый взгляд. В яму тоталитарного социализма можно скатиться, даже идя путями мягких, но безостановочных социальных преобразований. Не любые преобразования, в частности экономические, здесь допустимы, даже если их удастся проводить постепенно и гуманными средствами.

Кроме того, мы должны быть уверены, что помимо указанной неприятной ямы существуют другие устойчивые общественные образования, так сказать, «мягкие ямы», более приемлемые для нас. Устойчивыми я называю такие структуры, которые способны существовать в течение многих поколений под руководством не гениальных, а вполне рядовых лидеров. Ведь если человеческий мир развивается по некоему более или менее однозначному «историческому закону», то рассуждать не о чем, положение безнадежно, и с каждого из нас снимается всякая ответственность.

Вера в неоднозначность общественного развития, с одной стороны, и надежда на то, что исторические альтернативы поддаются некоторому приближенному анализу — с другой, — ключевые пункты моего подхода к проблеме личной ответственности.

Я стою на той точке зрения, что при данном уровне культуры всегда существует целый набор альтернативных вариантов общественных структур, более или менее устойчивых. Далее, кажется очевидным, что не всякие общества возможны. Из этих двух посылок вытекает, что в общем случае допустимые общественные альтернативы образуют хотя и сильно расплывчатый, но все же дискретный набор. Политик-реалист должен изучать то, что можно назвать «формулами устойчивых альтернатив».

Каждый из нас обладает свободой выбора воздействовать на общество так, чтобы оно остановилось на том или другом из возможных альтернативных вариантов. Эта свобода является следствием существенной неоднозначности развития, начисто отрицаемой советской марксистской теорией. Марксистский детерминизм, утверждающий, что «свобода есть познанная необходимость», предписывает нам следовать единственному (предсказанному, разумеется, Марксом) закону развития — иначе будем раздавлены.

Неполитик имеет право следовать идеям и чувствам, не имеющим ко всему этому ровно никакого отношения. Однако политик обязан с чрезвычайным вниманием выслушивать тех критиков, которые утверждают, что его вариант идеального общества на самом деле невыполним из-за принципиальной несовместимости задуманных им признаков. К сожалению, сегодня в мире немало таких последователей Маркса, которые, вероятно, уже сомневаются в единственности пути к идеальному будущему — иначе им пришлось бы оправдывать многое из того, что оправдывать не хочется, но которые все еще верят, что марксистский вариант демократического и гуманного социализма с централизованной плановой экономикой реально выполним. Но это — иллюзия, миф, который не становится «научнее», становясь более массовым. Мы, между прочим, знаем сегодня разные мифы, которые по разным причинам овладевали широкими массами, например, миф национал-социализма; правильность теории не доказывается голосованием.

Я утверждаю, и этому посвящена статья, что централизация в руках государства всей экономики с правом единого централизованного планирования несовместима с точки зрения долговременной устойчивости с демократическими и интеллектуальными свободами, хотя на короткое время их совместить возможно. Но если это верно, то для сохранения «человеческого лица» необходимо держаться на почтительной дистанции от такой реформы, как полная национализация всех средств производства, — она слишком хорошо подходит к тоталитарной структуре, слишком легко сцепляется с ней, чтобы можно было надеяться долгое время удерживать общество от этого сцепления: любая хорошая встряска приведет к образованию устойчивого симбиоза.

Попробуем оценить устойчивые альтернативы тоталитарному социализму. Общество можно анализировать в его разных сечениях. Попробуем учитывать здесь лишь следующие параметры: степень централизации экономической инициативы; наследуемость собственности и инициативы; доля прибыли, идущая в личное пользование владельца.

Если ограничиться лишь самым грубым приближением, то современный западный капитализм характеризуется сравнительно децентрализованной экономической инициативой, еще более децентрализованным распределением собственности, сравнительно небольшой долей прибыли, идущей в личное потребление владельцев инициативы. Важно, что число независимых владельцев, среди которых находится и государство, а также муниципалитеты, существенно больше единицы. Большая часть собственности передается по наследству, сохраняя инициативу внутри одной семьи. Социализм современного тоталитарного типа в СССР не следует путать с рабовладельческим социализмом сталинской эпохи, когда рабы-заклученные представляли примерно четверть индус-

триальной рабочей силы. При возможности абсолютной изоляции от внешнего мира рабовладельческий социализм весьма устойчив.

Современный социализм в СССР связан с максимальной монополизацией инициативы, в частности, экономической инициативы. Коллективный владелец этой инициативы — верхушка государственного аппарата — является владельцем временным, которому, так сказать, «доверено» право игры с собственностью. Формальным же владельцем собственности, средств производства, недр и т.д. является «общество в целом», оно же — единственный наследник. Это последнее обстоятельство могло бы ограничивать свободу произвола истинных владельцев инициативы — но лишь при наличии политических свобод в полном объеме: независимых партий, представляющих различные взгляды на цели и методы независимых профсоюзов, действительно выборного парламента и т.д. Тогда это и был бы демократический социализм с централизованной экономикой, реальную возможность которого в долгосрочном плане я оспариваю.

В советском варианте доля прибыли, идущая в личное пользование коллективного владельца — верхушки государственного аппарата, может быть признана сравнительно небольшой, хотя тридцатикратное превышение доходов элиты над минимальным уровнем не вызывает сомнений. Действительно, огромные суммы расходуются на другое — на содержание всей иерархической пирамиды, поддерживающей сложившуюся структуру, в частности, на содержание необъятного аппарата репрессий и идеологического воспитания.

Какова могла быть устойчивая структура промежуточного, мягко-социалистического типа? Если мои соображения о неустойчивости демократического социализма с монополизированной экономикой окажутся убедительными, то следует признать, что искомая структура должна характеризоваться прежде всего определенной децентрализацией, демонополизацией ненаследуемой (т.е. временной) собственности и инициативы и более или менее однозначно регламентированной (и малой по величине) долей прибыли, идущей в личное потребление временных владельцев инициативы. В дальнейшем этот вариант будет рассмотрен более подробно. Однако вначале следует несколько глубже проанализировать свойства тоталитарного социализма.

4. Бюрократизация сверхцентрализованной экономики и тоталитаризм

Сверхмонополизация экономики приводит к колоссальной бюрократизации управления со всеми вытекающими отсюда последствиями для отдельного человека. Хотя это еще не есть тоталитаризм и тоталитаризм не есть просто власть бюрократии, нельзя отрицать, что такая всеобъемлющая бюрократизация служит хорошим фундаментом тоталитаризму. Но в чем, собственно, заключена связь этих двух явлений, каков ее механизм?

В обыденном понимании бюрократизацию связывают с бумажной волокитой, равнодушием к людям. Это верно — вся эта огромная машина управления, согласования, учета, статистической обработки, планирования, обслуживающая необъятное хозяйство, обладает слишком большим внутренним трением и работает часто на себя, имея дело с фикциями, создаваемыми ею самой. Но, увы, та-

ков естественный коэффициент полезного действия таких машин. Их КПД зависит от размеров системы, и можно с уверенностью сказать, что национализированная экономика огромной страны слишком велика для современного оптимального размера. Тем не менее бюрократия выполняет — в этих заданных условиях — свою необходимую работу, она здесь не только неизбежна, но и необходима. Если бы мы имели дело только с этим морем служащих разного ранга, мы могли бы надеяться, что постепенное проникание культуры и постепенное улучшение нравов сведет к минимуму духовную несвободу. В сфере бюрократии этот процесс фактически происходит — не без влияния социально-этической пропаганды советских инакомыслящих. Но этот процесс наталкивается на исключительно упорное сопротивление партийной верхушки и, соответственно, репрессивно-идеологического аппарата. Полновластные владельцы инициативы не желают терять свои права — но не только в этом дело!

Централизованное планирование и отсутствие свободного рынка создают целый комплекс проблем, с которым бюрократический аппарат не только не способен справиться, но, наоборот, он сам создает новые проблемы. В частности, эта система, взятая сама по себе, без учета волевой шоковой терапии, применяемой время от времени высшим партийным аппаратом, не способна воспринимать достаточно эффективно новые научные и технические достижения. Эта проблема слишком хорошо известна, я мог бы привести бесконечное количество примеров. Конкретные руководители производства, связанные планом, жесткими ограничениями в расходовании средств, лишённые права личной экономической инициативы, не имеющие материальных возможностей для такой инициативы, знают, что для инициативного развертывания нового производства нужно проходить хлопотливый путь «пробивания в верхах». Новый крупный проект обычно может быть внесен лишь в планы последующих пятилеток. Малейшие изменения в проекте, если они связаны с новыми затратами, приходят в противоречие с рамками уже расписанного плана и связаны с новыми оттяжками сроков. Все эти хлопоты и связанный с ними риск «потерять доверие» при неудаче не очень выгодны конкретным руководителям производств. Они стараются «проявлять инициативу» на более проторенных путях, идя по пути скорее количественных, чем качественных изменений производства. Это, конечно, не владельцы инициативы, это, скорее, бюрократы. С некоторыми оговорками эта оценка справедлива также и по отношению к организаторам научных исследований. Нужно признать, что централизация планирования имеет свои законы.

Но как же спутники, ракеты, ядерные боеголовки и прочее? Несмотря на бюрократизацию, несмотря на большую долю безответственности на рабочих местах, экономика развивается сравнительно динамично, пожалуй, не уступая дореволюционным темпам роста, которые с 1885 г. составляли в среднем 5,72% в год. Как это происходит?

Здесь и прослеживаются главные связи. Сверхцентрализация экономики автоматически сцеплена с сверхбюрократизацией, с известной вялостью известных руководителей. Это, однако, частично компенсируется наличием волевой диктатуры центрального владельца инициативы. Этот коллективный владелец, таким образом, не только заинтересован в сохранении своих привилегий истинного владельца, но и видит свою важную роль в этой системе, и видит правильно.

Круг, следовательно, замыкается. Вот почему я уверен, что осуществить сочетание монополизированной в руках государства экономики с демократией трудно. Сможет ли демократия, скажем, Советы, заменить существующий аппарат в его роли активного, инициативного руководителя и надзирателя? Как это конкретно будет выглядеть? Будет ли, например, решение о развертывании нового производства приниматься большинством голосов в каких-либо Советах или с помощью референдума? Кто будет принимать ключевые решения, требующие немедленного принятия? К чему приведет ликвидация целеустремленного репрессивно-идеологического аппарата в условиях слабого стимулирования? Если сохранятся рамки жесткого центрального планирования, то каким будет механизм принятия решений по качественному, а не просто количественному изменению производства? Какова вообще компетентность народных советов в вопросах научно- и технологического прогресса?

Столкнувшись с этими деловыми вопросами, демократия либо примет разумное решение о децентрализации экономической инициативы, об отделении от себя сферы трудных научно-производственных вопросов, сохранив за собой лишь вопросы сохранения интересов трудящихся, либо вернется к централизованной диктатуре технократов со всеми вытекающими отсюда последствиями, в сущности, к самоликвидации демократии. Но стоит ли идея централизованного планирования такой жертвы?

Зачем нужно сохранять такую машину, которую демократия реально перевернуть не сможет, которая по желудку только железному тоталитарному режиму?

Эти соображения менее справедливы в условиях малых стран. Совокупность малых стран с централизованными экономиками образует в целом децентрализованную систему, внутри которой условия для тоталитаризации оказываются ослабленными.

5. Некоторые другие черты тоталитарно-социалистической системы

Итак, социализация современной экономики на практике означает не что иное, как передачу всей инициативы в единые руки не наследственных, однако сверхмонопольных собственников. Она дает большое количество эффектов, не все из которых отрицательны. Но в некоторых отношениях, особенно в плане психологическом, она оказывается возвратом к феодальному абсолютизму. В совокупности со всей системой тоталитаризма это неприятно намекает на возможное начало поворота эволюции к обратному ходу, к деградации. Может быть, не случайно слаборазвитые страны, перескакивая через капитализм (вершину эволюции?), попадают прямо в социализм. Правда, в человеке заложено много еще не известных нам возможностей, и нужно надеяться, что западный капитализм — бесспорно «капитализм с человеческим лицом» — не есть абсолютная вершина человеческого развития.

Национализация частично ликвидирует то ощущение несправедливости, которое связано с существованием чужой собственности и власти денег. Взамен, правда, возникает власть как таковая, чистая власть, но современное понимание справедливости легко справляется с этим обстоятельством. По-видимому, мно-

гие люди с трудом переносят бремя свободы, необходимости деловой конкуренции и личной ответственности за свою судьбу. Они хотели бы передать это бремя куда-нибудь наверх, не всегда понимая, сколь ужасна цена такой передачи. Основной уровень духовной жизни таков, что политическая активность в условиях свобод стимулируется экономическими интересами. Плохо это или хорошо, я не знаю. Однако так как национализация притупляет до предела экономическую активность, то вместе с ней пропадает и интерес к политической игре и к общественной активности. В результате массы предоставляют карт-бланш центральной власти, к которой рвутся немногие, но истинные игроки. Создаются благоприятные условия — не только материальные, но и психологические — для тоталитаризации всех сторон жизни. Так, абсолютная власть над экономикой уже по одной этой причине естественно расширяется до власти политической и в силу тотальности той и другой — до власти духовной. Вакуум не остается незаполненным. Тут в высшей степени легко задушить независимые средства получения и распространения информации и уморить инакомыслие даже просто голодом, недопущением до определенных сфер деятельности — ведь все сферы деятельности контролируются и планируются государством.

Правда, нужно заметить, что в настоящее время в СССР, благодаря распространению транзисторов, живучести буржуазного окружения и росту числа зарубежных командировок, мы получаем возможность знакомиться с неофициальной информацией. Еще большую роль играют героические усилия инакомыслящих. При сталинизме же большинство граждан жило в совершенно фантастическом мире.

В этой системе репрессивный аппарат работает в таком тесном содружестве с идеологическим, что их иногда трудно отделить друг от друга, да они переплетены и в кадровом отношении. Можно приводить бесконечное количество примеров. В Киеве секретарь парторганизации Союза писателей продержал в милом разговоре писателя Миколу Руденко, давно исключенного и из Союза писателей, и из партии, как оказалось, только для того, чтобы за эти четыре часа бессодержательного разговора КГБ успело вмонтировать подслушивающее устройство в комнате писателя. Но плохое качество работы выдало их (о, святая безответственность!). Когда Руденко пришел домой, он обнаружил развороченный потолок и что-то металлическое в дыре, просверленной из комнаты верхнего соседа. По дороге домой милиция держала его такси еще около часа по пустой придирке; испуганный шофер даже не взял с Руденко плату за такси!

Я знаю, что западные интеллигенты нередко утешаются надеждой, что наиболее отрицательные свойства советского тоталитаризма не смогут привиться на европейской почве, что русский народ обладает якобы особенной привязанностью к тоталитарным формам жизни. Это опасная иллюзия. Когда тоталитаризм одерживает победу, он затем формирует себе нацию с нужными качествами и тем продлевает свое существование. В русскую исключительность вообще можно было бы поверить, если бы в Западной Европе не было, и совсем недавно, национал-социализма и фашизма.

Дореволюционная Россия не была ни тоталитарной, ни отсталой страной. Она занимала общее пятое место в мире по промышленной продукции, быстро догоняя конкурентов, занимала первое место по темпам промышлен-

ного развития. Например, авиационная промышленность в России выпустила к 1916 г. 1100 отечественных самолетов. Эти факты грубо искажались советской пропагандой. «Мы не имели своей авиационной промышленности, — говорил Сталин, — теперь мы ее имеем». Действительно, кровавый спуск революции и гражданской войны довел экономику страны до уровня петровских времен... Дореволюционная фундаментальная наука дала открытия, не превзойденные советской наукой, и такие имена, как Лобачевский, Менделеев, Павлов, Мечников и др. В сфере политических свобод можно указать хотя бы на то, что центральный орган большевиков «Правда» издавался с 1912 г. в легальной российской типографии.

С другой стороны, ясно, что в результате эгоизма, негибкости и недалекости правящей верхушки социальное развитие искусственно задерживалось в течение слишком длительного времени, так что проводившиеся после 1905 г. реформы уже не ослабляли, а развязывали накопившиеся силы ненависти. Чего действительно не умели и не умеют делать в России — это вовремя проводить реформы.

6. Миф «научного социализма»

Большую роль в укреплении престижа тоталитарно-социалистической идеи играет распространение одного мифа, идущего со времен Маркса: что «научная» организация общества требует в качестве одного из важнейших предварительных условий передачи всех средств производства в руки государства — для организации «научного» планирования. Это одна из основ «научной» веры советских коммунистов и множества сочувствующих им в стране и за рубежом.

Здесь обнаруживается, во-первых, непонимание сущности науки. Наука сама в своих основах не поддается научному планированию, ее фундаментальные открытия, способные кардинально изменить лик общества при любой исходной социальной структуре, непредсказуемы. Внутри социалистического общества наука оказывается сферой частной инициативы! Социалистическому государству, в сущности, приходится бороться с этим пережитком буржуазных свобод — и мы здесь, в СССР, являемся свидетелями этой борьбы. При сталинизме подвергались жестокому преследованию все кардинальные научные направления, не вытекающие из задач, поставленных «научным» планированием. И только тогда, когда Запад показал, как эти направления преобразуют те самые производительные силы, которые, если их «научно» не планировать, вроде бы должны развиваться из рук вон плохо, — только тогда эти направления были реабилитированы. Планирование самих научных исследований в Советском Союзе во многих случаях носит характер планирования научного отставания. Разумеется, полная картина отношений между государством и наукой более сложна и содержит один неожиданный для марксистской «науки» элемент. Дело в том, что поле деятельности государственного владельца также оказывается сферой его частной инициативы! И в той мере, в какой полезность новых научных направлений становится ему понятной, — и только в этой мере — он может дать свое хозяйское «добро» этим направлениям. Но зато этим направлениям может быть обеспечена «зеленая улица». Беда в том, что для понимания полезности даже специалисту

нужно видеть перед собой готовые, т.е. кем-то приготовленные, варианты предложений. Отсюда и возникает, если оценивать в целом, «бег вдогонку» в фундаментальных, да и во многих других науках.

Вторая и главная ошибка этого «научного» мифа заключается в том, что любое планирование предполагает предварительную формулировку целей и методов их осуществления — в соответствии с принятыми моральными принципами. Однако и цели, и методы, и мораль — это вещи, которые не поддаются научному обоснованию, они вообще находятся вне науки. Может быть, большинство народа простым голосованием определит и цели, и методы? Но тогда при чем здесь «научный социализм»? Это будет просто «буржуазная» демократия!

Отношения между тоталитарной властью и большинством обычно более чем «гармоничны». Это одна из характерных особенностей этого режима, в отличие от «буржуазной» демократии с ее более или менее свободной конфронтацией различных общественных сил. Куда бы ни шарахалось советское правительство — мы всегда с ним. Такая власть имеет огромную свободу выбора — и она ее осуществляет.

В том-то и дело, что централизация экономики для ее «научного» планирования оборачивается прежде всего фантастической концентрацией возможностей полного произвола. Такое общество в принципе гораздо более волюнтаристично, чем общества с децентрализованными, разнонаправленными инициативами, где хотя бы частично действует закон усреднения сил. И тем не менее «научная» идея «научного социализма» или «научного» коммунизма гипнотизирует миллионы людей! Слишком многим в мире кажется, что единственной альтернативой частной собственности должна быть собственность «общегосударственная».

7. Призрак тоталитаризации мира

Я считаю, что мир приближается к опасной черте полной тоталитаризации. На это имеются весьма общие и глубокие причины.

Прежде всего, нравственные требования в отношении насилия над духовной жизнью у подавляющего большинства народов мира очень невысоки и легко вытесняются другими интересами. Но как раз глобальное насилие над духовной жизнью, даже в ее небольших проявлениях, является особым отличительным признаком тоталитарного социализма. У большинства современных людей тоталитаризм сам по себе не встречает серьезного протеста, если ему удастся удовлетворить хотя бы какую-то часть их взаимно противоречивых потребностей.

Далее, желание перемен, особенно перемен в социалистическом направлении, является буквально болезнью эпохи. Конечно, это желание часто опирается на справедливые эмоции в отношении капиталистической эксплуатации и эгоизма богатых классов. Но кроме эмоций оно также опирается на общую ложную идею, что люди могут разрешить все свои проблемы с помощью социальных преобразований, и на еще более ложный миф «научного социализма». Я не хочу этим сказать, что социальные реформы нигде не нужны, наоборот, их надо проводить вовремя, так как большие запаздывания таят в себе потенциалы насилия. Но, во-первых, если все же значительная часть человечества не умирает сегодня от

голода и болезней, то это не столько от справедливого распределения своих богатств, сколько от великих научных и нравственных достижений западных цивилизаций. Во-вторых, я уверен, что при данном уровне культуры и морали существует некий оптимальный уровень социальных преобразований, за пределами которого ситуация с человеческим счастьем может только резко ухудшиться.

Этого последнего обстоятельства не понимают нигде, в том числе в странах Запада, где это особенно непростительно: ведь они не умирают от недоедания. Бесконечная лента социальных преобразований может неожиданно сбросить Запад в пропасть тоталитарного социализма. Запад вообще не вполне ощущает опасность, идущую от растущего тоталитарно-социалистического окружения. Все еще господствует мнение, что тоталитаризм — лишь временная оболочка социализма, принципиально чуждая ему, которую он по мере развития сбросит. Нет понимания того, что в варианте, так сказать, «полного» социализма социализм и тоталитаризм подходят друг другу как левый сапог правому.

Западная демократия, если она не укрепитя высоким нравственным потенциалом и более ясным пониманием своих целей, не сможет эффективно противостоять натиску тоталитарного социализма. Если говорить о внешних причинах, то они здесь, по существу, те же, что обеспечивают исключительную устойчивость этого режима. Если, например, более высокие научные и технологические результаты Запада легко переходят в лагерь социализма, то научная и техническая информация последнего может быть закрыта в любой момент, как и любая другая информация. Наоборот, гуманитарные достижения Запада остаются неизвестными на Востоке, да и почти не могут быть там использованы, тогда как поток пропаганды, дезинформации и особым образом ограниченной информации свободно течет в обратном направлении. Наконец, капиталы стран рыночной экономики не могут маневрировать на территориях стран с плановой экономикой, тогда как обратное вторжение возможно. Мировая система социализма по мере своего расширения и укрепления будет в принципе способна целенаправленно влиять на кризисные ситуации в капиталистической системе, тогда как обратная возможность существенно ограничена: при тоталитарном социализме даже очень крупные кризисы, результаты просчетов, экономического произвола или стихийных бедствий — демпфируются тем, что очень быстро распределяются на плечи всего населения или его большей части. Население при этом не протестует, потому, во-первых, что для людей вообще более важна разница в уровнях потребления, чем его абсолютная величина, во-вторых, тотальные средства дезинформации, включая полное сокрытие информации, не позволяют им разобратся, что и где происходит; наконец, и репрессивный аппарат не дремлет.

Тоталитарный социализм является исключительно удобной и заманчивой системой для тех лидеров, которые хотели бы вести крупную и азартную игру. Он позволяет довольно быстро получать некоторые положительные результаты, например, в индустриализации отсталой или разрушенной страны, т.е. в чрезвычайных обстоятельствах, которые, между прочим, можно создавать искусственно. Это кажется более привлекательным, чем терпеливое постепенное развитие. Но затем оказывается, что этот путь является тупиковым для очень многих сфер человеческой интеллектуальной, духовной, эстетической жизни, вообще для активной человеческой жизни.

Потенциалы насилия, всегда существующие в человеческом обществе, используются государством для целенаправленного подавления личности. Личность может проявить себя лишь в сфере государственной игры. Чувство коллективизма, также всегда присутствующее в людях, направляется государством на подавление малейших проявлений индивидуальности. Это происходит не столько по злой воле, хотя и без нее не обходится, сколько по внутренним свойствам структуры.

На Западе немало людей, искренне думающих о счастье человечества. Хочется поскорее избавить людей от физических и даже нравственных страданий. То, что нравственные страдания формируют личность, а ограниченные по величине физические трудности необходимы для развития, кажется, вообще перестает приниматься во внимание. Здесь что-то напутано и требует упорядочения.

8. Поиски выхода: этическое антитоталитарное движение

По совокупности причин зона тоталитаризма нового типа медленно, но неуклонно расширяется, причем происходит незаметная идеологическая и психологическая инфильтрация стран с устойчивыми демократическими традициями. Существует ли выход из складывающейся ситуации?

Я не считаю положение безнадежным. При этом я, разумеется, не считаю для себя допустимым обсуждать выходы, связанные с насилием, и не только по моральным соображениям. Никакое насилие не сможет сейчас изменить к лучшему ту психологическую ситуацию, которую я описал выше, — только к худшему. В сегодняшнем мире сильные встряски могут только увеличить вероятность тоталитаризации именно потому, что существует и апробирован устойчивый симбиоз описанного выше типа. Он имеет слишком глубокие корни, чтобы с ним можно было бороться с помощью примитивного насилия.

На мой взгляд, необходимо пытаться, не рассчитывая на скорый успех, но и не считая эту программу утопичной, постепенно изменять общую нравственную атмосферу, очень остро поставив вопрос о насилии в сфере духовной жизни человека.

Я настаиваю на том, что преследование независимой интеллектуальной, духовной, нравственной жизни в системах социалистического тоталитаризма, проводимое с применением жестокого и унижительного физического насилия, есть современная форма каннибализма, эквивалентная уничтожению «неполноценного» меньшинства в не столь далеком прошлом европейской истории. С этим должно быть покончено. Удивительное равнодушие, которое иногда проявляет западная общественность к ответственным сообщениям советских борцов за гражданские права — об арестах и спецпсихушках за убеждения (а не за насилия или призывы к насилию!), о крайней жестокости концлагерей и тюрем, о беспрецедентной для новейшей истории несвободе печати, мысли, совести, об отнятии детей у «слишком» религиозных родителей, — аморально и недальновидно.

Учитывая исключительность ситуации, я бы предложил всем, кто осуждает тоталитаризм, исходя из нравственных побуждений, организационно объединиться в единое этическое антитоталитарное движение.

Такое движение не ставило бы своей целью слишком всеобъемлющую нравственную проповедь; из всей иерархии нравственных принципов оно выделило бы, может быть, один, но обладающий бесспорным приоритетом с точки зрения поставленной цели. На мой взгляд, этот принцип должен гласить: категорически осуждается и признается тяжким преступлением физическое насилие над людьми, не виновными в физическом насилии.

В сущности, это и есть тот принцип, та нравственная вера, которой придерживается большинство советских инакомыслящих.

Всякая мораль, как сформулированный кодекс поведения, лишь частично опирается на реальные возможности человеческой души. В основном же — на веру в этот кодекс, который сам по себе недоказуем. Хотя человеческая мораль есть продукт мысли гениальных пророков, «доказательства» иногда «содержатся» лишь в их страданиях. Удивительным и обнадеживающим прецедентом светской религии, основатель которой, по-видимому, не принял дозы страданий, является конфуцианство.

9. Поиск выхода, вариант децентрализованного социализма с частной инициативой, но без частной собственности

Помимо этической программы мы должны предложить людям — тем, кого это волнует, — также положительную социально-экономическую программу. Следует учитывать растущее отвращение к частной собственности, придав ему конструктивные формы.

Мы должны позаботиться о том, чтобы та модель, которую мы предлагаем, была устойчива. В то же время в ней должны быть обеспечены свободы идеологического плюрализма. Как ясно из предыдущего, это, во всяком случае, должно быть общество без абсолютизма государственного планирования и государственной собственности на подавляющую часть средств производства — необходимое, хотя и недостаточное условие.

Выше я показал, что так называемая общегосударственная собственность легко оказывается на практике, в условиях современной индустриализации, особым типом временной монополевой собственности в руках немногих руководителей, обладающих монопольным правом инициативы. Особый характер этой собственности состоит в том, что прибыль, нажива не являются стимулами деятельности руководителей, и это, между прочим, дает большой психологический эффект «доверия к руководителям». Именно в этом смысле эта собственность может быть названа социалистической.

Советский вариант социализма мог быть назван «централизованным социализмом с централизованной частной инициативой», но без частной собственности.

Частичный сдвиг стимулов из сферы накопления богатств для себя и своего потомства в сферу творческого интереса к экономической игре произошел уже в рамках современного капитализма — не без давления общественной морали. Однако при соответствующих условиях творческий стимул поглощается стимулом проявления власти над людьми. Предельная монополизация собственности является одним из таких условий.

Так или иначе, современная психология руководства крупным хозяйством такова, что при соблюдении определенных границ, запрещающих сверхмонополизацию собственности, патриархальный стимул личной наживы и передачи собственности по наследству мог бы быть заменен стимулом интереса к игре. Это значит, что постепенное лишение крупных предпринимателей права передачи собственности по наследству, лишение их права изъятия капитала для целей личного потребления, перевод их на заработную плату, зависящую от прибыли, с полным сохранением всех остальных существующих прав свободной экономической игры, следовательно, с сохранением рыночной экономики — сохранит достаточно высокий уровень экономического стимулирования, характерный для капиталистической системы, но отсутствующий на этом уровне руководства в системе монополистического социализма. В то же время это частично удовлетворит современному чувству справедливости.

Несомненно, югославский вариант децентрализованного социализма удовлетворяет этому чувству больше; однако я считаю его недостаточно динамичным для современной экономики и, что хуже, недостаточно освобожденным от черт тоталитаризма: самые ответственные решения и в этом варианте принимает партийное руководство. И это естественно, так как рабочее самоуправление — слишком рыхлая система для принятия таких решений. В варианте, который я здесь предлагаю, рабочие советы должны заниматься не управлением производства, а защитой интересов рабочих.

Аналогичная программа, но с движением в обратном направлении, т.е. от социализма тоталитарного к социализму децентрализованному, выдвигается частью советских инакомыслящих, в частности А.Д. Сахаровым. Это есть программа передачи экономической и производственной инициативы в руки непосредственных руководителей, децентрализация инициативы. Необходимость частичного введения сфер свободной инициативы именно в том аспекте, как это описано выше, я формулировал в своем письме Л.И. Брежневу в 1973 г.

При этом имеется в виду, что определенная часть экономики в известных отраслях будет управляться по-прежнему непосредственно государством. Государственный сектор необходим уже хотя бы для того, чтобы демпфировать кризисные ситуации.

Должны быть, кроме того, сняты всякие ограничения на частную собственность обычного типа, если ее хозяин не эксплуатирует наемных работников.

Косвенным указанием на то, что предлагаемый здесь режим децентрализованного социализма почти автоматически сцеплен с демократическими свободами, является следующее. Несколько лет назад советские руководители начали экономическую реформу как раз в указанном направлении, пытаясь таким образом уменьшить вялость непосредственных организаторов производства, повысить их инициативу и ответственность. Но они остановились и отступили. Стало, по-видимому, ясно, что на этом пути полумерами не обойдешься, одна реформа потянет за собой другую, т.е. возникнет опасность сползания в нежелательную для них структуру, в которой децентрализация экономической инициативы смыкается с децентрализацией инициативы политической.

Источник: Самиздат века. Минск-М.: Полифакт, 1997.

Н.Д. Солженицына

В ЗАЩИТУ АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА*

Сегодня исполнилось 8 лет, отнятых из жизни Александра Гинзбурга советскими тюрьмами и лагерями.

Я знаю Александра Гинзбурга 14 лет. Мы познакомились в 1964, когда ему было 28, и он уже отсидел 2 года в лагере. Он привлекал своей открытостью, острым вниманием к несправедливости и чужому горю, светлой душой, чётким умом. Вскоре его снова арестовали и дали 5 лет лагерей строгого режима. Александр Гинзбург — из тех редких людей, для кого собственные страдания кажутся ничтожными в сравнении с морем горя вокруг. В лагере его сердце вместило трагические судьбы сотен друзей-заключённых, бедствия их жён и детей. Я была очень дружна с его женой Ириной и хорошо помню, как он писал ей из тюрьмы незадолго до освобождения: пойми и прими, — я никогда не смогу забыть тех, кто останется здесь, я должен отдать им все силы. Это значило: и после освобождения не будет покоя и благополучия. Верная Ирина приняла это.

Когда в 1972 он, после второго срока, тяжело больным вышел из тюрьмы, он познакомился с Александром Солженицыным и вызвал его глубокое уважение неизменной верностью узникам Архипелага и спокойным мужеством, с которым готов был на новые лишения и новый арест. Они стали друзьями. Тогда же у них возникла идея наладить систематическую помощь семьям эзков. Для этой цели А. Солженицын предложил свои литературные гонорары на Западе. Тогда же, в 1973, эта помощь начала осуществляться.

Тотчас после насильственной высылки из СССР в 1974 году, А. С-н основал в Швейцарии Русский Общественный Фонд, куда отдал все гонорары от книги «Архипелаг ГУЛаг», во всех странах и на всех языках. Главным распределителем средств Фонда на территории СССР стал Ал-др Гинзбург и оставался им беспрерывно 3 года, вплоть до ареста. За это время фонд помог сотням семей заключённых, не делая никаких национальных, политических и религиозных различий. Среди тех, кто получил нашу помощь — русские, украинцы, литовцы, евреи, немцы, армяне, грузины, эстонцы, татары; православные, мусульмане, иудаисты, баптисты. Единственным критерием при распределении средств Фонда является степень нужды данной семьи. Ал-др Гинзбург обладал исключительными качествами для этой трудной и опасной работы: доброта, бесстрашие, спокойствие, редкая память: он помнил, сколько у кого детей, какой мальчик болен и какое лекарство ему нужно, у какой девочки нет тёплой одежды, чья жена не имеет денег на посылку мужу, кому не под силу купить билет, чтоб поехать в лагерь на свидание. Тяжело больной, он находил время для всех. Он работал в условиях постоянной слежки, подслушивания, перехвата писем, многократных грабительских обысков.

* Об А. Гинзбурге см. т. 2, стр. 24.

В феврале 1977 Ал-др Гинзбург был арестован органами Государственной Безопасности. Мне хотелось бы привлечь внимание присутствующих к тому яркому факту, что именно Госбезопасность занимается этим делом: в нашей стране милосердие всегда считалось опасным для государства. Коммунисты ведут войну с милосердием уже 60 лет. Ещё в 20-х годах естественное право благотворительности было запрещено и отобрано не только у Церкви, но у любой общественной организации или группы лиц. Был разгромлен Политический Красный Крест, оставшийся по традиции от дореволюционной России, его работники арестованы и уничтожены. При коллективизации (1930) вместе с главой семьи уничтожались все члены её вплоть до младенцев! — вот тактика коммунистов. Так было уничтожено 15 миллионов душ! Во время 2-й Мировой войны Советский Союз был единственным из союзников, кто запретил Международному Красному Кресту помогать своим пленным воинам: в лагерях советских военнопленных умирало 90%, а живые варили подметки обуви, ели летучих мышей. В наши дни конвой спускает собак на того, кто осмелится подойти к колонне заключённых, чтоб кинуть голодным кусок хлеба, а может и открыть огонь — «гуманный» советский закон позволяет это. Раньше в России ни одна бедная вдова не садилась за пасхальный стол, не отнесла в городскую тюрьму угощения для неизвестных ей узников, такова была традиция, — сейчас заключённый имеет право на одну 5-килограммовую посылку в год, и то отсидев половину срока.

Наш Фонд — это попытка помочь возрождению глубоко укоренённого в нашем народе чувства сострадания. Попытка помочь выжить узникам сегодняшнего Архипелага и их измученным семьям. Показать им, что они не одни перед лицом страшной коммунистической машины уничтожения. Именно поэтому деятельность Фонда вызывает ярость советских властей. Арестован А. Гинзбург. Расправились с его преемниками: Мальва Ланда сослана в Сибирь, Татьяна Ходорович и Кронид Любарский принуждены к эмиграции. Разыскивают и преследуют семьи заключённых, кто получает помощь Фонда. КГБ перенесло борьбу с Русским Общественным Фондом и на Запад. Сейчас советская разведка пытается добыть в Швейцарии фамилии советских граждан, получавших помощь, и старается опорочить Фонд, рассылая в западную печать анонимные письма. Ни один фонд в мире не работает в столь тяжелых и опасных условиях. И тем не менее — он действует! Его помощь нужна тысячам советских зэков. К их скорбному списку теперь добавились мужественные члены Хельсинкских групп, уже сообщалось о попытке КГБ арестовать рабочих, заявивших о своём намерении создать независимый профсоюз, ещё многих упрячет в тюрьмы режим людоедов, смеясь над любыми договорами. Сейчас Фондом руководит жена Гинзбурга Ирина вместе с Сергеем Ходоровичем. Подумайте: жена человека, арестованного за милосердие, встаёт на его место — что может ярче доказать чистоту и праведность его дела?

Людям свободного мира нелегко понять, как можно преследовать за милосердие? Почему так? Потому, что коммунизм по самой сути своей — враг гуманизма, враг любой религии, враг милосердия. Потому что протянутая рука ближнего лишает государство тотальной власти на телами и душами его граждан-рабов. Вот этой протянутой руки власть не простила Александру Гинзбургу. За это — он арестован. За это — его держат год без суда, в полной изоляции.

Об этом — допрашивают сотни людей, угрозами принуждая их лжесвидетельствовать. За это — его будут судить. Какие бы вздорные обвинения ни выдвинули власти на суде, какой бы спектакль ни поставили, — это будет суд коммунизма над милосердием.

Я призываю всех, кто услышит меня, — помочь отстоять растоптанное коммунизмом человеческое право помогать и принимать помощь, помешать расправе над Александром Гинзбургом.

Я прошу всех верующих молиться за этого человека, истинно положившего «жизнь свою за други своя».

3. 2. 1978

Нью-Йорк

Наталья Солженицына

*Президент Русского Общественного
Фонда помощи преследуемым и их семьям*

Источник: Вестник русского христианского движения, № 124, 1 — 1978. (Париж-Нью-Йорк — Москва).

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ*

№ 40

20 мая 1976 года

<...>

СУД НАД ВЯЧЕСЛАВОМ ИГРУНОВЫМ

С 11 по 13 марта в Одесском облсуде слушалось дело о применении мер медицинского характера к Вячеславу ИГРУНОВУ. Его действия квалифицировались по ст.187-1 УК СССР (соотв.190-1 УК РСФСР).

Согласно «Постановлению органов следствия о направлении дела в суд» (аналог обвинительного заключения):

ИГРУНОВ Вячеслав Владимирович, родился 28 октября 1948 г., русский, образование среднее, работавший до ареста электриком облбытуправления, арестованный 1 марта 1975 г., — занимался в течение 1972-1975 гг. изготовлением и распространением «антисоветских клеветнических произведений».

В 1972-1974 гг. ИГРУНОВ распространял клеветнические произведения: более 10 выпусков «Хроники текущих событий», статью Л. ВЕНЦОВА «Думать!», работы АМАЛЬРИКА, САХАРОВА, книги СОЛЖЕНИЦИНА «В круге первом», «Раковый корпус», «Август Четырнадцатого» и «Архипелаг ГУЛаг».

В 1974-1975гг. распространял, размножал или пытался размножить произведения АВТОРХАНОВА «Происхождение партократии» и «Технология власти» и СОЛЖЕНИЦИНА «Письмо вождям Советского Союза» и «Архипелаг ГУЛаг».

Ознакомил с «Архипелагом ГУЛаг» свидетеля МИРОЛЮБОВА. В беседах с МИРОЛЮБОВЫМ допускал клеветнические измышления, порочащие советский строй.

С целью распространения хранил у себя дома статью В. МОРОЗА «Репортаж из заповедника им. Берия», которая в августе 1974 г. была передана в КГБ женой ИГРУНОВА С. АРЦИМОВИЧ.

С целью распространения хранил 32-й выпуск «Хроники текущих событий», ознакомил с ним С. АРЦИМОВИЧ. Совместно с АРЦИМОВИЧ составил картотеку (именной указатель) к этому выпуску на 616 листах, куда перенес часть клеветнических сведений из «Хроники». И «Хроника», и картотека были изъяты у ИГРУНОВА на обыске 1 марта 1975 г.

С целью распространения хранил на квартире у родителей экземпляр «Технологии власти» АВТОРХАНОВА, а также антисоветские клеветнические произведения: «Проект основного закона России», автором которого является пси-

* Справку о бюллетене см. т. 2, стр. 429, №1 см. т. 2, стр. 27

хический больной В. ХАРИТОНОВ, «Три русских революции», «Дисангелие от Марии Дементной».

<...>

Выступление прокурора САДИКОВОЙ

Установлено, что на протяжении длительного времени ИГРУНОВ занимался изготовлением, хранением и распространением клеветнической литературы, порочащей советский строй. Частью это была литература, изданная за рубежом, частью — произведения Самиздата. Все они содержат клевету на наш строй, на марксистско-ленинское учение, на историю СССР. ИГРУНОВ хранил, распространял, размножал или пытался размножить «Технологию власти» АВТОРХАНОВА, его же «Происхождение партократии», «Письмо вождям» и «Архипелаг ГУЛаг» СОЛЖЕНИЦЫНА. Во всех упомянутых произведениях содержится клевета на советский строй, «на возникновение советской власти». Вина ИГРУНОВА подтверждается показаниями РЕЗАКА, КУЛАКОВОЙ, ШКОРБУТА, МИРОЛЮБОВА. Из показаний МИРОЛЮБОВА также следует, что ИГРУНОВ распространял клеветнические сведения в устной форме.

В 1972-74 гг. ИГРУНОВ распространял клеветнические антисоветские материалы, в том числе так называемую «Хронику текущих событий», с 32-м выпуском которой ознакомил жену и привлек ее к работе по созданию картотеки к этому выпуску. Из сопоставления протокола осмотра «Хроники» с протоколами уголовных дел, упоминаемых в ней, обнаруживается клеветнический характер этого бюллетеня. Кроме того, в нем содержится клевета на внутреннюю политику СССР, «на места лишения свободы», пропагандируется антисоветская литература.

Указанные факты подтверждены данными как предварительного, так и судебного следствия. Распространение «Архипелаг ГУЛаг», более чем 10 номеров «Хроники» подтверждается показаниями ПАВЛОВСКОГО (хотя он и отказался давать показания в суде), а также АЛЕКСЕЕВА-ПОПОВА. Показаниями ПАВЛОВСКОГО также подтверждается распространение статьи ВЕНЦОВА «Думать!», где «с клеветнических позиций освещаются вопросы культуры, идеологической мысли».

ИГРУНОВ хранил дома статью МОРОЗА, клеветующую на национальную политику СССР и на деятельность советской администрации. К делу приобщено определение суда о направлении на принудительное лечение в психбольницу В. ХАРИТОНОВА, автора одного из клеветнических материалов, хранимых ИГРУНОВЫМ у родителей. Известно, что МОРОЗ за свою статью также привлечен к уголовной ответственности.

Итак, доказано, что ИГРУНОВ совершил преступление. Однако следует выяснить еще ряд вопросов:

- было ли вменяемым лицо, совершившее преступление;
- если нет, то следует ли применить меры медицинского характера и какие именно.

Стационарная экспертиза показала, что ИГРУНОВ страдает душевным заболеванием в форме шизофрении и инкриминируемые деяния совершил в состоянии невменяемости. ИГРУНОВ нуждается в принудительном лечении. При этом

следует учесть, что совершенное ИГРУНОВЫМ преступление не отнесено законом к категории тяжких и не представляет большой опасности для общества.

ИГРУНОВ совершил деяния, предусмотренные ст.187-1 УК УССР, и нуждается в принудительном лечении в больнице общего типа.

Выступление адвоката НИМИРИНСКОЙ

Прежде всего надо выяснить, имели ли место все те общественно-опасные деяния, о которых идет речь в «Постановлении», и подпадают ли они под признаки диспозиции ст.187-1 УК УССР.

По эпизодам:

1) Эпизод передачи ПАВЛОВСКОМУ произведений СОЛЖЕНИЦЫНА, ВЕНЦОВА, «Хроники» не подтвержден в судебном заседании. Мы лишены возможности перепроверить в суде его показания, данные на предварительном следствии.

ПАВЛОВСКИЙ заявил, что вводил следствие в заблуждение, и отказывается от показаний. Показания АЛЕКСЕЕВА-ПОПОВА не проясняют дела — получил «Архипелаг ГУЛаг» от ПАВЛОВСКОГО, а где взял эту книгу ПАВЛОВСКИЙ, не знает. Эти показания касаются только ПАВЛОВСКОГО, но не ИГРУНОВА.

2) Показания В. РЕЗАКА о том, что летом 1974 г. ИГРУНОВ передал ему через О. КУРСУ фотопленки с «Технологией власти», не убедительны и противоречивы. В суде выяснилось, что, вопреки показаниям на предварительном следствии и «Показанию о совершенном преступлении» от 16 февраля 1975 г., РЕЗАК не знал, что он получил, сколько и от кого. РЕЗАК утверждает, что обо всем этом узнал от следователя. О том, что пленки с «Технологией власти» получены КУРСОЙ от ИГРУНОВА, РЕЗАК знал лишь со слов КУРСЫ. С ИГРУНОВЫМ он об этом не говорил. Пленки изъяты у КУРСЫ. Здесь же рассматривается дело ИГРУНОВА, а не КУРСЫ. Если КУРСУ не сочли нужным даже вызвать в суд, значит, показания РЕЗАКА, виновного в общественно-опасной деятельности, отражают лишь мнение следствия, а не установленные факты.

3) Эпизод передачи фотопленок РЕЗАКУ в феврале 1975 г. защитой не оспаривается.

4) Необходимо исключить из обвинения эпизоды хранения «Репортажа из заповедника им. Берия» В. МОРОЗА, «Хроники» №32, а также обнаруженных у родителей ИГРУНОВА «Технологии власти», «Трех русских революций» и т.д.

Хранение не является преступлением, предусмотренным ст.187-1. Ответственность за хранение антисоветской литературы предусматривает ст.62 УК УССР, но не 187-1.

Материалы, изъятые на обыске у родителей ИГРУНОВА, не могут иметь отношения к данному делу, ибо нет прямых показаний, что они принадлежат Вячеславу ИГРУНОВУ.

О 32-м выпуске «Хроники». Обвинение утверждает, что «ИГРУНОВ ознакомил с ним жену». Жена ИГРУНОВА С. АРЦИМОВИЧ, начав давать показания в суде, внезапно отказалась продолжать. Но даже из сказанного ею ясно, что «Хроникой» она и муж владели вместе. Записи в картотеке частично исполнены ее рукой. Этот эпизод также надо снять.

5) Эпизод, связанный с передачей книги «Архипелаг ГУЛаг» МИРОЛЮБОВУ, защита не оспаривает. Факт устных высказываний также доказан.

О заключении судебно-медицинской экспертизы. Защита не может спорить с диагнозом, поставленным специалистами. Но следует отметить, что данный случай достаточно сложен. К 25 мая врачи не смогли прийти ни к какому заключению и дали, так сказать, заключение о невозможности дать заключение. «Клиническая картина не ясна. Необходимо продлить наблюдение». Но 29 мая врачи почему-то отказались от дальнейшего наблюдения и от дачи заключения — из-за сложности случая. Правда, эксперт ЛЯМИНА сообщила нам о колебаниях некоторых членов комиссии и о том, что были «сторонники» шизофрении, — но в акте сказано лишь о психопатической структуре личности. В Институте им. Сербского также не смогли сразу поставить диагноз — в акте от 28 июля был приведен ряд признаков, но диагноз поставлен не был. И лишь 1 сентября появилось категорическое заключение о невменяемости с диагнозом «шизофрения».

Уже и в этом заключении необходимость направления в больницу специального типа не была строго мотивирована, и по этому пункту защита и раньше готова была спорить с заключением. Дело в том, что ст.187-1 карает не за особо опасные преступления; деяния, подпадающие под признаки этой статьи, не представляют большой опасности для общества. Но — в суде эксперт АЗАМАТОВ сам отказался от этого пункта; он считает, что достаточно помещения в больницу общего типа. Мнение эксперта, конечно, не обязательно для суда, но оно должно быть учтено.

Защита просит вынести определение о принудительном лечении в больнице общего типа.

* * *

Суд удаляется на совещание.

Объявляется перерыв, длившийся около двух часов.

После перерыва зачитывается Определение суда:

ИГРУНОВ в течение 1974-75 гг. распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Суд счел доказанными: эпизоды, связанные с МИРОЛЮБОВЫМ; факт ознакомления С. АРЦИМОВИЧ с «Хроникой» №32 и составление совместно с ней картотеки.

Сняты обвинения в передаче ПАВЛОВСКОМУ книги «Архипелаг ГУЛаг», выпусков «Хроники» и статьи Л. ВЕНЦОВА «Думать!» — за невозможностью перепроверить в судебном следствии показания ПАВЛОВСКОГО.

За недоказанность намерения к распространению сняты обвинения в хранении у родителей «Технологии власти» АВТОРХАНОВА, «Дисангелия от Марии Дементной», статей «Три русских революции» и «Проект основного закона России».

Исключено обвинение в хранении «Репортажа из заповедника им. Берия» В. МОРОЗА.

Судебно-следственной психиатрической экспертизой установлено, что ИГРУНОВ страдает душевным заболеванием — хронической шизофренией.

Суд определил:

ИГРУНОВА Вячеслава Владимировича подвергнуть принудительному лечению в психиатрической больнице общего типа.

Суд вынес частное определение в отношении свидетеля Г.О. ПАВЛОВСКОГО — о привлечении его к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в суде. (Санкция соответствующей статьи УК УССР — до трех месяцев исправительных работ — Хр.)

* * *

Нетрадиционной юридической корректности суда (если не принимать во внимание почти полного отсутствия доказательств криминальности рассматриваемых текстов) и необычному факту пересмотра экспертом рекомендаций психиатрической экспертизы — соответствовал тон ведения процесса. Судья МЕШКОВА придерживалась установлений УПК (вплоть до того, что С. АРЦИМОВИЧ, по паспорту литовке, и А.И. ПОЛЯНСКОЙ, по паспорту польке, предлагались переводчики. Впрочем, украинцам МИРОЛЮБОВУ и ШКОРБУТУ переводчиков не предлагали). И судья, и прокурор не обрывали свидетелей и не угрожали им (ср. с процессами ТВЕРДОХЛЕБОВА и ДЖЕМИЛЕВА, наст. вып. «Хроники»). Процесс велся, в основном, в спокойном и деловом тоне. Всех желающих пропускали (и даже приглашали!) в зал суда. Работников КГБ и оперативников почти не было ни в зале, ни в коридорах суда. В последний день суда зал оказался заполнен молодыми людьми, назвавшимися студентами-медиками, и друзьями и родственникам ИГРУНОВА негде было сесть. Тогда председатель Одесского облсуда предоставил для слушания дела большой зал, где всем хватило места.

* * *

Кассационная жалоба не подавалась, и 25 марта В. ИГРУНОВ был перевезен из тюрьмы в Одесскую областную психиатрическую больницу №1. Вплоть до этого момента ИГРУНОВ не знал ни о прошедшем суде, ни об окончании следствия, ни даже о результатах судебной экспертизы.

С момента ареста ИГРУНОВ последовательно отказывался от какого-либо участия в следствии и экспертизе.

* * *

В защиту Вячеслава ИГРУНОВА за рубежом выступали Королевская ассоциация психиатров (Англия), Международная комиссия психиатров против злоупотреблений психиатрией (Швейцария), некоторые представители эмиграции — Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ, Леонид ПЛЮЩ, Александр СОЛЖЕНИЦЫН, Марина ВОЙХАНСКАЯ, Виктор ФАЙНБЕРГ. В СССР имя ИГРУНОВА упоминалось в заявлениях Инициативной группы, обращениях А. САХАРОВА, интервью Т.С. ХОДОРОВИЧ и М.Н. ЛАНДА.

№ 44

16 марта 1977 года

<...>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ»

В январе была создана Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в Грузии. В нее вошли 6 человек: Беглар БЕЖУАШВИЛИ, лаборант при кафедре искусствознания в Тбилисском университете; Звиад ГАМСАХУРДИА (сейчас он — старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы); еврей-отказники братья Исай и Григорий ГОЛЬДШТЕЙНЫ; Теймураз ДЖАНЕЛИДЗЕ, преподаватель пения в музыкальном техникуме г.Рустави; Виктор РЦХИЛАДЗЕ, начальник инспекции по охране памятников при Министерстве культуры ГССР.

В начале марта В.РЦХИЛАДЗЕ был снят с работы.

* * *

5 января в Московскую группу «Хельсинки» вошел Юрий МНЮХ, 14 января — Наум МЕЙМАН.

* * *

После ареста Н. РУДЕНКО в Украинскую группу «Хельсинки» вступил сын Георгия ВИНСА Петр ВИНС.

* * *

Летом 1976 года пятидесятники г.Находка (приморский край) обратились в Московскую группу «Хельсинки» с просьбой привлечь внимание мировой общественности к их проблеме. По поручению Московской группы в декабре 1976 г. Лидия ВОРОНИНА побывала в двух общинах пятидесятников — в г.Находка и в станице Старотитаровской (Краснодарский край).

Многие материалы, привезенные ВОРОНИНОЙ, пропали на январских обысках у членов Группы (см. выше). Поэтому ее отчет дает лишь общую картину жизни пятидесятников и почти не содержит цифр и конкретных фактов (см. раздел «Преследования верующих»).

* * *

В начале января при Московской группе «Хельсинки» была создана рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. В нее вошли москвичи Вячеслав БАХМИН, Ирина КАПЛУН, Александр ПОДРАБИНЕК, Феликс СЕРЕБРОВ и ленинградка Джемма БАБИЧ

(КВАЧЕВСКАЯ). Представителем Московской группы «Хельсинки» в Рабочей комиссии является П.Г. ГРИГОРЕНКО. По правовым вопросам Рабочую комиссию консультирует С.В. КАЛЛИСТРАТОВА. Почтовый ящик Рабочей комиссии: 117334, Москва, Воробьевское шоссе 5, кв.37, Ирине КАПЛУН. Телефон: 137-69-32. О деятельности Рабочей комиссии см. раздел «Освобождение Владимира Борисова».

* * *

8 января руководитель Московской группы «Хельсинки» Ю. ОРЛОВ опубликовал «Предложение о международной конференции по рассекречиванию информации». На первом этапе ОРЛОВ предлагает запретить засекречивание информации о стихийных бедствиях, эпидемиях, преступности, условиях жизни и нарушениях обязательств по правам человека.

* * *

Московская группа «Хельсинки» в январе составила и передала общественности и главам правительств документы №№16-19:

№16 — о преследованиях Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. В приложении протоколы обысков.

№17 — «Об узниках совести, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья». В приложении дан список тяжело больных политзаключенных (51 фамилия).

№18 — «О положении месхов» (см. Хр.41,43).

№19 — «О срыве советскими властями международного симпозиума по еврейской культуре» (см. Хр.43). Далее приводится ряд фактов из этого документа, не вошедших в «Хронику» 43.

Всем иностранным ученым, приглашенным на симпозиум, было отказано во въездных визах. Туристы, которые были заподозрены в интересе к симпозиуму, также получили отказы. Трое граждан США, сообщивших о своем намерении посетить симпозиум официальным советским лицам, были высланы из СССР. В связи с симпозиумом у 21 человека был обыск, среди них 15 из 30 членов Оргкомитета (10 из 13 московских членов), причем у председателя Оргкомитета Вениамина ФАЙНА было 4 обыска, у зам. председателя Леонида ВОЛЬВОВСКОГО, Владимира ПРЕСТИНА и Павла АБРАМОВИЧА — по 2 обыска. На допросы в прокуратуры Москвы, Ленинграда, Таллина, Кишинева, Вильнюса, Тбилиси, Риги, Минска были вызваны, кроме членов Оргкомитета, еще 6 человек. 21 декабря 1976 г., в день открытия симпозиума, в Москве были задержаны все члены Оргкомитета и еще 7 человек. Члены Оргкомитета из других городов не были допущены в Москву. Братья Исай и Григорий ГОЛЬДШТЕЙНЫ, приехавшие в Москву заранее, были арестованы и вывезены в Тбилиси. Александр СМЕЛЯНСКИЙ, сумевший приехать из Киева и принять участие в однодневном симпозиуме, был уволен с работы. Письменные предупреждения КГБ в связи с симпозиумом получили двое, устные — помимо чле-

нов Оргкомитета — 4 человека. У 17 человек отключили телефон. Члены Оргкомитета и еще 5 человек трое суток находились под домашним арестом.

* * *

В связи с предстоящим в июле Белградским совещанием Московская группа «Хельсинки» 20 февраля обратилась к правительствам стран-участниц Хельсинкских соглашений с предложением «создать заблаговременно международную комиссию по проверке нарушений Хельсинкских соглашений в гуманитарной области. В комиссию должны войти представители правительств стран-участниц, а также представители независимых групп. Комиссии должны быть гарантированы все возможности проверять факты на местах и получать необходимую информацию. ...

Выполнение международных соглашений не есть внутреннее дело той или иной страны. Это дело нуждается в действенном международном контроле.

* * *

В марте Московская группа «Хельсинки» опубликовала документ «За три месяца до Белграда». В первом разделе «Общая оценка» говорится:

Развитие событий с августа 1976 года, когда группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений опубликовала обзор «Год после Хельсинки», показало всю справедливость тогдашнего взгляда на проблему прав человека в СССР. В частности, подтвердилась высказанная тогда оценка: «Советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека», а также сформулированный нами в августе 1976 года вывод, что Заключительный Акт европейского совещания воспринимается все большим числом людей как юридическая основа в борьбе за права человека...

В СССР также продолжает расти активность отдельных лиц и групп населения, опирающихся в борьбе за гражданские права на Заключительный Акт Хельсинкского совещания. Увеличивается поток писем от граждан СССР в различные советские органы, в общественные группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, а также письма в международные организации о положении политзаключенных, о психиатрических преследованиях, о нарушениях в вопросах свободы совести, свободы вероисповедания, свободы обмена информацией, о нарушении права на эмиграцию.

Во втором разделе рассказывается о репрессиях советских властей против группы «Хельсинки». В разделе «Дальнейшая деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений» сказано:

Со своей стороны, члены московской группы содействия, несмотря на репрессии, будут по-прежнему информировать мировую общественность о всех нарушениях международных обязательств о правах человека, взятых на себя правительством СССР. Плодотворность инициативы Ю.Ф. Орлова в создании Московской группы содействия подтверждена многими фактами, в частности — возникновением аналогичных групп на Украине, в Литве, в Грузии. В ответ на давление со стороны властей и арест двух ведущих ее

сотрудников Группа объявляет о кооптации двух новых членов: кандидата физико-математических наук Ю.В. Мнюха, профессора, доктора физ.-мат. наук Н.Н. Меймана. Член Группы Л.М. Алексеева, в связи с ее отъездом из СССР, будет выполнять обязанности представителя Группы содействия за границей. Таким образом, несмотря на репрессии последних месяцев, Группа продолжает работать. ...

В связи с опасностью, которая нависла сейчас над арестованными членами Группы, а также в связи с кампанией клеветы, проводимой органами массовой информации, Группа содействия предложила находящимся за рубежом Людмиле Алексеевой, Андрею Амальрику, Владимиру Буковскому, Льву Квачевскому, Леониду Плющу, Валерию Чалидзе разъяснить истинные цели и характер работы Группы во время личных встреч как с официальными представителями стран, подписавших Заключительный Акт, так и с представителями западной общественности и политических партий.

<...>

18 декабря — обмен В. БУКОВСКОГО и Л. КОРВАЛАНА

24 декабря — обыски у членов украинской группы «Хельсинки»

25 декабря — «психиатрический» арест В. БОРИСОВА

4 января — обыски у членов Московской группы «Хельсинки»

— сообщение ТАСС о связи группы «Хельсинки» с ХТС

5 января — создана Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях

— в Московскую группу «хельсинки» вступил Ю. МНЮХ

— допрос Ю. ОРЛОВА

10 января — сообщение ТАСС о взрыве в метро 8 января

— статья Виктора ЛУИ в «Лондон ивнинг ньюс» о взрыве

11 января — вызов в прокуратуру члена Литовской группы «Хельсинки»

О. ЛУКАУСКАЙТЕ-ПОШКЕНЕ

12 января — обращение А.Д. САХАРОВА по поводу взрыва

14 января — в Московскую группу «Хельсинки» вступил Н.МЕЙМАН

— создание Грузинской группы «Хельсинки»

20 января — пресс-конференция К. ЛЮБАРСКОГО

25 января — вызов А.Д. САХАРОВА в Прокуратуру СССР

1 февраля — допрос Ю. ОРЛОВА

2 февраля — статья А. ПЕТРОВА (АГАТОВА) в «Литературной газете»

3 февраля — арест А. ГИНЗБУРГА

4 февраля — представителями Фонда помощи политзаключенным в СССР стали М. ЛАНДА, К. ЛЮБАРСКИЙ, Т. ХОДОРОВИЧ

5 февраля — арест Н. РУДЕНКО и А. ТИХОГО

— обыск у О.Я. МЕШКО

6 февраля — обыск у Н.А. СТРОКАТОВОЙ

— в Украинскую группу «Хельсинки» вступил Петр ВИНС

7 февраля — обыск у Ю. МНЮХА

— обыски в Литве

10 февраля — арест Ю. ОРЛОВА

12 февраля — в «Правде» напечатана редакционная статья «Что скрывается за шумихой о «правах человека». Начало ежедневной компании в советской прессе

14 февраля — В. ТУРЧИНУ сделали «последнее предупреждение»

22 февраля — Л. АЛЕКСЕЕВА покинула СССР

25 февраля — обыск в тарусском доме ГИНЗБУРГА

1 марта — президент КАРТЕР принял В. БУКОВСКОГО

2 марта — обыски в Одессе и арест В. БАРЛАДЯНУ

3 марта — арест И. БЕГУНА

4 марта — освобождение В. БОРИСОВА из психбольницы

— статья С. ЛИПАВСКОГО в «Известиях»

— обыски у еврейских активистов в Москве

14 марта — освобождение М. ШТЕРНА

— обыск у ПОДРАБИНЕКА

15 марта — арест А. ЩАРАНСКОГО

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ГРУППЫ «ХЕЛЬСИНКИ»

Арест ГИНЗБУРГА, ОРЛОВА, РУДЕНКО, ТИХОГО, ЩАРАНСКОГО

В конце декабря 1976 г. обысками у члена Московской группы Владимира СЛЕПАКА и у членов Украинской группы Николая РУДЕНКО, Олеса БЕРДНИКА, Ивана КАНДЫБЫ, Льва ЛУКЪЯНЕНКО, Алексея ТИХОГО (Хр.43) власти начали атаку против групп «Хельсинки».

4 января 1977 г. в Москве были проведены обыски у членов Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (группы «Хельсинки»). Обыски проводились по уголовному делу №46012/18-76. Постановления об обыске были подписаны старшим следователем по особо важным делам А.И. ТИХОНОВЫМ (Московская прокуратура).

Обыск у Александра ГИНЗБУРГА

Утром 4 января в московской квартире Александра ГИНЗБУРГА раздался звонок в дверь. Попросили Алика. Жена ГИНЗБУРГА Ирина ЖОЛКОВСКАЯ открыла.

Встав на пороге, проситель быстро оглядел коридор и с возгласом «За мной, товарищи!» вбежал в квартиру. За ним ворвалось еще шесть человек. Обыск начался.

Руководил обыском старший следователь прокуратуры БОРОВИК. Понятые — А.М. НАТАНЗОН и С.Л. ГРИШИН. Кто были четверо остальных, осталось неизвестным.

Сначала в квартире была только И. ЖОЛКОВСКАЯ с двумя маленькими детьми.

Первым делом БОРОВИК начал обыскивать уборную. Он потребовал, чтобы ЖОЛКОВСКАЯ при этом находилась рядом. Повернувшись к ней и к понятым спиной, следователь открыл дверцу стенового шкафа в уборной, по-

рылся (где именно, из коридора не было видно) и извлек конверт с иностранной валютой. Какой именно и в каком количестве, БОРОВИК не показал. Затем, еще порывшись в шкафу, извлек конверт из-под книжной бандероли из Америки. Побывал в ванной, на кухне и вернулся в большую комнату, где его ждали остальные оперативники.

После «поисков в уборной» БОРОВИК сам ничего не искал, а только просматривал отобранные книги и бумаги и составлял протокол.

Валюта и конверт от бандероли вошли в протокол под одним номером (бандероль прислала знакомая ГИНЗБУРГОВ, живущая сейчас в Нью-Йорке). Стандартный стенной шкаф назван в протоколе тайником.

Жолковскую после этого эпизода оставили в покое и не настаивали на ее присутствии даже при вскрытии письменного стола и шкафов. Однако, когда она ушла переодеваться в детскую комнату, за ней следом отправились двое. На просьбу ЖОЛКОВСКОЙ выйти они никак не отреагировали и оставались в комнате, пока Ирина Сергеевна переодевалась.

Через полчаса после начала обыска домой пришел А. ГИНЗБУРГ и его друг Юрий МНЮХ. После этого в квартиру больше никого не пускали. Долгое время не удавалось передать еду для маленьких детей. В конце концов еду разрешили оставлять под дверью, а затем, когда друзья уходили, обыскивающие занесли ее в квартиру.

Во время обыска у жены ГИНЗБУРГА был тяжелый приступ гипертонии, но скорую помощь разрешили вызвать только ночью.

В результате обыска были изъяты:

– журналы «Континент», «Вестник РСХД», «Посев», номера газеты «Русская мысль», вырезки из советских и иностранных газет;

– выпуски «Хроники текущих событий», «Архива Хроники», «Хроники защиты прав в СССР»;

– номера «Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ», «Братского листка», «Вестника спасения»;

– документы Комитета прав человека, Группы содействия, «Международной Амнистии»;

– сочинения СОЛЖЕНИЦИНА, НАБОКОВА, КОНКВЕСТА, САХАРОВА, АМАЛЬРИКА, ОРЛОВА, ТУРЧИНА, ПОДЪЯПОЛЬСКОГО;

– книги по русской и советской истории, изданные в СССР;

– религиозная литература;

– квитанции на почтовые переводы, бандероли и посылки, переписка с заключенными;

– картотека, содержащая сведения о советских политзаключенных;

– личная переписка ГИНЗБУРГОВ, фотографии, записные книжки;

– два японских приемника, три японских магнитофона, магнитофонные кассеты, пишущая машинка, четыре самостирающиеся дощечки для рисования и для письма, названные в протоколе «клише».

Забрали также:

– сертификаты на сумму около 150 рублей;

– все извещения из Внешпосылторга, а также таможенные лицензии о содержимом полученных из-за границы посылок;

– сберегательные книжки семьи СОЛЖЕНИЦЫНЫХ и генеральная доверенность ГИНЗБУРГУ на ведение их дел в СССР, заверенная в Московской нотариальной конторе;

– две сберегательные книжки на имя ГИНЗБУРГА;

– 4700 рублей, принадлежащих Фонду помощи политзаключенным;

– 300 рублей полученного накануне заработка ГИНЗБУРГА и ЖОЛКОВСКОЙ, лежавшие в отдельной коробке.

После ухода оперативников в доме осталось 38 копеек. ЖОЛКОВСКАЯ и ГИНЗБУРГ отказались подписать протокол обыска, но ГИНЗБУРГ записал в протокол следующее:

«Я протестую против изъятия денег, денежных почтовых документов и материальных ценностей, ибо они по своей природе не могут быть ни клеветническими, ни порочащими что-либо. В правовом государстве это называется грабежом. Я протестую против провокационной затеи с иностранной валютой, которой никогда в этом доме не было...»

Обыск продолжался с 8:45 4 января до 3:40 5 января.

В тот же день, 4 января, был проведен обыск в квартире матери ГИНЗБУРГА, Людмилы Ильиничны.

<...>

Обыск у Людмилы АЛЕКСЕЕВОЙ

Утром 4 января к мужу АЛЕКСЕЕВОЙ, Н.Н. ВИЛЬЯМСУ, пришел знакомый, визит которого был согласован с ВИЛЬЯМСОМ заранее по телефону. Вслед за гостем в квартиру ворвалось семь человек. (Знакомый ВИЛЬЯМСА потом рассказывал, что на лестничной площадке никого не было видно.)

Обыск проводил советник юстиции СМИРНОВ. Обыскивающие не теряли времени на поиски и уверенно подходили к шкафам и столам, где лежали интересующие их бумаги. В стол Н. ВИЛЬЯМСА, где лежали его математические рукописи, никто ни разу не заглянул.

Изымали самиздат и «тамиздат», материалы Группы содействия (вплоть до чистых бланков), письма политзаключенных и их родственников.

Когда прошло около 9 часов и в протокол было занесено уже 169 наименований, СМИРНОВ стал не глядя запихивать оставшиеся бумаги в большой конверт. На вопрос АЛЕКСЕЕВОЙ он ответил, что этот конверт опечатает.

В знак протеста АЛЕКСЕЕВА ушла на кухню. Вместе с ней ушли ее мать, муж и двое друзей — Лидия ВОРОНИНА и Анатолий ЦАРАНСКИЙ, пришедшие во время обыска.

Оперативники находились в доме еще более часа. Приходили и уходили помощники СМИРНОВА. Одну из понятых отпустили за 50 минут до конца обыска.

В 7 часов вечера СМИРНОВ и его люди ушли, оставив копию протокола обыска на столе.

<...>

Арест Александра ГИНЗБУРГА

2 февраля в «Литературной газете» была напечатана статья «Лжецы и фарисеи» за подписью А. ПЕТРОВА (АГАТОВА). Появление этой статьи вызвало серьезную тревогу за судьбу Александра ГИНЗБУРГА и Юрия ОРЛОВА.

В тот же день на квартире у ГИНЗБУРГА была созвана пресс-конференция. Александр ГИНЗБУРГ заявил корреспондентам, что в связи с опасным обвинением, выдвинутым против него в газете, он решил впервые сообщить детали своей работы в качестве представителя Фонда помощи политзаключенным и их семьям.

Фонд был основан А. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ в апреле 1974 года на гонорар за «Архипелаг ГУЛАг». Часть денег была оставлена семьей СОЛЖЕНИЦЫНА перед отъездом, часть была получена в 1974-75 годах в виде сертификатов. Сам ГИНЗБУРГ с начала 1976 года перестал получать переводы из-за границы на свое имя. ГИНЗБУРГ рассказал, что единственная форма получения им денег из-за границы, начиная с 1976 года, была такая: люди приносили ему советские деньги и говорили: «Это деньги, которые Солженицын просил передать Вам для помощи политзаключенным». Кроме того около 70 тысяч рублей было собрано в Советском Союзе. Деньги Фонду дали примерно 1000 человек. За три года было получено и распределено 270 тысяч рублей. В 1974 году помощь была оказана 134 политзаключенным и их семьям, в 1975 — более чем 700 семьям, в 1976 — 629 семьям. Уменьшение числа семей в 1976 году частично объясняется тем, что многие люди, пользующиеся помощью Фонда, подвергались угрозам (в частности, ссыльным угрожали ухудшением их положения). Кроме регулярной помощи политзаключенным и их семьям, оказывалась разовая помощь выходящим из заключения.

«Если меня теперь арестуют, — сказал, обращаясь к журналистам, А. ГИНЗБУРГ, — то я прошу вас отнестись к работе тех, кто меня заменит, с большим вниманием, в чем они безусловно будут нуждаться».

* * *

На следующий день, 3 февраля, Александр ГИНЗБУРГ был арестован. Об аресте ГИНЗБУРГА рассказала его жена в письме в «Международную Амнистию»:

«...Вечером 3 февраля мой муж в легкой одежде вышел позвонить по телефону-автомату (наш квартирный телефон давно отключен властями). Вышел — и не вернулся. Его схватили у подъезда нашего дома и сочли лишним известить меня об этом. Бросив дома двух маленьких детей, сама больная, с температурой, я вместе с друзьями весь вечер ездила по милициям, пока, наконец, в приемной КГБ, уже ночью, мне не сказали, что по их распоряжению мой муж «задержан». На следующий день выяснилось, что «задержание» означает арест.

В тот же вечер, 3-го февраля, сотрудники КГБ, прекрасно зная о болезни мужа, отвезли его в Калужскую тюрьму (Калуга находится в 200 км от Москвы)...»

А.И. ГИНЗБУРГ содержится по адресу:

Калужский следственный изолятор, ул.Клары Цеткин, д.110, п/я ИЗ 37/1.
Дело ведет старший следователь по особо важным делам УКГБ по Калужской области подполковник Оселков.

* * *

<...>

На следующий после ареста день ТАСС сообщило для заграницы:

«...Гинзбург арестован с санкции прокурора г.Калуги за деятельность, противоречащую законодательству. Это лицо без определенных занятий, тунеядец, начавший свою карьеру со спекуляций и скупки икон. В 1961 году был осужден за мошенничество, в 1968 — на 5 лет за антисоветскую деятельность. Уже тогда были вскрыты связи с профашистской эмигрантской организацией НТС, которая, как известно, связана с Западными секретными службами.

После освобождения продолжал активно заниматься антисоветской деятельностью, конкретное содержание которой, надо полагать, будет вскрыто в ходе следствия. Как уже сообщалось, на квартире Гинзбурга был произведен обыск, в результате которого изъяты материалы, свидетельствующие о его прямой связи с НТС, антисоветские брошюры, сионистские пасквили, а также большое количество советской и иностранной валюты...»

* * *

4 февраля начался сбор подписей под коллективным заявлением в защиту Александра ГИНЗБУРГА. В заявлении говорится об огромной деятельности ГИНЗБУРГА как распорядителя Общественного фонда помощи и члена Хельсинкской группы. Указывается, что деятельность ГИНЗБУРГА постоянно сопровождалась клеветой со стороны советских органов информации.

«Суд, если только он состоится, будет мстью властей мужественному человеку за милосердие и доброту. Приговор, если только он будет вынесен, будет равносителен убийству отца двух маленьких детей».

Письмо требует немедленного освобождения Александра ГИНЗБУРГА. Под письмом 321 подпись. Среди подписавших — жители различных городов Советского Союза: это — друзья и знакомые ГИНЗБУРГА; бывшие политзаключенные и ссыльные; представители религиозных общин; независимые художники.

Кроме того, в защиту ГИНЗБУРГА появилось много других писем (см. раздел «Письма и заявления»).

* * *

4 февраля была созвана пресс-конференция. Группа содействия и Инициативная группа сообщили, что преемниками Гинзбурга по Фонду помощи стали Татьяна ХОДОРОВИЧ, Мальва ЛАНДА и Кронид ЛЮБАРСКИЙ.

Журналистам было передано совместное заявление Групп. В нем говорится о тревожной обстановке, сложившейся в последнее время, сообщается, что теперь КГБ охотится за Орловым.

* * *

Вечером 6 февраля в Тарусе у члена Украинской группы «Хельсинки» Н.А. СТРОКАТОВОЙ был проведен обыск по делу Гинзбурга. Обыском руководил подполковник ОСЕЛКОВ. Документы никто из обыскивающих, кроме ОСЕЛКОВА, не предъявил. Сам ОСЕЛКОВ заявил, что это «его ребята» и понятые, а глядеть на их документы не положено.

Бригада обыскала дом СТРОКАТОВОЙ и личные вещи ее гостей: Елены ДАНИЕЛЯН, Галины САЛОВОЙ и Кронида ЛЮБАРСКОГО. Протокол обыска велся крайне небрежно и после протестов был переписан наново.

Во время обыска ОСЕЛКОВ грубил, а когда его попросили соблюдать нормы вежливости, стал угрожать вызовом милиции и удалением гостей из дома.

САЛОВА и ДАНИЕЛЯН пытались внести в протокол замечания, но ОСЕЛКОВ запретил им это, заявив: «Мне и так ясно, кто вы такие».

На обыске изъяли самиздат, Декларацию Украинской группы содействия, письма в защиту ГИНЗБУРГА.

* * *

9 февраля П. ГРИГОРЕНКО, Э. ГРИГОРЕНКО, В. ТУРЧИН, С. КАЛЛИСТРАТОВА, А. САХАРОВ, Л. ЧУКОВСКАЯ, Л. КОПЕЛЕВ, А. КОРЧАК, Е. БОННЭР обратились к прокурору Калужской области с просьбой изменить меру пресечения А.И. ГИНЗБУРГУ и освободить его до суда из-под стражи под личное поручительство или под денежный залог.

Хотя по закону власти обязаны отвечать в течение двух недель, ответа не последовало вообще.

* * *

25 февраля был проведен обыск в тарусском доме ГИНЗБУРГА. В ордере на обыск, подписанном 2 февраля 1977 г., указывалось, что дело ведется по 2-й части статьи 70 УК РСФСР (до этого статья, по которой обвиняют ГИНЗБУРГА, не была известна).

Проводил обыск подполковник ОСЕЛКОВ. В обыске участвовали подполковник НИКИФОРОВ, лейтенант ДАНИЛОВ, лейтенант ПУСТОШИНСКИЙ, лейтенант ПЕТРАЧЕНКО и КЛИМЕНКО. Обыск проводился в присутствии Кронида ЛЮБАРСКОГО и Олега ВОРОБЬЕВА, которых привели в дом (они были в нем прописаны).

Обыск продолжался с 12 часов 25 февраля до 6 часов 50 минут 26 февраля. Обыскивающие грубили и не особенно утруждали себя соблюдением юридических формальностей.

Бригада оперативников изъяла учебники иностранных языков, словари, книги на иностранных языках (в том числе американского поэта Алена ГИНЗБЕРГА со стихами против вьетнамской войны). Забрали чистую киноплёнку, записные книжки, старую копировальную бумагу, отдельные записи о политзаключенных. Унесли два письма ГИНЗБУРГА из Владимирской тюрьмы, его кассационную жалобу прокурору и речь адвоката ГИНЗБУРГА ЗОЛОТУХИНА на суде в 1968 году. В мастерской ГИНЗБУРГА изъяли нож.

В косяке над кухонной дверью нашли коробку, в которой были самиздат времен 1968-70гг. и копии отдельных приговоров и заявлений в официальные инстанции (в том числе заявления самого ГИНЗБУРГА). Коробочку назвали тайником и долго фотографировали.

С протестами против ареста ГИНЗБУРГА на Западе выступили А. АМАЛЬРИК, В. БУКОВСКИЙ, Н. ГОРБАНЕВСКАЯ, П. ЛИТВИНОВ, Н. СОЛЖЕНИЦИНА, В. ЧАЛИДЗЕ.

* * *

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН обратился к крупному американскому адвокату Эдуарду Беннету УИЛЬЯМСУ с просьбой взять на себя защиту Александра ГИНЗБУРГА на предстоящем судебном процессе.

В письме к УИЛЬЯМСУ СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что Александр ГИНЗБУРГ, являясь представителем Общественного фонда, оказал помощь сотням заключенных в советских лагерях и тюрьмах и их измученным семьям; в условиях постоянного противодействия советских властей эта работа требует проявления необыкновенно высоких человеческих качеств. СОЛЖЕНИЦЫН выразил уверенность, что, будучи не в силах прямо обвинить Гинзбурга за дело милосердия, советские власти возведут на него ложные обвинения. В конце СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что обязуется постоянно ставить адвоката в известность обо всех деталях дела.

Э.Б. УИЛЬЯМС ответил СОЛЖЕНИЦЫНУ, что берет на себя это дело и подаст в советское посольство просьбу о визе, чтобы повидаться со своим клиентом. При этом УИЛЬЯМС считает, что надежд на въездную визу и допуск к делу у него мало, хотя некоторые пункты Хельсинкского соглашения дают юридическое основание для такой просьбы.

(Эдуард Беннет УИЛЬЯМС в 1961 году по просьбе советского посольства брал на себя защиту советского сотрудника при ООН Г. МЕЛЕХА, обвиненного в шпионаже. Дело до суда не дошло — удалось договориться о высылке МЕЛЕХА из США.)

<...>

Арест Юрия ОРЛОВА

1 февраля Юрий ОРЛОВ был вызван в прокуратуру Черемушкинского района Москвы к следователю ПОНОМАРЕВУ. ОРЛОВ записал в протокол допроса заявление:

Мне было объяснено, что дело №46012/18-76 возбуждено против информационного журнала «Хроника текущих событий». Я отказываюсь участвовать в этом деле. «Хроника текущих событий» выполняет огромную общественно полезную работу, распространяя информацию о нарушениях прав человека. Аналогичная информация распространяется — в отношении Запада — многими западными изданиями, в чем можно убедиться, читая советские газеты.

Право распространения гуманитарной информации, в частности, о нарушениях прав человека, зафиксировано в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и в других международных пактах, действующих на территории СССР. Преследование «Хроники» ставит СССР в положение страны нецивилизованной, отсталой в гуманитарном плане.

Итак, я не участвую в этом деле.

1.2.77 Ю. Орлов

2 февраля на квартиру Ю. ОРЛОВА принесли повестку с вызовом в прокуратуру на 3 февраля. ОРЛОВА в этот день дома не было. Повестку вручили его жене. После этого наружное наблюдение, видимо, потеряло ОРЛОВА.

За квартирой установили слежку. Возле дома стояли машины, на улице — агенты.

* * *

7 февраля, в половине двенадцатого, два милиционера из 27 о/м пытались вручить повестку для ОРЛОВА его жене И. ВАЛИТОВОЙ. ВАЛИТОВА не взяла повестки и не разрешила им произвести осмотр квартиры, потребовав постановление на обыск. Один из милиционеров все же осмотрел квартиру. Свои фамилии милиционеры не назвали.

Через два часа милиционер принес И. ВАЛИТОВОЙ повестку с вызовом ее в прокуратуру на 15 часов 7 февраля. Допрашивал ее следователь ПОНОМАРЕВ, который допрашивал ОРЛОВА 1 февраля.

На вопрос ВАЛИТОВОЙ, по какому делу ее вызвали, следователь ответил: «По делу «Хроники»...»

На вопрос, был ли дома ОРЛОВ 2 февраля и знает ли он о повестке, ВАЛИТОВА отказалась отвечать «по этическим соображениям». На вопрос, нет ли дома мужа сейчас, она ответила, что об этом лучше известно работникам милиции, осмотревшим ее дом.

Далее вопросы касались материалов, изъятых на обыске 4 января. ВАЛИТОВА отвечала: «Не видела, не знаю, не читала».

* * *

9 февраля ОРЛОВ появился в доме Л. Алексеевой и созвал пресс-конференцию. Пришедшие журналисты предложили ОРЛОВУ, чтобы не обнаруживать своего присутствия, делать заявления письменно. Тот отказался и во время пресс-конференции говорил вслух.

Орлов сказал, что в случае ареста ему, вероятно, дадут слабое наказание, а ГИНЗБУРГА, РУДЕНКО и ТИХОГО выставят рецидивистами и дадут максимальные сроки.

Корреспонденты задали ОРЛОВУ вопрос, не скрывается ли он от властей. ОРЛОВ ответил, что специально не скрывается, но идти к ним сам не намерен. Последние несколько дней его не было в Москве, так как перед возможным арестом он решил съездить на родину, в деревню.

Пока шла пресс-конференция, дом Л. АЛЕКСЕЕВОЙ был обложен. Агенты стояли на лестничных клетках, в подъездах и на чердаках. Около дома стояли машины. Другие машины подъезжали к выходящим из дома людям и освещали фарами.

ОРЛОВ заночевал в квартире у Л. АЛЕКСЕЕВОЙ.

* * *

Утром 10 февраля в квартиру Л. АЛЕКСЕЕВОЙ явились шестеро людей в милицейской форме. Ордера на обыск у них не было. Они сказали, что хотят посмотреть, кто в квартире.

«У вас в доме могут быть ваши единомышленники».

«Ну, уж, конечно, не ваши».

Милиционеры попросили провести их в комнату — неудобно, мол, в коридоре стоять. Провели. Там никого не было. Гости стали шнырять по коридору, заглядывать в стенные шкафы. АЛЕКСЕЕВА протестовала, говорила, что у них нет ордера на обыск...

Милиционеры зашли во вторую комнату, где находился ОРЛОВ. «Этот человек нам и нужен».

ОРЛОВУ сказали, что он задержан за неявку в прокуратуру, и увели.

* * *

Л. АЛЕКСЕЕВА и несколько приехавших к ней друзей поехали в городскую прокуратуру. Им сказали, что с ними разговаривать не станут.

Около двух часов дня в прокуратуру приехала И. ВАЛИТОВА. Следователь ПОНОМАРЕВ сказал, что за сведениями о муже она может прийти завтра.

11 февраля жену ОРЛОВА принял ТИХОНОВ.

ВАЛИТОВА спросила, на каком основании арестован ее муж.

ТИХОНОВ ответил, что он подозревается в совершении преступления, но отказался сообщить, какие статьи предъявлены ОРЛОВУ. Он сказал, что Ю.Ф. ОРЛОВ находится в Следственном изоляторе КГБ в Лефортове.

Для получения дальнейших справок ТИХОНОВ предложил ВАЛИТОВОЙ звонить в справочные прокуратуры и Лефортовской тюрьмы.

* * *

10 февраля ТАСС сообщило:

Клеветник задержан.

Недавно с санкции прокурора был произведен обыск у некоего Орлова, изъято большое количество антисоветских и клеветнических материалов. Первого февраля Орлов, как стало известно корреспонденту ТАСС, был вызван на допрос. Вел себя вызывающе, оскорблял представителей прокуратур. На повторный вызов не явился, что наказуемо по закону. В связи с этим Орлов 10 февраля, в соответствии с действующим в стране процессуальным законодательством, задержан.

* * *

10 февраля через посольство США была направлена телеграмма КАРТЕРУ и ВЭНСУ об аресте ОРЛОВА. Телеграмму подписали АЛЕКСЕЕВА, БОННЭР, ВЕЛИКАНОВА, ГРИГОРЕНКО, ТУРЧИН, ХОДОРОВИЧ, ЩАРАНСКИЙ.

* * *

Вечером 10 февраля в квартире ОРЛОВА старший следователь ПАНТЮХИН произвел обыск. Поняты — АЛЕКСЕЕВ и ОСИПОВ. ОРЛОВА на обыск не возили, постановление предъявили Ирине ВАЛИТОВОЙ. Она от участия в обыске отказалась.

После январского обыска в доме почти ничего не было. Нашли кое-какой самиздат и несколько материалов группы «Хельсинки».

Забрали документы ОРЛОВА и характеристики с места работы.

* * *

Арест Юрия ОРЛОВА вызвал еще одну волну писем протеста (см. раздел «Письма и заявления»).

Под коллективным письмом в защиту ОРЛОВА с требованием его немедленного освобождения подписалось более 90 человек. В письме подчеркивается, что деятельность ОРЛОВА носила законный и конструктивный характер и находилась в полном соответствии с Хельсинкскими соглашениями.

Ниже полностью приводится письмо руководителя советской группы «Международной Амнистии» Валентина ТУРЧИНА:

Арест Юрия Орлова отозвался болью и возмущением в сердцах всех его друзей — как тех, кто может сказать об этом открыто, так и тех (и их, конечно, большинство), кто не решается выразить свои чувства вслух. Основная черта Юрия Орлова как человека — это спокойное глубокое чувство собственного достоинства и не менее глубокое уважение человеческого достоинства других. С этим качеством, которое проявляется как железная твердость в соблюдении этических принципов, у Орлова сочетается большая доброта и отзывчивость — можно даже сказать нежность —

по отношению к друзьям. Общение с такой личностью облагораживает, придает душевные силы.

Юрий Орлов — выдающийся физик, один из крупнейших в Советском Союзе специалистов по ускорителям элементарных частиц. Он окончил физический факультет Московского университета в 1952 г. и до 1956 г. работал в Институте теоретической и экспериментальной физики в Москве. После доклада Хрущева на XX съезде партии Орлов вместе с несколькими своими товарищами выступил на партийном собрании Института (он был тогда членом КПСС) с программой демократических реформ в партии и государстве. Это было бы дерзостью и сегодня, а по тем временам было просто неслыханно. Орлов был исключен из партии и уволен с работы. Прошло около года, пока он смог найти работу — для этого ему пришлось уехать в Ереван — столицу Армянской ССР. До 1972 г. Юрий Орлов работал в Ереване, наезжая время от времени в Москву, чтобы принять участие в запуске новых ускорителей. К этому периоду относится ряд его замечательных работ, за которые он получил степень доктора наук, звание профессора, а затем был избран членом-корреспондентом Армянской Академии наук.

Приехав в Москву в 1972 г., он некоторое время работал в Институте земного магнетизма и распространения радиоволн Академии наук СССР, а в конце 1973 г. был уволен: формально по сокращению штатов, а по существу — за письмо Брежневу, в котором он снова поставил ряд вопросов о необходимости демократических реформ и указал, что эти вопросы связаны с недавней кампанией против академика Сахарова.

С тех пор он не мог найти работу. Вынужденный зарабатывать на жизнь уроками, Орлов тем не менее продолжал научную работу.

За последние два года он написал несколько работ, в которых заложил основы нового подхода к проблемам теоретической физики, названного им «волновой логикой». Возможно, эти интереснейшие работы явятся в дальнейшем началом перестройки самого фундамента естественных наук.

В мае 1976 г. Юрий Орлов организовал «Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», целью которой было наблюдать за тем, как осуществляются на деле гуманитарные статьи Заключительного Акта, и тем способствовать их выполнению. Группа проделала большую работу, собрав около 80 отдельных материалов, относящихся к этому вопросу, и разослав их правительствам стран-участниц Хельсинкского соглашения. Увы, подавляющее большинство этих материалов оказалось свидетельством о грубых нарушениях Заключительного Акта. Но виноваты в этом, конечно, не те, кто регистрирует нарушения, а те, кто их совершает.

Деятельность Орлова не носила антигосударственного и вообще политического, в узком смысле слова, характера. Заключительный Акт Хельсинкского соглашения провозгласил права человека международной проблемой. В соответствии с этим группа Орлова предавала международной огласке конкретные факты о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта. Это — благородная и самоотверженная деятельность, без которой невозможно претворение в жизнь высоких идеалов, так часто провозглашаемых на бумаге.

Мне совестно за страну, в которой таких людей, как Юрий Орлов и другие члены группы «Хельсинки», сажают за решетку.

* * *

На Западе началась широкая кампания в защиту преследуемых в СССР диссидентов.

Через несколько дней после ареста ГИНЗБУРГА Государственный Департамент США сделал заявление, в котором выражалось беспокойство в связи с происшедшим арестом. При этом оговаривалось, что заявление согласовано с самыми высокими сферами.

Конгрессмены и сенаторы США неоднократно обращались с протестами к КАРТЕРУ и БРЕЖНЕВУ.

Американский представитель в Комиссии по правам человека при ООН сделал запрос о четырех арестованных в СССР. Советский представитель расценил это как вмешательство во внутренние дела СССР. Запрос был снят.

Свое возмущение событиями в СССР выразили канадский парламент, различные деятели и организации в Англии, Голландии, Швейцарии, Швеции.

<...>

Источник: сайт «Мемориала» (<http://www.memo.ru>)

ИЗ-ПОД ГЛЫБ

Авторы: М.С. Агурский, Е.В. Барабанов, В.М. Борисов, А. Б., Ф. Корсаков, А.И. Солженицын, И.Р. Шафаревич. Впервые издано: М., 1974. УМКА-PRESS.

Инициатором и собирателем группы авторов сборника был А.И. Солженицын. Высылка Солженицына в феврале 1974 г. задержала окончание работ над сборником, затруднила общение авторов-участников, и он вышел лишь поздней осенью 1974 г., о чем было объявлено по обе стороны границы одновременно: в Москве и Цюрихе. Сборник сразу же начал свою жизнь в Самиздате. Опубликован в России впервые в 1990 г. в издательстве «Из глубин». В этом издании раскрыты два псевдонима: А.Б. — М.К. Поливанов, Ф. Корсаков — Ф.Г. Светов.

В сборник вошли статьи: «На возврате дыхания и сознания» (Александр Солженицын), «Социализм» (Игорь Шафаревич), «Современные общественно-экономические системы и их перспективы» (М. Агурский), «Обособление или сближение?» (Игорь Шафаревич), «Раскаяние и ограничение» (Александр Солженицын), «Направление перемен» (А.Б.), «Русские судьбы» (Ф.Корсаков), «Раскол Церкви и мира» (Е.В. Барабанов), «Национальное возрождение и нация личность» (В.М. Борисов), «Образованщина» (Александр Солженицын), «Есть ли у России будущее?» (Игорь Шафаревич).

Ниже приведены фрагменты некоторых статей сборника.

А.И. Солженицын

НА ВОЗВРАТЕ ДЫХАНИЯ И СОЗНАНИЯ

(По поводу трактата А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»)*

Эта статья была написана 4 года назад, но не отдана в Самиздат, лишь самому А.Д. Сахарову. Тогда она была в Самиздате нужней и прямо относилась к известному трактату. С тех пор Сахаров далеко ушёл в своих воззрениях, в практических предложениях, и сегодня к нему статья уже мало относится, она уже не полемика с ним.

* См. т. 2, стр. 319.

Так теперь поздно! — возразят. То ли ещё у нас не поздно! Мы и полстолетия ничего не успевали ни называть, ни обмысливать, нам и через 50 лет ничто не поздно. Потому что напечатана у нас — пустота! Во всяком таком опоздании — характерная норма послеоктябрьской русской жизни.

Не поздно потому, что в нашей стране на тех мыслях, которые Сахаров прошёл, миновал, ещё коснеет массивный слой образованного общества. Не поздно и потому, что, видимо, ещё немалые круги на Западе разделяют те надежды, иллюзии и заблуждения.

1

Кажется, мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию. Какая мука живому, привыкшему думать обществу с какого-то декретного дня утратить право выражать себя печатно и публично, а год от году замкнуть уста и в дружеском разговоре и даже под семейной кровлей.

Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, — возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи, — тоже окажется и труден, и долог, и снова мучителен — тем крайним, пропастным непониманием, которое вдруг зияет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга.

За десятилетия, что мы молчали, разбрелись наши мысли на семьдесят семь сторон, никогда не перекликнувшись, не опознавшись, не поправив друг друга. А штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного рассуждения, ежедённю втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучёбы, — изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов.

И теперь, когда умы даже сильные и смелые пытаются распрямиться, выбиться из кучи дряхлого хлама, они несут на себе все эти злые тавровые выжжены, кособокость колодок, в которые загнаны были незрелыми, — а по нашей умственной разъединённости ни на ком не могут себя проверить.

Мы же, остальные, до того иссохли в десятилетиях лжи, до того изжаждались по дождевым капелькам правды, что как только упадут они нам на лицо — мы трепещем от радости: «наконец-то!», мы прощаем и вихри пыли, овевшие их, и тот лучевой распад, который в них ещё таится. Так радуемся мы каждому словечку правды, до последних лет раздавленному, что этим первым нашим выразителям прощаем и всю приблизительность, и всякую неточность, и долю заблуждения даже большую, чем доля истины, — только за то, что «хоть что-то сказано!», «хоть что-то наконец!».

Всё это испытали мы, читая статью академика Сахарова и слушая отечественные и международные отклики на неё. С биением сердца мы узнали, что наконец-то разорвана непробудная, уютная, удобная дрёма советских ученых: делать своё научное дело, за это — жить в избытке, а за это — не мыслить выше пробырки. С освобождающей радостью мы узнали, что не только западные атомники мучимы совестью, — но вот и в наших просыпается она!

Уже это одно делает бесстрашное выступление Андрея Дмитриевича Сахарова крупным событием новейшей русской истории. Работа эта находит путь к

нашему сердцу прежде всего своею честностью в оценках. Многие события и явления называются так, как мы тайно думаем, но по трусости боимся высказать. Режим Сталина назван среди «демагогических, лицемерных, чудовищно-жесточких полицейских режимов»; сказано, что в отличие от гитлеризма сталинизм носит «гораздо более изощрённый наряд лицемерия и демагогии» с опорой на «социалистическую идеологию, которая явилась удобной ширмой». Упомянуты и «грабительские заготовки» продуктов и «почти крепостное закабаление крестьянства», правда — в прошлом, но есть и о сегодняшнем: «большое имущественное неравенство между городом и деревней», «40% населения нашей страны оказывается в очень трудном экономическом положении» (по контексту, по намёку речь идет о БЕДНОСТИ, но в отношении своей страны язык не выговаривает); напротив, 5% «начальства» так же привилегированны, «как аналогичная группировка в США». И даже больше! — хотели бы мы возразить, но разъяснения автора опережают нас: привилегии управляющей группировки в нашей стране — тайны, «дело не чисто», тут «имеет место подкуп верных слуг существующей системы», в прошлом — «зарплата в конвертах», сейчас — «закрытое распределение дефицитных продуктов, товаров и разных услуг, привилегии в курортном обслуживании». Сахаров высказывается против недавних политических процессов, против цензуры, против новых антиконституционных законов. Он указывает, что «партия с такими методами убеждения и воспитания вряд ли может претендовать на роль духовного вождя человечества». Он протестует против подчинения интеллигенции партийным чиновникам под прикрытием «интересов рабочего класса». Разоблачение сталинизма он требует «довести до полной правды, а не до... кастовой целесообразности», он справедливо требует «всенародного расследования архивов НКВД» и полной амнистии сегодняшним политзаключённым. И даже в наиболее неприкасаемой внешней политике возлагает на СССР «косвенную ответственность» за арабо-израильский конфликт.

Впрочем, если не этот уровень смелости, то этот уровень анализа доступен и другим нашим соотечественникам, только молчунам. Сахаров же, с уверенностью крупного учёного, подымает нас на более высокую обзорную точку зрения. Короткими ударами лекторской палочки он разваливает тех истуканов, те экономические мифы 20-30-х годов, которые и мёртвыми заволаживают уже полвека всю нашу учащуюся молодёжь — да так и до старости.

Сахаров разрушает марксистский миф, что капитализм «приводит в тупик производительные силы» или «всегда приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса». Экономическое соревнование систем, со школьных плакатов запомненное нами как социалистический конь, прыгающий через капиталистическую черепаху, он впервые в нашей стране представляет в истинных соотношениях. Сахаров напоминает о «бремени технического и организационного риска разработочных издержек, которое ложится на страну, лидирующую в технике», и с большим знанием дела перечисляет важные технические заимствования, обогатившие СССР за счёт Запада; напоминает, что сталь да чугун — это отрасли традиционные и «догонка» в них ничего не доказывает, а в отраслях поистине ведущих — мы устойчиво позади. Разрушает Сахаров и миф о пауках-миллионерах: они — «не слишком серьёзное экономическое бремя» по их

малочисленности, напротив, «революция, которая приостанавливает экономическое развитие более чем на 5 лет, не может считаться экономически выгодной для трудящихся» (да уж просто скажем: убийственна). Что касается СССР, то свален миф о магическом соцсоревновании («не играет серьёзной экономической роли») и напомяно: все эти десятилетия «наш народ работал с предельным напряжением, что привело к определённом истощению ресурсов нации».

Правда, такая ломка молитвенных истуканов не даётся легко, Сахаров там и здесь без надобности смягчает: лишь «определённое» истощение; и — «в обеспечении высокого уровня жизни... капитализм и социализм сыграли вничью» (уж где там!..). Но сам переступ через запретную черту — посмечь судить о том, о чём никто не смел, кроме Основоположников, — выводит нашего автора далеко вперёд. Если при капиталистическом строе обнаруживается не сплошное загнивание, а «продолжается развитие производительных сил», то «социалистический мир не должен разрушать породившую его почву» — «это было бы самоубийством человечества», ядерной войной. (Наша пропаганда не любит признавать ядерную войну самоубийством человечества, но — непременно торжеством социализма). Сахаров советует верней того: отказаться от «эмпирико-конъюнктурной внешней политики», от «метода максимальных неприятностей противостоящим силам без учёта общего блага и общих интересов»; СССР и Соединённым Штатам перестать быть противниками, перейти к совместной бескорыстной широчайшей помощи отсталым странам, а из высших целей внешней политики пусть будет международный контроль за соблюдением «Декларации прав человека».

Не упускает автор перечислить и главнейшие опасности для нашей цивилизации, черты гибели среды обитания человечества, и широко ставит задачу спасения её.

Таков уровень благородной статьи Сахарова.

2

Но предлагаемый отзыв пишется не для того, чтобы присоединиться к хору похвал: кажется, их и так перевес.

Вселяет тревогу, что многие опорные, недояснённые, а иногда и неверные положения статьи Сахарова могут перелиться теперь в развитие свободной русской мысли и исказить, задержать её ход.

Признаемся: мы сейчас концентрированно, с повышенной плотностью вместили тут лучшее, что видим в статье Сахарова. На самом же деле это всё сказано у него не на едином стержне, не с энергией, но с разрежениями, смягчениями, а главное — в чересполосице с утверждениями противоположными и часто взятыми уровнем ниже.

Заметную погрешность статьи мы видим в том, что она щедра вниманием ко внутренним проблемам других стран — Греции, Индонезии, Вьетнама, Соединённых Штатов, Китая, тогда как внутренняя ситуация в СССР освещается (точней — обделяется светом) как можно более благожелательно. Но это — топкая точка зрения. Рассуждать о международных проблемах, а тем пуще о проблемах других стран мы имеем моральное право лишь после того, как осознаем

свои внутренние проблемы, покаемся в своих пороках. Чтоб иметь право рассуждать о «трагических событиях в Греции», надо прежде посмотреть, не трагичней ли события у нас. Чтобы доглядываться издали, как «от американского народа пытаются скрыть... цинизм и жестокость...», надо прежде хорошо оглянуться: а ближе — нет ничего похожего? да когда не «пытаются», а когда отлично удаётся? И если уж «трагизм нищеты... 22 миллионов негров», то не нищей ли 50 миллионов колхозников? И не упустить, что «трагикомические формы культа личности» в Китае лишь с малым изменением (и не всегда к худшему) повторяют наши смердящие 30-е годы.

Это беда — наша ввевшаяся, общая. С самого начала, как в Советском Союзе звонко произнесли и жирно написали «самокритика», — всегда то была его критика. Десятилетиями нам внушали наше социалистическое превосходство, а судить-рядить разрешали только о чужом. И когда теперь задумываемся мы говорить о своем, — бессознательная жажда смягчения отклоняет наши перья от суровой линии. Трудно возвращается к нам свободная мысль, трудно привыкнуть к ней сразу сполна и со всего горька. Называть вслух пороки нашего строя и нашей страны робко кажется грехом против патриотизма.

Эта избирательная смиренность со «своим» при строгости к чужому проявляется в сахаровской работе не раз, начиная с первой же её страницы: в кардинальной оговорке автора, что хотя цель его работы — способствовать разумному сосуществованию «мировых идеологий», здесь «не идёт речь об идеологическом мире с теми фанатичными, сектантскими и экстремистскими идеологиями, которые отрицают всякую возможность сближения с ними, дискуссии и компромиссы, например с идеологиями фашистской, расистской, милитаристской или маоистской». И — всё. И в перечислении — точка.

Ненадёжный, обвалистый вход в такую важную работу! — не придушимся ли мы под этим сводом? Хотя и сказано «например», хотя, значит, список непримиримых идеологий ещё не полон, — но по какой странной скромности пропущена здесь именно та идеология, которая ещё на заре XX века объявила все компромиссы «гнилыми» и «предательскими», все дискуссии с инакомыслящими — пустой и опасной болтовнёй, единственным решением социальных задач — оружие, а деление мира — в двух цветах: «кто не с нами — тот против нас»? С тех пор эта идеология имела огромный успех, она окрасила собою весь XX век, ознобила три четверти Земли, — отчего же Сахаров не упоминает её? Считает ли он, что с нею можно столкнуться мягким убеждением? О, если бы! Но ещё никто не наблюдал подобного случая, эта идеология нисколько не изменилась в своей неуклонности и непримиримости. Подразумевает ли он её в тёмном приглубке, в непросвеченном «например»?

Абзацем ниже Сахаров называет среди «крайних выражений догматизма и демагогии», в ряду тех же расизма и фашизма — уже и СТАЛИНИЗМ. Но это — худая подмена.

В Советском Союзе после 1956 года никакой особой смелости, новизны, открытости нет — назвать «сталинизм» как нечто дурное. Официально так у нас не принимается, но в общественности разошлось широко и часто произносится устно. Написать «сталинизм» в таком перечне в годах сороковых или тридцатых

тых было бы и отвагой и мудростью — когда «сталинизм» воплощался могучей действующей системой, достаточно показавшей себя и у нас в стране, и уже в Восточной Европе. Но в 1968 году ссылаться на «сталинизм» есть подстановка, маскировка, уход от проблемы.

Справедливо усумниться: а есть ли такой отдельный «сталинизм»? СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ОН КОГДА? Сам Сталин никогда не утверждал ни своего отдельного учения (по низкому умственному уровню он и не мог бы построить такого), ни своей отдельной политической системы. Все сегодняшние поклонники, избранные и плакальщики Сталина в нашей стране, а также последователи его в Китае гранитно стоят на том, что Сталин был верный ленинец и никогда ни в чём существенном от Ленина не отступил. И автор этих строк, в своё время попавший в тюрьму именно за ненависть к Сталину и за упреки, что тот отступил от Ленина, сегодня должен признаться, что таких существенных отступлений не может найти, указать, доказать.

Земля, в революцию данная крестьянам, а вскоре (Земельный устав 1922 года) отобранная в государственную собственность? Заводы, обещанные рабочим, но в тех же неделях подчинённые централизованному управлению? Профсоюзы на службе не у масс, а у государства? Военная сила для подавления национальных окраин (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика)? Концентрационные лагеря (1918-21)? Бессудная расправа (ЧК)? Жестокий разгром и ограбление церкви (1922)? Соловецкие зверства (с 1922)? Всё это — никак не Сталин по годам, по степени власти. (Сахаров предлагает восстановить «ленинские принципы общественного контроля над местами заключения», — не пишет, какого именно года принципы? в каких лагерях проявленные? Ведь после ранних Соловков Ленина уже не было в живых). К Сталину отнесём кровавое насаждение коллективизации, — но расправы с тамбовским (1920-21) и сибирским (1921) крестьянскими восстаниями не были мягче, они лишь не захватывали всей страны. Сочли бы за ним усиленную искусственную индустриализацию с подавлением лёгкой промышленности, — так и это не Сталиным придумано.

Разве только в одном Сталин явно отступил от Ленина (но и повторяя общий закон всех революций): в расправе с собственной партией, начиная с 1924 года и возвышаясь к 1937-му. Так не в этом ли решающем отличии и видят наши нынешние передовые историки тот признак, по которому «сталинизм» попадает в исключительный список античеловеческих идеологий, попадает без своей материнской?

«Сталинизм» — это очень удобное понятие для тех наших «очищенных» марксистских кругов, которые селятся отличаться от официальной линии, на самом деле отличаясь от неё ничтожно. (Типичным представителем этой линии можно назвать Роя Медведева). Для той же цели ещё важнее и нужнее понятие «сталинизма» западным компартиям — чтобы сбросить на него всё кровавое бремя прошлого и тем облегчить свои сегодняшние позиции. (Сюда относятся коммунистические теоретики, как Г. Лукач, И. Дойчер.) И — даже обширным леволиберальным кругам Запада, которые при жизни Сталина аплодировали цветным картинкам нашей жизни, а после XX съезда оказались в жестоком просаке.

Но пристальное изучение нашей новейшей истории показывает, что НИКАКОГО СТАЛИНИЗМА (ни — учения, ни — направления жизни, ни — государ-

ственной системы) НЕ БЫЛО, как справедливо утверждают официальные круги нашей страны, да и руководители Китая. Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения. А нам на возврате дыхания после обморока, в проблесках сознания после полной темноты, — нам так трудно вернуть себе сразу отчётливое зрение, нам так трудно брести поперёк нагроможденных стен, между наставленных истуканов.

Касанием лекторской палочки Сахаров развораживает и в прах рассыпает одни, а другие минует с почтением, оставляет ложно стоять.

Теперь если все эти «непримиримые идеологии» оставить в оговорке, в исключении (и даже расширить их список), — то с какими же идеологиями Сахаров предлагает сосуществование? С либеральной да с христианской? Так от них и так ничто миру не грозит, они и так в дискуссии всегда. А вот с этим злоеющим списком *что* делать? В нём несколько многовато идеологий прошлого и — НАСТОЯЩЕГО.

И какова же тогда цена ожидаемой и призываемой «конвергенции»?..

А где гарантии, что непримиримые идеологии не будут возникать и в будущем?

В этой же работе так трезво оценив губительное экономическое разорение от революций, Сахаров предусматривает «для революционной и национально-освободительной борьбы», «когда не остаётся других средств, кроме вооружённой борьбы», — «возможность решительных действий». «Существуют ситуации, когда революции являются единственным выходом из тупика». Это опять-таки — не собственное противоречие автора, но поддался он общему перекосу эпохи: все революции в общем одобрять, все «контрреволюции» безоговорочно осуждать. (Хотя в смене насилий, вызывающих одно другое, кто провёл временную грань, кто указал тот инкубаторный срок, до истечения которого насильственный переворот ещё называется контрреволюцией, а после — уже новой революцией?)

Неполнота освобождения от чужих навязанных модных догм всегда наказывает нас неравномерной ясностью зрения, опрометчивыми формулировками. Вот и вьетнамскую войну характеризует Сахаров, как принято у мировой прогрессивной общественности — как войну «сил реакции» против «народного волеизъявления». А когда приходят по тропе Хо Ши Мина регулярные дивизии — это тоже «народное волеизъявление»? А когда «регулярные» партизаны поджигают деревни за их нейтралитет и автоматами понуждают мирное население к действиям — это отнесём к «народному волеизъявлению» или к «силам реакции»? Нам ли, русским, с опытом своей гражданской войны так поверхностно судить о вьетнамской?.. Нет, не пожелаем ни «революции», ни «контрреволюции» даже врагам!

Массовое насилие только дозволю в самом малом объёме, — а там сразу прикатит помощь «передовых» и «реакционных» сил, а там накалится на весь континент, гляди до атомного рубежа. И что ж остаётся от МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ, вынесенного в заголовок?

<...>

И.Р. Шафаревич

СОЦИАЛИЗМ

Эта статья представляет собой резюме тех выводов, к которым автор пришел в более обширной работе, посвященной тому же вопросу. К ней мы отсылаем читателя, который захотел бы подробнее познакомиться с фактами и аргументами, обосновывающими наши заключения.

1. Социализм сегодня

Каждому поколению легко ошибиться, преувеличив значение своей эпохи, поверить, что ему выпало быть свидетелем одного из ключевых, переломных моментов истории: на самом же деле радикальные сдвиги, затрагивающие основные принципы жизни человечества, происходят реже, чем раз в полтысячелетие. Но все-таки они происходят! — было же и падение античности, и перелом, сменивший Средние века на Новое время. И каким-то поколениям достается в эти моменты жить.

Трудно сомневаться, что такова наша эпоха. В основных сферах своей деятельности человечество столкнулось с тем, что движение по прежним путям невозможно, заводит в тупик: в духовной области, в организации общества, в сфере производства (несостоятельность концепции непрерывно расширяющегося индустриального общества). Ближайшие поколения должны выбрать новые пути и тем определить характер истории на много веков вперед. В этих условиях с болезненной четкостью вырисовываются кажущиеся неразрешимыми проблемы, чернеют пропасти грозящих опасностей. Но возможные выходы видны лишь смутно, говорящие о них голоса звучат неуверенно и вразнобой.

Есть, однако, голос, в котором нет и оттенка неясности и сомнений, есть учение, которое уверенно указывает будущее человечества — это СОЦИАЛИЗМ. Сейчас он разбивается на легион течений, каждое из которых считает социалистическим только себя, а остальные — лжесоциалистическими. Но если, не придерживаясь такого узкопартийного взгляда, посмотреть, какие страны возглавляются правительствами, провозгласившими социализм своей целью, то мы увидим, что большая часть человечества в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке уже сдвинулась в сторону этого пути. А в остальном мире социалистические партии борются за власть, социалистические учения господствуют над умами молодежи. Социализм стал такой силой, что перед ним должны заискивать виднейшие политические деятели, расшаркиваться крупнейшие философы.

Все говорит за то, что человечеству отпущено очень мало времени, чтобы решить — станет ли социализм его будущим на ближайшие века, а такое решение может предопределить и всю дальнейшую судьбу. Этим в число важнейших для нашего времени выдвигается вопрос — ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ:

Каково его происхождение?

Какие силы он использует?

Каковы причины его успеха?

Куда он ведет?

Насколько понимание здесь еще далеко, можно судить хотя бы по многообразию противоречивых ответов, которые даются на любой из названных выше вопросов самими представителями социалистических течений. Чтобы не умножать примеры, мы приведем лишь несколько суждений по поводу происхождения социализма.

«Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические течения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него» (В.И. Ленин. «Три источника и три составных части марксизма»).

«...африканские общества всегда жили в рамках эмпирического, естественного социализма, который можно назвать инстинктивным» (идеолог «африканского социализма» Дуду Тиам).

«Социализм является частью религии ислама и тесно связан с характером своего народа с того времени, когда он еще представляет собой кочующих язычников» (идеолог «арабского социализма» эль-Афгани).

Что же это за странное явление, о котором можно высказать столь разные суждения? Есть ли это совокупность течений, ничем друг с другом не связанных, но по какой-то непонятной причине стремящихся называть себя одним именем? Или же под их внешней пестротой скрывается нечто общее?

По-видимому, далеко еще не найдены ответы на самые основные и бросающиеся в глаза вопросы о социализме, а некоторые вопросы, как мы увидим позже в этой работе, даже и не поставлены. Подобная способность отталкивать от себя рациональное обсуждение сама является еще одним из загадочных свойств этого загадочного явления.

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть эти вопросы и предложить некоторые выводы, к которым можно прийти, пользуясь наиболее известными источниками: произведениями классиков социализма и сводными историческими работами.

В качестве первого приближения попробуем чисто феноменологически описать общие черты современных нам социалистических государств и учений. Наиболее ярко провозглашен и широко известен, конечно, экономический принцип: обобществление средств производства, национализация, различные формы государственного контроля над экономикой. Эта первичность экономических требований среди основных принципов социализма подчеркнута и в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Если ограничиться лишь этим признаком, то естественно спросить: отличается ли принципиально социализм от капитализма, не является ли он всего-навсего монополистической формой капитализма или «государственным капитализмом»? Такое сомнение действительно может возникнуть, если фиксировать внимание лишь на одной экономике, хотя и здесь имеется много глубоких различий между капитализмом и социализмом. В других же аспектах мы наталкиваемся на принципиальную противоположность этих укладов. Так, основой всех современных социалистических государств является партия, пред-

ставляющая собой совершенно новое образование, ничего общего, кроме названия, не имеющее с партиями капиталистических стран. Для социалистических государств характерно стремление распространить социализм своего толка на другие страны — тенденция, не имеющая экономической основы и с точки зрения государственной точки зрения вредная, приводящая обычно к возникновению молодых и более агрессивных соперников в своем же лагере.

В основе всех этих различий лежит то, что социализм не является лишь экономическим укладом, как капитализм, но также, а может быть и в первую очередь, — ИДЕОЛОГИЕЙ, только из идеологии вытекает не объяснимая ни экономическими, ни политическими причинами ненависть социалистических государств к религии. Как некоторый родовой признак она проявляется во всех них, хотя и не одинаково ярко: от почти символического конфликта итальянского фашистского государства с Ватиканом до полного запрета религии в Албании и провозглашения ее «первым в мире атеистическим государством».

Обратившись от социалистических государств к социалистическим учениям, мы встретим уже знакомые нам положения: отмену частной собственности, враждебность к религии. Так, мы уже цитировали «Коммунистический манифест» по поводу уничтожения частной собственности. Борьба с религией была для марксизма отправной точкой и необходимым элементом социального преобразования мира. В статье «К критике философии права Гегеля» Маркс говорит: «...критика религии есть предположение всякой другой критики».

«Очевидным доказательством радикализма для немецкой теории, стало быть, и для ее практической энергии, есть ее отправление от решительного устранения религии».

«Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации есть философия (имеется в виду атеистический аспект системы Фейербаха), ее сердце — пролетариат».

Булгаков в работе «Карл Маркс как религиозный тип» показал, как из воинствующего атеизма, являющегося центральным мотивом деятельности Маркса, вытекают исторические и социальные концепции: игнорирование личности и индивидуальности в историческом процессе, «материалистическое понимание истории», социализм. Эта точка зрения полностью подтверждается посмертно опубликованными подготовительными работами Маркса к книге «Святое семейство». Там Маркс рассматривает социализм как высшую ступень атеизма: если атеизм «утверждает бытие человека через отрицание бога», то есть является «отрицательным утверждением человека», то социализм «есть его положительное утверждение».

Но в социалистических учениях мы обнаружим и такие принципы, которые, по крайней мере явно, не провозглашаются социалистическими государствами. Так, всякий, кто непредвзято перечитает «Коммунистический манифест», удивится: как много места там отведено уничтожению семьи, воспитанию детей в отрыве от родителей в государственных учебных заведениях, общности жен. Споря со своими противниками, авторы нигде от этих положений не отступаются, но доказывают, что они выше тех принципов, на которых строится современное им буржуазное общество. Неизвестно и об отказе от этих взглядов в последующем.

В современных левых течениях, социалистических, но большей частью уже не марксистских, лозунг «сексуальной революции», то есть уничтожения традиционных семейных отношений, также играет основную роль. Как яркий пример проявления тех же тенденций в самое последнее время можно привести «Красную Армию» — японскую троцкистскую организацию, ставшую известной благодаря серии убийств, совершенных ею в начале 1970-х годов. Жертвами были по большей части члены этой же организации. Вступающие в организацию должны были разорвать все семейные связи: нарушение этого было причиной ряда убийств. Обвинение «он вел себя как супруг» считалось основанием для смертного приговора. Уничтожение одного из супругов часто поручалось другому. Рождавшиеся дети отбирались у матери и отдавались другой женщине, которая кормила их сухим молоком...

Итак, среди принципов, которые присущи многим не связанным друг с другом социалистическим государствам или течениям современности и поэтому могут быть отнесены к числу основных положений социализма, мы встретили упразднение частной собственности, уничтожение религии, разрушение семьи. Социализм выступает перед нами не как чисто экономическая концепция, но как несравненно более широкая система взглядов, охватывающая почти все стороны существования человечества.

<...>

И.Р. Шафаревич

ОБОСОБЛЕНИЕ ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ? (Национальный вопрос в СССР)

Изо всех жгучих проблем, скопившихся в нашей жизни, вопрос об отношениях между нациями, кажется, самый болезненный. Ни на какой другой почве не сталкиваешься с такими взрывами обиды, злобы и боли — ни в связи с материальным неравенством, ни с духовной несвободой, ни с притеснениями религии. Вот два примера.

Не раз уже — и не одному мне — приходилось слышать в наших среднеазиатских городах выкрик: «Вот китайцы придут, они вам покажут!» Говорят это обычно не совсем некультурные люди, которые не могут не знать, что для них будет означать приход китайцев, хотя бы по примеру киргизов, еще счастливо отделавшихся — ограбленных и выгнанных из Китая. (О тибетцах, например, радио сообщало, что они подвергаются массовой кастрации.) Знают — и тем не менее говорят. Видимо, накал чувств, подавляющих даже инстинкт самосохранения, здесь такого же уровня, как на Западной Украине в 1941 г., когда отряды ОУН нападали на отступавшие советские войска, а руководство ОУН заключило соглашение с немцами, хотя по примеру Польши не могло не предвидеть того, что через 1,5 месяца и произошло — ареста всего руководства и разгрома большей части отрядов.

Такое же впечатление остается, если сравнить, как в «самиздате» трактуется национальный вопрос и другие, казалось бы, не менее острые проблемы,

будь то положение заключенных в лагерях или заточение здоровых людей в психиатрические больницы. Уже многие обращали внимание на то, что в подавляющем числе произведений «самиздата» авторы добровольно подчиняются некоторым запретам, определенные пути для них закрыты; разжигать злобу, зависть к живущим лучше, призывать к насилию. По-видимому, некоторые уроки прошлого усвоены так глубоко, что превратились уже в устойчивые нормы мышления. На почве же национального вопроса все такие запреты исчезают. Здесь можно встретить негодующие описания того, что один народ живет лучше другого или, хоть и хуже, но все же получает больше, чем выработал. Самиздатские проекты решения национального вопроса обычно включают требования различных насильственных переселений, прозрачные намеки, что, впрочем, можно бы поступить и более жестко. Производит впечатление, что, вступая в эту область, наоборот, забывают все, чему научило прошлое.

Болезненность и острота отношений между нациями не являются исключительной особенностью нашей, советской жизни, — она сейчас видна во всем мире. И мы можем попробовать понять свои проблемы, только осознав их как преломление на нашей почве общих для всего человечества закономерностей.

Совершенно неожиданно XX век оказался веком неслыханно обострившегося национализма. В прошлом столетии общее убеждение было — что национальная проблема отживает свой век, что малые нации постепенно растворяются в больших, различия между большими будут постепенно сглаживаться и в недалеком будущем человечество сольется в общемировом единстве — может быть, и с единым языком. Действительность оказалась как раз противоположной. Страны, столетия жившие в национальном мире, оказались охваченными национальной рознью. Появились разновидности национализма, о существовании которых раньше и не подозревали, например, бретонский, валлонский или валлийский. Национальная вражда достигла неслыханной раньше степени взаимного озлобления, привела к истреблению целых народов — например, в результате войны в Нигерии.

Это не единственный просчет в прогнозах XIX века, не единственный случай, когда господствовавшая тогда идеология оказалась прямо противоположной тому будущему, которое этот век готовил. Тогда казалось, что перед человечеством открывается ясный путь построения жизни, все более подчиненной принципам гуманности, уважения к правам личности, демократии. Казалось, что Россия именно потому загораживает дорогу прогресса, что внутренняя жизнь ее недостаточно либеральна и демократична. Один Достоевский, кажется, предчувствовал, что судьбы мира будут совсем иными.

Историческая роль XX в. оказалась именно в том, что громадные части человечества подпали идеологии максимального подавления личности. Социализм, столетиями высказывавшийся как учение, стал материализоваться в форме социалистических государств. Этот процесс с начала XX в. шел с остановками, но почти только монотонно расширяясь, и нет никаких оснований считать, что он закончился. В свете этой основной тенденции XX в. и следует пытаться понять национальный вопрос как во всем мире, так и в нашей стране.

В начале XX в. картина мира определялась ролью, которую в нем играли «великие державы» — сильнейшие государства, руководимые народами, воо-

душевными верой в особую роль, которую они призваны играть в мире. Социалистические течения могли выбирать в этой ситуации между двумя стратегиями: использование устремлений великих наций, их веры в свою миссию, или подавление этих устремлений. Обе стратегии были испробованы. Опыт показал, что если использование национальных чувств может оказаться полезным для укрепления устойчивости уже сложившегося социалистического государства (особенно в период тяжелого кризиса, войны), то для захвата власти, для вовлечения новых народов в социалистическую идеологию, несравненно эффективнее раздувание антинациональной идеологии, в особенности направленной против крупных наций и сопровождающейся некоторым поощрением патриотизма мелких народностей. Эта стратегия и стала основным оружием социалистических течений марксистского направления, основой идеологии которых был интернационализм, отрицание и разрушение патриотизма, учение о разделении нации на две враждебные культуры. Это мировоззрение, враждебное духу государств с сильно выраженной национальной и в особенности религиозной идеей, способствовало их разрушению, само же укреплялось в периоды кризисов этих государств. Что бы здесь ни было причиной, а что — следствием, мы явно имеем дело с двумя проявлениями одного процесса.

Сначала жертвой этого процесса пало Русское царство, стоявшее на православной основе, потом Австро-Венгрия, еще сохранившая тысячелетнюю традицию священной Римской империи. Через четверть века пришел черед Германии как единого немецкого государства. Но и среди ее победителей Британская империя вскоре перестала существовать.

Все эти политические катастрофы сопровождались яростными идеологическими атаками на те народы, которые в этих странах играли руководящую роль, против их претензий на особую историческую миссию. Например, в послевоенной (после второй мировой войны) Германии целая литература поставила своей целью доказать немецкому народу его греховность, неизгладимую вину перед всем человечеством. Раскаяние как на уровне личности, так и народа — одно из самых возвышающих движений души, и уж конечно немцам есть в чем каяться. Но раскаяние теряет смысл, если нет той высокой цели, ради которой совершается очищение, оно превращается тогда в акт духовного самоубийства. А нам, русским, так знакома эта тема «проклятого прошлого», лишающая народ его истории! И кажется символической тесная личная связь между немецкими литераторами этого покаянного направления и политиками, убеждающими немцев в том, что их величайшей заслугой перед миром будет примириться навеки с разделением своей страны, то есть признать смерть германского народа.

И, наконец, в США такая ожесточенная кампания против войны во Вьетнаме вряд ли имела своей причиной повышение моральной чуткости, большее понимание своей ответственности. Иначе непонятно, почему, например, уничтожение целого народа Ибо в Нигерии, сопровождавшееся большим числом жертв, чем вся война во Вьетнаме, прошло совершенно незамеченным. Да, некоторые руководители антивоенного движения открыто признавали, что дело не в войне. «Закончите войну во Вьетнаме, — и мы выдумаем новые требования», — говорил один из них. Производит впечатление, что истинной целью, в

которую метило это движение, была претензия Америки на особую роль в мире, чувство великой нации, еще не исчезнувшее у американцев.

Разрушение великих империй во все времена протекало параллельно обострению национального чувства отдельных входящих в них наций, обособлению этнических групп, стремлению их выделиться как самостоятельные нации. Опять здесь нельзя дать единого ответа — что было следствием, а что — причиной. Национальный сепаратизм и выступал как разрушающая старую империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели. Эта параллельность ярко видна и в XX в., где все более проявляются обе тенденции: к уничтожению великих государств, руководимых национальной идеей, и раздроблению человечества на все более мелкие национальные единицы.

<...>

А.И. Солженицын

РАСКАЯНИЕ И САМООГРАНИЧЕНИЕ КАК КАТЕГОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

1

Блаженный Августин написал однажды: «ЧТО ЕСТЬ ГОСУДАРСТВО БЕЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ? БАНДА РАЗБОЙНИКОВ». Разительную верность такого суждения, я думаю, охотно признают очень многие и сегодня, через 15 веков. Но заметим приём: на государство расширительно перенесено этическое суждение о малой группе лиц.

По нашей человеческой природе мы естественно судим так: обычные индивидуальные человеческие оценки и мерки применяем к более крупным общественным явлениям и ассоциациям людей — вплоть до целой нации и государства. И у разных авторов разных веков можно найти немало таких перенесений.

Однако социальные науки чем новее, тем строже запрещают нам такие расширения. Серьезными, научными теперь признаются лишь те исследования обществ и государств, где руководящие приемы — экономический, статистический, демографический, идеологический, двумя разрядами ниже — географический, с подозрительностью — психологический, и уж совсем считается провинциально оценивать государственную жизнь этической шкалой.

А между тем люди, живя общественными скоплениями, нисколько не перестают быть людьми и в скоплениях не утрачивают (лишь огрубляют, иногда сдерживают, иногда разнуздывают) всё те же основные человеческие побуждения и чувства, всем нам известный спектр их. И трудно понять эту надменную грубизну современного направления социальных наук: почему оценки и требования, так обязательные и столь применимые к отдельным людям, семьям, малым кружкам, личным отношениям — уж вовсе сразу отвергаются и запрещаются при переходе к тысячным и миллионным ассоциациям? На такое распространение никак не меньше оснований, чем из грубого экономического процесса выводить сложное психологическое поведение обществ. Ба-

рьер переноса во всяком случае ниже там, где сам принцип не перерождается, не требует рожденья живого из мертвого, а лишь распространения себя на большие человеческие массы.

Такой перенос вполне естественен для религиозного взгляда: не может человеческое общество быть освобождено от законов и требований, составляющих цель и смысл отдельных человеческих жизней. Но и без религиозной опоры такой перенос легко и естественно ожидается. Это очень человечно: применить даже к самым крупным общественным событиям или людским организациям, вплоть до государств и ООН, наши душевные оценки: благородно, подло, смело, трусливо, лицемерно, лживо, жестоко, великодушно, справедливо, несправедливо... Да так все и пишут, даже самые крайние экономические материалисты, ибо остаются же людьми. И ясно: какие чувства преимущественно побеждают в людях данного общества — те и окрашивают собой в данный момент всё общество и становятся нравственной характеристикой уже всего общества. И если нечему доброму будет распространиться по обществу, то оно и самоуничтожится или оскотеет от торжества злых инстинктов, куда б там ни показывала стрелка великих экономических законов.

И всегда открыто для каждого, даже неученого, и представляется весьма плодотворным: не избегать рассмотрения общественных явлений в категориях индивидуальной душевной жизни и индивидуальной этики.

Мы здесь попытаемся сделать так лишь с двумя: раскаянием и самоограничением.

2

Труден ли, легок ли вообще этот перенос индивидуальных человеческих качеств на общество — он труден безмерно, когда желаемое нравственное свойство самими-то отдельными людьми почти нацело отброшено. Так — с раскаянием. Дар раскаяния, может быть, более всего отличающий человека от животного мира, глубже всего и утерян современным человеком. Мы повально устыдились этого чувства, и всё менее на Земле заметно его воздействие на общественную жизнь. Раскаяние утеряно всем нашим ожесточенным и суматошным веком.

И как же переносить на общество и нацию то, чего не существует на индивидуальном уровне? — тема этой статьи может показаться преждевременной и даже ненужной. Но мы исходим из несомненности, как она представляется нам: что и раскаяние и самоограничение вот-вот начнут возвращаться в личную и общественную сферу, уже подготовлена полость для них в современном человечестве. А стало быть, пришло время обдумать этот путь и общенационально — понимание его не должно отстать от неизбежных самотекущих государственных действий.

Мы так заклинили мир, так подвели его к самоистреблению, что подкатило нам под горло самое время каяться: уж не для загробной жизни, как теперь представляется смешным, но для земной, но чтоб на Земле-то нам уцелеть. Тот много раз предсказанный прорицателями, а потом отодвинутый конец света — из достояния мистики подступил к нам трезвой реальностью, подготовленной научно, технически и психологически. Уже не только опасность всемирной атомной войны, это мы переболелись, это море — нам по колено, но расчёты эко-

логов объясняют нам нас в полном капкане: если не переменимся мы с нашим истребительно-жадным прогрессом, то при всех вариантах развития в XXI веке человечество погибнет от истощения, бесплодия и замусоренности планеты.

Если к этому добавить накал межнационального и межрасового напряжения, то не покажется натяжкой сказать: что без РАСКАЯНИЯ вообще мы вряд ли сможем уцелеть.

Уж как наглядно, как дорого заплатило человечество за то, что во все века все мы предпочитали порицать, разоблачать и ненавидеть других, вместо того чтобы порицать, разоблачать и ненавидеть себя. Но при всей наглядности мы и к исходу XX века не хотим увидеть и признать, что мировая разделительная линия добра и зла проходит не между странами, не между нациями, не между партиями, не между классами, даже не между хорошими и плохими людьми — разделительная линия пересекает нации, пересекает партии, и в постоянном перемещении то теснима светом и отдает больше ему, то теснима тьмою и отдаёт больше ей. Она пересекает сердце каждого человека, но и тут не прорублена канавка навсегда, а со временем и с поступками человека — колеблется.

И если только это одно принять, тысячу раз выясненное, особенно искусством, — то какой же выход и остаётся нам? Не партийное ожесточение и не национальное ожесточение, не до мнимой победы тянуть все начатые накаленные движения, — но только раскаяние, поиск собственных ошибок и грехов. Перестать винить всех других — соседей и дальних, конкурентов географических, экономических, идеологических, всегда оправдывая лишь себя.

Раскаяние есть первая верная пядь под ногой, от которой только и можно двинуться вперед не к новой ненависти, а к согласию. Лишь с раскаяния может начаться и духовный рост.

Каждого отдельного человека.

И каждого направления общественной мысли.

Правда, раскаявшиеся политические партии мы так же часто встречаем в истории как тигро-голубей. (Еще политические деятели могут раскаиваться, многие не теряют людских качеств. А партии — видимо, вполне бесчеловечные образования, сама цель их существования запрещает им каяться).

Зато нации — живейшие образования, доступные всем нравственным чувствам и, как ни мучителен этот шаг, — так же и раскаянию. Ведь «идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности», — пишет Достоевский («Дневник писателя»; его примеры: еврейская нация создалась лишь после Моисея, многие из мусульманских — после Корана). «А когда с веками в данной национальности расшатывается ее духовный идеал, так падает национальность и все ее гражданские уставы и идеалы». Как же обделить нацию правом на раскаяние?

<...>

После раскаяния и при отказе от насилия выдвигается как самый естественный принцип — САМООГРАНИЧЕНИЕ. Раскаяние создает атмосферу для самоограничения.

Самоограничение отдельных людей много раз наблюдало, описано, хорошо всем известно. (Не говоря уже, как оно приятно окружающим в быту, —

оно может иметь для человека универсально-полезный характер и во всех областях его деятельности). Но, сколько знаю, не проводило последовательно самоограничения никакого государственное образование и такой задачи в общем виде себе не ставило. А когда ставило в худую минуту в частной области (продовольствие, топливо и др.), то отлично себя самоограничение оправдывало.

Всякий профессиональный союз и всякий концерн добивается любимыми средствами занять наиболее выгодное положение в экономике, всякая фирма — непрерывно расширяться, всякая партия — вести свое государство, среднее государство — стать великим, великое — владеть миром.

Мы с большой охотой порываемся ограничить других, тем только и заняты все политики, но сегодня высмеян будет тот, кто предложит партии или государству ограничить себя — при отсутствии вынуждающей силы, по одному этическому зову. Мы напряженно следим, сторожим, как обуздать непомерную жадность другого, но не слышно отказов от непомерной жадности своей. Не раз уже дала нам история примеры кровопролитий, когда была обуздана жадность меньшинства, — но кто и как обуздает распаленную жадность большинства? Ведь только — оно само.

А мысль об общественном самоограничении — не нова. Вот мы находим ее столетие назад у таких последовательных христиан, как русские старообрядцы. В их журнале «Истина» (Йоганисбург, 1867, №1) в статье К. Голубова, корреспондента Огарева и Герцена, читаем:

«Своей безнравственною борзостию подчиняется народ злостраданию. Не то есть истинное благо, которое достигается путем восстаний и отъятия: это скорее будет бесчиние развратной совести; но то есть истинное прочное благо, которое достигается ДАЛЬНОВИДНЫМ САМОСТЕСНЕНИЕМ» (выделено мною. — А. С.).

И в другом месте:

«Кроме самостеснения нет истинной свободы человеческой».

После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, — вот воистину христианское определение свободы: свобода — это САМОСТЕСНЕНИЕ! самостеснение — ради других!

Такой принцип — однажды понятый и принятый, вообще переключает нас — отдельных людей, все виды наших ассоциаций, общества и нации, — с развития внешнего на внутреннее, и тем углубляет нас духовно.

Поворот к развитию внутреннему, перевес внутреннего над внешним, если он произойдет, будет великий поворот человечества, сравнимый с поворотом от Средних Веков к Возрождению. Изменится не только направление интересов и деятельности людей, но и самый характер человеческого существа (от духовной разбросанности к духовной сосредоточенности), тем более — характер человеческих обществ. Если процессу этому суждено где-то пройти революционно, то революции эти будут не прежние — физические, кровопролитные и никогда не благодатные, но революции нравственные, где нужны и отвага и жертва, но не жестокость, — некий новый феномен человеческой истории, еще неизвестный, еще никем не провидимый в четких ясных формах. Рассмотрение всего этого выходит за рамки нашей статьи.

Но и в материальной сфере такой поворот отменно скажется. Человеку — не выколачиваться в жажде всё большего и большего заработка и захвата, но экономно, разумно, бессумятно тратить то, что у него есть. Государству — не как сейчас, не применять силу даже иногда без ясной цели, если где давится — непременно дави, если какая стенка поддается передвижке — передвигай, но и между государствами принять индивидуальную мораль: не делай другому, чего не хотел бы себе; но — углубленно осваивать то, что имеешь. Только так и может создаться упорядоченная жизнь на планете.

Понятие о неограниченной свободе возникло в тесной связи с ложным, как мы теперь узнали, понятием бесконечного прогресса. Такой прогресс невозможен на нашей ограниченной Земле с ограниченными поверхностями и ресурсами. Перестать толкаться и самостесниться всё равно неизбежно: при бурном росте населения нас к этому скоро вынудит сама матушка Земля. Но насколько было бы духовно ценней и субъективно легче принять принцип самоограничения — прежде того, ДАЛЬНОВИДНЫМ САМОСТЕСНЕНИЕМ.

Нелегко будет такой поворот западной свободной экономике, это революционная ломка, полная перестройка всех представлений и целей: от непрерывного прогресса перейти к стабильной экономике, не имеющей никакого развития в территории, объемах и темпах (а лишь — в технологии, и то успехи ее отсеиваются весьма придирчиво). Значит, отказаться от заразы внешней экспансии, от рыска за новыми и новыми рынками сырья и сбыта, от роста производственных площадей, количества продукции, от всей безумной гонки наживы, рекламы и перемен. Стимул к самоограничению еще никогда не существовал в буржуазной экономике, но как легко и как давно он мог быть сформулирован из нравственных соображений! Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку, и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только... если бы только носители их на первом же пороге развития самоограничились, а не доводили бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм.

Но русскому автору сегодня — не этими заботами голову ломать. Аспектов самоограничения — международных, политических, культурных, национальных, социальных, партийных — тьма. Нам бы, русским, разобраться со своими.

И показать пример широкой души. Небесплодности раскаяния.

В той надежде и вере я и пишу эту статью.

<...>

А. Б.

НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕН

В начале этого века к недоумению (и негодованию) многих, считавших себя достаточно понимающими «дух времени», в русском обществе появилось широкое движение в сторону философского идеализма. Тогда же один киевский профессор заметил, что интерес и внимание к идеализму говорят скорее о личном доверии к тем писателям, которые его провозглашают, чем о серьезной готовности общества в целом изменить укоренившемуся у нас философскому позитивизму и разным формам философского материализма. Впечатление такое, говорит он, как будто перед обществом поставлен настоятельный вопрос — где истина, в идеализме или в позитивизме? Но общество не подготовлено к ответу: «Еще не распахан та нива, на которой семя идеализма могло бы принести обильные плоды. Этим воспользуется позитивизм для того, чтобы удержать за собой господство».

Слова эти, — сказанные семьдесят лет назад, — оказались прямо пророческими. Позитивизм, не стесняясь в средствах, удержал за собой власть еще почти на сто лет. Но сегодня тот же вопрос опять ставится перед русским обществом. Опять ответ на него настоятельно требуется. А общество, кажется, еще менее подготовлено к нему, еще более — застигнуто этим вопросом врасплох. «Действительно, надо сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циническое презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние». Это — Пушкин, но звучит так, будто сказано о наших днях. Так что на первый взгляд остается повторить слова о «нераспаханной ниве».

Однако история таинственна и не многое в ней поддается логическому расчислению. Путь рационально-познавательный, основанный на постепенном воспитании мысли и накоплении усвоенных рассудком выводов для общества — как и для отдельного человека — не только не единственный, но и не главный путь. Есть еще путь жизненного духовного опыта, путь целостного интуитивного прозрения.

Сама наша история за истекшие семьдесят лет не научила ли нас чему-то? Это был период трудный и страшный. Не раз казалось за это время, что «Россия умерла», что «прежняя Россия не существует», что предпочтенье, отдаваемое безличью перед лицом, привело к полной потере себя целым народом. Но так ли это? Разве горстка русских поэтов и писателей не бодрствовала все эти годы? И неужели пережитые казни и мучения рождали только ничтожества? У нас были и мученики и герои, и, даже когда их никто не мог услышать и узнать, они возрождали общество к какой-то новой жизни.

Рано еще делать определенные выводы, но кажется на вопрос «где истина» уже дается ответ. Как в организме происходит отторжение чужеродного белка, так сейчас идет отторжение «позитивной философии» и всей с нею связанной официальной идеологии: в нашем обществе она покрывается корочкой скептического неприятия, она больше не прирастает к живой душе, как это было 100 или 70 лет назад, но выталкивается ею.

Но этого еще мало. Мы нуждаемся в новых духовных энергиях, в источнике положительного влияния. Решимся высказать осторожную надежду на то, что такое положительное влияние уже существует в нашем обществе. Тайственным и неприметным для суетящейся толпы образом к нам возвращается почти утраченное христианское сознание. Слово христианства как-то вдруг, чудесным образом, за последние годы стало находить отклик во многих сердцах, казалось бы всем воспитанием, образом жизни, модными идеями «отчуждения» и исторического пессимизма современного искусства наглухо от него отгороженным. Как будто незаметно отворилась какая-то дверь.

Почему на фоне общего упадка веры и религиозного чувства во всем мире именно у нас, в нашей стране, где христианская религия подвергается особенно планомерным и жестоким нападкам, происходит это возрождение? Одну из причин можно увидеть опять в нашей истории за последние пятьдесят лет. Мы прошли через такие бездны, были так открыты всем колымским ветрам, пережили такое истощение всех человеческих сил, что научились видеть то «единое на потребу», чего нельзя отнять у человека, и научились ждать помощи не от своих человеческих сил. В прекрасной нищете, в полной незащищенности от страдания сердце наше согрелось внутренним духовным теплом, открылось новым неожиданным внушениям.

Сейчас, когда стены наших домов стали снова немножко теплей и надежней, смутное, но очень настойчивое ощущение наступающих исторических перемен не покидает нас. Оно вызвано общим чувством, что «так не может продолжаться», и пока не имеет еще никакой устоявшейся формы. Эта форма будущего развития, конечно, главный вопрос нашего времени. Она как-то определится, но от того, как она определится, все и зависит.

Два упомянутых фактора — возвращение христианского сознания и чувство перемен — значают особенную ответственность наших дней.

Трудно не связать между собой эти два фактора. В действительности, несмотря на все заблуждения и отречения, мы живем в христианской культуре, в христианской эпохе, и именно христианство — то бродильное начало, те «дрожжи мира», на которых взошла и будет всходить, как тесто в квашне, история. По твердому нашему убеждению, одно только христианство и содержит в себе движущую энергию, постепенно одухотворяющую и преображающую наш мир. Поэтому вопрос состоит только в том, насколько глубоко это нам удастся в нашей жизни, в наших днях понять и воплотить.

В свете этого сознания нам надлежит рассматривать вопрос о том, что мы должны делать и к чему стремиться. Христианство не есть просто система взглядов, но особая жизнь. Об этом много и очень хорошо написано и прожито, начиная с апостолов и кончая нашими современниками. Не годится сейчас наспех что-то выхватывать из этого огромного и бесценного живого опыта, чтобы задрапировать убожество наших дел и мыслей.

Можно только бегло осмотреть этот наш жалкий арсенал, чтобы убедиться в его полной негодности перед лицом этих задач.

Когда мы думаем о необходимости изменений, то по пробитому руслу мысль идет к «демократизации строя», к «борьбе за социальное переустройство». К такой борьбе тянутся самые динамические и решительные силы общества, уже не

говоря о тех, кто всегда рад во внешней деятельности найти выход из внутренней пустоты. Но ведь мы уже хорошо знаем: ложь всех революций в том, что они сильны и конкретны в отрицательной и разрушительной части и вялы и абстрактны в части положительной и созидательной. Достоевский так определил причину этого: «Пчела знает формулу своего улья, и муравей — формулу своего муравейника, а человек не знает своей формулы». Но потому человек и не знает своей формулы, что в отличие от пчелы и муравья, которые не свободны, он свободен. Свобода это и есть формула человека и если он ее ищет в партиях и идеологиях, то никогда ее и не найдет, какими бы хорошими они ни были.

Но эта свобода не есть «естественное» достояние человека, а скорее цель его жизни и «сверхъестественный» дар. «Рабство греху» — так называет христианство обычное состояние человеческой души и к освобождению из этого рабства человека призывает.

Путь внутреннего духовного подвига это единственный путь, который приведет человека — и все общество — к освобождению. Об этом тоже писали 70 лет назад авторы сборника «Вехи», в особенности С. Булгаков и С. Франк, но тогда их мало кто понял.

Так не пора ли после почти двухсот лет одержимости «социальной идеей» обратиться к этому пути и заменить в нашем сознании идеал борца идеалом подвижника. Уже почти язык не поворачивается сказать такое. Еще бы, — как мы привыкли высокомерно отвергать этот идеал с высоты борьбы за «общее дело»! «Самосовершенствование», теория «малых дел» — это лучшие слова, которые мы находим в своем словаре для такой цели. Какая ошибка! Какое косное нежелание очнуться!

Дело не в том, что мы не должны стремиться к лучшему общественному устройству, но в том, что истина об этом устройстве принадлежит к числу таких, которые не добываются в рассуждении, но познаются жизнью и делом и доступны только уже просветленному сознанию. И до тех пор, пока мы сами не изменимся, лучшим и честнейшим попыткам перестроить что-то «снаружи» декретным или насильственным порядком суждено в лучшем случае кончаться ничем, как «шумим, братец, шумим» Репетилова, а в худшем — «Бесами» Достоевского, со всеми логическими последствиями, такими знакомыми.

Мы переживаем сейчас важнейшую для нашей национальной жизни эпоху. Историческое действие происходит в определенные сроки и если время упущено, то оно откладывается надолго. Хочется спросить: «Как же времени сего не узнаете?» (Лк. 12, 56). Достанет ли у нас сознания и решимости вовремя выправить изнутри свою природу и через нее свою общую жизнь?

Как в отдельной личной жизни, так и в жизни общественной перенесенное страдание, горе — просветляет, если оно правильно понято и принято. Но если мы — как многим хочется из самых разных побуждений — не захотим признать свою ответственность перед этой страницей нашей истории, если мы попытаемся просто забыть эти страдания и, как бы вычеркнув их из нашей истории, жить по-прежнему — тогда мы обречены. Тогда опять будут идти два параллельных процесса: сверху выпалывание малейших движений живой души и мысли и снизу накопление бесильной ненависти и злобы. Так с обеих сторон доброе будет отталкиваться, пока мы не будем наказаны за свою жестокость «повторением пройденного».

Мы должны сохранить и осознать ту огромную духовную силу, которую мы, наша страна, купили дорогой ценой. Мы должны претворить ее во внутреннюю крепость сопротивления лжи и насилию вплоть до готовности на жертву. И этот процесс должен происходить в душах.

Это очень трудно. Особенно сейчас, потому что путь духовного подвига приходится в вопиющем противоречии со всеми современными устремлениями человечества. Когда «возрастание материальных потребностей» (вдобавок искусственно подхлестываемое всякой рекламой) и способность их удовлетворить рассматриваются едва ли не как главный показатель высоты развития общества. Когда непрерывным глушением — телевизор, кинематограф, спорт, газеты — забивают внутренний голос. Доступностью путешествий и развлечений — постоянно отвлекают от внутреннего дела. Кажется, никогда еще в мире не было так шумно. Никогда индустрия развлечений, индустрия духовных полуфабрикатов «массовой информации» так полно не завладевали человечеством. Отсюда — страшный душевный хаос в каждом, отсюда — потеря чувства реальности и опасная релятивизация истины. Настоящая действительность, настоящая деятельность — затравлены, загнаны. Волны суетливого и поспешного внешнего раздражения мотают нас по поверхности житейского моря.

Есть такое понятие христианской жизни — «трезвение». Это очищение души, собранность духа, стремление к внутренней простоте и улаженности. Вот с этого и следует начинать. Потому что только трезвому духу открывается истина и только истина освобождает. Не надо искать в первую очередь внешних решений. Надо достигать такого внутреннего состояния, когда внешние решения диктуются изнутри непреложными законами сострадания и любви. Тайная внутренняя свобода, когда она достигнута, дает нам почувствовать связь со всеми, ответственность за всех. Поэтому если мы ее обретем не мечтательно, то все остальное приложится нам.

А без нее любое общественное устройство останется «железом и глиной, смешанными руками человеческими».

А мы растеряны. В поисках решения мы по укоренившейся привычке оглядываемся на Запад. Там «прогресс», там «демократия». Но ведь самые чуткие люди на Западе с той же тревогой и с надеждой стараются разглядеть что-то у нас. Им кажется и, вероятно, не без основания, что именно мы здесь в нашей трудной и угнетенной жизни знаем что-то такое, что можно противопоставить фальши и бездуховности в их мире, — то, что ими в суете потеряно.

Так может быть, если мы осознаем и как-то воплотим наш духовный опыт, он послужит и к восполнению европейского опыта. Тогда Россия избежит горького пророчества Чаадаева — быть зияющим пробелом, уроком народам.

От Нестора-летописца пошло сравнение нашего народа с «работниками одиннадцатого часа». Если мы, вместо того чтобы «праздно стоять на площади», откликнемся сейчас на призыв Хозяина Виноградника, то и нам не поздно к концу дня получить равную со всеми награду.

Е.В. Барабанов

РАСКОЛ ЦЕРКВИ И МИРА

За каждой литургией мы исповедуем нашу веру во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Мы верим в ее святость, ибо видим в ней образ присутствия Христа. И уже здесь, на земле, прикасаемся полноты жизни будущего века. Но не только мы — даже многие из неверующих предчувствуют в слове «Церковь» реальность какой-то неведомой и высшей жизни. Желание приблизиться к этой реальности, как-то прикоснуться к ней собирает их у храмов в пасхальную ночь. Они терпеливо ждут полночи, когда издалека, изнутри храма до них донесется пение, когда молящиеся выйдут с крестным ходом и над собравшейся толпой раздастся возглас: Христос воскрес! Они ждут, когда совершится сияющая светом мистерия, которая — как знать? — притянет их тоже к этой глубинной реальности, называемой Церковью, допустит до нее, откроет ее тайну и соединит с их собственной духовной жизнью. Те же, кто непосредственно участвуют в самой мистерии — причастники славы Христа — чувствуют себя победителями. «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!» — воодушевленно поют верующие. И, кажется, в этих пасхальных возгласах Церковь подымается во весь свой рост. Зло мира, его тьма и ложь, грех и насилие повержены Воскресением. И волны всеобщего обновления и радости, которые исходят от празднующего народа, как будто охватывают и неверующих. Кажется, эта победа становится действительной и реальной не где-то за пределами времени и пространства, а здесь, сегодня, сейчас.

Но мучительным контрастом представляется повседневная, земная, человеческая реальность Церкви. Она тоже начинается с храма. Храм здесь — «место отправления культа религиозной общины». Эта община регистрируется государственными органами. И уполномоченные государством лица осуществляют надзор над ее жизнью. Он заключается в том, чтобы «богослужбное ведомство» было как можно более духовно изолированным, безвредным и даже смешным, с точки зрения идеологии государства. И все, кто участвуют в «культе» — иерархи, зависимые от них священники, миряне, то есть все, что также называется Церковью, — покорно принимают этот порядок и, кажется, вполне смиряются со своей зависимостью.

Не станем сразу же обвинять Церковь. В том, что она вынуждена идти «куда не хочет», могло бы еще не быть великой духовной беды. Дело в том, как относиться к этой неволе, как совместить ее с торжествующей пасхальной силой и радостью. И вот мы видим: одни христиане несут вынужденную неволю как тяжелую повинность «ради сохранения Церкви»; другие — притерпелись, вошли во вкус и даже, пожалуй, полюбили этот контраст.

И все же, несмотря на эту явную, не оставляющую никаких сомнений покорность Церкви государству, даже люди, далекие от христианства, ждут от нее какого-то общего обновления. Они хотят видеть в русской Церкви ту действительную силу, которая способна противопоставить лживой идеологической казенщине подлинные духовные ценности, утвердить нравственные принципы, напоить «водой живой».

Люди, близко знающие церковную жизнь, обычно смотрят менее оптимистически. Они изнутри пережили все те страшные недуги и тупики современной церковной действительности и потому полагают, что Церковь только тогда сможет воздействовать на наше общество, когда оно само, став достаточно свободным и демократичным, освободит и Церковь от наложенных на нее государственно-политических пут.

Не будем пока обсуждать, какая из этих точек зрения более соответствует реальности. Несомненно, правы те, кто видят в христианстве утверждение безусловной правды о человеке и человеческом обществе. Только на основании этой высшей правды и возможно отстаивать исключительную ценность человека, ценность его жизни и его творчества. Только в христианстве — глубочайший смысл общественной жизни, культуры и хозяйства. В поисках этого смысла, несмотря на все срывы и неудачи, развивалась история христианских народов. Таким же путем шла и Россия, принявшая в X веке Православие из рук Византии и через христианство приобщившаяся к общеевропейской культуре. Просвещение, искусство, право, государственность — все это было дано нашему народу христианством. И в годы междоусобиц, иноплеменных нашествий, смут и кризисов именно русская Церковь всегда хранила и поддерживала живую традицию культуры, была основой национально-государственной целостности. В подвигах своих святых и праведников русский народ постоянно видел перед собой немеркнущий свет высшей нравственной правды, исканием которого пронизана вся великая русская литература. И, оглядываясь назад, мы убеждаемся, что христианские идеи и христианские идеалы иногда лежали в глубине даже тех проявлений жизни и культуры, которые, казалось бы, внешне и не имели к ним отношения. Что же нам сказать о том наследии, которое стало неотъемлемой частью всечеловеческой духовной жизни — о соборах и иконах, о Сергии Радонежском и Андрее Рублеве, о протопопе Аввакуме и Серафиме Саровском, о Гоголе и Достоевском, о Толстом и Соловьеве, о плеяде мыслителей XX века и, наконец, о тех недавних бесчисленных мучениках, чьи жития еще не написаны и о которых помнят лишь немногие уцелевшие очевидцы.

<...>

В.М. Борисов

ЛИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Многими в нашей стране сейчас владеет ощущение, порой безотчетное, что Россия пережила свою Голгофу и вплотную приблизилась к какому-то новому историческому пределу.

Но что это — грань распада, о чем, казалось бы, с вещественной убедительностью свидетельствует нарастающий поток эмигрантов? — или предчувствие воскресения?

Надежда и вера борются с отчаянием или глухим злорадством; в завязавшемся споре о России все яснее слышатся ноты подлинно апокалиптической тревоги.

Кто мы — проклятое и развратное племя или великий народ? суждено ли нам будущее — или Россия являлась в мир лишь за тем, чтобы, по безумному

пророчеству Константина Леонтьева, родить из своих недр антихриста? что ждет нас — разверстая бездна или крутой и тяжкий подъем?

Уже одно то, что все эти запретные, заклятые, полузабытые, но вечные вопросы мучат мысль и совесть всего живого, что есть в России, — само по себе грозный симптом. Так беспощадно и так в упор ставятся они только в канун решающих исторических сдвигов: так было в начале XVII, и в начале XVIII, и в начале и середине XIX, и, наконец, в начале XX веков.

Будущее, как известно, отбрасывает тень, и нам, в этой тени живущим, необходимо разглядеть его контуры, памятуя о горьком, но глубоком опыте наших предшественников. Необходимо, если мы хотим продолжать осмысленное историческое существование.

Еще так недавно это воскрешение спора о России, после пережитых ею лет, казалось невозможным. И то, что случилось сейчас, подает первую надежду: что близится конец безапелляционным марксистским решениям и предначертаниям ее судеб, что ее искалеченные душа и тело отныне **сами** начнут искать путей своего исцеления.

Но в этом споре дано нам и предостережение. Идеологическая глыба, долгие годы давившая русскую жизнь и мысль, — сделала свое: русское самосознание выбирается из-под нее навстречу неведомому будущему как никогда расщепленным. Все прежние нерешенные противостояния русской мысли вновь воскресли, но теперь они обострены, осложнены и искажены нашим небывалым полувековым опытом. Сейчас от их решения не риторически, а реально зависит **жизнь** нашего народа.

И если нам не удастся открыть **в себе** источник сил, способных стянуть разорванное национальное сознание к единому духовному центру, все нынешние возбужденные попытки общественной жизни могут оказаться последней агонией России.

<...>

А.И. Солженицын

ОБРАЗОВАНЩИНА

1

Роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя были основательно рассмотрены в «Вехах» — и возмущенно отвергнуты всею интеллигенцией, всеми партийными направлениями от кадетов до большевиков. Пророческая глубина «Вех» не нашла (и авторы знали, что не найдут) сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий. Вскоре и название книги, эксплуатированное другою группой авторов («Смена вех») узко политических интересов и невысокого уровня, стало смешиваться, тускнеть и вовсе исчезать из памяти новых русских образованных поколений, тем более — сама книга из казенных советских библиотек. Но и за 60 лет не померкли ее свидетельства: «Вехи» и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего. И только то радует, что через

60 лет кажется утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать.

Сегодня мы читаем ее с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом — и сегодняшние наши. И потому всякий разговор об интеллигенции сегодняшней (по трудности термина «интеллигенция» пока, для первой главы, понимая ее: «вся масса тех, кто так себя называет», интеллигент — «всякий, кто требует считать себя таковым») почти нельзя провести, не сравнивая нынешних качеств с суждениями «Вех». Историческая оглядка всегда дает и понимание лучшее.

Однако, нисколько не гонясь сохранить тут цельность веховского рассмотрения, мы позволим себе, со служебной целью сегодняшнего разбора, суммировать и перегруппировать суждения «Вех» в такие четыре класса:

а) Недостатки той прошлой интеллигенции, важные для русской истории, но сегодня угасшие или слабо продолженные или диаметрально обёрнутые.

Кружковая искусственная выделенность из общенациональной жизни. (Сейчас — значительная сращенность, через служебное положение). Принципиальная напряженная противопоставленность государству. (Сейчас — только в тайных чувствах и в узком кругу отделение своих интересов от государственных, радость от всякой государственной неудачи, пассивное сочувствие всякому сопротивлению, своя же на деле — верная государственная служба). Моральная трусость отдельных лиц перед мнением «общественности», недерзновенность индивидуальной мысли. (Ныне далеко отеснена панической трусостью перед волей государства). Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному материальному благу парализовала в интеллигенции любовь и интерес к истине; «соблазн Великого Инквизитора»: да сгинет истина, если от этого люди станут счастливее. (Теперь таких широких забот вовсе нет. Теперь: да сгинет истина, если этой ценой сохранюсь я и моя семья). Гипноз общей интеллигентской веры, идейная нетерпимость ко всякой другой, ненависть как страстный этический импульс. (Ушла вся эта страстная наполненность). Фанатизм, глухой к голосу жизни. (Ныне — прислушивание и подлаживание к практической обстановке). Нет слова, более непопулярного в интеллигентской среде, чем «смирение». (Сейчас подчинились и до раболепства). Мечтательность, прекраснодушие, недостаточное чувство действительности. (Теперь — трезвое утилитарное понимание ее). Нигилизм относительно труда. (Изжит). Негодность к практической работе. (Годность.) Объединяющий всех напряженный атеизм, некритически принимающий, что наука компетентна решить и вопросы религии, притом — окончательно и, конечно, отрицательно; догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством: религия заменена верой в научный прогресс. (Спала напряженность атеизма, но он всё так же разлит по массе образованного слоя — уже традиционный, вялый, однако с безусловным предпочтением научного прогресса и «человек выше всего»). Инертность мысли; слабость самоценной умственной жизни, даже ненависть к самоценным духовным запросам. (Напротив, за отход от общественной страсти, веры и действия, иные образованные люди на досуге и в замкнутой скорлупе, кружке, вознаграждают себя довольно интенсивной умственной деятельностью, но обычно без всякого приложения наружу, иногда — анонимным тайным выходом в Самиздат).

«Вехи» интеллигенцию преимущественно критиковали, перечисляли ее пороки и недостатки, опасные для русского развития. Отдельного рассмотрения достоинств интеллигенции там нет. Мы же сегодня, углом сопоставительного зрения не упуская качеств нынешнего образованного слоя, обнаружим, как, меж перечислением недостатков, авторы «Вех» упоминают такие черты, которые сегодня нами не могут быть восприняты иначе, как:

б) Достоинства предреволюционной интеллигенции.

Всеобщий поиск целостного мирозерцания, жажда веры (хотя и земной), стремление подчинить свою жизнь этой вере. (Ничего сравнимого сегодня; усталый цинизм). Социальное покаяние, чувство виновности перед народом. (Ныне распространено напротив: что народ виновен перед интеллигенцией и не кается). Нравственные оценки и мотивы занимают в душе русского интеллигента исключительное место; думать о своей личности — эгоизм, личные интересы и существование должны быть безусловно подчинены общественному служению; пуританизм, личный аскетизм, полное бескорыстие, даже ненависть к личному богатству, боязнь его как бремени и соблазна. (Всё — не о нас, всё наоборот!) Фанатическая готовность к самопожертвованию, даже активный поиск жертвы; хотя путь такой проходят единицы, но для всех он — обязательный, единственно достойный идеал. (Узнать невозможно, это — не мы. Только слово общее «интеллигенция» осталось по привычке).

Не низка ж была русская интеллигенция, если «Вехи» применили к ней критику, столь высокую по требованиям. Мы еще более поразимся этому по группе черт, выставленных «Вехами» как:

в) Тогдашние недостатки, по сегодняшней нашей переполюсовке чуть ли не достоинства.

Всеобщее равенство как цель, для чего готовность принизить высшие потребности одиночек. Психология героического экстаза, укрепленная государственными преследованиями; партии популярны по степени своего бесстрашия. (Нынешние преследования жесточе, систематичной и вызывают подавленность, не экстаз). Самочувствие мученичества и исповедничества; почти стремление к смерти. (Теперь — к сохранности). Героический интеллигент не довольствуется ролью скромного работника, его мечта — быть спасителем человечества или, по крайней мере, — русского народа. Экзальтированность, иррациональная приподнятость настроения, опьянение борьбой. Убеждение, что нет другого пути, кроме социальной борьбы и разрушения существующих общественных форм. (Ничего сходного! Нет другого пути, кроме подчинения, терпения, ожидания милости.)

Но — не всё духовное наследство растеряли мы. Узнаем и себя.

г) Недостатки, унаследованные посегодня.

Нет сочувственного интереса к отечественной истории, чувства кровной связи с ней. Недостаток чувства исторической действительности. Поэтому интеллигенция живет в ожидании социального чуда (тогда — много и делали для него, теперь — укрепляя, чтобы чуда не было, и... ожидая его!). Всё зло — от внешнего неустройства, и потому требуются только внешние реформы. За всё происходящее отвечает самодержавие, с каждого же интеллигента снята всякая личная ответственность и личная вина. Преувеличенное чувство своих прав.

Претензия, поза, ханжество постоянной «принципиальности» — прямолинейных отвлеченных суждений. Надменное противопоставление себя — «обывателям». Духовное высокомерие. Религия самообожествления, интеллигенция видит в себе Провидение для своей страны.

Всё так совпадает, что и не требует комментариев.

Добавим каплю из Достоевского («Дневник писателя»):

Малодушие. Поспешность пессимистических заключений.

Так еще много бы оставалось в сегодняшней интеллигенции от прежней — если бы сама ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ еще оставалась быть...

<...>

Со стороны над нами посмеются: какой робкий и какой скромный шаг воспринимается нами как жертва. По всему миру студенты захватывают университеты, выходят на улицы, даже свергают правительства, а смиреннее наших студентов в мире нет: сказано — политучёба, пальто с вешалки не выдавать, и никто не уйдет. В 1962 весь Новочеркасск бушевал, но в общежитии Политехнического института заперли дверь на замок — и никто не выпрыгнул из окна! Или: голодные индусы освободились из-под Англии безнасильным непровилением, гражданским неповиновением, — но и на такую отчаянную смелость мы не способны — ни рабочий класс, ни образованщина, мы Сталиным-батюшкой напуганы на три поколения вперед: как же можно не выполнить какого-нибудь распоряжения власти? то уж — самогубительство последнее.

И если написать крупными буквами, в чем состоит наш экзамен на человека:

НЕ ЛГАТЬ! НЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ЛЖИ!

НЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЛОЖЬ!

то будут смеяться над нами не то что европейцы, но арабские студенты, но цейлонские рикши: всего-то столько от русских требуется? И это — жертва, смелый шаг? а не просто признак честного человека, не жулика?

Но пусть смеются грибы другого кузова, а кто в нашем давится, тот знает: это действительно очень смелый шаг. Потому что каждодневная ложь у нас — не прихоть развратных натур, а форма существования, условие повседневного благополучия всякого человека. Ложь у нас включена в государственную систему как важнейшая сцепка ее, миллиарды скрепляющихся крючочков, на каждого приходится десяток не один.

Именно поэтому нам так гнетуще жить. Но именно поэтому нам так естественно и распрямиться! Когда дают безо лжи — для освобождения нужны меры политические. Когда же запустили в нас когти лжи — это уже не политика! это — вторжение в нравственный мир человека, и распрямление наше — ОТКАЗАТЬСЯ ЛГАТЬ — тоже не есть политика, но возврат своего человеческого достоинства.

Что есть жертва? — годами отказываться от истинного дыхания, заглатывать смрад? Или — начать дышать, как и отпущено земному человеку? Какой циник возьмется вслух возразить против такой линии поведения: НЕУЧАСТИЕ ВО ЛЖИ?

О, возразят, конечно, тут же, и находчиво: а что есть ложь? А кто это установят точно, где кончается ложь, где начинается правда? А в какой историчес-

ки-конкретной диалектической обстановке и т. д. — как уже и изворачиваются лгуны полвека.

А ответ самый простой: как видишь ты сам, как говорит тебе твоя совесть. И надолго будет довольно этого. В зависимости от кругозора, жизненного опыта, образования, каждый видит, понимает границу общественно-государственной лжи по-своему: один — еще очень далеко от себя, другой — веревкой, уже перетирающей шею. И там, где, по честности, видишь эту границу ты — там и не подчиняйся лжи. От той части лжи отстранись, которую видишь несомненно, явно. А если искренне не видишь лжи нигде — и продолжай спокойно жить, как прежде.

Что значит — не лгать? Это еще не значит — вслух и громко проповедывать правду (страшно!). Это не значит даже — вполголоса бормотать то, что думаешь. Это значит только: не говорить того, чего не думаешь, но уж: ни шепотом, ни голосом, ни поднятием руки, ни опусканием шара, ни поддельной улыбкой, ни присутствием, ни вставанием, ни аплодисментами.

Области работы, области жизни — разные у всех. Работникам гуманитарных областей и всем учащимся лгать и участвовать во лжи приходится гуще и невылазнее, ложь наставлена заборами и заборами. В науках технических ее можно ловчей сторониться, но всё равно: каждый день не миновать такой двери, такого собрания, такой подписки, такого обязательства, которое есть трусливое подчинение лжи. Ложь окружает нас и на работе, и в пути, и на досуге, во всем, что видим мы, слышим и читаем.

И как разнообразны формы лжи, так разнообразны и формы отклонения от нее. Тот, кто соберет свое сердце на стойкость и откроет глаза на щупальцы лжи, — тот в каждом месте, всякий день и час сообразит, как нужно поступить.

Ян Палах — сжег себя. Это — чрезвычайная жертва. Если б она была не одиночной — она бы сдвинула Чехословакию. Одиночная — только войдет в века. Но так много — не надо от каждого человека, от тебя, от меня. Не придется идти и под огнемёты, разгоняющие демонстрации. А всего только — дышать. А всего только — не лгать.

И никому не придется быть первым — потому что «первых» уже многие сотни есть, мы только по их тихости их не замечаем. (А кто за веру терпит — тем более, да им-то прилично работать и уборщицами, и сторожами). Из самого ядра интеллигенции я могу назвать не один десяток, кто уже давно так живет — годами! И — жив. И — семья не вымерла. И — крыша над головой. И — что-то на столе.

Да, страшно! Дырочки фильтра в начале такие узкие, такие узкие — разве человеку с обширными запросами втиснуться в такую узость? Но обнадёжу: это лишь при входе, в самом начале. А потом они быстро, близко свободнеют, и уже перестают тебя так сжимать, а потом и вовсе покидают сжатием. Да, конечно! Это будет стоить оборванных диссертаций, снятых степеней, понижений, увольнений, исключений, даже иногда и выселения. Но в огонь — не бросят. И не раздавят танком. И — крыша будет, и будет еда.

Этот путь — самый безопасный, самый доступный изо всех возможных наших путей, любому среднему человеку. Но он — и самый эффективный! Именно только мы, знающие нашу систему, можем вообразить, что случится, когда этому пути последуют тысячи и десятки тысяч, — как очистится и преобразится наша страна без выстрелов и без крови.

Но этот путь — и самый нравственный: мы начинаем освобождение и очищение со своей души. Еще прежде, чем мы очистим страну, — мы очистимся сами. И это — единственно правильный исторический порядок, ибо зачем очищать воздух страны, если сами остаёмся грязными?

Возрают: но как жаль молодежь! Ведь если на экзамене по общественной науке не проговоришь обязательной лжи, — двойка, отчисление из института, и перебито образование и жизнь.

В одной из следующих статей нашего сборника обсуждается, так ли правильно понимаем мы и осуществляем лучшие пути в науку. Но и без того: потеря в образовании — не главная потеря в жизни. Потери в душе, порча души, на которую мы беззаботно соглашаемся с юных лет, — непоправимее.

Жаль молодежь? Но и: чьё же будущее, как не их? Из кого ж мы и ждем жертвенную элиту? Для кого ж мы и томимся этим будущим? Мы-то стары. Если они сами себе не построят честного общества, то и не увидят его никогда.

Источник: библиотека А. Белоусенко (<http://belousenkolib.narod.ru>).

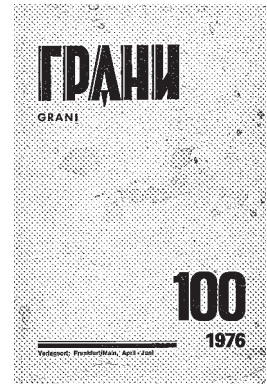
Самосознание

Сборник статей, изданный за рубежом под редакцией Павла Литвинова, Михаила Меерсона-Аксенова и Бориса Шрагина (Нью-Йорк: Хроника, 1976. - 320 с.). Составители сборника недавно эмигрировали из СССР, двое из них были известными инакомыслящими (физик П. Литвинов подготовил в СССР два сборника о политических процессах 1967-1968, участвовал в демонстрации на Красной площади с протестом против советской интервенции в Чехословакии, искусствовед и философ Б. Шрагин был известнейшим правозащитником и автором Самиздата). «Самосознание» было задумано его составителями как ответ на сборник «Из-под глыб», как демонстрация существования в российской независимой мысли направления, отстаивающего плюралистические, либерально-демократические ценности (в противоположность авторитарно-национальным, защищаемым Александром Солженицыным и его сторонниками). В сборник вошло 10 статей восьми авторов, большинство из них (Евгений Барабанов, Григорий Померанц, Валентин Турчин, Лев Копелев, Юрий Орлов) жили в это время в СССР. В статье «Правда гуманизма» Е. Барабанов обсуждал возможность соединения христианских и гуманистических ценностей. Л. Копелев в статье «О новой русской эмиграции» резко критиковал наметившийся в произведениях некоторых эмигрантов третьей волны отказ не только от идей социализма, но и от основополагающих принципов демократии. Г. Померанц в статье «Модернизация незападных стран» говорил о роли «чужого», «иностранный» элемента в развитии цивилизаций Востока. Ю. Орлов дал для сборника свою широко циркулировавшую в Самиздате статью «Возможен ли социализм нетоталитарного типа?» (стр. 191). Валентин Турчин, руководитель советской секции «Международной Амнистии», в статье «Что такое беспристрастность?» защищал принципы, на которых базировалась деятельность «Международной Амнистии», которую упрекали в излишней толерантности к коммунистическим режимам. Меерсон-Аксенов поместил в сборнике статью «Рождение новой интеллигенции», где анализировал взаимоотношения между церковью и интеллигенцией в дореволюционной и советской России. Борис Шрагин в статье «Тоска по истории», ведя полемику со статьей А.И. Солженицына («Образованщина») обсуждал проблему роли интеллигенции в истории России. В сборнике была помещена распространявшаяся в Самиздате работа «Идеократическое сознание и личность», подписанная псевдонимом Дмитрий Нелидов (ранее была опубликована в журн. «Вестник РХД», Париж, 1974, №111), в ней давался анализ человеческой психологии в условиях тоталитарного режима, ведущего к отчуждению, приспособленчеству и двоемыслию.

Сборник распространялся в СССР в основном в тамиздатской версии, изымался на обысках (Хроника текущих событий №46, 54, 56, 64). Отдельные статьи из сборника были опубликованы в СССР в период перестройки и в постсоветской России, сборник в целом до сих пор не переиздан.

Примечание: см. отклик на этот сборник в статье Л. Бородина «Судьбы самиздатские», т. 3, стр. 174.

Грани

С 1946 г. — русский журнал литературы, искусства и общественной мысли, с 1949 г. — журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли, с 1955 г. — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, периодичность до 4 номеров в год.

Журнал основан Евгением Романовичем Романовым (настоящая фамилия Островский) (1914–2001). Советский гражданин, он в 1943 г. покинул страну вместе с отступающей немецкой армией. С 1944 г., уже в Германии, был членом руководства НТС (Народно-трудового союза). Впоследствии — руководитель НТС.

Первые три номера журнала вышли в Менхегофе — лагере для перемещенных лиц под редакцией Е.Р. Романова, С.С. Максимова (настоящая фамилия Пашин), Б.В. Серафимова (наст. фамилия Прянишников). Все — члены НТС. Впоследствии Е. Романов вспоминал: «Ручной набор в еле освещенном бараке, нехватка бумаги, истощенные войной люди — его (журнала — Л.П.) первые авторы и редакторы. А вокруг лагеря бродят чекисты». Продавался журнал за сигареты и кофе, служившие в послевоенной Германии своеобразной валютой, которой «перемещенных лиц» снабжали американцы.

Название журнала придумано его основателем — Е.Романовым. В своеобразном манифесте, открывающем первый номер, говорилось: «Легко и радостно жить тому, кто ищет в другом хорошее, ищет и находит. Исканиями своими он помогает тем, в ком ищет раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию».

Официально «Грани» никогда не были органом НТС, но справедливо говорилось в одном из писем, напечатанных журналом: «Как в общественном сознании, так и практически «Грани» неизбежно останутся журналом НТС. Делать «Грани» возможно только совместно с НТС и в опоре на него».

«Грани» так же, как выходивший с 1945 г. журнал «Посев», издавались издательством «Посев» (начинавшим свою деятельность в лагере Менхегоф.)

После третьего номера журнал был запрещен оккупационными властями, а в начале 1947 г. практически ликвидирован лагерь Менхегоф. Однако в том же 1947 г. журнал был возобновлен в г. Лимбурге. До 1951 г. редактором был Е.Р. Романов. «В двух маленьких комнатках при типографии было тогда все наше издательство («Посев» — Л.П.) и оба журнала... В это время журнал выходил нерегулярно из-за материальных трудностей». (Е. Романов).

Среди первых авторов «Граней» почти не было профессиональных писателей. Пожалуй, единственное исключение — поэт и переводчик Д.И. Кленовский, печатавшийся с 1914 г. Но и он все наиболее значительное написал уже в эмиграции. Из тех, чьи имена впоследствии вошли в историю литературы — поэт И. Елагин, прозаик и литературовед Л. Ржевский (опубликованная в журнале в 1950 г. его повесть «Девушка из бункера» была высоко оценена

И. Буниным; с момента переезда журнала во Франкфурт на Майне, в 1952 г., Л. Ржевский стал главным редактором «Граней»), а один из первых соредакторов – С.С. Максимов. Его роман «Денис Бушуев», действие которого разворачивается в сталинской России, появился в журнале в 1949 г. и не только привлек к себе внимание русской эмиграции, но и был переведен на немецкий, английский и испанский языки.

«Грани» печатали много публицистики (отделом ведал Б. Прянишников) и мемуарной литературы. Но художественные достоинства произведений, публикуемых в литературных отделах, как правило, оставляли желать лучшего. Понимая это, руководство журнала сделало все для привлечения в «Грани» писателей «первой волны» эмиграции. В 1950-е гг. стараниями Е. Романова и нового главного редактора Л. Ржевского на страницах «Граней» появились имена И. Бунина, Б. Зайцева, Тэффи, поэтов Ю. Терапиано, С. Рафальского и др. Составленный Ю. Терапиано сборник «Муза диаспоры» – избранные стихотворения 70-ти поэтов русской эмиграции с 1920 г. по 1960 г. был полностью опубликован в № 44, после чего вышел отдельной книгой.

«Грани» сыграли неоценимую роль в деле слияния очень высокой культуры первой волны эмиграции и культуры послереволюционного поколения, из которого и состояла «вторая волна». Однако деятели первой эмиграции в послевоенные годы один за другим уходили в небытие. Нужно было искать и новых писателей, и новых читателей – и те и другие находились в России.

С 1955 г. главным редактором вновь становится Е. Романов. В 1956 г., в № 32 было опубликовано Обращение издательства «Посев» к деятелям литературы, искусства и науки России, в котором предлагалось присылать для публикации труды, выходящие за рамки советской цензуры, определялись условия и давались гарантии сохранения тайны авторства, указывались пути пересылки.

«Первыми ласточками» стали стихи А. Есенина-Вольпина повесть М. Нарницы «Неспетая песня» (под псевдонимом М. Нарымов) и «Сказание о синей мухе» Валерия Тарсиса (без указания имени автора). Но постепенно все больше и больше авторов решались печататься под своими фамилиями. В 60-е–70-е гг. на страницах «Граней» впервые вышли к читателю такие произведения, как первая часть Чонкина В. Войновича, «Все течет» В. Гроссмана, «Семь дней творенья» В. Максимова (не полностью), «Крохотки» и глава из «Ракового корпуса» А. Солженицына, «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких, рассказы В. Шаламова, стихи И. Бродского, Наума Коржавина, Н. Горбаневской, Б. Окуджавы, А. Галича и др. Публиковались и произведения умерших писателей. Именно «Грани» впервые напечатали «Собачье сердце» М. Булгакова, были опубликованы «Четвертая проза» О. Мандельштама, «Котлован» А. Платонова, «Наводнение» Е. Замятина, «Елка» у Ивановых В. Введенского, стихи Д. Хармса и др. Как заметил один из сотрудников журнала, список авторов звучит как энциклопедия советской литературы.

Перепечатывались и «самиздатские» журналы: «Синтаксис» (редактор-составитель А. Гинзбург), «Феникс» и «Феникс-66» (редактор-составитель Юрий Галансков), «Сфинксы» – журнал СМОГа.

Переводились произведения иностранных авторов, например «1984» Дж. Оруэлла. Отдел критики и литературоведения регулярно освещал все наиболее значительное как в современной советской литературе, так и литературе прошлых лет. Стоит назвать хотя бы статьи Ю. Карабчиевского о песнях Б. Окуджавы, Н. Оцуца о сб. «Литературная Москва», Л. Ржевского о Докторе Живаго Б. Пастернака.

В постоянных рубриках «Очерки современности», «Дневники. Воспоминания»,

«Документы», «Философия и богословие», «История» в разные годы были опубликованы: воспоминания В. Ардова о встрече А. Ахматовой и М. Цветаевой, И. Шейна о последних днях С. Михоэлса, Л. Ржевского о Тэффи, главы из книг А. Авторханова «Происхождение партократии» и «Загадка смерти» Сталина, «Письмо Советскому правительству» М. Булгакова, письма О. Мандельштама к Чуковскому, Письмо А. Солженицына IV всесоюзному съезду советских писателей, Открытое письмо священников Н. Эшлимана и Г. Якунина Патриарху Алексию, статьи Г. Померанца и многие другие тексты Самиздата. Журнал подробно освещал процесс А. Синявского и Ю. Даниэля, провел пресс-конференцию в Париже по «Белой Книге» (материалы процесса, собранные Ю. Галансковым и А. Гинзбургом).

Журнал начал издавать «Письма "Граней"», которые посылались советским писателям. И многие отзывались. Появилась даже рубрика «Отклики из Советского Союза». Две трети тиража (примерно 2000 экз.) нелегально переправлялось в Россию. Б. Окуджава вспоминал: «В 50-ые гг. попал мне в руки этот маленький запретный плод, и жизнь моя перевернулась. Я стал учиться по-новому мыслить, я начал с горечью понимать, что я раб, а надо быть Человеком. Этот маленький журнал постепенно стал средством борьбы. Да, это была борьба, но не только с советской властью, а за излечение наших душ и нашего сознания...».

Начиная с 60-х гг. сотрудники НТС (их называли «курьерами») все чаще и чаще, рискуя свободой, а то и жизнью, приезжали в страну – связь журнала с оппозиционно настроенными советскими литераторами все больше и больше принимала форму личных контактов. А инициатива пересылки в «Грани» рукописей все больше и больше исходила из России. Всего из страны было вывезено около полутора тысяч рукописей и документов. Они возвращались в Россию печатными текстами – «тамиздатом». Журнал помогал преследуемым в СССР писателям не только словом. Так, именно «Грани» часто добивались приема того или иного опального литератора в члены ПЕН-клуба, посылали приглашения на различные конференции и т.д.

Успехам журнала много способствовала Н.Б. Тарасова, которая 20 лет (с 1962 по 1982 г.) была главным редактором журнала.

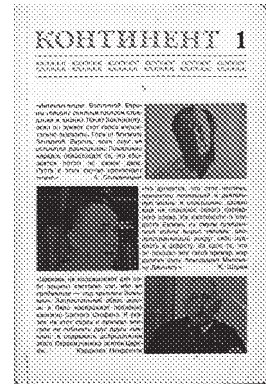
С середины 70-х гг., с момента массовой высылки из страны крупных литераторов и появлением журнала «Континент», «Грани» перестают быть практически единственным свободным массовым литературным журналом на русском языке. Для поддержания высокого авторитета издания принимается решение: искать главного редактора среди советских писателей. (Выбор падает на автора «Граней», пользующегося большой популярностью в России – Г. Владимова. В 1984–1986 гг. (10 номеров) журнал редактируется автором «Верного Руслана». Он покидает свой пост, «хлопнув дверью»: объявив, что цензура НТС ничем не лучше цензуры ЦК КПСС и КГБ. В ответном материале («Необходимое объяснение») руководство издательства «Посев» отвергает все обвинения Г. Владимова в свой адрес, как и вообще какую-либо политическую подоплеку конфликта, объясняя его исключительно личными качествами Г. Владимова, неподходящими для руководителя коллектива.

Значительная часть русской эмиграции приняла сторону Г. Владимова, и авторитет журнала несколько пошатнулся, хотя и оставался достаточно высоким. Пост главного редактора заняла Е.А. Самсонова-Брейтбарт (1986–1995).

В 1991 г. редакция «Граней» переезжает в Москву. Сбылось то, о чем мечтали (и не смели мечтать) зачинатели журнала. В редакционной статье говорилось: «И в новых условиях, уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах

людей и восстановлению прерванных традиций русской культуры». В 1992 г. тираж журнала достигает немыслимой ранее цифры — 10 000. «Грани» по-прежнему печатают как известных писателей (живых и умерших, живущих в России и за ее пределами), так и литературную молодежь: М. Амелина, И. Кузнецову и др. Однако конкурировать с «толстыми» российскими журналами удастся недолго. В 1996 г. издательство «Посев» прекращает выпуск «Граней». Но журнал не прекратил свое существование. С 1996 г. он издается Т.А. Жилкиной. Выпускница филологического факультета Иркутского университета, ныне проживающая в Америке, она совмещает обязанности издателя и редактора. Журнал, в прежнем формате, с прежней периодичностью — 4 раза в год — верный принципам «старых» «Граней», выходит в Москве, но распространяется только по подписке (примерно 750 экз.).

Континент

Ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий на пяти языках: русском, немецком, французском, итальянском, английском с 1976 г. Основан Владимиром Максимовым, который был главным редактором до 1992 г. С этого времени журнал возглавляет И.И. Виноградов.

Начал журнал издаваться в Европе (в Берлине – Мюнхене, редакция находилась в Париже). С 1991 г. выходит в Москве.

Первый состав редакции журнала:

Главный редактор – Владимир Максимов;

Ответственный секретарь – Игорь Голомшток;

При сотрудничестве – Дж. Бейли, А. Галич, Е. Гедройц, Г. Герлинг-Грудзинский, М. Джилас, В. Зидлер, Э. Ионеско, Н. Коржавин, Р. Конквест, Л. Пахман, А. Сахаров, И. Силоне, А. Синявский, Странник (архиепископ Иоанн Сан-Францисский, князь Шаховской), И. Чапский, З. Шаховская, А. Шмеман, К.-Г. Штрем.

Первоначальная цель журнала – противостояние большевистской идеологии и тоталитарной системе в СССР и восточноевропейских странах. Название «Континент» предложено Александром Солженицыным, который на протяжении ряда лет оставался идейным вдохновителем издания.

Круг постоянных авторов журнала включал как русских писателей-эмигрантов «второй» (после 1945) и «третьей» (1960–1970-е гг.) волны, так и литераторов, оставшихся в СССР, однако лишенных возможности публиковаться на родине. «Континент» систематически публиковал и произведения оппозиционно настроенных литераторов из стран соцлагеря. Наиболее заметными стали публикации прозы В. Некрасова, Г. Владимова, В. Аксенова, В. Корнилова, В. Войновича, Саши Соколова, Ф. Горенштейна, стихов И. Бродского, Н. Коржавина, Н. Горбаневской, И. Лиснянской, Г. Айги, а также многочисленные материалы под рубриками «Литература и время», «Литературный архив», «Прочтения», «Писатель о писателе», «Критика и библиография».

С точки зрения оппонентов «Континента» (в частности, редакции «Синтаксиса»), журнал носил несколько почвеннический характер, с выраженными тенденциями православного догматизма. «Континент» действительно много внимания уделял религиозно-философскому наследию России. В нем регулярно появлялись редакционные материалы, посвященные интерпретации идей русских философов Серебряного века (Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Павла Флоренского и др.). В нем также публиковались архивы таких великих русских писателей, как Иван Бунин, Марина Цветаева, Владимир Набоков и пр.

Кроме того, в журнале много места отдавалось литературе с ясно выраженной социальной тенденцией. В отделе критики публиковались статьи, посвященные именам и книгам, оставившим след в истории оппозиционных движений, возникавших на разных этапах развития тоталитарного общества.

После переезда редакции в Москву характер издания изменился. Главное внимание стало уделяться современной русской литературе и проблематике, связанной с демократическими преобразованиями в бывшем СССР.

В годы советской власти журнал принадлежал к числу запрещенной в СССР литературе и распространялся подпольно.

Содержание первого номера:

От редакции.

Слово к журналу — Александр Солженицын, Эжен Ионеско, Андрей Сахаров.

Иосиф Бродский — Стихотворения.

Вл. Корнилов — Без рук, без ног. Повесть.

Странник — Два стихотворения.

Александр Солженицын — Неопубликованные главы из «В круге первом».

Россия и современность:

Абрам Терц (А. Синявский) — Литературный процесс в России.

Игорь Голомшток — Парадоксы Гренобльской выставки.

Александр Пятигорский — Заметки о «метафизической ситуации».

Восточноевропейский диалог:

Милован Джилас — Беседа.

Людек Пахман — Новая «Пражская весна» — вопрос и задача.

Редакция журнала «Культура» — «Как я понимаю “Письмо вождям”».

Вниманию читателей: Справка о журнале «Культура».

Восток-Запад:

Карл Густав Штрем — Россия, Германия и будущее Европы.

Зинаида Шаховская — Общность надежды опасности.

Истоки:

Кардинал Миндсенти — Мемуары.

Колонка редактора:

Комментарий на тему года.

Книжные новинки.

Коротко об авторах.

ОТ РЕДАКЦИИ

Рождение нового журнала — событие одновременно радостное и мучительное. Радостное, потому что открывает новые перспективы, вселяет новые надежды, создает новую общественно-историческую ситуацию. Мучительное же, в силу множества сомнений, возникающих в процессе своего идейного и творческого оформления, тревожных предчувствий предстоящей борьбы, той высокой ответственности, которую берут на себя основатели такого издания.

В подобных случаях, как правило, проводится обычно параллель с «Колоколом». К сожалению, в нынешних условиях она — эта параллель — едва ли правомерна. Журнал Герцена был чисто политическим, а не литературным изданием по той простой причине, что в «темные времена реакционного царизма» в России родилась и беспрепятственно развивалась одна из лучших литератур человечества. В ту «рабскую» пору никому, начиная от Пушкина и Гоголя, кончая Толстым и Достоевским, не приходилось искать себе издателя за рубежом. Все сколько-нибудь заметные отечественные писатели, мы подчеркиваем, все печатались у себя на родине.

Впервые в истории на земле возникла ситуация, когда во всех странах «победившего социализма» от Китая до Кубы, где наконец-то восторжествовали «свобода, равенство, братство», художественная литература, идущая вразрез с идеологическими установками правящего аппарата, преследуется, как уголовное преступление. Книга становится здесь уликой, доказательством вины, криминалом и причиной для наказания. За книгу ссылают, как Иосифа Бродского, за книгу годами гноят в лагерях, как Андрея Синявского, за книгу запирают в сумасшедший дом, как Михаила Наричу. Ни один из существующих ныне диктаторских режимов на Западе не может похвастаться тем, что сумел на протяжении своей истории физически уничтожить, затравить до смерти, довести до сумасшествия и нищеты, отправить в изгнание стольких блистательнейших представителей своей литературы, включая сюда и двух Нобелевских лауреатов, сколько числится их в мартирологах стран с самым «революционным» и «прогрессивным» строем.

Именно поэтому мы видим задачу нашего журнала не только в политической полемике с тоталитаризмом, но прежде всего в том, чтобы противопоставить ему — этому воинствующему тоталитаризму — объединенную творческую силу художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы, обогащенных горчайшим личным опытом и вытекающим из него видением новой исторической перспективы.

Каковы же цели и принципы нашего журнала, в чем его пафос и чем он руководствуется в своей повседневной практике?

Мы формулируем их для себя следующим образом:

1. БЕЗУСЛОВНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ИДЕАЛИЗМ,

то есть, при главенствующей христианской тенденции, постоянный духовный союз с представителями других вероисповеданий.

2. БЕЗУСЛОВНЫЙ АНТИТОТАЛИТАРИЗМ, то есть борьба против любой разновидности тоталитаризма: марксистского, национального, религиозного.

3. БЕЗУСЛОВНЫЙ ДЕМОКРАТИЗМ, то есть принципиальная поддержка всех демократических институтов и тенденций в современном обществе.

4. БЕЗУСЛОВНАЯ БЕСПАРТИЙНОСТЬ, то есть категорический отказ от выражения интересов какой-либо из существующих политических группировок.

Нам думается, что эти четыре, так сказать, символа веры могут стать достаточно широкой, но в то же время и принципиальной основой для объединения и сотрудничества всех антитоталитаристических сил Восточной Европы в их диалоге с Западом.

Возникает естественный вопрос: почему именно «Континент»? Прежде всего нас привлекла смысловая емкость этого названия. Мы говорим от имени целого континента культуры стран Восточной Европы. За нашей спиной раскинулся огромный континент, где господствует тоталитаризм с бескрайним архипелагом жестокости и насилия на всем своем протяжении. И, наконец, мы стремимся создать вокруг себя объединенный континент всех сил антитоталитаризма в духовной борьбе за свободу и достоинство Человека. К тому же мы, Восточная и Западная Европа, есть две половины одного континента, и нам надо услышать и понять друг друга, пока не поздно.

Имеющий уши да слышит!

СЛОВО К ЖУРНАЛУ

Александр Солженицын

Появление нового журнала «Континент» вызывает и новые надежды. С тех пор, как в СССР были в зародыше удавлены попытки выпускать самиздатские журналы, никак не подчиненные и не согласованные с официальной идеологией, и был разгромлен единственный честный и глубокий журнал «Новый мир», — русская интеллигенция в первый раз пытается объединить свои мысли и произведения, пренебрегая и волею официальных лиц и своей разделенностью государственными границами. Не лучшая форма и не лучшая территория для появления свободного русского журнала, куда б на сердце было светлей, если бы и все авторы и само издательство располагались на коренной русской территории. Но по нынешним условиям, очевидно, это невозможно.

Однако, проспект журнала открывает нам и новую сторону его задачи: для начала он будет выходить на русском и немецком языках, очевидно, можно ожидать прибавления и других европейских. Так наша стесненность и разбросанность оборачиваются новой надеждой: журнал хотел бы стать международным, объединить усилия писателей не только русских и внимание не только русских. Сегодня, когда все общественные опасности и задачи не уместаются в национальных границах, такое направление естественно и плодотворно.

Вчитываясь же в проект еще внимательнее, мы видим там весьма почтенные и широко известные имена из Восточной Европы, так что по составу почетных членов или редакционного совета можно ожидать перевеса голосов и мнений из Восточной Европы. Это открывает нам еще более интересную перспективу журнала: он, может быть, станет истинным голосом Восточной Европы, обращенным к тем ушам Западной, которые не заткнуты от правды и хотят воспринять ее. Еще 40 лет назад было бы невозможно представить, что русские, польские, вен-

герские, чешские, румынские, немецкие, литовские писатели имеют сходный жизненный опыт, сходные горькие выводы из него и почти единые желания о будущем. Сегодня это чудо, столь дорого нам обошедшееся, свершилось. Интеллигенция Восточной Европы говорит слитным голосом страдания и знания. Почет «Континенту», если он сумеет этот голос внушительно выразить. Горе (и близкое) Западной Европе, если слух ее останется равнодушен.

Пожелания нередко превосходят то, что сбывается потом на самом деле. Пусть в этом случае произойдет иначе.

Июнь 1974 года

Эжен Ионеско

Дорогой Максимов, приветствую Вас. Для меня является большой честью быть в числе Ваших сотрудников, рядом с великим Солженицыным и другими.

Действительно, дело заключается в том, чтобы найти новые основы, на которых можно было бы строить общество, более приемлемое, чем те, которые создавались до сих пор. Мы очень хорошо знаем, что общество выгоды осуждается и осуждено. Мы знаем, что общества, называемые «социалистическими», хуже обществ, называемых «либеральными»: во имя справедливости и свободы власть забрали тирания, коррупция, произвол, несправедливость, цензура, преступление.

Начинают об этом знать. Но интеллектуалы западных стран, или многие из них, не хотят это признавать.

Во Франции часть интеллектуалов — «левая». Другая часть — «правая» или «центристская». Это означает, что страна потенциально находится в состоянии гражданской войны. Мы зависим от какого-нибудь экономического кризиса — и все может опрокинуться. Между тем, «левые» буржуа настолько ненавидят «правых» буржуа, что они хотели бы покончить с этими последними. После этого все может случиться — им это все равно: диктатура, тюрьмы, репрессии, удушение всех свобод и даже — тем хуже — коллективное уничтожение.

В действительности ясно, что каждый человек ненавидит самого себя в другом. Конечно, в наше время человек не очень красив духовно, и для того, чтобы не ненавидеть самих себя, нам нужно сделать большое усилие преодоления и мужества.

То, чего нам недостает, так это новой доктрины, левой немарксистской (как этого хотели Эммануэль Мунье и Дени де Ружемон, как того еще хотят участники журнала «Эспри» вокруг Домена-ка). Эта религия могла бы быть основана на любви или дружбе — Эрос, а не Танатос.

Мне пришлось преодолеть самоцензуру, чтобы написать слово «любовь». Говорить о любви и дружбе во Франции, так же как о религии или гуманизме, значит вызвать насмешку, издевательства. И правда, эти слова настолько обесчещены, что никто не знает, что они обозначают, что хотят ими сказать, или разоблачают «лицемера», который их произносит.

Если не говорят о «любви», то о «справедливости» говорят в наши дни. На самом же деле, то, что люди понимают под этим словом, это не справедливость, а взыскание, наказание, каторга, гильотина. Как только одна ре-

волюция захватывает власть, как было во все времена от 1789 до Сталина, тут же вместе с ней идут трибуналы.

Что мы можем делать, если все провалилось? Себя мы не очень любим. Любить другого, как самого себя, это значит его ненавидеть. Возможно ли еще возрождение тогда, когда мы чувствуем себя так близко от апокалипсической катастрофы?

Такие, как Солженицын, Буковский, Амальрик, как Вы сами, как те сотни тысяч героев, мучеников, может быть, святых, которые погибают в большевистских тюрьмах, только вы и они могут еще что-то сделать для этого мира. Мы же — я хочу сказать, те из нас, которые открыты вашему обращению — которые жили в условиях свободы и удобства, пока вы умирали и воскресали поминутно, чтобы снова умереть, мы не имеем ни вашего опыта, ни вашего авторитета. И кто знает, окажись мы на вашем месте, не сдались бы мы страху, боли, соблазну жить удобно и безопасно в вашей стране, которая так дорого платит людям, готовым послушно служить режиму?

Да, именно вам следует нас просвещать, только вы еще можете это делать.
29 июля 1974 года

Андрей Сахаров

Создание нового литературно-общественного журнала кажется мне очень нужным и своевременным. Его задача сейчас дать как можно больше фактической информации о социалистических странах и обо всем мире.

От литературной и литературно-критической части «Континента» я жду освещения более глубинных сторон жизни, доступных интуитивному видению искусства. Я уверен, что журнал внесет свой вклад в важнейший общечеловеческий процесс формирования и воссоздания философских, моральных и этических ценностей, которых так недостает современному человечеству, озабоченному сегодняшним днем и разочарованному.

Я надеюсь, что все разделы нового печатного органа будут интересны, талантливо, разнообразны по жанру и содержанию и принесут читателю не только знание, но и непосредственную радость.

У «Континента» есть одна особенность, о которой мне хочется сказать несколько слов. В нем принимают участие люди, значительная часть жизни которых прошла в социалистических странах. Действительность этих стран — это исторический феномен, очень плохо понимаемый на Западе. Его социальные, экономические и духовные черты нельзя постигнуть из окна туристского автобуса или из официальной социалистической прессы. Поэтому этим людям есть что сказать миру и эту возможность трудно переоценить.

Я надеюсь, что родившийся в трудных условиях новый журнал найдет своего читателя, поможет людям и будет любим ими.

К сожалению, я могу только мечтать, чтобы этот журнал был доступен не только на Западе, но и многим людям на Востоке. Но все же будем надеяться!

1 сентября 1974 года, Москва

Источник: Континент. Берлин, 1976, № 1.

Память

Исторические сборники, выпускавшиеся в СССР в Самиздате в 1976-1981 гг. (вып.1-5).

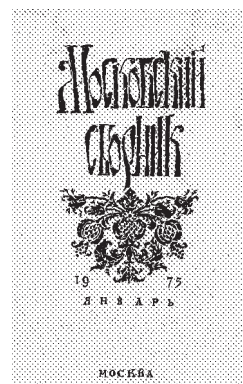
Инициатором и главным редактором издания был ленинградский историк и филолог Арсений Рогинский. В редколлегию сборников (ее состав не объявлялся) входили молодые московские и ленинградские исследователи (учителя, научные работники), не связанные с официальной исторической наукой (Александр Даниэль, Александр Добкин, Сергей Дедюлин, Дмитрий Зубарев, Алексей Коротаев). В анонимном предисловии к первому выпуску (написанном А. Рогинским при участии С. Дедюлина, А. Даниэля и известного московского историка Михаила Гефтера, ставшего консультантом издания) говорилось: «...главные наши исторические тайны — особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей... Первоочередной своей задачей редакция ставит сбор исторических свидетельств и последующую публикацию их... Редакция считает своим долгом спасать от забвения все обреченные на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных, а также имена тех, кто казнил, шельмовал, доносил». За пять лет было подготовлено 5 томов (каждый объемом около 800 машинописных страниц). В сборниках публиковались мемуары и исследования по различным аспектам отечественной истории XX века (история политических партий — прежде всего некоммунистических — в СССР после 1917, история репрессий, история советской науки, история дипломатии, история крестьянства и т.д.), документы из государственных и частных архивов, которые не могли быть опубликованы в СССР в официальной печати. Впервые на страницах сборников «Память» предметом научного исследования стала история послесталинского инакомыслия в СССР (мемуары и рецензии бывших политзаключенных Револьта Пименова, Вениамина Иофе и Кирилла Успенского (Косцинского), статья В. Иофе о молодежных подпольных группах 1950-1960-х гг., подборка материалов к 10-летию со дня выхода книги Анатолия Марченко «Мои показания»). Большинство статей и исследований (и даже некоторые мемуары живых людей) были подписаны псевдонимами (в целях конспирации члены редколлегии постоянно их меняли), однако некоторые мемуаристы и исследователи (Евгений Гнедин, Александр Храбровицкий, Марк Поповский, Револьт Пименов) принципиально печатались под своим именем.

Все публикации в сборниках «Память» были тщательно откомментированы, каждый выпуск был снабжен именованным указателем. Сборники переиздавались за рубежом (вып.1 — Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978; вып.2-5 издал в Париже в 1979-1982 гг. Владимир Аллой). Зарубежным представителем редакции «Памяти» была известная правозащитница и поэтесса Наталья Горбаневская, жившая в Париже. С 1977 г. органы КГБ начали преследование (обыски, допросы, увольнение с работы) членов редколлегии, пытаясь прекратить выход сборников (хотя уголовное дело по факту издания «Памяти» никогда не возбуждалось). В 1981 г. от Рогинского и Дедюлина потребовали эмигрировать из СССР. Отказавшийся это сделать

Рогинский был в том же году арестован и приговорен к 4 годам лишения свободы по надуманному обвинению (его причастность к изданию «Памяти» упоминалась обвинением на суде, однако в приговоре сборник не фигурировал). После его ареста был подготовлен (под руководством А. Добкина) шестой выпуск сборника, в 1985 г. он уже был набран в Париже, однако ввиду угрозы КГБ продлить срок заключения Рогинского было решено прекратить издание «Памяти». Собранные материалы вошли в исторические сборники «Минувшее», которые стали выходить в Париже с 1986 г. под редакцией В. Аллоя.

Многие мемуары и исследования, опубликованные в сб. «Память», неоднократно перепечатывались и вошли в оборот современной исторической науки, однако целиком сборники никогда не переиздавались.

Московский сборник

Периодический машинописный религиозно-философский и литературный альманах, выпускавшийся в Москве в 1975 г. под редакцией Леонида Бородина. Его составитель — педагог и писатель, бывший политзаключенный, отбывший 6 лет (1967-1973) в мордовских лагерях и Владимирской тюрьме за членство в подпольной организации ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа).

Сборник продолжал традиции «почвеннической» русской национально-православной периодики, заложенные в Самиздате журналом «Вече» (1971-1974), активным автором которого был Бородин. Составитель использовал для альманаха название издания, выпускавшегося в конце XIX века под редакцией виднейшего идеолога русского консерватизма, обер-прокурора Синода Константина Победоносцева.

Первый выпуск «Московского сборника» (январь 1975 г.) был посвящен памяти публициста и правозащитника, редактора самиздатских альманахов «Феникс» Юрия Галанскова, умершего в ноябре 1972 г. в мордовском лагере, ему же была посвящена открывавшая сборник статья редактора.

Основной раздел «Московского сборника» — «Проблемы нации и религии». Здесь была закончена публикация исследования А. Скуратова (псевдоним историка и публициста Анатолия Иванова, одного из активистов собраний на площади Маяковского 1960-1961 гг.) «Триумф самоубийц», начатая в журнале «Вече». Известный публицист национально-православного направления Геннадий Шиманов продолжил в этом разделе публикацию цикла своих статей о семье и браке с христианской точки зрения, начатую в журнале «Земля» (1974), статьей «О доверии и ответственности в браке». В разделе помещены также статья «Л.М. Лопатин и Московский университет в 20-80 годах» о виднейшем русском философе-идеалисте конца XIX — начала XX веков (подписана криптонимом АПВ) и анонимная статья «О положении Православной Церкви в Грузии». В разделе «Неизвестные работы русских писателей» опубликовано богословское исследование «О молитве Господней» Льва Платоновича Карсавина, выдающегося русского историка и религиозного философа, высланного из Советской России в 1922 гг., «возвращенного» в 1940 г. в СССР вместе с Литвой, арестованного в 1949 г. и через три года умершего в ГУЛАГе. Публикацию предварял биографический очерк, написанный С. Глебовым.

В разделе «Переводы» помещен перевод статьи архимандрита Мефодия «Отец Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой». Последний раздел сборника — «Проза и поэзия». Там была опубликована анонимная повесть «Отчизна неизвестная», рассказ А. Березовского «Посещение» и стихи С. Васильева.

Бородин собирался выпускать сборник периодически. Однако уже в апреле 1975 г. на обыске у его знакомого были конфискованы рукописные материалы к 3-му выпуску и его частично перепечатанный экземпляр. В тот же день Бородин был вызван в КГБ, где «Московский сборник» был назван «антисоветским» изданием, а самому редактору сделано «последнее предупреждение». В этих условиях выпуск «Московского сборника» был прекращен.

Ныне Леонид Бородин — видный литератор и общественный деятель, редактор журнала «Москва».

Сахаровский сборник

Машинописный альманах, составленный в Москве Александром Бабенышевым, Раисой Лерт и Евгенией Печуро, к 60-летию академика Андрея Дмитриевича Сахарова, который вынужден был встречать свой юбилей (21.05.1981) в ссылке в Горьком. Сборник, в котором приняли участие 33 человека, был задуман как коллективный подарок великому ученому и правозащитнику от его друзей и единомышленников (составителям много помогала жена академика Елена Боннэр). Открывался «Сахаровский сборник» приветственным словом Лидии Чуковской, стихотворением Владимира Корнилова «Вечера на кухне» и кратким эссе писателя Георгия Владимова «Сослав его в Горький...». Первый раздел «Сахаров говорит» включал автобиографию ученого, написанную в Горьком по просьбе составителей, выдержки из его статей и интервью, а также его последнюю (на момент составления сборника) статью «Ответственность ученых». Кроме того, в разделе «Письма из Горького» опубликованы 5 писем и заявлений Сахарова 1980-1981 гг. В сборник вошли художественные произведения (стихи Семёна Липкина, Инны Лисянской, Виталия Помазова), художественная проза (отрывок из повести С. Липкина «Декада», рассказ Виктора Тростникова «Смерть Ивана Ивановича»), эссе Григория Померанца «Цена отречения». Большинство авторов посвятили свои произведения личности юбиляра и трагической судьбе (Мария Петренко-Подъяпольская «В переплете событий», Софья Каллистратова «Беззаконие», Е. Печуро «Человек из будущего», Мальва Ланда «Совершенно прекрасный человек», Р. Лерт «Человек для людей»). В сборнике были опубликованы письмо псковского священнослужителя и правозащитника Сергея Желудкова, адресованное составителям сборника, и открытое письмо в защиту Сахарова Анатолия Марченко. Один из составителей сборника А. Бабенышев поместил там свое социологическое исследование «Что вы думаете о Сахарове» (опрошено более 800 респондентов – представителей различных социальных и возрастных групп советского общества). К участию в сборнике были приглашены советские диссиденты, недавно покинувшие страну (Владимир Войнович, Виктор Некрасов, Раиса Орлова, Лев Копелев). Сборник завершался краткой научной и общественной биохроникой Сахарова и списком преследуемых по политическим мотивам, в защиту которых выступал ученый (перечень фамилий занял целую страницу). Работа над сборником шла в обстановке строгой конспирации, несмотря на постоянную слежку и обыски, которым подвергался А. Бабенышев, сборник удалось выпустить. И он не стал анонимным – все составители и авторы указатели свои имена. КГБ, по мнению Бабенышева, решило проигнорировать выпуск сборника и жестких преследований против составителей и авторов не последовало. Для юбиляра был изготовлен подарочный экземпляр, включавший в качестве приложения родословное дерево Сахарова, составленное А. Бабенышевым.

Сборник в том же 1981 г. был опубликован за границей на русском языке и вскоре был переведен на пять иностранных языков: английский, французский, немецкий (2 издания),

итальянский, шведский (Сахаровский сборник / Сост. А. Бабенышев, Р. Лерт, Е. Печуро. - Нью-Йорк: Хроника, 1981. - 263 с.; On Sakharov / Ed. by A. Babenyshev, Transl. by G. Daniels. - New York: Vintage books: A Division of Random House, 1982. - 284 p.). В английском издании были добавлены статьи двух американских ученых и статья Валерия Чалидзе «Андрей Сахаров и русская интеллигенция», предисловие к немецкому изданию написал лауреат Нобелевской премии писатель Генрих Белль. На излете горбачевской перестройки, уже после смерти Сахарова, сборник был переиздан в СССР с послесловием А. Бабенышева с рассказом о составлении сборника и приложением «Последние десять лет», содержащим биографию Сахарова за 1981-1989 (Сахаровский сборник / Сост. изд. 1981 г.: А. Бабенышев и др.; Сост. прил.: Е. Печуро, Б. Альтшулер. — [Репр. изд., доп.] — М.: Книга, 1991. - 351 с.).

ПОИСКИ

«свободный московский журнал»

Неподцензурный машинописный литературный и общественно-политический журнал. Издавался в Москве в 1978-1980 гг. (№№1-8). Инициаторами выпуска журнала стали московская журналистка, пенсионерка Раиса Лерт и бывший узник сталинских лагерей философ-марксист Петр Егидес, в 1970 г. помещенный на 2 года в психбольницу за свои самиздатские работы о проблеме свободы при социализме. Основную работу по изданию и редактированию журнала делали диссиденты молодого поколения – инженеры Валерий Абрамкин и Виктор Сокирко, а также историк Глеб Павловский. Членами редколлегии «Поисков» были также Юрий Гримм и Владимир Гершуни (оба – диссиденты с большим стажем, Гершуни – лагерный друг Александра Солженицына). В журнале участвовали известные московские писатели Георгий Владимов, Владимир Войнович (он поместил в журнале отрывок из 2-й книги романа о солдате Иване Чонкине), Фазиль Искандер (неопубликованная в СССР глава из эпопеи «Сандро из Чегема»), харьковский поэт Борис Чичибабин. Были опубликованы рассказы и стихи из архива покойного писателя, ветерана ГУЛага Юрия Домбровского, постоянно публиковался философ Григорий Померанц. Историк Михаил Гефтер стал автором «Приглашения» – заявления редакции, открывшего первый номер журнала.

Целью журнала редакция ставила поиски взаимопонимания интеллигенции разных направлений – социалистов и либералов (среди членов редколлегии убежденными сторонниками социализма были П. Егидес и Р. Лерт, не менее убежденным защитником рыночной экономики – В. Сокирко), атеистов и верующих с целью найти выход из духовного застоя, в котором оказалось советское общество к концу 1970-х гг. Журнал стал самой значительной и последней попыткой создать в Самиздате толстый общественно-политический журнал демократического направления. Объем номера составлял около 400 машинописных страниц. Состав редколлегии был объявлен, большинство авторов тоже подписывались собственными именами (хотя встречались и псевдонимы).

С января 1979 г. органы КГБ начали проводить акции против редакторов журнала (обыски, изъятие рукописей и пишущих машинок, угрозы ареста). Однако издание продолжалось, в конце года были арестованы В. Абрамкин, В. Сокирко, Ю. Гримм (всех их обвинили по ст.190-1 Уголовного кодекса – «распространение... клеветнических измышлений...»). П. Егидеса вынудили эмигрировать. Выпустив два последних номера (№№ 7 и 8), редакция «Поисков» заявила о прекращении издания (уже после этого были арестованы и осуждены еще два члена редколлегии журнала – В. Гершуни и Г. Павловский). В 1979-1984 гг. все номера «Поисков» были переизданы при участии П. Егидеса за границей (№1 – в Нью-Йорке, №№2-8 – в Париже, состав номеров включает не все материалы самиздатской публикации). Истории издания журнала и опровержению клеветнических нападок советской печати на журнал, его редакторов и сотрудников была посвящена статья Р. Лерт (последней

оставшейся на свободе на родине участницы издания) «Правда о «Поисках»», распространявшаяся в Самиздате. В 1995 г. в Москве вышла небольшим тиражом книга, включающая роспись содержания журнала, интервью и воспоминания членов его редколлегии и авторов (Журнал «Поиски»: Документы и материалы / Сост. Л. Афанасьева, Е. Линкова. - М.: Панорама, 1995. - 289 с.).

Ниже публикуется «Приглашение» и фрагменты характерных статей из разных номеров.

ПРИГЛАШЕНИЕ

(«Поиски», №1, 1979)

Нашему замыслу соответствовало бы название, слишком длинное для журнала — **ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ**. Нисколько не урезав замысел, мы сократили лишь название, и к участию в наших «ПОИСКАХ» приглашаем всех, кто за взаимопонимание. Всех, кто убедился, что нет ничего сейчас рискованней и неотложней этого: полного понимания, которого нельзя достичь, к которому не пробиться иначе, как совместной работой мысли, не ограничивающейся одной-единственной позицией, заведомым углом зрения, единственно возможным способом ставить вопросы и доискиваться ответов.

Сказанное, разумеется, чересчур общо. Призыв к взаимопониманию уместен в любое время и при любых обстоятельствах. Разве мыслимо такое время, когда отпадает нужда в понимании, поскольку на все вопросы уже даны окончательные, «исчерпывающие» ответы? Да и потребность во взаимности, в движении от многообразных начал к проблемам, жизненно важным для многих, если не для всех, — эта потребность, далеко не всегда и не всеми признаваясь, сегодня не покажется и новинкой. Призыв к взаимопониманию — либо общее место, либо он нуждается в разъяснении.

И тем не менее мы рискуем утверждать, что сегодня этот призыв ясен без долгих обоснований. Нам — в Советском Союзе, вероятно, это ощутимее, чем где-либо. Мы пережили с 1953 году целую полосу надежд и крушений, избывания старых и новых иллюзий. Надо полагать, это время дало многое, и не нам одним. Но теперь виднее, что оно, переломившись в 1968-м, пришло к концу. Теперь заметнее не только сделанное, но и то, что не сделано и сделано быть не могло. И это последнее не менее, если не более важно, чем первое. Глядя на собственные наши тупики, вложив персты в наши язвы — кто рискнет сказать с полной уверенностью в правоте: я знаю лечение, я вижу выход?! Каждая неувязка в отдельности, каждая несообразность, взятая врозь, кажутся устранимыми — было бы только желание, умение и «соответствующие люди на своих местах»... Но идет время, и все ощутимее, заметней: пропущенные в свое время возможности — самая неподатливая реальность сегодня, как и связь между всеми диспропорциями и напастями, как и отсутствие «соответствующих», и беспомощность тех, кто желает перемен, не ведая, с какого бока за них приниматься, не накликав беды хуже нынешней. Тупики наши оттого и мысленные и нравственные — разрывы между поколениями и внутри поколений, которые, похоже, не только не сглаживаются, но делаются все глубже и раздражимей. И вряд ли оттого, что яснее стали ныне ответы, предлагаемые отдельными течениями и людьми. Скорее, наоборот: ожесточенность, враж-

да — от застревания на чем-то первоначально-отрицающем. Но даже и тут, в этом необходимо-критическом, клеймящем смысле мы оказались неспособны пробиться вглубь, к «причинам причин», дойти до корней трагедии, образовавшей эпоху, и до природы тупиков, составляющих русскую злободневность, уклад жизни и быт: самое простое и труднее всего выносимое.

Прежде говорили: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сегодня это следует дополнить и уточнить, сказав: не может быть ни свободен, ни уверен в будущем народ, притязающий собою одним — своими успехами ли, глубиной ли своего отчаянья — определять всесветное будущее. Эта истина не так проста — и не только потому, что задевает государственные престижи, национальные самолюбия, претензии первенства, богатства, силы. Она отнюдь не проста и по существу.

Взаимная уступчивость и терпимость — превосходные качества. Право оставаться собой — великое право, становящееся новой международной нормой: суверенитетом Мира, где впервые за всеми народностями, за всеми человеческими сообществами признано право на независимость в решении своих внутренних дел, как и право на равную причастность к судьбам Мира в целом. Два права — нераздельных и вместе с тем все труднее совмещающихся.

Мир миров, стремящийся стать человечеством, — вправе ли мы попустить, чтобы «правом оставаться собой» распоряжалось многоликое насилие, всякое принуждение к единомыслию, любой владетельный запрет на идейные искания, на движение проблем, не знающих кордонов?!

Таковы самые общие основания к тому, чтобы сделать поиски взаимопонимания исходной позицией для совместной работы. Только поиски — оттого, что на пути к согласной встрече исходно разноначального не одни внешние препятствия. Поэтому мы приглашаем к дискуссии без ограничивающего регламента и с этой, сугубо предварительной заявкой, которая может стать более четкой программой лишь в процессе поисков.

М. Гефтер

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Заметки в связи с проектом новой конституции

(«Поиски», №1, 1979)

Введение

Но еще бездействен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.
А. Твардовский, 1970

Когда я начал писать свои заметки, задача представлялась мне сравнительно ограниченной. Правда, появление конституционного проекта не было ни единственной, ни даже главной причиной, побудившей взяться за перо, но оно и не было только поводом. Скорее, это повод, предельно заостривший причину — давнюю и даже застарелую. «Бездейственность ропота» — вот что озадачивает и тревожит. Бездейственность — в смысле приложимости его к делу, действительно способному вывести из нынешнего тупика. Осмелюсь предположить, что эта ситуация не только моя: существует, как видно, множество разновидностей этого недуга — весьма современного, хотя в его анамнезе по меньшей мере полтора столетия отечественной истории, и никто еще не доказал, что болезнь эта только русская, напротив, все — и все чаще, все больше — говорит в пользу обратного. Такое, разумеется, не утешает, наоборот, усложняет любую задачу, какую ставишь перед собой. Потребность «высказаться» наталкивается сегодня на почти непреодолимую преграду: каждая частная, будто частная тема стихийно перерастает в самую общую, подстрекая дойти до корня, добраться до дна, и тогда начинает обнаруживаться глубь, которую трудно не только осилить, но даже измерить.

В какой-то точке вся коллизия переворачивается, чтобы затем вновь вернуться к первоначальной. Ищешь смысл, охватывающий, как и полагается смыслу, Мир ближний и дальний, а упираешься в обстоятельства, будничная проза которых заставляет усомниться в существовании всякого смысла. Пытаешься пробить хотя бы маленькую брешь в этих обстоятельствах, — и упираешься в смысл, приходишь к вопросам, на которые нет (пока?) ответа.

И как это ни странно на первый взгляд, ничто, пожалуй, не могло бы сейчас очертить с большей рельефностью эту коллизию, чем проект нашей новой Конституции. Разумеется, он мог появиться и полтора десятилетия назад, а мог бы и позже 1977-го. Но он появился все-таки в свое время. В нем даже скрыто нечто, инстинктивно опережающее ход событий — движение времени. И этому отнюдь не противоречат обстоятельства, по всей вероятности, заставившие его авторов торопиться, — обстоятельства, непосредственный рисунок которых как будто в разительном контрасте с серьезностью намерения: заново сформулировать основной закон государства и даже «Основной закон нашей жизни»

(как определила его цепкий — тем самым — характер обсуждения «Правда», под таким заголовком печатающая отобранные отклики).

Об этих свежих обстоятельствах мы вправе высказать лишь догадки. Можно допустить, что в их числе — Белград, а также новая администрация в Вашингтоне, словесная дуэль вокруг проблемы прав человека и желание обрести более твердую, постоянную почву для искоренения диссидентства. Не только это, однако, и это — не исключено, что оно-то раньше всего другого призвало к «всенародному референдуму» в летнее время, когда у одних отпуск, у других — страда. Впрочем, что бы изменилось, если б обсуждение было назначено на осень или зиму?! Но раз так, стоит ли включаться в разговор, подлинные сюжеты которого вне его, и тем более искать глубину под такой поверхностью?

Не стану оспаривать практический вывод: включаться, вероятнее всего, не стоит. Однако глубина здесь есть, хотя и не различимая сразу. (Мы легко раздаем эпитет «исторический», когда имеем дело с событиями и судьбами, отстоящими на десятилетия, а еще лучше на века, но то, что рядом, что персонифицировано в таких же, как мы, в почти таких, трудно воспринимается, как переломное, пороговое, пограничное. Задним числом оно, конечно, займет свое место, но вот вопрос — вправе ли мы, нынешние, препоручать это завтрашнему историографу?). Ведь если ограничиться даже одной «конъюнктурой», если не идти дальше некоторых из предполагаемых мотивов, заставивших поспешить с новой Конституцией, если только задуматься над природой несоответствия: между текуще-громким, столь преходящим, как чья-либо пресс-конференция, интервью, заявление, телеречь, и тем, что рассчитано на годы-десятилетия, — если поразиться виду весов, на одной чаше которых сверхдержава, а на другой — «просто» человек, и если в этом качестве, в этом положении оказывается человек, которому, соответственно былым заслугам и наградам числиться бы национальной гордостью, неотъемлемой от сверхдержавы, то и тут — разве не глубина? Разве добровольностью удела и деятельности, избранных просто человеком, как и несовместимостью и этой деятельности, и этого удела — с господствующим и общепринятым, не подчеркивается с силой, перекрывающей обычные, расхожие слова, что мы все находимся в положении, когда нельзя больше ни молчать, ни бездействовать, скрывать свои мысли и откладывать диктуемые ими поступки, и когда все менее и менее ясно: каким образом действовать и во имя чего, то есть — какую не промежуточную, близлежащую задачу, а дальнюю и общую цель преследовать?

Есть ли она — и дальняя, и общая? Есть ли она — цель?

Сегодня уклониться от этого «сюжета» равносильно тому, чтобы признать себя побежденным. Я понимаю, что такое заявление по меньшей мере неосмотрительно, не говоря уже о том, что крайне неясно в отношении адресата. Если есть побежденные, то должны быть и победители. Где ж они? Где они у нас? Даже те, в чьих руках все средства пресечения, даже они как будто не чувствуют себя победившими. Да и кого «им» побеждать? Само слово это содержит подозрительный, даже крамольный намек, поскольку (неявным образом) отводит «инакому» роль стороны в духовном поединке, предполагая необходимость и возможность такого спора в заведомо бесспорной ситуации с раз навсегда определенной связью, последовательностью и очередностью: прошлого-настояще-

го-будущего... Но считает ли себя стороной инакомыслие, шире (точнее): разномыслие, — оно считает ли себя стороной спора — о смысле и цели?

И есть ли нужда в этом споре? При наших-то обстоятельствах кому без него «ни шагу»? И не жаждут ли его лишь домашние затворники, бесконечно ищущие и что-то, видно, навсегда потерявшие? Конечно, и люди дела, заинтересованные в переменах, и те, кто вхож в коридоры или закоулки власти, кому сдается, что довольно толики доброго желания («там») и умной подсказки вовремя, чтобы все, правда не сразу, но непременно и уже своим ходом наладилось, устроилось, — и эти наши реалисты, среди которых, кстати, не одни самодовольные, с румянцем успеха на щеках, и они ведь не чужды цели, и они тоже подумывают о смысле. «Однако, спорить — сейчас — об этом, домогаться публичности этого спора, связывать действие (неотложное!) отысканием — заново! — смысла, смысла как такового — ну, не прихоть ли, не расточительство ли?» Чем опровергнуть упрек и иронию реалиста, и есть ли такие доводы у затворников, у доискивающихся? Когда туго им приходится, на что и на кого втайне надеются, как не на реалистов же: может им и удастся что-то сделать, хоть на вершок, но стронуть с места?!.. К тому же реалист наш не односторонен, напротив, он знает пользу дискуссий и круглых столов, он даже за соревнование концепций и проектов, он даже за плюрализм... но не без берегов же, не без разумных ограничений!

И здесь у него, реалиста, то неоспоримое преимущество, что он в ногу с веком, что он — поборник трезвости и расчета, — прочно стоит, — и на трех китах сразу.

Один — наука, современная, с математическим аппаратом, эконометрикой, компьютерами и АСУ, а другой — современный социализм: «научный» и «реальный», — правда; первое со вторым не вполне совпадает и не только по той причине, что реальность всегда отличается даже от самых мудрых и осмотрительных предначертаний, но также и по другим, совсем разным причинам, почти космическим по своей величине и неподатливости (века истории!) — и житейским, хотя также трудно поддающимся учету и прогнозу (персоны у власти и отношения между ними, от которых столь многое, едва ли не все у нас зависит), — но, хоть и не совпадает «научный» с «реальным», реалист наш знает, что это один, все тот же один кит: устой, который ничем не заменишь, если, конечно, оставаться в границах допустимого и достижимого, не вступая в опасные игры, где на карту ставятся не только результаты целой эпохи, но и существование, существование как таковое (вот он — смысл как таковой!). И потому-то необходим, потому-то неустрашим и третий кит — наше (и однотипное ему) государство: не то чтобы в данном его виде, но и не то, чтобы в не-данном; нынешнее — но с поправочным коэффициентом: гибче, уступчивей, само-демократичнее; столь же всеобъемлюще — допуская, однако, соучастие и самодеятельность; признающее себя ответственным перед обществом при сохранении всей полноты суверенитета за собой. И чему иному быть носителем целостности реального социализма, как не этому государству, в его неистратившейся до конца идеальности — способности стать лучше, разумнее, эффективней (если даже не самым лучшим стать, то, по меньшей мере, не худшим, и разве так уж это несбыточно?)

На трех китах реалиста покоится, таким образом, целый мир, и если даже, как ни вглядывайся, за горизонтом его не видно ничего, ему — этому миру —

неведомого, неписанного в его прописи, из его прозы не вытекающего, если трехмерный этот мир не знает, по сути, четвертого измерения — исторического времени, времени незапрограммированных перемен и незаданных превращений, то надо еще поразмыслить: плохо это (ныне) или, напротив, — хорошо; во всяком случае, в этих-то себе назначенных границах мир наших реалистов соотносим с мирами «не-наших» реалистов и понятен последним как то, от чего зависит и их существование (как и его, нашего мира существование зависит, в свою очередь, от них), — а этой крепкой соотносимостью, выдают ли ее притяжения или даже отталкивания, завтрашний день, как ни крути, готовится в неизмеримо большей мере, чем всеми обличениями и взрывами справедливейших чувств вместе взятыми.

Что может противопоставить всему этому современный наш не-реалист? Те самые добрые пожелания, которыми вымощена дорога в непридуманный ад? Идеальную понятность? Снова утопию либо ее же, перевернутую в «анти»? Амальгаму несусветных идей — от просветительства до анархизма, где вместе с суверенностью мысли — децентрализация власти и всей публичной жизни вообще, — идей, которые, питаюсь современными вопросами без ответов, ищут в прошлом утраченные возможности, а в будущем — новую, новыми средствами устанавливаемую и поддерживаемую естественность в отношениях человека к природе и к себе подобным? Все это, почерпнутое из разных эпох и источников, но больше всего и прямее всего — из исторического русского: ищущего, переимчивого, мыслящего «миром» и Миром, землею и Землей, личностью и народом (правом первой, освобождаясь, стать собою и правом второго, освобождаясь, собою оставаться)? И потому оживающие, вновь и вновь, воспоминания о блестящем, неповторимом Девятнадцатом столетии, о нашем Возрождении и Просвещении — европейских веках, спрессованных в десятилетия, со смещением очередности, с той непривычной сжатостью сроков, которая заступала результатам путь к превращению в наследство, а наследству мешала готовить почву для новых актов раскрепощения и устойчивых форм свободной от оков цивилизации, — воспоминания о том, что начиналось за столами, где горели свечи, начиналось неподвижным каре — фантастически «бесполезным», «бессмысленным» как символ, а затем, сразу от него — неистовством направлений, из которых каждое было от силы сам-десять, сам-тридцать, а кончилось, точнее, кончалось не раз и не два гибелью многих, поражениями всех — и снова, снова одиночеством, пустотой вокруг одиноких?.. Как наваждение: все повторяется, даже даты наши, смена десятилетних эпох — череда поколений. От первого русского Гамлета — Чаадаева, первого, кто решился спросить: быть России или не быть [1], и от следующих за ним с опасной склонностью думать о необозримом и непонятном, пытаюсь извлечь «оттуда» смысл, способный вывести Россию из застылости, всемирно-исторического небытия, — и столь долгим, скользким и мучительным путем самим вернуться на родину, непременно вернуться, произойдет ли эта встреча дома или вне его, останется ли вернувшийся в Лондоне, в Женеве навсегда либо найдет свой конец в сибирской земле, в вечной мерзлоте русского Севера — с памятным могильным знаком или вовсе без следа. Во имя России — вопреки России означало войти в человечество, одновременно тем и сотворяя его: не одна лишь русская тема, но без нее не было бы мыслящей и борющейся России, к этому и от этого она шла — и начинала себя не раз и не два. И

снова — так? Сейчас — снова так? Совсем иначе и при иных обстоятельствах, но вновь к этому, — чтобы вновь от этого? И потому неизбежен (снова, снова) счет; сам-один, сам-десять, сам-тридцать..., и не миновать «лишних людей», странных, угловатых, отчасти не от мира сего, нравственных экстремистов, со взглядами, очевидно неприложимыми к делу, если оставаться при прежнем понимании дела и при прежнем способе понимать?!

Итак, повторение в несопоставимых условиях... А не мираж ли? Не внушаем ли себе это, не кормим ли себя иллюзиями сходства судеб (и славы? и бессмертия?), не сооружаем ли своего рода душевный комфорт из теперешней, довольнотаки безопасной — по сравнению с прошлым, отрешенности, из сегодняшнего полумнимого, сплошь и рядом симулируемого одиночества? Есть, правда, ныне и непрактичные, кто за право человека быть собою (быть, а не слыть) готов заплатить весьма дорогую цену, исчисляемую в «сроках», однако и тут реалисты наши могут спросить: а результат? Приближает к нему или, наоборот, отдаляет — всякий такой вызов без оглядки, тем паче, что повод-то у него чаще отнюдь не метафизический и даже не общий, а групповой или просто личный, расплачиваются же за «безоглядность» все: отсрочками, задержками назревших, конкретных изменений (неконкретные, преждевременные — бывают ли?). Да если вдобавок поглядеть на эту нашу путаницу, взглянуть самым широким из возможных взглядов, вбирающим в себя главное из человеческих прав — право на жизнь, главную из нынешних проблем и целей: разрядку, обуздание гонки вооружений, превращение ядерного моратория в полное и окончательное ядерное разоружение, во всеобщий мир, — если с этой решающей точки зрения взглянуть на эти современные «без оглядки», то сам собою напрашивается вопрос: не ими ли учиняется (разумеется, объективно, логикой, или, вернее, безрассудством поступков, в силу наивности либо нарочитости и самолюбивого упрямства отчужденных), не учиняется ли ими нечто, весьма далекое от благородных намерений и прямо противоположное искомому: цели, смыслу?

Вопрос не обойти, особенно когда задают его не следователи — штатные и внештатные, и не лицемеры — по вдохновению и по привычке, а единомыслящие и просто мыслящие, все те, для кого исторический закон — не пустой звук, для кого нет ничего важнее действительных человеческих нужд, потребностей, чаяний, — кто знает также, что, между «непосредственно данным» и высшими истинами, велениями духа существует некий трудно обозначимый, средний уровень — исследования и понимания (где формируются мыслящие движения и программы коллективного действия, складывается и соотносится между собой сознание разных «Мы»), — кто убежден, что ныне особенно опасно третировать и проскакать этот уровень общего, стремясь к единственному либо даже к множественному «Я» — и к человеческой вселенной, состоящей из одних «Я» и «не-Я» ...и пекущихся об их полноправии, обязующихся охранять и сохранять священные права личности государств и правительств. Пекутся-то они о личности, но для попечения — всякого — попечители и защитники должны быть властными, полномочными, эффективными, а потому и наделенными соответствующими орудиями и средствами: от государственного сектора до разных современных «зондер-команд», — и отбираться, комплектоваться должны потому из соответствующих людей, соответствующим образом выученных и вышколенных, ведь ни попечители

ли-менеджеры, ни защитники-устроители межгосударственных круглых столов с неба не падают, — кто начисто отвергает это, кроме экстремистов, анархистов и иных нынешних аутсайдеров, но и кто справится со всеми следствиями, отсюда вытекающими, из коих неучастие, исключенность из участия всех — в главном и решающем для всех — еще не самое худшее. Есть еще и следствия следствий, и сегодняшнее неучастие способно предстать завтра неожиданным и необратимым, двумя неразлучными признаками современного Мира, — нет, с каждым днем все заметнее, что со следствиями, следствиями следствий — никому врозь не справиться, никому и нигде, а — как вместе, систематически и суверенно вместе??

Центральный пункт. Предельно трудный везде и для всех. Вряд ли преувеличу, сказав, что нигде так не труден, как у нас. Из трех китов здешнего реалиста под сомнением более всего третий — власть, и самое сомнение лишь по видимости раздвоено на умозрительное: не истрачена ли вдрызг идеальность нашей власти, и на сугубо практическое: может ли она стать «не-худшей» и как, и чем побудить ее к этому? Раздвоено по-видимости — поскольку нет практического ответа на практическое сомнение и не быть ему, пока нет ясности с умозрительным и более всего неизвестно — каким образом эту последнюю приобрести, как и чем побудить нас к этому? То есть: есть ли у нас — и где — упомянутый «средний уровень» понимания — лишь по видимости средний, а возможно, и самый высший уровень, без которого мы все — не власть, а наша власть — не мы; то есть — способны ли нынешние наши «единицы» к другой между собой связи, чем та, которая и проходит через государство, и исчерпывается им, устраняя в излишек все «Я» и «Мы»? Абстрактность вопроса не от нежелания называть вещи своими именами. Она от незнания «имен», и это более всего относится к разнообразным «Мы». То, что пока они не существуют, то, что пока они у нас — зародышевые, предсознательные, еще себя не опознавшие, все это не беда, это в порядке вещей, так уже было (и у нас, и не у нас), а стало быть: прийти в свое время и дальнейшему — опознаванию, сознанию, почве, лицу... Но придет ли? Не опоздает ли, без возможности наверстать упущенный срок, будет ли вообще? — вот в чем сомнение, и острее, неотступнее с каждым днем. Будет ли — не в том даже смысле: разрешат ли, допустят ли, не раздавят ли..?, а больше всего в другом, относящемся к природе этих «Мы», их непохожести на прежние, даже если они почти такие же или совсем такие, связанные преемственностью этноса, культуры, веры, умственной и профессиональной традицией, социальной близостью, общностью прямых выгод и образом жизнедеятельности. Даже если такие же, как прежде, те же самые, но потерявшие себя (целая полоса — утрат, исчезновений, молчаний — бессловесных и суесловно-напыщенных, казенно-пустых...), потерявшие и лишь на пути к возрождению, к нормальной жизни — без запретов и внешних ограничений — даже в этом случае — если возродятся — станут ли, смогут ли стать целым: обществом, совокупным сувереном, миром в Мире?

<...>

[1] Незабываемые — преданные казенному забвению слова: «Я не умею любить свое отечество с закрытыми глазами, с поникшим челом, с зажатым ртом, я думаю, что время слепых привязанностей миновало, что ныне нашей родине мы прежде всего обязаны истиной... Мы принад-

лежим к нациям, которые, кажется, не составляют еще необходимой части человечества, а существуют для того, чтоб со временем преподать какой-нибудь великий урок миру. Нет никакого сомнения, что это предназначение принесет свою пользу: но кто знает, когда это будет?.. По моему мнению, было бы странным непониманием выпавшей нам роли, если бы мы стали неловко повторять весь длинный ряд безумий, совершенных народами, стоявшими в положении, менее выгодном, стали проходить все бедствия, ими выстраданные. Я полагаю, что наше положение — положение счастливое... Будем знать, что для нас не существует безвозвратной необходимости... Каждый из нас должен сам связывать разорванную нить семейственности, которой мы соединились с целым человечеством... Скажите, не должен ли я в самом деле разъяснять, в каком отношении находится к своим ближним, к своим согражданам, к своему Богу человек, объявленный сумасшедшим?..».

В. Ронкин, С. Хахаев

(«Поиски», №3, 1981)

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА

<...>

Относительное материальное благополучие современного Запада создавало впечатление, что задача построения общества всеобщего благоденствия фактически решена и без построения социализма.

Однако события 1968 года во Франции, деятельность «красных бригад» и тому подобных организаций в Японии, Западной Германии и Италии показывают, что до всеобщего благоденствия еще очень далеко [1].

Наличие большого количества озлобленных аутсайдеров, неизбежное при товарно-денежных отношениях, неравномерность мирового экономического развития, интриги тоталитарных режимов — вот те факторы, которые при всеобщем отчуждении в любой момент могут вызвать серьезные социальные потрясения, вдохновляемые идеологией социализма.

Любые антисоциалистические идеологии оказываются в критической ситуации бессильны перед ней и, как показывает опыт истории, зачастую они сами превращаются в одну из разновидностей реакционного социализма и приводят к установлению тоталитарных режимов. Единственной возможностью противодействовать реакционному социализму является позитивный социализм.

Со времени Маркса считалось, что главной движущей силой социализма является рабочий класс. Однако история показала, что чем более зрелым становится рабочий класс, тем более тред-юнионистски он настроен [2]. В этом смысле Маркузе совершенно прав, говоря, что современный рабочий класс интегрирован индустриальным обществом. Забастовочное движение ставит своей задачей улучшение условий продажи его рабочей силы, а не отмену системы купли-продажи.

Кроме того, удельный вес рабочих в развитых странах неизменно падает, соответственно падает и роль рабочего класса в производстве.

Ведущей силой современной индустрии становится фигура инженера. Современная индустрия требует огромного количества лабораторий и НИИ, со-

здающих для нее технологию, а также большого числа преподавателей, готовящих для нее кадры.

Кроме того, материальное богатство общества, усложнение общественной жизни и потребностей современного человека приводят к тому, что потребление знаний (информации) становится одним из серьезнейших аспектов человеческой жизни, что вовлекает в сферу их производства (помимо производства знаний для индустрии) значительные контингенты людей. Даже индустрия развлечений (туризм, спортивные соревнования и т.п.) фактически сводится к получению новых знаний.

Эксплуатируя эти тенденции на будущее, можно утверждать, что именно производство знаний станет важнейшей отраслью человеческой деятельности, а интеллигенция станет основной силой общества.

Очевидно, что оптимальное регулирование производства информации должно носить иной характер, нежели регулирование промышленного производства.

В отличие от прочих продуктов человеческой деятельности, информация не распределяется, а распространяется (т.к. стоимость процесса — размножения и материальных носителей может быть сколь угодно мала по сравнению со стоимостью и значимостью самой информации).

Информация есть первый продукт, который может распространяться и уже частично распространяется по потребности.

Сеть библиотек, курсов, лекториев, музеев и т.п. — все это примеры нетоварного распространения информации.

В отличие, скажем, от станка, который система товарно-денежных отношений (в идеале, конечно) заставляет использовать там, где он дает наибольшую прибыль, информация может быть одновременно использована в разных местах.

Поэтому всякая монополия на знания экономически нецелесообразна, вредна, а, следовательно, и антигуманна.

Поскольку получение информации — труд творческий, постольку сам процесс и удовлетворение любознательности могут служить стимулами сами по себе.

Кроме того, стимулом деятельности здесь могут служить такие виды поощрения, как популярность, уважение, престиж и т.п. [3]

Может возникнуть вопрос: ну, а промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг и т.п. — как будет обстоять дело там?

На это можно сказать следующее: сельское хозяйство на определенном этапе носило натуральный характер. Промышленность, подчиненная товарно-денежным отношениям, как только она стала основной сферой деятельности людей, подчинила этим же отношениям и сельское хозяйство (соответственно преобразовав его техническую базу и резко уменьшив количество занятых в нем людей, несмотря на то, что сельскохозяйственная продукция до сих пор остается основой существования человечества). Экстраполируя эту закономерность на будущее, можно утверждать, что производство знаний, став основной сферой, подчинит своим законам и остальные виды человеческой деятельности. Таким образом, вторая научно-техническая революция делает возможным переход к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Отказ от экономического способа управления поведением человека, следовательно, и от товарно-денежных отношений, означает, что на смену ему приходит новый способ регулирования — индикативный, при котором согласование деятельности достигается не путем внеэкономического или экономического принуждения, а путем добровольного следования совету или доказательству.

Простейшим примером такого способа управления являются взаимоотношения врача и пациента.

Поскольку индикативный способ управления не предусматривает никаких санкций, это открывает широкий простор самоуправлению низовых коллективов и обеспечивает наиболее полную свободу человеческой личности.

<...>

-
- [1] Реакционный характер идеологии этих организаций проявляется не только в избранных ими методах борьбы, но и в ориентации на деклассированные элементы в собственных странах и на авторитарно-патриархальные идеалы третьего мира.
- [2] Не случайна слабость компартий во всех развитых капиталистических странах, кроме Италии и Франции, где популярность коммунистов обусловлена их заслугами в годы Сопротивления.
- [3] Можно привести такую аналогию: человек, нашедший самородок, стремится похвастаться своей находкой, при этом оставляя его у себя. Человек, сделавший открытие, демонстрируя его, тем самым передает его другим. Ему достается престиж, а общество получает открытие.

ДЕЛО «ПОИСКОВ» (По материалам «Хроники текущих событий»)

№52, 1 марта 1979 г.

25 января в квартирах членов редколлегии журнала «Поиски» («Новости Самиздата» в Хр.51 и в наст. вып.) Р. ЛЕРТ, В. АБРАМКИНА, Ю. ГРИММА (Хр.46, 47, 51) и В. СОКИРКО (Хр.47, 49, 51), а также на квартирах Г. ПАВЛОВСКОГО и В. СОРОКИНА были произведены обыски.

Обыски проводились Московской городской прокуратурой. Активное участие принимали в них лица, не предъявившие своих документов и не упомянутые в протоколах обыска. В постановлениях на обыск было указано, что они проводятся по делу №46012/18-76. (В 1976-77гг. по этому же делу были проведены обыски у В. НЕКИПЕЛОВА (Хр.42) и Ю. ГАСТЕВА (Хр.43), а также членов Украинской (Хр.43) и Московской (Хр.44) групп «Хельсинки». Следовательно иногда называли его делом о «Хронике»).

На обысках изымались личные архивы, пишущие машинки, чистая бумага и копирка.

73-летнюю ЛЕРТ, болевшую в то время, заставили подняться с постели. У нее была изъята, среди прочего, пенсионная книжка М. ЛАНДЫ.

У АБРАМКИНА забрали произведения Д.ХАРМСА и материалы о нем, книгу «Авантюристы и охранники», изданную в СССР в 1924 г. Руководил обыском следователь КРАВЦОВ.

В квартире ГРИММА, спавшего после длительного дежурства, взломали дверь. У него забрали фотографии его друзей и знакомых и сборник военно-теоретических работ П.Г. ГРИГОРЕНКО. Во время обыска к нему в квартиру пришел член редколлегии «Поисков» П. ЕГИДЕС. Его подвергли личному обыску, изъяли записную книжку. Проводил обыск следователь ПАНТЮХИН.

У СОКИРКО кроме «Хроники», самиздатских сборников «В защиту экономических свобод», сборника «Жить не по лжи» (Хр.32) и книги «Советский читатель вырабатывает убеждения» (Хр.49) изъяли сделанные им диафильмы о его путешествиях по стране. Руководил обыском следователь Г.В. ПОНОМАРЕВ.

Из шести человек, проводивших обыск у ПАВЛОВСКОГО, назвался только один. Среди изъятого — статьи Веры ЗАСУЛИЧ.

В обыске у СОРОКИНА принимал участие человек, который накануне представлялся проверяющим работу счетчиков по всесоюзной переписи. Был изъят подготовленный к выпуску 5-й номер «Поисков» и материалы к нему, а также фотоэкспонметр.

Руководил обыском следователь БОРОВИК.

Сразу после обысков АБРАМКИНА, ГРИММА и СОКИРКО доставили на допрос. На следующий день были допрошены ПАВЛОВСКИЙ, В. СОРОКИН и его жена С. СОРОКИНА, Л. МАЙКОВА. В феврале серия допросов повторилась. В допросах активное участие принимает следователь БУРЦЕВ. Всем, у кого был проведен обыск, объявили, что они являются свидетелями по делу, возбужденному три года назад, а обвиняемого по этому делу пока нет.

31 января редакция журнала «Поиски» сделала заявление:

Эта акция представляет собой попытку разгрома журнала и прекращения его выхода. Такая попытка — очередной шаг на пути систематического подавления бесцензурной мысли, естественно возникающей и стремящейся к выражению...

Не решаясь вступать в диалог с самостоятельно мыслящими гражданами, власти сознательно отдают их в руки жандармов, хорошо зная, сколь ложны возводимые на них обвинения ...

Мы протестуем против расправы с нашим журналом и обращаемся за поддержкой ко всем демократически мыслящим людям в нашей стране и за рубежом.

Со своей стороны, мы заверяем наших читателей, что свободный московский журнал «Поиски» будет выходить и мы постараемся осуществить все наши планы, хотя не следует забывать о том, в каких условиях мы работаем.

Другое заявление «О преследовании журнала «Поиски»» подписали Георгий ВЛАДИМОВ, Лев КОПЕЛЕВ, Владимир КОРНИЛОВ, Пинхос ПОДРАБИНЕК, Андрей САХАРОВ, Наталья КУЗНЕЦОВА, Мальва ЛАНДА:

Поиски взаимопонимания в открытом споре, в мирном диалоге — сегодня главное условие сохранения мира и внутри страны, и на всей планете: мира между разномыслящими людьми, разными народами и государствами.

Такие поиски, естественно, предполагают борьбу идей. Но в этой борьбе единственное орудие — слово, а не цензурные запреты, не уголовные преследования.

11 февраля по тому же делу №46012/18-76 был проведен обыск у Ю. ВЕЛИЧКИНА (инвалид Отечественной войны, ему 54 года).

№ 53, 1 августа 1979 г.

15 марта в Одессе был проведен обыск у Михаила ЯКОВЛЕВА. ЯКОВЛЕВ (литературный псевдоним — ЛИЯТОВ, по фамилии матери) — постоянный автор журнала «Поиски», где напечатаны его пьеса и короткие юмористические рассказы. Изъято: номер «Поисков», повесть В. ЕРОФЕЕВА «Москва-Петушки», собственные произведения.

Через день, при повторном визите, у ЯКОВЛЕВА забрали пишущую машинку. Вскоре с ним провели беседу. Задавался вопрос, с согласия ли ЯКОВЛЕВА «Поиски» печатают его сочинения. Он ответил утвердительно. Об одесских и московских знакомых говорить отказался.

На следующий день после беседы проходил официальный допрос. ЯКОВЛЕВ и здесь отказался давать показания, после чего ему пригрозили судом. День спустя его вызвали в прокуратуру, где предупредили «по Указу». Протокол предупреждения он подписал.

На обыске у ЯКОВЛЕВА застали Вячеслава ИГРУНОВА (Хр.51). В марте его трижды вызывали на «беседу», в июне вызвали еще раз.

<...>

* * *

29 мая в метро был задержан член редколлегии «Поисков» Виктор СОКИРКО. Его отвели в отделение милиции при станции метро, где уже ждал следователь БУРЦЕВ. Он предъявил СОКИРКО постановление о личном обыске по делу №5061/14-79. После обыска, на котором были изъяты 11 экземпляров 5-го номера «Поисков», СОКИРКО попытались допросить, однако он отказался участвовать в допросе, мотивировав отказ незаконностью преследования «Поисков». В процессе обыска присутствующие сотрудники прокуратуры неоднократно заводили разговоры о никчемности всей «диссидентской возни», о том, что любой советский человек, увидев изъяты у СОКИРКО «листки», избьет их авторов «до состояния чахоточного», что СОКИРКО пора подумать о себе и своей семье, так как он «пойман с поличным» и «круг вокруг него замкнулся», что единственным выходом является чистосердечное обещание «завязать» и т.п.

Затем СОКИРКО отвезли на его квартиру и провели обыск там. В результате личного и домашнего обысков изъяты машинописные материалы «Поисков», рукописи СОКИРКО, пишущая машинка.

Во время обыска к СОКИРКО зашел Глеб ПАВЛОВСКИЙ (Хр.40, 52), у которого изъяли находившиеся при нем машинописный и рукописный тексты эссе Г.С. ПОМЕРАНЦА «Сны земли».

Оба — и СОКИРКО, и ПАВЛОВСКИЙ — отказались подписывать протоколы обысков.

* * *

24 июля в 18 часов в метро был задержан член редколлегии «Поисков» Ю. ГРИММ. Его препроводили в пристанционную комнату милиции и объявили,

что он похож на некоего разыскиваемого преступника. Ему было предложено показать содержимое сумки. ГРИММ отказался и потребовал ордер на обыск. Тогда его доставили в 1-е отделение милиции (по месту жительства), где капитан ИВАНОВ дежурный по отделению) в присутствии милиционеров и дружинников отобрал сумку и составил опись находящихся в ней предметов. Опись изъятого ГРИММ подписывать отказался. После обыска ГРИММА допрашивал заместитель начальника отделения по уголовному розыску ДУГИН. ГРИММА выпустили в половине двенадцатого. 31 июля ГРИММ направил прокурору Москворецкого района заявление, в котором, перечисляя нарушения УПК, допущенные при его задержании, требует, чтобы лица, нарушившие закон, получили должностные взыскания и чтобы ему вернули все изъятые документы, книги и личные вещи.

* * *

Член редколлегии «Поисков» Раиса Борисовна ЛЕРТ «за действия, несовместимые с высоким званием члена КПСС» — участие в «Поисках» — 21 марта исключена из партии (Р.Б. ЛЕРТ состояла в ней с 1926 г.). Исключение, в нарушение устава, проходило без решения первичной партийной организации и в отсутствие ЛЕРТ.

* * *

Администрацией института, где преподавал кандидат философских наук, доцент ЕГИДЕС, принято решение о его увольнении. Мотивировка увольнения — сотрудничество в «Поисках», что расценено как «аморальный поступок» (ст.254 КЗОТ). Местком одобрил решение администрации.

№ 55, 31 декабря 1979 г.

Арест АБРАМКИНА

16 ноября один из редакторов журнала «Поиски» Глеб ПАВЛОВСКИЙ (Хр.52) был доставлен в отделение милиции на «беседу». Ее проводили два человека в штатском, отказавшиеся ввиду «неофициальной встречи» назвать свои должности и фамилии. ПАВЛОВСКОМУ заявили, что его работа в журнале представляет собой «противоправную деятельность», однако он может избежать уголовной ответственности, если даст органам КГБ заверения о прекращении своего участия в издании журнала. Ему предложили помочь устроиться на работу по специальности (ПАВЛОВСКИЙ — историк, работает истопником). Затем анонимные собеседники поинтересовались, не хочет ли ПАВЛОВСКИЙ выехать из СССР. ПАВЛОВСКИЙ ответил, что уезжать не собирается.

Собеседники ПАВЛОВСКОГО сказали, что ему дается неделя, чтобы обдумать их предложения, и попросили его «не разглашать» содержание разговора и не «принимать участие в работе журнала» до следующей встречи. ПАВЛОВСКИЙ отказался дать подобное обещание.

3 декабря состоялась повторная «беседа». ПАВЛОВСКИЙ сразу же предложил разделить два вопроса: личные предложения сотрудников КГБ ему, ПАВЛОВСКОМУ, и обсуждение ситуации, созданной преследованиями журнала «Поиски». Первый вопрос ПАВЛОВСКИЙ обсуждать отказался, но сказал, что готов обсудить возможности официальной регистрации журнала и предоставления ему типографских средств. «Собеседники» потребовали ответить, прекращает ли ПАВЛОВСКИЙ свое участие в журнале или делает противоположное заявление «о продолжении антиобщественной деятельности». На этот вопрос ПАВЛОВСКИЙ отвечать не стал. В конце концов, после разнообразных угроз и посулов (речь шла о лагере, об улучшении жилищных условий), ПАВЛОВСКОМУ предложили дать заверения, что, хотя он останется формально членом редколлегии «Поисков», он не будет принимать никакого участия в издании журнала. ПАВЛОВСКИЙ отказался.

* * *

В середине ноября в Москве был задержан один из авторов журнала «Поиски» Михаил ЯКОВЛЕВ. ЯКОВЛЕВА задержали около дома Валерия АБРАМКИНА через два или три дня после его приезда из Одессы. Все эти дни он замечал за собой слежку. Его доставили в милицию, обыскали (изъята книга А. ЗИНОВЬЕВА «Записки ночного сторожа») и потребовали: во-первых, в течение 72-х часов покинуть Москву и вернуться к месту прописки, в Одессу; во-вторых, устроиться в Одессе на работу и в течение года не увольняться.

Это — второе задержание М. ЯКОВЛЕВА за последние два месяца (см. Хр.54).

* * *

4 декабря по делу о журнале «Поиски» было проведено семь обысков (все постановления выписаны Ю.А. БУРЦЕВЫМ): у В. АБРАМКИНА, В. СОРОКИНА, Г. ПАВЛОВСКОГО, Ю. ГРИММА, П. ЕГИДЕСА, М. ГЕФТЕРА и А. ГОРГАН.

* * *

Валерия АБРАМКИНА, возвращавшегося утром с работы, посадили в машину и повезли на обыск, где помимо редакционных материалов забрали протокол предыдущего обыска (Хр.52) и личную переписку. Проводил обыск БУРЦЕВ, заявивший, что остальные лица, участвующие в проведении обыска, могут предъявлять документы только с его, БУРЦЕВА, разрешения. (Этого разрешения никто, впрочем, не получил).

После обыска АБРАМКИНУ предложили проехать на допрос. Он стал собирать вещи. БУРЦЕВ заявил, что он это делает напрасно и после разговора он вернется домой. Домой АБРАМКИН, однако, не вернулся. На следующий день его жена Екатерина ГАЙДАМАЧУК (Хр.41, 45) позвонила БУРЦЕВУ; тот сказал, чтобы она обратилась в отделение милиции. Там ответили, что АБРАМКИНА давно увезли в Бутырскую тюрьму. На повторный звонок БУРЦЕВ подтвердил, что АБРАМКИН арестован.

10 декабря по делу АБРАМКИНА был допрошен В. КУВАКИН (Хр.54). Следователь КНЯЗЕВ сказал ему, что АБРАМКИН обвиняется по ст.190-1 УК РСФСР.

11 декабря Московская группа «Хельсинки» выступила с протестом против ареста АБРАМКИНА документ №114 — см. «Письма и заявления»).

<...>

* * *

6 декабря П. ЕГИДЕС, В. ГЕРШУНИ, Р. ЛЕРТ, Г. ПАВЛОВСКИЙ, Ю. ГРИММ и В. СОКИРКО сделали «Заявление редакции «Поисков».

Все мы — шесть членов редакции, остающиеся на свободе, — были и остаемся ОТВЕТСТВЕННЫМИ РЕДАКТОРАМИ ЖУРНАЛА «ПОИСКИ».

Мы готовы вместе с Абрамкиным и Сорокиным ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД СУДОМ, ЧТОБЫ В ГЛАСНОМ СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ОТКРЫТО ОТСТАИВАТЬ СВОЮ ПРАВОТУ.

С призывом освободить В. АБРАМКИНА и В. СОРОКИНА, а также предотвратить арест Г. ПАВЛОВСКОГО выступили члены Московской группы «Хельсинки» И. КОВАЛЕВ, Т. ОСИПОВА и Ю. ЯРЫМ-АГАЕВ, а также член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Ф.СЕРЕБРОВ.

* * *

Москвичи Алексей и Ирина ЗАЛЕССКИЕ опубликовали
Обращение к христианам нашей страны

Дорогие братья и сестры!

Над нашей головой снова сгущаются тучи. Месяц тому назад арестован отец Глеб Якунин, член Комитета защиты прав верующих... Недавно арестованы еще несколько защитников прав человека: Валерий Абрамкин, Татьяна Великанова и др.

...

Все честные христиане... должны ответить на эти репрессии решительным «нет».

...

На место каждого арестованного или уволенного с работы религиозного деятеля или правозащитника встанут десятки новых.

...

Для каждого христианина — православного, католика, протестанта, баптиста — наступил час испытания совести. Пусть каждый задаст себе следующие вопросы: С кем он? С Христом или с антихристом? Готов ли он пострадать за Христа или за ближнего (что одно и то же) сегодня же, сейчас же? ... Мы просим всех христиан молиться за узников совести Глеба Якунина, Татьяну Великанову, Валерия Абрамкина и других.

№ 56, 30 апреля 1980 г.

31 декабря редакция журнала «Поиски» обратилась к читателям с заявлением (этим заявлением открывается 8-й выпуск):

После выхода первого номера «Поисков» прошло 20 месяцев. Сейчас мы предлагаем читателю последние номера — шестой, седьмой и восьмой — и хотим подвести некоторый итог.

...

Систематически ужесточающиеся гонения лишили нас большинства средств, необходимых, чтобы продолжать работу. За попытку прорвать блокаду диалога, за открытость своих имен и действий мы уже заплатили арестом одного из редакторов — Валерия Абрамкина. Горько думать, что человек необыкновенной душевной энергии и нравственной надежности — за решеткой Бутырок ...

Поставленные перед насильственной и лживой дилеммой — смириться с чьим-то правом ставить пределы для ищущей мысли или уйти в подполье, мы отвергаем то и другое как равно ложное.

Мы оставляем за собой простое право — определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся сегодня и в дальнейшем — прятаться и спорить шепотом.

Мы не ввели игры «в политику» — и не согласны на условную ничью, чего, видимо, от нас ждут... Мы повторяем, что готовы все, вместе с Валерием Абрамкиным, отстаивать законность «Поисков» и необходимость в честном диалоге для страны, граждан и государства.

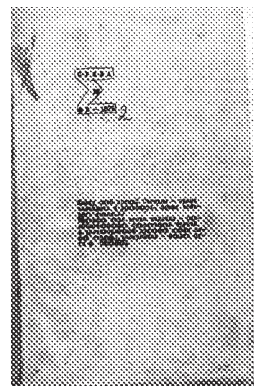
3 января по делу о журнале «Поиски» был допрошен В. СОКИРКО. Ему угрожали арестом.

8 января БУРЦЕВ допросил А. ГОРГАН (Хр.55) и ее мужа М. СУХОТИНА. Он спрашивал их о знакомстве с АБРАМКИНЫМ.

«Хроника текущих событий» продолжала следить за «Делом «Поисков»» и судьбой его авторов вплоть до своего последнего, 65-го, выпуска (31 декабря 1982 года).

Источник: сайт «Мемориала» (<http://www.memo.ru>).

СУММА

Самиздатский машинописный журнал, выходивший в Ленинграде в 1979-1982 гг. Первый номер «Суммы» предвещал своего рода декларацией: «Скромная цель этого издания — способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная — искать пути к СИНТЕЗУ. Это стремление и составляет главный содержательный принцип журнала». Его создатели ставили целью издания рецензирование и популяризацию сам- и тамиздатской неподцензурной литературы, распространявшейся в СССР (форма журнала напоминала специализированные научные реферативные журналы). «Сумма» была задумана ленинградским математиком Сергеем Масловым, круг авторов журнала состоял в основном из участников руководимого Масловым семинара по общей теории систем, среди них — математики (соредактор журнала — профессор ЛГУ Анатолий Вершик, бывший политзаключенный Револьт Пименов, Эрнст Орловский), медики (москвич Николай Каверин), историки (Валентин Алексеев), журналисты (Борис Иванов), химики (бывший политзаключенный Вениамин Иофе, Сергей Дедюлин). Всего в «Сумме» печатались 18 человек, некоторые из них активно сотрудничали и в других самиздатских изданиях — С. Дедюлин («Память», «Северная почта»), Вячеслав Долинин («Информационный бюллетень СМОТ»), Б. Иванов («Часы»). Вышло 8 номеров (№5/6 и 7/8 — сдвоенные), каждый содержал около 50 материалов — рецензии, рефераты, обзоры, критические заметки. Кроме сам- и тамиздата (включавшего книги как на русском, так и на иностранных языках), реферировались и рецензировались также отечественные книги и журнальные статьи разных лет (в том числе и редкие дореволюционные издания). Каждый номер «Суммы» состоял из трех разделов: «Рефераты и выписки», «Точки зрения. Рецензии» и «Содержание свежих номеров» (туда включалась библиографическая роспись самиздатских журналов). Круг охваченных «Суммой» вопросов был исключительно широк (философия, экономика, русская и мировая история, естественные науки), но приоритет отдавался материалам по правам человека в СССР, широко освещались события вокруг польской «Солидарности», зарубежная дискуссия о русском национализме, материалы по современной французской философии и т.д. В «Сумме» реферировалось более 20 журналов: «Поиски» (стр. 277), «Континент» (стр. 265), «Вестник РХД» (см. т. 2, стр. 438), «Евреи в СССР» (см. т. 2, стр. 454), «Синтаксис» (см. т. 1, кн. 2, стр. 349), «Посев», «Хроника текущих событий» (см. т. 2, стр. 429) и т.д. Журнал выпускался анонимно, все без исключения авторы выступали под псевдонимами (у некоторых их было несколько — так, у самого Маслова — 9 собственных и 4 коллективных, у Пименова — 4), некоторые псевдонимы были неизвестны даже главному редактору (это помогало журналу выходить три года, несмотря на преследования его авторов — Долинин был арестован, а Дедюлин вынужден эмигрировать из СССР). «Сумма» задумывалась как своеобразный путеводитель по самиздату, но журнал преследовал и другую — чисто историческую — цель: собрать и сохранить тексты, повлиявшие на формирование взглядов образованной части

поколения 1970-1980-х гг. Журнал печатался ограниченным тиражом (не более 20-30 экз.), распространялся в Ленинграде и Москве, а также в некоторых других городах СССР (в Сыктывкаре — жившим там Пименовым, в Горьком — привозился А.Д. Сахарову в ссылку). Издание журнала прекратилось после гибели Маслова в автокатастрофе летом 1982 г. «Сумма» осталась единственным реферативным изданием в истории советского Самиздата.

В 2002 г. в Санкт-Петербурге вышла книга ««Сумма» — за свободную мысль», в которой перепечатаны все номера журнала, помещены указатели к нему (именной, географический, хронологический и тематический), а также биографические справки о его авторах («Сумма»: За свободную мысль / Ред. А.М. Вершик, сост. вспом. указателей Б. Маслов. — СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. — 719 с.).

«37» — литературно-философский самиздатский журнал Ленинграда, наряду с журналом «Часы» — один из центров неофициальной культуры второй столицы.

Вышел 21 номер. В 1976 г. — 9, в 1977 г. — 4, в 1978 г. и 1979 г. по 3, в 1980 г. и 1981 г. — по одному номеру.

В редколлегию входили Виктор Кривулин (1944 — 2001) (отделы поэзии, прозы, публикаций, литературоведения, хроники); Татьяна Горичева (род. в 1947) (отдел религия и философии, позже этот отдел стали редактировать Евгений Пазухин (род. в 1945 г.) и Виктор Антонов (род. в 1938 г.); Лев Рудкевич (род. в 1946 г.) (отдел науки, до эмиграции Л. Рудкевича летом 1977 г.). С конца 1976 г. по конец 1978 г. — Наталья Шарымова (род. в 1946 г., псевд. Кононова, взяла на себя отделы публикаций и прозы, она же с №3 по №10 — ответственный секретарь). Техническим редактором, переплетчицей многих номеров, а с лета 1977 г. и ответственным секретарем была Н. Малаховская.

37 — номер квартиры, которую снимали супруги В. Кривулин и Т. Горичева пополам с Л. Рудкевичем и где проводился философско-религиозный семинар под руководством Т. Горичевой. Но название имело и другой, скрытый смысл. В математике есть число E — гармоническая постоянная, возможность оптимального выбора. Единица, деленная на E , $= 0,37$. «Для меня E остается метафорой творчества», — писал впоследствии В. Кривулин. Кроме того цифра 37 напоминала о 1937 годе. Таким образом, многозначность, многоплановость, свойственная почти всем материалам журнала, была заложена уже в названии.

Объем журнала колебался от 5 до 25-ти авторских листов, тираж — от 15-ти до 200 и более экземпляров. Журнал распространялся бесплатно. (Разумеется, ни сотрудники, ни авторы, ни даже машинистки не получали никакого вознаграждения). Все «работали с крайнем напряжением. Будущие номера обсуждали до хрипоты, доходило до ссор. Атмосфера... была накаленной, на грани истерики, но такое напряжение есть, на мой взгляд, необходимое условие существования человека в культуре». (В. Кривулин).

Журнал читали во многих городах СССР, он переправлялся за границу; некоторые материалы перепечатывались в западных изданиях.

Первые номера имели следующую композицию: диалоги на основе Евангелия, затем художественная часть, затем богословская и научная (последняя не в каждом номере), и в конце — хроника культурной жизни: сообщения о выставках (официальных и квартирных), литературных чтениях, семинарах, в частности — доклады или тезисы докладов неофициального религиозно-философского семинара Т. Горичевой (семинар, как и журнал, отличался широким диапазоном тем и терпимостью к инакомыслию, в нем участвовали не только православные, но и представители других конфессий и сектанты). (См. «Евангельские диалоги»)

В №№3 и 4 — переписка на темы «Современное христианство»: статья Т. Горичевой «Анонимное христианство и философия», религиозная проза и стихи А. Миронова. «37»

сразу зарекомендовал себя как журнал религиозно-философской ориентации. Здесь публиковались статьи о соотношении западной и русской религиозно-философской традиции, о конкретном религиозном опыте и др. Однако здесь можно было найти и критический взгляд на религию (например, статья Л. Рудкевича «О вере»). Свою главную задачу члены редколлегии понимали широко – «создание атмосферы, в которой живет человек культуры» и «включение русской культуры в контекст современной планетарной культурной ситуации» (В. Кривулин). Журнал всегда «вибрировал на достаточно подвижной, но всегда опасной идеологической границе». (В. Кривулин). После выхода первых номеров члены редколлегии попытались изменить структуру не только собственного журнала, но и вообще традиционную структуру русского «толстого» журнала, с ее четким делением на отделы поэзии, прозы, публицистики и т.д. Каждый номер стал создаваться как законченное художественное произведение. Появились номера, посвященные той или иной проблеме, рассматриваемой с разных точек зрения. Так, №5 был целиком посвящен недавно скончавшемуся философу экзистенциалисту М. Хайдеггеру.

Часто в журнале были большие (до 10 авторских листов) поэтические книги: Е. Шварц, О. Седаковой, Вс. Некрасова, С. Стратановского или обширные подборки – В. Кривулина, Б. Куприянова и др. Для авторов этого отдела характерны сложные интеллектуальные метафоры, обилие косвенных цитат, постоянное обращение к религиозной лексике и символике. Вот отрывок из стихотворения С. Стратановского:

И качая в колыбели
Тихо, тихо пела Дева
И от этого напева
Даже волки присмирели
Догорал свечи огарок
И волхвы из далекой земли
Мировому младенцу в подарок
С неба месяц принесли.
(«Колыбельные стихи»)

Поэтические книги и подборки, как правило, были окружены теоретическим материалом, который подбирался согласно с их тематикой.

Эпистолярные и мемуарные тексты разных авторов, но близкие тематически, печатались в рамках одной публикации, сопровождаемой солидным комментарием по типу академических изданий. Так, в одном номере появились открытки Б. Пастернака к К. Локсу из Марбурга и отрывки из воспоминаний самого К. Локса о марбургском периоде жизни Б. Пастернака. Соотнесение этих материалов позволило автору статьи «Романтическая трансформация реальности в поэзии Б. Пастернака» аргументировать совершенно новую точку зрения на творчество поэта. В № 5 были опубликованы случайно найденные на чердаке 3 письма подпоручика Петровского с фронтов Первой мировой войны и записка его денщика.

Были напечатаны полемические статьи об Иосифе Бродском, «Тайна русской души сквозь белый экран» В. Дмитриева – о фильме А. Тарковского «Андрей Рублев», этимологические этюды К. Косицкого о воровском жаргоне.

Отдел прозы не занимал главенствующее место, однако в первых двух номерах – главы из романа Г. Сомова о Пушкине, с «крученой», изощренной фразой, прерывистой, ритмически

усложненной манерой повествования в духе Андрея Белого. Далее последовали – рассказы Э. Буряковской с графическими иллюстрациями А. Аксинина; автобиографическая повесть М. Козыревой «Девочка перед дверью», о детстве, совпавшем с годами «ежовщины»; «Поденок» Б. Иванова – о ленинградской неофициальной культуре 60-х гг.; «Альбиносы» Б. Улановской – «проза потока сознания».

Была в журнале и переводная проза. Так, именно в №37 впервые на русском языке появился Х.Л. Борхес (в переводе Б. Гройса) – состоялось знакомство русскоязычного читателя с дотоле неизвестной ему прозой пост-модернизма. Переводилась не только художественные произведения, но и тексты Кришнамурти, статьи Дж. Оруэлла, в которых великий антиутопист сравнивал возможные последствия краха гитлеризма и свержения сталинизма и многое др. Публикация Оруэлла могла вызвать серьезные неприятности и привела к расколу в редакции. В 1980 г. из нее вышли В. Антонов и Е. Пазухин. Незадолго до этого вынуждена была эмигрировать Т. Горичева, и в редакции появились Борис Гройс (род. в 1947), Леонид Жмудь (род. в 1956), Сурен Тахтаджян (род. в 1956). По словам Виктора Кривулина, начиная с 19-го номера «37» – по существу другой журнал с прежним названием, скорее позитивистский нежели религиозно-философский. В отделе поэзии стали преобладать московские авторы: И. Жданов, Г. Сапгир, Д. Пригов, Л. Рубинштейн и др. Была напечатана документация (с фотографиями) перформансов группы «Коллективные действия» Андрея Монастырского, видеоперформансы Франциско Инфантэ и т. д. В двух последних номерах были опубликованы главы из книги В. Паперного «Культура-2», «К пониманию контррельефов В. Е. Татлина» А. Раппопорта, исследование Б. Гройса «Истоки и смысл русского структурализма», работа К. Бутырина, посвященная поэзии С. Стратановского и др. В №21 была напечатана рецензия на повесть Э. Лимонова «Это я, Эдичка».

Из материалов журнала был составлен самиздатский сборник «Церковь, культура, идеологи» (1980).

Журнал прекратил свое существование под давлением КГБ и в связи с эмиграцией многих его авторов и читателей.

Номера «37» хранятся в частных архивах.

Ниже помещен текст «Евангельских диалогов», вошедший в первый номер журнала «37».

Виктор Кривулин*, Татьяна Горичева

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ДИАЛОГИ

(«37», №1)

I

«Пилат спросил его: Ты царь Иудейский?»

Он сказал ему в ответ: Ты говоришь»

Лк., 23.3.

а) Социофания зла

В. К. — Вопрос, заданный Иисусу, имеет целью отнести существование Богочеловека в план социальный. Пилат видит — и для него очевидна только эта сторона личности Иисуса — только законную или незаконную (это не существенно) попытку занять некое запретное место в земной иерархии. И он не спрашивает: «Ты называешь себя царем иудейским?...» — но: «Ты Царь Иудейский?», не ожидая встретить пропасть между самовыявлением Иисуса и Его подлинным человеческим существом. Читая строку эпитафии, мы попадаем в мир слова, еще не ставшего объектом спекуляции и сокрытия реальности (маской): слова в том мире, где встречаются Пилат и Христос, существенны, т. е. не означают что-либо в реальности, а являются ею.

Т. Г. — Христос не отвечает Пилату. Вопрос Пилата наталкивается на непреодолимое препятствие, его суетность поедает сама себя. «Ты говоришь», а не Я, монолог, а не диалог, немота и безответность ожидают всякого, рискнувшего сделать «мудрость мира сего» знанием о мире горнем. Поэтому-то мы и не входим здесь в мир Слова, как и не входим в мир маски, поскольку Слово принадлежит лишь молчанию Христа, а маска — только мнимой откровенности Пилата.

В. К. — И все-таки за «безответностью» Пилата стоит огромная, налаженная государственная машина — проводник и орудие зла, направленного против человека. Отсылая Пилата к заданному вопросу, Иисус не молчит — или, если молчит, то и молча отвечает, предоставляя злу саморазоблачаться. Он как бы зеркало Истины перед лицом Пилата. И в этом смысле есть диалог, а не только монолог, произносимый колесиком и винтиком имперского механизма. Суд социальности перед лицом человеческим становится заведомо неправым не только потому, что вторгается не в свою сферу, но и потому, что обнаруживает в себе противоречие. Сами принципы, объявляющие правосудие истинным, основаны на соответствии слова делу. «Государево слово и дело!» — лозунг пыточных учреждений — предполагает полное тождество слова делу, уравнивает мыслимое и содеянное. Это тождество для Пилата несомненно, и, утверждая его, он

* Справку о Викторе Кривулине см. стр. 300.

как бы провоцирует Иисуса на выбор: отказаться от Себя или сознаться в преступлении. Иисус же показывает, что преступник сам Пилат.

Т. Г. — Есть ли у нас враг, должно ли любить его, гордиться им? Нужно ли, подобно Ницше, оценивать свою силу силой своего противника? Ложь, царство путаницы и абсурда, скучные парадоксы социального бытия не могут противостоять драматизму смысла, который мы иногда чувствуем, иногда созерцаем, иногда смутно сознаем, но никогда не забываем. «Социофания» Пилата и его двойников — наших современников — сама продукт Духа и Духом обнаруживает себя. Ее существование призрачно, в глубоком обмороке она цепляется за все, что еще не омертвело, — она навязывает миру культуры и Духа свои двусмысленные определения, свои однозначные мотивы. В этом истеричном подслушивании, подсматривании и подозрении — глубочайшее недоверие ко всему подлинному и здоровому. Социофания открыта вечному в искаженном сатанизме и в своей неразделенной любви к люмпен-интеллигентному миру неофициальной культуры.

б) Молчание Иисуса

Т. Г. — Вопрошающий уже знает ответ. Есть вопросы, которые задаются в суе, весь смысл которых в автоматизме, связующем общим шаблоном вопрос-ответ, стимул-реакцию, судью-подсудимого, — подать — Кесаря. Вопрос о власти принадлежит к подобным вопросам. Все в мире относится к «веку сему» и его скоропреходящим истинам. Все мирские противоречия не диалектичны по существу — в них тезис живет за счет антитезиса, а антитезис — за счет тезиса. В них раб и Господин — одинаково рабы, а существующее и не существующее одинаково не существует. Наша, еще совсем молодая и...

В. К. — ...и едва только оформляющаяся в нерасчлененном потоке бытия, культура (которую и культурой-то назвать как-то стеснительно) обнаруживает себя существующей лишь перед лицом социального судилища — до последнего времени было так.

Она находила свое существование только там, где начиналось царство общественного не-бытия, она сама иначе не видела себя как неким антибытием — и была мертва, как тело, не одушевленное еще разумом. Но наступает такой миг, когда требуется утверждение или, по крайней мере, двойное отрицание: небытия нет! — ситуация, прообраз которой дан в диалоге Понтия Пилата и Иисуса, где Христос отсылает заданный из духовного небытия вопрос — обратно, в небытие же. Ситуация, когда мы отчетливо обнаруживаем границу двух сфер: социального небытия и духовного бытия.

Т. Г. — Небытия нет, это значит, что Дух наконец стал бытием, утратив инфантильные замашки и «радость» одинокого риска. Анекдоты и недоверие отошли в прошлое вместе с манией величия и преследования. Фрейдизм, марксизм и павловская теория условного рефлекса не образуют более всеобъемлющей парадигмы, лежащей в основе и объясняющей нас. Мы живем под другим небосводом. Провинциальная «боязнь события» до сих пор фабрикует мифы. Но очень скоро мы перестанем быть «злым» городом, и всякая подозрительность будет парализована нашим: «Ты говоришь». Научившись ви-

доть нечто непреходящее и бесконечное, мы стали «младенцами на зло», хотя и не помудрели еще в Добре.

В. К. — Единственная, кажется, функция культуры, которая до сих пор позволяет подозревать в ней живой процесс, а не просто вереницу музейных залов и книжных стендов, — это возможность подлинных явлений культуры быть совестью, быть образом Истины перед уродливым лицом современности. Участник культурного дела — не «совопросник века сего», с охотой и доверчивостью вступающий в диалог с силами, чуждыми какой бы то ни было человечности, — он может легко утратить свое божественное право ответить: «Ты говоришь». Он рискует попасть в положение разбойника, повествующего Пилату о своих злодеяниях с тайной надеждой на то, что его преступления не будут сочтены настолько тяжкими, чтобы наказание пресекло возможность рецидива. Диалог с «властями предержащими» как одна из целей культурного движения ставит нас — его участников — в позу кающегося разбойника. Желание доказать, что ты действительно царь иудейский по видимости полярно отказу от своих убеждений — «Не я, Господин, не я!» — но по существу обличает в отвечающем преступника, который, устав запираяться, спешно саморазоблачается.

Источник: Вестник РХД, № 118, II — 1976.

ЧАСЫ

«Часы» — ленинградский литературно-философский самиздатский журнал.

Всего вышло 80 номеров. Редактор — издатель Борис Иванов (род. в 1928 г.).

Титул «журнал» закрепился, начиная с №12 (до этого — «альманах»), после того как в издании появился раздел хроники.

«Часы» выходили с четкой периодичностью — 6 номеров в год (точно, как часы, — отсюда и название), объемом 250-300 страниц (похоже на «толстый» журнал) и распространялись по подписке, стоимость которой устанавливалась исходя из стоимости машинописных работ (12 -15 рублей за номер).

Концепция журнала сложилась отчасти еще до его выхода, отчасти на опыте издания первых номеров: журнал не должен «заказывать» материал, нонконформизм и профессионализм — единственные критерии отбора. Редакторская политика была очень демократичной: каждый автор имел право, по крайней мере, на одну публикацию. Решено было не стремиться к передаче номеров за рубеж, рассчитывать только на моральные силы и возможности неофициальной культуры (этот принцип был назван «новым почвенничеством»).

В первых номерах использовались материалы, собранные Б. Ивановым для альманаха «Лепта», который задумывался как официальное издание, но вышел только в Самиздате. Здесь были повести Рида Грачева «Адамчик», «Представление» А. Севостьянова, рассказы Андрея Арьева, Нины Катерли, стихи Виктора Кривулина, Бориса Куприянова, Роальда. Мандельштама, аналитические материалы «О живописи М. Рогинского» М. Шейнкера, «Две ориентации. Общество» Б. Иванова и др. Солидную часть площади занимали переводы: «Миф о Сизифе» А. Камю, пьеса Э. Ионеско «Урок», главы из книги «Философская вера» К. Ясперса, статья «О феноменологии языка» М. Мерло-Понти.

1-ый номер был составлен и отпечатан Б. Ивановым при участии Юлии Вознесенской (составитель поэтической подборки) в июне 1976 г. Впоследствии почти все материалы журнала перепечатывались Викторией Аптер. Переплетчиком был Б. Иванов.

В №4 были опубликованы афоризмы Бориса Останина (род. в 1946 г.), который стал принимать активное участие в выпуске журнала. Именно Б. Останин установил контакты с Г. Померанцем, О. Седаковой, Е. Шифферсом и др. представителями московской неофициальной культуры. Он же взял на себя раздел переводов. «Я называл себя «мотором» журнала, своего коллегу — душой «Часов», — писал впоследствии Б. Иванов о Б. Останине.

С №11 с «Часами» стал сотрудничать Юрий Новиков (род. в 1938 г.). Из номера в номер стали публиковаться его статьи об изобразительном искусстве, публицистические реплики, обзоры выставок а в разделе «хроника» — информация о жизни художественного андеграунда Ленинграда.

В 1978 г. сформировалась редколлегия. Формальных обязанностей у ее членов не было. Собирались раз в два месяца, чтобы обсудить вышедший номер и поговорить о новом. Наиболее постоянными участниками этих обсуждений были И. Адамацкий, А. Драгомощенко, Ю. Новиков, С. Коровин, в разное время заседания посещали С. Шефф, С. Завьялов, С. Стратановский, Д. Волчек, В. Долинин и др. Все они были первыми читателями, критиками и советчиками журнала.

Разделы прозы, поэзии, литературной критики, переводов остались профилирующими во всех последующих номерах (кроме того существовали разделы изобразительного искусства, религии, философии, драматургии, публикаций, полемики, проблем современного искусства). Журнал опубликовал оригинальные произведения более 300-х авторов. Можно сказать, что на страницах «Часов» появились практически все независимые поэты и прозаики Ленинграда. Здесь были напечатаны повести М. Иоссея «Знаменосцы», «Приближаясь и становясь все меньше и меньше» С. Коровина, «Рюмка свинца» Б. Кудрякова, «Что говорит профессор» Б. Дышленко, «Жизнь в заброшенном лесу» Т. Григорьева, «Поезд» А. Ковалева; рассказы Б. Иванова, Н. Катерли; пьеса Е. Харитоновой; стихи О. Бешенковской, Т. Берковского, А. Драгомощенко, Е. Шварц, С. Стратановского, В. Уфлянда, С. Гандлевского, Б. Кенжеева, В. Алейникова, О. Седаковой, Э. Лимонова, А. Парщикова; статьи и исследования Г. Померанца, Д. Зильбермана, А. Янова; переводы более 100 иностранных авторов – произведения А. Арто, К. Барта, М. Бубера, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, А. Кестлера, С. Беккета (переводчики В. Антонов, М. Хазин, М. Иоссель, С. Хренов, В. Кучерявкин, В. Молот, Д. Волчек, Т. Горичева) и многое, многое другое. Каталог произведений, опубликованных в «Часах» за 14 лет существования, насчитывает более 100 страниц.

В качестве приложений к журналу (22 тома) были опубликованы романы А. Драгомощенко «Расположение среди домов и деревьев», «Отражение в зеркале с несколькими снами» М. Берга, собрания стихов Е. Игнатовой, Е. Шварц, В. Кривулина, С. Стратановского, «Избранное» Л. Аронзона (составитель Е. Шварц), сборник «Памяти Аронзона» (составители Вл. Эрль и А. Степанов), «Статьи о Достоевском» Г. Померанца, библиографический словарь «Художники России за рубежом» Д. Северюхина и О. Лейкинда (в 3-х т.), сборник статей о неофициальном изобразительном искусстве «Галерея», переводы «Тибетской книги мертвых», трилогия С. Беккета «Моллой», «Мэлон умирает» и «Безымянный», книги «Учение дона Хуана» и «Особая реальность» К. Кастанеды и др.

«Часы» ставили своей задачей не только отражать состояние культуры, но и способствовать ее развитию. С этой целью в 1978 г. была учреждена премия имени Андрея Белого, которая вручалась поэтам и прозаикам, критикам и философам. (Премия существует до сих пор – теперь уже вполне официально). Материальное выражение премии – 1 рубль и бутылка водки. Однако это не было ни насмешкой, ни иронией (как может показаться сегодня). «Мы учили своих ближних (и учились у них)... не преувеличивать тяготы своей жизни... не лезть в «высшие сферы», на поверку оказывающиеся плодом политической (сейчас – торговой) спекуляции и пропаганды, приучали видеть, что в очень больших числах (тираж, гонорар) преобладают нули, а не единицы и настраивать себя и свой труд на единицы, а не нули. История премии Андрея Белого доказывает, что это возможно» (Б. Останин). Лауреатами премии в разные годы стали: поэты В. Кривулин, Е. Шварц, О. Седакова, Г. Айги, И. Жданов; прозаики Саша Соколов, Е. Харитонов; исследователи Б. Гройс, Е. Шифферс; за особые заслуги в развитии русской литературы награждены К. Кузьминский, Ры Никонова и др. С той же

целью — способствовать развитию культуры — проводились конференции культурного движения, а в 1981 г. по инициативе «часовщиков» в Ленинграде был основан «Клуб-81» — по существу первое в стране неформальное и легализованное объединение.

Сразу после выхода первых номеров журнал оказался в поле зрения КГБ. Первые два номера были изъяты во время обыска у московской правозащитницы Т. Ходорович. Позже журнал нередко изымался во время обысков в Ленинграде. Авторы журнала неоднократно получали предупреждение о незаконном характере своей деятельности и вызывались для «бесед» в КГБ.

После отмены цензуры многие произведения, впервые появившиеся в «Часах», вышли в типографском виде.

Наиболее полные комплекты журнала хранятся в библиотеке НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), в отделе рукописей РНБ и в собрании Б. Иванова.

МетрОполь

Литературный альманах.

1979, выпущен Самиздатом в Москве, затем вышел на Западе.

Составители: Василий Аксенов, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, Фазиль Искандер, Евгений Попов. В Альманахе были опубликованы, кроме того, произведения Юза Алешковского, Джона Апдайка, Аркадия Арканова, Беллы Ахмадулиной, Леонида Баткина, Давида Боровского, Бориса Бахтина, Андрея Вознесенского, Фридриха Горенштейна, Юрия Карабичевского, Петра Кожевникова, Юрия Кублановского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Бориса Мессерера, Евгения Попова, Василия Ракитина, Евгения Рейна, Марка Розовского, Генриха Сапгира, Виктора Тростникова.

Первая публикация на родине:

МетрОполь, литературный альманах. М.: «ПОДКОВА», «ДЕКОНТ», 1999.

Ниже приводится сокращенная статья В. Ерофеева об истории альманаха, написанная уже в наши дни. По нашему мнению, она может служить вполне исчерпывающей справкой о «МетрОполе».

Виктор Ерофеев

ВРЕМЯ «МЕТРОПОЛЯ»

(Вместо справки)

«МетрОполь» был попыткой борьбы с застоем в условиях застоя. Так я думаю, вспоминая о нем сегодня. В этом смысл его и значение. Но не менее важно, что благодаря «МетрОполю» можно понять тонкую роль местоимения мы, освобожденного от замятинских, слишком знакомых нам коннотаций, силу и слабость творческой солидарности. Эту историю я прожил и пережил, как редкостный идеалист, — может быть, потому я ее и пережил.

<...>

Составляли «МетрОполь» в однокомнатной квартире на Красноармейской, раньше принадлежавшей уже покойной тогда Евгении Семеновне Гинзбург, автору «Крутого маршрута». Есть символика в выборе места.

Звонил в дверь Владимир Высоцкий, на вопрос «кто там?» отзывался: «Здесь делают фальшивые деньги?» Мы хохотали, понимая, что получим за свое дело по зубам, но что те, наверху, совсем озвереют, и в сравнении с нами, «литературными власовцами», настоящие фальшивомонетчики будут для них социально близкими, почти родными, не предполагали.

Каждый вносил что-то свое. Высоцкий посвятил «МетрОполю» песню, он как-то спел из нее несколько куплетов. Потом все это куда-то исчезло, как и многое другое. Или Фридрих Горенштейн, который живет теперь в Берлине. Как-то зимой он пришел к нам в рейтузах. Аксенов немного удивился и сказал:

— Фридрих, ты, кажется, забыл надеть штаны...

— Вася! — вскричал Фридрих. — Я не забыл. Я просто утепился.

ватманскую бумагу наклеивались по четыре машинописных страницы. Такой макет разработал Давид Боровский из Театра на Таганке. Это похоже на двенадцать зеленоватых могильных плит. Вот, опять похоронная тема... Борис Мессерер придумал фронтиспис и марку альманаха — граммофон. Сначала хотели наклеить фотографии авторов. Горенштейн заранее принес две: анфас и профиль. Но потом поняли, что они быстро отклеются, и отказались. Название принадлежит Аксенову. «МетрОполь» — это литературный процесс здесь, в метрополии. В предисловии, тоже написанном в основном Аксеновым (там чувствуется его стиль), сказано, что альманах — шалаш над лучшим в мире метрополитеном.

Мы не хотели складывать гору рукописей и сделали альманах в виде готовой книги. Один экземпляр собирались предложить Госкомиздату, другой — ВАА-Пу. Для издания здесь и за рубежом. То есть мы собирались предложить переиздание того, что мы уже издали. Так и написано в предисловии: «Может быть издан типографским способом только в данном составе. Никакие добавления и купюры не разрешаются». Это требование особенно взбесило наших оппонентов.

Началом кампании против «МетрОполя» стал секретариат Московской организации Союза писателей. Он состоялся 20 января 1979 года. Во-первых,

мы не думали, что их там будет так много. А их было человек пятьдесят. Вторых, мы получили от них какие-то очень возбужденные повестки с нарочными: вам предлагается явиться... в случае неявки... Дальше шли угрозы. В третьих, это «заседание парткома» было накануне нашего предполагаемого вернисажа, который их особенно напугал и стал основной темой заклинаний. Они были уверены, что после вернисажа о «Метрополе» заговорят по «голосам», потом выйдет книга на Западе. «Предупреждаю вас, — заявил председатель собрания Ф. Кузнецов, — если альманах выйдет на Западе, мы от вас никаких покаяний не примем».

Все было заранее срежиссировано. Вставал один деятель за другим, кричали, возмущались, пугали. Кто-то даже всплакнул от ненависти. Грибачев сказал мне в коридоре с блатной доверительностью: «Что бы вы там ни говорили, все равно вам, ребята, хана». Нас было пятеро — составителей. Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя «героически». Искандер сказал, что в своей стране мы живем как под оккупацией. На Попова разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей детским садом усиленного режима.

Позже нас обвиняли в том, что мы задумали «Метрополь» с тем, чтобы опубликовать его на Западе. Это фактически неверно. Мы отослали — через знакомых, которые с огромным риском для себя взяли на вывоз альманах за границу, — два экземпляра во Францию и Америку, но не для того, чтобы печатать, а на сохранение, и в этом оказались предусмотрительны. Когда же случился большой скандал и наши планы напечатать «Метрополь» в стране рухнули, авторы дали согласие на публикацию альманаха на русском языке в американском издательстве «Ардис», которым тогда руководил Карл Проффер, друг многих из нас, напечатавший много хороших русских книг. Это он поспешил объявить по «Голосу Америки», что альманах находится в его руках. После этого отступать было некуда. Некоторое время спустя альманах вышел на английском и французском.

Первоначально было задумано так: мы устраиваем вернисаж «Метрополя», то есть знакомим с ним публику. Сняли помещение. Праздник должен был состояться в кафе «Ритм» возле Миусской площади. Пригласили человек триста. Дальше началась детективная история.

КГБ отреагировал по-военному: квартал оцепили, кафе закрыли и опечатали по причине обнаружения тараканов, на дверь повесили табличку «Санитарный день», а нас стали таскать на допросы в Союз писателей.

Всячески пытались расколоть. Говорили, что нам не по пути с Аксеновым — у него на Западе миллион! Мерзко шутили по поводу фамилии Липкина: Липкин — Влипкин. Искандера старались «отбить», но он не «отбивался»... Начались репрессии, бывшие почти по всем «метропольцам»: запрещали книги (уже вышедшие не выдавались в библиотеках), спектакли, выгоняли с работы.

Теперь тогдашние начальники СП и организаций позначительнее валяют дурака и даже оправдываются, растерявшись от резкой перемены погоды, но в 1979 году они были настоящими палачами. Один пример: моего отца, занимавшего в то время крупный дипломатический пост в Вене, срочно вызвали в Москву, и секретарь ЦК Зимянин от имени Политбюро, где решили, что «Метро-

поль» — начало новой Чехословакии, предложил ему поистине нацистский ультиматум: либо твой сын подпишет отречение от «МетрОполя», либо не поедешь обратно в Вену... Зимянин не пожелал говорить с моим отцом наедине, так как воспринимал его уже как противника. Присутствовал Альберт Беляев, в ту пору «центральной» гонитель культуры, и заведующий Отделом культуры ЦК Шауро, с которым отец был знаком со студенческих лет. Когда Зимянин показал на отца и спросил: «Вы знакомы?» — Шауро протянул руку и представился: «Шауро». Так проходил водораздел. Такой был страх... Зимянин зачитал из альманаха наиболее «острые» куски, обозвал Ахмадулину проституткой и наркоманкой, а насчет меня заметил:

«Передай сыну, не напишет письма — костей не соберет». Я не написал — они выбросили отца с работы... Я никогда не жалел об участии в «МетрОполе», это хорошая школа жизни, но палачей альманаха за такую школу не благодарю.

Они заявляли о «пошлости» песен Высоцкого накануне его смерти, расправились с Аксеновым, лишив его в конце концов советского гражданства, много лет не печатали исключенного из СП Попова, травили Липкина и Лиснянскую, вышедших из Союза в знак протеста против исключений.

Кампанию травли «МетрОполя» со всей решительностью, отражавшейся на неустанно потеющем лице, возглавил Феликс Кузнецов. Когда он выдыхался, то распахивал двери кабинета, и в него врывались, чтобы продолжить с нами борьбу, бледнолицый Лазарь Карелин и румяный, в комиссарской кожанке Олег Попцов. В статье «Конфуз с «МетрОполем» («Московский литератор», 9 февраля 1979 г.) Кузнецов писал: «Эстетизация уголовщины, вульгарной «блатной» лексики, этот снобизм наизнанку, да по сути дела и все содержание альманаха «МетрОполь», в принципе противоречат корневой гуманистической традиции русской советской литературы... Не надо варить пропагандистский суп из замызганного топора и представлять заурядную политическую провокацию заботой о расширении творческих возможностей советской литературы».

<...>

Разгром «МетрОполя», с одной стороны, — пик, кульминация застоя; с другой — все уже было на излете, при последнем издыхании. Отсюда особенная злоба и ярость «осенних мух». Ходили, конечно, слухи, что нас исключат, но мы легкомысленно не верили. Отстрелявшись, уехали втроем в Крым: Аксенов, Попов и я. На выставке голографии в каком-то южном городке в книге отзывов написали: «Мы, редакторы альманаха «МетрОполь», приветствуем рождение нового искусства голографии...» Где-то, мне потом говорили, сохранилась эта запись. В Коктебеле встретили Искандера, пошли выпить кальвадосу. Когда уже пропустили пару рюмок, Фазиль спохватился: «А я анонимку получил! «Радуйся, сволочь! Двух ваших сукиных сынов исключили наконец из Союза писателей».

Анонимщик оказался прав. Нас исключили в наше отсутствие. Это была, по сути дела, литературная смерть. Кого исключали, того уже никогда не печатали. Мы с Поповым в один миг оказались диссидентами. Замечательная бандитская логика — ударить по молодым, чтобы запугать и разобщить всех. Наши товарищи — Аксенов, Битов, Искандер, Лиснянская, Липкин — написали пись-

мо протеста: если нас не восстановят, они все выйдут из Союза. Такое же письмо послала и Ахмадулина. Об этом не замедлил сообщить «Голос Америки». Страсти накалились.

12 августа 1979 года «Нью-Йорк тайме» опубликовала телеграмму американских писателей в Союз писателей СССР. К. Воннегут, У. Стайрон, Дж. Апдайк (по приглашению Аксенова участвовавший в альманахе), А. Миллер, Э. Олби выступили в нашу защиту. Они требовали восстановить нас в Союзе писателей, в противном случае отказывались печататься в СССР. В СП, кажется, сильно струсили. Во всяком случае, после этой телеграммы мною с Поповым занялся Юрий Верченко, который «поработал» не с одним диссидентом. Добродушный и одиозный, Верченко был похож на крупного чикагского гангстера. Раз зашел к нему в кабинет Георгий Марков — поглядеть на нас. Верченко подтянулся и принялся кричать: «Вот я и говорю, что ваш «МетроПоль» — это куча говна!» Марков походил, понюхал воздух и ушел, не сказав ни здрасте, ни до свидания.

Вообще меня тогда поразила атмосфера в СП — атмосфера всеобщего низкопоклонства и холуйства. С нами вели себя довольно вежливо — мы были враги, а с подчиненными, и с Кузнецовым и с другими, разговаривали крайне пренебрежительно. И те не только не обижались, но почитали это за ласку. Однажды, когда мы были у Верченко, входит Лазарь Карелин. Слово за слово, мы с ним сцепились. Верченко наслаждался этой сценой, а потом сказал: «Ну ладно, Карелин, ты здесь Лазаря не пой...» — и тут же стал обещать восстановить нас в Союзе («Вот погодите, примем вас обратно, первыми людьми станете — знаете все начальство»), но потребовал от нас различных уступок и компромиссов. Он очень боялся сумки Попова, полагая, что в ней спрятан магнитофон.

На телеграмму американцев ответила «Литературная газета», статьей Кузнецова с приклатненным названием «О чем шум?». Он уверял «дорогих коллег», что Союз писателей «ничуть не меньше кого-либо другого» беспокоится за творческую судьбу своих писателей и верит, что «глубокие и органические связи, которые связывают подлинных писателей с родной литературой и родной землей, неразрывны». «Эти надежды, — продолжал Кузнецов, — распространяются и на начинающих литераторов В. Ерофеева и Е. Попова... Прием в Союз писателей — это уже настолько внутреннее дело нашего творческого союза, что мы просим дать ему возможность самому определить степень зрелости и творческого потенциала каждого писателя».

<...>

Итак, 6 сентября нас с Поповым вновь пригласил к себе Кузнецов. Он сказал, что состоялся секретариат Московской писательской организации, где решили нас восстановить. Попов — сразу: «Дайте справку!» — «Нет, справки не дадим». — «Мы члены СП?» — «Нет». — «Так кто же мы?» — «Вы члены Московской писательской организации...» Мы оказались в уникальном положении принятых-непринятых. Пишите заявление, сказал Кузнецов, и вас полностью восстановят на секретариате РСФСР. Имелось в виду, чтобы мы написали о «шумихе на Западе». Мы отказывались. В игру вступил Сергей Михалков, секретарь российского Союза. В тиши огромного кабинета на Комсомольском про-

спекте он сообщил, что от нас требуется минимум политической лояльности. Политическое заявление нужно для товарищей из провинции, которые не в курсе. Мы не поддавались. Написали просто заявление о восстановлении.

В декабре последовал вызов на секретариат РСФСР. Мы решили не идти: пусть восстанавливают заочно. Но накануне Верченко заверил, что все с кем надо согласовано и нам нужно явиться для проформы. В тот же день мы встретились с Аксеновым. Это важно, потому как есть версия, будто он сделал «МетрОполь» только для того, чтобы уехать на Запад. Василий сказал: «Если вас восстановят, будем жить нормально». Он даже собрался пойти через день на какое-то собрание Ревизионной комиссии, членом которой был.

На следующее утро состоялся наш полный разгром. Мы понимали, что предстоит борьба. Думали, что нас будут унижать, принуждать к раскаянию, чтобы потом в «Литературной газете» напечатать наши «признания», что нас вымажут дерьмом, но в конце концов примут, а, значит, Союз изменит своей советской сущности. Мы рассматривали восстановление как победу.

Нас заставили долго ждать, а потом стали пускать по одному. Первым пошел Попов: считалось, что он из народа, сибиряк и потому в известном смысле сможет смягчить ситуацию. Трудно сказать, был ли заранее запланирован результат. Возможно, они получили сначала одно указание свыше, а после другое. Дело было буквально накануне оккупации Афганистана, и верхам уже не требовались либеральные игры в «разрядку». Во всяком случае, кто-то побывал в «высших сферах». Может быть, Кузнецов, ибо именно он начал собрание зажигательной речью против «МетрОполя».

Присутствовал весь секретариат, от мала до велика. Они сидели за длинным столом и возмущенно шевелили руками: казалось, копошится множество змей. За председательским столом сидели Сергей Михалков и Юрий Бондарев. Бондарев не произнес ни слова, но свое негодование выражал мимикой — то за лоб схватится, то руки возденет. Главным спикером был Шундик. Валентин Распутин с половины ушел на другое заседание. Михалков изображал бесстрашие. Когда начинали орать: «Да хватит их слушать!», — он возражал: «Нет, товарищи, мы должны во всем разобраться...» То, что нас вызывали порознь, никакого значения не имело. Мы потом смеялись: отвечали абсолютно одинаково.

Вопросы были обычные, гнусные: как додумались до такого мерзостного дела? понимаете, какой ущерб нанесли стране? как относитесь к тому, что ваше имя используется на Западе реакционными кругами? кто вас на это подвигнул? Они хотели свалить все на Аксенова. Попов сказал, что ему тридцать три года, он может сам отвечать за свои поступки и никто его не «двигал», он не шкаф, чтобы его двигать.

Мы договорились, что как только Женя выйдет, то подаст мне знак: хорошо, так себе или плохо... Попов вышел и только рукой махнул: совсем плохо... Меня сразу спросили: считаете ли вы, что участвовали в антисоветской акции? Я понял — шьется дело: участие в антисоветской акции — это 70-я статья, а не прием в Союз писателей. Кузнецов сказал: «Как же вы, пишущий про всяких Сартров, не понимали, что вас используют как пешку в большой политической игре!» Совсем по-другому вели себя Расул Гамзатов, Му-

стай Карим, Давид Кугультинов. В какой-то момент Гамзатов встал и сказал Попову: «Хорошо отвечаешь! Принять их, и все!» Когда Попов вышел, за ним последовал Карим и сказал: «Вы все правильно говорили, но кому вы это говорили!»

После секретариата кое-кто из участников погрома подходил к нам, пожимал руки. Потом мы узнали, что голосовали единогласно. Был очень долгий перерыв, они совещались, мы болтались по коридорам. Затем нас опять вызвали, и Шундик зачитал решение (в редакции Д. Гранина): мы исключаемся из Союза писателей на неопределенное время. Когда все уже расходилось, Михалков нам шепнул: «Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было сорок человек...» Может быть, в тот раз он действительно не был главным погромщиком?

Все это было за два дня до столетнего юбилея Сталина. Когда к нам подошел корреспондент «Нью-Йорк таймс» Крег Уитни, мы сказали ему, что таким вот образом Союз отметил день рождения Вождя. Липкин и Лиснянская вышли из Союза писателей. Им пришлось хуже всех: они лишились почти всех средств к существованию. Мы всегда относились к ним как к героическим личностям. Аксенов тоже вышел из Союза, но его «игра на отъезд» ослабила наше единство. Вскоре он получил приглашение от американского университета, уехал и лишился гражданства. Надо добавить, что мы с Поповым написали письмо друзьям с призывом не выходить из Союза, не обнажать левого фланга литературы. Битов, Искандер и Ахмадулина нас осмотрительно послушались.

«МетрОполь» оказался рентгеном, просветившим все общество. Мы увидели власть воочию: она уже не перла вперед на своем идеологическом бульдозере, как прежде, она едва ползла — маразматическая, деградирующая, разваливающаяся, — но при этом готовая губить все живое, лишь бы ей не мешали догнывать.

И в то же время эпопея «МетрОлоля» показала, что той власти можно было сопротивляться и следовало сопротивляться. Более того, стало понятно, как сопротивляться ей.

Для нас год «МетрОполя» — страшный и веселый год: дружно, стараясь не терять чувства юмора, мы (как неоднозначно я оценил в тот год смысл этого местоимения!) шли против течения, против низвергнувшегося на нас потока помоев. Нам кричали, что мы пособники спецслужб, что нас надо поставить не то к стенке, не то лицом к народу. Нас не сломили, нам просто попортили биографии. И сейчас я думаю и говорю не о мести — о памяти: в социальной беспамятности залог катастрофических повторов.

Те «былинные» времена прошли. Возникло новое испытание: что делать, когда все можно делать?

От намордника — к свободе выбора — к выбору свободы.

Виктор Ерофеев

Источник: МетрОполь, литературный альманах. М.: «ПОДКОВА», «ДЕКОНТ», 1999.

Венедикт Ерофеев
(Справку см. т. 2, стр. 681)

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛЕНИНИАНА

Для начала — два вполне пристойных дамских эпиграфа: Надежда Крупская — Марии Ильиничне Ульяновой: *«Все же мне жалко, что я не мужчина, я бы в десять раз больше шлялась»* (1899).

Инесса Арманд (1907): *«Меня хотели послать еще на 100 верст к северу, в деревню Койду. Но во-первых, там совсем нет политиков, а во-вторых, там, говорят, вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается».*

Впрочем, можно следом пустить еще два дамских эпиграфа, но только уже не вполне пристойных:

Галина Серебрякова о ночах Карла Маркса и Женни фон Вестфален: *«Окружив его заботой, Женни терпеливо писала под диктовку Карла. А Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Это были счастливые минуты полного единения. Случалось, до рассвета они работали вместе. Но только люди, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами «не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев»* (в серии ЖЗЛ).

Инесса Арманд — Кларе Цеткин. *«Сегодня я сама выстирала свои жабо и кружевные воротнички. Вы будете бранить меня за мое легкомыслие, но прачки так портят, а у меня красивые кружева, которые я не хотела бы видеть изорванными. Я все это выстирала сегодня утром, а теперь мне надо их гладить. Ах, счастливый друг, я уверена, что Вы никогда не занимаетесь хозяйством, и даже подозреваю, что Вы не умеете гладить. А скажите откровенно, Клара, умеете Вы гладить? Будьте чистосердечны, и в вашем следующем письме признайтесь, что Вы совсем не умеете гладить!»* (январь 1915).

Ну а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он научился писать, и до того (1922) времени, как он писать разучился.

В 1895 году он еще гуляет по Тиргартену, купается в Шпрее. Посетив Францию, сообщает: *«Париж — город громадный, изрядно раскинутый».*

Но уже в 96-ом году Ильич помещен на всякий случай в дом предварительного заключения в Санкт-Петербурге:

«Литературные занятия заключенным разрешаются. Я нарочно спрашивался об этом у прокурора. Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет».

Оттуда же он пишет сестрице:

«Получил вчера припасы от тебя, (...) много снеди (...) чаем, например, я мог бы с успехом открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с местной лавочкой победа осталась бы несомненно за мной».

Все необходимое у меня здесь имеется, и даже сверх необходимого. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу».

Одна только просьба: *«Хорошо бы получить стоящую у меня в ящике платяного шкафа овальную коробку с клистирной трубкой» (1896).*

А дальше, разумеется, Шушенское.

«В Сибири вообще в деревне очень и очень трудно найти прислугу, а летом просто невозможно» (1897).

«Я еще в Красноярске стал сочинять стихи:

В Шуше, у подножия Саяна...

но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил».

Младший братец его, Дмитрий Ульянов, тоже угодил в тюрьму, и вот какие советы из Шушенского дает ему старший брат:

«А Митя? Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли он гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту знаю и скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов» (1898).

И, сверх того, ожидание невесты Надежды Константиновны и будущей тещи Елизаветы Васильевны. Наконец приезжают. Вот как он сообщает об этом приезде своей матушке:

«Я нашел, что Надежда Конс-на выглядит неудовлетворительно. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» — отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо» (1898).

«Мы с Надей начали купаться».

А когда закончились купальные сезоны — *«катаюсь на коньках с превеликим усердием и пристрастил к этому Надю» (1898).*

Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье. *«Глупый народ — чехи и немчура» (Мюнхен, 1900).* *«Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве. Гнусная дыра, но ничего не поделаешь» (1908).* *«Париж — дыра скверная» (1910).*

Блистательные сентенции вроде: *«Я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого» (1909).*

«Мы все ездим с Надей на велосипедах кататься» (1909). *«Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомоби-*

ля (виконт, черт его дерн) и теперь сужусь с ним через адвоката. (...) Надеюсь выиграть». (Париж, 1910).

«Погода стоит такая хорошая, что я надеюсь снова взяться за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля» (Париж, 1910). «Я не верю, что будет война» (Краков, 1912). «А насчет женского органа пусть напишет Надежда Константиновна» (Краков, 1914).

И драгоценные добавления в письмах Надежды Константиновны:

«Новый год мы встречали вдвоем с Володей, сидючи над тарелками с про-стоквашей» (январь 1914).

«Собираемся взять прислугу, чтобы не было большой возни с хозяйством и можно было бы уходить на далекие прогулки» (Краков, 1914).

«Сегодня Володя ездил на велосипеде довольно далеко, только шина у него лопнула» (Краков, лето 1914).

О своем друге Максиме Горьком Ильич помнит неизменно: «Горький изнервничался и раскис» (1910). «Горький всегда был архибесхарактерным человеком». Или: «Бедняга Горький! Как жаль, что он осрамился!» И несколько позднее: «И это Горький! О, теленок!»

Однако началась война. Бегство из Кракова. И, «сидючи» в нейтральной Швейцарии, тов. Шляпникову: «Лозунг мира — это обывательский, поповский лозунг» (17 октября 1914 года).

А милой Инессе Арманд: «...Даже мимолетная связь и страсть поэтичнее, чем поцелуи без любви пошлых и пошленьких супругов». Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре.

Логично ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов грязны. Согласен. Им надо противопоставить ...что?... Казалось бы, поцелуи с любовью? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную) «страсть» (почему не любовь?). Выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским».

Странно. Не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский брак без любви пролетарскому браку с любовью» (24 января 1915).

И ей же: «Требование «свободы любви» советую вовсе выкинуть. Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование. Дело не в том, что Вы хотите субъективно понимать под этим. Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви» (17 января 1915).

И опять ей: «Если уж непременно хотите, то мимолетная связь — страсть может быть и грязная, может быть и чистая» (24 января 1915). «У нас опять дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду, и тогда будет хорошая погода» (4 июня 1915). «Крепко, крепко жму руку, мой дорогой друг».

И необходимость постоянно печатать свои очередные брошюры с очередными тезисами. Спустя два с лишним года, уже будучи вождем большевистского правительства, он будет давать такие распоряжения: *«Реквизировать 30000 ведер вина и спирта в винных складах. Есть ли бумажка от Военно-Революционного Комитета, чтобы спирт и вино не выливалось, а ТОТЧАС же были проданы в Скандинавию? Написать ее тотчас»* (9 ноября 1917). А пока он не вождь, тов. Карпинскому:

«Дорогой товарищ! Мы ужасно обеспокоены отсутствием от Вас вестей и корректур (моей брошюры). Неужели наборщик опять запил?» (20 февраля 1915).

Тов Зиновьеву: *«Не помните ли фамилию Кобы? Привет, Ульянов».* (3 августа 1915).

Тов. Карпинскому: *«Большая просьба: узнайте фамилию Кобы»* (9 ноября 1915).

Все. Февральский переворот в России. Ленин: *«Нервы взвинчены сугубо, нужно скакать, скакать».* *«Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся».* *«Нужен отдельный вагон для революционеров».* *«Я могу одеть парик».* *«Хорошо бы попробовать у немцев пропуска — вагон до Копенгагена».* *«Почему бы и нет? Я не могу этого сделать. А Трояновский и Рубакин и К` — могут. О, если бы я мог научить эту сволочь!»* (март 1917).

Инессе Арманд: *« Вы скажете, может быть, что немцы не дадут нам вагона. Давайте пари держать, что дадут».* *«Нет ли в Женеве дураков для этой цели?»* (19 марта 1917).

«Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Привет, Ульянов!» (14 апреля 1917).

В письмах послезалповских, послеавроровских — нет ничего триумфального. Напротив того: *« Республика в опасности. Необходимы срочные меры. Например, такие:*

«Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко. Он должен называться просто тов. Овсеенко» (14 марта 1918).

«Аресты, которые должны быть произведены по указанию тов. Петерса, имеют исключительно большую важность и должны быть произведены с большой энергией».

Тов. Зиновьеву в Петроград:

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы их удержали».

Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную».

Это не-воз-мож-но! Надо поощрить энергию и массовидность террора!» (26 ноября 1918).

Тов. Сталину в Царицын: *«Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». «Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов» (7 июля 1918).*

Тов. Сокольникову:

«Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применив строгости. Но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте» (24 сентября 1918).

В Пензенский губисполком: *«Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении».* (9 августа 1918).

Тов. Федорову, председателю Нижегородского губисполкома: *«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п. Ни минуты промедления» (9 августа 1918).*

Не совсем понятно, кого же убивать. Проституток, спаивающих солдат и бывших офицеров? Или проституток, спаивающих солдат, а уже от ... будьте образцово — беспощадны.

Тов Шляпникову, в Астрахань:

«Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских заключенников и спекулянтов. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили» (12 декабря 1918).

Телеграмма в Саратов, тов. Пайкесу:

«Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» (22 августа 1918).

Тов. Сталину в Петроград:

«Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предположить наличие в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить нападение [Юденича] со сравнительно незначительными силами, стремительное продвижение вперед.

Просьба обратить усиленное внимание на это обстоятельство, принять экстренные меры для раскрытия заговоров» (27 мая 1919).

«Предупреждаю, за это председателей губисполкомов буду арестовывать и добиваться расстрела их» (20 мая 1919).

Тов. Зиновьеву: *«Вы меня зарезали!» (7 августа 1919).*

В отдел топлива Московского Совдепа:

«Дорогие товарищи. Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из леса достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину).

Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Оборона и в ЦК не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпимы бездеятельность и халатность.

С коммунистическим приветом, Ленин» (18 июня 1920).

В Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов: *«Дорогие товарищи! Вынужден по совести сказать, что ваше постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. Так поступают только капризные барышни и глупенькие русские интеллигенты.*

Простите за откровенное выражение своего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что вас проучат тюрьмой за бездействие» (12 октября 1918).

Глебу Кржижановскому:

«Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-матем. факультеты и пр. Обязанность: в неделю не менее 2-х лекций. Обучить не менее 10-и (50-и) человек электричеству. Исполнить — премия. А не исполнить — тюрьма». (декабрь 1920).

Тов Чичерину:

«Пусть Сталин поговорит начистоту с турецкой делегацией».

Получает донос на врачей, комиссующих раненых красных солдат, когда те еще *«вполне способны воевать»:*

«...организовать тайный надзор и слежку за поведением этих врачей, чтобы изобличить их, собрав свидетелей и документы, а потом предать суду» (20 ноября 1918).

В ответ на жалобу М.Ф. Андреевой относительно арестов интеллигенции: *«Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой околкадетской публики. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки. Ей-ей, лучше» (18 сентября 1919).*

Максиму Горькому о том же: *«Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками. Нет, таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме». «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (15 сентября 1919).*

Тов. Крестьянскому:

«Брошюра напечатана на слишком роскошной бумаге. По-моему надо отдать за эту трату роскошной бумаги и типографских средств под суд, прогнать со службы и арестовать кого следует» (2 сентября 1920).

«Неумный человек или саботажник редактировал ее?»

Тов. Сталину в Харькове:

«Пригрозите расстрелом этому неряхе, который, заведя связь, не умеет и добиться полной исправности телефонной связи со мной» (16 февраля 1920).

Тов. Каменеву:

«По-моему, нужен секретный циркуляр против клеветников, бросающих клеветнические обвинения под видом «критики» (5 марта 1921).

Смольный, Зиновьеву:

«Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как и раньше он высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против советской власти и коммунизма в России.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паек» (25 июня 1920).

Каменеву и Сталину:

«Опасность, что с сибирскими крестьянами мы не сумеем поладить, чрезвычайно велика и грозна, а тов. Чупкаев несомненно слаб, при всех его хороших качествах, — он совершенно незнаком с военным делом» (9 марта 1921)

Шмидту, Троцкому, Цурюпе, Шляпникову, Рыкову, Томскому:

«Прошу Вас собрать совещание наркомов — об оздоровлении фабрик и заводов путем сокращения количества едоков» (2 апреля 1921).

В Совет Труда и Оборона:

«Перетряхнуть Московский гарнизон, уменьшив количество и повысив качество».

Тов. Брюханову:

«Сейчас же начать кампанию беспощадных арестов за нерадение (...). НКпрод должен установить по губерниям и уездам ответственных лиц, чтобы знать, кого сажать» (25 мая 1921).

Тов. Пеображенскому:

«Что он реакционер, охотно допускаю. Но их надо иначе изобличать. Изоб-

личи на точном факте, поступке, заявлении. Тогда посадим. Надо выработать приемы ловли спецов и наказания их» (19 апреля 1921). Очень мило.

В. Молотову:

«Прелагаю уволить Абрамовича тотчас. Федоровскому предоставить объяснения, как он мог принять на службу Абрамовича. Федоровского за это наказать примерно» (10 июня 1921).

И шуточки:

«Тов. Цурюпа! Не захватите ли в Германию Елену Федоровну Размирович? Крыленко очень обеспокоен ее болезнью. Здесь вылечиться трудно, а немцы выправят. По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в германский санаторий. Привет! Ленин» (7 апреля 1921).

И без шуток:

«Если после выхода советской книги ее нет в библиотеке, надо, чтобы Вы (и мы) с абсолютной точностью знали, кого посадить» (Тов. Литкенсу, 17 мая 1921).

Тов. Горбунову:

«Ведь есть ряд постановлений СТО об ударности Гидроторфа. Явно они забыты. Это безобразие! Надо найти виновных и отдать их под суд» (10 февраля 1922).

Тов. Каменеву:

«Почему это задержалось? [имеется в виду печатание ленинских «Тезисов о внешней торговле»] Ведь я давал срока 2—3 дня! Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!.. Ваш Ленин» (11 февраля 1922).

«Наши дома загажены подло. /.../ Надо в 10 раз точнее и полнее указать ответственных лиц и сажать в тюрьму беспощадно» (8 августа 1921).

«От Центропечати требуйте быстрой рассылки «Наказа СТО», иначе я их посажу».

«Позвоните Беленькому и скажите, что я зол».

А Брюханову и Потяеву:

«Если еще раз поссоритесь, обоих прогоним и посадим» (август 1921).

«Медленно оформляли заказ на водные турбины! В коих у нас страшный недостаток! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно найдите виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме» (13 сентября 1921).

«Если у Вас в Баку еще есть следы (хотя бы даже малые) вредных взглядов и предрассудков (среди рабочих и интеллигентов), пишите мне тотчас. Беретесь ли Вы сами разбить эти предрассудки и добиться лояльности или нужна помощь?» (2 апреля 1921).

«Либо дурак, либо саботажник злостный мог пропустить эту книгу. Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц» (7 августа 1921).

О Прокоповиче и Кусковой:

«Газетам дадим директиву завтра же начать на сотню ладов и изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение 2-х месяцев».

Наркому почт и телеграфа:

«Обращаю Ваше серьезное внимание на безобразия с моим телефоном из деревни Горки.

Посылаемые вами лица мудрят, ставят ни к чему какие-то особенные приборы. Либо они совсем дураки, либо очень умные саботажники».

Бедняга профессор Тихвинский, управляющий петроградскими лабораториями Главного нефтяного комитета. Одной фразы Ильича было достаточно: *«Тихвинский не случайно арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» (сентябрь 1921)*. Расстрелян в 1921 году.

В Главное управление угольной промышленности:

«Имеются некоторые сомнения в целесообразности применения врубовых машин. Тот производственный эффект, который ожидает от применения врубовых машин тов. Пятаков, явно преувеличен. Киркой лучше и дешевле» (август 1921).

В комиссию Киселева:

«Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа. Надо это производство спирта из торфа развить» (11 сентября 1921 года).

Это напоминает нам деловую записку от 26 августа 1919:

«Сообщите в Научно-пищевой институт, что через три месяца они должны предоставить точные и полные данные о практических успехах выработки сахара из опилок».

Ну, это ладно. Воображаю, как вытягивалась морда у наркома просвещения Анатолия Луначарского, когда он получал от вождя такие депеши:

«Все театры советую положить в гроб» (26 августа 1921).

Или телеграммы: *«Какие вопросы Вы признаете важнейшими, а какие — ударными! Прошу краткого ответа» (8 апреля 1921)*.

Для Политбюро ЦК РКП(б): *«Узнал от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой Оперы и Балета» (12 января 1922)*.

Раздражение еще вызывают поэт Маяковский и Народный комиссар юстиции.

Тов. Богданову:

«Мы еще не умеем гласно судить за поганую волокиту, за это весь Нарко-

мюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что всех нас когда-нибудь за это поделом повесят» (23 декабря 1921).

Тов. Сокольникову:

«Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар. С коммунистическим приветом. Ленин» (11 февраля 1922).

Начинается изгнание профессуры.

Каменеву и Сталину:

«Уволить из МВТУ 20-40 профессоров. Они нас дурачат». (21 февраля 1922).

Ф.Э. Дзержинскому:

«К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров. Надо это подготовить тщательнее. Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг. Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручите все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Не все сотрудники «Новой России» — кандидаты на высылку за границу. Другое дело питерский журнал «Экономист». Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В №3 напечатан на обложке список сотрудников. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее шпионов, слуг, растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих вредителей изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу.

Прошу показать это секретно, не разглашая, членам Политбюро с возвратом. Вам и мне.» (19 мая 1922).

А тов. Кржижановский, которому было поручено 10-50 человек обучить электричеству, надорвался и тоже захотел в Европу.

Тов. Сталину:

«Прошу немедленно поручить НКИнделу запросить визу для въезда в Германию Глеба Максимилиановича Кржижановского и его жены Зинаиды Павловны Кржижановской.

Речь идет о лечении грыжи.

С коммунистическим приветом. Ленин» (25 апреля 1922).

А тов. Иоффе обязан лечить в Европе свой невротический недуг, который заключается вот в чем.

Тов. Иоффе: *«Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что ЦК — это я. Такое можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления.*

Зачем же так нервничать, что писать совершенно невозможную, совершенно невозможную фразу, будто ЦК — это я? Это переутомление. Отдохните серьезно. Обдумайте, не лучше ли за границей. Надо вылечиться вполне». (17 марта 1921).

И тут же следом — Г.М. Кржижановскому:

«Я должен тыкать носом в мою книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может». (5 апреля 1921).

А тов. Чичерин вовсе и не просил о лечении, но получилось так: тов. Чичерин представлял нашу державу на Генуэзской конференции с только недавно опубликованным напутствием Ленина:

«Ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью. (...) Нельзя упускать случая» (25 февраля 1922).

В. Молотову:

«Сейчас получил 2 письма от Чичерина. Он ставит вопрос о том, нельзя ли на Генуэзской конференции за приличную компенсацию (продовольственная помощь и пр.) согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство других партий в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо лечить, немедленно отправить в санаторий» (23 января 1922).

И через день тому же Молотову:

«Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен, и сильно болен. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий» (24 января 1922).

И в заключении — два негромких аккорда. Первый из них вызывает слезы, второй — тоже.

Тов. Уншлихту:

«Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь с ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий. Поговорите со Сталиным, покажите ему это письмо» (31 января 1922).

Тов. Каменеву:

«Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?» (24 апреля 1921).

Москва, 5-6 февраля 1988.

Медведева-Томашевская Ирина Николаевна

Литературовед.

Жена известного пушкиниста Б.В. Томашевского. По просьбе Солженицына занялась литературоведческо-криминалистическим анализом романа М. Шолохова «Тихий Дон», на предмет выяснения подлинности авторства последнего, о чем с конца 20-х годов ходили смутные толки. Результатом этой исследовательской работы явилась книга «Стремя “Тихого Дона”», опубликованная за границей в 1974 году с предисловием Солженицына под псевдонимом, который был раскрыт только через 15 лет. Ходила в Самиздате.

Мы не имеем оснований считать окончательно решенной проблему авторства романа, однако ознакомление читателя с точкой зрения известного литературоведа вполне допустимо.

СТРЕМЯ “ТИХОГО ДОНА”

Александр Солженицын

НЕВЫРВАННАЯ ТАЙНА...
Предисловие к публикации

С самого появления своего в 1928 году «Тихий Дон» протянул цепь загадок, не объясненных и по сей день. Перед читающей публикой проступил случай небывалый в мировой литературе. 23-х-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт и свой уровень образованности (4-х-классный). Юный продкомиссар, затем московский чернорабочий и делопроизводитель домоуправления на Красной Пресне, опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества, более всего поражаля именно вжитостью в быт и психологию тех слоев. Сам происхождением и биографией «иностранец», молодой автор направил пафос романа против чуждой «иностранности», губящей донские устои, родную Донщину, — чего, однако, никогда не повторил в жизни, в живом высказывании, до сегодня оставшись верен психологии продотрядов и ЧОНа. Автор с живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет. Критика сразу отметила что начинающий писатель весьма искусен в литературе, «владеет богатым запа-

сом наблюдений, не скупится на расточение этих богатств» («Жизнь искусства», 1928, №51; и др.). Книга удалась такой художественной силы, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, — но лучший 1-й том, начатый в 1926 г., подан готовым в редакцию в 1927-м; через год же за 1-м был готов и великолепный 2-й; и даже менее года за 2-м подан и 3-й, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда — несравненный гений? Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп.

Слишком много чудес! — и тогда же по стране поползли слухи, что роман написан не тем автором, которым подписан, что Шолохов нашел готовую рукопись (по другим вариантам — дневник) убитого казачьего офицера и использовал его. У нас, в Ростове н/Д, говорили настолько уверенно, что и я, 12-летним мальчиком, отчетливо запомнил эти разговоры взрослых.

Видимо, истинную историю этой книги знал, понимал Александр Серафимович, донской писатель преклонного к тому времени возраста. Но, горячий приверженец Дона, он более всего был заинтересован, чтобы яркому роману о Доне был открыт путь, всякие же выяснения о каком-то «белогвардейском» авторе могли только закрыть печатание. И, преодолев сопротивление редакции «Октября», Серафимович настоял на печатании романа и восторженным отзывом в «Правде» (19 апр. 1928 г.) открыл ему путь.

В стране с другим государственным устройством всё же могло бы возникнуть расследование. Но у нас была в зародыше подавлена возможность такового — пламенным письмом в «Правду» (29.3.29, прилагается к нашей публикации) пяти пролетарских писателей (Серафимович, Авербах, Киршон, Фадеев, Ставский): разносчиков сомнений и подозрений они объявили «врагами пролетарской диктатуры» и угрожали «судебной ответственностью» им — очень решительной в те годы, как известно. И всякие слухи — сразу смолкли. А вскоре и сам непререкаемый Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь.

Впрочем, и по сегодня живы современники тех лет, уверенные, что не Шолохов написал эту книгу. Но, скованные всеобщим страхом перед могучим человеком и его мезьей, они не выскажутся до смерти. История советской культуры вообще знает немало случаев плагиата важных идей, произведений, научных трудов — большей частью у арестованных и умерших (донсчиками на них, учениками их) — и почти никогда правда не бывала восстановлена, похитители воспользовались беспрепятственно всеми правами.

Не укрепляли шолоховского авторитета, не объясняли его темпа, его успеха и печатные публикации: о творческом ли его распорядке (Серафимович о нем: работает только по ночам, так как днем валом валят посетители); о методе ли сбора материалов — «он часто приезжает в какой-нибудь колхоз, соберет стариков и молодежь. Они поют, пляшут, бесчисленно рассказывают о войне, о революции...» (цит. по книге И. Лежнева «Михаил Шолохов», Сов. пис. 1948); о методе обработки исторических материалов, о записных книжках (см. далее нашу публикацию). А тут еще: не хранятся ни в одном архиве, никому никогда не предъявлены, не показаны черновики и рукописи романа (кроме Анатолия Софронова, свидетеля слишком характерного). В 1942 г., когда фронт подошел

к станции Вешенской, Шолохов, как первый человек в районе, мог получить транспорт для эвакуации своего драгоценного архива предпочтительнее перед самым райкомом партии. Но по странному равнодушию это не было сделано. И весь архив, нам говорят теперь, погиб при обстреле.

И в самом «Тихом Доне» более внимательный взгляд может обнаружить многие странности: для большого мастера необъяснимую неряшливость или забывчивость — потери персонажей (притом явно любимых, носителей сокровенных идей автора!), обрывы личных линий, вставки больших отдельных кусков другого качества и никак не связанных с повествованием; наконец, при высоком художественном вкусе места грубейших пропагандистских вставок (в 20-е годы литература еще к этому не привыкла). Да даже и одноразовый читатель, мне кажется, замечает некий неожиданный перелом между 2-м и 3-м томом, как будто автор начинает писать другую книгу. Правда, в большой вещи, какая пишется годами, это вполне может случиться, а тут еще такая динамика описываемых исторических событий. Но вперемежку с последними частями «Тихого Дона» начала выходить «Поднятая целина» — и простым художественным ощущением, безо всякого поиска, воспринимается: это не то, не тот уровень, не та ткань, не то восприятие мира. Да один только натужный грубый юмор Щукаря совершенно несовместим с автором «Тихого Дона», это же сразу дерёт ухо, — как нельзя ожидать, что Рахманинов, сев за рояль, станет брать фальшивые ноты.

А еще удивляет, что Шолохов в течение лет давал согласие на многочисленные беспринципные правки «Тихого Дона» — политические, фактические, сюжетные, стилистические (их анализировал альманах «Мосты», 1970, №15). Особенно поражает его поущение произведенной нивелировке лексики «Тихого Дона» в издании 1953 г. (см. «Новый мир» 1967, №7, статья Ф.Бирюкова): выглажены многие донские речения, так поражавшие при появлении романа, заменены общеупотребительными невыразительными словами. Стереть изумительные краски до серятины — разве может так художник со своим кровным произведением? Из двух матерей оспариваемого ребенка — тип матери не той, которая предпочла отдать его, но не рубить...

На Дону это воспринимается наименее академично. Там не угасла, еще сочится тонкою струйкой память и о прежнем донском своеобразии и о прежних излюбленных авторах Дона, первое место среди которых бесспорно занимал ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ КРЮКОВ (1870-1920), неизменный сотрудник короленьковского «Русского богатства», народник по убеждениям и член I Государственной Думы от Дона. И вот в 1965 г. в ростовской газете «Молот» (13.8.65) появилась статья В. Моложавенко «Об одном незаслуженно забытом имени» — о Крюкове, полвека запретном к упоминанию за то, что в гражданскую войну он был секретарем Войскового Круга. Что именно хочет выразить автор подцензурной пригнетенной газетной статьи, сразу понятно непостороннему читателю: через донскую песню связывается Григорий Мелехов не с мальчишкой-продкомиссаром, оставшимся разорять станицы, но — с Крюковым, пошедшим, как и Мелехов, в тот же отступ 1920 года, досказывается гибель Крюкова от тифа и его предсмертная тревога за заветный сундучок с рукописями, который вот достанется невесть кому: «словно чуял беду, и наверно не напрасно»... И

эта тревога, эта боль умершего донского классика выплыла через полвека — в самой цитадели шолоховской власти — в Ростове-на-Дону!.. И не так-то скоро организовали грубое «опровержение», опять партийный окрик, опять из Москвы — через один год и один день. («Советская Россия», 14.8.66, «Об одном незаслуженно возрожденном имени»).

Конечно, на шестом десятке лет всякое юридическое расследование этой литературной тайны скорее всего упущено, и уже не следует ждать его. Но расследование литературоведческое открыто всегда, не поздно ему произойти и через 100 лет и через 200, — да жаль, что наше поколение так и умрет, не узнав правды.

И я был очень обнадежен, что литературовед высокого класса, назовем его до времени Д*, взялся, между многими другими работами, еще и за эту. Западу, где не принято выполнять никаких работ бескорыстно, будет особенно понятно, что Д* не мог слишком много времени тратить на работу, которая его не кормила. Поймет и Восток хорошо: на работу, которая могла обнаружить Д* и привести к разгрому всей его жизни. Работая урывками, хотя и не один год, Д* сперва вошел в материалы, открыл общий план возможной работы, создал гипотезу о вкладе истинного автора и ходе наслоений от непрошенного «соавтора» и поставил своей задачей отслоить текст первого от текста второго. Д* надеялся окончить работу реконструкцией истинного первоначального авторского текста с пропуском недописанных автором кусков или утерянных в «соавторской переработке».

Увы, он написал лишь то, сравнительно небольшое, что публикуется сегодня здесь — несколько главок, не все точно расставленные на места, с небрежными повторениями, незаполненными пробелами.

В самые последние месяцы тяжелой болезни работа Д* разогнала, и за месяц до смерти он писал мне:

«За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три новые главы, которыми, наконец, завершилась (удовлетворяя) часть историческая. Эти главки нужно сейчас только подтесать и угладить, к чему, надеюсь, уже помех не будет. Тогда срочно начинаю приводить в порядок часть вторую (поэтику). Исподволь в простом карандаше делаю задуманную реставрацию, пока только композиционную. Фразеологический и лексический отстой сам собою делается после поэтики. Исторический комментарий получает другое назначение. Он будет не так, как я раньше полагал — лишь опорой моего исследования. Он явится необходимым добавлением к самому произведению.

Верю, что к весне завершу задуманное, и, как никогда раньше, понимаю важность именно этой первой части моей работы. Дело ведь не в разоблачении одной личности и даже не в справедливом увенчании другой, а в раскрытии исторической правды, представленной поистине великим документом, каким является изучаемое сочинение. Это дело я уже не могу не довести до конца. Верю, что доведу.

Что касается детектива, то я решил составить краткий конспект этой второй своей книги с приложением собранной документации (библиографии и т.п.), а также и написанных глав — двух. Это, равно как и резюме, будет «Приложением» ввиду кончины автора. В кратком сообщении издателя будет сказано, что есть надежда найти 2-ю часть в завершенном виде. Вдруг мой век продлит-

ся, и эта книга окажется написанной? Посмертно найденная рукопись составит вторую книгу. Таковы планы». Но не только всего этого не выполнил Д*, а умер среди чужих людей, и нет уверенности, что не пропали его заготовки и труды последних месяцев.

В который раз история цепко удержала свою излюбленную тайну. Я сожалею, что еще сегодня не смею огласить имя Д* и тем почтить его память. Однако, придет время.

Но даже по этим, приносимым читателю, разновременным и разночастным осколкам, уже многое ясно. Добросовестному и способному литературоведу открыт путь довести этот замысел до того состояния, о котором мечтал умерший исследователь и которое так необходимо читателям: читать эту великую книгу наконец без сумбурной наслоенности вставок, искажений, опусков — вернуть ей достоинство неповторимого и неоспоримого свидетеля своего страшного времени.

Цель этой публикации — призвать на помощь всех, кто желал бы помочь в исследовании. За давностью лет, за отсутствием вещественных рукописей нынешняя постановка вопроса — чисто литературоведческая: изучить и объяснить все загадки «Тихого Дона», помешавшие ему стать книгой высшей, чем она сегодня есть — загадки его неоднородности и взаимоисключающих тенденций в нем.

Если мы не проанализируем эту книгу и эту проблему — чего будет стоить всё наше русское литературоведение XX века? Неужели уйдут все лучшие усилия его только на казенно-одобренное?

Январь 1974г.

И.Н. Медведева-Томашевская

АНАЛИЗ ПЕРЕД НАПИСАНИЕМ РАБОТЫ

Анализ структуры произведения, его идейной и поэтической сути устанавливает в нем наличие двух, совершенно различных, но сосуществующих авторских начал.

Эталон для отсылки одного от другого устанавливается по первым двум книгам романа, которые в целом принадлежат перу автора — создателя эпопеи.

Здесь характернейшим является поэтическая интерпретация фольклорной темы, определившей самое «сцепление мыслей» (Толстой), т.е. поэтический замысел-образ и героев произведения. Четко выраженным качеством данной исторической хроники является та живая и документальная точность, которая дается хорошим пониманием истории, а здесь и явным, авторским соучастием в событиях и органической связью с изображенным бытом.

Если говорить о духовной сути эпопеи, то здесь наличие несколько расплывчатого, но высокого гуманизма и народолюбия, которые характерны для русской интеллигенции и русской литературы 1890-1910 годов. Что касается политических воззрений, то сепаративизм здесь очевиден, но идея его, если так можно выразиться, размыта, облагорожена поэтическим источником эпопеи, понятиями о свободе, заключенными в фольклоре (исторических песнях). Для

стиля (в узком смысле) характерно соединение бытописательской манеры, ее этнографической достоверности — с импрессионизмом свободной живописности. Своеобразие языка определено органичностью для автора донского диалекта, свободно применяемого как в прямой речи персонажей, так и в авторском слове с умелой ассимиляцией диалектной лексики и фразеологии. Этот народный язык (без малейшего признака нарочитой стилизации) мастерски сочетается с интеллектуальной речью писателя.

Применение эталона поэтики автора легко отслаивает речь «соавтора», не имеющую ни одного из перечисленных признаков (а потому и не могущую быть принятой, как авторская).

Сочинения «соавтора» разительно отличаются от написанного автором-создателем. Для сочиненного «соавтором» прежде всего характерна полная независимость от авторского поэтического замысла-образа, причем никакое другое поэтическое «сцепление мыслей» не перекрывает этого исконного замысла. Здесь нет поэтики, а есть лишь отправная, голая политическая формула, из которой исходит «соавтор» в своих сюжетах и характеристиках. Эта формула (великие идеи коммунизма в России должны уничтожить косный сепаратизм) — прямо противоположна мыслям автора-создателя.

В той мере, в какой автор является художником, — «соавтор» — публицистом-агитатором. «Соавтор» не изображает события, а излагает их, не живописует движение мыслей и чувств героев, а оголенно аргументирует. Язык «соавтора», даже безотносительно к своеобразию лексики и фразеологии автора, — отличается бедностью и даже беспомощностью, отсутствием профессиональных беглости и грамотности. Характерно, что в своей попытке стилизоваться под автора «соавтор» особенно выдает себя. Он не владеет диалектом, а тем самым персонажи его говорят на каком-то вымученном языке, в состав которого входят и диалектные речения, характерные для быта и газетной литературы 1920-1930 гг. Стилизуя описания природы и обстановки под описательные эскизы автора, «соавтор» зачастую создает нечто карикатурно безграмотное или нелепое, а главное — не имеющее связи с героями и событиями, меж тем как у автора эти картины являются своеобразной символикой происходящего. «Соавтор» настолько не задумывается над своей фразеологией, что даже когда цитирует народные речения или поговорки, не может их переосмыслить или перевирает их. Уникальная коллекция «соавторских» безграмотностей занимает в данном исследовании ряд страниц, чтение которых дает полное представление о литературной беспомощности «соавтора». Таковы данные — результат анализа текста.

В части текста, принадлежащего автору-создателю, анализ приводит к следующим выводам:

Книги первая и вторая представляют собой свершенную часть романа, дошедшую до нас, однако, с некоторыми изъятиями (несколько глав), о чем можно судить по некоторым лакунам в ходе повествования, в целом отличающегося медленным и глубоко взятым разворотом эпическим. Наряду с лакунами в тексте повествования имеются и вставные главы, сюжеты, персонажи и стиль которых резко выделяются на фоне основных глав, как текст инородный, автору не принадлежащий.

Ряд основных, наиболее впечатляющих и художественно полноценных глав и фрагментов третьей и четвертой книг романа также принадлежат автору-создателю, из чего следует, что историческая хроника событий охватывает время 1911 — начало 1920-х гг. Однако метод обработки этих глав, монтаж третьей и четвертой книг, сделанный «соавтором», свидетельствует о том, что в руках его были лишь отдельные куски, наброски и материалы из принадлежащего замыслу, который полностью осуществлен не был. О том, что связующие звенья и вся финальная часть романа написаны «соавтором», говорит редкий разницей между главами, катастрофическая непоследовательность написанного «соавтором», в отношении к основному поэтическому замыслу-образу. Непоследовательность эта исказила художественный замысел всей эпопеи.

Необходимость монтировать произведение (все его части) в соответствии с иной идеологией, противоположной идее автора-создателя, побудила «соавтора» ко многим изъятиям и вставкам, а следовательно не только к сочинительству, но и к использованию накопленных ценнейших материалов исторической хроники, связанных с местным бытом, событиями русско-германской войны, двух революций и гражданской войны. Однако ни изъятия, ни вставки не лишили произведения того «сцепления мыслей», которое в художественном создании выражено не прямыми высказываниями, а всем изображением в целом.

Деятельность «соавтора», как выясняет анализ текста, заключалась в следующем:

а) в редактировании (идейном) авторского текста, с изъятиями глав, страниц, отдельных строк, не соответствующих идейной установке «соавтора», б) во вклинивании в текст ряда глав собственного («соавторского») сочинения, составившего в романе особую идеологическую зону, в) в компиляции глав и фрагментов авторского текста путем скрепления их текстом соавторского сочинения, г) в использовании в соавторском тексте материалов автора (исторических документов и сводок событий, а также различных записей-заготовок).

<...>

Детективная часть данного исследования прямо вытекает из аналитической. Причем, дальнейший розыск определяется безусловными факторами. Здесь выясняется, что первые две книги, наиболее сложные: по наблюдениям психологическим, по работе над исторической документацией (ход и обстоятельства войны с Германией, развала фронта и причин обеих революций), а также по предварительному изучению быта, этнографических и фольклорных данных и изучению диалекта — написаны в срок меньший, чем два года. Это со всей подготовительной работой! Причем написаны и подготовлены не многоопытным литератором, а юношей в возрасте 20-22 лет (рожд. 1905 г.). Думается, что эти сведения, свидетельствующие о сверхгениальности, достаточно хороший толчок к дальнейшим розыскам детективного характера.

Источник: Загадки и тайны «Тихого Дона»: Итоги независимых исследований текста романа. 1974-1994. Самара: Р.С. пресс, 1996.

Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996)

Литературовед, критик, пародист, доктор филологических наук.

Основная сфера интересов: русская литература 19 и 20 вв. Книги: «О мастерстве Маяковского» (1953), «Самое трудное» (1963), «А.П. Чехов» (1964), «Записные книжки Чехова» (1976), «Единое слово» (1983), «Стрелка искусства» (1986), «Музыка играет так весело» (1990) и др.

В начале 70-х годов после опубликования в «Октябре» романа В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» в Самиздате ходили пародии З. Паперного («Чего же он кочет?», «Чего же ты хочешь?»).

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОХОЧЕШЬ?

Советская девушка Лера Васильева вышла замуж за итальянца Спада, тезку Муссолини. Вначале ее муж назвался просто Бенном, и она, ни о чем не подозревая, поехала с ним в Италию к Бениной матери. Все там было не как в Москве. В магазинах были товары. Это было пугающе непривычно. «Что-то тут не так», — насторожилась Лера.

Антонин Свешников писал картины стилем рюс.

— Мистер Свешников, — спросил его один иностранец, — вас устраивает метод соцреализма?

— Нет! — ответил Свешников, густо окая.

У рабочего человека Феликса Самарина не было конфликтов отцов и детей с отцом.

— Давай, отец, потолкуем, — сказал сын.

— Изволь, — согласился отец, — но только если о заветном. Размениваться на пустячки не намерен. Что тебя заботит, сынок?

— Две заботы сердце гложут, — чистосердечно признался Феликс, — германский реваншизм и американский империализм. Тут, отец, что-то делать надо. И еще одна закавыка. Давно хотел спросить. Скажи, пожалуйста, был тридцать седьмой год или же после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой?

— Тридцать седьмой! Это надо же! — уклончиво воскликнул отец. Его взгляд стал холодней, а глаза потептели.

— Уравнение с тремя неизвестными, — сказал он молча, — икс, игрек, зек.

Оборудованный по последнему стону запкаптехники шпион-фургон был рассчитан на демонтаж советской идеологии, психологии и физиологии. В нем ехали:

германский немец штурмбанфюрер Клауберг, хитро сменивший свою фамилию на Клауберга же, итальянский русский Карадонна-Сабуров, Юджин Росс и — многоразнопестроликонациональная мисс Порция Браун.

Росс — это бокс, Браун — это секс. Она была крупнейшей представительницей модного сейчас на Западе сексистенциализма. Ее постель имела рекордную пропускную способность. В сущности, это была не постель, а арена яростной борьбы двух миров. Мисс Порция Браун не просто отдавалась — она навела мосты.

Наш выдающийся (в правую сторону) писатель Василий Булатов приехал в ихнюю Италию. Булатов был даже не инженер, а офицер человеческих душ. Ему было мало их изваевывать — он хотел их завоевывать.

— Зовите меня просто Сева, — удивительно просто и демократично сказал Василий Петрович Булатов Лере Васильевой. «Он похож на горного кочета, расправляющего свои орлиные крылья, — подумалось Лере Васильевой, и что-то где-то в ней радостно екнуло. — А как просто держится: вот уж ни за что не скажешь, что талантливый».

Порция Браун приступила к работе.

— Можно я буду вас звать просто Фелей? — тихо спросила она, прижимаясь к Феликсу Самарину бедром со вделанным микрофончиком.

— Я назван Феликсом в честь железного Феликса, — наотмашь отрубил Феликс.

Порция прикусила свой лживый язычок, в ее бедре что-то щелкнуло.

— Опять короткое замыкание, — грубо выматерилась мисс на одном из иностранных языков. Ей, космополитке, было все равно на каком.

Василий Булатов был человек слова. И дела. Его девизом было «Слово и дело». Он помог Лере Васильевой вернуться домой из итальянской глуши. Взволнованная, она ходила по московским улицам.

— Ну и что с того, что в магазинах нет товаров, — спорила она с Бенито, — но ведь нету наших советских товаров, а не их показной трухи.

Стоило Василию Булатову столкнуться с людьми с законченным высшим образованием — его жизнь становилась невыносимой: сразу же насмешки, желание сказать ему побольней, покомпрометационней. Если бы не встречи с неискушенным в литературе читателем — совсем бы пропал.

Людей он называл ласково-уменьшительно: винтики. Себе отводил роль отвертки. Вернее — завертки.

Булатов не терпел Булатов — тех, что бренчат о последних троллейбусах.

— Ну почему последний? — искренно недоумевал он под одобрителный гул и сочувственный хохот рабочего класса. — Что у нас, троллейбусов мало, что ли?

Булатов неудержимо рвался в будущее. Его любимым выражением было: осади вперед!

Антонину Свешникову стало душно в стиле рюс, и он, порвав со своим рюским прошлым, написал широкоформатное полотно — рабоче-крестьянская мать. Счастливая, она родила двойню: рабочего и крестьянина.

— Как вы назовете вашу картину? — ехидно спросил его один иностранец.

— Гегемона Лиза! — с ходу рубанул Свешников.

А между тем мисс Порция Браун, как все враги, не дремала. На этот раз она

собрала в комнате Ии советских парней и девушек и с маху бросилась в диверсию. Испытанное средство: индивидуальный половой террор. Напоив гостей антисоветским джином, мисс начала раздеваться под ритмично и мелодично растлевающую молодые и неопытные души музыку.

— Разрешите стриптиз считать открытым, господа! — весело закричала мисс, привычно расстегивая пуговицы на блузке из поддельной искусственной ткани.

— Товарищи! — раздался голос Ии. — За что боролись? Наша правда выше голых фактов. Порция неотвратно расстегивала блузку.

— Товарищи! Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои! — набатно гремел голос Ии. — Вспомним взятие Зимнего, раскулачивание кулака, обеднячивание бедняка, пять в четыре, мир во всем мире...

Но мисс Порция Браун уже выходила за пределы своей юбки. Еще минута, и наши парни и девушки увидят то, чего...

«Скорей! К своим! Этого не должен увидеть каждый!» — задыхалась Ия.

...Узнав, в чем дело, Феликс посерел, осунулся и возмужал. Когда он, только что вышедшая за него замуж Лера Васильева и Ия ворвались в стриптизную, раздевалась девица с лошадиным лицом, не понимая, что она троянский конь мировой реакции. Ее белье лежало на полу как белый флаг политической капитуляции.

Да, Порция Браун честно отработывала свой хлеб, свою порцию, или, по-нашему, пайку.

— Караул устал ждать, — произнес Феликс сурово, но грозно.

Заливаясь слезами, мисс стала одеваться.

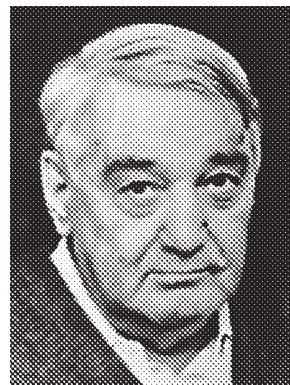
Такого поражения многие годы не знал Пентагон.

— Прости, отец, опять я к тебе, — сказал Феликс, входя. — Так как же все-таки — был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

Не был, — ответил отец отечески ласково, — не был, сынок. Но будет...

Источник: З. Паперный. Музыка играет так весело. М.: Советский писатель, 1990.

Гумилев
Лев Николаевич
(1912–1992)

Историк, географ, востоковед.

Сын великих поэтов «Серебряного века» А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева. Арестован в 1934 г. после убийства Кирова и отправлен в ГУЛАГ. Второй арест последовал в 1937 г. Во время войны воевал в штрафбатах. В 1949 г. вновь арестован. Освобожден в 1956 г. Доктор исторических (1961) и географических (1974) наук. Создатель теории этногенеза – учения о человечестве и этносах как биосоциальных категориях, развивающихся по определенным законам, управляемым биоэнергетической доминантой, названной им пассионарностью.

Переработанная докторская диссертация Л. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» в 1979 г. была депонирована в ВИНТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации), что формально приравнивалось к публикации, так как любой гражданин мог заказать себе за деньги (и не малые) ксерокопию депонированного текста. Копии этих текстов и попали в Самиздат, пока через десять лет не появились в открытой печати.

Основные произведения:

«Этногенез и биосфера Земли» (1989).

«Древняя Русь и Великая степь» (1989).

ЭТНОГЕНЕЗ И БИОСФЕРА ЗЕМЛИ

Часть шестая **ПАССИОНАРНОСТЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ**

XXII. Этногенез или «фактор икс»

Вот он, «фактор икс»!

<...>

Под психологией на организменном уровне ныне понимают физиологию высшей нервной деятельности, с учетом гормональных воздействий, которая проявляется в поведении людей. Индивидуальная психология часто интегрируется в системы высших порядков: социальную и этническую психологию, но при нашей постановке вопроса размеры системы дела не меняют. Поэтому для нашего анализа безразличны мотивации поступков отдельных людей, ибо из них слагаются этнические стереотипы поведения.

Этнопсихология в отличие от психологии изучает мотивы поведения сис-

тем на популяционном уровне, т.е. на порядок выше организменного, который тоже система, и достаточно сложная. В прямом наблюдении этнопсихология для нас недоступна, но ее функция — этническое поведение легко воспринимаемо и ощущаемо.

Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности»[1]. Потребности человека поддаются классификации, для коей предложено много ступеней дробности, нам не нужных [2]. Для целей нашего анализа целесообразно ограничиться делением на две группы, имеющие разные знаки. Первая — это комплекс потребностей, обеспечивающих самосохранение индивидуума и вида — «потребности нужды»; вторая — мотивы иного рода, благодаря которым происходит интеллектуальное освоение непознанного и усложнение внутренней организации — «потребности роста»[3], то, что Ф.М. Достоевский описал в «Братьях Карамазовых» как «потребность познания», ибо «тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить», и при этом «устроиться непременно всемирно», потому что человеку нужна общность идеалов — то, что мы бы назвали этнической доминантой. Но ведь последняя не возникает сама по себе, а появляется и меняется вместе с фазами этногенеза, т.е. является функцией искомого «фактора икс». Теперь мы почти у цели.

Условия, в которых начинаются процессы этногенеза, весьма варианты. Но вместе с тем всегда наблюдаются более или менее единообразное их дальнейшее протекание, иногда нарушаемое внешними воздействиями. Если же мы, стремясь вскрыть глобальную закономерность, используем постоянную фазовую схему процесса и пренебрежем внешними точками как случайными помехами, то неизбежно придем к выводу о наличии единой причины происхождения всех этносов на земном шаре. Это будет тот самый «фактор икс», который следует вынести за скобки как искомый инвариант.

Чтобы убедиться, что нами обнаружена именно та величина, которая является импульсом этногенеза, мы должны показать, что при учете ее укладываемся в одну схему три отмеченные выше классификации: а) этнологическая, учитывающая деление на «антиэгоистов» и «эгоистов»; б) географическая, описывающая отношение к ландшафту и с) историческая, характеризующая закономерное умирание этнического сообщества, прошедшего фазы подъема и упадка. Совпадение трех линий корректирует правильность предложенной концепции и раскрытия «фактора икс».

Станем на путь «эмпирического обобщения». Посмотрим, какой момент присутствует во всех началах этногенеза, как бы разнообразны они ни были. Как мы видели, формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов неодолимого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни [4]. Такое, безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак. Он может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со

средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, описанных в психологии. Этот признак до сих пор никогда и нигде не описывался и не анализировался. Однако именно он лежит в основе антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, преобладают над жадной жизнью и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы.

Особенность, порождаемую этим генетическим признаком, видели давно; больше того, этот эффект даже известен как страсть, но в повседневном словоупотреблении так стали называть любое сильное желание, а иронически — просто любое, даже слабое влечение. Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин — *пассионарность* [5] (от лат. *Passio, ionis, f.*), исключив из его содержания животные инстинкты, стимулирующие эгоистическую этику и капризы, являющиеся симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя *пассионарность*, конечно, — отклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое. В дальнейшем мы уточним содержание понятия «*пассионарность*», указав на ее физическую основу.

Ф. Энгельс о роли страстей человеческих

Энгельс ярко описывает силу страстей человеческих и их роль в истории: «...цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства» [6].

Эта мысль пронизывает ткань работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он указывает, что именно «алчное стремление к богатству» привело к возникновению антагонистических классов [7]. Говоря о падении родового строя в обществе (в том обществе, где функционирующие этносы находятся, по нашему мнению, в фазе гомеостаза), Энгельс писал: «Власть этой первобытной общности должна быть сломлена, — и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми нового цивилизованного классового общества; самые гнусные средства-воровство, насилие, коварство, измена-подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели» [8].

Так смотрел Энгельс на прогрессивное развитие человечества. Алчность же — эмоция, коренящаяся в сфере подсознания, функция высшей нервной деятельности, лежащая на грани психологии и физиологии. Равноценными эмоциями являются жадность, страсть к наслаждениям, скардность, корысть, упоминаемые Энгельсом, а также властолюбие, честолюбие, зависть, тщеславие. С обывательских позиций, это «дурные чувства», но с философских — «дурными» или «хорошими» могут быть только мотивы поступков, причем сознательные и свободно выбранные, а эмоции могут быть только «приятными» или «неприятными», и то смотря какие поступки они порождают. А поступки могут быть и бывают самые различные, в том числе объективно полезные для коллектива. Например, тщеславие заставляет артиста добиваться одобрения аудитории и тем совершенствовать свой талант. Властолюбие стимулирует активность политических деятелей, подчас необходимую для государственных решений. Жадность ведет к накоплению материальных ценностей и т.д. Ведь все эти чувства — модусы пассионарности, свойственной почти всем людям, но в чрезвычайно разных дозах. Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию.

Столь же категорично высказывался и Гегель в своих лекциях по философии истории: «Мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, — то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершается без страсти» [9].

В цитированном описании социопсихологического механизма, несмотря на всю его красочность, есть немаловажный дефект. Гегель сводит страсть к «интересу», а под этим словом в XIX в. понималось стремление к приобретению материальных благ, что заранее исключает возможность самопожертвования. И не случайно, что некоторые последователи Гегеля стали исключать из мотивов поведения исторических персон искренность и бескорыстную жертвенность ради предмета своей страсти. Такая вульгаризация, к сожалению, ставшая общим заблуждением, вытекает из нечеткости формулировки немецкого философа.

Но классики марксизма преодолели этот рубеж. В ответ на воинствующую банальность филистеров, усмотревших во всех поступках людей только бескрылый эгоизм, они выдвинули концепцию опосредованной детерминированности, оставляющей место разнообразию проявлений человеческой психики.

Вспомним еще раз, что писал Ф. Энгельс в письме к И. Блоху от 21-22 сентября 1890 г.: «согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстракт-

тную, бессмысленную фразу» [10]. Да, идеи — это огни в ночи, манящие к новым и новым свершениям, а не вериги, сковывающие движения и творчество. Уважение к предшественникам состоит в том, чтобы продолжить их подвиг, а не забывать о том, что они сделали и для чего.

XXIII. Образы пассионариев

Наполеон

Поручик артиллерии Наполеон Бонапарт в молодости был беден и мечтал о карьере. Это банально, и потому понятно. Благодаря личным связям с Огюстеном Робеспьером он был произведен в капитаны, после чего взял Тулон и, став в результате этого генералом, в октябре 1795 г. подавил мятеж роялистов в Париже. Карьера его была сделана, но богатства она ему не принесла, равно как и брак с красавицей Жозефиной Богарне. Однако уже итальянская кампания сделала Бонапарта богачом. Так что остальную жизнь он мог бы прожить не трудясь. Но что-то потянуло его в Египет, а потом толкнуло на стремительный риск 18-го брюмера. Что? Властолюбие, и ничто иное! А когда он стал императором французов, разве он успокоился? Нет, он принял на себя непомерную тяжесть войн, дипломатии, законодательной работы и даже предприятий, которые отнюдь не диктовались истинными интересами французской буржуазии, вроде испанской войны и похода на Москву.

Конечно, Наполеон всякий раз по-разному объяснял мотивы своих поступков, но действительным источником их была неуемная жажда деятельности, не оставившая его даже на острове Св. Елены, где он написал свои мемуары только потому, что не мог находиться без дела. Для современников стимул деятельности Наполеона оставался загадкой. И недаром парижские буржуа приветствовали русскую армию, вступавшую в Париж в 1814 г., возгласами: «Мы не хотим войны, мы хотим торговать».

И действительно, король-буржуа Луи Филипп, выполнявший социальный заказ растущего французского капитализма, прекратил ставшую традицией войну с Англией и перенес деятельность своих воинственных подданных в Алжир, ибо это было выгоднее, безопаснее и не затрагивало большинства французов, желавших мира и покоя. Но почему Наполеон после Амьенского мира не поступил так же? Поскольку он был не Луи Филипп, то парижские лавочники не могли ему ничего приказать. Они только удивлялись, зачем император вечно стремится воевать. Точно так же Александра Македонского не понимали даже его «друзья», как называли ближайших сподвижников царя-завоевателя.

Александр Македонский

Александр Македонский имел по праву рождения все, что нужно человеку: пищу, дом, развлечения и даже беседы с Аристотелем. И тем не менее он бросился на Беотию, Иллирию и Фракию только потому, что те не хотели помогать ему в войне с Персией, в то время как он якобы желал отомстить за разру-

шения, нанесенные персами во время греко-персидских войн, о которых успели забыть сами греки [11]. А потом, после победы над персами, он напал на Среднюю Азию и Индию, причем бессмысленность последней войны возмутила самих македонян. После блестящей победы над Пором «те, кто посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что они не пойдут за Александром...» (Арриан. V. 26). Наконец, Кен, сын Полемократа, набрался смелости и сказал: «Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло с тобой и сколько осталось. Эллины, поселенные в основанных тобой городах, и те остались не совсем добровольно... Одни погибли в боях, другие... рассеялись кое-где по Азии. Еще больше умерло от болезней; осталось немного, и у них уже нет прежних сил, а духом они устали еще больше. Все, у кого еще есть родители, тоскуют о них; тоскуют о женах и детях, тоскуют по родной земле, и тоска по ней прощительна им: они ушли бедняками и теперь, поднятые тобой, они жаждут увидеть ее, став видными и богатыми людьми. Не веди солдат против их воли» (Арриан. V. 27). Это точка зрения умного и делового человека, учитывающего и выражавшего настроения войска. Нельзя не признать, что по всем соображениям реальной политики Кен был прав, но не его разум, а иррациональность поведения Александра сыграла важную роль в возникновении того явления, которое мы называем «эллизм» [12] и роль которого в этногенезе Ближнего Востока не вызывает никаких сомнений.

В этой связи для нас любопытна речь самого царя, доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход. Перечислив свои завоевания, Александр заявил: «Людам, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: сохранять свою землю и только отгонять от нее соседей... которые нам враждебны?» (Арриан. V. 26-27). Вот программа человека, ставящего славу выше собственного благополучия и интересов своей страны. При этом «сам он пренебрегал удобствами, на деньги для собственных удовольствий был очень скуп, но благодеяния сыпал щедрой рукой» (Арриан. VII. 28). И пирушки он, по словам очевидца Аристубула, устраивал ради друзей, а сам пил мало (Арриан. VII. 29). Да ведь ради удовольствия на войну не ходят! А его солдатам совсем не хотелось воевать с индусами, тем более что награбленное добро при тех средствах транспорта было невозможно доставить домой. Однако они воевали, да еще как!

Вряд ли стоит искать причину, толкнувшую македонского царя в поход, в стремлении к приобретению рынков для торговых городов или к уничтожению финикийской конкуренции. Афины и Коринф, которые только что были покорены силой оружия, продолжали оставаться врагами Македонии, а жертвовать собой ради врага уж вовсе бессмысленно. Так что мотивы поведения Александра приходится искать в его собственном характере. Два качества, доведенные до крайности, отмечают у Александра и Арриан, и Плутарх: честолюбие и гордость, т.е. проявления описанной нами пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для победы, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну, которая была им не нужна

<...>

- [1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 245.
- [2] Подробнее см.: Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975. С. 27-29
- [3] Там же.
- [4] Подробнее см.: Гумилев Л.Н. 1) Этногенез и этносфера //Природа. 1970. № 1. С. 46-56; № 2. С. 43-50; 2) Этногенез — природный процесс //Там же. 1971. № 2. С. 80-82.; 3) О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии //Вестник ЛГУ. 1970. № 24. С. 39-49.
- [5] Английский эквивалент термина drive (см.: Soviet Geography. 1973. Vol. XIV. № 5. P. 322).
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 176.
- [7] Там же. С. 165.
- [8] Там же. С. 99.
- [9] Гегель Ф. Соч.; В 14 т. Т. 8. М., 1935, С. 23.
- [10] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394
- [11] Арриан. Поход Александра /Пер. М. Е. Сергиенко. М.; Л., 1962. II. 14.4; III. 18.12 — Далее сноски на это издание даются в тексте.
- [12] Эллинизмом принято называть культуры, возникшие вследствие походов Александра, где эллинские элементы смешались с восточными.

Источник: Библиотека Gumilevica (<http://gumilevica.kulichki.net>)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ПРОЗА

Аксенов
Василий Павлович
(Род. 1932)

Врач, писатель.

Родился в Казани в 1932 г. в семье секретаря горкома ВКП(б), репрессированного в 1937 г. Школу заканчивал в Магадане, где после десятилетнего заключения отбывала ссылку его мать – Евгения Гинзбург, автор одних из наиболее распространенных в Самиздате мемуаров «Крутой маршрут» (см. т. 1, кн. 1, стр. 375). После окончания в 1956 г. медицинского института некоторое время работал врачом.

После издания повестей «Коллеги» (1960) и «Звездный билет» (1961) становится профессиональным литератором. В конце 60-х выходит шокировавшая советскую публику повесть «Затоваренная бочкотара».

Вскоре после скандала, инспирированного руководством Союза писателей вокруг альманаха «Метрополь» (стр. 306), во время пребывания в США по приглашению в 1980 г. лишен советского гражданства. В США издательством «Ардис» были опубликованы книги «Ожог», «Золотая наша железка», «Остров Крым», «Бумажный пейзаж», «Скажи изюм», широко ходившие в СССР.

«Остров Крым» роман-утопия: Крым не полуостров, а остров, который большевики не сумели освободить от белых, где существует независимое и процветающее капиталистическое государство. Приключения главного героя – журналиста Андрея Лучникова – в Крыму, в Европе и СССР и составляют главную канву романа. Впервые издан в СССР: Москва, «Огонек» «Вариант», Советско-британская творческая ассоциация, 1990.

Живет Аксенов в США.

ОСТРОВ КРЫМ

Любопытный эпизод

Марлен Михайлович Кузенков тоже видел в тот вечер на телеэкране комментатора Татьяну Лунину, но она не произвела на него столь оглушительного впечатления, сколь на впечатлительного артиста Виталия Гангута. Просто понравилась. Приятно видеть, в самом деле, на телеэкране хорошо отдохнувшую, мило одетую женщину. Марлен Михайлович полагал, что и всему народу это приятно, за исключением совсем уже замшелых «трезоров», принципиальных противников эпохи телевидения. Между тем симпатичные лица на экране не вредны, напротив, полезны. Сейчас можно иной раз на улице или в театре заметить лицо, не отягощенное социальными соображениями. На месте товарищей

из телевидения Марлен Михайлович активно привлекал бы в свою сеть такие лица и не только по соображениям агитационным, как некоторым верхоглядам может показаться, но и ради глубоких исторических сдвигов в стране. Такие лица могут незаметно, год за годом, десятилетие за десятилетием, изменять психологическую структуру населения.

Эта мысль о лицах промелькнула в голове Кузенкова, пока он смотрел на Таню, но не исчезла навсегда, а зацепилась где-то в спецхране его мозга для будущего использования. Таким свойством обладал Марлен Михайлович — у него ничего не пропадало.

Он, конечно, еще утром узнал, что Таня вернулась из Крыма. Больше того, он уже знал, конечно же, что она в Коктебеле встретилась с Андреем Лучниковым и провела с ним два дня, то есть двое суток, в треугольнике Феодосия — Симферополь — Ялта. Материалы по этой встрече поступили на стол Марлена Михайловича, смеем вас уверить, раньше «телеги» в первый отдел Госкомитета по спорту и физвоспитанию. Такая уж у Марлена Михайловича была работа — все знать, что касается Крыма. Не всегда ему и хотелось все знать, иногда он, секретно говоря, даже хотел чего-нибудь не знать, но материалы поступали, и он знал все. По характеру своей работы Марлену Михайловичу Кузенкову приходилось «курировать» понятие, именуемое официально Зоной Восточного Средиземноморья, то есть Остров Крым.

«Итак, она здесь, а он еще в Симфи», — прикинул Кузенков, когда заглянул в комнату, где жена и дети расселись вокруг телевизора в ожидании какого-то очередного фестиваля песни «Гвоздика-79», или «80», или на будущее — «84».

Предстоящий маршрут Лучникова был ему приблизительно известен: Париж, Дакар, Нью-Йорк, кажется, Женева, потом опять Париж, — однако зигзаги этой персоны нельзя было предвидеть, и никто не смог бы поручиться, что Андрей завтра не забросит все дела и не прикатит за Татьяной в Москву. Кажется, у него еще не истекла виза многократного использования. Завтра нужно будет все это уточнить.

«Да перестань же ты, Марлен, все время думать о делах, — одернул себя Кузенков. — Подумай обо всем об этом с другого угла. Ведь Лучников не только твой объект, но и друг. Ведь этот, как вы его называете между собой, ОК, то есть Остров ОКЕЙ, не только «политический анахронизм», но и чудесное явление природы. Тебе ли уподобляться замшелым «трезорам», которые, по тогдашнему выражению, «горели на работе», а проку от которых было чуть, одна лишь кровь и пакость. Ты современный человек. Ты, взявший имя от двух величайших людей тысячелетия».

Сегодня днем на улицах Москвы с Марленом Михайловичем случился любопытный эпизод. Вообще-то по своему рангу Марлен Михайлович мог бы и не посещать улиц Москвы. Коллеги его уровня, собственно говоря, улиц Москвы не посещали, а только с вяловатым любопытством взирали во время скоростных перемещений из дачных поселков на Старую площадь, как за окнами «персоналок» суетятся бесчисленные объекты их забот. Марлен Михайлович, однако, считал своим долгом поддерживать живую связь с населением. У него была собственная машина, черная «Волга», оборудованная всякими импортными штучками из сотой секции ГУМа, и он с удовольствием ее водил. Ему было слегка за пятьде-

сят, он посещал теннисный корт «Динамо», носил английские твидовые пиджаки и ботинки с дырочным узором. Эти его вкусы не полностью одобрялись в том верховном учреждении, где он служил, и он это знал. Конечно, слово «международник» выручало — имеешь дело с буржуазией, нужна дымовая завеса, — но Марлен Михайлович отлично знал, что ниже этажом по его адресу молчат, а на его собственном этаже кое-кто иногда с легкой улыбкой называет его «теннисистом» и острит по поводу имени Марксизм-Ленинизм — этот вкусовой экстремизм конца двадцатых вызывает сейчас понятное недоверие у аппарата, ибо попахивает левым уклоном в корнях, — а выше этажом тоже молчат, но несколько иначе, чем внизу, пожалуй, там молчат со знаком «плюс-минус», в котором многообещающий крестик все-таки превалирует над уничтожающим тире. Вот это-то верхнее молчание и ободряло Кузенкова держать свою марку, хотя временами приходилось ему и показывать товарищам кое-какими внешними признаками, что он «свой» — ну, там, матюкаться в тесном кругу, ну, демонстрировать страсть к рыбалке, сдержанное почтение к генералиссимусу, то есть к нашей истории, интерес к «деревенской литературе», слегка деформировать в южную сторону звуки «г» и «в» и, конечно же, посещать... хм... гм... замнем для ясности, товарищи... ну, в общем, финскую баню. Тут следует заметить, что Марлен Михайлович ни на йоту не кривил душой, он был действительно своим в верховном учреждении, на все сто своим, а может быть, и больше чем на сто. Так, во всяком случае, предполагали психологи этажом выше, но им не дано было знать о некоторых «тайниках души» Марлена Михайловича, о которых он и сам хотел бы не знать, но откуда иногда выскакивали на поверхность, всегда неожиданно, тревожные пузыри, объясняемые им, заядлым материалистом-диалектиком, наличием присутствия малого тайничка в анкете. Об этом-то последнем Марлен Михайлович знал прекрасно, но молчал, ну, хотя бы потому, что не спрашивали, и только лишь гадал: знают ли о нем те, кому все полагается знать? Так по необходимости, вихляясь и оговариваясь в короткой нашей презентации Марлена Михайловича Кузенкова, мы подходим, наконец, к упомянутому уже «любопытному эпизоду» на улицах Москвы.

Отыграв свою партию в теннис с генералом из штаба стратегической авиации, Марлен Михайлович Кузенков вышел на Пушкинскую улицу. Красавица его «Волга» была запаркована прямо под знаком «Остановка запрещена», но ведь любой мало-мальски грамотный милиционер, глянув на номер, тут же поймет, что эта машина неприкосновенна. Тем не менее, как только он подошел к своей красавице — нравилась она ему почему-то больше всех «мерседесов», «порше» и даже крымских «руссо-балтов», — как тут же с противоположной стороны к нему стал приближаться милиционер. Кузенков с улыбкой его ждал, уже представляя себе, как отвалится у нерасторопного служаки челюсть при виде его документов.

— Я извиняюсь, — сказал пацан лет двадцати с сержантскими погонами. — У вас литра три бензина не найдется? Мне только до отделения доехать.

— Пожалуйста, пожалуйста, — улыбнулся Марлен Михайлович. — Бак полный. Только уж вы сами берите, сержант, у меня и шланга-то нету.

Этот пустяковый вроде бы контакт с населением Москвы, точнее, с ярким его представителем в милицейской форме, доставил Марлену Михайловичу

значительное удовольствие. Он представил себе, как вытянулись бы лица соседей по этажу, если бы они узнали в обыкновенном водителе, предоставлявшем свой бак какому-то сержантику, человека их «уровня». Эх, аппаратчики, аппаратчики, вот, может быть, главная наша беда — потеря связи с улицей. На это уже и Владимир Ильич нам указывал.

Сержант принес бачок и шланг с грушей специально для отсоса. Он копошился возле «Волги», но дело шло туго: то ли шланг был с дыркой, то ли сержант что-то делал не так, только бензин вытекал каплями, а временами и вовсе переставал появляться на поверхности.

— Ничего-ничего, — ободрил юного центуриона Марлен Михайлович. — Не спешите. Попробуйте ртом.

Между тем мимо текла по тротуару толпа, и Кузенков, чтобы не терять времени, стал ее наблюдать. В поле его зрения попала странная парочка: шли две эпохи, одна из эпох вцепилась в другую. Бледный неопрятный старик в обвисшем пиджаке с орденскими планками волокся за длинноволосым джинсовым парнем. Правой рукой старик тащил авоську с убогими продуктами, левой с силой оттягивал назад джинсовый рукав.

— Сорок лет! — орал старик кривым ртом. — Сорок лет сражаюсь за социализм! За наши идеалы! не позволю! Айда, пошли, пройдем!

— Отвали, отец, — пониженным голосом говорил длинноволосый. — Не базарь. Оставьте меня в покое.

Он явно не хотел привлекать внимания прохожих и силой освобождать свой рукав. Он, видимо, чувствовал, что старик будет виснуть на нем и орать еще сильнее, если он применит сейчас молодую превосходящую силу, и вся ситуация тогда быстро покатится к катастрофе. С другой стороны, он, кажется, понимал, что и увещаниями старика не проймешь и дело все равно принимает катастрофический уклон.

Короче говоря, этот типичный молодой москвич был растерян под напором типичного московского старика.

— Не оставляю в покое! — орал старик. — Никогда в покое врага не оставлял. Сейчас тебя научат, как агитировать! Пошли в опорный пункт! Давай пошли куда следует!

Задержать внимание московской толпы довольно сложно. Хмурые люди проходили мимо, как будто вовсе не замечая ни унижительной позиции молодого человека, ни рычащей атаки старика. Однако выкрики старого бойца становились все более интригующими, кое-кто оборачивался, даже задерживал шаги.

Кузенков тогда, не отдавая себе отчета и подчиняясь, видимо, какому-то сигналу из какого-то своего тайника, взошел на мостовую и остановил движение странной парочки.

— Что здесь происходит? — протокольным голосом обратился он к старику. — Вы почему мешаете гражданину прогуливаться?

Фраза получилась в зощенковских традициях, и он слегка улыбнулся. Старик опешил, запнулся на полуслове, увидев тяжелую машину, присевшего рядом с ней сержанта милиции, а главное, увидев прохладную усмешечку в глазах непростого товарища. Уловив эти приметы любимой власти, старик потерял на миг координацию и отпустил рукав подозрительного.

— Да вот, видите, ходит по гастроному и шипит, — вконец совладал с собой старик.

— Сами вы шипите, сами шипите, — бездарно оборонялась джинсовая эпоха.

— Почему вы к нему пристааете? — строго, но патронально спросил Марлен Михайлович старика.

— Да вот шипит же, портфель носит, а шипит... мы в лаптях ходили... а он портфель носит... ходит с портфелем по гастроному и шипит... — бормотал старик.

— Не нужно приставать к гражданам, — тем же тоном сказал Марлен Михайлович.

— Товарищ, вы не оценили ситуацию! — отчаянно вскричал старик. — Ведь он там высказывался, что в магазинах нет ничего!

Он весь трепетал, старый дурак в обвисшем пиджаке, под которым была заляпанная чем-то клетчатая рубашка навывпуск, в сандалиях на босу ногу. От него слегка пахло вином, но больше ацетоном и гнилью разваливающегося организма. Землистое с синевой лицо дрожало: придешь тут в отчаяние, если свои тебя не понимают.

— Так и говорил, враг, что в магазинах нет ничего. — Он повернулся, чтобы снова ухватить за рукав длинноволосого, в джинсах и с портфельчиком врага, но того, оказывается, уже и след простыл. Марлен Михайлович, между прочим, тоже не заметил, как испарился смельчак-критикан.

— А что, разве в магазинах ВСЕ есть? — полюбопытствовал Марлен Михайлович.

— Все, что надо, есть! — вопил уже старик, оглядываясь, ища врага и как бы порываясь к преследованию, и опадая, видя, что уже не достигнешь, и поднимая к физиономии Кузенкова свою авоську, глядя уже на помешавшего справедливого делу человека с бурно нарастающим подозрением.

— Все, что надо простому народу, есть в магазинах. Вот вам макарончики, вона крупа, масла триста грамм, макарончики... Булки белые лежат! — взвизгнул он. — Это те, которые зажрались, те шипят! Мы работаем на них, жизнь кладем, а он всем недоволен!

— А вы всем довольны? — холодно осведомился Кузенков. Он сам себя своим тоном как бы убеждал, что в нем говорит социологический интерес, на самом-то деле в нем что-то уже стало подрагивать: омерзение к агрессивной протоплазме стукача-добровольца.

— Я всем доволен! — Теперь уже дрожащие пальцы тянулись к кузенковскому твиду. — Я сорок лет сражался за правое дело! В лаптях... в лаптях... а они с портфелями...

— Идите своей дорогой, — сказал Марлен Михайлович. Он отвернулся от старика и возвратился к своей машине.

Сержант продолжал возиться со шлангом. Он, кажется, и головы не поднял, хотя не мог, конечно, не слышать скандального старика.

— Ну, как? — деловым автомобильным голосом спросил Кузенков. — Тянет?

Сержант, видимо, тоже чувствовал некоторый идиотизм ситуации. Он брал в рот, подсасывая бензин, отплевывался, наклонял шланг к бачку, но оттуда снова только лишь капало, не появлялась желанная струйка. Кузенков облокотился на багажник, стараясь отвлечься от исторической конфронтации к

простому автомобильному делу. Тут он почувствовал, как ему в бок упирается мягкий живот старика.

— А вы не разобрались, товарищ, — теперь уже тихо заговорил старик, заглядывая в лицо Марлену Михайловичу. — Вы вообще-то кто будете?

В уголках рта у него запекшаяся слююца, в углах глаз гноец. Прищур и трезвая теперь интонация показали Марлену Михайловичу, что перед ним, должно быть, не простой московский дурак, а кто-то из сталинских соколов, человек из внутренней службы, по крайней уж мере, бывший вохра.

— Послушайте, — сказал он с брезгливой жалостью. — Что вы угомонить-ся-то не можете? Вы всем довольны, а тот парень не всем. Люди-то разные бывают, как считаете?

— Так. Так. — Старик внимательно слушал Кузенкова и внимательнейшим образом его оглядывал. — Люди, конечно, разные, разные... А вы, товарищ, кто будете? Сержант, этот товарищ откуда?

Нахлебавшийся уже изрядно бензину милицейский, не поднимая головы, рывкнул на старика: — Выпили? Проходите!

Старик чуть вздрогнул от этого рыка и, как видно, слегка засомневался, ибо власть, как всегда, была права — выпил он, а раз выпил, положено проходить. Тем не менее он не прошел, а продолжал смотреть на Кузенкова. Конечно, английское происхождение кузенковских одежд было старику неведомо, но взгляд его явно говорил о направлении мысли: кто же этот человек, отнявший у меня врага? свой ли? ой, что-то в нем не свое, дорогие товарищи! А уж не враг? А уж не группа ли тут?

Марлену Михайловичу взгляд этот был предельно ясен, и в тайниках его происходил процесс ярости, как вдруг откуда-то из самых уж отдаленных глубин какой-то самый тайный уже тайник выплеснул фонтанчик страха.

Руки старика потянулись к его груди, слюнявые губы зашевелились в едва ли не бредовом лепете:

— Конечно, выпил... значит, ваше преимущество... а я сорок лет сражался... в лаптях... с портфелями... продовольственные трудности... полмира кормим... братским классам и нациям... документик покажите... вы кто такой... меня тут знают, а вы... сержант, а ну...

Марлен Михайлович разозлился на себя за этот страх. Да неужели даже и сейчас, даже и на такой должности не выдавить из себя раба? Как легко можно было бы весь этот бред оборвать — отшвырнуть сталинскую вонючку (так и подумал — «сталинскую вонючку»), сесть в мощный автомобиль и уехать, но этот сержант дурацкий со своим дурацким шлангом; конечно же, чего мне-то бояться, ну потерю полчаса на объяснение в соседнем отделении милиции, звонок Щелокову и — все в обмороке, но в то же время, конечно же, совсем ненужный получится, дурацкий, нелепый скандал, и не исключено, что дойдет до верхнего этажа, к этим маразматикам сейчас прислушиваются, кое-кто даже считает их опорой общества (печальна судьба общества с такой опорой), ну, словом... Как же от него избавиться, еще секунда — и он вцепится в пиджак, забьется в припадке, и тогда уж вся улица сбегится, припадочных у нас любят...

Тут налетела на старика расхристанная бабенка лет сорока, титьки вываливаются из черной драмой маечки с заграничной надписью GRAND PRIX.

— Дядя Коля, айдайте отседа! Дядя Коля, ты что? Пошли, пошли! Смотри, сейчас бабка прибежит! Тебя уж час по дворам ищут!

Старик вырывался и хрипел, махал авоськой на Кузенкова. Из ячеек сыпались и ломались длинные макаронины.

— Этот! — кричал старик. — Документы показывать не хочет! Сержант служебных обязанностей не выполняет! На помощь, товарищи!

— Дядя Коля, пошли отседа! Номер запомни, бумагу напишешь! — Бабешка запиховала в майку вылезавшие груди, подхватывала слетающие с ног шлепанцы — видимо, выскочила из дома в чем была, — но умудрялась притом подмигивать Марлену Михайловичу, да еще как-то причмокивать косым хмельным ртом.

Упоминание о бумаге, которую он напишет, подействовало: старик дал себя увести, правда, все время оборачивался и высказывался, все более угрожающе и все менее разборчиво по мере удаления.

— Ну что у вас тут, сержант? — Марлен Михайлович раздраженно заглянул в бачок, там еле-еле что-то полоскалось на доньшке. Приятный и познавательный контакт с уличной жизнью обернулся тягостным идиотизмом. Кузенкова больше всего злило промелькнувшее, казалось бы, забытое уже чувство страха. Да неужели же до сих пор оно живет во мне? Пакость!

Он вырвал из рук сержанта шланг, осмотрел его: так и есть — дыра. Чертыхнулся, полез в собственный багажник, вытащил оттуда какую-то трубку, засунул один конец в бак, другой в рот, потянул в себя и захлебнулся в бензине, зато возникла устойчивая струйка, и очень быстро сержант приобрел для своей кургузого «москвичонка» нужное количество.

«Плата за невмешательство. Отмена нефтяного эмбарго», — усмехнулся Марлен Михайлович.

Сержант поглядывал на него как-то странно, может быть, тоже не понимал, что перед ним за птица. Во всяком случае, в благодарностях не рассыпался.

Кузенков сел уже за руль, когда в зеркале заднего вида снова увидел дядю Колю. Тот торопился на поле идейной битвы, тяжелый его пиджачище запарусил, рубашка расстегнулась, виден был тестообразный живот. Авоську старик, видимо, оставил дома, но вместо нее у него в руке была какая-то красная книжечка размером в партбилет, которую он то и дело поднимал над головой, будто сигнализировал. Марлену Михайловичу оставалось сделать несколько движений для того, чтобы отчалить и прекратить бессмысленную историю: нужно было отжать сцепление, поставить кулису на нейтраль, включить первую скорость и левую мигалку. Если бы он сделал все чуть быстрее, чем обычно, то как раз бы и успел, но ему показалось, что всякое ускорение будет напоминать бегство, и потому он даже замедлил свои движения, что позволило дяде Коле добежать, влезть всей харей в окно и протянуть книжицу.

— Вот мой документ! Читайте! И свой предъявляйте! Немедленно!

— Стукач, — сказал вдруг Марлен Михайлович и сильной своей ладонью вывел мокрое лицо старика за пределы машины. — Не смей больше трогать людей, грязный стукач.

С этими словами он поехал. Старик вдогонку залаял матом. В боковом зеркальце мелькнуло хмурое лицо сержанта. Машина мощно вынесла Марлена

Михайловича на середину улицы, но тут загорелся впереди красный свет. Стоя у светофора, Кузенков еще видел в зеркале в полусотне метров сзади и старика, и сержанта. Дядя Коля размахивал красной книжкой, тыкал рукой вслед ушедшей машине, апеллировал к милиции. Сержант, с бачком в одной руке, другой взял старика за плечо, тряхнул и показал подбородком на свою машину — ну-ка, мол, садись. Тут старик упал на мостовую. Последнее, что видел Кузенков, — дергающиеся ноги в голубых тренировочных шароварах. Зажегся зеленый.

Приехав домой, Марлен Михайлович немедленно отправился в ванную мыть руки. На левой ладони, казалось ему, еще осталась липкая влага старика. Подумав, стал раздеваться: необходим душ. Раздеваясь, он рассматривал себя в зеркало. Седоватый, загорелый, полный сил мужчина. «Не пристало так отпускать тормоза, Марлен, — сказал он себе. — Не дело, не дело. Вели себя не в соответствии со своим положением, да что там положение, не в соответствии со своим долгом, с ответственностью перед, нечего пугаться слов, перед историей. Вели себя, — вдруг пронзила его тревожная мысль, — вели себя, как диссидент. Вели себя, как диссидент, и чувствовали, как диссидент, нет, это совершенно непозволительно».

Он поставил тут себя на место старого болвана-вохровца, вообразил, как вдруг рушится перед ним выстроенный скудным умом логический мир; сержант, черная «Волга», прищуренный глаз, как символы мощи и власти, которую он стерег, как пес, всю свою жизнь, вдруг оборачиваются против него, какая катастрофа. Нет, нет, отшвыривание, низвержение этих стариков, а имя им легион, было бы трагической ошибкой для государства, зачеркиванием целого периода истории. Негосударственно, неисторично.

Он думал весь остаток дня об этом «любопытном эпизоде» (именно так он решил обозначить его своей жене, когда придет время пошущукаться, — «любопытный эпизод»). Думал об этом и за письменным столом, во время чтения крымских газет. Нужно было подготовить небольшой обзор текущих событий на Острове для одного из членов Политбюро. Такие обзоры были коньком Марлена Михайловича, он относился к ним с большой ответственностью и увлечением, но сейчас проклятый «любопытный эпизод» мешал сосредоточиться, он мечтал, чтобы вечер скорее прошел, чтобы они наконец остались вдвоем с женой, чтобы можно было поделиться с ней своими ощущениями.

Лицо Тани Луниной, появившееся на экране телевизора, отвлекло его, пришли в голову мысли об Андрее Лучникове, о всем комплексе проблем, связанных с ним, но тут по ассоциативному ряду Марлен Михайлович добрался до режиссера Виталия Гангута, московского друга курируемой персоны, и подумал, что вот Гангут-то был бы нормален в дурацкой склоке на Пушкинской улице. Он подставлял на свое место Гангута, и получалось нормально, естественно. Он возвращал себя на свое место, и получалось все неестественно, то есть, по определению Николая Гавриловича, безобразно.

Как всегда, на ночь глядя и, как всегда, ни с того ни с сего позвонил старший сын от первого брака, Дмитрий. Этот двадцатипятилетний парень был, что называется, «отрезанный ломоть», солист полуподпольной джаз-рок-группы «С₂Н₅ОН». Дмитрий носил фамилию матери и требовал, чтобы его называли всегда концертным именем — Дим Шебеко. Он считал политику «дрисней», но, ко-

нечно же, был полнейшим диссидентом, если подразумевать под этим словом инакомыслие. Марлену Михайловичу иногда казалось, что Дим Шебеко стыдится родства с такой шишкой, как он, и утаивает это от своих «френдов». Впрочем, и у Марлена Михайловича было мало оснований гордиться таким сыночком перед товарищами по «этажу». Их отношения всю жизнь были изломанными, окрашенными не утихающей с годами яростью брошенной жены, то есть матери Дима Шебеко. В последнее время, правда, музыкант весьма как-то огрубел, отделил себя от обожаемой мамы, шлялся по столице с великолепной наплевательской улыбкой на наглой красивой физиономии, а с отцом установил естественные, то есть потребительские, отношения: то денег попросит, то бутылку хорошей «негородской» водки из пайка. В этот раз он интересовался, когда придет крымский кореш Андрей, ибо тот обещал ему в следующий приезд привезти последние пластинки Джона Кламмера и Китса Джеррета, а также группу «Секс пистолс», которая, по мнению Дима Шебеко, малоперспективна, как и вся культура «панк», но тем не менее нуждается в изучении.

Поговорив с сыном, Марлен Михайлович снова вернулся к «любопытному эпизоду», подумал о том, что на месте того длинноволосого мог бы свободно оказаться и Дим Шебеко. Впрочем, у Дима Шебеко такая рожа, что даже бдительный дядя Коля побоялся бы подступиться. «Давить таких надо, дад, — сказал бы Дим Шебеко. — Я на твоём месте задавил бы старую жабу».

В конце концов Марлен Михайлович отодвинулся от пишущей машинки и стал тупо ждать, когда закончится проклятая «Гвоздика». Телевизионные страсти отпыхали только в начале двенадцатого. Он слышал, как Вера Павловна провожала в спальню детей, и ждал желанного мига встречи с женой. У них уже приближался серебряный юбилей, но чувства отнюдь не остыли. Напротив, едва ли не каждый вечер, несмотря на усталость, Марлен Михайлович сладостно предвкушал встречу с мягким, нежнейшим телом вечно благоухающей Веры Павловны.

— Что это, лапик, Дим Шебеко звонил? — спросила жена, отдышавшись после встречи.

Голова Марлена Михайловича лежала на верном ее плече. Вот мир и милый, и мирный, понятный в каждом квадратном сантиметре кожи — мир его жены, пригожие холмы и долины. Так бы и жил в нем, так бы и не выходил никогда в смутные пространства внешней политики.

— Знаешь, моя кисонька, сегодня со мной в городе случился любопытный эпизод, — еле слышно прошептал он, и она, поняв, что речь идет о важном, не повторила своего вопроса о звонке, а приготовилась слушать.

— Что ж, Марлен, — сказала она, когда рассказ, вернее, весьма обстоятельный разбор кузенковских ощущений, цепляющихся за внешнюю пустяковость событий, был закончен. — Вот что я думаю, Марлен. А, — она загнула мизинец левой руки, и ему, как всегда, показалось, что это не мизинец левой руки, но вот именно весьма серьезный А, за которым следует Б, В, Г... родные, конкретные и умные. — А: тебе не нужно было влезать в эту потасовку, то есть не следовало обращать на нее внимания; Б: раз уж ты обратил на это внимание, то тебе следовало вступить, и ты правильно сделал, что вступился: В: вступившись, лапик, ты вел себя идеально, как человек с высоким нравственным по-

тенциалом, и вопрос только в том, правильно ли ты закончил этот любопытный эпизод, то есть нужно ли было называть старика «грязным стукачом». И, наконец, Г: темный страх, который ты испытал под взглядом дяди Коли, — вот что мне представляется самым существенным, ведь мы-то знаем с тобой, Марлуша, какой прозрачный этот страх и где его корни. Если хочешь, мне вся эта история представляется как бурный подсознательный твой протест против живущего в тебе и во мне, да и во всем нашем поколении страха. Ну, а если это так, тогда все объяснимо и ес-тест-вен-но, ты меня понимаешь? Что касается возможного доноса со стороны припадочного старика, то это... — Вера Павловна отмахнула пятый пункт своих размышлений всей кистью руки, легко и небрежно, как бы не желая для такой чепухи и пальчики загигать.

«Какая глубина, какая точность, — думал Марлен Михайлович, с благодарностью поглаживая женино плечо, — как она меня понимает. Какая стройная логика, какой нравственный потенциал!»

Вера Павловна была лектором университета, заместителем секретаря факультетского партбюро, членом правления Общества культурных связей СССР — Восточное Средиземноморье, и действительно ей нельзя было отказать в только что перечисленных ее мужем качествах.

Облегченно и тихо они обнялись и заснули, как единое целое, представляя собой не столь уж частое нынче под луной зрелище супружеского согласия. Рано утром их разбудил звонок из Парижа. Это был Андрей Лучников.

— У меня кончилась виза, Марлен. Не можешь ли позвонить в посольство? Необходимо быть в Москве.

<...>

Источник: сайт separat-lib.narod.ru

Владимир Войнович

(Справку см. т. 2, стр. 685)

ИВАНЬКИАДА

<...>

Генерал Ильин

Итак, представим читателю еще одного участника нашей драмы. Ильин Виктор Николаевич, секретарь Московского отделения Союза писателей по организационным вопросам, генерал-лейтенант госбезопасности, заслуженный работник культуры РСФСР. Участник гражданской войны. Служба в органах отмечена орденами, почетным оружием и десятью годами заключения (по его словам, отказался дать показания против своего друга). Заслуги в области культуры давние.

— Я с писателями работаю с двадцать четвертого года, — говорит он.

Теперь, как большинство работников карательных служб, сентиментален.

— Вы слышали: умер Игорь Чекин, мой ровесник. Подходит очередь нашего поколения. Как сказал Олеша: снаряды рвутся где-то рядом. И за стеклами очков в золотой оправе скупая мужская слеза.

Иногда показывает пожелтевшую фотографию двух малышей с бантиками: вот какими он их оставил, уходя «туда». Он мог бы их не оставлять, если бы согласился стать предателем. Как ни странно, он вспоминает эту историю тогда, когда вымогает от собеседника именно предательства:

— Вот если бы вы были честным человеком, вы сказали бы, кто дал подписать вам это письмо. Но тут же и отступает: — Нет, нет, я на этом не настаиваю. А немного погодя и совсем, наоборот: — Обратите внимание, я не спрашиваю, кто дал подписать вам это письмо.

Однажды, подыгрывая ему, я сказал:

— Виктор Николаевич, но ведь вы в свое время тоже не поверили в виновность какого-то человека и даже пострадали за него.

— Так это же был мой друг, — сказал он взволнованно, — Я его хорошо знал.

С теми, кого знал недостаточно хорошо, он поступал иначе.

В лагере, говорят, вел себя прилично. После освобождения трудился где-то на стройке, потом вернулся к работе с писателями. Охотно выполняет бытовые просьбы. Если вам надо установить телефон, устроить родственника в больницу, записаться в гаражный кооператив, получить место на кладбище, идите к нему. Он куда надо позвонит, напишет толковое письмо (он в этих делах понимает). Но если ему прикажут убить вас, убьет.

— Я всегда был верен партии, таким и сдохну, — это его слова.

Его представления о литературе вполне примитивны, но он себя и не вы-

дает за знатока. А вот уж что касается следственной части, тут он профессионал. (и, думаю, это самый большой комплимент, который он хотел бы услышать). К своим следственным обязанностям он относится отнюдь не формально. Он думает, изобретает, как бы похитрее заманить вас в ловушку, подставить под удар, использовать вашу ошибку. Он играет с вами, как сытый кот с мышью, когда не только результат, но и процесс игры важен. При этом он может не испытывать к вам никакой вражды или может даже симпатизировать вам, это не имеет никакого значения и никак не отражается на его действиях по отношению к вам. У него есть свои достоинства. Вы можете на него накричать, он не обидится (хотя в интересах дела может сделать вид, что обиделся), вы можете ему льстить, он не поверит. Он еще немножко актер, и его отношение к вам в данный момент ничего не значит. И если он проходит мимо вас не здороваясь или, наоборот, кидается в объятия, не обращайтесь внимания, просто он хочет произвести на вас определенное впечатление. На самом деле, не здороваясь, он на вас не сердится, а обнимая, он вас не любит. Но главное впечатление, которое он хочет на вас произвести всегда, это, что теперь, когда идеалы ставятся невысоко, может быть, он и чудак, но он служит партии, и только ей, и ради нее готов сидеть хоть в кабинете секретаря Союза писателей, хоть в тюремной камере. Про него говорят, что он держит слово. Это не совсем так. Держать слово не всегда входит в его планы, не всегда под силу ему, специфика его работы не позволяет ему не давать пустых обещаний, но, когда он что-то пообещал, смог выполнить и выполнил, он бывает явно доволен и выражения благодарности принимает охотно...

Воспоминания...

Итак, кабинет Ильина.

Начиная с 1968 года мне здесь неоднократно объясняли, что я поставил свое перо на службу каким-то разведкам и международной реакции, напоминали высказывание основоположника социалистического реализма: «Если враг не сдается, его уничтожают». Здесь меня допрашивали и сам хозяин кабинета, и комиссия, созданная для расследования моей деятельности (можно гордиться такой честью не каждого удостоивали), и секретариат в полном составе. Здесь происходили (да и сейчас происходят) сцены, достойные пера Кафки и Орвелла. Здесь писатель Тельпугов сказал по поводу «Чонкина» так:

– Этим произведением не мы должны заниматься, а соответствующие органы. Я сам буду ходатайствовать перед всеми инстанциями, чтобы автор понес наказание. Неважно, как оно попало за границу. Если б оно даже никуда не попало, а было только, написано и лежало в столе... Если б оно даже не было написано, а только задумано...

Вот как ужаснул его мой скромный замысел. Но его собственный замысел посадить в тюрьму человека только за то, что он задумал какое-то сочинение, пусть нехорошее, но даже не написал, не ужаснул никого из свидетелей этого разговора. Напротив, они кивали головами, да, правильно.

И размышления.

Я часто думал, почему в Союзе писателей так много бывших (и не только бывших) работников карательных служб. И понял: потому что они действительно писатели. Сколько ими создано сюжетов, высосанных из пальца! И каких сюжетов! Подрывные организации, распространившиеся по всей стране. Многочисленные связи с иностранными разведками. С фашистскими, троцкистскими, сионистскими и прочими центрами. Портативные передатчики, бесшумные пистолеты, чемоданы с двойным дном, шифры, явки, адреса, валюта, секс, порнография, убийства из-за угла, подкуп, шантаж, цианистый калий, диверсии и провокации... Сколько всего напридумано ими, безвестными следователями соответствующих органов! Возьмите хотя бы знаменитую теперь стенограмму процесса Бухарина и других. Не относитесь к ней как к документу, ибо это не документ, не думайте о методах следствия, о том, почему Крестинский давал сперва одни показания, потом другие, отнесите к ней как к художественному произведению. И вы согласитесь, что до сих пор в мировой литературе ничего подобного не читали. Какие выпуклые характеры! Какой грандиозный сюжет, как все в нем сцеплено и взаимосвязано! Жаль только, что действующими лицами были живые люди, а так что ж, почитать бы можно.

В кабинете.

Ильин встретил меня настороженно, стул предложил, но руки не подал. И неудивительно. Только что здесь был Коржавин. Просил характеристику для выезда в Израиль. Может, и я за тем же. Но, узнав, что я всего лишь по квартирному делу, он просто расцвел и стал говорить мне «ты» в знак полного расположения.

— Ну что ты беспокоишься, — сказал он. — Собрание решило в твою пользу, значит, все в порядке. Ну конечно, возможно, Мелентьев будет использовать свои связи и защищать Иванько, но из этого у них ничего не выйдет. Кто этот Турганов? Это переводчик с украинского? Ну что ты. Пока беспокоиться нечего. Вот когда тебе откажут, тогда мы обратимся в райисполком.

Затем он посетовал, что я далеко стою от организации, передал привет моей жене и просил успокоить ее.

— Ей, — сказал он, — в ее положении нельзя волноваться.

<...>

Источник: Владимир Войнович. «Иванькиада». Хочу быть честным: повести.
М.: «Совместное предприятие ВСЯ МОСКВА», 1990.

Гладилин
Анатолий Тихонович
(Род. 1935)

Писатель.

Родился в Москве. С 1954 по 1958 г. учился в Литературном институте им. Горького. Первая книга – повесть «Хроника времен Виктора Подгурзкого» – напечатана в 1956 г. в журнале «Юность». После выхода в тамиздате романа «Прогноз на завтра» («Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972), отвергнутого журналами и издательствами в СССР, не печатался на родине. В 1976 г. эмигрировал во Францию. Живет в Париже.

В 1978 г. вышла повесть «Репетиция в пятницу», в 1985-ом – антиутопия «Французская Советская Социалистическая Республика» о победе коммунистической революции во Франции.

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

<...>

Мои сны — это путешествие на поезде. Из окна я наблюдаю знакомые сцены и диковинные пейзажи. Поезд то и дело останавливается. Я просыпаюсь в самых неожиданных местах. На остановках я лихорадочно припоминаю кусок последнего сна, повторяю его — я словно бегу за поездом, вскакиваю на подножку и опять засыпаю. Но горе мне, если я отстаю от поезда и лежу с открытыми глазами.

Мои девочки спят в одинаковых позах, приоткрыв рот, и тихонько посапывают. А мне страшно. Мне страшно за себя. Я чувствую, что физически распадаюсь на части. Нервы, как струны поломанного инструмента, звучат каждый в отдельности. Кажется, что сейчас что-то случится, и я начну кричать, звать маму, кого-нибудь взрослого, доброго. И мысль, что от меня еще кто-то зависит, что кто-то ждет моей помощи (а кому я теперь смогу помочь?) приводит в полнейшее отчаяние. Все безнадежно. Я ошибся с ноябрем. Я не составлю прогноз на апрель. Я ничего не добьюсь. Я абсолютная бездарность. Всё, что днем представляется несущественным, — сейчас непреодолимо. Ирка, Наташка — клубок запутался намертво. И нет у меня больше сил выдержать эту жизнь. Пора сдаваться. Надо идти в ту больницу без вывески, и пусть врачи колют в меня лекарства, пусть сажают на схему, чтоб я отключился от всего на свете — бездумное, бесчувственное существование: гулять по садику, дышать, есть кашу — будь доволен тем, что живешь. Братцы, не могу я больше. Хватит!

Но под утро, за полчаса перед будильником, я как будто проваливаюсь, и эти полчаса дают мне отдых, примиряют меня с действительностью. Я просыпаюсь нормальным человеком.

Но билет на самолет может казаться голубой мечтой только во сне. Куда лететь? Юг и Запад не для нас, они для курортника с большими деньгами. О Юге мечтают на третий год Севера, когда нули по сберкнижке разбегаются. Многих я знал, людей солидных, которые с толстой пачкой купюр уезжали — да все не хватало. Всегда телеграммы присылали, дескать, скиньтесь, ребята, на мели сидим, нет денег на дорогу. Один наш парень из лаборатории земных токов в Сочи уехал, а вернулся через неделю. Без копейки. Помню, говорит, как в последний день пивом в ресторане опохмелялся, а так — сплошной туман. Ни разу даже в море не искупался. Не успел. Конечно, это уникальный случай, но вообще любят деньги Юг и Запад, прожорливы для нашего брата они, как широкая масленица после трехгодового Великого поста (а может и Пасха — я в церковных праздниках не разбираюсь). Словом, когда наш брат (человек эпохи «прогрессивки») чувствует непреодолимое беспокойство, охоту к перемене мест, — путь его лежит на Север или на Восток.

Север и Восток — вот наши края. Но для туризма они не приспособлены. Правда, если вы иностранец, то в аэропорту вас встречает черная «Волга», и в гостинице ведут в особый коридор, и в ресторане, в отдельном зале, специофициантка в чистом фартуке натренированно улыбается... Может, иностранцу за валюту интуристского бурого медведя показывают? А чем же еще ублажить дорогого гостя? Маленькие сибирские города красивы только зимой, когда иней блестит, да все свалки под снегом. Но в сорок градусов по улицам не разгуляешься.

В больших городах центральный проспект времен сталинской архитектуры, да новые районы типа московских Черемушек. Налюбовался одним городом — в другой не захочешь. Все одинаково. Главная улица — имени Ленина. Параллельно — Коммунистическая, Советская, Красноармейская. Тут же улицы Кирова, Орджоникидзе, Дзержинского. На домах лозунги и призывы: «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества», «Дело Ленина победит», «Храните деньги в сберегательной кассе».

(Ведь у каждого города своя история — зачем же города как монеты штамповать? Или в этом высший смысл заложен, который мне неизвестен? Дескать, приедет человек в командировку, увидит привычную обстановку (все так же, как и всюду) и не заскучает? И с лозунгами, что на каждом шагу, веселее? Наверно. Все бывает. Вдруг человеку жуткий сон приснится — а утром он выскочит на улицу, прочтет плакат на заборе и успокоится: «Нет, все в порядке, жива Советская власть!»)

...Последний раз я улетел на Восток четыре года тому назад.

Помню, летний Якутск встретил меня жарой и пылью.

Дороги перерыты, дома ободраны, мусорные свалки во дворах, ржавое железо, желтые штабеля дров. Автобусы набиты. Столовые закрыты — то на обед, то на ремонт. В магазинах мужчины в диковинных мятых пиджаках покупали портвейн и настойку.

До нужного человека я не дозвонился (он был на совещании в обкоме). Кое-как устроился в гостиницу. Вид из окон на центральную площадь: прямо огромный портрет Ленина скрывал каркас нового здания; слева на крыше транспарант: «Сделаем Якутск благоустроенным городом», справа — «Не оставляйте без присмотра включенными электроприборы». Снизу из ресторана неслись

звуки «Журавлей» и «Очей черных». Впрочем, оркестр себя не утруждал.

Со скандалом проник в ресторан. Официантки, рыча, кормили страшными фирменными блюдами. Но никто не жаловался — сюда приходили не кушать, сюда приходили закусывать.

К одиннадцати прибыл наряд милиции. В полночь алкоголики все еще стучали в окна и выпрашивали выпивку у знакомых официанток. В вестибюле гостиницы плакал пьяный, грозя всех разнести, убить, отдать под суд, потому что его оставляют ночевать «на улице». Потом он мирно заснул на стуле.

На площади передралась какая-то компания. С криками останавливали машины.

В семь утра я проснулся от дикого грохота. Казалось — опрокинулся ба-шенный кран. Потом я понял, что это уборщица поставила перед дверью ведро.

В уборной не было воды...

Да не ужасы я вам рассказываю, ребята! Я просто поясню, что не приспособлены наши восточные и северные города для турпоездки. Турист сталкивается только со сферой обслуживания, а сфера обслуживания — каждый знает — оставляет желать лучшего. Об этом мы поговорим особо. А пока я хочу сказать, что только первый день мне запомнился кошмаром. А назавтра я нашел нужного человека, меня приняли на работу в институт, и в институте я познакомился с другими людьми, прекрасными людьми, которые занимались наукой и производством. И вот тогда-то все наладилось, и разные бытовые мелочи я перестал замечать. Работать надо на Востоке, а не путешествовать!

Но я уехал из тех краев и сейчас доволен своей службой.

Я не хочу менять место работы, хватит колесить, от добра добра не ищут!

Тогда зачем мне билет на самолет? Куда же мне улетать? И если сны продолжают, и «голубая мечта» хрустит в кармане — значит там, в наших краях, я видел много хорошего, есть что вспомнить...

Конечно, все было не так на плавбазе, хотя, действительно, я сделал прогноз по уравнению Навье-Стокса, чем немало удивил ребятшек с сейнера и техника-метеоролога. Об этом узнал Витя, гидролог из Певека, который на плавбазе оказался случайно, — он сопровождал караван судов в Находку. У Вити, по его словам, «была своя головная боль» (то есть своих забот навалом), однако, он не поленился, разыскал меня.

— Ну как, — спросил он, — хлебаешь?

— В каком смысле?

— В смысле романтики дальних дорог?

— Ложками.

— А самочувствие?

— Полное отупение. Впрочем, к этому и стремился.

Вот так, кажется, начался разговор. А может и не так. Ведь я неоднократно рассказывал о нашей первой встрече, что-то уходило, что-то придумывалось...

Я специально пролистал несколько книжек. Посмотрел, как писатели пишут. Или у них память профессиональная, или так принято — но мне бы сейчас (чтоб было все как у людей) надо нарисовать пейзаж (шумело море, волны бились, облака розовели, прошел боцман в промасленной штормовке) подробно, фразу за фразой, восстановить разговор (то есть показать, какой Витя ум-

ный, как здорово он меня положил на лопатки, убедил лететь в Певек — делом заняться). Нет, ребята, честно признаюсь, не помню подробностей. Нечто смутное, общее, расплывчатое...

А вы сами все помните, что было в прошлом? Иногда, во сне, я отчетливо вижу какую-то мелочь, деталь...

Что-то врезалось в память, и я в любой момент могу восстановить какой-то эпизод, но не весь, не всю картину — кусочек, осколок. Вертолет скользит вдоль Лены. На песчаном треугольнике (тайга высунула язык — лижет воду) две палатки институтской экспедиции. Вертолет спускается. Из палатки выскакивают ошалевшие от радости бородачи. Низкое солнце бьет в глаза, и противоположный обрывистый берег кажется черным.

— Это разве комар? — говорит начальник метеостанции в Сиктях, а глаза его после бутылки спирта приобрели неоновый цвет. — Комар тогда, когда в десяти метрах не видишь лица соседа! Не поймешь, кто рядом стоит!

Находка. Прощанье с командой. Расползаемся кто куда. Четверо сели в такси. Из окон высунулись головы. Машут руками. Белый лист оберточной бумаги, как собака, бросился было за машиной, но отстал.

Кузьмич, проиграв очередную партию в шахматы, смахивает фигуры, вздыхает:

— А у меня, Мартыныч, в Симферополе двое грызунов, на них зарплата и уходит.

Дежурная острота в певекской столовой:

— Повар, в котлетах мясо!

— Не может быть!

Майский воскресный день. За домиками на льду озера мы играем в футбол. А солнце печет. Гусев без рубашки, голый по пояс, и плечи у него красные — сгорели.

Витя галантно отступил на шаг, церемонно развел руками (дескать, сила солому ломит) и пропустил вперед жену начальника треста. Дама кивком поблагодарила. У нас напряглись мускулы челюстей: улыбнуться нам она сочла ниже своего достоинства.

— Ну и работайте для себя! Пишите. — Ученый с раздражением смял лист бумаги и бросил его в корзину. — Впрочем, понимаю, какой же дурак сейчас пишет для себя? Нынче принято не рисковать — все пишут диссертацию!

(А ведь запомнил. Так запомнил, что до сих пор, дурак дураком, пишу для себя, продолжаю разрабатывать свою тему. Какой я сознательный, бескорыстный! Да нет, ребята, лучше бы мне этого не делать. С трудом выкраиваешь полчаса в день и только расстраиваешься. Несерьезно это, полчаса в день. А где взять больше? Отложить! Не думать! Но как не думать?)

...А ты напейся воды, воды холодненькой...

Магнитофоны. Записи Окуджавы, Кима, Галича. Все свободные вечера в Певеке мы ходили друг к другу, переписывали. Не помню ни одного «сабантуя» без того, чтоб в углу не бормотал магнитофон. И Москва нам казалась рядом...

Мыльные волны Охотского моря. Серебристое кипение сайры в призрачном свете синих ламп. Стоп. Я не уверен, что сейчас не всплывет серая, как смерть, немецкая подводная лодка из английского фильма.

Плавал я месяц, а кино смотрел всю жизнь.

И пурга, которую я вспоминаю, — именно та, что застала меня на трассе, или из картины «Алитет уходит в горы»?

Правильно, ребята, повторяюсь, про это мы уже говорили, когда искали нашу единственную первозданную личность, анализировали из чего она состоит.

...Однако, как сотрясалось стекло вездехода, когда снежная тьма хлестала зарядами, я ощущаю до сих пор.

С космическими лучами на землю приходят частицы высоких энергий. Обычными приборами их нельзя зафиксировать. Чтобы поймать частицу, надо погасить ее скорость.

Под колокольной церкви, где помещается Якутский институт, есть большой металлический шар. Он набит свинцовой дробью, а внутри — счетчик. Частица пробивает толстый кирпичный свод, ее тормозит свинцовый щит, и только тогда счетчик ее отмечает, то есть запоминает.

Во дворе института — шахта глубиной в тридцать метров (ее копали сами сотрудники). Вечная мерзлота служит тоже тормозной прокладкой. В шахте три станции. Нижняя станция (там летом температура минус двадцать) фиксирует наиболее «высокоэнергичные» частицы. На фотопластинке виден след.

Где жить человеку, куда ему подыматься или опускаться, какими стенами он должен огородиться от внешнего мира — чтоб запомнить все, что проходит через него самого? И что именно надо запоминать?

Или это удобно, когда прожитые годы не оставляют никакого следа?

А зачем?

Вот сейчас я занимаюсь типичным интеллигентским самокопанием, выдрючиванием. Наверно, хочу прослыть оригиналом. Может, мне зарплату за это прибавят? Фигу с маслом. Тогда к чему сложности? Наука и техника достигли невиданного прогресса и облегчили жизнь. Пришел с работы — включи телевизор. КВН, Тринадцать стульев, Голубой огонек, Кинопанорама, На полях страны, Спорт — всё тут, бесплатно, в комнате — смотри, отдыхай. И не надо забивать голову ненужными мыслями.

Чем я хуже других? Что я, рыжий?

Бегу.

Включаю.

Ура, футбол!

На поле команды вышли, по-моему, с одним желанием: как можно скорее и без происшествий разделаться с этой календарной встречей, которая уже никак не влияла на распределение мест.

Защитники двигались неторопливо, больше стояли и не упустили возможности даже с центра поля отдать мяч своему вратарю. Полузащитники разыгрывали какие-то древние комбинации, чаще всего пасуя друг другу по системе треугольника, и только когда становилось совсем неприлично дольше держать мяч, мощным ударом посылали его в аут. Форварды, если и били по воротам, то с таким расчетом, чтобы мяч шел на три метра левее левой штанги и на пять метров правее правой. Когда же случайно мяч срезался с ноги, то обязательно летел прямо в руки зевающего вратаря.

Телекомментатор засыпал, просыпался и изредка уныло подбадривал зри-

телей, — дескать, вспышка еще будет, и, дескать, это техническая новинка тренеров. Действительно, оживление в игре наступило, но вряд ли оно было запланировано заранее. Просто один футболист нечаянно ударил другого по ноге, и тот, разъяренный, с минуту гонялся за ним, стараясь съездить обидчика по шее.

В начале второго тайма форварды демонстрировали разученные на много-часовых тренировках приемы: отыгрыш мяча пяткой, отыгрыш щечкой, отыгрыш подъемом. Но одному из нападающих кто-то из партнеров (явно сводя с ним личные счеты) отыграл мяч так коварно, что футболисту ничего не оставалось делать, как двинуться вперед. Однако двигаться вперед ему решительно не хотелось. Он прошел, тупо волоча мяч, сначала на левый край, потом на правый, потом вернулся в центр. Никто из партнеров не открывался, а противник лениво наблюдал за этими перемещениями. Тогда нападающий резко пошел на обострение, но, сблизившись с защитником, тут же упал. Защитник тоже с готовностью лег на травку. Пока суетились врачи и судьи, оба игрока порассуждали о погоде и договорились, как вместе провести сегодняшний вечер. К концу матча у нескольких игроков не выдержали нервы, и они стали рваться к воротам. Их умело сбивали защитники. Пару раз можно было смело назначать одиннадцатиметровый штрафной удар. Но судья уже ни на что не реагировал. Он нетерпеливо следил за стрелкой секундомера и дал финальный свисток на полминуты раньше положенного срока.

За всем этим с трибун стадиона наблюдало сорок тысяч внешне вполне нормальных людей и еще двадцать миллионов телезрителей.

Не велика печаль: нарвался на скучный матч. Была бы кубковая встреча... А в Бразилии, говорят, после поражения сборной свергли правительство.

Скоро во всех семьях воцарится мир и покой: каждый вечер — сплошное фигурное катание.

На одном из заседаний клуба «Интеграл» в Академгородке (там выступали по принципу «кто кого переострит») Вадик заявил:

— Из всех искусств для нас важнейшим является телевизор. Доказательства? Пожалуйста! Если наши хоккеисты выиграют первенство мира — вот увидите, — все забудут про неурожайный год!

Человек, который после работы стоит полчаса в очереди за помидорами (и они кончаются перед ним), потом полчаса за полуфабрикатами (и они тоже исчезают перед самым его носом), потом десять минут в очереди за яблоками (впереди стоящий пенсионер — «атлет труда», как он сам себя называет — берет 200 грамм изюма, 200 грамм урюка, 200 грамм сухофруктов, 300 грамм кураги, 150 грамм чернослива), и вот, наконец, он лицом к лицу с продавщицей, а она возвращает ему чек, потому что чек пробит в другой отдел

(— О чем же кассирша думала? — А я почему знаю? — Что же делать с чеком? — Подпишите у заведующей. — Где заведующая? — Вышла! — Когда придет? — Гражданин, вы мне мешаете! — Сколько времени ее ждать? — Я над ней не начальница!)

— так вот, я со всей ответственностью утверждаю, что этот человек — социально опасен: он может запросто броситься на публику и начать кусаться.

Ученый говорил:

— У меня большой выбор классных инженеров. К нам приезжают физики

из Ленинграда, Иркутска, Новосибирска — мы берем не всех. Кандидаты наук рвутся в наш институт — мы устраивали для них конкурс. Я в любой момент могу получить самых высококвалифицированных специалистов. Но когда плотник прогуливает из-за пьянки — я делаю вид, что мне ничего не известно. Уборщица в плохом настроении — я трепещу перед ней. Я всячески ублажаю грузчика и унижаюсь перед маляром. А что остается? Уволить? Но попробуйте найти людей на их место! На каждом заборе объявления кричат: требуются, требуются, требуются! Требуются слесаря, маляры, продавщицы, официантки, посудомойки, грузчики. Уборщицы — на вес золота! Всюду требуется обслуживающий персонал. Мы выгоняем лентяя и пьяницу, — его тут же с распростертыми объятиями приглашает соседняя контора. Причем знают, что он и там не будет работать, но нет выхода — всем позарез нужна неквалифицированная рабочая сила.

— Какое решение вы предлагаете? Безработицу?

— Да. Лучше официальная безработица, чем неофициальное ничегонеделанье. Сейчас любой лодырь понимает, что он не пропадет, всегда устроится, и поэтому преспокойно пьет водку в рабочее время.

Когда меня обхамят в магазине или в столовой, я вспоминаю слова Ученого. И все-таки, мне кажется, он не прав. Нет такой специальности — официантка, уборщица, посудомойка, продавец! Не может человек еще в детстве мечтать стоять за прилавком или грузить тюки. Ребята мечтают водить самолеты и поезда, выступать на сцене и управлять хитрым станком. Разве это занятие для Человека — подавать щи, мыть посуду, прочищать клозеты? Надеюсь, что в недалеком будущем всем этим займутся автоматы, машины. Но пока нет таких машин, есть спрос на обслуживание, и в сферу обслуживания идут неудачники, неумельцы, никчемные люди. Это не их вина — беда. Они просто ничего больше не умеют. От хорошей жизни еще никто не шел в посудомойки. И сколько бы газеты ни твердили о важности труда уборщицы, сколько бы ни призывали продавцов быть взаимно вежливыми — эти лозунги останутся только на бумаге. Человек создан, чтобы производить материальные ценности, думать, творить. Не может человек любить работу, которая недостойна его высокого имени!

А может, надо просто повысить зарплату?

Тоже мысль. Однако, эта идея заманчива человеку любой профессии. Не мне классифицировать тарифные ставки. Ведь их взяли не с потолка. А потом, не секрет, что тот же маляр зарабатывает больше, чем средний инженер («левыми» заказами? Не знаю. Но знаю печально известную поговорку: «что нам, малярам, — день работам, два гулям!»)

Психология «спеца» в белых перчатках? Красиво шьешь, начальник! Различие между людьми не в специальности, а в профессиональности. Слесарь, который вместе с электрониками монтирует сложнейшие схемы, идет на службу с радостью.

Слесарь, которому надо поменять дверные замки в учреждении, уже заранее смотрит на часы: скорей бы день прошел! (Кстати, это важнейшая деталь. У нас в «шарашкиной конторе» — предприятие, как помните, солидное — многие тоже с утра, вздыхая, поглядывали на часы. Как они были бы счастливы, если могли бы являться в контору только за зарплатой!)

Но нельзя жить с ощущением собственной никчемности. Человек стремится к самоутверждению. Любой, самый малозначащий «винтик» должен ежедневно убеждаться в своей незаменимости (иначе он перестанет себя уважать!). Получается психология «навыворот»: не он обслуживает людей, а люди зависят от него. Поэтому официантка подходит к столику с таким видом, будто она наша благодетельница. Поэтому любимая фраза продавщиц: «Вас много, а я одна». Поэтому мелкий чиновник с наслаждением говорит: «Я человек маленький» — при этом он торжествует, ибо каждому ясно, что хоть он «человек маленький», но ты, кто б ты ни был, еще попрыгаешь перед ним. Всесильный начальник не кричит на подчиненных — нам устраивает разнос вахтер. Дежурная горничная в гостинице следит за нашей нравственностью. Мы заискиваем перед кассиршей аэрофлота. Секретарша разговаривает с нами, как русский царь с бедным евреем.

Вернемся к тому злополучному маляру, перед которым унижался Ученый. А что еще ему оставалось делать, академику, доктору наук? Бригада начала ремонт — все разбросала, перевернула, залила краской — и исчезла. Нет бригады! Как сквозь землю провалилась! А институту надо работать. Наконец появилась запойная личность с хмельной удалью в глазах. Ученый шел за ним на цыпочках. Я помню, с каким ликованием размахивал кистью маляр — так, что дождь белил хлестал по комнате (можно было бы аккуратно, ведь тут же, за чертежами и книгами сидели люди — им некуда было деваться! Но как же отказать себе в удовольствии продемонстрировать свою власть над этими теоретиками, физиками, математиками, астрономами, инженерами, электрониками, конструкторами — дармоедами! — которые Бог весть сколько учились за народные деньги — а он, маляр, заставляет их сейчас метаться, как кроликов, из угла в угол, спасаясь от его лихой кисти!)

Опять критика! Опять о недостатках! Или ты не видел ничего хорошего?

Видел. Но ведь хорошее воспринимается как должное! И обычно говорят о том, что болит...

За годы моих «странствий по белу свету» я встречал много настоящих прекрасных людей. Я хотел рассказать о каждом из них в отдельности, но боюсь, что тогда мне придется составлять целый том положительных характеристик. (Впрочем, инспекторы из отдела кадров могут обращаться ко мне в любое время.)

«Много настоящих прекрасных людей», — общие слова.

Пожалуйста. Приведу фамилии:

Иванов, Петров, Сидоров, Авилов, Шукин, Гусев, Аксенов, Шафер, Озерова, Фырфырюгин, Данилевская, Катаев, Ауслендер, Скрябин, Воробьев, Новиков, Солоухин, Анджапаридзе, Школьников, Вольский, Садовкин, Слесарев, Маляров, Плотников, Максимов, Штродах, Иорданский, Раскин, Циклаури, Сомик, Павлова, Шадрин, Уханов, Захарова, Говоров, Румянцев, Солдатов, Краминев, Звонков, Серов, Гибовда, Феоктистов, Лауга, Ратомский, Есеев, Кероспян, Бугаев, Черемных, Вентцель, Славкин, — пятьдесят! Мало? А вы сами знали больше, хороших, настоящих? — и, конечно, Надежда Лукьянова, повар на полярной станции в Тикси.

Кажется, я неправильно употребил слово «неудачник». Вероятно, я хотел

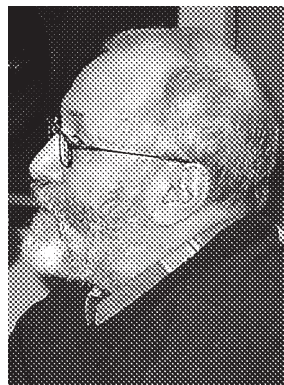
сказать о людях, которым на все плевать — день промелькнул и ладно. Неудачник — это иная статья, значит человек чего-то добивался...

«Удачники» от «неудачников» отличаются как пассажиры пригородной электрички, проходящей без остановки мимо станции, от пассажиров, стоящих на этой станции. И те и другие, в конце концов, приедут к месту назначения. Одни — раньше, другие — чуть позже. Но пассажиры электропоезда лениво поглядывают в запотевшие окна на уплывающую назад, заполненную людьми платформу и чувствуют свое некоторое превосходство. А ведь им просто повезло!

<...>

Источник: А. Гладилин. «Прогноз на завтра», Франфуркт-на-Майне: «Посев», 1972.

Тимофеев
Лев Михайлович
(Род. 1936)

Журналист, писатель, литературовед.

Родился в Ленинграде. Член профессионального комитета литераторов при издательстве «Советский писатель». Произведения Л. Тимофеева «Технология черного рынка или Крестьянское искусство голодать», «Последняя надежда выжить. Размышления о советской действительности», «Ловушка», широко были распространены в Самиздате и послужили основанием для ареста и осуждения Л. Тимофеева в 1985 г. на 11 лет заключения по 70 статье УК РСФСР. В 1987 г. был «помилован». В ответ на эту горбачевскую милость обратился с открытым письмом в газету «Известия» с требованием освободить всех политических заключенных в СССР. Вскоре основал один из лучших самиздатских журналов перестроечного времени «Референдум». В 1988 г. автобиографическая повесть «Я – особо опасный преступник» и пьеса «Москва. Моление о чаше» удостоены в Париже литературной премии им. Вл. Даля. В настоящее время Тимофеев – член Московской хельсинкской группы, Московского Союза писателей, член Российского ПЕН-клуба, редакционного совета журнала «Юность» и редколлегии журнала «Странник».

ЛОВУШКА
(роман в четырех письмах)

Привет из Заборска!

Здравствуй, Сергей Михайлович, после длительного молчания, пользуясь случаем, решил написать письмо. Да ведь как у нас бывает в жизни: рвешься из последнего, ни о чем не думаешь — ни о здоровье, ни о семье — одна работа, и вот сейчас пришлось забраться в больницу. Причина одна — Вам пишу как это есть, — ну, болезнь мою знаете: сах. диабет II (средней тяжести), — но не эта причина лечь в больницу. Буду краток и опишу без нытья, так как к этому не привык, но одно только не укладывается в душе: за что все так делается и где справедливость искать?

Я, как знаете, шесть лет последних работал начальником районного управления сельского хозяйства. Теперь по указанию и личному выбору Жуковца Н.С., первого секретаря обкома, подготовлено на мой счет мудрое постановление бюро, вызванное жалобой колхозников к/х «Красный каучук», что бывший их председатель завалил все дела, колхоз находится в тяжелом положении — 6 млн. долгов, на земле нет хозяина, строительство не ведется; что он нарушил колхозную демократию, без согласия Совмина землю передал совхозу им.Р. Люксембург... Жалоба адресована на имя Соломенцева М.С., Председателя Совета министров

Российской Федерации, в связи с чем Жуковец на подъем этого хозяйства называет мое имя.

Постановление бюро гласит: в целях укрепления руководства, значительного улучшения производственно-финансовой и хозяйственной деятельности, ликвидации убыточности направить на должность председателя колхоза «Красный каучук» т. Хренова В.А., работающего начальником управления с/х Заборского райисполкома.

Я в начальники не лез, кажется. Десять лет я работал директором совхоза в Сосновых Горах, тянул, вытягивал, по телевизору нас показывали, Переходящее Знамя Совмина ты же своими руками мне вручил на вечное хранение. Не буду перечислять, что все фермы были механизированы, что для народа карусели и гигантские шаги построил...

Когда начальником управления назначили, я до унижения дошел, в кабинете у Жуковца слезами плакал, чтобы только оставили меня в покое. И жители сосновогорские писали в защиту, чтобы меня директором совхоза оставили, но ничего не помогло. Ладно, поднял семью и переехал.

Шесть лет я работаю в Заборске. Теперь, в общем, и не снятие, а даже повышение, в крупнейший колхоз назначают, но дело не в этом: ежедневно надо будет человеку, больному сах. диабетом, сидящему на дотации инсулина, ездить на работу к 5-6 утра за 40 км и возвращаться в 9-10 вечера. Или туда переезжать, бросать семью, больных ребят — у старшего астма, младший, сам знаешь, без врача неделю не обходится. В общем, обстановка семейная и болезнь не позволяют давать такого согласия. Но и за невыполнение решения бюро и указания Жуковца ждет жесткая опала примерно такого характера: снятие с работы, строгий выговор или исключение из партии. И хотя ничего такого прежде по работе не заслужил, но в подобных случаях он ни на что не смотрит, и будет устроено гонение, как это уже делалось не на одного человека. Напомню: после снятия с работы известного тебе секретаря Песковского райкома тот устроился в Подмосковье. Жуковец узнал через Конотопа [1] или других, выгнали с работы, заставили вернуться в нашу область, держали долго без работы, потом, после того как жена не выдержала и поехала унижаться на прием, кое-как дали работу в колхозе экономистом — пожилого человека с больной женой из райцентра выкинули в ссылку. Таких примеров, сам знаешь, много. Вот примерно такая судьба и меня ждет за все старания.

В связи с этим и решил писать письмо, посоветоваться, что делать. Жалко и ребят, и жену. Работы, конечно, не боюсь, но вот болезнь моя и ребят уже не позволяет уезжать от больницы да и на себя принимать пожизненную муку и скитания. Хорошо только говорить врачам, что нужен режим питания при моей болезни 4-5 раз малыми дозами — диетическое питание. Председатель колхоза с утра запрягся и поехал. Кто же режим питания при такой разъездной работе создаст? Я уж не говорю о проклятой водке: из района представитель приедет — напои да выпей за компанию, из области — напои да выпей; санитарный врач прибудет, или пожарный инспектор, или снабженец из «Сельхозтехники» — с каждым пей, а то дело не сделается, зажмут, оштрафуют. Зеленый змий колхозом руководит, а не председатель.

Сергей Михайлович, в общем, так стоит вопрос: работу бросать, но как из-

бежать гонения? — на болезнь обком не посмотрит, постарается закрыть глаза. Кого и повыше меня до земли пригибали. Нашего бывшего первого секретаря райкома Пастухова А.С. только после двух инфарктов освободили от работы — ждать этого тоже не спасение. Какой выход? Эмигрировать за пределы области — по партийной линии будут розыски, о чем писали из Песков. Как определиться? Что можешь подсказать, как защититься, где искать поддержку? Какие партийные законы на этот счет?

Вот все эти вздергивания нервов заставили лечь в больницу с повышенным сахаром — 240 мг. Сейчас, может, как вариант дальнейших испытаний, будут дергать врачей — не сделка ли здесь какая? Поэтому лег в больницу в Конобеево, подальше от районного центра. Вот как у нас бывает гонение и опала по-заборски...

Ну, напиши, ведь ты можешь что-то подсказать, мудрости тебе не занимать, ты ведь у нас и в институте был самым умным.

Может, что я написал неясно, сам знаешь, при такой ситуации трудно сосредоточиться, нервы натянуты. Советуют к Жуковцу съездить, но боюсь там сорваться, нагрубить или еще чего хуже. И про что говорить ему? Он что, сам мое положение не знает? Знает и нарочно давит... Район возмущен такими действиями, все сожалеют, но никто не может отменить барского слова Жуковца. Я обращался к бюро райкома ходатайствовать о предоставлении мне какой-нибудь посильной работы в Заборске. Они могут, это есть партийная демократия да и вообще простая порядочность. Но они пока все обещают и сочувствуют, а дальше дело не идет. А от обещаний и сочувствий мне не легче; надо решать: или уезжать искать работу, или ждать расправы, сидеть и ждать, какую он мне даст работу после опалы. Теперь Жуковец все равно не даст работать и при любом моменте и под любым предлогом сгонит с работы. А это с моей натурой переносить трудно, лучше уйти как-то по состоянию здоровья. Ну, на этом заканчиваю, жду письма. Помогай, как уйти из этого круга, как найти свои права.

Говорят, когда второй секретарь обкома Зайцев был недавно в Сосновых Горах, народ в беседе отозвался о моей прежней работе тепло, что он, мол, поднял хозяйство и т.п., а тот доложил Жуковцу: вот есть такой человек, в крупнейшее хозяйство годится — и кухня заработала... Я как подумаю об этом, всего трясет, и врачи беспокоятся. Что же из Сосновых Гор-то меня забирали, я ведь так просил, умолял. Когда сюда переехал, то и в кабинет заходить противно было, хотелось облить керосином и сжечь всю эту лавочку — все эти исполкомы и управления с ненужными людьми. Ничего, удержался, а потом привык... А теперь снова — как половую тряпку используют человека. Но я-то, Сережа, уже не тот. Постарел, поумнел. Пока молодой был — тянул, впереди перспективу видел: индустриальное хозяйство, улыбающийся народ, тройки с лентами на свадьбах. А теперь знаю, ничего там впереди нету: темно и давиловка. Не хочу... Я как из Сосновых Гор уехал, так сразу там все карусели и гигантские шаги сломали — никому они не нужны оказались, только мне одному. Я сначала обижался, а теперь осознал своим умом: народу жрать нечего — кто на каруселях веселиться будет?

Ну вот, наверное, все, что и хотел написать. Чтобы идти председателем колхоза, нужно знать меньше, чем я сегодня знаю. Хочу заранее послать заявле-

ние нач. обл. с/х управления об освобождении в связи с ухудшением здоровья, чтобы за время болезни истекло две недели, и кое-как уйти от ударов, но буду ждать письма от Вас. Извини еще раз, может, что не так написал. Большой привет Кате и своей семье.

*С уважением
Василий Хренов.*

Дорогой Василий Андреевич!

Прочитал твое письмо и огорчился: плохо, конечно, все. Вряд ли какие выводы с твоей стороны могут быть приняты во внимание обкомовскими людьми. Если у тебя нет инвалидности, для них ты здоров и способен занять любую должность, предколхоза в том числе. И не отказывайся, и заявление не пиши — тем более, не показывайся к Жуковцу: ты мужик вспыльчивый, временами неуправляемый, — обком, конечно, тебе поджечь не дадут, но как бы ты все же не натворил чего. Успокойся и помни: ты не просто Вася Хренов — муж своей жены и отец детей. Ты — член партии, куда вступил добровольно, зная, на что идешь, зная, в какую игру играть будешь. С тех пор как ты в партии, ты всегда играл по правилам этой игры и, не будем лукавить, всегда что-то выигрывал. По этим правилам, ты — рядовой зоотехник — стал руководителем совхоза, потом — начальником в масштабе района. Мы все по этим правилам играем, и чем точнее их соблюдаем, тем больше размер выигрыша... И по тем же правилам ты должен ехать и должен стремиться выиграть, поднять колхоз, прогреметь, как прогремел в Сосновых Горах. И качели с каруселями должен построить, даже если они никому и ничему, кроме твоих отчетов, не нужны. Должен и фермы механизировать и громко кричать об этом — даже если знаешь, что это — капля в море хозяйственной нищеты, да и та подана с опозданием в десятки лет — должен! И пить — пить тебе придется, чтобы установить хорошие отношения и с начальством, и с десятками других представителей-посетителей, от которых ты зависишь — от кладовщика до корреспондента «Правды». Все это ты должен, потому что в противном случае произойдет все то, о чем ты мне писал, — ты проиграешь. Ну, если и не так жестоко, как видится, то все-таки достаточно противно. Хотя и от крайней жестокости ты не застрахован: ведь мы, номенклатура, самые каторжане, себе не принадлежим, — куда ни запихнут, бери, что дают.

Помнишь Изгоева, моего друга, директора школы в Карле? Какой педагог был? О нем десятки статей написаны, он сам книгу писал... Его взяли в райком третьим секретарем. Да что там взяли — заставили и пикнуть не дали. Другой бы счастлив был на всю жизнь: секретарь райкома, фигура, власть — многие живут ради этого. А он год проработал, а дальше напрочь отказался — противно стало, дела никакого не было. Одна пустая болтовня. Он почувствовал, что должность эта вообще не нужна, лишняя, — и он, секретарь райкома — лишний, ненужный человек, бездельник. Он мужик крепкий, не робкий — что думал, заявил прямо, назад в школу попросился... С ним жестоко расправились: не только директором школы не вернули, — хотя эту школу он сам от нуля создал, — но и учителем туда не взяли. Год он ходил без работы, пороги и в области, и в столице обивал, — а кто поможет? Кто поможет, если первый секретарь

обкома велел примерно наказать его? На второй год дали ему полставки, чтобы не сдох. А куда денешься? Если партбилет на стол бросишь, вообще учителем не возьмут... Так и таскается без дела, пьет — полчеловека осталось. Эта система всех нас в кулаке держит.

Но как же тебе-то, друг мой, практически помочь? Я тут по телефону выходил на вашего Зайцева, второго секретаря обкома. Он мне описал ситуацию примерно так, как она и тобой описана... Ты немного опоздал. До того как Жуковец в дело вмешался, можно было бы к тому же Зайцеву ходы поискать. Мы тут в прошлом году ему кое-какие услуги оказывали, он мужик негордый... Но теперь, когда это выглядит как решение Жуковца, спасти тебя мог бы только звонок ему лично от кого-то из зав. отделом ЦК, — личные отношения надежнее официальных. Но, увы, я такой звонок организовать не могу, — это слишком большая услуга, и мне за нее нечем расплачиваться, не те у меня возможности. Максимум, что позволяет мне положение, — позвонить секретарю райкома и попросить его за старого институтского приятеля. Но поможет ли это тебе? Думаю, что нет, равно как и затея с поддержкой со стороны бюро райкома. Что такое райком перед Жуковцом? Мошки, букашки...

Вместе с тем, ехать председателем тебе, конечно, нельзя. Не потянешь, силы не те, возраст не тот, не то желание. Я же чувствую: главное — не то желание! И конечно, здоровье, нервишки... Как же быть? Спасти дело может только твоя жена Наталья. У нее своя игра, свои правила.

Ты не бунтуй — молчи и соглашайся ехать председателем. Крайнего энтузиазма, конечно, не выказывай. Со вздохом, но поехать соглашайся. Партия посылает, и ты готов, несмотря на болезнь и все такое прочее. В общем, наш обычный труженик-герой... А Наталья пусть поднимет скандал — да не просто скандал — бурю!!! Пусть идет в кабинет к Жуковцу, пусть плачет и падает в обморок: еще бы не плакать и не падать! Муж соглашается идти на верную почти гибель — он тяжело болен, а идет председателем колхоза. Он, муж, конечно, честный партиец, но о ней-то должен подумать?! О семье, о детях должен подумать или нет? Словом, Наталья должна заставить Жуковца не только отказаться от мысли назначить тебя, но заставить его, напротив, убедить тебя не становиться председателем. И если миссия у Жуковца не выйдет, пусть едет в Москву, на прием в ЦК. Но, конечно, лишь после того, как откажет Жуковец... Но я уверен — он ей не откажет, если она хорошо постарается, побоится, что его обвинят в понижении роли советской семьи.

И пусть она не просто просит — пусть настаивает именно на таком продолжении, какое вам нужно: Заборск — пусть просит Заборск, другой какой город — пусть требует другой город. Пусть будет смелее и понастойчивее. Сейчас благополучие вашей семьи в ее руках — насколько она усвоит правила игры.

Пиши о развитии событий. Твой

Анкудинов С.

P.S. Не повидаться ли тебе с Изгоевым, о котором я писал выше. На — чужих ошибках учатся, а он мужик умнейший.

С.А.

Милый Сережа!

С поклоном к тебе забытый тобой Изгоев. Тороплюсь писать тебе, поскольку по твоей воле стал я свидетелем и даже участником этой истории, о страшной развязке которой ты уже наверняка знаешь, дошел слух — случай-то необыкновенный... Думаю, знаешь о том, что неделю назад похоронили мы твоего товарища Василия Хренова, — вернее, то, что от него осталось. Похороны были на скорую руку, все дело предоставлено теперь как несчастный случай, как неосторожность: жаркое лето, сушь, сгорел человек по неосторожности... Глупости! Я знаю, как все было — все на моих глазах произошло. Но расскажу все по порядку... Он приехал ко мне примерно месяц тому назад. Мужичонка славный, думающий, открытый. Рассказал мне свою историю: «Как быть?» А я разве знаю, как быть? Это ведь дело совести, какой путь выбирать, какую жизнь предпочесть... На тебя он был немного обижен за совет послать жену: «Я лучше сам десять раз подставлюсь». Такая миссия казалась ему почему-то унижительной для нее, хотя я с тобой совершенно согласен: с этими лгунами и циниками иначе играть нельзя, не выиграешь.

Но у Хренова были другие надежды: ему пообещали поддержку в райкоме, — у него были стойкие иллюзии по части партийной демократии и простой человеческой порядочности. Он сам многим помогал в районе, думал, и ему помогут. Мне-то сразу иллюзии эти показались наивны, о чем я ему и сказал. Но уверенность его была какой-то простодушной и заразной... Не могу простить себе, почему я позволил ему уехать с этими настроениями, даже помогал проект решения бюро составить. Это простодушное заблуждение и погубило его. Я должен был раскрыть ему глаза и не сделал этого: все мы набиты благодушным вздором, все нам кажется, что, может быть, есть где-то справедливость — на чьей-то судьбе сломается проклятая машина, даст осечку, выплюнет чью-то душу еще живой, непогубленной... Нет, не бывает так — машина крутится без перебоев.

Что же я должен был сказать ему? Я должен был сказать и объяснить, что никакая партийная демократия тут не сработает — хотя бы потому, что никакой партии в том понимании, в каком трактуют это все словари, — у нас нет...

Мы все заблуждаемся... Вспомни, ты сам зачем вступил в партию? А я помню, ты весь дрожал от нетерпения: была возможность занять место директора совхоза. Тебе было двадцать четыре года, ты еще не Сергей Михайлович Анкудинов, а Сережа, Сереженька. Ты талантлив, умен, решителен — и вот ты директор совхоза, самостоятельный хозяин. Земля, люди, машины, власть. Ну и, конечно, зарплата, дом, продукты, путевка в санаторий и за границу. Беспартийному столько не дадут. Нужна расписка, что ты — свой. И ты ее дал — заявление о приеме в партию. Ты принял правила игры. Ты приобрел все, о чем мечтал. Вернее, ты думал, что приобретаешь. А на самом деле это тебя приобрели в вечное пользование.

Ты не сердись, мы все одинаковые. Я бы в свое время ни в коем случае не вступил в партию, мне всегда противны были ложь, хвастливая демагогия и деловое бессилие, на которых стоит эта организация. Но меня поставили перед выбором: или я вступаю, или вышибут из школы. А я только-только год директорствовал, только-только дела задумал хорошие. Уйти, оставить свое дело на произвол судьбы, чтобы все попало в бездарные, холодные руки — в руки мертвецов с тусклыми глазами, которым и дело-то любое нужно только затем, чтобы задуть его и жить спокойно и равнодушно. Да я и жизнь-то свою понимал

как борьбу с ними. И теперь им же все отдать? Да никогда! В партию так в партию. Мало того, я решил, что и в самой партии буду драться с тупой бездарностью, с этим животным стремлением к духовной смерти... Это была ошибка. Они сильнее. Они и есть — партия. Они — власть, государство. Они и ловят нас, чтобы погасить, повязать, заставить служить тьме, смерти. И мы служим. И гаснем в их безнадежном деле.

Потом, пробыв почти год секретарем райкома партии по идеологии, я завел себе приходно-расходную книгу, где на одну страницу записывал все, с чем я должен бороться, а на противоположную — все, на что я могу опереться в этой борьбе. И получилась страшная картина! С одной стороны, разлагающееся общество: ложь как идеология, пьянство поголовное, воровство массовое, разврат, коррупция, безверие... А с другой — безответственное чириканье Брежнева и иже с ним. Подумав немного, я и всю эту компанию определил туда же, к разврату и воровству...

Ну и что же? Ведь все это как в страшном сне: видишь, слышишь, а пальцем пошевелить бессилён... Стоило мне хотя бы поддержать что-нибудь живое, нужное, хоть самую-самую малость какую-нибудь, вроде дискуссионного клуба или общества любителей трезвости, как тут же меня окружали равнодушные рожи с тусклыми глазками: «А зачем вам это? А нам это зачем? Кому нужны дискуссии и о чем спорить? Кому нужны трезвенники, когда вся финансовая стратегия государства на водке держится? Все это несовместимо...» Правильно, все это опасно: сегодня добровольно собрались поговорить о трезвости, а завтра о жизни задумаются, вопросы задавать осмелятся, правды захотят... Нет, добровольно ничем заниматься нельзя. Нам сверху скажут, чем заниматься, — из обкома, из ЦК — скажут, о чем спорить можно, что коллективно обсуждать. Лучше всего, если это будет трилогия Леонида Ильича, — и в конце обсуждения мы напишем восторженное письмо автору...

Меньше года мне понадобилось, чтобы понять: я — слуга воинствующей лжи и бездарности. Меня употребляют против света и жизни. Я должен бежать. Или умереть — умереть духовно, и вступить в партию уже не формально, а по сути. И начать самому давить все живое...

Не потому ли и Хренов не хотел идти председателем? Он мужик талантливый, опытный, с идеями. Почему отказывался? А потому, что дело безнадежное. За шесть лет работы в управлении он хорошо почувствовал, что в наших нынешних условиях хозяйственная работа — дело беспросветное. Хозяйственная инициатива зажата запретами, каждое малое движение требует огромных усилий, взяток, специальных разрешений: средств нету, труд малопроизводителен, распределение неразумное или вовсе неподконтрольное. Пьянство, воровство, подкуп — сверху донизу. Черный рынок становится основой экономики, да и стал уже настолько, что и государство с ним не борется, но лишь стремится использовать его в своих интересах. У нас — социализм. Вот он каков!..

Все это Хренов почувствовал, но понять разумом не смог или, вернее, не захотел понять, отказался понимать и принимать, потому что понять — страшно: куда деваться потом? Ведь разотрут, размажут...

Помнишь, застрелился Ларионов, секретарь Рязанского обкома, после того, как вскрылись под ним приписки и очковтирательство? Одни говорили — совесть замучила, другие — испугался, третьи — что его вообще прикончили. Не

знаю, как последняя версия, а первые две неверны: я знал этого деятеля, я ведь в Рязани учился, — это был человек без страха и совести. Игрок. Я думаю, он застрелился оттого, что понял: некуда деваться. Его бы не посадили, но долго бы топтали, размазывали, — он и затосковал. Это не страх — тоска безысходности... А хочется думать, что он и того умнее: и за нас за всех понял, что и нам деваться некуда. А разве не так? Вокруг давно уже одни только приписки и очковтирательство, — но мы не стреляемся, а просто не допускаем этого очевидного факта до сознания, катимся вместе со всеми и все вместе. Куда? Зачем? По чьей воле? Хоть бы кто-нибудь задался этими вопросами...

Но вот Хренов решил выйти из игры сам по себе, в одиночку, с тем небольшим выигрышем, какой достался ему за годы, что он пробыл в руководящих должностях: сбежать хотел, словчить. Но кто же отпустит? Уйти можно только если и карманы, и душу вывернешь. Да и то еще над тобой, над нищим и растоптанным, поиздеваются вдгонку, поулюлюкают. Кто этот умница, что сказал: «Социализм легко попробовать да трудно выплюнуть». Вот и в партию мы все вступили без труда, — а попробуй выйди...

В Заборске состоялось бюро райкома. Я знал, что Хренов готовится выступать на бюро со своими претензиями, и приехал в город, чтобы поймать его еще до заседания и отговорить от протестов и заявлений, — был он мне чем-то симпатичен, и хотел я искренне помочь ему, но опоздал и остался сидеть в райкомовском скверике, надеясь, что, может быть, на этот раз он не вылезет с речами, а там я его сумею убедить.

Заседание затянулось: приехал Жуковец — случайно приехал, ездил мимо на лесные пожары и решил поприсутствовать на бюро. Такой внезапный налет — в его характере, он даже гордится своей способностью возникать там, где его не ждут...

Как я потом узнал, обсуждали ход заготовки кормов. Хренов, еще как начальник управления, делал сообщение о сенокосе. Говорят, был взвинчен, все время упрекал областные организации, даже обком, в плохой постановке дела. Его слушали снисходительно, Жуковец два-три раза ему поддакнул — он всегда делал вид, что обожает острую критику, — но все знали, что он — уже последние часы в должности начальника управления. Вопрос о его перемещении был решен, и никто бы не вспомнил о том, что вообще такой вопрос существует, если бы в конце заседания Хренов еще раз не вылез бы выступать.

Уже производственную повестку исчерпали, когда он попросил слова и провякал что-то про свои обстоятельства. Это было грубое нарушение процедуры: кадровые вопросы не обсуждаются — они, по сути, решаются обкомом и доводятся до сведения района. А тут он вылез... Жуковец, говорят, от удивления рот открыл сначала, озираться начал, но тут же понял, что здесь не бунт, а смертник-одиночка, камикадзе. Предложил миролюбиво перенести вопрос туда, где он и решаться должен, — в обком. Но Хренов попер на рожон: «Я как член бюро райкома настоятельно прошу... мои коллеги и товарищи...» И так далее и тому подобное... Все-таки, знаешь, он был еще и действительно большой человек.

Жуковец даже развеселился. Он уже поднялся уезжать, а тут на место сел. Как я понимаю, решил дать всем присутствующим предметный урок демократии. «Ну что же, товарищи, кто даст правильную политическую оценку позиции коммуниста Хренова?» Все молчат. «Тогда, — говорит Жуковец спокойно, —

позвольте мне... Коммунисту Хренову было поручено занять место председателя колхоза (тут он, говорят, зашнулся, поскольку не помнил, какого именно колхоза, — ему подсказали)... Да... Хренов позволяет себе игнорировать интересы партии и народного хозяйства. А поэтому, если и далее Хренов будет настаивать на своей ошибочной позиции, то будет исключен из партии, снят с работы и выселен за пределы нашей области без права занять руководящую должность — такова единственно возможная политическая оценка позиции Хренова...»

Тут как бы проснулся первый секретарь райкома — ему ведь нужно было срочно отмежеваться от несчастного Хренова, которому он всегда клялся в верной дружбе, — и все знали об их товарищеских отношениях, они и семьями дружили. «Кто за оценку позиции коммуниста Хренова, предложенную товарищем Жуковцом? Прошу голосовать только членов бюро райкома... Принято единогласно», — «Вот видите, — сказал умиротворенный Жуковец, довольный быстрой реакцией первого секретаря райкома, — ваши же товарищи и коллеги дали вам урок партийной этики».

И тут Хренов сорвался. Это слышал даже я — он так кричал, что через открытые окна было слышно на улице: «Сволочь! Фашист! Вы все здесь фашисты!» Я понял, что с ним все кончено. Навсегда. Видимо, и он это понял. Я слышал, как в здании хлопнула одна дверь, другая. Хренов выскочил совершенно обезумевший, схватил меня, когда я поднялся ему навстречу: «Это — мафия», — неожиданно тихо сказал он, показывая назад, на райком. Тут он отбросил меня в сторону и быстро пошел... в уборную, в ту дощатую уборную, что на пустыре, — знаешь, между райкомом и райисполкомом. По дороге, проходя мимо шофера, лежавшего под райкомовским газиком, он схватил бутылку с бензином, которым тот мыл какие-то детали. Шофер не заметил, это видел только я, — видел, но не понял, что происходит. И только когда прорвался огонь, когда уборная вспыхнула и в пять минут — в пять минут, не больше! — сгорела, я понял, что произошло...

Пока в райкоме заметили огонь, пока высыпали во двор и осознали, что горит, а осознав и убедившись, что огонь ничему не угрожает, еще и посмеялись, поскольку никто не мог предположить, что там человек, — пока все это произошло, дощаник сгорел дотла. А у меня, знаешь, как судорогой свело и горло, и все тело — ни кричать, ни двигаться — такая сушь стояла... А тут и вовсе я почувствовал, что теряю сознание, присел на скамейку и, действительно, отключился на несколько минут...

Когда пришел в себя, уже кричали, что там человек, кто-то тащил ведра с водой. Приехала пожарная машина. Но к этому времени дощаник прогорел и рухнул в выгребную яму. Начали шуровать в поисках тела... Я ушел и тут же уехал домой. Только на похоронах рассказали мне подробности заседания бюро...

Жуковец уехал из Заборска одновременно со мной. Быстро сообразив, что именно произошло, он тут же распорядился назначить семье Хренова максимальную пенсию, — чтобы разговоров было поменьше...

Ну что же еще прибавить тебе, милый Сережа? Ты умница, ты все сам знаешь... Все это похоже на бред душевнобольного. Мы живем в бреде, в кошмаре. И как освободиться, не знаем. Уж я-то точно не знаю. Разве что скорее подохнуть.

Впрочем, ты, как всегда, — спокоен, жизнерадостен и готов принимать реальность такой, какова она есть. Ну что же, желаю успеха!

Привет жене и детям — всей дружной улыбающейся семье.

Мне сказали, что ты получил новую, роскошную квартиру. Рад за тебя. Но адреса-то я не знаю, поэтому и пишу на работу. Сообщи уж адресок, а то ведь один живу, кругом один — и словом перекинуться не с кем.

Остаюсь твоим другом...

Председателю

Комитета партийного контроля при ЦК КПСС тов. Пельше А.Я.
от члена КПСС (партбилет №...) инструктора отдела ЦК КПСС Ан-
кудинова С.М.

Докладная записка

По существу письма Изгоева В.И., адресованного мне лично и препровожденному работниками канцелярии в Комиссию партийного контроля, имею сообщить следующее. С Изгоевым Вениамином Ивановичем я никогда не состоял ни в какой переписке, что хорошо видно из самого текста его письма ко мне. Данное письмо его ко мне было первым и единственным. С моей стороны писем не было. Совет мой Хренову В.А. познакомиться с Изгоевым В.И. был продиктован надеждой, что печальный опыт последнего поможет Хренову В.А. занять принципиальную партийную позицию.

Кроме вышеизложенного, считаю своим долгом заявить нижеследующее.

В течение многих лет я хорошо знал Изгоева В.И. как убежденного коммуниста и преданного, исполнительного члена партии. Теперь, как явствует из письма, Изгоев В.И. находится в состоянии крайнего нравственного напряжения, граничащего с болезнью. Подобное состояние представляет серьезную опасность для Изгоева В.И., поскольку в любую минуту он может сорваться, позволить себе публичные заявления, несовместимые со званием члена партии. Серьезную тревогу вызывает также и тенденция Изгоева В.И. трактовать в самых отрицательных тонах поведение и поступки партийных работников — Жуковца Н.С., покойного Хренова В.А. и мои лично. Между тем, исключение Изгоева В.И. из партии было бы не только серьезной трагедией для него самого и для его семьи, но и вызвало бы нежелательные толки в этой связи. Думаю, что наиболее правильной мерой было бы не накладывать на Изгоева В.И. партийных взысканий или каких-либо иных санкций, а помочь ему преодолеть его недуг, для чего содействовать определению его в одну из психиатрических клиник, где можно было бы обеспечить больному индивидуально созданные условия.

Со своей стороны я чувствую тяжелую вину перед партией, заключающуюся в притуплении чувства партийной бдительности, в недооценке антипартийных настроений Изгоева В.И.

18 августа 197... года

С. Анкудинов

Источник: Лев Тимофеев. «Я — особо опасный преступник». Минск: Творческо-производственный центр «Полифакт», 1990.

[1] В течение многих лет — 1-й секретарь Московского обкома партии.

Корнилов
Владимир Николаевич
(1928–2002)

Писатель.

Родился в Днепропетровске, после эвакуации в Сибирь во время войны переехал в Москву. Окончил Литературный институт. Первые стихи опубликованы в 1953 г. В 1957 г. был рассыпан набор его стихотворного сборника «Повестка из военкомата». Две книги стихов «Пристань» (1964) и «Возраст» (1967) увидели свет только после значительной чистки и правки цензурой. В 1977 г. был исключен из Союза писателей СССР, в 1988 г. восстановлен в Союзе.

Прозе Корнилова повезло еще меньше: повести — «Без рук, без ног» (1968) и «Девочки и дамочки» (1971) после длительных попыток автора пристроить их хоть в каком-нибудь журнале были отвергнуты и напечатаны: первая в «Континенте» (1976), вторая в — «Гранях» (1974).

Роман «Демобилизация» опубликован в 1976 г. в издательстве «Посев», на Родине издан в 1990 г. в издательстве «Московский рабочий».

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

<...>

Инга

Девушка сидела на том же месте и читала рукопись, складывая рядом с машинкой прочитанные страницы. Алешка и Марьяна либо реферат уже прочли, либо не стали читать. Страницы второго экземпляра были рассыпаны по полу и креслу, а супруги о чем-то негромко спорили.

— С легким паром! Наконец-то... — сказал Сеничкин-младший чуть громче обычного. — Выкупался, Спиноза? Ну, пойдем! — и он зло, совсем как днем начштаба Сазонов, схватил Курчева за плечо и втолкнул в темную, смежную с кабинетом гостиную.

— Да ты понимаешь, что делаешь? — Сеничкин щелкнул выключателем. — Россия выстрадала марксизм, а ты что несешь?.. На Тайшет захотел? Да кто ты такой? Недоучившийся фендрик? Наполеончик от вольтерьянства? Заткни свой реферат себе в одно место взамен экстракта красавки.

— У меня нет геморроя.

— Ничего, будет. От таких потуг непременно будет. Сидел, тихий как мышь, а тут вдруг высунулся. Тебе учиться надо, а не изобретать велосипед... Фурш-

тадский солдат... Тебе не в науку надо, а сочинять стихи. Лирику для бедных. «У бурмистра Власа бабушка Ненила починить...», дальше не помню. Отдельная личность. Индивидуум. Марксизм рассматривает личность как?.. Сначала условия для всех, затем для каждого. А ты каждого, одного, молекулу какую-то, во главу угла ставишь. Так в мире сейчас три миллиарда людских молекул. Ну, перебери всех. Знаешь задачу с шестьюдесятью четырьмя клетками? На одну клетку кладут зерно, на вторую два зерна — и так далее... На последние — какие-то нули в энной степени. Земля раньше от атомного взрыва в нуль обратится, чем ты до второй тысячи доедешь. Отдельные особенности личности! Удивил! Поистине страна большого кретинизма. Подумать, где-то в глуши, среди лесов дремучих, сидит недоучившийся техник, который и пробоч починить не может, и изобретает теорию отдельного человека.

Алексей Васильевич ходил из угла в угол, как в аудитории, и с удовольствием прислушивался к своему голосу, жалея, что его слушает один Курчев.

А впрочем, зачем сердиться ему, доценту, надежде и гордости кафедры философии, Алексею Сеничкину, на этого балбеса, который ни бельмеса (как сошлось в рифму, а?! Не забыть бы...) не соображает и думает, будто философия — это наука, которой может заниматься кто попало, стоит ему только чуть поднатужиться. Балбес, неуч, не прочитавший даже того, что положено в их наробразовском институте по кастрированной программе. Дурак, который еле полз на тройки и без шпаргалетов не приходил на экзамены. Лентяй, которому самое место в этом Богом забытом полку, а он вон на что замахнулся. Сиротка... Все они, сиротки, такие... Их только пригрей, себя тут же покажут. Но Алексей Сеничкин не злыдень. Черт с ним. Пусть идет в аспирантуру. Пусть не думает, что ему завидуют. Там дурь из него выбьют. В конце концов, складывать слова сиротка умеет. Фраза у него получается. По-настоящему, дурака надо было бы отправить на филфак. Но туда он бы по конкурсу не прошел. А слог у него есть. Эта охломонская статья написана не так уж плохо.

— Это никуда не годится, — сказал Алексей Васильевич вслух. — Лучше порви. Не ровен час попадет к вашему особисту, сам он скорее всего не раскумекает, но наверх стукнет, а там уж разберутся. Порви, а через неделю привози что-нибудь путное. Хотя бы такое...

Он вышел в кабинет, открыл левую тумбу полированного стола и из нижнего ящика вытащил три брошюрки и переплетенную рукопись.

— Вот, возьми, — сказал, возвращаясь в гостиную. — Через неделю притащишь. Передери как следует. Цитаты замени. Или место оставь — вдвоем заменим. Перепишем так, что сами Юдин, Митин и Константинов не докопаются. Ну, пошли. А то перед девочками неудобно.

Курчев сидел на подлокотнике массивного кресла, красный сразу от стыда, злобы, безнадежности, но еще и от гордости: все-таки я допек доцента! Но обидно было, что все труды пошли коту под хвост; снисходительное же — передери — обтяпаем, — не обнадеживало, а обижало. Курчев считал себя не глупее доцента. То, что Сеничкин писал, было вовсе никуда, хотя среди своих Алешка считался философом, позволяющим себе вольности.

Но аспирантура накрылась. Завтра надо было явиться пред ясные очи Ращупкина и — еще не ясно зачем — пред не менее ясные очи полкового особиста.

И отстуканное послание в правительство, где главным козырем была аспирантура, оказывалось бесповоротным враньем. Короче, безнадега была полная.

— Значит, договорились? — спросил Алешка, приоткрывая дверь в кабинет.

— Да иди ты... — прошипел Курчев.

— Самолюбие, — вздохнул Сеничкин-младший, — я думал — ты умнее.

Он стоял, худой, стройный, хорошо подстриженный, с короткой трубкой в зубах. Суженные по самой последней моде брюки, импортный пуловер. Шерстяная рубашка без галстука. Вид домашний, но строгий.

— Понимаю, неприятно, но сдерживаться надо, — сказал он.

— Да, конечно, — ответил тот. — В наш век сдерживаться просто необходимо. В наш век, когда все дороги ведут к коммунизму, когда сфера господства...

— Что? Что? — насторожился Сеничкин.

— То самое. Я наизусть знаю, — нехорошо усмехнулся Курчев и, поднявшись с кресла, встал в позу Гамлета. Это он уже не раз проделывал в финском домике, веселя офицеров. — В наш век, когда все дороги ведут к коммунизму, когда сфера господства монополистического капитала все более и более суживается, — завывал Курчев, будто это была не статья в философском сборнике, а душераздирающие стихи, — американо-английские империалисты, панически напуганные гигантским ростом сил лагеря мира, демократии и социализма... — для разнообразия в этом месте Борис перешел на сталинскую интонацию и даже согнул для убедительности указательный палец, — видят единственный путь к сохранению своей власти в новой мировой войне...

— Это подло, — сказал Алешка и вышел из гостиной.

«Опять я в дерьме», — подумал Курчев.

Круглый стол и восемь стульев, полированная горка с чайным и столовым сервизами, вымеренные сантиметром пейзажи на стенах и два слоновых кресла презрительно обступили неудачника. Только телевизор, покрытый черным плюшем, был безразличен, как клетка с уснувшим щеглом.

«Застрелиться, что ли? — подумал Курчев. — Так я наган сдал».

Он рухнул в огромное кресло, закинул ногу на ногу. — Лучше бы пожрал у заготовителя, — сказал вслух и ощутил голод.

Сволочной дом. Поесть дадут только в праздник, либо обжирайся, либо голодай. И Алешка хорош. Пригласил женщину, а вместо еды — ля-ля. Директриса небось доктора наук еще покормила б, а ради аспирантки нет расчета снимать скатерть... — Он брезгливо поглядел на толстый, зеленый, расшитый шелковыми цветами плюш. Впрочем, аспирантка перебьется. Завтра доцент ее в ресторан потащит. Теперь у него гонорары незаприходованные... Ладно, не психуй. Ехать надо...

На вокзале заправишься. Только куда деть машинку? Здесь — Надька ломает, в полку — особист заберет. Отнесу Елизавете.

Точно Елизавете! И письмо ей отдам. А Зубихину скажу: малявка моя, никому ее не доверяю.

Он вовсе успокоился и снова оглядел гостиную. Стулья, кресла, стол, горка и пейзажи были по-прежнему величественны, но уже не раздражали.

— А вы — застрелиться! — и он соорил рожу. За дверьми о чем-то переговаривались молодые супруги. Голоса девушки не было слышно.

Елизавету бы не разбудить — встает рано, подумал Борис.

Он погасил в гостиной свет и вышел через стеклянные двери в прихожую. Рядом с его шинелью висела длинная дубленая выворотка.

«Везет охломонам!» — вздохнул Борис, напялил ушанку и влез в шинель. Хорошо было бы улизнуть, не прощаясь, но в кабинете остались реферат и машинка. Тихо, чтоб не услышала Надька (из-под ее двери прорезывалась полоска света), он вошел в ванную и завернул в газету полотенце и мыльницу с мочалкой. Засунул сверток в чемодан и сверху положил письмо, надеясь, что оно не промокнет.

— Ты что, уже?.. — удивилась Марьяна, когда он, перетянутый ремнем, словно собрался на развод, вошел в кабинет.

— Завтра опаздывать нельзя. — Он закрыл малявку. Инга, по-видимому, реферат уже прочла, потому что он лежал на диване аккуратной стопочкой.

— Очень удачная машинка, — сказала Инга.

— Машинка ничего. Работа могла быть получше, — сказал Алешка.

— Тебе бы все ругать, — возразила Марьяна. — По-моему, даже неплохо. Не слушай его, Боренька. — Она обняла лейтенанта. Тот, нагнувшись, собирал рассыпанные страницы.

— Не изображай оскорбленное самолюбие, — сказал Алешка. — Книг не взял? Не валяй дурака — за неделю напишешь новый.

Курчев сунул реферат в папку и положил ее в чемодан вместе с машинкой.

— В другой раз, — ответил Сеничкину.

— Зря ты Борю ругал, — сказала Марьяна. — Не так уж он плохо пишет. Не хуже тебя. — Она ткнулась Курчеву в плечо. — Ведь, правда, неплохо? — Она посмотрела на Ингу.

— Мне понравилось, — твердо сказала та. Курчев с досадой оглядел гостью.

— Понравилось, — повторила она. — Читать исключительно интересно.

— Но какая же там философия? — улыбнулся Сеничкин.

Так он улыбался слабо успевающим студенткам. — Чистая самодеятельность. И цитаты плохо подобраны. Нет, это никуда не годится.

— Может быть... Я в философии слаба... — Инга пожалала плечами. — Но читать интересно и ассоциаций много.

— По-моему, просто хорошая работа, — сказала Марьяна. Но Курчев чувствовал, что она не дочитала рукописи — просто ей хотелось позлить мужа.

— А вообще, Алексей Васильевич, — аспирантка снова пожалала плечами, словно так ей легче было искать слова, — это очень самостоятельно, ни на что не похоже.

— Чистейшей воды дилетантизм, — фыркнул Алешка. — Ни в какие ворота не лезет. Разве такое можно принести на кафедру? В самом оптимальном варианте — засмеют.

— Да, для кафедры это не годится — тут вы правы... Зато читать исключительно интересно.

Курчев почувствовал, что и гостья задирает доцента. Она встала и оказалась не очень высокой, хотя и выше и худее Марьяны.

Марьяна ее не удерживала.

— Нет, нет, не беспокойтесь, — сказала она Сеничкину, который доставал

из стенового шкафа пиджак. — Меня... ваш брат проводит.

— Вам на метро? — спросила она Курчева. Он кивнул.

«Выдержка! — удивился Борис, понимая, что его используют как подручные средства при переправе. — Но зачем ломать комедь, приглашать домой девочку, с которой живешь? Или это не доцент ее пригласил, а Марьянка? Скорей всего, ее штучки. Зазвать домой разлучницу, показать ей что к чему. Ну, деточка, решайся! Слабо, а? Марьянкин почерк. Что ж, каждый сражается, как может. Во всяком случае, не по-страусиному. Без обмана и самообмана...» — И Курчев ткнул Марьяну в плечо.

<...>

— За перила держитесь! Темнотища... — крикнул Курчев, обгоняя девушку. Проклятые сапоги по-милицейски стучали подковками. Дверь наверху захлопнулась.

В окна лестничной клетки светили два фонаря со сквера, но все равно в подъезде было жутковато. Курчеву хотелось поскорее на мороз. Да и вообще надо было спешить к Лизавете.

— Вы около какой станции живете? — крикнул он вверх. Молчать было так же неловко, как бежать вперед.

— У вокзалов. Возле Домниковки.

— Соседи. — Он, осмелев, толкнул сапогом дверь. Мороз убавился или после тепла не ощущался. Ветра в закутке тоже не было. Два фонаря над сквером не раскачивались.

— Мне на Переяславку, — быстро, как пули, сажал он слова. — Сейчас на стоянке словим...

— Зачем? Вон шестерка...

Действительно, по тихой черно-белой бесшумной улице, желтея окнами, плыл медленный, как рок, автобус. Курчев удивился его величавости. Он был в точности такой, как загородный, но загородный подходил к остановке замерзший и словно бы виноватый: мол, опоздал, простите! А этот плыл будто по собственной прихоти, будто он не для пассажиров, а они для него.

— До библиотеки, — сказала Инга и остановилась в проходе, ожидая, пока лейтенант, позвякивая мелочью, расплатится с кондукторшей. Пожилая сонная женщина оторвала длинную узкую полоску от бумажного ролика. Пальцы у кондукторши были сморщенные, черные, словно она всю жизнь чистила картошку, и сиротливо выглядывали из обрезанной перчатки. «Митенки», — зачем-то вспомнил Курчев.

В автобусе никого не было. Инга придвинулась к окну, опять зябко повела плечами и улыбнулась, как бы объясняя лейтенанту, что устала в министерском доме и здесь, в пустом позднем автобусе, ей куда проще и уютней. Курчев стал рядом. Лицо у него было мрачным — он злился на Алешку.

Инга молча улыбалась. Нахмуренное лицо странного офицера не мешало ей радоваться, что вынужденный визит наконец окончен и можно расслабиться, даже напевать в уме какую-то чушь. Ей жаль было этого нескладеху-лейтенанта в тесной шинели и в огромных сапогах, и, преодолев застенчивость, она сказала:

— В одном ваш кузен прав — в аспирантуру с таким рефератом не примут.

— А ну его... — Курчев оторвал руку от поручня и едва удержался на ногах. Автобус круто поворачивал на Арбатской площади. К кому относилась реплика — к реферату или к Сеничкину — осталось неясным.

— И зря, — сказала Инга. — У вас интересная работа. И что необычно — минимум жвачки.

— Вы всерьез?

— Угу, — кивнула девушка.

— Работа — туфта! — отрезал он, представив, как завтра за укромным столиком крайнего ресторана девушка будет корить Алешку за разнос реферата, а потом милостиво простит и, смеясь, расскажет, как утешала нелепого военного.

Ну их к лешему, решил Борис. Кто кого осилит — Марьяна вас или вы Марьяну — мне без разницы. И плевал я на всех Сеничкиных и на их подачку в три тысячи гульденов.

— Реферат — туфта, — повторил он. — На жизнь не похоже. В жизни дерьма — ого-го! А у меня чисто, как в аптеке.

Инга, прижимаясь плечом к стеклу, глядела из-под алого вязаного башлыка на чудного офицера. Капризный, надутый, он походил на неловкого некрасивого ребенка. Хотелось потрепать его по ушанке, успокоить. Говорил он сбивчиво, его трудно было понять, и не верилось, что это он написал любопытную по мысли и свободную по языку работу.

— Вам выходить, — пробурчала кондукторша. Автобус остановился. — Все лалакают... Спешить дармоедам некуда...

Курчев хотел огрызнуться, но, покосившись на Ингу, покраснел и не сдержал улыбки.

— А вы о чем пишете? — спросил, когда они спрыгнули на снег.

— Об одном английском романисте прошлого века, Тёккерее, — ответила без всякой интонации, как телефонистка. Чувствовалось, что ей порядком надоел этот вопрос. — Подальше от туфты, как вы говорите.

— Такси! — крикнул он. Мимо проехала «Победа» с зеленым глазом.

— Бросьте! — Инга схватила его за руку. — Вот же метро.

Машина не остановилась.

— Вы, оказывается, бретер?

— Бретёр, — поправил Курчев, не догадываясь, что она говорит на английский манер. — Я спешу.

— Метро всего быстрее. Я каждый день сюда езжу.

— Ах, да! Третий научный... Нашего брата туда не пускают...

— А вы напишите другую работу и пустят. Они спускались по мокрой гранитной лестнице. Девушка весело помахивала рукой в варежке.

— Нет, — сказал Курчев, — с меня хватит! Тьфу ты, черт, опоздал! — он взглянул на часы над кассой. — Опоздал, — повторил он, зачем-то сверяясь со своими.

— Вам сейчас на работу? — спросила девушка, протягивая билетную книжечку контролеру.

— Да нет... К махехе. Они рано ложатся. Времени было четверть двенадцатого.

— Я на вашем месте все-таки подала бы в аспирантуру, — повторила девушка. — Или вам светит удачная карьера?

— Карьера? Какая там карьера, не выше капитана. А теперь и вовсе трибунал корячится, — добавил, сам не зная, прихвастнул или нет. — Мачехе письмо везу: чтоб в Кутафью башню отнесла, на имя Маленкова. Теперь по почте придется... — Он оборвал себя, потому что получалась сплошная жалобная книга.

— Большие неприятности? — спросила Инга уже на перроне, вежливо подерживая разговор.

— Да так... В общем, я решил рвать когти...

— Вот и подайте в аспирантуру...

— Нет. Для аспирантуры писать — себе дорожке... Про девятнадцатый век еще куда ни шло, но мне про сегодняшнее охота...

— С сегодняшним сложнее, — согласилась Инга. — Даже с меня сегодняшнюю туфту требуют. Не знаю, как выкрутиться. Подошел поезд.

— Спасибо, ваш брат обещал написать самые идейные страницы, — Инга не давала затухнуть разговору.

— Он умеет, — сказал Курчев, не желая ругать Алешку.

— Да, это неприятное занятие, — согласилась Инга. — Но у Алексея Васильевича как-то получается.

— Вранье, как его ни переворачивай, оно все равно вранье.

— Скажем лучше — общие места. Их трудно изложить так, чтобы звучало не унижительно.

— Да, унижений вагон, — согласился Курчев. — А все от вранья.

— Нет, скорее от скованности. Я чуть не ревела: слова все выходили какие-то нечеловеческие...

— Точно, — улыбнулся Курчев. — Но на это есть мастаки.

Я на гауптвахте встретил одного такого. Я в позапрошлом году по глупости попал на гарнизонную губу под Питером. Вдруг выключили свет. А в этот день как раз печатали газету-дивизионку, и меня как самого грамотного послали в редакцию крутить наборную машину. Я ручку верчу, а в кабинете пропагандист из Ленинграда инструктаж толкает, как писать передовицы. Я, говорит, товарищи, покупаю тетрадки, очень удобные, в переплетах. У меня их уже больше двадцати набралось. Вам тоже советую не пожалеть денег и купить. В эти тетрадки я заносу всякие образные выражения, например: «твердыня мира», «бастион социализма», «оруженосцы американо-английского империализма», «пропагандистская машина» и другие. Он их насчитал штук сто. Я всех не упомянул, — улыбнулся Курчев, потому что все примеры взял из Алешкиной статьи. — В общем у него был полный набор с прицепом. Все это, говорит, товарищи, я заносу в тетрадку. И передовицу сначала пишу своими словами, но потом вынимаю тетрадки и смотрю, что можно заменить на научные, красивые и образные словообороты.

— Шутите? — засмеялась Инга.

— Честное слово, нет.

— Вы считаете, что у вашего брата тоже заведены тетрадки?

— А ему зачем?.. — начал Борис, но вовремя осекся. Ему хотелось сказать, что у Алешки и без тетрадок голова набита дрянью.

— Все равно спасибо Алексею Васильевичу, — сказала Инга. — Если, конечно, не подведет.

— Не подведет...— вздохнул Курчев, посмотрел на ручные часы и нахмурился. Инге стало неловко, словно это она его задержала у Сеничкиных.

— Совсем опоздали? Вам, наверно, стоило попросить родных... Или в башне большая очередь?

— Нет, никакой. Сдаешь в окошечко, и все дела. Расписки не нужно. Это напротив, в Президиуме, у Ворошилова, очередь. А Кутафья башня как почтовый ящик. А, ладно, плевать! — Он махнул рукой: долго расстраиваться не умел.— Наклею марку и пошлю.

— Хотите, я передам? — спросила вдруг Инга.

— Вы всерьез? — обрадовался он.— Да нет, неудобно...

— Отчего? Я каждый день бываю напротив.

— Ах да, третий научный!..

— Он самый,— улыбнулась девушка.— Дайте письмо.

— Ловлю на слове! — осмелел Курчев и достал из чемодана белый конверт. «Хорошо, что заклеил», — подумал он и вдруг вовсе расхрабрившись, спросил: — А машинку случаем не возьмете?

— Тоже туда отнести? — улыбнулась девушка.

— Нет. У себя оставьте. Мне ее сейчас деть некуда, а с ней тоже непросто...

— А вы сдайте в камеру хранения, — нашла Инга.

— Нельзя. Там только пять дней держат, а мне дали неделю ареста и еще, наверно, добавят, — сказал Курчев и смутился, вдруг Инга решит, будто он хочет ее закадрить с помощью малявки.

— Что ж, давайте, — согласилась девушка.— Запишите мой телефон — только я редко бываю дома.

— Мне не к спеху. В полку она мне не нужна.

— А вдруг вы передумаете и решите написать другую работу?

— Нет.— Курчев покачал головой. И тут поезд остановился на станции «Комсомольская».

Запахи позднего пустого метро — резкие запахи подтаявшего снега, влажного сукна, мокрого меха, смерзшейся резины и сырой кожи — были последними для Курчева запахами города. А сейчас то ли от скованности, то ли от голода эти запахи ощущались еще острее и навевали тоску.

— Все-таки как-то неловко,— сказал он, поднимаясь с девушкой по желтой от снега и опилок лестнице.

— Вам решать...— сказала Инга.

Он посмотрел в ее лицо, охваченное темно-алым башлыком. Правильные черты лица, длинные, почти как у Вальки Карпенко, ресницы, но вся она была другая, и Курчев ее побаивался.

— Я всегда считала, что военные — народ решительный,— улыбнулась девушка.

— Какой я военный? Я ни то ни се. А вам спасибо. И за письмо, и за машинку — не то мне ее хоть в урну кидай.

— Я думала, вы ее жалеете...

— Вообще-то, жалею. Но сегодня я, как Епиходов... Двадцать два несчастья.

— Запишите телефон и дайте ваше сокровище, — сказала Девушка.

— Я вас провожу...

- Зачем? Вы торопитесь, а она нетяжелая. Мне близко.
- Теперь не тороплюсь. Только узнаю, когда последний паровик. Вы очень спешите? — Да нет. Они прошли вдоль вокзального здания.
- До... — буркнул Курчев в сонное окошечко пригородной кассы.
- Вы там живете? — вежливо спросила девушка. — Или это военная тайна?
- От этой военной тайны еще восемнадцать километров, и все пехом.
- Ого! И вы еще не хотите в аспирантуру?
- Рад бы в рай, да грехи...
- Какие еще грехи? Вы написали отличную работу. Я даже хотела у вас попросить экземпляр для мужа.
- Вы замужем? — спросил Борис, повеселев.
- Разве непохоже?!
- Да нет. Просто чудно немного... Извините...
- Не пойму, вас это радует или удивляет, — сказала Инга.
- Сам не пойму... — Курчев засмеялся. — Правда, не торопитесь? Может, посидим? — кивнул на длинное здание вокзала. — Или это неудобно?
- Отчего же, вполне удобно. Просто мне трудно следить за переменами вашего настроения.
- Это от зажатости, — улыбнулся он — Тогда пошли. А то я сегодня не обедал.
- Теперь ему было с ней легко, почти так же, как с Гришкой Новосельновым или с Федькой. Не надо было искать слова. Они сами высказывались, как патроны из автоматного рожка, когда его разряжаешь, и весело раскатывались по квадратному столику между тарелок и фужеров. В грязноватом, заставленном пыльными пальмами ресторане было пусто и тускло, и Курчев, не стыдясь засаленного кителя сидел напротив Инги так же непринужденно, как в финском домике. Официант работал споро, выбирать было особенно не из чего — и теперь в ожидании бифштексов с луком они запивали холодную осетрину красным вином.
- Выбирайте вы. Я неголодна, — сказала Инга, и Курчев с опозданием вспомнил, что к рыбе положено белое.
- Извините, у нас обычно пьют полтораста с прицепом. Это я от Сеничкиных кое-чего поднабрался... А Теккёрея, — он ударил на предпоследнем слоге, — честно сказать, я не читал.
- Прочтите. Вам понравится.
- Если он не слезливый.
- Нет, слезливый это Диккенс.
- Я слезливых не люблю. Я больше по насморку...
- Ему теперь хотелось, чтобы Инга поговорила о реферате.
- Я хочу показать вашу работу мужу и еще одному приятелю, — сказала она, словно услышала его мысли. — Они понимают, много чего прочитали...
- А я мало... — вздохнул Борис. — В институте — он, простите, у меня бабский был...
- Педагогический?
- Угу... четыре года пошли коту под хвост. Даже не помню, на что их угрохал... Если что стоящее прочел, так это Толстого...
- Это он-то стоящее?

— По мне — еще как! Логика какая!..

— По-моему, злобный старик, — усмехнулась Инга. — Ханжа. Я где-то читала, что теорию непротivления мог придумать и Наполеон, но лишь на Святой Елене.

— Не знаю, — смешался Курчев. — В его учении я не смыслю, но Наполеона он здорово прикладывает, хотя несправедливо...

— А женщин как ненавидел! — продолжала Инга. — Сплошные комплексы. Элен — какая-то кукла. Мстил, наверно, какой-нибудь отвергшей его красавице. И вся эта нудятина о комильфо! А Наташа? Эпизод он явно написал для Софьи Андреевны, чтобы не огорчалась из-за вечных беременностей.

— Из двоих всегда один страдает, — перебил ее Курчев. — Муж и жена, как два стебля в одной банке, — кто из кого больше высосет.

— Оригинальный взгляд на супружество. Вы женаты? — Она потрянула головой, словно хотела откинуть прядь со лба.

— Нет. Бог миловал. А что — я не прав? — Он поглядел ей прямо в глаза, выпытывая, так ли у нее с мужем.

— В реферате вы проповедуете равенство, — уклонилась она от ответа.

— Реферат — дистиллированная вода. Движение без трения. Про семейную жизнь я не знаю, а про обычную — скажу: нету в ней ничего химически чистого. Даже разложите доброту, и составных у нее выйдет больше, чем цветов в спектре.

— К концу суток это для меня чересчур сложно, — сказала Инга. — Лучше выпьем за ваш успех, — и она погладила свою кожаную сумку, где лежало письмо в правительство.

— Хорошо. За вашу легкую руку! — обрадовался Курчев. Звон толстых вокзальных фужеров был еле слышен, но Курчев был где-то далеко — за ночным поездом и долгим маршем хотелось верить, что это колокольный звон судьбы. Он чувствовал себя легко и свободно, а после жаренного с луком мяса даже беспечно. Разговор с Ращупкиным и особистом сквозь снег и темноту лесного шоссе. А пока что напротив сидела молодая женщина, от которой ему ничего не нужно, пусть только сидит, пока длится ужин.

— И все-таки вам надо в аспирантуру, — повторила Инга.

— Не возьмут. Я беспартийный.

— Я тоже.

— Вы молодая, а мне через два месяца билет сдавать.

— Теперь можно продлиться, — сказала Инга, и Курчеву показалось, что все это уже было, но тут он вспомнил, что эту же фразу сказал в дежурке Черенков.

— У меня с этим всегда неприятности выходят. Я даже в армию загремел оттого, что не достал партийного поручительства.

— Как? — Инга вскинула голову. — Я даже хотела спросить, почему вы там оказались? Не получили диплома?

— Получил. Только у нас в женском монастыре не было военного дела, и меня загребли солдатом.

— Простым солдатом?

— Простым. — Он усмехнулся. — Меня уже брали на радио, в монгольскую редакцию, но нужно было два поручительства. Одно дала мачеха, а второго я не достал. И тут как раз повестка.

— А разве Сеничкины беспартийные?

— Лешка тогда в кандидатах ходил или только перешел, а дядька... Знаете, родственные отношения... Впрочем, демобилизуюсь, жалеть не буду. Армия кой над чем задуматься заставляет.

— Жаль,— сказала Инга.— Вам надо учиться. Давно вы в армии?

— Осенью будет четыре года.

— Разве теперь столько служат?

— Служат по двадцать пять лет и дольше. Я ведь офицер. Выпил за здоровье саксонского курфюрста.

— Как Ломоносов?

— Точно,— обрадовался он.— Нас, понимаете, загнали на Азовское море. Жара была зверская. Гимнастерки от пота прямо как сапоги торчком стояли, пилюшки у всех сплошь белые. Мы в них воду из ручья носили, а была она соленая, как в Азовском. Пить жутко хотелось. Это были летние лагеря, стрельбы. А меня, как назло, за близорукость из наводчиков, первых номеров, турнули в телефонисты. Старушечье занятие. Кричал в трубку: «Шамолет пошел на посадку». Бани не было, в море мылись. Вот у меня и волосы вылезли...— Он тронул макушку.— И тут прибегает в наш окоп лейтенант из штаба дивизии, в легких брезентовых чукяках. Высший шик считался. Не всем носить разрешали. «Кто хочет,— кричит,— учиться на лейтенантов-радиолокационников, подавайте на годичные курсы. Училище под Ленинградом...» Я соображаю — туда ехать через Москву. И прямо в окопе пишу рапорт. Глаза, думаю, у меня минус три.

Съезжу туда, в Москве покантуюсь... А под Питером разберутся, что у меня зрение никуда — и назад отправят. Глядишь, месяц долой. В армии дорога — самое милое дело. Ни подъема тебе, ни нарядов на кухню...

— Плохо в армии? — спросила Инга.

— Тоска. Кто сидел, говорят, похоже на лагерь, только дисциплины больше.

— А как же ваша близорукость?

— Никак. Медицинской комиссии не было. Сказали: раз в солдаты годишься, то и в техники годен. В общем ношу шкуру...— Он хлопнул себя по серебряному, изрядно потемневшему погону.

— А вы не слишком серьезный, скорее импульсивный...— сказала Инга.— Зато пишете хорошо.

— Какое там хорошо!.. Вы лучше о себе расскажите, а то я вам слова сказать не дал.

— У меня ничего импульсивного, все зауряд-обычно. Поздно уже. Пора.

Курчев расплатился. Вышло за все про все меньше шестидесяти рублей.

За время ресторанного сидения мороз усилился, да и ветер стал резче. Но согревшемуся лейтенанту мороз и ветер пока не мешали. Он даже не опустил ушанки. Впрочем, до Ингиного переулка было рукой подать. Они прошли под железнодорожным мостом мимо похожей на отрезанную половину гигантского костела высотной гостиницы на темную Домниковку. Разговор сам собой оборвался в гардеробе ресторана и начинать его на ходу было не с руки, тем паче, что скоро все равно прощаться. Но и молчать было неловко, хотя эта неловкость как раз говорила о каких-то пусть еще непрочных, а все-таки наладившихся отноше-

ниях. Два человека, ничего не зная друг о друге, случайно столкнулись в чужом доме, разговорились, выпили легкого красного вина и теперь идут по замерзшей спящей Москве — и идти им осталось не больше трехсот шагов.

Курчев даже не пытался понять Ингу. Она явилась в конце сумасшедшего дня, когда от усталости голова ничего не соображала. И что толку спрашивать о муже, если из расспросов ничего не узнаешь. Лучший способ — раскрыть себя в разговоре, тогда, бывает, и собеседник распахнется. Но в ресторане от голода, заморенности, неудачи с рефератом и от армейских неприятностей Борис опалел, стал выдавать на-гора собственную биографию и проворонил миг встречной исповеди. Он словно забыл, что напротив сидела замужняя женщина, которая — от жалости ли к нему, от тоски ли — съела за компанию бифштекс с луком и выпила за его удачу. Тогда он о ней почти не думал. Теперь же, на холоду, он вдруг очнулся и понял, что сейчас он ее доведет до дому — и все, больше он ее не увидит.

— Инга... — начал он.

— Тише... — прошептала она, схватив его под руку и вжавшись в него плечом — словно пряталась от кого-то.

Они собирались свернуть в проулок, но она потянула его дальше по темной Домниковке.

— Муж, что ли? — не удержался от вопроса Курчев, близоруко вглядываясь в спускающегося по переулку тощего невысокого мужчину в осеннем пальто.

— Нет. Потом, потом... — смеясь, Инга быстро тащила Курчева дальше по улице. На следующем углу торчало псевдоготического вида здание из красноватого кирпича. «Монастырь», — подумал лейтенант. — Отсюда, наверно, и Домниковка». Они свернули в проулок. Он тоже поднимался горбом, как предыдущий, по которому спускался тощий мужчина.

— Приятель, — пояснила Инга, когда они отделились от Домниковки. — Очень милый человек. Но... — и она оборвала фразу.

«Караульщик», — хотел сказать Курчев, а вместо этого брякнул:

— Холодно сегодня...

Это могло относиться и к мужчине, который намерзся в переулке, ожидая загулявшую Ингу, и к своим восемнадцати километрам от железнодорожной станции до полка. Инга, видимо, восприняла слова как проявление мужской солидарности.

— Наверное, что-то передать хотел. Очень начитанный. Обещал помочь с диссертацией.

— Да на вас целый комбинат работает!

— Да. Еще бывший муж консультирует, — засмеялась Инга.

Теперь уже и ему было ясно, что она свободна от мужа и, по-видимому, от ожидавшего ее в переулке начитанного доходяги. Значит, оставался один Алешка.

— Сюда, — сказала Инга. Они вошли в проулок с параллельной Домниковке Спасской и остановились у кирпичного дома старой постройки. — Давайте ваше сокровище и реферат.

— Для начитанных? — спросил Курчев.

— Угу, — кивнула Инга. — И для меня тоже. — Голос у нее все еще был веселый. — Хотите, вынесу вам Теккеря? Или вам надо бежать?

— Еще нет.

Она вошла в подъезд. Борис отвернул рукав. До последнего поезда оставалось двадцать четыре минуты. «В крайнем случае, голосну на шоссе, — решил, чувствуя, что его разбирает любопытство. — Тебе недолго увлечься, — ругал себя. — Ну, куда с твоим суконным рылом?..»

В проулке перед подъездом ветер гулял всюю, но войти в парадное было неловко.

Дверь отворилась. На пороге встала Инга с двумя толстыми зелеными книгами. Выворотки и башлыка на ней уже не было.

— Простудитесь! — испугался Курчев и попытался втолкнуть ее в подъезд.

— Ничего. Я на минуту, — сказала она. — Не выношу стоять в парадных. — Она снова зябко повела плечами, возможно теперь уже от холода. — Счастливо. Письмо завтра передам. Вдруг принесу вам удачу. Звоните, когда будете в городе! — махнула рукой и тут же отпустила дверь — та гулко хлопнула.

Курчев поглядел на номер дома. Под цифрой по белому кругу даже при тусклом электричестве легко прочитывалось название проулка — Докучаев.

«Ну и ладно, — вздрогнул Борис — в названии ему почудился намек. — Я не навязывался».

Он спустился на Домниковку, быстро дошел до вокзала, купил у телеграфистки два конверта. На первом вывел адрес части, на втором — адрес мачехи.

На обороте лилового телеграфного бланка печатными буквами, чтобы было разборчивей, написал:

«Елизавета Никаноровна! Извините за назойливость. Если я Вам понадобится, напишите. Адрес на конверте. Привет Славке и Михал Михалычу.

Еще раз простите. Ваш Борис.

Я был в городе недолго.

18 февраля 1954 г.» — кинул письмо в высокий деревянный с аляповатым государственным гербом ящик и вышел на платформу. За тусклыми окнами ночного поезда людей не было видно.

«Остановок небось не объявляют», — подумал Борис и залез в первый от паровоза вагон.

Инга поднялась на третий этаж, отпустила на замке собачку, осторожно закрыла дверь. Квартира спала, света в прихожей не было. Инга взяла с сундука реферат и машинку, прошла к себе в комнату. Двоюродная бабка Вава спала или притворялась, что спит, и от скрипа двери не шелохнулась. Инга засветила ночник над своим узким диваном и развязала тесемки конторской папки.

Шрифт у машинки был мелкий, но четкий. Подтянув колени к подбородку, Инга уютно свернулась на жестком диванчике и стала перечитывать реферат.

«Борис Курчев

О НАСМОРКЕ ФУРШТАТСКОГО СОЛДАТА (Размышления над цитатой из «Войны и мира»)

«Вопрос о том, был или не был у Наполеона насморк, не имеет для истории большего интереса, чем вопрос о насморке последнего фурштатского солдата».

Лев Толстой.

Надеясь унизить Наполеона, великий писатель приравнял его к самому последнему обознику. Толстой не прав. Но в данной работе мне не хочется polemизировать с ним в оценке способностей французского императора. Задачи реферата гораздо уже. Я хочу весьма приблизительно, хотя бы пунктиром обозначить границы самой малой человеческой величины и определить место этой личности в многомиллионном людском ряду. Если человеческое общество вообще можно с чем-то сравнивать, то я позволю себе сравнить его с очень длинной десятичной дробью, где самый главный член общества будет стоять слева от запятой, а самый ничтожный — справа от нее, замыкая весь ряд.

С чисто математической точки зрения — это, конечно, несерьезно, так как в практических расчетах последние знаки зачастую отбрасываются и измерения ведутся с известной долей приближения. Но в расчетах человеческих такой метод приемлем.

Безусловно, в донесениях с Бородинского поля потери давались округленно до тысяч или даже до десятков тысяч, то есть счет велся слева направо, причем каждый левый арифметический знак был важнее последующего. Но если на минуту забыть о реляциях, посланных в Петербург или в шатер Наполеона, а представить себе реального обозника с оторванной ядром ногой, то для этого раненого солдата подобный отсчет покажется бесчеловечным. Живое округлять нельзя.

Правда, есть некое, иногда чуть ли не мистическое родство между последним и первым знаком нашей десятичной дроби.

К этому родству я еще вернусь, но пока лишь замечу, что это родство явно не равнозначно, то есть привязанность последнего знака дроби к цифре, стоящей перед запятой, гораздо сильнее, нежели этой цифры к последнему знаку. Недаром реляции с Бородинского сражения писались весьма округленно, и точное число потерь неизвестно и по нынешний день. Все мы помним английский детский стишок «Гвоздь и подкова»:

Не было гвоздя — подкова пропала.
Не было подковы — лошадь захромала.
Лошадь захромала — командир убит.
Командир убит, армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.

Казалось бы, этот стишок восстает против округления потерь и защищает важность и весомость самого последнего знака (в данном случае — гвоздя) в нашей десятичной дроби. Но это защита мнимая. И счет здесь идет опять-таки слева направо, так как стихотворение (конечно, очень наивно и общо) пытается определить полезность малого с точки зрения целого. Но самоценности малого оно не определяет.

Могут возразить, что в стихе речь идет о неодушевленном предмете, то есть о гвозде, и не более, чем о гвозде. Но как часто в литературе и не только в литературе прибегают к сравнениям личности с гвоздем, винтом, болтом, гайкой и прочей скобяной мелочишкой.

Всякое сравнение обедняет, если не обесценивает, сравниваемое. А сравне-

ние живого с неживым и вовсе уничтожает жизнь. Живое самоценно, но никому не придет в голову рассуждать о самоценности колесика или болта. Да и смешно говорить о часовом механизме с точки зрения гайки.

Гайку в механизме можно заменить, дробь округлить, то есть отбросить последние знаки. И такие замены и округления вполне правомерны под углом всеобщей пользы или пользы первого знака дроби. Но вряд ли они правомерны со стороны замененного или округленного (т. е. отброшенного человека). Главная идея «Войны и мира» — идея народная, писал Лев Николаевич.

Но что такое народ? Чисто арифметически — это совокупность отдельных малых и больших величин — личностей. И опять-таки это нечто общее, большое, целое, которому не страшна потеря малого, то есть округление. В понятии народ существуют реальные связи и связи чисто мистические, которые помогают скрыть или, наоборот, выпятить связи реальные.

Когда-то в детстве мне на глаза попалась литография «Николай I хоронит солдата». Снег. Страшный петербургский холод, и император в кивере то ли идет за гробом, то ли даже несет гроб — сейчас уже не помню. По-видимому, литография эта — не что иное, как попытка мистически передвинуть последний знак нашей десятичной дроби к самой запятой. Мертвых вообще передвигать легче, чем живых. Живой, перенесенный от конца ряда к началу, уже не будет ничтожным знаком. Пирожник Александр Меньшиков, когда стал временщиком, ни на шутку кое-кого потеснил. А мертвого передвигать дело плевое, так как мертвый, не теряя своего самого последнего звания и должности, в то же время мистически приближается если не к Богу, то к королю или премьер-министру. В Париже у арки Неизвестного солдата горит Вечный огонь (подведен газ), и президент или глава правительства склоняется перед этой могилой, едва ли не лобызая плиту.

С мертвыми всегда проще. Мужичку Жанну д'Арк, чтобы возвести в святые, пришлось предварительно сжечь. Видимо, существовала реальная опасность, что эта бесписьменная девушка захочет перекроить математический ряд, заменить его первые цифры.

Мнимые, то есть нереальные, мистические связи смазывают настоящую картину взаимоотношений и взаимозависимостей в общем ряду, затемняют механику принуждения и угнетения последующих чисел предыдущими и в то же время цементируют, скрепляют, казалось бы, несоединимое. То есть в конечном счете они-то и создают весь ряд — нашу десятичную дробь. Всякое сравнение, как я уже писал выше, обесценивает или даже уничтожает сравнимое. Поэтому я считаю, что нам пора отойти от понятия «ряд» и далее оперировать названиями — общество или людская совокупность или для конкретности — государство. Но даже эти понятия не могут дать точной и четкой картины человеческих взаимоотношений.

Каждое государство соседствует с другим, и отношения с соседями затемняют, искажают или изменяют механику внутренних отношений. Внешний враг почти всегда — внутренний союзник в деле соединения, сплочения, цементирования дроби, то есть в угнетении наших последних людских рядов предыдущими. Причем самому последнему знаку нашего ряда, нашему фурштатскому солдату не дают возможности самому разобраться в степени опасности внешней угрозы для него как личности.

Вообще задача каждого императора, полководца, диктатора, предводителя и так далее — превратить нашего обозника в гайку, винт, болт и тому подобную мелочь, уверив его при этом, что он-то и есть основа всего механизма.

Вместо истинного понятия о зависимости, свободе и воле последнего члена общества в него вбиваются красивые фразы о долге, мистической или божественной связи его со всем рядом и самим главой ряда, вбиваются доводы о необходимости жертвы ради всеобщего блага и так далее. Как в армии солдат всегда должен быть занят и ни на минуту не может быть предоставлен себе, своим мыслям и раздумьям, так последний член общества должен быть всегда зависим, всегда готов к самопожертвованию и всегда обуян страхом исключения из ряда.

Но самый последний фурштатский солдат, самый глупый и ничтожный человек, — все-таки личность, а не болт, гайка или винт. И пока он жив и крутится в общем механизме страны или общества, он должен иметь какой-то зазор, какой-то отличный от нуля минимум свободы выбора, свободы воли духовной и свободы воли физической.

Итак, в этой работе я хочу попытаться, сколь возможно снимая мистику, определить контуры личности самого ничтожного обозника.

Безусловно, это всего лишь попытка, и попытка со слабыми средствами. Отдельной личности никогда нигде не было, разве что в романе Дефо. Всегда человек связан еще с одним человеком, а тот, в свою очередь, с третьим, и все трое соединены между собой и еще с бесчисленным множеством других людей. И все-таки, насколько я знаю, основное внимание всегда уделялось именно этим связям или путам. Тех, кто были связаны или спутаны, всегда хотели связать или спутать еще сильнее. Так свободен ли, и если свободен, то насколько, наш фурштатский солдат? Есть ли у него возможность выбора действия или бездействия, возможность неподчинения и протеста, возможность, наконец, выпутаться совсем или хотя бы частично, в то же время не теряя своего последнего места в ряду, то есть оставаясь самым распоследним фурштатцем?

Наш несчастный солдат должен есть, пить, дышать. Должен быть защищен от непогоды, дождя, ветра, холода. Он должен воевать или работать, то есть обеспечивать существование тех, кто сам не воюет и не трудится. Кроме того, наш солдат не бессмертен и поэтому должен быть заменен во времени следующим обозником. Словом, наш солдат должен размножаться, а поэтому обязан иметь жену и как минимум двоих детей, которым тоже надо дышать, есть, пить, во что-то одеваться и т. п. Следовательно, у нашего солдата кроме государственных и общих обязанностей есть еще немало своих сугубо личных, тем не менее чрезвычайно для него важных. Причем его семейный долг редко может быть заменен мистическим. Высшая общая польза никак не может затушевать или скрыть сущности его семейных задач. И в какой бы опасности ни было отечество, дети должны быть накормлены, и босыми в сорокаградусный мороз их из избы не выпустишь. Как бы ни был приучен солдат жертвовать собой ради родины, он, если не полный кретин, жену свою или малолетних детей не поведет под пули или на минное поле ради не очень ясного ему дальнего всеобщего блага.

Об этом, кстати, замечательно сказано у Толстого. Даже посредственность из посредственностей Николай Ростов и тот правильно оценил значение подвига генерала Раевского в Салтановском сражении.

«Офицер с двойными усами, Здражинский, рассказывал напыщенно о том, как Салтановская плотина была Фермопилами русских, как на этой плотине был совершен генералом Раевским поступок, достойный древности. Здражинский рассказывал поступок Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними пошел в атаку... Ростов молча смотрел на него. «Во-первых, на плотине, которую атаковали, должна была быть, верно, такая путаница и теснота, что ежели Раевский и вывел сыновей, то это ни на кого не могло подействовать, кроме как человек на десять, которые были около самого его, — думал Ростов, — остальные и не могли видеть, как и с кем шел Раевский по плотине. Но и те, которые видели это, не могли очень воодушевляться, потому что что им было за дело до нежных родительских чувств Раевского, когда тут дело шло о собственной шкуре?»

Я прошу извинить мне эту длинную цитату, но уж очень велико было искушение ее привести, хотя она, возможно, и уводит слегка в сторону.

Итак, личные обязанности нашего фуруштатского солдата сталкиваются с его обязанностями общими, гражданскими и зачастую мнимыми. В данной работе фуруштатец рассматривается мною, естественно, не столько как солдат, обозник, сколько как последний член некоей людской совокупности. Возможно, что некоторые военные сравнения, затемняют смысл данного реферата, за что прошу прощения у читающего.

Нашего обозника приучили жертвовать собой, но жертвовать детьми не приучили. Вот как раз в его отношении к детям, к семье и пробивается его естественная, то есть человеческая сущность. Привязанность к детям — это, видимо, тот личный плацдарм, который еще не полностью захвачен государством или обществом, то есть это то реальное, что еще не побеждено и не уничтожено мнимым, мистическим, религиозным.

По-видимому, здесь мы нащупываем первое противоречие. Солдат-обозник, то есть наш последний горемыка, нужен обществу (государству), вернее его правителям, как несомненно реальная величина, но они опутывают его помимо реальных физических пут еще путами и цепями мнимыми — фантастическими, религиозно-патриотическими и прочими.

Желая выжать из него побольше и заплатить ему поменьше, они превозносят нашего обозника до небес, но не его, конкретного фуруштатского Жана, Пьера, Франсуа, а его, как жана, пьера, франсуа с маленькой буквы и в то же время как нацию с буквы большой.

Итак, личная свобода нашего фуруштатца ограничена не только его реальной слабостью, подчиненностью вышестоящему капралу, незащищенностью перед миром и обществом, а еще и мистическим нереальным страхом несуществующей угрозы, страхом перед остракизмом, отлученностью его, реального, от нереального целого (государства, сообщества и т. п.). Но так ли страшно оказаться отлученным? Страшно. Но опять-таки можно определить четкие пределы этого страха, то есть беспредельность привести к чему-то более или менее определенному.

Наш фуруштатец обладает самым минимумом прав, самым минимумом благ и в то же время на нем держится все общество. Во время войны он к тому же находится в непосредственной близости от смерти. Так страшно ли фуруштатцу исключение из ряда?

Да, страшно. Страшно, потому что фурштатец связан со своей семьей и в случае его выхода из ряда (общества, группы и т. п.) — возмездие неминуемо и, если не настигнет самого обозника, то уж, во всяком случае, не обойдет его семью. Но страх за семью — страх реальный, а всякое реальное имеет свои границы как в пространстве, так и во времени. Не потому ли так часты среди фурштатцев случаи дезертирства (или эмиграции, бегства в мирное время). Что такое дезертирство или бегство, как не попытка выбора, как не сравнение двух страхов, двух опасностей? Нисколько не оправдывая беглецов и дезертиров, я в данной работе просто рассматриваю самую возможность бегства как такового.

«Пролетариату нечего терять», — писал Маркс. Нашему фурштатцу — тоже. Если поезд остановился или повернул не в ту сторону, то спрыгнуть легче всего безбилетному пассажиру. Он ничего не теряет и может найти себе другой поезд, который движется в нужном направлении. Человек, заплативший за билет да еще первого класса (купейный или спальный), во всяком случае будет надеяться, что поезд наконец двинется и повернет на нужный путь, как было обещано. Обознику никто ничего не обещал. Вернее, обещали, но что-то очень неконкретное, вечную славу, например. И поэтому покинуть состав ему легче, чем пассажиру спального вагона.

Фурштатец почти всегда на нуле и поэтому ему проще сызнова начинать с нуля.

Но стоит ли брать крайние формы протеста — как то дезертирство, бегство и т. п.?

Ведь кроме этих крайностей есть еще формы промежуточные, как то нерадивость, леность, разболтанность, филонство (т. е. итальянская забастовка). Человека убежавшего легко подвергнуть остракизму, легко наказать его или его семью. Человека нерадивого наказать труднее. Как вызвать сочувствие у последних знаков ряда, наказывая нерадивого соседа, если каждый видит, что сам наказыватель ни черта не делает, то есть тоже нерадив?!

Вполне допускаю, что мое соображение ненаучно, но мне кажется, что все исторические формации лопались не вследствие дезертирства или бегства низших рядов, а как раз из-за их ничегонеделанья, из-за саботажа наших фурштатцев. Равнодушие к своим общественным обязанностям, то есть к производству, приводило к гибели всей формации, а точнее — к перестановке знаков во всем нашем ряду и к модернизации реальных и мистических пут и цепей.

Итак, мы замечаем, что как бы ни был угнетен наш обозник, в известном смысле, он даже более свободен, чем знак, стоящий ближе к запятой. Отказаться что-либо делать для других куда проще, чем отказаться что-либо делать для себя. Поэтому в каждой новой формации должна была увеличиваться доля получаемого обозником от его труда продукта. То есть фурштатец «богател» и несколько «освобождался», но поскольку его богатство и свобода увеличивались не в пространстве, а во времени, он их ощущать не мог. Сравнить ему было не с чем. Ведь он по-прежнему оставался распоследним знаком в нашем ряду.

Правда, следует сказать, что богатство не только относительно. Всякое улучшение условий бытия чревато разного рода последствиями. Французы, которые в прошлом веке были отличными солдатами, в нашем столетии оказались ни на что не годны. Впрочем, это предвидел еще Толстой в своей великой эпопее.

«Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до 1/3 части своей прежней численности, французские солдаты вступили в Москву еще в стройном порядке. Это было измученное, истощенное, не еще боевое и грозное войско. Но это было только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирам... Через десять минут после вступления каждого французского полка в какой-нибудь квартал Москвы не осталось ни одного солдата и офицера. В окнах домов видны были люди в шинелях и штиблетах, смеясь прохаживающиеся по комнатам; в погребах, в подвалах такие же люди хозяйничали с провизией; на дворах такие же люди отпирали ворота сараев и конюшен; в кухнях раскладывали огни, с засученными руками пекли, месили и варили, пугали, смешили, ласкали женщин и детей. И этих людей везде, и по лавкам и по домам, было много; но войска уже не было».

На этой цитате Инга оборвала чтение, взглянула на часы и поняла, что устала и хочет спать. Но на душе у нее было все еще легко, и она вдруг, неожиданно для себя, встала на голову и перевернулась на узком, еще школьных времен диванчике.

<...>

Источник: Библиотека А. Белоусенко (<http://belousenkolib.narod.ru>).

Леонид Бородин

(Справку см. стр. 174)

«ТРЕТЬЯ» ПРАВДА

<...>

Когда в доме стало теплей и уютнее, на расставленных у кровати табуретах они трапезничали, согревшиеся и даже разогревшиеся от перестойного самогона; и никто, взглянув на них в эти минуты, не поверил бы, что всего лишь несколько часов назад были они лютыми врагами, палили друг в друга из ружей и кровь одного из них пролилась на белый таежный снег. Правда, Рябинин был хмур, в голосе держался холод и в глазах, при свете коптившей лампы, нет-нет да вспыхивали гневные огни. Но Селиванов каждый раз беззащитно и простодушно вглядывался в них, и они притухали, уходя вглубь, и холод таял усмешкой. И хоть усмешке и хотелось быть обидной для собеседника, да не получалась таковой, потому что собеседник охотно принимал ее как должное, и даже радовался ей, понимая ее как свою победу, как удачу, ибо разве это не удача, не чудо — получить друга через кровь его! Никакой самый тонкий замысел о дружбе с Иваном Рябининым не мог бы получить такой оборот. А теперь у Селиванова была радостная убежденность, что все свершилось: егеря никуда от него не денется, весь принадлежит ему, потому что он хитрее этого молчуна-бугая и не выпустит его, не утолив своей тоски по другу.

От этой уверенности переполнялся Селиванов желанием не просто услужить Рябину чем-либо, но быть ему рабом и лакеем, стирать исподнее или загонять зверя под его стволы вместо собаки; он просто горел страстью выложиться до последнего вздоха в какой-нибудь баламутной прихоти егеря. Скажи тот ему сбегать на участок и принести снегу с крыши зимовья, чтобы лишь раз языком лизнуть, — побежал бы радостно, помчался, это ему по силам, баловство такое! Но знал Селиванов, что всегда будет иметь верх над егерем. Словно сильного и благородного зверя к дружбе приручал, а сам обручился с силой его и благородством. Сознывая корысть свою, совестью не терзался, потому что готов был оплатить ее всем, что выдал ему Бог по рождению и что выпало ему по удаче.

— Шибко полезным я могу тебе быть, Иван! — говорил он с откровенной хвастливостью.

— Нужна мне твоя польза, как косому грабли! — отвечал Рябинин тем тоном, который потом уже навсегда установился в его голосе по отношению к Селиванову и который тот принимал и даже поощрял, чтоб сохранить в егере уверенность в независимости и превосходстве.

— Э-э-э! Не торопись! Мужики, к примеру, тебя вокруг носу водят. А как я тебе все их подлости покажу, они козлами завоют!

— Ишь ты! — презрительно ухмыльнулся Иван.

— Мужиков не любишь! Чем они тебе помешали, что давить их хочешь?

— Мне, Ваня, никто помешать не может! Только презираю я их. Ни смелости в их нету, ни хитрости — покорство одно да ловчение заячь! Им хомут покажи, а они уж и шеи вытягивают, и морды у них сразу лошадиные становятся! А власть нынешняя — как раз по им. Она, власть-то, знает, какой ей можно быть и при каком мужике, где руки в ладошки, а где и пальцы в растопырь!

— Ты кончай про власть! Не твоего ума дело. А что про мужиков, так ты-то чем лучше? Чего бахвалишься?

Они пили чай смородиновый и прикусывали сахар, наколотый селивановским ножом. Селиванов еще косился на недопитый самогон, но егеря интересу более не проявлял, и пришлось себя сдерживать. А способен был Селиванов в тот вечер не у одной бутылки доньшко засветить и умом не замешкаться. Накопилось у него в жизни много чего, чем похвалиться можно, да опасная та похвальба была бы, а нетерпение шибче, и вот еще б самогончику для пущего разгону.

— Ты, Ваня, карту смотрел, которая всю нынешнюю власть показывает? Нет? А я видел в сельсовете! Таких, как наша тайга, тыщу раз в ряд уложится! Во сколько завоевали! Какие армии вдрызь разбились об эту власть, сам знаешь! — Хитро прищурился Селиванов, словно к прыжку отчаянному готовился. — Нда... А вот Чехардак, Ваня, всего промеж трех грив размещается, его-то не смогли завоевать...

Он держал кружку с чаем у губ, но не пил, а хитро и многозначительно смотрел на Рябинина.

— Чего?

— Не смогли, говорю, отступились! А ведь, кажись, базу хотели ставить, мужиков понагнали с пилами и топорами! И что?

— Это ты про банду?

Селиванов просто трясся от нетерпения.

— Не было там банды, Ваня! Банда что есть? Дюжина глупых мужиков-хомутников! Для власти — это орешки! Для власти, Ваня, это хлеб с маслом, когда мужики в кучу собираются; кучей-то они еще глупее, власть на кучах собаку съела! Будь она умней, так указ бы издала, чтоб мужики не иначе как по дюжине вместе спали и ели. А вот ежели один, да умишком не худ... Это как мелкая рыбешка: в крупный невод как ни заводи — все пусто!

Рябинин в изумлении поднялся на локтях, вся хмурость с лица спала, ногой раненой шевельнул и боли не почувствовал.

Неужто ты?!

Селиванов сиял.

— Один?!

— Угу — отвечал Селиванов.

— Ежели не врешь, знаешь, куда тебя надо за такое дело!

В голосе Рябинина было больше изумления и сомнения, чем угрозы, но Селиванов затрепетал, а остановиться уже не мог.

— Ясное дело, куда — к стенке! Только загвоздочка имеется: у власти тоже своя гордость есть. Думаешь, легко ей будет поверить, что такой мужичишка, как я, ей поперек тропы стал? Доказательства захочет! А где они? Сколько там,

в канцеляриях, поди, бумаг про то исписали: дескать, банда такая-сякая, да вдруг ты меня за воротник притащишь! А ежели примут твой наговор, так одна власть другую не то что на смех подымет, а и к ответу призовет!

– Врешь ты все, Селиванов! Тепло ты, не может того быть, чтоб один...

Иван рассматривал Селиванова в упор, словно примерял к тем делам, что сотворились на таежном участке — Чехардаке — несколько лет назад и столько разного пересуду вызвали в народе.

А Селиванов закатился мелким смешком.

– Ага, вот и ты верить не хочешь. Завидно тебе! Ведь тремя пальцами из кулака покалечить меня можешь, да вдруг такое! А власти-то, ей, думаешь, легче поверить? Вот если ты еще, кроме меня, полдеревни назовешь, да самого себя туда же, вот тогда она всех в землю положит и совестью спокойная будет!

– Неужто ты? — растерянно пробормотал Рябинин.

– Знаешь, если как перед Богом, то, конечно, если ты донос сделаешь, то хоть и не поверят, а изведут меня как бы впрозапас. Только не сделаешь ты доноса, не такой ты человек, а расскажу я тебе все, как на духу, и может, по-другому на это дело посмотришь. Только давай еще хлебанем по маленькой, а?

– После чаю только свинья хлебает! — угрюмо ответил Рябинин.

Селиванов схватил с табурета отгрызанный кусок сала, поднял его перед глазами.

– А чего свинья? Свинья — это сало, по-хохляцки — шпик значит. Так я того, похрюкаю... Хрю... Хрю... Ха... Ха... да хлебану, да свиньей же и закушу!

Пока он хрюкал, наливал, пил, закусывал, кривляясь и гримасничая, Иван глядел на него исподлобья и мучался от того, что никак не мог свои мысли к порядку призвать, к тому же нога затекла...

Я тебе чайку еще сделаю, — предложил Селиванов, дожевывая сало.

Иван не возражал.

– Если по совести опять же, не решился б я на такое дело, если б не оказия... В папаню моего все это дело клином упирается. — Почесал в затылке. — Ты пей, Ваня, чай тебе сейчас как лекарство! Это, значит, как было. Стояли мы с батей тогда, в двадцатом, в этой, в Широкой пади. Под осень уже дело было... Батя-то мой и от красных и от белых отмахался и меня уберег. Пуцай, говорил, они бьются промеж собой, а наша правда — третья. Так вот и говорил — третья! Ничего был мужик, ага. В тот день, помню солонцы мы с ним новые мастерили; только к зимовью вернулись, вдруг собаки — в лай. Чихнуть не успели, а нам в рожи со всех сторон винты! Белые, стало быть! «Кто такие?! — орут. — Партизаны? Красные?» Я — в сопли, батя тоже ростом присел. Требуют, значит, дорогу на Иркутск, к монголам уходить... С Широкой, сам знаешь, любой ручей туда выводит... Чужие, значит, тайги не знают... Батя, когда с языком справился, говорит им: «Любой тропой идите — на Иркут придете!» Подходит вдруг такой высокий, с усами, самый главный из них, смотрит на моего отца, как подраненная лосиха, и говорит: «Нам надо за большой порог кратчайшим путем и до темноты. Выведешь... — тут он оглянулся, подозвал мальчишку-офицера, приказал чего-то. — Выведешь, — говорит, — вот это будет твое! Не выведешь — расстреляю!» — Селиванов поднялся, подошел к стене, снял ружье. — Вот это самое ружье и показал бате. У того так

глаза и забегали. Через час, — говорит, — за порогом будете, ваше благородие! Главный в меня пальцем ткнул: «Сын? От мобилизации прятал?» Батя ему то да се. Он махнул рукой. «Сын с тобой пойдет! Обманешь — обоих расстреляю». Вывели мы их на порог Березовой падью. Я от страха чуть не помер. Шлепнут, думал, чего им, дело привычное! Ан нет! Пришли. Главный ружье бате в лапы. «Пошел, — говорит, — назад!» Назад шли — пулю в спину ждали... Обошлось! К зимовью пришли потемну. Батя полночи с ружьем этим обнимался. — Селиванов погладил ложе, провел ладонью по стволам. — Барское ружье! Ишь чего, серебро раскидали, баловство! А батя того и обнимался с ним, что знал будто, что попользоваться не придется... Утром только проснулись, за окнами — собаки... И снова нам винты в рожи. Красные, значит. За теми, белыми... Опять же главный батю за грудки, пистолет в зубы. «Где белые?» Батя трясется. «Не знаю», — говорит по глупости мужицкой. А следов-то вокруг! Папироски офицерские... Выволокли нас на свет Божий... Звездочай вдвое больше, чем белых. Главный в кожанке, глаза опухшие, губы синие — как упырь. Батю трясет, ругается... А мне бугай (вроде тебя) руку вывернул наизнанку и тоже чего-то требует. И повели мы их, значит, за белыми той же самой тропой. А белые за порогом заночевать собирались. Я при случае шепнул бате, дескать, постреляют нас первыми, что те, что другие. Батя молчит, а потом шепнул мне тоже кое-что... — Селиванов отнес ружье на место и, уже не спрашивал Ивана, плеснул в кружку самогон. Глаза его блестящие, руки тряслись. — На Березовой, знаешь, когда к последнему повороту выходишь, обрыв по леву руку... черемушник там...

Иван кивнул.

— С этого места весь порог просматривается. Они-то ничего не увидели, красные, а мы с батей видим, там они еще. Батя тут меня под локоть, и мы с ним с обрыва и сиганули. Ей-Богу, Ваня, сегодня, когда мой камус за ветку зацепился и я мордой в снег ткнулся, а ты по следу... Два раза в жизни я такой страх имел... До самого низу батя молча бежал, а когда уже ушли, почитай, батя вдруг как заорет: «Попали, ой, попали!» Я к нему. А он стоит на коленях и орет, и ружье дареное обнимает. Потом упал. Промеж лопаток ему пуля вошла. Вот и пер я тогда его по гривам в обход Березовой пади. Мертвого пер. Нет чтоб остановиться да дух послушать... Дурной был. Аж до Листанной пади пер, чувствуешь, сколько! Там у нас с им тоже зимовьюха хреновенькая стояла. Там и похоронил... — Селиванов приумолк, грустноватыми глазами покосился на лампу. — Ни хрена не светит! Все стекло закоптелось. Ну вот. Продал я дом батин... Ну, это не к делу и тебе без интересу. Потом кооператив стали сгонять. А потом решили, значит, базу делать. И нашелся же такой сукин сын, что Чехардак посоветовал! Я бы...

— Сам ты сукин сын! — огрызнулся Рябинин. — Я это дело подсказал. Самое удобное место для базы...

Селиванов выпучил глаза.

— Ты!

— Ну я! Если дело делать, то Чехардак самое место! И не жалею, что сказал!

— Ты! — снова ахнул Селиванов. — Дело? Да какое, Ваня, дело? Тайгу погачить — это дело?

— Чего обязательно поганить! Нужен в тайге продовольственный запас, чтоб не бегать по сезону за жратвой.

— Эх, Ваня! — покачал головой Селиванов. — На три года ты всего меня моложе, а мозгой — на десять лет...

— Ты зато больно умный!

— А ты глядел, как эта база строилась?

— Не мое дело — глядеть. Ну, был я поначалу, когда место искали...

— Ты вот, Ваня, в Бога-то, поди, не веришь? А я хоть тоже не шибко, но иногда думаю: впрямь Он есть. Если б тогда я знал, что это ты... И перекреститься не грех! — Закатив глаза, Селиванов перекрестился и покачал удрученно головой. — Понагнали мужиков-хомутников. Какие безобразия они учинять принялись — я тебе все рассказывать не буду, чтоб совесть твою не тормошить, потому что я ее, эту совесть, своим грехом погасил с избытком...

— Ты мою совесть не трожь, лучше свою поковыряй, там, поди, черноты, что на головешке!

Рябинин захотел переменить позу, заворочался. Селиванов подскочил к нему, начал пособлять осторожно и толково.

— Затекала нога?

— Есть малость.

Селиванов взбил повыше и положил подушку, стянул с гвоздя свой полубубок, ощупал, не мокрый ли, и тоже сунул Ивану под голову. Тот откинулся на спинку и жестом остановил все еще суетившегося Селиванова. Тот лег на скамью, под голову руки подложил.

— Так вот. Где ты им место указал, там поблизости были у меня самые лучшие козьи загоны... А в версте от того места — зимовье, да такое, что справнее иной избы! Ну, пришли мужики! Был там среди них один губастый с зубами стальными, от ж... до шеи всякой дрянью расписанный... А я, значит, от кооператива будто на ту базу сторожем определился. Я ж на Чехардак с другого конца заходил, со своей деревни Атаманихи. А как дом продал, вообще без дома жил, зимой и летом в тайге. К одной бабке забегал два-три раза в сезон. А когда в Лучихе кооператив согнали и тайгу за ним закрепили, я туда подался, будто вообще человек новый, на Чехардак будто случайно напросился. А на базу, значит, сторожем.

Так вот этот, который расписанный и с железом во рту, он меня им жратву варить заставил... Чуть чего — сапогом под зад. Да не в том дело! Вечером костер разжигали, галдели песнями похабными, а потом всех вокруг костра расставлял и велел сс...ть в костер, чтоб погасить, значит! Вань, ты такое безобразие вытерпел бы?! А потом еще чего... Находил дерево, чтоб под ним муравейник был, то дерево велел свалить, залазил на пень и гадил в муравейник и ржал, как муравьи от его дерьма подышали! А потом решил он, Ваня, учинить надо мной такое, о чем я тебе и рассказывать не могу! Если б это случилось, утром повесился бы! Сбегал я вечером в Березовую падь, поймал там гадюку (они только там и водятся) и подкинул ему, когда он на мху дрых. Она ему в руку, выше локтя, стукнула. К утру подох. Мужики перепугались и вон из тайги. Я было обрадовался, да через два дня все они вернулись, а с ними новый их начальник... И кто, ты думаешь? А вот тот самый, что за главного у красных был, когда мы с батей им тропу

показывали. Я, конечно, тогда совсем мальчишкой был, да глаз у того острый. Стал он на меня коситься... И понял я, что уходить надо. А куда ж уходить из своих мест?

После к нему приехали еще какие-то, не мужики уже, а из новой власти, как я понял. С ружьями. Пальба началась вокруг. Били, что на глаз попадает, и все в сторону зимовья моего шастали. Вот тогда, Ваня, и объявил я им войну не на жизнь, а на смерть. — Последнюю фразу Селиванов произнес торжественно, но тут же ехидно ухмыльнулся. — На ихнюю смерть, потому что до моей смерти у них была кишка тонка! И вот теперь, Ваня, я открою тебе свой великий секрет. — Тут Селиванов поднялся со скамьи, подсел ближе к Рябинину, наклонился к нему и заговорил почти полупшепотом. — Если стать спиной к тому барaku, что строить начали, то что впереди глаз будет, помнишь?

— Гора вроде...

— Во! А если пойти по тропе от той базы на выход, тропа куда сворачивает? Это помнишь?

— Направо, кажись...

Селиванов довольно хихикнул. Рябинина это рассердило, но он не подал виду, интересен был рассказ.

— А если, Ваня, верст пять топать от базы, что по леву руку будет?

Тут Рябинин ответил быстро.

— Ну скала.

— Память у тебя, Ваня, как золото червоное! Точно, скала! А какая?

— Ну чего пристал! Обыкновенная скала, говори дело!

— Да это же и есть самое дело! Это, Ваня, та самая скала, что против базы гора!

— Чего мелешь-то! — зарычал Рябинин. Селиванов сиял, как тот бок самовара, что отсвечивал лампой.

— В том-то и хитрость, что тропа от базы направо сворачивает круто, потому как там завал каменный в двух местах, а влево забирает чуть-чуть, то на шаг, а то и менее, зато все пять верст! И получается, что тропа та дает круг и за гору заходит, где она скалой смотрится! Эту тайну мне батя открыл. Когда выйти из тайги надо было налегке, прямым ходом вчетверо короче. Круто шибко, особенно когда на тропу спускаешься с той стороны, зато быстро! Дырка твоя заживет, я тебе этот фокус в натуре покажу! — Селиванов довольно хлопнул по коленкам. — И что же я сделал, Ваня! Батя мой запасливый был, приберег на Гологоре винтовочку с гражданской да пару лент, что вояки крестом по пузу носили. Гологор далековато, но ничего, я сбегал, принес винтовочку, запрятал на вершинке. Около базы себе балаган построил стенкой к горе, чтоб сквозь стенку пролезть можно было тайно. И чего? Ждал! Герои настрелялись, мяса загрузили на лошадей, сам навьючивать помогал. А перед тем, как отбыть им, водой решил напоить их, дружков милых, чтоб жаждой не мучались! Да вот оступился... — Селиванов подмигнул. — Да и угодил в ручей со всей одежкой! Стреляки посмеялись надо мной и в путь тронулись, а наш главный их провожать поехал. Когда ушли, я при всем народе одежду снял свою, по кустам развесил и в одном исподнем в балаган залез, дескать, подремать. Сам через стенку, чащей да на горку. Как на крылышках взлетел,

еще и ждать пришлось! Озяб. Гляжу — едут, руки в боки, языками чешут. Приложился я — не близко это было, напрямую шагов сотни полторы, — и как этот герой в кожанке мне грудью показался, я его и шлепнул. Он, Ваня, как мешок с дерьмом с седла вылетел! Я винтовочку в потайное место да вниз! Поцарапался, правда, страх как! Вылез из балагана, поеживаюсь, одежду сырую одеваю, давай мужикам в деле помогать... Через час они вертаются с трупом! Ну и началось. Один начальник страшнее другого приезжает, нюхает, по тайге с помощниками шарятся, а как домой вертаться, я на горку и — шлеп! Да самого главного! Потом, помнишь сам, целый отряд заявился, всю тайгу перековыряли, а уходили, я опять главного — шлеп!

Селиванов закатился смехом. Рябинин смотрел на него, как на сумасшедшего, широко раскрытыми глазами.

— Вот только этого последнего я мазанул, руку ему левую оттяпал, он теперь в Слюдянке судьей служит... И чего? Закрыли базу, Ваня! Я будто тоже испугался, перешел будто на Ледянку, а это же рукой подать до Чехардака! А туда носа никто не кажет. Потом, правда, еще ходили отряды, и слышал, поди, слух пустили, будто поймали кого-то... Я их не трогал... Вот она какая, моя история, Ваня, вся как есть! Будешь доносить, али как?

Не без волнения задал этот вопрос Селиванов, хотя все еще сиял от радости исповеди.

— Темный ты человек! — угрюмо проговорил Рябинин, но было в его голосе что-то очень похожее на уважение, или, может быть, страх почувствовал он перед мужичишкой, которого час назад сморчком почитал. — По закону надо тебя, конечно, за глотку брать, потому что ты власти враг...

— Нет, Ваня, — заспешил Селиванов. — Это — моя тайга, и твоя, и других, наша правда — третья промеж их правд. Я к им со своей правдой не лез, против их закону не шел! По их закону что сказано? Все для мужика! А что с того закона мужик имеет?

— Чего это ты за мужиков болеть начал? Сам мечтаешь им на горло наступить, — съязвил Рябинин.

— Ты все мои слова на веру не бери! Зол я на мужиков за хомутность ихнюю! Будь они рылом позлее, так ведь любую власть в свою пользу поправить можно! Разве не так?

— Если всякий будет власть поправлять...

— Не! — замахал руками Селиванов. — Я по тайге иду, по сосняку, положим, гляжу, под сосной березка растет, а через лето от ее только прутик сухой. Чего это? А не положено березке в сосняке расти! И нигде это не записано, а само по себе! И ежели живут мужики, так закон меж их сам устанавливается! Я на твои солонцы идти не мог и все! Это закон! А кто его писал? Никто! А когда он стал? Того и мой дед, поди, не помнил! Ежели ты дом ставишь, то у моего дома дерево валить не будешь, и мысли такой не придет. Это закон! И чтоб его блюсти, звездача с револьвером на брюхе не требуется! А коли закон такой, что ему соблюдаться нет мочи без револьвера, так он всем, кроме револьвера, поперек! Ты, Ваня, думаешь, что я звездачей со скалы шлепал из озорства или по лютости? А коли хошь знать, я каждый раз мозгу до ломоты доводил, чтобы свою правду понять в ясности!

— Убиец ты, вот и вся твоя правда!

На Селиванова, казалось, нападало отчаяние. Он уже не говорил, а кричал. По избе начал бегать. Лавка стояла поперек, и он каждый раз перешагивал через нее, кидаясь от одного угла к другому. Рябинин хмуро уставился в спинку кровати, но при всей нахмуренности на его лице были растерянность и тревога.

— Почему это я убиец? — кричал Селиванов. — А на войне все... — он махнул рукой, — они кого, зайцев убивали? И никто их убийцами не называет! А кто больше всех убил, им власть и почет!

— Дурак! — взревел Иван. — Это ж война!

— Я дурак? — досадно замотал головой Селиванов, словно жалуясь кому-то, кто мог быть за печкой. — А война-то отчего бывает?! Один царь другого в карты надул, а другой ему в отместку соплями камзол измазал! Потом взяли и напустили своих солдат друг на дружку. Солдаты друг другу кишки выпустили! Который царь без солдат остался, тот повинился! И вся война!

— Дурак ты и есть! — подтвердил Рябинин. — В эту войну народ с царем дрался за правду, а ты в тайге прятался!

— Сам ты дурак! — подскочил к нему Селиванов. — Твой отец с твоими братьями воевал! Где написана такая правда, чтоб отцу с сыновьями воевать?!

— Не тронь моих, гад, зашибу!

Рябинин приподнялся, сжав кулаки, готовый вскочить с кровати.

— Зашиби! — кричал, почти визжал Селиванов. Ногой лягнул скамью, чтоб не мешала. Скамья опрокинулась, опрокинула за собой оба табурета. Вдребезги разлетелась бутылка с остатками самогона. Кружки, звеня, покатались по полу. — А за что меня зашибешь-то? За правду? — Селиванов был похож на маленькую собачонку, что нацелилась на быка острыми, мелкими зубками. — Пусть моя правда нечистая! А твоя-то где? В чем твоя правда? Я звездачей со скалы шлепал, так это я им войну объявил за то, что они мою правду обгадили! Я тоже имею право войну объявлять! И каждый имеет право, если жизни нету! Убиец тот, кто жизни лишает, чтоб чужое иметь! А я за свое! А мужики? Что им с той правды, за какую друг другу мозги вышибали!

— Одно знаю, — отступая, сказал Рябинин, — для власти ты враг, и дел с тобой никаких иметь не хочу!

— Во заладил! — в отчаянии развел руками Селиванов. — Не враг я власти! Она мне враг!

Рябинин молча повернулся спиной и больше не сказал ни слова. Селиванов пометался еще по избе и улегся спать, кряхтя и вздыхая.

Утром проснулся засветло. Затопил печь, принес свежей воды из колодца, поставил самовар, прибрал в избе. Все это делал, поглядывая в сторону спящего егеря. Когда тот проснулся и зашевелился, спросил его о ноге. Перевязал, похвалил кровь, что хорошо скрутилась на ранах, напоил Ивана чаем.

Тот долго молчал. Потом его взгляд будто случайно упал на ружье Селиванова, что висело на гвозде у двери.

— Хорошая штука! — сказал Рябинин и, кашлянув, громко добавил. — В общем, я ничего про твои дела не слышал!

— Правильно! — радостно подхватил Селиванов. — Мы вчера с тобой самогону перебрали, а с его, дурного, чего язык не наметит! И вся история! Лежи.

Пойду собак посмотрю, не брал их нынче, у соседей в стайке уже неделю живут. Отощали небось!

Вот так это было. Только история была не вся, история еще только начиналась
<...>

Источник: Библиотека А. Белоусенко (<http://belousenkolib.narod.ru>).

ПОЭЗИЯ

Иосиф Бродский

(Справку см. т. 1, кн. 2, стр. 47)

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА

(4 июля 1977)

падучая звезда, тем паче — астероид
на резкость без труда твой праздный взгляд настроит.
взгляни, взгляни туда, куда смотреть не стоит.

* * *

там хмурые леса стоят в своей рванине
уйдя из точки «а», там поезд на равнине
стремится в точку «б», которой нет впомяне.

начала и концы там жизнь от взора прячет.
покойник там не зрим, как тот, кто только зачат.
иначе среди птиц, но птицы мало значат.

там в сумерках рояль бренчит в висках бемолью.
пиджак, вися в шкафу, там поедаем молью.
оцепеневший дуб кивает лукоморью.

* * *

там лужа во дворе, как площадь двух америк.
там одиночка-мать вывозит дочку в скверик.
неугомонный терек там ищет третий берег.

там дедушку в упор рассматривает внучек.
и к звездам до сих пор там запускают жучек
плюс офицеров, чьих не осознать получек.

там зелень щавеля смущает зелень лука.
жужжание пчелы там главный принцип звука.
там копия, щадя оригинал, безрука.

* * *

зимой в пустых садах трубят гипербореи,
и ребер больше там у пыльной батареи
в подъездах, чем у дам. и вообще быстрее

нащупывает их рукой замерзший странник.
там, наливая чай, ломают зуб о пряник.
там мучает охранник во сне штыка трехгранник.

от дождевой струи там плохо спичке серной.
там говорят «свои» в дверях с усмешкой скверной.
у рыбьей чешуи в воде там цвет консервный.

* * *

там при словах «я за» течет со щек известка.
там в церкви образа копит свеча из воска.
порой дает раза соседним странам войско.

там пышная сирень бушует в палисаде.
пивная цельный день лежит в густой осаде.
там тот, кто впереди, похож на тех, кто сзади.

там в воздухе висят обрывки старых арий.
пшеница перешла, покинув герб, в гербарий.
в лесах полно куний и прочих ценных тварей.

* * *

там лежучи плашмя на рядовой холстине
отбрасываешь тень, как пальма в палестине.
особенно — во сне. и, на манер пустыни,

там сахарный песок пересекаем мухой.
там города стоят, как двинутые рюхой,
и карта мира там замещена пеструхой,

мычащей на бугре. там схож закат с порезом.
там вдалеке завод дымит, гремя железом,
ненужным никому: ни пьяным, ни тверезым.

* * *

там слышен крик совы, ей отвечает филин.
овацию листвы унять там дождь бессилен.
простую мысль, увы, пугает вид извилин.

там украшают флаг, обнявшись, серп и молот.
но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
там, грубо говоря, великий план запорот.

других примет там нет — загадок, тайн, диковин.
пейзаж лишен примет и горизонт неровен.
там в моде серый цвет — цвет времени и бревен.

* * *

я вырос в тех краях. я говорил «закурим»
их лучшему певцу. был содержимым тюрем.
привык к свинцу небес и к айвазовским бурям.

там, думал, и умру — от скуки, от испуга.
когда не от руки, так на руках у друга.
видать, не рассчитал. как квадратуру круга.

видать, не рассчитал. зане в театрах задник
важнее, чем актер. простор важней, чем всадник.
передних ног простор не отличит от задних.

* * *

теперь меня там нет. означенной пропаже
дивятся, может быть, лишь вазы в эрмитаже.
отсутствие мое большой дыры в пейзаже

не сделало; пустяк: дыра, — но небольшая.
ее затянут мох или пучки лишая,
гармонии тонов и проч. не нарушая.

теперь меня там нет. об этом думать странно.
но было бы чудней изображать барана,
дрожать, но раздражать на склоне дней тирана,

* * *

паясничать. ну что ж! на все свои законы:
я не любил жлобства, не целовал иконы,
и на одном мосту чугунный лик горгоны

казался в тех краях мне самым честным ликом.
зато столкнувшись с ним теперь, в его великом
варьянте, я своим не подавился криком

и не окаменел. я слышу музы лепет.
я чувствую нутром, как парка нитку треплет:
мой углекислый вдох пока что в вышних терпят.

* * *

и без костей язык, до внятных звуков лаком,
судьбу благодарит кириллицыным знаком.
на то она — судьба, чтоб понимать на всяком

наречьи. передо мной — пространство в чистом виде.
в нем места нет столпу, фонтану, пирамиде.
в нем, судя по всему, я не нуждаюсь в гиде.

скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох.
не погоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
эпоха на колесах нас не догонит, босых.

* * *

мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
зане не знаю я, в какую землю лягу.
скрипи, скрипи перо! переводи бумагу.

Источник: Poetry of Josef Brodsky (<http://www-users.cs.umn.edu/~safonov/brodsky/index.html>)

Юрий Айхенвальд

(Справку см. т. 1, кн. 2, стр. 19)

ЧУДО НА ВАГАНЬКОВЕ

Кардиналы удалились, королевы спать легли,
Короли на троны сели, — да не встали...
Все — крам-бам-були, крам-бам-були,
Крам-бам-були-були, —
Пузырьками вверх, кустами вверх, крестами...
И в ограде копошится старый бедный человек,
Примириться он не может и не хочет,
Что другой такой же сгинул, словно прошлогодний снег.
Он над ним, как над живым, снует-хлопочет,
А старинный дом кирпичный тянет вверх свои кресты,
Словно там кого-то ищет, не находит...
Говорят, что есть Хозяин высоты и пустоты,
От которого все это происходит...
Если б знать, как беспощадна и бездарна простота,
Простоты мы никому бы не прощали.
На Ваганьковском кладбище никогда бы, никогда
Мы б с тобою, дорогая, не гуляли.
Но ведь мы и знать не знаем, что окажется потом.
Знать не знают все пророки и герои.
Только то и очевидно, что пучина и потоп
Обернулись здешней твердою землею...

1974—77

* * *

Ненавижу я хозяйку,
Эту тонную вдову,
Эту даму — многознайку,
Дуру-паву на плаву!
Мне она сама сказала,
Что великий Кочетков
У нее на антресолях
Погребен среди тюков.
Вы не знаете такого?
Между тем известен он.
Друг поэта Кочеткова —
Златокудрый Аполлон.
А не верите — прочтите,
Не соврал я ничего!

Не достанете – простите:
Не печатали его.
Он лежит на антресолях
Мертвый, стало быть, поэт.
Об него споткнулась кукла,
У которой глаза нет.
Каблучонок женской туфли
Наступает на него.
Этот Кочетков не труп ли?
Труп – не более того!
Каблучонок-татарчонок,
Каблучонок-шебуток...
Слышен битых и ученых
Пыльных шмуток шепоток:
«Ишь, мол, ты, поэт великий,
Все равно, дурак, забыт,
Вместо памятных реликвий
Нами, нами, шкаф забит.
Нас с тобой перемешали,
Жди помойки, наш собрат!
Под крылом облезлой шали
Рукописи не горят!»
Ах, потомки и потемки,
Шмутки, шутки, тишина!
Спи, кифара без поломки,
Чья натянута струна!
И не важно, что там было,
Кто за нас, а кто за них...
...Гаснет дневное светило,
Без вести пропавший стих...

1976—78

* * *

Мне мнилось – будет все не так.
Как Божья милость, наша встреча.
Но жизнь – как лагерный барак,
Которым каждый изувечен.

Мне мнилась встреча наша сном,
Чудесным сном на жестких нарах,
Кленовым трепетным листком,
Под ноги брошенным задаром.

Но ветер кружит серый снег
По тем полям, где мы бродили,
По тем краям, где мы ночлег
И место встречи находили.

Мое пустое ремесло
Слагать слога и строить точки...
Пусть скажут — в жизни не везло,
Все обещания бессрочны.

Пускай грехи мне не простят —
К тому предлогов слишком много,
Но если я просил у Бога,
То за других, не за себя...

Париж, 1982

* * *

Памяти Варлама Шаламова

Черный снег на фоне белом.
Белом, словно омертвелом,
— вот колымская судьба.
Вот такое поле боя
алкашу — для водопою,
а Шемяке — для суда.
Лица черные.
Землею обожженные.
Золюю ставшие.
Экклезиаст говорил про вещи эти:
— Почернеет все на свете.
Волк не выдаст —
Вошь продаст.
Не хотите — не ходите.
Голубым богам кадите.
Ждите милостей в ответ,
Что в основе негатива?
Люди жили?
Эко диво!
Век в колымских перспективах
пишет свой автопортрет.

1985

Вадим Делоне

(Справку см. т. 2, стр. 737)

* * *

А. Хвостенко

Есть воля, есть судьба, есть случай странный,
Есть совпадение листьев на земле,
И совпадение мелочи карманной
С ценою на бутылочном стекле.

А власть поэтов, словно прелесть женщин,
Изменчива, и сразу не поймешь,
Чего в ней больше — фальши или желчи,
И что в ней выше — смелость или дрожь.

Москва, 1975

* * *

Ветер красной играет листвою,
Словно карты крапленые мечет,
И березы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи.

Звон протяжный не молкнет в висках.
Может, праведна кровь — не знаю.
Так с отбою звонят в лагерях,
Ржавой рельсой над зоной бряца.

Только это не крик и не страх,
На словах и стихах не клянутся.
Просто я в подмосковных лесах,
Мне сюда никогда не вернуться.

Москва, 1975

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

...А за окнами снег,
а за окнами белый мороз,
Там бредет моя белая тень
мимо белых берез.

А. Галич

На панели играет скрипка,
То как всхлипнет, а то как вскрикнет
И последний пятак французский
Дам парню в разорванной блузке,
Ибо если б в смычок ударил
Он в моей дорогой стране
(Без досмотра и всяких правил),
То его бы конвой заставил
Встать как водится — по струне.

*

– Где же брат твой, — спрашивали Каина...
Ну а если, скажем, спросят нас,
Где могилы братья неприкаянной,
Что делила с вами горький час?

Что нам шум реклам и телекамеры,
Что вернуться к прошлому запрет,
Ведь о многих даже и не знаем мы,
Есть у них могилы или нет.

Лишь хрипит гармонь про жизнь счастливую,
Слаще спать, мол, без могильных плит...
Как слеза скупа, молчалива,
Безъязыкий колокол дрожит.

В чащах ели ветром зимним сближены,
Лижут лапы, фыркая во тьму,
И везут этапом светлокнижников
Через Пресню Красную в Потьму.

*

Душа бредет по мутным снам,
Как бы по лужам по осенним...
По воскресеньям в Нотр-Дам
Играют Баха во спасенье.

И раздувает звук орган,
И окрылен листвою ветер,
Но листья падают к ногам,
И бьет закат по крышам плетью...

Среди непризнанных могил
Могила барда есть в предместьи.
Он жил – как пел, и пел – как жил,
И даже смерти не заметил.

Как песни звук по облакам,
Аккорд гитары оборвался...
Играют Баха в Нотр-Дам –
– Того, что Галичу являлся.

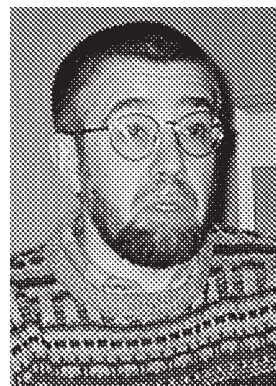
П. С.

Знаю – разговоры между пройдами:
«Вот уехал и погиб уже».
Лучше умереть вдали от родины,
Чем прожить без родины в душе.

Париж. 1978

Источник: Сайт Омского Университета (www.univer.omsk.su)

Гандлевский
Сергей Маркович
(Род. 1952)

Поэт.

Родился в 1952 г. Окончил филологический факультет МГУ. Работал школьным учителем, экскурсоводом, рабочим сцены, ночным сторожем; в настоящее время литературный сотрудник журнала «Иностранная литература». В 70-е гг. входил в поэтическую группу «Московское время» (вместе с А. Цветковым, А. Сопровским, Б. Кенжеевым...). Публикуется с конца 80-х. Премия «Малый Букер» (1996) за повесть «Трепанация черепа». Премия «Анти-Букер» (1996) за книгу стихов «Праздник».

* * *

Самосуд неожиданной зрелости,
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести —
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!

Есть обычай у русской поэзии
С отворачиванием бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.
Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.

Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко.
Это азбука в женской руке.
Это азбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижет ссадину, просится на руки —
Я тебя никому не отдам!

Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухмятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.
Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонера с шутом?

Для чего, моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную теребя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя.

1982

* * *

Что-нибудь о тюрьме и разлуке,
Со слезою и пеной у рта.
Кострома ли, Великие Луки —
Но в застолье в чести Воркута.
Это песни о том, как по справке
Сын седым воротился домой.
Пил у Нинки и плакал у Клавки —
Ах ты, Господи Боже ты мой!

Наша станция, как на ладони.
Шепелявит свое водосток.
О разлуке поют на перроне.
Хулиганов везут на восток.
День-деньской колесят по отчизне
Люди, хлеб, стратегический груз.
Что-нибудь о загубленной жизни —
У меня невзыскательный вкус.

Выйди осенью в чистое поле,
Ветром родины лоб остуди.
Жаркой розой плоток алкоголя
Разворачивается в груди.
Кружит ночь из семейства вороньих.
Расстояния свищут в кулак.
Для отечества нет посторонних,
Нет, и все тут — и дышится так,

Будто пасмурным утром проснулся —
Загремели, баланду внесли, —
От дурацких надежд отмахнулся,
И в исподнем ведут, а вдали —
Пруд, покрытый гусиною кожей,
Семафор через силу горит,
Сеет дождь, и небритый прохожий
Сам с собой на ходу говорит.

1984

Источник: Русская виртуальная библиотека (<http://www.rvb.ru>)

Кублановский
Юрий Михайлович
(Род. 1947)

Поэт, публицист.

Родился в Рыбинске в 1947 г. Закончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ в 1970 г. С середины 60-х гг. участвовал в группе СМОГ (*см. сноску в т. 2, стр. 737*), но как поэт по-настоящему сложился уже в постсмогистский период. Работал экскурсоводом на Соловках и в Мураново. В 1975 г. написал открытое письмо в связи с 2-летием высылки Солженицына. Эмигрировал в 1982 г. Жил в Париже, затем в Мюнхене. Работал на радиостанции «Свобода». В 1991 г. вернулся в Россию. Живет в Москве, заведует отделом поэзии журнала «Новый мир».

Лауреат премии Солженицына 2003 г.

В советский период стихи публиковались чаще всего в журнале «Континент», а также в Антологии поэтов «Московского времени» (Ardis, 1981), в сборниках «С последним солнцем» (Париж, 1983), «Затмение» (Париж, 1989), «Оттиск» (Париж, 1985). В постсоветской России вышли сборники «Число: Избранные стихотворения» (СПб., 1994), «Заколдованный дом» (Москва, 1998), «Дольше календаря» (Москва, 2001), «В световом году: Стихотворения» (Москва, 2003).

* * *

Россия, ты моя!

И дождь сродни потопу,
и ветер в октябре, сжигающий листы...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесем мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин,
вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.

1978

СВЕРЧОК

Сверчок в изголовье, что мелешь, скажи?
Бессмысленно песен твоих миражи

встают от жемчужин — до гнили домов,
обмоченных впрок мужиками с углов.

Я весь истаскался, в родимых краях,
как цуцик, живу с нищетой на паях.

На что уж — и то капитальной меня
сверчок супротив темноты и огня.

Никто не пытается: о чем он поет,
как любит, сколь долго на свете живет

и где умирает — все в том же углу?
— пока из печи выгребают золу...

Каприз роговицы в минуту труда
словесного, впрочем и то не беда,

светла, что горошина в спелом стручке,
слеза — о сменяемом братом сверчке.

1981

* * *

Сын, мужавший за семью замками
от моих речей,
все равно когда-нибудь глазами,
честный книгочей,
пробежишь хоть по диагонали
эти горбыли —
жидкие парижские скрижали
бати на мели,
писанные, точно бороною,
шедшей под углом,
кто там вспомнит — под какой звездой
за каким столом...
Но когда полакомит пороша
горку и межу,
высохшее сердце потревожа,
— землю, где лежу,
и упруго в крест ударит ветер,
я пойму, что так
ты впервой увидел и приветил
мой словесный знак.
Словно ветка выделила иней
из себя самой.
Потому, чем дольше — тем чужбинней
праху под сырой.

13 октября 1983

Источник: Русская виртуальная библиотека (<http://www.rvb.ru>).

Найман
Анатолий Генрихович
(Род. 1936)

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, мемуарист.

Родился в Ленинграде в 1936 г. Окончил Ленинградский Технологический институт в 1958 г., позже — Высшие сценарные курсы в Москве.

В 1959 г. познакомился с А. Ахматовой; с 1963 г. Найман стал ее соавтором по переводам Дж. Леопарди и литературным секретарем. Живет в Москве.

В Самиздате ходили сборники стихов Наймана «Сентиментальный марш», поэмы «Стихи по частному поводу», «Сентябрьская поэма».

НА СМЕРТЬ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА

Не готовьтесь долго к письму,
соберетесь писать — а кому?

Я пока карандаш точил,
стало некому.

Чтоб спасти от шестой зимы,
ангел вывел его из тюрьмы.

А кому детали нужны,
то — к лекарю.

Добивались мать и сестра
гроба белого и креста,
и пристойно себя вели
посторонние.

Милость, Господи, доверши
и куток для его души
хоть на первое время найди
поспокойнее.

Потому что здесь рвы да львы,
жил он гостем у ласки-Москвы,
а потом к свинье под бочок,
и в Мордовию.

Что он видел? — немое кино
про любовь, да и то давно.
Погляди же теперь на него
с любовью.

1973

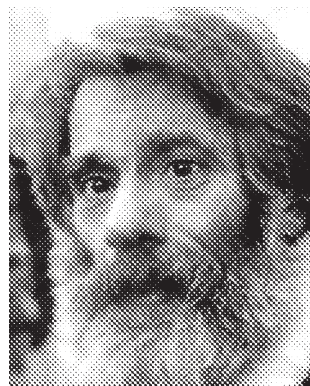
* * *

Увы, дряхлеет Рим,
как пишет имярек,
истаивает дым
и истекает снег
и иссыхает грязь
и истлевает пыль
и океан гноясь
смердит на сотни миль.
Так издыхает миг,
язвим покоем гвезд,
и только воет, дик,
язык-эклезиаст.

1976

Источник: Русская виртуальная библиотека (<http://www.rvb.ru>).

Кривулин
Виктор Борисович
(1944–2001)

Родился в с. Кадиевка Луганской обл. Окончил филфак ЛГУ. Стихи начал писать в школе. В 1962 г. вышла его первая официальная публикация в журнале «Советский Союз». В том же году Кривулин начал печататься в самиздатских сборниках. В 1967 г. он вышел из комсомола, работал учителем, затем – редактором издательского отдела Леноблздрава.

В 1972 г. Виктор Кривулин выпустил первые машинописные сборники своих стихов: «Воскресные облака» (стихи 1969 – 1972) и «Музыкальные инструменты в песке и снеге». Вскоре он стал ведущим поэтом «петербургской традиции».

Его дом был одним из заметных центров ленинградской неофициальной поэзии. Совместно с женой Татьяной Горичевой он проводил в своей квартире №37 весьма популярные Религиозно-философский семинар и семинар «Культура начала века и современное сознание» (1975-76). В январе 1976 г. вместе с Татьяной Горичевой и Львом Рудкевичем основал литературно-общественный журнал «37» (стр. 297). В 1979-81 издавал журнал «Северная почта» (вместе с С. Дедюлиным).

Кривулин много печатался в самиздатских журналах «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал» и др., а также в тамиздатских журналах «Грани», «Вестник РХД», «Континент», «Новое русское слово» и др. Писал, кроме того, прозу: рассказы, роман «Шмон», а также эссе и литературоведческие статьи. Иногда писал под псевдонимами А. Каломиров и Арк. Бережнов.

В конце 80-х с помощью Алексея Хвостенко Кривулин снял фильм о жизни русской эмиграции во Франции. В последние годы жизни он активно занимался журналистикой, политикой, баллотировался в депутаты законодательного собрания Петербурга. Был вице-президентом Петербургского ПЕН-клуба. Лауреат нескольких литературных премий.

Посмертно вышли подготовленные Виктором Кривулиным книги «Стихи после стихов» и «Стихи юбилейного года».

ФЛЕЙТА ВРЕМЕНИ

О времени прохожий сожалеет
не прожитом, но пройденном вполне,
и музыка подобна тишине,
а сердца тишины печаль не одолеет,

ни шум шагов, бесформенный и плоский...
Над площадью, заросшею травой, –
гвардейского дворца высокий строй,
безумной флейты отголоски.

Бегут козлоподобные войска
и Марсий-прапорщик, играющий, вприпрыжку..
Вот музыка — не отдых, но одышка.
Вот кожа содранная — в трепете флажка!

Прохожий — человек партикулярный —
парада прокрадется стороной..
Но музыка, наполняясь тишиной,
как насекомое в застылости янтарной,

движенье хрупкое как будто сохраняет,
хотя сама движенья лишена.
Прохожему — ремни и времена,
а здесь возвышенная флейта отлетает!

И зов её, почти потусторонний,
её игла, пронзающая слух,
в неслышном море бабочек и мух,
на грядках рекрутов, посаженных в колонны,

царит и плачет — плачет и царит..
И музыки замшелый черный ствол
в прохожего занозой вошел,
змеей мелодии мерцающей обвит.

1972

Источник: Вестник РХД, №123. IV-1977

ОБРЯД ПРОЩАНИЯ

Обряд прощания. Стеклянного дворца
текут под солнцем тающие стены.
Всё меньше нас, всё тоньше перемены
в погоде и в чертах лица.

Я вынужден принять условия игры
И тактику условного пейзажа.
Почти не ощутимая пропажа,
но память задаёт прощальные пиры.

С красотью, настолько явной, что
бессильны обвинения в безвкусьи,
воссоздаётся мир, куда вернусь я,
не сняв сапог, не расстегнув пальто.

Витиеватый парк. Ограда. Жар холмов
и пиршественный стол длиной до горизонта,
где синий город облачного фронта
или далёких гор истаявший дымок.

Итак, мотив прощанья окружён
приличествующим — и даже слишком — фоном.
Но стол уставлен звяканьем и звоном
невидимых стаканов. Но смешон

обычный жест: округлена ладонь,
приподнят локоть. Воздух полусогнут.
Цилиндрик пустоты сжимают пальцы. Дрогнут,
как декорация, едва их только тронь.

Фанерные деревья, чуть задень,
на луг досчатый валятся со стуком,
и холм уходит, пожираем люком,
и пиршественный стол скрипя втекает в тень.

Источник: «Континент», №10, 1976.

ЧЕРНИКА

«Земную жизнь пройдя до половины...»
(перевод с итальянского)

Земную жизнь пройдя до середины,
споткнулась память. Опрокинулся и замер
лес, погруженный в синеву.

Из опрокинутой корзины
струятся ягоды с туманными глазами,
из глаз скрываются в траву..

Черника — смерть! твой отсвет голубиный
потерян в россыпях росы, неосязаем
твой привкус сырости, твой призрак наяву.

Но кровоточит мякоть сердцевины —
прилипла к небу, стала голосами,
с какими в памяти раздавленной живу.

Источник: «Грани», №103, 1977.

* * *

Среди сознательных предметов,
среди колодцев тайной красоты
свободно сердце от порабощенья
и зрительные колбочки чисты.

Убогая хромая мебель,
блаженная одежда в желваках,
немые книги, мертвые газеты —
всё созданное здесь витает в облаках.

В уродливых стенах сокрыта бездна света.
Лишенные уюта, мы согреты
иным теплом — о, этот жар целебен —
вещей, напоминающих о небе.

Они молитва и надежда на прощенье —
немая церковь мироосвященья.

Источник: Вестник РХД, №143, 1984.

Александр Галич

(Справку см. т. 1, кн. 2, стр. 90)

ЗАНЯЛИСЬ ПОЖАРЫ

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.

Анна Ахматова. «Июль 1914»

Отравленный ветер гудит и дурит,
Которые сутки подряд.
А мы утешаем своих Маргарит,
Что рукописи не горят!
А мы утешаем своих Маргарит,
Что — просто — земля под ногами горит,
Горят и дымятся болота —
И это не наша забота!

Такое уж время — весна не красна,
И право же, просто смешно,
Как «опер» в саду забивает «козла»,
И смотрит на наше окно,
Где даже и утром темно.
А «опер» усердно играет в «козла»,
Он вовсе не держит за пазухой зла,
Ему нам вредить неохота,
А просто — такая работа.

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на виду..
И все это было когда-то уже,
В каком-то кромешном году!
Вот так же, за чаем, сидела семья,
И гость, опьяненный пожаром,
Пророчил, что это недаром!

Пророчу и я, что земля неспроста
Кряхтит, словно взорванный лед,
И в небе, серебряной тенью креста
Недвижно висит самолет.

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на крутом рубеже,
И даже для этой эпохи —
Дела наши здорово плохи!
А что до пожаров — гаси не гаси,
Кляни окаянное лето —
Уж если пошло полыхать на Руси,
То даром не кончится это!

Усни, Маргарита, за прялкой своей,
А я — отдохнуть бы и рад,
Но стелется дым, и дурит суховой,
И рукописи горят.
И опер, смешав на столе домино,
Глядит на часы и на наше окно.
Он, брови нахмутив густые,
Партнеров зовет в понятия.

И черные кости лежат на столе,
И кошка крадется по черной земле
На вежливых сумрачных лапах.
И мне уже дверь не успеть запереть,
Чтоб книги попрятать и воду согреть,
И смыть керосиновый запах!

ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне, по утрам, просыпается свет,
Здесь мне все, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома !
Уезжаю из дома !
Уезжаю из дома, которого нет.

Это дом и не дом. Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Добро в сапогах, рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло,
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло.
Все смешалось — Добро, Равнодушие, Зло.

Пел сверчок деревенский в московской квартире.
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло ?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки —
Я себе его сам выбирал по плечу !

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться и добрым, и смелым,
И назначить, при случае, черное — белым,
И веселую ртуть превращать в серебро.

Все причастно Добру,
Все подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки.
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору !..

Первым сдался кофейник :
Его разнесло,
 Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло !
Представитель Добра к нам пришел поутру,
В милицейской (почудилось мне) плащ-палатке...
От такого, попробуй — сбеги без оглядки,
От такого, поди-ка, заройся в нору !

И сказал Представитель, почтительно строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире,
И что сутки на сборы — достаточный срок !

Что ж, прощай, мое Зло !
Мое доброе Зло !
Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло !

Что ж, прощай и — прости !
Набухает зерно.
Корабельщики ладят смоленые доски.
И страницы псалтыри — в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино !

Я растил эту ниву две тысячи лет —
Не пора ль поспешить к своему урожаю ?!
Не грусти !
Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома —
Которого нет !

ОПЫТ НОСТАЛЬГИИ

...Когда переезжали через Неву, Пушкин
шутливо спросил:
— Уж не в крепость ли ты меня везешь?
— Нет, — ответил Данзас, — просто через крепость на
Черную речку самая близкая дорога!
*Записано В.А. Жуковским со слов секунданта Пушкина
— Данзаса...*

То было в прошлом феврале
И то и дело
Свеча горела на столе...
Б. Пастернак

..Мурка, не ходи, там сыч,
На подушке вышит!
А. Ахматова

Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны,
Ни года!
Так зачем же я вдруг при одной только мысли
шалею,
Что уже никогда, никогда...
Боже мой, никогда!..

Погоди, успокойся, подумай —
А что — никогда?!
Широт заполярных метели,
Тарханы, Владимир, Ирпень —
Как много мы не доглядели,
Не поздно ль казнить теперь?!

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина не вина,
Над блочно-панельной Россией,

Как лагерный номер — луна.
Обкомы, горкомы, райкомы,
В подтеках снегов и дождей.
В их окнах, как бельма тархомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.

В их залах прокуренных — волки
Пинают людей, как собак,
А после те самые волки
Усядутся в черные «Волги»,
Закурят вирджинский табак.
И дач государственных охра
Укроет посадских светил
И будет мордастая ВОХРа
Следить, чтоб никто не следил.

И в баньке, протопленной жарко,
Запляшет косматая чудь...
Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!
Я не вспомню, клянусь, я и в первые годы не
вспомню,

Севастопольский берег,
Почти небывалую быль.
И таинственный спуск в Херсонесскую
каменоломню,

И на детской матроске —
Элады певучую пыль.

Я не вспомню, клянусь!
Ну, а что же я вспомню?
А что же я вспомню?
Усмешку
На гладком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце.

Я в грусть по березкам не верю,
Разлуку слезами не мерь.
И надо ли эту потерю
Приписывать к счету потерь?

Как каменный лес, онемело,
Стоим мы на том рубеже,
Где тело — как будто не тело,

Где слово — не только не дело,
Но даже не слово уже.

Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье,
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

А кони?
Крылатые кони,
Что рвутся с гранитных торцов,
Разбойничий посвист погони,
Игрушечный звон бубенцов?!

А святки?
А прядь полушалка,
Что жарко спадает на грудь?
Ужель тебе этого жалко?
Не очень...
А впрочем — чуть-чуть!

Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но — есть — еще — Черная речка...
Об этом не надо!
Молчи!

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь — ты не смейся, — когда я
вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по
февральскому снегу,
По еле заметному следу к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой
зов оглянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...
Послушай, послушай — не смейся, — когда я
вернусь,
И прямо с вокзала, разделавшись круто с
таможней,

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ*

- А. Б. (Михаил Поливанов) **т. 3, стр. 248**
- Авторханов А. Г. **т. 1, кн. 2, стр. 290**
- Адамова-Слиозберг О. Л. **т. 1, кн. 1, стр. 387**
- Айги Г. Н. **т. 1, кн. 2, стр. 64**
- Айхенвальд Ю. М. **т. 1, кн. 2, стр. 19**; т. 2, стр. 699; т. 3, стр. 409
- Аксенов В. П. **т. 3, стр. 343**
- Алданов (Ландау) М. А. **т. 1, кн. 2, стр. 242**
- Алешковский Юз **т. 1, кн. 1, стр. 114**
- Алтаев О. т. 2, стр. 439
- Амальрик А. А. **т. 2, стр. 375**
- Андреев Д. Л. **т. 1, кн. 1, стр. 94**
- Анненков Ю. П. (Борис Тимирязев) **т. 2, стр. 180**
- Аллилуева С. И. **т. 2, стр. 248**
- Аржак Николай см. Даниэль Ю. М.
- Аскольдов С. А. т. 1, кн. стр. 287
- Ахматова А. А. **т. 1, кн. 1, стр. 75**
- Барабанов Е. В. т. 3, стр. 252
- Баркова А. А. **т. 1, кн. 1, стр. 114**
- Баррон Дж. **т. 3, стр. 133**
- Бердяев Н. А. т. 1, кн. 1, стр. 270, 290; **т. 1, кн. 2, стр. 222**
- Бек А. А. **т. 1, кн. 2, стр. 138**
- Белинков А. В. **т. 2, стр. 87, 613**
- Бобышев Д. В. **т. 1, кн. 2, стр. 43**; т. 2, стр. 702
- Богораз Л. И. т. 2, стр. 43, **255, 310, 462**
- Борев Ю. Б. **т. 1, кн. 2, стр. 327**
- Борисов В. М. **т. 3, стр. 253**

* Жирным шрифтом выделены номера страниц, где размещена справка об авторе.

- Бородин Л. И. **т. 3, стр. 174, 394**
- Бродский И. А. **т. 1, кн. 2, стр. 47**; т. 2, стр. 706, т. 3, стр. 405
- Буковский В. К. **т. 2, стр. 65**; т. 3, стр. 120, 147
- Булгаков М. А. **т. 1, кн. 1, стр. 212**; т. 2, стр. 565
- Булгаков С. Н. **т. 1, кн. 1, стр. 272, 291**
- Бунин И. А. **т. 1, кн. 1, стр. 185**
- Бухарин Н. И. **т. 1, кн. 2, стр. 232**
- Валентинов (Вольский) Н. В. **т. 1, кн. 1, стр. 335**
- Вигдорова Ф. А. **т. 1, кн. 2, стр. 262**
- Владимов Г. Н. **т. 1, кн. 2, стр. 134**; т. 2, стр. 84
- Вознесенская Ю. Н. **т. 3, стр. 181**
- Войнович В. Н. **т. 2, стр. 685**; т. 3, стр. 30, 353
- Волошин М. А. **т. 1, кн. 1, стр. 39**
- Вольский Н. В. *см. Валентинов Н. В.*
- Воронель А. **т. 2, стр. 455**
- Высоцкий В. С. **т. 1, кн. 2, стр. 86**; т. 2, стр. 720
- Галансков Ю. Т. **т. 1, кн. 1, стр. 107**; т. 2, стр. 11
- Галич А. А. **т. 1, кн. 2, стр. 90**; т. 2, стр. 725, т. 3, стр. 427
- Гандлевский С. М. **т. 3, стр. 415**
- Генри Э., **т. 1, кн. 2, стр. 335**
- Гершензон М. О. **т. 1, кн. 1, стр. 268, 275**
- Гефтер М. Я. **т. 3, стр. 280**
- Гинзбург А. И. **т. 2, стр. 24**
- Гинзбург Е. С. **т. 1, кн. 1, стр. 375**
- Гладилин А. Т. **т. 3, стр. 356**
- Глазков Н. И. **т. 1, кн. 1, стр. 101**
- Грачев Р. (Вите Р. И.) **т. 1, кн. 1, стр. 450**
- Григоренко П. Г. **т. 2, стр. 107**
- Горбаневская Н. Е. **т. 1, кн. 2, стр. 60**; т. 2, стр. 313
- Горбовский Г. Я. **т. 1, кн. 1, стр. 145**
- Горичева Т. **т. 3, стр. 300**
- Горький М. (Пешков А. М.) **т. 1, кн. 1, стр. 305**
- Гроссман В. С. (И. С.) **т. 2, стр. 640**
- Гуль Р. Б. **т. 1, кн. 1, стр. 331**
- Гумилев Л. Н. **т. 3, стр. 334**
- Гумилев Н. С. **т. 1, кн. 1, стр. 48**

- Даниэль Ю. М. (Николай Аржак) **т. 2, стр. 489**
- Делоне В. Н. **т. 2, стр. 737**; т. 3, стр. 412
- Джилас М. **т. 1, кн. 2, стр. 294**
- Дзюба И. М. **т. 1, кн. 2, стр. 281**
- Евтушенко Е. А. **т. 1, кн. 2, стр. 39, 255**
- Ерофеев В. В. **т. 2, стр. 681**; т. 3, стр. 313
- Ерофеев Виктор **т. 3, стр. 307**
- Есенин-Вольпин А. С. **т. 1, кн. 1, стр. 103**; т. 1. кн. 2, стр. 345, т. 2, стр. 19, 70
- Жигулин А. В. **т. 1, кн. 2, стр. 14**
- Заболоцкий Н. А. **т. 1, кн. 1, стр. 410**
- Загряжский А. А. **т. 1, кн. 1, стр. 122**
- Замятин Е. И. **т. 1, кн. 1, стр. 206**
- Захарова А. Ф. **т. 1, кн. 2, стр. 277**
- Зиновьев А. А. **т. 3, стр. 140**
- Иванов Вяч. **т. 1, кн. 1, стр. 292**
- Изгоев А. С. **т. 1, кн. 1, стр. 276**
- Искандер Ф. А. **т. 2, стр. 576**
- Ивинская О. В. **т. 3, стр. 89**
- Камю А. **т. 1, кн. 1, стр. 474**
- Кёстлер А. **т. 1, кн. 2, стр. 163**
- Ким Ю. Ч. **т. 2, стр. 46, 745**
- Кистяковский Б. А. **т. 1, кн. 1, стр. 278**
- Кондратов А. М. **т. 1, кн. 1, стр. 161**
- Конквест Р. **т. 3, стр. 104**
- Коржавин (Мандель) Н. М. **т. 1, кн. 2, стр. 27**; т. 2, стр. 740
- Корнилов В. Н. **т. 3, стр. 375**
- Короленко В. Г. **т. 1, кн. 2, стр. 211**
- Котляревский С. А. **т. 1, кн. 1, стр. 296**
- Красильников М. М. **т. 1, кн. 1, стр. 149**
- Краснов-Левитин А. **т. 2, стр. 447**
- Красовицкий С. Я. **т. 1, кн. 1, стр. 153**
- Кривулин В. Б. **т. 3, стр. 300, 423**
- Кропивницкий Е. Л. **т. 1, кн. 1, стр. 156**
- Кублановский Ю. М. **т. 3, стр. 418**
- Ленин В. И. **т. 1, кн. 1, стр. 357**; т. 2, стр. 132
- Максимов В. Е. (Самсонов Л. А.) **т. 2, стр. 664**

- Мандельштам Н. Я. **т. 2, стр. 155**
Мандельштам О. Э. **т. 1, кн. 1, стр. 61**; т. 1, кн. 2, стр. 198
Марченко А. Т. **т. 2, стр. 282**
Медведев Ж. А. **т. 2, стр. 135**
Медведев Р. А. **т. 2, стр. 140, 324**
Медведева-Томашевская И. Н. **т. 3, стр. 328**
Мельгунов С. П. **т. 1, кн. 1, стр. 326**
Мнячко Л. **т. 2, стр. 660**
Мороз В. Я. **т. 2, стр. 265**
Муравьев В. Н. **т. 1, кн. 1, стр. 298**
Мэнеску К. **т. 2, стр. 299**
Набоков В. В. **т. 2, стр. 590**
Найман А. Г. **т. 3, стр. 421**
Некрич А. М. **т. 2, стр. 95**
Новгородцев П. И. **т. 1, кн. 1, стр. 297**
Озеров Г. А. **т. 2, стр. 218**
Окуджава Б. Ш. **т. 1, кн. 2, стр. 74**
Орлов Ю. Ф. **т. 3, стр. 191**
Оруэлл Дж. **т. 1, кн. 2, стр. 170**
Осипов В. Н. **т. 2, стр. 369**
Охрименко А. П. **т. 1, кн. 1, стр. 164**
Паперный З. С. **т. 3, стр. 331**
Пастернак Б. Л. **т. 1, кн. 1, стр. 249**; т. 1, кн. 2, стр. 7
Паустовский К. Г. **т. 1, кн. 1, стр. 420**
Пешков А.М. *см. Горький Максим*
Пильняк (Вогау) Б. А. **т. 1, кн. 1, стр. 222**
Пименов Р. И. **т. 3, стр. 78**
Платонов А. (Климентов А. П.) **т. 1, кн. 2, стр. 148**
Подрабинек А. П. **т. 3, стр. 160**
Покровский И. А. **т. 1, кн. 1, стр. 299**
Поливанов М. К. *см. А. Б.*
Померанц Г. С. **т. 2, стр. 395**
Поповский М. А. **т. 3, стр. 58**
Пригов Д. А. **т. 2, стр. 757**
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. **т. 1, кн. 2, стр. 235**
Ронкин В. **т. 3, стр. 286**

- Ромм М. И. т. 1, кн. 2, стр. 257
- Сапгир Г. В. т. 1, кн. 2, стр. 74
- Сатуновский Ян т. 1, кн. 1, стр. 170; т. 2, стр. 744
- Сахаров А. Д. т. 2, стр. 318, 324; т. 3, стр. 187
- Сент-Экзюпери А. т. 1, кн. 1, стр. 231
- Синявский А. Д. (Абрам Терц) т. 1, кн. 1, стр. 457; т. 2, стр. 471
- Слуцкий Б. А. т. 1, кн. 1, стр. 171
- Солженицын А. И. т. 1, кн. 2, стр. 190; т. 2, стр. 80, 334, 519;
т. 3, стр. 33, 109, 243, 254
- Солженицына Н. Д. т. 3, стр. 206
- Соломон Г. А. т. 1, кн. 1, стр. 351
- Струве П. Б. т. 1, кн. 1, стр. 300
- Стругацкие Аркадий и Борис т. 2, стр. 552
- Тагер Е. М. т. 1, кн. 1, стр. 124
- Тарсис В. Я. т. 2, стр. 626
- Твардовский А. Т. т. 1, кн. 2, стр. 54
- Терц Абрам см. Синявский А. Д.
- Тимофеев Л. М. т. 3, стр. 365
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д. т. 2, стр. 147
- Турчин В. Ф. т. 2, стр. 324, 348
- Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
- Урис Л. т. 2, стр. 653
- Уфлянд В. И. т. 1, кн. 1, стр. 179
- Фишер Л. т. 2, стр. 239
- Флоренский П. А. т. 1, кн. 1, стр. 67
- Франк С. Л. т. 1, кн. 1, стр. 284, 302
- Фроловский М. Н. т. 1, кн. 1, стр. 128
- Хармс (Ювачев) Д. И. т. 1, кн. 1, стр. 228
- Хахаев С. т. 3, стр. 286
- Хвостенко А. Л. т. 2, стр. 750
- Хемингуэй Э. М. т. 1, кн. 1, стр. 238
- Холин И. С. т. 1, кн. 1, стр. 177
- Хрущев Н. С. т. 1, кн. 1, стр. 360; т. 2, стр. 221
- Цветаева М. И. т. 1, кн. 1, стр. 54
- Цветаева А. И. т. 2, стр. 208
- Чаадаев П. Я. т. 1, кн. 1, стр. 261

- Чалидзе В. Н. *т. 2, стр. 77*
Чертков Л. Н. *т. 1, кн. 2, стр. 23*
Чирков Ю. И. *т. 1, кн. 1, стр. 131*
Чичибабин Б. А. *т. 1, кн. 2, стр. 66*
Чорновил Вяч. М. *т. 2, стр. 55*
Чуковская Л. К. *т. 1, кн. 2, стр. 126; т. 2 стр. 7, 127*
Шаламов В. Т. *т. 1, кн. 1, стр. 133; т. 1, кн. 2, стр. 101*
Шафаревич И. Р. *т. 2, стр. 352; т. 3, стр. 237, 240*
Штрик-Штрикфельд В. *т. 2, стр. 198*
Шульгин В. В. *т. 1, кн. 1, стр. 317*
Эткинд Е. Г. *т. 1, кн. 2, стр. 275*
Якир П. И. *т. 2, стр. 46, 174*
Якобсон А. А. *т. 2, стр. 308, 410*
Якубович М. П. *т. 2, стр. 120*
Яхимович И. А. *т. 2, стр. 51*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И СБОРНИКОВ*

- 37 **т. 3, стр. 297**
- Авангард **т. 1, кн. 2, стр. 356**
- Белая книга **т. 2, стр. 422**
- Вестник русского христианского движения **т. 2, стр. 438**
- Вехи **т. 1, кн. 1, стр. 270**
- Вече **т. 2, стр. 436**
- Грани **т. 3, 261**
- Евреи в СССР **т. 2, стр. 454**
- Из глубины (De Profundis) **т. 1, кн. 1, стр. 289**
- Из-под глыб **т. 3, стр. 230**
- Коктейль **т. 1, кн. 2, стр. 357**
- Континент **т. 3, стр. 265**
- Метрополь **т. 3, стр. 306**
- Московский сборник **т. 3, стр. 273**
- Общественные проблемы **т. 2, стр. 434**
- Память **т. 3, стр. 271**
- Поиски **т. 3, стр. 277**
- Политический дневник **т. 2, стр. 140**
- Правосудие или расправа? **т. 2, стр. 19, 426**
- Процесс четырех **т. 2, стр. 424**
- Самосознание **т. 3, стр. 260**
- Сахаровский сборник **т. 3, стр. 275**
- Синтаксис **т. 1, кн. 2, стр. 349**
- Сирена **т. 1, кн. 2, стр. 351**

* Жирным шрифтом выделены номера страниц, где размещена справка об издании.

Сумма т. 3, стр. 295

Сфинксы т. 1, кн. 2, стр. 353

Феникс т. 1, кн. 2, стр. 350

Феникс-66 т. 2, стр. 433

Хроника текущих событий т. 2, стр. 27, 429; т. 3, стр. 21, 178, 209, 214

Часы т. 3, стр. 303

Четырнадцать последних слов т. 2, стр. 428

Чу! т. 1, кн. 2, стр. 354

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА, ДОКУМЕНТЫ, МЕМУАРЫ, ЭССЕ

Травля Сахарова и Солженицына	7
1. По материалам секретных документов и советской печати	7
2. Из «Хроники текущих событий»	21
Войнович В. Н., <i>Открытые письма</i>	30
Солженицын А. И., <i>Архипелаг Гулаг</i>	33
Поповский М. А.	58
<i>Житие архиепископа Луки</i>	59
<i>Дело академика Вавилова</i>	64
<i>Русские мужики рассказывают</i>	74
Пименов Р. И.	78
<i>Воспоминания</i>	78
Ивинская О. В.	89
<i>В плену времени: годы с Борисом Пастернаком</i>	89
Конквест Р.	104
<i>Большой террор</i>	105
Солженицын А. И., <i>Бодался теленок с дубом</i>	109
Буковский В. К., « <i>И возвращается ветер...</i> »	120
Баррон Дж.	133
<i>КГБ сегодня</i>	133
Зиновьев А. А.	140
<i>Зияющие высоты</i>	140
Буковский В., Глузман С., <i>Пособие по психиатрии для инакомыслящих</i>	147
Подрабинек А. П.	160
<i>Карательная медицина</i>	160
Бородин Л. И.	174
<i>Судьбы самиздатские</i>	174

Свободный профсоюз – СМОТ	178
Вознесенская Ю. Н.	181
<i>Женское движение в России</i>	181
Сахаров А. Д., <i>Открытое письмо</i>	187
<i>Правительствам стран, подписавших Хельсинкские соглашения от Украинской Хельсинкской Группы</i>	189
Орлов Ю. Ф.	191
<i>Возможен ли социализм нетоталитарного типа?</i>	191
Н.Д. Солженицына, <i>В защиту Александра Гинзбурга</i>	206
Хроника текущих событий, №№ 40, 44	209-33
Из-под глыб	230
А.И. Солженицын, <i>На возврате дыхания и сознания</i>	230
И.Р. Шафаревич, <i>Социализм</i>	237
И.Р. Шафаревич, <i>Обособление или сближение (Национальный вопрос в СССР)</i> ...	240
А.И. Солженицын, <i>Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни</i>	243
А. Б. Направление перемен	248
Е.В. Барабанов, <i>Раскол Церкви и мира</i>	252
В.М. Борисов, <i>Личность и национальное самосознание</i>	253
А.И. Солженицын, <i>Образованщина</i>	254
Самосознание	260
Грани	261
Континент	265
Память	271
Московский сборник	273
Сахаровский сборник	275

Поиски	
<i>Приглашение</i>	278
М. Гефтер, <i>Есть ли выход?</i>	280
В. Ронкин, С. Хахаев, <i>Прошлое, настоящее и будущее социализма</i>	286
<i>Дело «Поисков»</i>	288
Сумма	295
37	297
Виктор Кривулин, Татьяна Горичева, <i>Евангельские диалоги</i>	300
Часы	303
Метрополь	306
Виктор Ерофеев, <i>Время «Метрополя»</i>	307
Ерофеев В. В., <i>Моя маленькая лениниана</i>	313
Медведева-Томашевская И. Н.	324
<i>Стремя «Тихого Дона»</i>	324
Паперный З. С.	331
<i>Чего же ты хочешь?</i>	331
Гумилев Л. Н.	334
<i>Этногенез и биосфера Земли</i>	334
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА	
Аксенов В. П.	343
<i>Остров Крым</i>	343
Войнович В., <i>Иванькиада</i>	353
Гладилин А. Т.	356
<i>Прогноз на завтра</i>	356
Тимофеев Л. М.	365
<i>Ловушка (роман в четырех письмах)</i>	365
Корнилов В. Н.	375
<i>Демобилизация</i>	375

Леонид Бородин	394
«Третья» правда	394

ПОЭЗИЯ

Бродский И. А., <i>Пятая годовщина (4 июля 1977)</i>	405
Айхенвальд Ю. А., <i>Чудо на Ваганькове, «Ненавижу я хозяйку...», «Мне мнилось - будет все не так...»,</i> <i>«Черный снег на белом фоне...»</i>	409
Делоне В. <i>«Есть воля, есть судьба...», «Ветер красной играет листвой», Памяти А. Галича.</i>	412
Гандлевский С. М.	415
<i>«Самосуд неожиданной зрелости...», «Что-нибудь о тюрьме и разлуке...»</i>	415-17
Кублановский Ю. М.	418
<i>«Россия, ты моя...», Сверчок, «Сын, мужавший за семью замками...»</i>	418-20
Найман А. Г.	421
<i>Памяти Юрия Галанскова, «Увы, дряхлеет Рим...»</i>	421-22
Кривулин В. Б.	423
<i>Флейта времени, Обряд прощания,</i> <i>Черника, «Среди сознательных предметов...»</i>	423-26
Галич А. А. <i>Занялись пожары, Заклинание Добра и Зла,</i> <i>Опыт ностальгии, Когда я вернусь</i>	427-33
Алфавитный указатель авторов	435
Алфавитный указатель периодических изданий и сборников	441

**Антология самиздата.
Неподцензурная литература в СССР.
1950-е - 1980-е гг.**

Том 3.

Под общей редакцией
Вячеслава Владимировича Игрунова

Автор проекта и составитель
Марк Шиович Барбакадзе

Редактор
Елена Семеновна Шварц

Корректор *Д.А. Шалаева*
Оформление *Е.С. Шварц, Г.В. Игрунов*
Верстка *Е.С. Шварц, Г.В. Игрунов*
Тех. редактор *Г.В. Игрунов*

Международный институт
гуманитарно-политических исследований
Москва, Газетный пер., 5

Подписано в печать 01.03.2005
Усл. печ. л. 36,4. Формат 70x100^{1/16}
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 4900 экз. Заказ № 2423

Книга отпечатана с готовых диапозитивов в ПФ «Полиграфист»
160001, Россия, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Будущему поколению руководителей партии.

Ухожу из жизни. Опускаю голову перед пролетарской секирой, должно быть беспощадной, но целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь своей беспомощностью, обладает исполнилской силой, вероятно, методом клеввету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постенно ушли в прошлое замечательные традиции ЦК, когда революционная идея руководила всеми её действиями оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всякой контрреволюции. Поэтому органы ЦК заслужили особое доверие, особый почёт, авторитет и уважение.

В настоящее время, в своем большинстве, так называемые органы НКВД, это - переродившаяся организация безидейных, разложившихся хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЦК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой, творит свои гнусные дела, к стати, не понимая, что уничтожают сами себя - историю.

Любого члена ЦК, любого члена партии эти "чудодейственные органы" могут стереть в порошок, превратить в рпеделателя - террориста диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усумнился в себе, - подтверждение последовало бы немедленно.

Грозные тучи нависли над партией. Одна моя ни в чём не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать "бухаринскую организацию", в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но и не существовавшая и тогда, - в годы правящей оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Томским и Рыковым открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает мое имя. В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает мое имя. В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает мое имя.

Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и методиках построения социализма я не раз ошибался - судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич.

дальше вперед вместе с поколением

бессудные события. Для того, чтобы...

...можно цитировать авторов...

...по приказу Фердинанда Второго...

...способные управлять д...

...враги образованности, сами не...

...Потом...

...в городах и...

...не имеем ни естес...

...Товествование...

...на 22 августа 1969 го...

ПРАВА
А.А. Сидоров

Выступление И РОМА на пленуме ВТО

Я решил прийти сюда, в эту неприглядную для меня аудиторию, потому что, мне кажется, сейчас наступило время серьезный отчет в том, что у нас происходит. Тема это "Традиции и новаторство" дает мне повод говорить об этом.

Передо мной очень темпераментно и хорошо выступил какой-то товарищ из Воронежского театра т. Добринин. Он рассказал о том, как он протестует против остатков Сталинизма. Он рассказывает о районном начальстве, которое построило костер на террасе санатория, да еще закатило в санатория за попытки протестовать. Яркий пример, ротин советует вызвать Леснова в ЦК и протестовать пьесу. А если сейчас у Леснова другие творческие задачи, то Леснов сейчас же не хочет работать в театре? По сути дела, если он сейчас не хочет работать в театре, то Леснов сейчас же не хочет работать в театре?

Вы не знаете, т. Добринин, что этот путь не единственный? А других путей нет? Вы не знаете, т. Добринин, что этот путь не единственный? А других путей нет? Вы не знаете, т. Добринин, что этот путь не единственный? А других путей нет?

В течение многих лет пытались изобрести танцевальную форму. Он называется "Прогулка"

В. Г. ...
УДУЖЕЕ СОЦИАЛИЗМА
тенденция опровергать социализм,
удерживать собственность на средст-
ва положеие одной партии и идеологии.
меллстических учений, существующих с
то, что глазами в социалистической идео-
логии Гречин * как реакция на развитие
и вникающих отсюда отчуждений и наупере-
идеологии ставили своей целью решить пробле-
ликвидации влияния с помощью социально-
отдельном случае мог иметь
ического характера, причём
вельными, чем соци-
только рели-
ого

Их, редакция в своем читательском
лит, обращаясь в своем читательском
вешности и работникам международной прессы.
Напомним, что в последние время усиливает
на свободную прессу в СССР. В частности, и печать
известного журнала: после январских событий, которые она по-
издателей, многократная полоса новых преследований.
те-переле началась партия - вклучно - 73-летняя
исключена из партии "КПСС", член ЦКСС с 19
на редакторов журнала "КПСС", член ЦКСС с 19
Администрацией института, пришло решение
комитет философии и литературы профессора, его
Слободенко местным комитетом профессора, его
круп сумму на ст. 234 кодекса законов о тру
поступила". При этом аморальной поступком
вполне спок выгладе в свободной печати,
аналогическими в на про-суде, дано
Навбольшим
расм АБРА
12
С

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ИНСТИТУТЕ НАРОДОВ АЗИИ
(ВОСТОКОВЕДЕНИИ)**

Перед тем, как начать читать главы из "Ракового корпуса",
Исаевич сказал:
Я закончил первую часть этой повести весной. Предложил ее
какой организации и рекомендована к печати, но это не значит,
будет напечатана. Судьба ее мне не ясна.
он Русанова.
ерыв.
рчит на вопросы.
(В.): Почему "Новый мир" отказался печатать "Раковый
корпус"?

(О.): Потому что "Новому миру" труднее, чем кому-либо
напечатать.
кие у вас сейчас отношения с редакцией "Нового мира"?
понимаю положение "Нового мира" и у меня нет никаких
ид к редакции. Я отношусь к ней так же хорошо, как и
езде.
ему вы пишете о раковом корпусе (в смысле о раке
..... (пропуск). Я сам отдавал концы и знакомые
врачи откровенно говорили, что осталось жить м
недалеки. Эта тема мне хорошо знакома.
не нравятся эпизод с кислородной подушкой. О
смысл.
у смешается, пожимает плечами, О
и? Жизнь... и все!

можно сделать, чтобы ваши книги приходили
делам? Что вы написали? Будет ли это н
и где? Что случилось с пьесой в Совде
вещи лежат в издательствах? (Вопросы
у я изменил свое решение не давать ин
ном темпе жизни, когда времени в об
исать, а не отвечать на вопросы.
сейчас остаюсь при том же убежде
арным, если произведения писателя
через критику, через письма чит
контакт с аудиторией. В течени
дня Ивана Денисовича" поток
они были не только о
количество материала, котор
е года я не писал, а толь
дние 4 года мои вещи не
я неправ, полностью о
? Я вынужден обстанов
до почувствовать реак
обходимо защитить свое авт
обходимо защитить свое авт
есть роман "В круге первом" - 3
4 г. "Новый мир" принял его. Есть
а" и повесть "Раковый корпус". Есть
пьесу ставить, но... не удалось! Эта пь
агерь, но не похожий на тот, который описан
совиче". Здесь живут вместе и политические, и
женщины, и воры.
"В КРУГЕ ПЕРВОМ" стал достоянием организации,
привзвана опекать художественную литературу. Мой

**СОБЕДИЕНИЯ
ЗА ПРАВА Ч**

— Какое значение имеют сегодня соборы 1988 го
и какие значения они оказали на развитие СССР и други
— В течение этого последнего десятилетия мало соос
отдельных значащих и выделкой следили на тем, как в Чехословаки
всоздавались от его тоталитаризма. Миллионы людей во всем
жизни свободы и демократии.
как эта страна вырвалась из-под гнета и распространены инфор
оценки; как она стала таковой.
дого отдаленной личности.
агрессия соседних государств, интуитивных тем, что станется под по
рос устойчивости их тоталитарных режимов, а следовательно и унижен
ная, также соборы в Чехословакии были бы означать для их собствен
ние народы.
Этот интервенция Советского Союза и четырех стран Карпатского
пакта весьма своеобразная реакция на четырех летних аспектов тоталит
рима, одна из главных особенностей нашей эпохи.
объяв в Чехословакии взгляды воспринимая и на социализм с член
тоталитаризму и что с ним можно полагать, что существует альтернатива
критики на идеи тоталитарности.
частны людьми до-статочности за права человека, на социализм с член
что на всеобщее пользование за права человека, на социализм с член
замышленного ульянского за права человека, на социализм с член
даже политический ульянского за права человека, на социализм с член
такого развала, как ныне, не будь войны, а пот

Этот
данный
летние
осле
его
защит
соби
визи
начат
французского.

Этот
данный
летние
осле
его
защит
соби
визи
начат
французского.

В 60-е годы появился знаменательный анекдот:

- Бабушка, ты зачем "Войну и мир" на машинке перепечатаешь?
- Для внука стараюсь. Он ничего кроме самиздата не читает.

Самиздат был импульсивной реакцией нашего поколения на тотальную несвободу.

Юлий Ким,
писатель, драматург, бард

Послевоенное семилетие — годы впервые за все советское время остановленной литературной эволюции: нового литературного качества не порождается, идет штамповка одних и тех же образцов. Именно литературный Самиздат запустил в середине 50-х годов маятник остановленного механизма. Часы литературы пошли.

Мариэтта Чудакова,
литературовед, культуролог

В 1960-80-е годы самиздат казался информационным протезом той части общественной жизни, души и тела, которую, по мнению начальства, следовало ампутировать и объявить несуществующей. Для авторов, издателей и читателей самиздата его существование было способом воссоздания этой усеченной реальности во всей ее полноте, мостом в запрещаемое духовное прошлое, в мир, находившийся за строго охраняемыми границами одной шестой и органическим, т.е. свободным способом рассуждений о будущем.

Теперь кажется уже общепризнано: этот культурный феномен — неотъемлемая часть советского прошлого, которое не может без него быть понятым и осмысленным.

Владимир Тольц,
сотрудник "Радио Свобода"

ISBN 5-89793-034-1

9 785897 930340